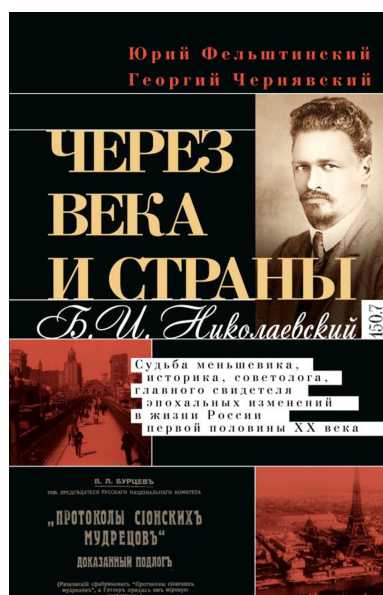

**Юрий Георгиевич Фельштинский, Георгий Иосифович
Чернявский**

**Через века и страны. Б.И.
Николаевский. Судьба меньшевика,
историка, советолога, главного свидетеля
эпохальных изменений в жизни России
первой половины XX века**

Предисловие

Имя героя этой книги неизвестно широкому читательскому кругу в России и за ее рубежами, что очень огорчительно, так как речь идет о человеке, оставившем свой след в истории; о герое, не раз сознательно рисковавшем не только своим благополучием, но и жизнью. Так было в России и при царизме, и в годы Гражданской войны, и в Германии непосредственно после прихода к власти Гитлера, и во Франции, когда значительная часть страны, включая Париж, была оккупирована нацистами. А разве 60 лет самоотверженной научной деятельности, кропотливого, почти детективного поиска участников исторических событий и сохранившихся у них свидетельств, создание драгоценного архива документов нельзя назвать научным подвигом?

Между тем жизни и деятельности Бориса Ивановича Николаевского посвящены лишь несколько небольших научных статей. Правда, ссылки на его документальную коллекцию и на его труды в исторической литературе встречаются довольно часто, но ведь никто, кроме узких специалистов, на них обычно не обращает внимания.

Сын священника, Борис Иванович Николаевский (1887–1966) учился в гимназии в

Самаре и в Уфе. В 1903–1906 гг. – большевик, затем меньшевик. В 1904 году, будучи гимназистом, был впервые арестован за принадлежность к молодежному революционному кружку, судим за хранение и распространение нелегальной социал-демократической литературы. В тюрьме провел несколько месяцев.

В общей сложности до революции арестовывался восемь раз, правда, на короткие сроки. Дважды отпущался по амнистии 1905 г., и лишь в третий за годы первой русской революции арест приговорен, наконец, к двум годам. Бегал из тюрем, три раза ссылался. Революционной деятельностью занимался в Уфе, Самаре, Омске, Баку, Петербурге, Екатеринославе. В 1913–1914 гг. работал в легальной меньшевистской «Рабочей газете» в Петербурге. После революции, в 1918–1920 гг., как представитель ЦК меньшевиков ездил с поручениями от партии по всей России. С 1920 г. – член ЦК партии меньшевиков. В феврале 1921 г., вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии, арестован и после одиннадцатимесячного заключения выслан из РСФСР за границу. В эмиграции (в Германии, Франции и США) продолжал принимать активное участие в политической деятельности партии меньшевиков. Постановлением от 20 февраля 1932 г. лишен, вместе с Троцким и рядом других эмигрантов, советского гражданства.

Однако политическая деятельность Николаевского не была в его жизни главным. Николаевский был прежде всего историк, и его заслуга перед Россией и русской историей состоит в том, что начиная с 1917 г. он собирал, хранил (и сберег для потомков) бесценнейшую коллекцию архивных материалов. Уже вскоре после Февральской революции, когда революционеры по всей стране громили центральные и местные архивы (особенно полицейские), Николаевский, как представитель ЦИКа Советов, вошел в комиссию по изучению Архива департамента полиции. В 1918 г. вместе с П.Е. Щеголевым он составил проект организации Главного управления архивным делом. Именно Николаевский убедил тогда большевика Д.Б. Рязанова взяться за спасение архивов. В 1919–1921 гг. Николаевский стоял во главе историко-революционного архива в Москве, выпустил ряд книг по истории революционного движения в России и на Западе.

Как социал-демократа Николаевского в первую очередь интересовала история революционного движения в России и в Европе. Но его интересы как историка шли далеко за пределы ограниченного узкими рамками социал-демократии спектра. Он был чуть ли не единственным меньшевиком, сумевшим понять трагедию власовского движения и оправдать его (чем обрушил на свою голову многочисленную критику однопартийцев). Его способность списываться с людьми самых разных политических взглядов, от монархистов до коммунистов, заставляя их относиться к нему как к историку с полным доверием, убеждать их в необходимости немедленно сесть за написание мемуаров или же за подробные ответы на тут же составленные Николаевским бесчисленные и конкретные вопросы – не может не поразить каждого, кто сегодня работает с собранными Николаевским архивами. Настолько, насколько было возможно в те годы, он знал всё, всех и всё обо всех. За справками к нему обращались писатели, историки и публицисты из разных уголков мира. И почти всегда получали от него толковые и конкретные ответы. Он обладал уникальной, почти фотографической памятью и был ходячей энциклопедией русской революции.

Но меньшевик Николаевский не смог бы завоевать столь безусловного доверия расколотой русской эмиграции и даже командированных за границу советских коммунистов, если бы его личные этические стандарты, как историка и собирателя архивов, не стояли над политикой и над потребностями момента. Посвященный во многие

человеческие и политические тайны своего времени, он ни разу не позволил себе погнаться за сенсацией и опубликовать ставший ему доступным материал в ущерб интересам своего информатора.

Как собиратель архивов, Николаевский оставил нам восемьсот с лишним коробок архивных материалов. Сегодня они хранятся в Гуверовском институте при Стенфордском университете (Пало-Алто, Калифорния, США). Как историк и публицист, Николаевский опубликовал бесконечное множество статей на русском и основных европейских языках. Уделяя много времени архивам, переписке с людьми и политической и публицистической деятельности, он был менее продуктивен как автор собственных толстых книг. Его самая известная книга – о Евно Азефе, написанная в 1932 г., с традиционной точки зрения, сегодня не кажется очень ценной. Много позже Николаевский пришел к новым, очень важным, даже сенсационным выводам, что Азеф провокатором не был, а был полицейским агентом и аккуратно передавал информацию о готовившихся террористических актах директору департамента полиции А.А. Лопухину. Именно Лопухин, чуть ли не в сговоре с премьер-министром русского правительства С.Ю. Витте, прятал эту информацию под сукно и таким образом умышленно допустил несколько террористических актов. Об этом Николаевскому сообщила вдова Лопухина, с которой Николаевский беседовал уже в эмиграции. Эти данные Николаевский собирался использовать в новом издании книги: «У меня подобралась неизданные материалы о Лопухине и его отношениях с Витте (в связи с большой борьбой между Витте и [министром внутренних дел В.К.] Плеве)... Много нового и важного материала, который я охотно дал бы в качестве особого введения и добавления», – писал Николаевский. Однако разработать эту тему Николаевский не успел. Новое издание «Азефа» опубликовано не было.

Не имея времени и усидчивости для создания масштабных исследований, Николаевский, однако, был исключительно активен как публицист и историк. Им были написаны сотни статей и заметок, подготовлены к печати публикации архивных документов и воспоминаний. Он редактировал журналы и сборники, согласовывал публикации и договаривался об интервью. Трудно представить себе, где находилась бы русская эмигрантская пресса, если бы Николаевский не был ее частью. В послевоенные годы он переключился в основном на современность, стал советологом. Его интересовали прежде всего феномен сталинизма и новое поколение сталинцев, например Маленков. С неугасаемой энергией и энтузиазмом он был вовлечен во всю эту работу до самой своей смерти.

Несколько слов о том, что написано о Николаевском. Существуют две энциклопедические статьи [1 - Розенталь И. Николаевский Борис Иванович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 396–397; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 458–459.]. Первая статья, дающая общее представление о творческом пути персонажа и называющая массу его псевдонимов, фиксирует важнейшую черту Николаевского: «Современники отмечали исключительную эрудицию, безукоризненную точность и феноменальную память Николаевского». В статье есть, правда, мелкие неточности (например, Николаевский не был делегатом V съезда РСДРП, как указывает автор; не верно, что большая часть его архива в 1940 г. была захвачена нацистами). Но по крайней мере, эта статья превратила Бориса Ивановича в «энциклопедическую фигуру». Вторая

статья существенно дополняет первую, сообщает данные об архивных фондах, в которых имеются материалы Николаевского, но в соответствии с характером издания фиксирует основное внимание на периоде эмиграции.

Немногим больше по объему обзорная статья А.П. Ненарокова, кратко осветившего вклад Николаевского в историческую науку, не связывая, впрочем, историографический аспект с биографическим и касаясь главным образом историографии русского зарубежья [2 - Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья // История русского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). М., 2004. С. 142–149 (треть статьи составляют сноски).]. В качестве историографических фактов в этой статье рассматриваются источники личного происхождения – письма, касающиеся в основном текущих дел меньшевистской эмиграции, а не анализа истории эмиграции. Вообще, по мере изложения автор, сознательно или нет, перешел с основной темы статьи на историю политических расхождений в среде меньшевистских группировок за рубежом. Видимо, в этом сказалась основная направленность творческой работы Ненарокова, связанной с публикацией документального наследия меньшевистской партии после 1917 г., увенчавшейся серьезными достижениями [3 - Большевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2000. К жизни и творчеству Николаевского видный источниковед, архивист и археограф А.П. Ненароков обращался неоднократно, посвятив ему непосредственно или же в контексте деятельности других меньшевистских руководителей целый ряд документальных публикаций и очерков, которые были нам весьма полезны при написании этой биографии.]. Завершая свою статью о Николаевском, Ненароков пишет: «Вклад Б.И. Николаевского в изучение истории русского зарубежья велик и заслуживает специального исследования. Данная же статья преследует цель более скромную – привлечь внимание к этой стороне творческого наследия Николаевского, весьма неординарного человека, роль которого как историка русского зарубежья до сих пор специально не рассматривалась» [4 - Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья. С. 147.]. С этим нельзя не согласиться.

Единственной более или менее объемной биографической работой является книга уфимского краеведа Флюры Ахмеровой [5 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... Россия, перед тобой: Николаевский Борис Иванович (1887–1966). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2003.]. Оценивая эту публикацию, следует прежде всего приветствовать смелость, с которой периферийный краевед взялась за тему, требующую анализа архивных и прочих источников ряда стран. Не случайно основная часть книги (примерно две трети) посвящена российскому периоду жизни Николаевского, хотя его основная деятельность развернулась именно за рубежом (американскому периоду посвящены три страницы). Но в целом такая структура книги – не вина, а беда автора, которая попыталась обследовать различные российские архивные фонды, в том числе и труднодоступные. Что же касается зарубежного периода деятельности Николаевского, то он Ахмеровой почти не освещен (судя по книге, за российскими рубежами ей поработать не довелось), хотя некоторые документы из Гуверовского института войны, революции и мира она смогла получить по заказу [6 - В то же время почти не использован такой фундаментальный источник, характеризующий творчество Николаевского, как журнал «Социалистический вестник» (а он в российских библиотеках имеется). В книге немало элементарных ошибок, опять-таки прежде всего по периоду эмиграции. Так, автор считает, что Николаевский умер в Нью-Йорке (на самом деле – в Калифорнии, где и похоронен). Однако, несмотря на известный примитивизм и аналитические

несовершенства, многочисленные ошибки и неточности, книга Ф. Ахмеровой полезна прежде всего как биографическо-краеведческая работа.]

Должное Николаевскому отдадут некоторые западные исследователи, которые черпали информацию из богатейших фондов его архивной коллекции или из консультаций с ним. Так, И. Гетцлер, биограф лидера российских меньшевиков Ю.О. Мартова, в своей книге сообщает о письме В.И. Засулич Г.В. Плеханову 1893 г.: «Господин Николаевский датировал это письмо и привлек к нему мое внимание». В другом месте Гетцлер пишет по поводу статей Мартова в сибирских газетах конца XIX в., что они были найдены Николаевским и в результате этого стали ему доступны [7 - Getzler I. Martov: A Political Biography of a Russian Social-Democrat. Melbourne University Press, 1967. P. 20, 38.]

В то же время в западной историографии много книг, упущением которых является пренебрежение к коллекции Николаевского, содержащей огромное количество первоисточников по изучаемому ими вопросу [8 - См., например: Brovkin V.N. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987. Имя Николаевского просто отсутствует в индексе этой книги.]. Отчасти это является результатом свойственной части американских историков мнения, что эмигрант в принципе не может стать видным специалистом по истории своей страны, так как он пристрастен и предвзят, что мешает объективному анализу [9 - В среде американских историков можно наблюдать прямо противоположные мнения касательно роли российских эмигрантов в разработке истории своей страны. Ф. Флерон дал резко отрицательную оценку исследованиям эмигрантов вообще, заявив, что в этой среде доминировал идеологический подход (Fleron F. Soviet Area Studies and the Social Sciences: Some Methodological Problems in Communist Studies. – Soviet Studies, 1968, January). В то же время для П. Бернса реализация знаний и умений эмигрантов из России является славной страницей американского академического мира (Byrnes R. A History of Russian and East European Studies in the United States: Selected Essays. Lanham: University Press of America, 1994).]. Не случайно в единственном издании, появившемся в США в результате так называемого Меншевицкого проекта, Николаевский рассматривается почти исключительно как участник политических событий, но не как их исследователь [10 - Признание заслуг таких историков, как М.М. Карпович или Г.В. Вернадский, включение их в число «американских исследователей» является исключением.].

Таким образом, подлинного полного жизнеописания видного российского историка и общественного деятеля все еще нет, что и обусловило решение авторов этой книги написать биографию Николаевского. Мы положили в основу работы прежде всего документы его огромной коллекции, хранящиеся в Гуверовском институте [11 - См. ее описание: Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Part 1. Compiled by Anna M. Bourgina and Michael Jakobson. Part 2. Compiled by Michael Jakobson. Hoover Institution, Stanford University, 1989. 755 p.]. В ней содержится обширная личная документация и переписка, дающая возможность воспроизвести многие факты и детали жизненного пути Бориса Ивановича и его взгляды по принципиальным проблемам новой, современной и текущей истории. В коллекции Николаевского в Гуверовском институте находятся также фонды десятков политических и общественных организаций, их руководителей, участников событий, деятелей культуры, дающие масштабное представление о широте и многогранности научных интересов историка.

Важные материалы можно также обнаружить в Библиотеке редких книг и рукописей

Колумбийского университета (Нью-Йорк). Помимо обширной переписки с Николаевским многих российских эмигрантов, хранящейся в фондах Бахметьевского архива, здесь находятся еще и бумаги Меншевистского проекта – широко запланированного, но только отчасти осуществленного коллективного собирательско-исследовательского труда. Особенно важны для нас были 24 интервью, взятые Л. Хеймсоном у Николаевского в первой половине 60-х годов [12 - Шесть из них в выжимке, доведенные только до революции 1905–1907 гг., были опубликованы в книге, подготовленной Хеймсоном и другими участниками проекта (*The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past*. L.H. Haimson and others, ed. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 214–292). Значительно большую ценность представляет первичный материал – стенограммы этих интервью, объем которых составляет в совокупности приблизительно 40 печатных листов.].

В небольшом личном фонде Николаевского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) нам полезны оказались, с одной стороны, переписка Николаевского с Институтом Маркса и Энгельса в Москве (ИМЭ), его руководителем Д.Б. Рязановым, с эмигрантскими изданиями и деятелями; с другой – материалы, дающие представление о характере деятельности Николаевского в Германии в 20-х годах. Здесь имелись также отдельные рукописи, черновики и чистовики статей [13 - В основном в фонде Николаевского в ГАРФ находятся разного рода оттиски и вырезки из научных и публицистических журналов.]. Одновременно фонд ГАРФ отражает, правда в самых общих чертах, сотрудничество Бориса Ивановича с Русским заграничным историческим архивом, созданным русскими эмигрантами в Праге (этот архив был после Второй мировой войны передан правительством Чехословакии СССР и ныне является составной частью ГАРФ) [14 - Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 9217. В фонде 164 единицы хранения почти исключительно эмигрантского происхождения.]. Таким образом, в существенной своей части настоящее исследование базируется на архивных материалах, не доступных (в силу удаления) российским читателям и исследователям.

Важнейшим источником изучения биографии историка и политолога являются, разумеется, его произведения. Они становятся незаменимым первоисточником, характеризующим творческий процесс и его результаты. Мы стремились рассказать по возможности подробно об основных научных и публицистических трудах Николаевского, выпущенных отдельными изданиями как на русском, так и на иностранных языках. К исследованию были привлечены и другие тексты – партийно-политическая документация, пресса и воспоминания людей, которые общались с Николаевским и оценивали его действия.

Хочется особенно отметить документальную публикацию по истории российского социал-демократического движения. Борис Иванович смог проделать основную часть работы по подготовке массива документов к печати, их структурированию и детальному комментированию, написал обширное введение к первой части публикации, но завершить и издать эту важную работу, являвшуюся венцом его научного творчества, ему помешали болезнь и смерть. Полагая, что за прошедшие с тех пор более чем полвека документы отнюдь не утратили своего научного значения, мы взяли на себя труд завершить дело, начатое замечательным человеком и ученым [15 - Документы опубликованы авторами этой книги в журнале «Вопросы истории» (см.: Вопросы истории. 2010. № 6 и последующие номера 2010–2012 гг.)].

Изучая это произведение, а затем осуществляя археографическую его подготовку к печати (в частности работая над предисловием и комментариями), мы вновь и вновь убеждались в исключительной научной добросовестности, энциклопедических знаниях, великолепном стиле изложения, свойственных Николаевскому, которые проявились в этой незавершенной работе [16 - Нами были использованы не только письма Николаевского, хранящиеся в архивах, но и его переписка с видным российским и грузинским политическим деятелем – меньшевиком И.Г. Церетели, первая часть которой (1923–1930 гг.) недавно опубликована группой историков под руководством А.П. Ненарокова в серии «Русский революционный архив», основанной в 1923 г. самим Николаевским и теперь возрожденной по инициативе прежде всего Ненарокова (см.: Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. / Вып. 1. Письма 1923–1930 гг. Отв. ред. А.П. Ненароков. М.: Памятники исторической мысли, 2010). В рамках серии в 2006–2009 гг. вышли тома документов П.Б. Аксельрода, А.Н. Потресова, А.М. Калмыковой, Г.В. Плеханова и др.].

Мы старались не идеализировать Николаевского ни как общественного деятеля, ни как публициста, политолога и историка. Он был живым человеком со своими достоинствами и недостатками, которые мы отнюдь не стремились скрыть. Но все его недостатки сполна перекрывались тем вкладом, который внес в историю современности герой этой книги.

Борис Иванович Николаевский скончался в 1966 г., оставив незавершенными многочисленные свои проекты по изданию книг и исторических сборников. Его бесценное архивное собрание – лучший памятник умершему историку.

Глава 1

РОССИЯ ДО 1917 г.

Башкирская провинция

Борис Иванович Николаевский родился 8(20) октября 1887 г. в городке Белебее (этот город находится в нынешнем Башкортостане) в семье православного священника. Священнослужителями были и несколько поколений его предков по отцовской линии. Судя по рассказам отца, в роду Николаевских насчитывалось не менее восьми поколений служителей христианства. В бумагах, которые были выданы Борису при его высылке за пределы советской России в 1922 г., был ошибочно проставлен 1883 год рождения [17 - Columbia University (New York City), Rare Books and Manuscript Library, Menshevik Project, Personal Files (далее: МР), box 21, folder 19.]. Отсюда подчас возникала путаница – некоторые авторы «старили» его на четыре года.

По мнению самого Николаевского, городок имел чисто русский характер. Через много лет Николаевский вспоминал шутку, услышанную им еще в детстве, что население Белебея составляло 3333 человека, из которых 3000 русских, 300 татар, 30 чувашей и 3 еврея.

Но в данном случае, верный своему принципу все связанное с историей проверять документами, он себе изменил, видимо не считая ни национальный состав жителей городка, ни в целом его прошлое заслуживающими внимания. Между тем, как почти

каждый населенный пункт, Белебей имел свою оригинальную и небезынтесную историю.

Поселение чувашей на месте будущего города было основано, согласно данным местных краеведов, отраженным в городском историко-краеведческом музее, в первой половине XVIII в. на территории Оренбургской губернии. Соответствующая легенда гласит, что деревня Белебеево получила название по имени ее первого жителя, хотя, конечно, как все легенды, эта версия наивна – ведь не один же человек ее основал. Место было удобным – здесь протекала небольшая река (ее также называли Белебей), которая возле деревни впадала в реку Усень – приток Камы. Не очень далеко (180 километров) было до сравнительно крупного уже в то время города Уфы (позже, в 1785 г., Оренбургская губерния будет разделена на две – Оренбургскую и Уфимскую, и Белебей будет отнесен к последней).

Поселение росло, и в 1757 г. указом императрицы Екатерины II село Белебеево было переименовано в заштатный город. Еще через четверть века, в 1781 г., последовал новый высочайший указ, объявивший Белебей уездным центром – городом Уфимского наместничества.

Этому, правда, предшествовало немаловажное событие – во время пугачевского бунта 1773–1775 гг. отряд местных чувашей присоединился к повстанцам. Они сожгли несколько богатых домов и деревянную церковь, правда, после этого не знали, что делать, и далеко от города не ушли. Чувашские бунты, в основном на религиозной почве (язычники протестовали против принудительного крещения), продолжались, однако, и в следующие годы, в результате чего в 1881 г. все чуваша были из города выселены. Им была отведена территория поблизости, на которой было основано село, которому власти дали звучавшее презрительно наименование Малая Белебейка. Прошло, однако, еще несколько десятилетий, и это село слилось с городом, так что он вновь стал преимущественно нерусским.

В конце XIX в. занятия и особенно уклад жизни большинства горожан ненамного отличались от быта сельчан. Да и архитектура Белебея являла собой унылое однообразие. Про такие поселения, даже если они носят статус города, говорят: большая деревня. Действительно, он был сплошь застроен одноэтажными деревянными домишками с редким вкраплением двухэтажных зданий. Крыши домов в основном были тесовыми и железными, изредка, преимущественно на окраинах, встречались лубяные и даже соломенные. Правда, главные улицы города – Большая Уфимская и Коммерческая – отличались от сельских тем, что были довольно длинными и замощены камнем. Так что стук колес проезжавших по ним экипажей и телег издавал «шум городской». Кроме того, именно здесь находились чуть большие по размерам административные здания.

Краевед Ф. Ахмерова пишет: «В центральной части Белебея возвышалась старая Михайло-Архангельская церковь, сверкало окнами новое здание казначейства, угрюмо чернела тюрьма. Большая базарная площадь, заполнявшаяся мелкими торговцами в определенные базарные дни, разместилась здесь же – в центре» [18 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 9].

Основную массу жителей Белебея составляли крестьяне, переселившиеся после отмены крепостного права из сел и деревень в поисках лучшей доли. Некоторой части «новых горожан» повезло: кто-то вошел в сословие мещан или даже купцов, что означало подъем вверх по официальной иерархии гражданского состояния. Большинство горожан

принадлежало именно к мещанскому сословию. Его представители занимались ремеслом и торговлей, могли улучшать свое материальное положение, но не настолько, как купцы или тем более дворяне.

Выбившиеся из крестьян мещане снисходительно и пренебрежительно относились к деревенским мужикам и бабам, завидовали «белой косточке» – дворянам. Мещане не имели возможности получить достойное образование, приобщиться к подлинно высокой культуре, обустроить свой быт по меркам высшего света, но вчерашний крестьянин всячески подражал образу жизни последнего, окружал себя тем, что казалось ему культурой: покупал рисованные ковры с лебедями и замками, блестящие «драгоценности», в разговорах к месту и не к месту применял заморские выражения, обычно не понимая их смысла.

Условия труда наемных работников были изнурительными. Рабочий день достигал 12–14 часов в сутки. Об оплачиваемом отпуске и не мечтали, так же как и о пособии по временной нетрудоспособности и тем более о пенсии по старости. Поденщик на хозяйских харчах работал за 25–30 копеек в день, на своем харче – за сорок– пятьдесят, иногда за шестьдесят. Прислуга зарабатывала 5–6 рублей в месяц.

Естественно, была в Белебее и верхняя прослойка горожан – немногочисленные чиновники казенных учреждений, служащие земства, купцы и предприниматели – владельцы магазинов, небольших промышленных предприятий, а также адвокаты, агрономы, агенты страховых компаний, врачи, преподаватели начальных и средних учебных заведений. Именно к этой категории относился отец Иоанн – родитель Бориса.

Большой промышленности в городе не было, имеющиеся предприятия, по существу, были ремесленными мастерскими или же кожевенными и кирпичными заводиками. Значительная часть горожан по совместительству занималась сельским хозяйством – на приусадебных участках и за городом выращивали овощи, картофель, нередко и зерновые. Во дворах держали скотину – коров, свиней, птиц, многие имели лошадей. В этом отношении представители привилегированных сословий, в том числе и семья Николаевских, мало чем отличались от основной массы населения.

Что же касается национального состава, то судить о нем можно лишь приблизительно, ибо официальные данные относятся в целом к Белебеевскому уезду. Согласно переписи 1897 г., башкиры составляли вместе с мещеряками (мищарами) 50 процентов населения; около 10 процентов жителей были названы татарами; 6 процентов – чувашами; 1,5 процента – черемисами (так называли марийцев); 1,1 процента – мордвой. Русское население составляло 16,6 процента, причем значительное количество русских появилось в уезде в последние 15 лет перед переписью. За этот период в крае возникло более 200 новых селений, в большинстве своем русских. Можно полагать, что в действительности чувашей в уезде было значительно больше, но эта народность считалась самой «непрестижной», и от нее всячески пытались откреститься.

В экономическом и в культурном отношении Белебей оставался глухой провинцией. Первая публичная библиотека в городе появилась только в 90-х годах. Первую железнодорожную ветку, причем прошедшую в десяти верстах от Белебея, проложили в середине того же десятилетия.

Чтобы более не возвращаться к истории Белебея и к его историко-краеведческому музею, на основании материалов которого, представленных на официальном городском сайте [19 - <http://www.belebey.ru.>], основаны приведенные сведения, отметим, что в музее можно встретить материалы о нескольких известных людях, которые так или иначе были

связаны с городом в сравнительно недавнее время. Среди них – герой Гражданской войны В.И. Чапаев, поэтесса М.И. Цветаева, маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, композитор Д.Д. Шостакович. Но ни в экспозиции музея, ни на городском сайте ни слова нет о герое нашего повествования, хотя он не просто «имел отношение» к Белебю, а был его уроженцем...

Родители, детские годы

Семья Николаевских была зажиточной, но не богатой. И отец Иван Михайлович (батьюшка Иоанн), и мать Евдокия Павловна (в девичестве Краснобурова), происходившая из купеческой семьи среднего достатка (ее отец выбился из государственных крестьян, и сама она официально продолжала относиться к крестьянскому сословию), были в Белебее пришлыми людьми, поселившимися здесь в середине 80-х годов (Борис родился вскоре после переезда). Оба они происходили из Орловской губернии, где как-то познакомились во время церковной службы. Юноша проводил девушку домой, они понравились друг другу, стали встречаться, а потом и поженились еще в то время, когда Иван Николаевский был семинаристом.

Ивану было всего 11 или 12 лет, когда умер в 1872 г. от холеры его отец, оставив дочь и троих сыновей. Все мальчики пошли в духовные учебные заведения, куда были взяты на казенный счет. Дело в том, что духовенство в России на протяжении XIX века оставалось в основном кастовым.

Большинство учащихся духовных школ были детьми клириков. Имея в виду низкие доходы духовенства, они выбирали семинарское образование не потому, что обязательно хотели стать священнослужителями. Для них это была единственная возможность получить среднее образование. Священниками становились не по призванию, а по происхождению. Евдокия же получила только начальное образование, но много читала и путем самообразования не только овладела элементарными знаниями, но, обладая самостоятельностью суждений и здравым житейским смыслом, нередко вступала в дискуссии со своими более образованными родными и убеждала их в своей правоте.

По окончании семинарии устроиться на службу в Орловской губернии было трудно. Молодой священник с супругой решили ехать на новые места. Вначале Иван отправился «на разведку» в Уфу, где обитал какой-то знакомый. Местный епископ принял его радушно, пообещал дать приход, конечно, не в самом центре, а где-то в провинции. Этим местом и оказался Белебей.

Здесь семья Николаевских смогла установить добрососедские отношения с людьми различного происхождения, состоятельности и сословной принадлежности, что объяснялось свойственной им простотой нравов, приветливостью, элементарной честностью. Ни Иван Михайлович, ни Евдокия Павловна не помнили времен крепостничества, но в обеих семьях передавались устные предания о том времени, о крестьянском происхождении предков, и они с глубоким удовлетворением говорили о «великих реформах» 60-х годов, о «царе-освободителе» Александре II, о пользе просвещения.

Отец Иоанн проповедовал вначале в небольшой кладбищенской церкви, рядом с которой стоял его двухэтажный дом (позже он за заслуги перед паствой и православной иерархией был переведен в центральный храм – Михайло-Архангельский собор).

Небольшим приработком было преподавание Закона Божьего в местном шестиклассном городском училище, что свидетельствовало (имея в виду, что директор избрал учителем именно этого священника) о его определенных педагогических данных, владении некими элементарными навыками общей культуры. Из «формулярного списка» учителя Закона Божьего отца Иоанна видно, что он и служил в церкви, и преподавал усердно, за что неоднократно награждался как духовным, так и просвещенческим начальством. Более того, за усердную службу он был в 1896 г. назначен наблюдателем за церковно-приходскими училищами города и Белебейского уезда [20 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 11–12.].

Церковное начальство относилось к отцу Иоанну благосклонно. Когда в Белебей приезжал уфимский епископ, он обычно останавливался в доме Николаевских. «Было очень много хлопот, но и большой почет был», – рассказывал Борис Иванович через полвека [21 - МР, box 37, folder 9.].

У Бориса были четыре брата и две сестры. Старшей была Александра, за ней на свет появился Борис, а за ними последовали Владимир, Всеволод, Наталья, Михаил и Виктор. Младший брат Владимир, находясь в ссылке в Архангельской губернии, в 1910 г. женится на сестре известного умеренного большевика Алексея Ивановича Рыкова Фаине, и таким образом Борис породнится с одним из руководителей будущей большевистской партии, ставшим после Ленина главой Совнаркома (какое-то время Николаевский будет даже пользоваться покровительством Рыкова). Семейные ниточки дотянулись и до наших дней – в Москве, Ярославской области и в других местах проживают потомки обширной семьи Николаевских, которые концентрируются вокруг дочери Рыкова Наталии Алексеевны Рыковой-Перли [22 - Подробнее см.: Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 26–28. Владимир Иванович Николаевский (1888–1937) участвовал в социал-демократическом движении с 1898 г. Позже был меньшевиком. В 20–30-х годах служил в советских учреждениях. После снятия А.И. Рыкова с поста главы правительства был арестован и расстрелян еще до расстрела своего знаменитого родственника. Фаина Ивановна Рыкова провела в тюрьмах и концлагерях семнадцать лет. Была реабилитирована в 1956 г. Жила в Москве. Их старшая дочь Галина Владимировна (1910–1984) была врачом, младшая Нина (1912–1981) – инженером (Зенькович Н. Самые секретные родственники: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. С. 339; сведения Зеньковича уточнены по личной документации Николаевского).].

Обширная семья вела отчасти натуральное хозяйство, ибо у нее был участок земли, который давал возможность ставить на стол только что собранные овощи, а фруктовый сад снабжал спелыми свежими яблоками и грушами и позволял делать зимние заготовки. В хозяйстве были две-три коровы. Экипаж и несколько лошадей давали возможность достойно «выезжать в свет», разумеется, до предела провинциальный, а кухарка и пара приходящих работников позволяли существовать относительно комфортабельно. Какое-то время у семейства был даже небольшой «зверинец» – пара волчат, медвежонок, филин.

Отец, будучи, в отличие от многих лиц духовного звания, искренне верным православной традиции, внушал детям сочувствие к беднякам, понимание элементарной социальной справедливости, которую, разумеется, следовало осуществлять только ограниченными, разумными средствами и в определенных рамках, не затрагивая основ существующего строя. В доме даже произносилось слово «угнетенные», к которым следовало относиться с сочувствием [23 - В своих устных воспоминаниях и в мемуарной справке, написанной по просьбе руководителей американского Меншевистского проекта,

уже пожилой Николаевский не раз возвращался к своей семье, к родителям, внушавшим ему чувство уважения к тем, кто занят «простым трудом».]

О революционном движении в России отец Иоанн знал еще с семинарских годов, но прямого интереса к нему не проявлял, считая значительно более продуктивной просветительную деятельность.

Одним из ранних фактов, оставшихся в памяти Бориса на всю жизнь, был голод зимой 1891/92 г., когда Белебей наводнили просившие хлеба крестьяне из соседних деревень и он, четырехлетний мальчик, спотыкаясь, влетел в дом, чтобы вынести подошедшим к порогу показавшимся ему страшноватыми людям, умолявшим о какой-нибудь еде, что-нибудь съедобное [24 - МР, box 37, folder 9.]. Его, ребенка из добропорядочной мещанской семьи (мы, естественно, употребляем это выражение отнюдь не в предосудительном смысле), очень напугали истощенные, грязные, угрюмые люди, просившие подаяние.

Реальное сочувствие к неимущим придет намного позже и будет скорее умозрительным, книжным, нежели чувственным. На протяжении всей своей последующей жизни Николаевский почти не общался с низшими слоями населения, крестьян почти не знал, а из рабочих предпочитал людей грамотных, рассудительных, владевших специальностью, то есть тех, кого социалисты будут величать «рабочей аристократией».

Куда более приятными, нежели люди из крайних низов, были временные наемные работники, помогавшие по хозяйству отцу и матери. Их никогда не рассматривали как слуг. К тому же они иногда баловали ребенка. С ранних лет детей приучали к физическому труду. Сбор овощей на огороде и фруктов в саду был делом всей семьи, и никакого непосредственного различия между хозяевами и работниками в этих занятиях не было – каждый делал то, что было в его силах. «У нас было два сада и огород, – рассказывал Николаевский. – Отец любил садоводство, разбирался в растениях. Мы, дети, весьма охотно помогали родителям во время весенне-летних и осенних работ в саду и на огороде» [25 - *The Making of Three Russian Revolutionaries*. P. 218. В книгу вошли воспоминания Л.О. Дан, Б.И. Николаевского и Г.П. Денике.]

И еще одно весьма любопытное жизненное впечатление, на этот раз связанное не только с поддержкой более слабых, но и с фактически унаследованным непониманием и внутренним чувством полного неприятия национальной розни, недоверия или враждебности к людям иной национальности. В памяти уже весьма пожилого Николаевского остался эпизод, когда он и его сверстники играли с мальчиками-татарами в войну и произошло вдруг очень странное событие: Боря «перешел в стан противника»: «Несколько мальчишек напали на моего друга Ахмета и хотели увести его «в плен». Я заступился за Ахмета, считая несправедливостью, когда несколько ребят нападают на одного». Этот эпизод, как рассказывал Николаевский, всплыл в его памяти, когда, уже став жителем США, он вдруг внезапно встретил в Филадельфии одного из тех бывших мальчиков-татар, с которыми когда-то играл в войну [26 - См.: Там же. P. 221–222; МР, box 37, folder 9.]

Появлялись и первые увлечения девочками. Отец дружил с директором городского училища Дворжецким, и тот иногда приходил в гости вместе со своей дочерью Валентиной. Кажется, с некоторым оттенком сожаления Николаевский рассказывал через много лет, что она позже вышла замуж за земского начальника Цитовича... [27 - МР, box 37, folder 9.]

Рано научившись читать, Борис стал поглощать не только детскую литературу, к которой стремились приучить его родители (это были исключительно светские книжки,

батюшка отнюдь не намеревался, чтобы дети последовали его карьере), но и периодику: вначале журнал «Детское чтение», в последующие годы популярный в конце века иллюстрированный журнал «Нива». Вслед за этим ребенок обратил внимание и на более политизированные периодические издания, на которые подписывался отец, причем это были и консервативная газета «Свет» с явными националистическими и антибританскими тенденциями, и тяготевший к передовым слоям общества толстый журнал «Русская мысль», самый распространенный в то время и один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов в России, число подписчиков которого доходило до 14 тысяч, выходивший в Москве с 1880 г. Создателем журнала был известный журналист, издатель и переводчик В.М. Лавров. «Русская мысль» придерживалась умеренного конституционализма, идейно и организационно готовила создание партии конституционных демократов (кадетов).

Трудно сказать, что побудило отца Иоанна выписывать одновременно консервативную газету и прогрессивный журнал. Скорее всего, в этом проявилось своего рода стремление к получению разносторонней информации, позволяющей делать собственные выводы. К тому же надо сказать, что для многих русских интеллигентов было характерно на первый взгляд малоестественное сочетание: они рассматривали Россию как «третий Рим», одобряли ее внешнюю экспансию, часто под видом помощи «славянским братьям» (например, на Балканах в последней трети XIX в.). В то же время они искренне ненавидели «внутренних турок», то есть тех, кого считали эксплуататорами простого народа, и в этом смысле были близки к народникам. Похоже, что Николаевский-отец относился именно к этому политическому кругу. Такая ориентация была проявлением низкого уровня структурированности российского общества, неразвитости политического мышления основной массы населения.

Ребенок не мог не прислушиваться к домашним дискуссиям по поводу внутренней жизни страны и ее зарубежной политики. Если «Русская мысль» ставила эти проблемы осторожно, то «Свет», мало касаясь социальных вопросов, агрессивно защищал российские претензии, особенно на Азиатском континенте, на Ближнем Востоке, в районе черноморских проливов. Дома, конечно, не употреблялся научно-официальный термин «геополитика» (само это слово только появлялось в лексиконе), но, по существу, геополитические представления, связанные с борьбой великих держав за господство над стратегически важными регионами Востока, невольно проникали в его сознание.

Пытливый мальчик прислушивался к тому, о чем говорили взрослые. Он запомнил, что кругом близких знакомых отца были не священнослужители, а учителя, нередко собиравшиеся на посиделки у отца Иоанна. В доме хранились собрания сочинений русских классиков и даже книги весьма передового для своего времени педагога К.Д. Ушинского. «Отец больше всего общался с учителями, – вспоминал Николаевский. – Я с трудом вспоминаю случаи, когда местное духовенство посещало нас... Они не играли в карты, которые были обычной формой отдыха в те времена, а вели разные дискуссии, читали газеты, делились новостями». С симпатией шла речь о деревне, о крестьянах и их социальной роли. «Это с самого начала заложено во всех нас было», – подчеркивал Николаевский. Ни в этих беседах, ни в более узком домашнем общении религия особой роли не играла. «Это был дом верующих интеллигентов» [28 - МР, box 37, folder 9.].

Как и приходившие в дом учителя, отец Иоанн и Евдокия Павловна были людьми отчасти свободомыслящими. Они отнюдь не ставили под сомнение Священное Писание, но пытались согласовать его с естественными науками и историческими знаниями. Группа

интеллигентов, собиравшихся у отца, была разночинной. Среди них встречались и дворяне, и выходцы из низших сословий. Для всех этих людей было характерно какое-то неопределенное «народолюбие». Они не были сторонниками республики, не были врагами царизма, но и никакого преклонения перед монархией не ощущали. Коронация Николая II, за которой внимательно следили в 1894 г., стала чем-то подобным ярмарке или нижегородской выставке 1896 г., о которых в доме также много говорили.

«Сходки» в доме Николаевских показались властям подозрительными (видно, кто-то донес о них), участникам сделали неформальное предупреждение, и встречи благоразумно решено было прекратить [29 - *The Making of the Three Russian Revolutionaries*. P. 219–220; МР, box 37, folder 9.].

И еще одна сторона интересов раннего детства, на этот раз, казалось бы, очень далекая от будущей профессии, существенно повлияла на карьеру ученого. Подобно многим другим мальчикам его возраста, Борис еще до поступления в общеобразовательную школу стал увлекаться популярной естественно-научной литературой. Вначале это были журналы «Вокруг света», «Природа и люди», а вслед за этим толстые книги. Ребенок стал с увлечением читать, в частности, только появившуюся, роскошно изданную книгу французского астронома и известного популяризатора этой науки Камиля Фламариона «Живописная астрономия» (она вышла в известном издательстве Павленкова в 1897 г.).

Николаевский через много лет рассказывал, что популярную книгу по астрономии он впервые прочитал, когда ему было 8–10 лет [30 - МР, box 37, folder 9.]. Имея в виду год выхода книги Фламариона, можно прийти к выводу, что прочитал он ее не ранее десятилетнего возраста. А чуть позже (Борис в это время стал уже гимназистом) он, не отрываясь, читал дополнение к этой книге под названием «Звездное небо и его чудеса», выпущенное тем же Павленковым в 1899 г. От звездного неба с его чудесами недалеко было до чудес земных – Борис стал страстным коллекционером минералов, насекомых, составлял гербарии. Так начинали формироваться два качества будущего исследователя – стремление к упорному и настойчивому тематическому собиранию того, что он считал важным, и умение хранить, сортировать, описывать, классифицировать собранные ценности [31 - На это обратил внимание Л.К.Д. Кристоф (*Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of V.I. Nicolaevsky*. Ed. by A. and J. Rabinovitch with L.K.D. Kristof. Indiana University Press, 1972. P. 5).].

Разумеется, Борис читал Ветхий и Новый Завет, но они были для него не духовным канонem, святыней, священными текстами, а сборниками героических сказок, мифов, легенд. «Мне это просто нравилось» [32 - МР, box 37, folder 9.], – вспоминал он. Но все же сознательный отход от религии начался позже, в первых классах гимназии. Естественно, как и все дети из интеллигентных семей того времени, он поглощал романы Майн Рида, Гюстава Эмара, Фенимора Купера; постепенно пристрастился и к поэзии Пушкина и Лермонтова, стал читать рассказы Чехова. Однако поистине открытием для него стали вольнолюбивые мотивы в разоблачительной лирике Некрасова.

Начальное образование Борис получил в белебеевском городском училище, куда поступил в семилетнем возрасте в 1894 г. Училище было шестиклассным, но по окончании трех-четырех классов можно было предпринимать попытки поступления в гимназию. Материальное положение семьи позволяло элементарные знания, необходимые для прохождения конкурсов в средние учебные заведения (гимназии, реальные училища) получить дома, занимаясь с приходящими учителями. По всей видимости, однако, отец и

мать решили, что дети должны пройти через публичную первичную школу не столько для приобретения знаний, сколько для того, чтобы овладеть навыками жизни в коллективе, состоявшем из самых разнородных детей, в основном принадлежавших к городской бедноте.

В 1898 г. одиннадцатилетний мальчик поступил в самарскую гимназию. Как сын священнослужителя, он был зачислен на полный пансион. Правда, сам по себе факт, что священник отправил своего сына учиться в гимназию, был, по позднему убеждению Николаевского, почти революционным актом [33 - МР, box 37, folder 9.]. Действительно, решиться прервать восходившую на много поколений назад традицию, отказаться от зачисления ребенка в духовное училище было для отца Иоанна нелегко. К этому с явным неодобрением отнеслись и коллеги по священническому цеху, и его церковное начальство. Но отец действительно сознательно и решительно не хотел, чтобы лица духовного звания были в его семье и в девятом поколении. В результате никто из детей Ивана Михайловича в священники так и не пошел. Это было проявлением определенной тенденции, которая стала складываться в конце XIX в. Теперь дети священников часто вовсе не желали идти по стопам отцов. Сказывались и потеря веры, и возможности, которые открывались в предпринимательстве и на государственной службе, и распространение оппозиционных и революционных настроений.

Большой губернский город просто потряс воображение Бориса. До этого он ни в одном крупном центре не бывал, если не считать краткой поездки в Уфу с отцом, но это было в раннем возрасте, да и Уфа с Самарой сравниться никак не могла. «Самара поразила всем. Остановились мы в гостинице. Помню, что принесли бутылку лимонада, и это тоже была новинка... Недалеко от здания гимназии Волга. Сад над Волгой. Пароходы бегут, впервые видел... У нас не было каменных домов в Белебее, кроме городского училища, кроме больницы, которая тоже была небольшой. А в Самаре дома были в 3–4 этажа» [34 - Ibid.].

Здесь Борис провел пять лет – первые четыре года жил в гимназическом пансионе-общежитии на весьма скудных харчах, с постоянным ощущением голода и со строгой дисциплиной; а последний год в семье одноклассника Льва Крейнера, мать которого (она разошлась с мужем и вела хозяйство в одиночку) поощряла чтение художественных произведений левых писателей вроде Чернышевского, но предостерегала сына и его друга от связей с нелегалами.

С первых школьных лет Борис страстно увлекся гуманитарными дисциплинами. Только в эти годы пришла любовь к истории. В пансионе были комната для занятий, небольшая библиотека – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, произведения которых поглощались одно за другим. Вначале тайком в общежитии, а затем открыто в последний самарский год гимназист поглощал толстые журналы, особенно все туже либеральную «Русскую мысль», приобретающую постепенно известную народническую ориентацию. Вслед за этим он стал интересоваться литературно-критическими статьями Добролюбова, социологией Чернышевского, знакомился с работами Плеханова.

Огромное впечатление на Бориса производила могучая Волга, тем более что гимназический пансион располагался почти на берегу. «Только я открою окно или дверь, и вот она, прямо передо мной. Самая настоящая Волга», – вспоминал он [35 - Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 6.]. Постепенно гимназисты научились уклоняться от соблюдения строгих правил пансиона. В восемь часов вечера они послушно являлись на проверку, затем отправлялись по своим комнатам, а после этого тайком

удирали из общежития, бродили по берегу реки, ввязывались в разного рода мелкие приключения и столкновения. Часто возвращались под утро, забирались в помещение через окно, недолго спали, а вслед за этим их беспощадно будил звонок на утреннюю принудительную молитву, от которой они любыми правдами и неправдами стремились уклониться [36 - МР, box 37, folder 9.].

Само же гимназическое образование в Самаре не отличалось глубиной, было рутинным и казенным. Оно вызывало у Бориса чувство протеста низкой компетентностью учителей, их робким заискиванием перед начальством, да и перед теми учениками, которые происходили из богатых семей. Сколько-нибудь значительных событий годы в самарской гимназии в его памяти не оставили, хотя в воспоминаниях Николаевского можно встретить сдержанные положительные оценки отдельных учителей. Единственным, кто произвел действительно глубокое впечатление на гимназиста, был молодой, только окончивший университет учитель Дмитрий Геннадиевич Годнев, недолгое время преподававший литературу, но вскоре уволенный из гимназии (было это в 1902 г.) за пропаганду произведений неблагонадежных авторов [37 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 19–20.].

Но Самара значительно больше запомнилась другим. Всего лишь за несколько лет до поступления Бориса в гимназию в этом городе жил получивший уже известность писатель-бунтарь Максим Горький, печатавшийся в местной «Самарской газете». Фельетоны Горького стали появляться в этой газете с октября 1894 г.

Горький поселился в Самаре по совету В.Г. Короленко в феврале 1895 г. В течение первой половины 1895 г. в «Самарской газете» почти ежедневно печатались его рассказы, очерки и фельетоны. 14 июля 1895 г. под фельетоном впервые появилась подпись Иегудиил Хламида. По мнению писателя Д. Быкова, газета, в которой столь активно сотрудничал Горький, вела себя либеральнее, чем даже столичная пресса. Это было явлением частым – в провинции работали те, кого из столицы высылали за вольномыслие [38 - Быков Д. Был ли Горький? М.: Астрель, 2008. С. 111–112.], а исконно периферийные издатели часто чувствовали себя свободнее, нежели столичные карьеристы. Последнее позже неоднократно отмечал Николаевский.

Самару в конце XIX в. называли русским Чикаго. Действительно, город быстро рос, в нем кипела торговля, в центре воздвигались богатые частные дома. Когда Борис приехал в Самару, Горького там уже не было (в 1896 г. тот покинул город, чтобы продолжать свои странствия по Руси), но из уст в уста передавались написанные им в 1895 г. «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», опубликованные в «Самарской газете».

В городе вспоминали и бунтарский внешний вид писателя – его длинные волосы, мягкие сапоги и заправленные в них широкие синие, «украинского типа», штаны, широкополую «греческую» шляпу, не очень аккуратную, но всегда подпоясанную рубаху навыпуск, палку таких размеров, что ею можно было бы пользоваться как холодным оружием, и т. п. Естественно, что многие гимназисты стремились подражать Иегудиилу Хламиде, хотя бы своим непокорным обликом. Правда, гимназические власти быстро пресекали такие «попытки бунта». Во всяком случае, Бориса заставили постричь длинную шевелюру, которую он отрастил.

Еще одним немаловажным самарским впечатлением было знакомство с молодым геологом Павлом Ивановичем Преображенским, в будущем профессором и советским академиком (хотя в промежутке он был министром просвещения в правительстве адмирала Колчака и сидел в большевистской тюрьме). В своих воспоминаниях

Николаевский был неточен, он рассказывал, что в его гимназические годы Преображенский уже был профессором и возглавлял разведывательные экспедиции [39 - МР, box 37, folder 10.]. На самом же деле он только в 1900 г. окончил петербургский горный институт и получил звание горного инженера. Однако действительно, в первые годы века Преображенский заведовал геологической партией, исследовавшей возможности строительства железнодорожной ветки Уфа – гора Магнитная.

Скорее всего, Борис познакомился с Павлом Ивановичем именно в этом качестве. Во всяком случае, соответствует, очевидно, действительности, что эта его экспедиция имела свою лабораторию, которую начинающий ученый предоставил в распоряжение гимназиста для его нехитрых экспериментов с минералами.

У Бориса сохранялись интересы в области естественных наук, особенно астрономии. Он завел большую тетрадь, куда заносил различные межзвездные расстояния и подобные интересовавшие его сведения. Но постепенно этот интерес если не исчезал, то, во всяком случае, отходил на второй план. Зато углублялись гуманитарные интересы, которые вначале концентрировались на все более углубленном знакомстве с либеральной и особенно демократической художественной литературой, в первую очередь поэзией. Стихи легко откладывались в памяти. Как-то Борис прочитал революционное стихотворение Некрасова старшему гимназисту. Тот его предостерег: «Ох, смотри, Николаевский, попадешь ты в Петропавловскую крепость!» Это название было школьнику знакомо уже тогда – по мемуарам декабристов, которые он читал во втором классе, и по тому же Некрасову [40 - МР, box 37, folder 10.].

Вхождение в революционный круг

В последний год жизни в Самаре, уже на квартире Кремера, Борис принял участие в полулегальном кружке гимназистов, которые собирались за чаем и обсуждали последние новости, прочитанные романы и стихи, главным образом радикального направления, среди которых наибольшее впечатление производила поэзия Н.А. Некрасова [41 - Лэд Кристоф, заместитель руководителя Меншевицкого проекта, общавшийся с Николаевским и немного владевший русским языком, вспоминал, что и в старости Николаевский с глубоким чувством декламировал Некрасова, лирику которого запомнил на всю жизнь (Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 7).]. По настоянию Бориса члены кружка, видимо не без внутреннего сопротивления, прочитали и обсудили книгу К.А. Тимирязева «Жизнь растений». Эта книга вышла первым изданием в 1878 г. В основу ее был положен курс лекций по физиологии растений, прочитанный автором в большой аудитории Московского музея прикладных наук (ныне Политехнический музей). Книга по праву считалась классическим примером популяризации естественной науки, и соученики Бориса, которые вначале думали, что им навязывают повторение надоевшего гимназического предмета, в конце концов были ему благодарны за настойчивость.

От собственно революционного движения гимназисты, однако, были пока еще далеки. В Самаре они даже не знали об острой полемике между марксистами и народниками, хотя до них доносились слухи о «Народной воле», тем более об убийстве народниками-террористами Александра II и о «хождении в народ». Только в 1900 г. к Борису совершенно случайно попала первая нелегальная листовка.

Ее обнаружили застрявшей в кустах, облепленных снегом. Листовку тщательно

просушили, обвели чернилами затекшие буквы и передавали для чтения из рук в руки. Листовка была явно неглубокого содержания, она высмеивала привычку целовать иконы, «целовать задницу святого», как там было сказано. А еще через шесть лет Николаевский оказался в одной тюремной камере с эсером Михаилом Веденяпиным и узнал, что именно он был автором той листовки и написал ее, будучи самарским студентом [42 - МР, box 37, folder 10.].

В декабре 1902 г. на собрании, посвященном 25-летию со дня смерти Н.А. Некрасова, Борис познакомился со старым народником Василием Арцыбушевым, который к этому времени, после многих лет ссылки, стал последователем Маркса и Плеханова. Василий Петрович привел Бориса и его друзей к себе домой и передал им извлеченную из тайника изданную за границей брошюру Плеханова о Некрасове. Так в руках юноши оказалось первое нелегальное, к тому же марксистское издание. Встреча с Арцыбушевым хорошо запомнилась, и через 15 лет, в судьбоносный 1917 год, когда Арцыбушев скончался, Николаевский посвятил его памяти неподписанную статью, опубликованную в «Рабочей газете», центральном меньшевистском издании.

Относительно своих контактов с нелегалами в самарские гимназические годы Николаевский в воспоминаниях писал, что мечтал присоединиться к социал-демократам. «Главное, что меня привлекало в них, было то, что они являлись партией рабочего движения и очень сильной влиятельной партией» [43 - The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 224.]. Он рассказывал также, что, в отличие от него самого, его старшая сестра Александра стала эсеркой. «Я первым пошел в революционное движение... она была более осторожной и сдержанной. Но мы все были вместе... Почему я считал себя социал-демократом, не ясно. Я ничего определенного не читал, но общая атмосфера была такая, что нас тянуло туда... И конечно, я видел легальный журнал марксистский – «Жизнь»... где мы читали Горького... Общее настроение было такое. Большое влияние на меня произвела первая забастовка, которую мы пережили в начале 1903 года. Забастовка рабочих-булочников в Самаре. Несколько дней были без булок, без хлеба. Масса разговоров. И помню, я ходил и пытался познакомиться с булочниками бастовавшими, было большое разочарование, когда выяснил, что это были самые обычные парни, ничего не понимавшие» [44 - МР, box 37, folder 9.].

Тем не менее весной 1903 г. Борис установил связь с нелегальным просветительным кружком учащихся разных учебных заведений Самары, причем избрал для себя кружок «высшего типа», то есть рассчитанный на наиболее подготовленных слушателей. Собирались обычно на квартире ученика реального училища Петра Кузьмина, отец которого владел бакалейной лавкой, и семья поэтому считалась властями законопослушной. Кружковцы выступали с докладами на самые различные политические темы, обсуждали вопросы о социальной структуре общества, о прибавочной стоимости, знакомились с народнической и марксистской литературой. Борис видел и просматривал первые номера газеты «Искра», читал статьи Л.О. Мартова. В кружок попала и брошюра В.И. Ленина «Что делать?». Однако после первых страниц она была отложена, и более Борис к ней не возвращался: читать Мартова было намного проще. Некоторые занятия в кружке проводили революционно настроенные студенты, высланные из Москвы [45 - Ibid, folder 11.].

Николаевский признавался в одном из поздних интервью: «Учиться я не прочь был, но интересовало меня не то, что нужно, уроки я готовил не всегда хорошо, хотя очень рано научился отвечать, чтобы нельзя было заметить, что я урока не знаю» [46 - Ibid, folder 10.].

Для гимназии, в которой было мало хороших учителей, где обучение было в значительной степени формальным, а пуще всего ценились трудолюбие, послушание и прилежание, это было неоценимое умение, которое, к чести Бориса, не оказало негативного воздействия на его формирование как личности, на его дальнейшую общественную жизнь, не превратило его в обманщика-халтурщика, цинично относящегося к стоящим перед ним задачам.

В 1903 г. Борис перешел в гимназию в Уфе, куда переехала мать со всем остальным семейством после гибели отца [47 - Отец Иоанн (Иван Михайлович Николаевский) погиб, по воспоминаниям Бориса Николаевского, нелепо в возрасте 50 лет. Перевернулась лодка, на которой он вместе с семилетним сыном Всеволодом (пятью годами младше Бориса) переправлялся через реку Белую. Спасти их не удалось.], так как в Уфе жили близкие люди, на поддержку которых она могла рассчитывать. Она, разумеется, работала, но, будучи на протяжении прошедших лет занята семьей и не получившая никакой специальности, Евдокия Павловна смогла устроиться только продавщицей в казенную винную лавку [48 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 26.], и жалование ее было, разумеется, крайне недостаточным, чтобы прокормить большую семью.

Формально переезд в другой город произошел по воле родных, но на деле все было значительно более драматично. Дело в том, что директором самарской гимназии стал некий А.И. Павлов – ранее учитель истории и инспектор, который недоброжелательно относился ко многим ученикам и не без основания подозревал некоторых из них в антигосударственных настроениях. Гимназисты решили ответить протестом, причем Борис оказался одним из зачинщиков. Он вспоминал: «Я занимался химией и принес в гимназию какие-то порошки, которые мы насыпали в чернильницы (но не нашего класса, а в чернильницы других классов)». Такова была конспирация (заметим – далеко не благородная). «Воздух в классах был отравлен, возник очень сильный запах сероводорода. Уроки были сорваны. Нас отпустили домой» [49 - МР, box 37, folder 10.].

Среди учеников, однако, нашлись доносчики. Чтобы не раздуть скандала, который в немалой степени скомпрометировал бы его самого, новый директор гимназии предложил родителям наиболее активных смутьянов забрать своих детей и перевести их в другие школы. В отношении Бориса это требование, по существу дела, вполне совпало с желанием матери и его самого. Так Борис Николаевский стал учеником шестого класса уфимской мужской гимназии.

Борис приехал в Уфу, имея то ли в кармане, то ли скорее в голове явочный адрес некоего Сергея Федоровича Гарденина, уроженца Уфы, учившегося в Петербургской военно-медицинской академии, исключенного из нее и возвратившегося в родной город. Через него и его брата Бориса Федоровича Николаевский познакомился с другими оппозиционерами, придерживавшимися социал-демократических идей или, по крайней мере, считавшими себя марксистами. К этому времени в городе существовал социал-демократический комитет, членом которого являлся Гарденин, одновременно ведущий нелегальный кружок. Именно этот кружок стал посещать Николаевский.

Свои взгляды последних школьных лет он оценивал в 1960 г. как социал-демократические. Он считал эту партию влиятельной силой, опиравшейся на рабочий класс. Тот факт, что партии как таковой еще не было, что речь можно было вести только о нелегальном политическом движении, далеко от массовой борьбы, его не смущал. Скорее всего, он и его товарищи просто закрывали на это глаза. Четкой системы политических воззрений не было. Своим знаменем кружковцы считали Максима Горького, особенно его «Песню о Буревестнике», которую все знали на память.

От сестры и ее товарищей Борис узнал о формировании еще одной революционной партии – партии социалистов-революционеров (эсеров), тяготевшей к крестьянству. Считая эсеров преемниками народников, Николаевский не тянулся к ним, так как ему не импонировал индивидуальный террор, несмотря на личные симпатии к боевикам «Народной воли», которых он считал героями. Их гибель, однако, он полагал нецелесообразной с точки зрения конечных целей борьбы. Значительно больше Борис симпатизировал рабочим стачкам. В то же время он оговаривался: «Антикрестьянских настроений у меня не было, не было и потом. Наоборот, у меня в меньшевизме все время с самых ранних лет была критика этого настроения. То[го], что было очень сильно у ряда меньшевиков и особенно у Дана, у которого было прямое отталкивание от крестьянства» [50 - МР, box 37, folder 11.].

В Уфе чтение Николаевским социалистической литературы и особенно прессы, не только социалистической или народнической, но и оппозиционно-либеральной, стало более систематическим и целенаправленным. Плехановские труды явились главным источником формирования мировоззрения и взглядов на историю. Именно книги патриарха русского социализма привили юноше глубокий интерес к освободительному движению в его марксистской упаковке. При этом, в соответствии с плехановской традицией, внимание сосредоточивалось не только на теории и истории, но и на практике борьбы против царизма, считавшейся основным компонентом учения.

Через много лет Николаевский вспоминал, что в юности он посещал не только марксистские, но и народнические кружки, чему, безусловно, способствовала его сестра Александра, после окончания гимназии присоединившаяся к народнической подпольной организации. Мировоззренчески Борис был ближе к марксизму, но и эсеровская идеология сыграла в формировании его взглядов какую-то роль. Именно в этом смысле он спустя полвека упоминал работу одного из первых и ведущих идеологов эсеров В.М. Чернова «Типы аграрной и промышленной эволюции», проникнуть в идеи которой «оказалось много труднее, чем пробраться через всю остальную народническую литературу эпохи» [51 - Николаевский Б. В.М. Чернов как идеолог // На рубеже. 1952. № 3–4. С. 8.].

В целом свои общественные настроения того времени Николаевский оценивал как «самую туманную и самую неопределенную» оппозицию [52 - МР, box 37, folder 11.]. А в одном из интервью 1960 г. вспоминал, что «когда приехал в Уфу, в 1903 году вошел в первый социал-демократический кружок. Это было весной, во время первой забастовки, которую видел воочию. Мне было 15 лет, и боюсь, что сильно преувеличу, если скажу, что у меня уже было какое-то систематическое мироощущение» [53 - МР, box 37, folder 11; Ким А., Ненароков А. Чутьем сердца // Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости: Письма 1922–1935 гг. сыну Борису Ивановичу Николаевскому из Оренбурга и Москвы в Берлин и Париж / Сост. А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2005. С. 8.].

Пока же, читая «старую» «Искру», то есть газету того периода, когда она редактировалась совместно будущими врагами – Плехановым и Лениным, Борис никак не мог уяснить себе причин особой заостренности нападок на эсеров.

Он склонялся к мнению, что редакция руководствовалась не самыми высокими побуждениями. «Не имея возможности вести борьбу против сильного врага, самодержавия», считал Николаевский, Ленин «формировал настроения на борьбу против ближайшего врага, легкого, возможного союзника – против социал-революционного движения» [54 - МР, box 37, folder 11.]. Такого рода позиция подкреплялась у

Николаевского еще и тем, что в самой Уфе расхождения между социал-демократами и эсерами особенно не чувствовались.

В авторитетной провинциальной газете «Пермский край» Борис обнаружил в 1901 г. статьи Якова Марковича Луп олова (позже известного под псевдонимом Джемс), в слегка прикрытой форме пропагандировавшего революционные идеи. Через 57 лет в статье, посвященной 90-летию этого социалиста, Николаевский напишет, что его работы «пробудили в нем, гимназисте, инстинкт революционера» [55 - Социалистический вестник. 1958. № 10. С. 203.].

Гимназист постепенно расширял связь с социалистическими кружками Уфы, охватывавшими в основном молодую интеллигенцию. По их поручению он хранил и распространял революционную пропагандистскую литературу и агитационные листовки, естественно предварительно знакомясь с их содержанием. Сами события окружавшей жизни побуждали к социальному протесту тяготевшую к справедливости пытлившую молодежь, полагавшую, что именно ей суждено коренным образом повернуть развитие родной страны.

Когда Николаевский перебрался в Уфу, он был уверен, что вслед за ним в этот город полетит «телега» из Самары о его опасных взглядах. Борис сомневался, что ему удастся поступить в местную классическую гимназию – став убежденным гуманистом, он никак не желал идти в реальное училище, которое открывало дорогу к «практическим», в основном техническим, специальностям. Действительно, когда он подал прошение о принятии его в гимназию, его вызвал на беседу директор гимназии Владимир Николаевич Матвеев, преподававший древнегреческий язык и славившийся строгостью нравов.

Идя в гимназию в первый раз, Борис был почти уверен, что этот раз окажется и последним, что директор намерен встретиться с ним лишь для того, чтобы унижить, отказав в приеме. Но сложилось иначе. Матвеев долго и внешне сухо беседовал с Николаевским, сообщив, однако, что он говорит с уже принятым гимназистом, которому необходимо соблюдать осторожность. «Он не мог сказать об этом прямо, – вспоминал Николаевский. – Это я смог оценить значительно позже, когда прочитал документы, хранившиеся в моем деле. Когда я встретил Владимира Николаевича в 1917 году, уже после революции, я так волновался, что был на грани признания своей любви к нему» [56 - The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 248.]. Но предостережения этого умудренного жизнью директора и учителя оказались втуне.

Местные марксисты тяготели к легальной деятельности и концентрировались главным образом вокруг местного земского управления. Правда, четких партийно-политических различий еще не было. С почти равным интересом молодые люди читали и «Исторические письма» П.Л. Лаврова, одного из народнических мыслителей, и проникавшие в Уфу номера «Искры», которую начали выпускать за рубежом Плеханов и Ленин.

Возникла мысль о некоей более широкой организации, причем, судя по воспоминаниям Николаевского, именно он был инициатором образования Общества студентов и учащихся. Теперь уже Борис вступал в опасную зону – такого рода организации были противозаконны. В самом начале 1904 г. он организовал издание листовки, адресованной «Ко всем учащимся», в которой объявлялось о создании этого самого общества, которого на самом деле еще не было. Через непродолжительное время, однако, организация была учреждена и в нее вошли учащиеся мужской и женской гимназий, а также студенты местной духовной семинарии.

Одновременно все более усиливалась тяга к истории. Имея в виду, что он родился и

провел ранние годы на территории, где проживали чуваша – потомки древних болгар, Борис заинтересовался их историей и по доступным источникам, тщательно собранным в местных библиотеках, написал небольшую ученическую работу «К истории болгар», помещенную в полулегальном школьном журнале «Подснежник» (легальные периодические издания в гимназиях были строго запрещены). Журнал «Подснежник» Борис и его друзья напечатали на множительном аппарате – гектографе. Эту машину им удалось раздобыть каким-то невероятным образом. Всего в 1903 г. гимназисты выпустили три номера «Подснежника», но Борис участвовал только в первом.

Тяготение к печатной продукции усиливалось. В январе 1904 г. фактически под руководством Николаевского вышел первый, оказавшийся единственным, номер еще одного нелегального журнала – «Рассвет», напечатанный на множительном аппарате. Здесь была помещена его статья, не содержащая прямых призывов к революции, но явившаяся его вторым, после очерка о древних болгарях, опытом разобраться в прошлом. Круг интересов постепенно расширялся, распространившись на развитие революционного движения в России. Статья о зарождении революционных настроений в русском обществе в додекабристский период была посвящена в основном известному просветителю Н.И. Новикову, который рассматривался Николаевским как прямой предшественник декабристов.

Оба ученических журнала не сохранились. Вместе с ними оказались потерянными и первые работы Николаевского в области истории, о чем он нимало не сожалел, ибо никакого интереса, кроме самого факта обращения к историческим сюжетам, они не представляли [57 - МР, box 37, folder 11.].

После раскола социал-демократов на II съезде партии в 1903 г. Борис, еще будучи гимназистом, примкнул к большевикам, но через три года перешел в более умеренную фракцию меньшевиков. Русским меньшевиком он оставался до конца своих дней – более шестидесяти лет. За пропаганду социализма 22 января 1904 г. он был арестован и провел пять с половиной месяцев в заключении. В следующие годы последовали новые аресты. Всего Николаевский арестовывался и подвергался ссылкам восемь раз, правда, на сравнительно короткие сроки.

Провинциальный большевик

О предстоящем аресте Бориса фактически предупредил директор гимназии Матвеев. Вызвав его в свой кабинет, он стал задавать неординарные, подчас случайные вопросы, явно намекая, что юноша должен предпринять какие-то меры предосторожности. Но, не имея серьезного политического и жизненного опыта, гимназист просто не понял, о чем идет речь, и решил, что директор вмешивается в его личные дела. Покинув директорский кабинет, он вел себя как ни в чем не бывало, даже не перепрыгав в более надежное место нелегальные материалы, которые у него имелись [58 - Ibid.].

В результате при обыске на квартире Николаевских во время его первого ареста был обнаружен целый склад нелегальной литературы и других пропагандистских материалов, данные о которых выявила Ф. Ахмерова в справке местного жандармского управления «О противоправительственном кружке, образовавшемся в г. Уфе среди учащихся местной гимназии» [59 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 46–47, 179.]. Здесь были

типографские и изданные на гектографе социал-демократические брошюры, в том числе наставление «Как держать себя на допросах», прокламации, включая обращение к учащимся, переписанные Николаевским революционные стихотворения и даже карикатура, изображавшая «свинью с короной на голове».

Полицейские власти не могли поверить, что юноша из семьи священнослужителя был способен в здравом уме идти на столь противоправные действия. Была даже проведена судебно-медицинская экспертиза его умственного развития, пришедшая к выводу, что действовал он «с разумением». Николаевскому было предъявлено обвинение в призыве к ниспровержению государственного и общественного строя и к разжиганию вражды между отдельными классами населения.

О своем первом заключении Николаевский вспоминал как о времени «подлинного обучения»: «Я ожидал ареста в любой момент, и он наступил. Ведь это была обыкновенная вещь. Это означало, что я могу продолжать без колебания начатое дело» [60 - The Making of the Three Russian Revolutionaries. P. 258.]. Действительно, пребывание в тюремной камере для шестнадцатилетнего юноши – время ломки или закалки. В случае Николаевского тюрьма закалила волю.

Тюрьма была переполнена, так как это было время кануна суда над большой группой рабочих из Златоуста, которые в 1903 г. участвовали в крупной забастовке, переросшей в столкновения с полицией и войсками. Бориса поместили не в обычное помещение для подсудимых, которых, как правило, изолировали от остальных заключенных, а в большую камеру, окошко которой выходило во двор. Он мог видеть златоустовцев, когда их группами выводили к воротам, чтобы везти в суд. Эти рабочие вели себя дерзко, шумно протестовали, отказывались повиноваться, их подгоняли прикладами. Солидарность с ними выражали другие заключенные. Борис вместе с остальными шумно приветствовал подсудимых, криками выражал одобрение их поведению, призывал к еще большей стойкости. Он научился азбуке заключенных – перестукиванию между камерами, участвовал в часто повторявшихся, весьма шумных протестах против нарушения прав политических узников.

Вскоре, однако, Николаевского перевели в одиночную камеру. Стало намного тише и скучнее. Соседние камеры были сначала пусты, перестукиваться было не с кем. И когда вдруг на свой стук Борис, наконец, получил ответ, он чрезвычайно обрадовался. Правда, вскоре по «тюремной почте» передали, что по соседству находится провокатор, специально привезенный из Петербурга для того, чтобы собирать данные о подсудимых. Но Николаевский вел себя осторожно; никаких порочащих его и других лиц сведений он соседу сообщить не успел.

Главным занятием теперь стало чтение. Получать литературу извне ему не было разрешено. Тюремная библиотека оказалась предельно скудной. Пришлось многократно перечитывать Библию, которой ранее почти не касалась его рука, хотя он был сыном священника. Таким образом, только в тюрьме Николаевский впервые «по-взрослому» прочитал Библию [61 - МР, box 37, folder 12.].

Значительно больше Николаевский тяготел к другой литературе. Через какое-то время был снят запрет на передачу книг, и сестра Александра, а затем и мать Евдокия Павловна стали приносить издания, допущенные либеральной цензурой к опубликованию. Тяготевшая к народникам и эсерам Александра приносила брату книги, соответствовавшие ее взглядам. Немалое впечатление произвели на узника статьи эсеровского лидера В.М. Чернова, публиковавшиеся в журналах «Русское богатство» и

«Жизнь». Несмотря на свойственную Чернову патетику, в них прослеживалась немалая эрудиция автора, которая импонировала молодому человеку, учившемуся терпимо относиться к той идеологии, которую он не разделял, встав на сторону ленинской фракции социал-демократии, выступавшей за создание дисциплинированной и четко структурированной подпольной рабочей партии. И хотя в значительно большей степени Николаевского интересовали работы марксистов, казавшиеся доказательными и научными, несмотря на обычно присущую им сухость и догматизм изложения, доводы народников и эсеров он с ходу не отвергал. Его терпимость к идеям тех, кто считал себя выразителями интересов крестьянства, нежелание относиться к крестьянству как к «реакционному классу», стремление найти точки соприкосновения между социал-демократами и эсерами будут характерны для всей его дальнейшей деятельности.

Среди марксистских трудов особое внимание Николаевского привлекли книги лидера германских социал-демократов Карла Каутского, особенно его «Аграрный вопрос», вышедший на русском языке в 1900 г. (Борису особенно интересно было сопоставлять доводы Каутского и Чернова в отношении места крестьянства в историческом развитии). С большим вниманием была прочитана и работа российского «легального марксиста» П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», а также журналы «Новое слово» и «Начало», которые Струве издавал в конце 1890-х годов вместе с М.И. Туган-Барановским. Определенный интерес вызвала и книга Ленина «Развитие капитализма в России». Плеханов же, наоборот, производил теперь на Николаевского меньшее, чем прежде, впечатление. Бориса раздражала чрезмерная антинародническая заостренность его работ, полемический и высокомерный тон его произведений.

Через две недели после ареста Николаевского вызвали на первый допрос. Вспомнив наставления, которые он получал от более опытных узников и прочитанную брошюру о поведении на следствии, Борис заявил, что от показаний отказывается. Следователь распорядился отправить заключенного назад в камеру и лишить его папирос. «Спасибо, но я не курю!» – неосторожно заявил юноша, и в ответ был лишен книг и передач. Николаевский ответил голодовкой. Ограничения были сняты. Узнав об этом, мать и сестра прислали ему «огромную передачу» снеди и целую охапку книг.

Затем Борис просто отказался ходить на допросы [62 - МР, box 37, folder 12.], но через некоторое время, видимо по совету бывалых заключенных, свою тактику изменил. Он стал давать показания, но отвечал очень осторожно, представляясь наивным и недалеким, заблудившимся в трех соснах недорослем. После почти семимесячного заключения, большую часть которого он провел в одиночной камере, в середине августа 1904 г. Борис был освобожден благодаря настойчивым хлопотам матери, буквально обивавшей пороги чиновничьих кабинетов. В конце концов многодетной вдове священника удалось убедить власти в том, что ее сын, несовершеннолетний гимназист, просто заблуждался и в серьезную антиправительственную деятельность вовлечен не был. Немалую роль сыграло именно то, что Николаевский сумел создать видимость сотрудничества со следствием, хотя и рассказывал вещи самые невинные, уже известные следователям, никак не вредя при этом другим арестованным.

Николаевскому повезло. Он был освобожден за день до убийства эсером-боевиком Егором Сазоновым (Созоновым) министра внутренних дел Российской империи В.К. Плеве. Если б убийство произошло парой дней раньше, Николаевский вряд ли вышел бы на свободу. Правда, Борис не был оправдан, его выпустили на поруки до окончания дела. Однако обвиняли его теперь только в хранении, а не в распространении нелегальной

подрывной литературы. Вскоре начавшаяся в России первая революция масштабами антиправительственных выступлений заставила забыть о такой мелочи, как обнаружение запрещенных книг и листовок у гимназиста.

После выхода из тюрьмы Николаевский тут же отправился на социал-демократическую сходку [63 - МР, box 37, folder 12.], и это свидетельствовало о том, что в заключении он сумел сохранить связи с революционным подпольем. К шестнадцати годам Борис стал высоким, плотным и физически сильным юношей (его рост был 1 метр 83 сантиметра, причем, по собственным воспоминаниям, он был ниже своих братьев). Гимназию Борис так и не окончил, ибо после первого ареста был из нее исключен. Разумеется, он мог бы попробовать восстановиться или же сдать выпускные экзамены экстерном и затем продолжить обучение в университете. Власти смотрели на социалистические выходки гимназической молодежи снисходительно, полагая, что с возрастом она образумится. (Вспомним хотя бы опыт юного Владимира Ульянова, будущего Ленина, который в два приема сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета.) Но Николаевский не предпринял попыток окончить гимназию и поступить в университет, хотя тяга к гуманитарным наукам осталась важным побудительным мотивом его деятельности. Он избрал профессию журналиста-репортера.

Обладая аналитическим умом, талантом писать, трудолюбием и усидчивостью, Николаевский был по заслугам оценен сперва провинциальными, а затем и столичными печатными органами, которые охотно давали ему сначала несложные репортерские поручения, а позже стали заказывать аналитические статьи. Начав с «Самарского курьера», Борис в последующие годы перекочевал в петербургские газеты, сотрудничая главным образом с печатными органами, в той или иной степени связанными с социал-демократическими кругами.

Борис вышел на волю уже созревшим для решения о своем политическом и профессиональном будущем. Когда по выходе из тюрьмы к нему обратились эсеры с предложением вступить в их партию, он ответил, что уже сделал выбор не в их пользу. Решением присоединиться к большевикам Борис, до ареста еще колебавшийся, во многом был обязан происшедшему летом 1904 г. знакомству с Алексеем Федоровичем Огореловым, который был старше его шестью годами и твердо разделял большевистские установки о необходимости построения строго дисциплинированной подпольной революционной марксистской партии.

Неизвестно, удалось ли Огорелову и другим уральским большевикам познакомиться с брошюрой Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой развивались эти идеи, и с их критикой, например с жестким анализом Л.Д. Троцкого в брошюре «Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы)», опубликованной в Женеве в 1904 г. и тайно распространявшейся, наряду с ленинской брошюрой, в России (Троцкий доказывал, что ленинский план ведет к внутрипартийному авторитаризму). Местные большевики были практиками. Для провинциальных деятелей в то время подобная критика могла казаться чисто умозрительной. Они тяготели к действиям, что им и обещали сторонники Ленина. Более того, обсуждая раскол социал-демократов на II съезде, Николаевский, Огорелов и их единомышленники возмущались меньшевиками, не подчинившимися большинству и нарушившими партийную дисциплину. Все эти суждения высказывались однозначно, без учета аргументов меньшевиков и без знакомства с ними [64 - МР, box 37, folder 12.]. Пройдет немного времени, и Огорелов, как и Николаевский, и многие другие большевики первых лет социал-демократии, поймут, что ленинский экстремизм и

нечистоплотные методы политической борьбы, характерные для него, им чужды. Огорелов станет меньшевиком, но после 1917 г. пойдет на службу к большевистской власти. Одно время он будет председателем городского совета г. Владивостока. Затем будет работать экономистом, в этом качестве в 20-х годах побывает в Берлине, где произойдет его дружеская встреча с Николаевским. Дальнейшие следы этого человека затеряются. Скорее всего, в годы «большого террора» он был репрессирован.]

В то же время тяга к журналистской деятельности явилась стимулом к возвращению в Самару, где Николаевский надеялся получить постоянную журналистскую работу, ибо этот провинциальный центр был известен своими передовыми газетами, которые Николаевскому были хорошо памятливы со старых времен. Переехав в сентябре того же 1904 г. (из-за отсутствия средств он ехал тайком в багажном вагоне), Борис вместе с несколькими молодыми людьми примерно его возраста образовал своего рода «коммуну». Таких «коммун» в городе было несколько. «Многие из этих юношей, – вспоминал Николаевский, – были крестьянского, рабочего или мелкобуржуазного происхождения; ранее они посещали либо технические, либо сельскохозяйственные школы, расположенные на окраине города. Отчаявшиеся, но веселые и беззаботные; безбожные, грубоватые, подчас нарушавшие законы, но в основе своей идеалистически настроенные; до предела серьезные в своих полусерьезных авантюрах, это были подлинные повстанцы, которым необходимы были только руководство и дисциплина, чтобы они стали преданными профессиональными революционерами и, если это бы понадобилось, бесстрашными членами боевых дружин» [65 - Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 12.].

Сам Борис был явно несколько сдержаннее, нежели его товарищи. Подчас он тянулся за ними, в других случаях, наоборот, пытался несколько умерить их непокорно-хулиганский пыл. Правда, активность эта выглядела подчас несколько анекдотично. Однажды полуголодные «коммунары» решили стянуть у соседа, с которым, кстати, были в неплохих отношениях, одну из куриц, вольно расхаживающих за забором. Кто-то перелез через забор, схватил птицу. Николаевский смог так красочно и с таким юмором описать это происшествие, что местная газета с удовольствием приняла к публикации историю, напечатав ее под псевдонимом и заплатив автору небольшой гонорар. Через день к «коммунарам» прибежал владелец уже съеденной курицы. Он даже не заподозрил своих соседей в воровстве и был в восторге от оперативности газеты, ибо, только прочитав репортаж, обнаружил, что у него одной курицей стало меньше.

Но «куриный эпизод» в журналистской карьере Бориса был, разумеется, случайностью. К своему призванию Николаевский относился с присущей ему серьезностью. Едва только приехав в город, он отправился в редакцию «Самарской газеты», известного в Поволжье печатного органа легально-народнической ориентации. Быть может, юноша и получил бы здесь какое-то задание для проверки его способностей, но на вопрос о его политических убеждениях он честно ответил: «Социал-демократические». Этого оказалось достаточно, чтобы его выставили за дверь.

На счастье, как раз в это время в городе только что был организован новый печатный орган – газета «Самарский курьер». Тяготевший к защите крестьянской доли, связанный с масонами либерал редактор газеты Н.Н. Скрудлов оказался более покладистым. Он благожелательно принял юношу, дружелюбно с ним побеседовал и предложил написать что-нибудь об Уфе. Вскоре в газете появилась не очень весомая, но легко написанная заметка Николаевского о муках городской публичной библиотеки, где не было даже

достойного читального зала. Редакция стала давать Николаевскому новые репортерские поручения, а затем согласилась включить в один из номеров большую статью, посвященную 80-летию Н.В. Шелгунова – демократического публициста и литературного критика, скончавшегося в 1891 г. Деликатность ситуации состояла в том, что тринадцатью годами ранее похороны Шелгунова были превращены петербургской социал-демократической группой М.И. Бруснева в первую открытую политическую демонстрацию интеллигентов-марксистов. Скрыдлов, таким образом, проявил не только известную смелость, но и определенную широту идейных воззрений. Так появилась первая серьезная публикация Бориса на историческую тему, основанная на разнообразных доступных источниках, прежде всего на воспоминаниях [66 - МР, box 37, folder 13.].

Две немаловажные темы привлекали внимание молодого журналиста. Одна из них была связана с ходившими по городу разговорами о масонах, их тайных ритуалах, их сторонниках и членах масонских лож в городе. Вторая, отчасти связанная с той же масонской темой, – положение местного еврейского населения. Самару тогда часто называли Иерусалимом на Волге. Здесь мирно уживались основные мировые религии: мусульманство, иудаизм, христианство во всем многообразии его конфессий. Каждая религиозно-этническая община обосновалась в своем районе и обустроивала его в соответствии со своими культурными и бытовыми традициями.

Улицу Николаевскую (она наверняка привлекла внимание Бориса хотя бы своим названием, совпадавшим с его фамилией) называли «маленьким Сионом». Ее заселяли переселенцы и беженцы из Малороссии, где бушевали черносотенные погромы. Самара принимала далеко не всех, так как имущественный ценз оседлости с губернского города не был снят. Но в интересах развития экономики губернатор допускал в свой край семьи ремесленников и разрешал им снимать жилье, а потом и строить собственное, практически в центре города. Обе темы – масонство и антисемитизм – позже оказались в числе тех проблем, над которыми работал историк Николаевский.

Первая российская революция

В конце 1904 г. Николаевский стал членом одной из двух существовавших в Самаре подпольных большевистских ячеек. Собственно, выбора не было. Первого меньшевика он увидел только в мае 1905 г. [67 - Ibid, folder 12.] Они появились в Самаре лишь в ходе первой российской революции. Об участии Бориса в революционном кружке содержались сведения в материалах наблюдения, осуществляемого губернским жандармским управлением [68 - Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев: Книжное изд-во, 1969. С. 46.]. Это же ведомство констатировало, что 19 ноября 1904 г. в Самаре состоялась уличная демонстрация, организованная комитетом РСДРП, причем по делу о демонстрации было привлечено к ответственности 17 человек, в том числе Борис Николаевский [69 - Там же. С. 53.].

Революция в городе воспринималась как дело столичное, в основном по газетам и по рассказам людей, побывавших в Петербурге и Москве. Серьезных революционных событий, за исключением участвовавших забастовок, в Самаре не происходило. Единственным видным социал-демократом в городе был Иосиф Федорович Дубровинский (Иннокентий) – большевик, кооптированный в ЦК РСДРП после II партийного съезда (1903 г.), на котором и произошел раскол партии. Занимал он, однако, примиренческие

позиции, выступал за восстановление партийного единства и поэтому находился в некоторой оппозиции к Ленину. Дубровинский планировал создать в городе нелегальную газету и поручил Николаевскому вести в ней отдел местной жизни. Однако из этой затеи ничего не вышло, так как сам Дубровинский в феврале 1905 г. был арестован в Москве, куда поехал на подпольную встречу.

Более прочные связи установились у Бориса с социал-демократическим деятелем Борисом Павловичем Позерном (псевдоним Западный), также примыкавшим к большевикам. Выходец из семьи прибалтийских немцев, этот молодой человек (он был старше Николаевского на пять лет) стал социал-демократом в 1902 г., а в следующем году был исключен из Московского университета и выслан в Самару, где фактически возглавил марксистскую организацию [70 - После 1917 г. Б.П. Позерн занимал различные должности в партийном и советском аппаратах, был одним из помощников С.М. Кирова в Ленинграде, являлся секретарем Ленинградского обкома партии. Во время «большого террора» он был арестован и в 1939 г. расстрелян.].

1 мая 1905 г. самарские социал-демократы попытались организовать рабочую демонстрацию; участие в ней стало первым уличным выступлением, в котором участвовал Николаевский. Демонстрацию легко разогнала полиция. Тогда нелегальная организация решила той же ночью провести еще одну демонстрацию, хотя смысла в этом было мало. Любая уличная акция носила не только протестный, но и агитационный характер. А агитировать посреди ночи было некого.

У Бориса сохранились живые воспоминания о том, что произошло в ту ночь: «Пошли по улице, налетела полиция, было несколько выстрелов, полиция шарахнулась в сторону, потом помчались казаки, перескочили все в соборные садики и разбежались, больших арестов не было... Всю полицию знали. Был там такой переодетый Робчев, который пытался пробраться посмотреть, кто идет впереди. Я его увидел, схватил и выставил из рядов. Потом, когда меня арестовали, был допрос... На следующий день очная ставка с этим околоточным». Робчев, однако, путался в показаниях, не смог сказать точно, был ли Николаевский именно тем самым рослым и физически крепким демонстрантом, который применил к нему силу. В результате Бориса на второй день из участка освободили.

Через несколько дней в Самаре началась забастовка, охватившая главным образом мелкие мастерские, включая даже мастерскую иконописцев. В числе других социалистов Борис писал тексты прокламаций от имени стачечников, перемежая в них экономические требования с лозунгами немедленного созыва Учредительного собрания. «В городе знали в это время фактически все нас. На улице останавливали – зайдите. Или приходили, и мы писали. Мы писали требования», и они предъявлялись затем «в переговорах с администрацией» [71 - МР, box 37, folder 14.].

Все же в городе было сравнительно спокойно вплоть до осени 1905 г., когда прошли слухи, что местные крайне правые организации (ответвления Союза русского народа, Союза Михаила Архангела и др.) готовят антиеврейский погром, проводя с этой целью демагогическую агитацию среди местных люмпенов. В частности, они обвиняли «евреев и социалистов» в стачке железнодорожников, которая окончилась поражением и привела к массовому увольнению и появлению сотен безработных. Используя эту ситуацию как предлог, Позерн (кстати, именно его, немца по национальности, черносотенцы объявляли евреем и главным виновником всех бед) и его соратники, среди которых был Николаевский, заручились поддержкой местных либералов и стали создавать отряды самообороны, в действительности обернувшиеся боевой социал-демократической

дружиной.

Наряду с боевой деятельностью, после царского манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего, в частности, свободу организаций, Борис выступил инициатором создания союза типографских рабочих, мелких чиновников и «других лиц найма», в число которых были включены и местные *censored*тки. Профсоюз с участием *censored*ток образован все же не был. Что же касается рабочих типографий, то Николаевский был избран в комиссию по подготовке устава профсоюза и написал его текст. Хотя сторонники большевиков требовали, чтобы профсоюзы были «партийными», то есть объявляли о своей приверженности социал-демократии, Николаевский настоял на том, чтобы этот пункт не делали обязательным [72 - МР, box 38, folder 1.].

Именно с разногласий по вопросу о взаимоотношениях между профсоюзами и рабочей партией начался постепенный, но достаточно быстрый отход Николаевского от большевиков. Что же касается деятельности боевой группы, то она не привела к какому-либо открытому выступлению, как это имело место в Москве и некоторых других городах (в Москве, впрочем, в Декабрьском восстании 1905 г. главную роль играли не социал-демократы, а эсеры). Боевая организация Саратова, фактическим руководителем которой вскоре стал Николаевский, действовала не просто легально, а пользовалась сочувствием и покровительством командира местного гарнизона полковника Галина, который сам в юности примыкал к революционерам [73 - Николаевский позже рассказывал, что после революции Галин был арестован, лишен воинского звания и отправлен в тюрьму на четыре года.]. Социал-демократическая боевая организация под видом беспартийных групп самообороны, руководимых неким общественным комитетом охраны порядка, патрулировала улицы, поддерживала пристойный режим по всему городу и этим предотвратила погромы.

Одновременно, естественно, агитационная социал-демократическая работа, при активном участии Николаевского, проводилась в самом гарнизоне. Помимо устной агитации Николаевский писал прокламации, обращенные к солдатам, и распространял их, когда эти листки удавалось размножить [74 - МР, box 38, folder 1.].

Социальная активность в городе в этот революционный год была довольно высока, хотя выливалась подчас в полуанекдотические формы. Социал-демократы образовали специальный комитет для выявления требований различных групп населения, которые можно было причислить к трудящимся. Самому Борису, ставшему членом комитета, выпала нелегкая миссия посетить женскую гимназию, чтобы опросить девиц, которые были младше его всего лишь на три-четыре года, и узнать про их революционные требования. Гимназистки были малосознательны и хотели всего лишь отремонтировать в общежитии печь. Когда же Борис стал их упрекать в узости революционных взглядов, девушки, в конце концов, согласились включить еще и требование созыва конституционной ассамблеи.

Как раз в эти оптимистичные и вместе с тем тревожные дни юный Николаевский впервые столкнулся с проблемой, которая станет одной из основных в его жизни. Ему было поручено найти место для хранения архива Восточного бюро ЦК РСДРП, который привез в город меньшевик Григорий Иннокентьевич Крамольников, являвшийся разъездным агентом ЦК [75 - Тот факт, что такой малоизвестный партийный орган действительно существовал, подтверждается письмом Н.К. Крупской (являвшейся некоторое время секретарем редакции газеты «Искра») от 9 октября 1905 г., адресованным

этому бюро (см.: Ленин и Самара. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1966. С. 462). В 1910–1916 г. Г.И. Крамольников (1880–1962) учился в Московском университете, стал математиком, но продолжал участвовать в революционном движении, подвергался арестам. В 1919 г. стал большевиком и поменял профессию. В 1922–1924 гг. он работал в Институте красной профессуры, в 1924–1930 гг. являлся научным сотрудником Института Ленина, с 1930 г. научным сотрудником Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б.). Хорошенько подумав, Борис через свою сестру обратился к ее подруге еще по гимназии, внучке главного священнослужителя центральной городской церкви, который знал его отца. Девушка не решилась на нелегальные действия и все рассказала своему деду. Вместо того чтобы обратиться в полицию, тот пригласил молодого человека в свой дом. Выяснив, что речь идет о документах организации, которая не призывает к кровавому террору, а видит свою цель в создании справедливого общества равноправных людей, протоиерей сам предложил помощь. Архив был надежно спрятан на чердаке его дома. Внучка протоиерея жила в мезонине, из ее комнаты на чердак вела дверь. К двери подтащили шкаф. Когда было необходимо, шкаф отодвигали, и новые документы присоединялись к старым [76 - МР, box 38, folder 1.].

Вся эта деятельность времен первой русской революции самому Николаевскому казалась достаточно безобидной. Только значительно позже он узнал, что совсем близко действовали уральские боевые дружины, образованные по инициативе большевиков. Задачи уральским дружинникам ставил Ленин: «Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие – нападения на банк для конфискации средств для восстания» [77 - Ленин В.И. «Полное собрание сочинений» (далее «ПСС»). М.: Госполитиздат, 1960. Т. 11. С. 187. Мы берем официальное наименование пятого издания сочинений Ленина в кавычки, ибо оно отнюдь не является полным; за его пределами остались многие сотни ленинских документов, публикация которых в СССР считалась политически нецелесообразной или идеологически вредной.]. Ленин проповедовал необходимость «кровавой, истребительной войны» [78 - Там же. Т. 13. С. 372.]. Он призывал своих сторонников «воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями» [79 - Там же. С. 375–376.]. Об авантюрах Лбова и братьев Кадомцевых говорили по всему Уралу и прилегавшим к нему губерниям. Через много лет в своих комментариях к документальной публикации о российской социал-демократии Николаевский не раз упомянет об этих в полном смысле слова бандитских группах, наводивших страх не только на власти, но и на местное население: «Уральские большевики, во главе которых стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), делали попытки создания в подполье массовой рабочей милиции, разрабатывали далеко идущие военно-стратегические планы восстания на Урале и т. д. и свои экспроприации проводили главным образом для получения денежных средств на эту работу, а в Б[ольшевистский] Ц[ентр] передавали относительно лишь небольшую часть доходов от своих предприятий» [80 - Hoover Institution. Nicolaevsky Collection (далее: NC), box 542, folder 1; Николаевский Б.И. Тайные страницы истории / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 27.].

Братья Эразм (1881–1965), Иван (1884–1918) и Михаил (1886–1918) Самуиловичи Кадомцевы являлись организаторами боевых экспроприаторских дружин в различных

районах Урала в 1905 г. Они были арестованы, но полностью их вина доказана не была; поэтому их сослали. Что же касается Александра Михайловича Лбова (1876–1908), носившего прозвище Гроза Урала, то это был бандитствовавший революционер, беспартийный, ранее являвшийся рабочим Мотовилихинского завода. В 1906 г. он организовал ряд экспроприаций, поддерживая связи с эсерами и большевиками. Лбов был арестован, приговорен к смертной казни и повешен.

После подавления Декабрьского вооруженного выступления в Москве и аналогичных столкновений в нескольких других городах революция явно пошла на убыль, хотя продолжалась еще примерно полтора года. Окончательно она была остановлена премьер-министром П.А. Столыпиным, распустившим 3 июня 1907 г. II Государственную думу и издавшим более консервативный закон о выборах, обеспечивавший в Думе господство правых политических сил. Тенденция к спаду революции тотчас проявилась в Самаре, где новый губернатор, назначенный в декабре 1904 г., отказался от «сосуществования» с социал-демократами, поменял руководство гарнизона и полиции и потребовал от них наведения порядка. В конце декабря дом, в котором происходило очередное заседание местной социал-демократической группы, был окружен полицией, большинство его участников были арестованы. Николаевскому, однако, удалось бежать, используя черный ход, возле которого неопытные стражи не выставили охрану.

Около месяца Борис пребывал в подполье, попытавшись в это время вести агитацию среди солдат местного гарнизона. В конце января 1906 г. он был задержан полицией, вскоре освобожден, однако 23 апреля того же года вновь арестован, на этот раз с поличным – за распространение революционных листовок среди солдат – и провел в тюрьме более года. Обнаруженных у него нелегальных материалов и свидетельских показаний было достаточно для немалого срока ссылки или даже тюремного заключения, но, на счастье Бориса, ему еще не исполнилось 21 год; формально он считался несовершеннолетним. В июле 1907 г. он был освобожден без суда (со строгим предупреждением более не участвовать в подрывной деятельности) и поставлен под негласное полицейское наблюдение.

Три месяца, проведенные на этот раз в заключении, оказались особенно важны для дальнейшей политической судьбы 20-летнего Николаевского. В той же тюрьме находились два известных социал-демократа. Одним из них был Лев Григорьевич Дейч, в прошлом народник, а затем один из основателей марксистской группы «Освобождение труда», с 1903 г. видный меньшевик, прославившийся своими побегами с каторги и из ссылки. Другим – Александр Львович Гельфанд, известный больше по псевдониму Парвус, который участвовал ранее в германском рабочем движении, а затем приехал в Россию «делать революцию». Гельфанд (Парвус) к меньшевикам не примыкал, занимая особую позицию. Вместе с Троцким он начал разработку концепции перманентной революции, которую позже Троцкий развивал самостоятельно. Но и к большевикам Парвус относился весьма и весьма критически. Общение с этими незаурядными людьми привело к окончательному отходу Николаевского от большевизма. В то же время в стане меньшевиков он сохранял определенную «автономность» и стремился любые партийные и фракционные решения пропускать через сито собственных оценок [81 - МР, box 38, folder 1.].

Находясь в тюремной камере, Борис получил право выполнять платную работу статистика губернского статистического управления. Задания ему доставлялись прямо «по месту жительства», и он за месяцы заключения приобрел дополнительную квалификацию

и заработал небольшие деньги – около 100 рублей. После освобождения у молодого человека возникла явная «охота к перемене мест». Он побывал в Уфе, встретился с матерью и другими родными. Затем отправился в Омск, где вновь попытался начать пропагандистскую работу среди солдат. Однако его усилия отклика не получили, и через два месяца он покинул провинциальный сибирский город и отправился в западную сторону, останавливаясь на недолгое время в различных местных центрах. Через много лет на вопрос о том, зачем поехал в Сибирь, Николаевский ответил: «Куда-нибудь надо [было] поехать! И хотелось Сибирь посмотреть... Сибирь меня интересовала – романтика. Ну, в Омске я прожил очень недолго... Это было время большого разгрома местной организации» [82 - Ibid.]. По всей видимости, именно в этом и заключалась главная причина внезапного отъезда из Омска: Николаевский просто спасался бегством.

Меньшевик в столице и ссылках

Ни один из периферийных городов, включая Самару – город его детства и юности, – не приглянулся Борису. Почти не задерживаясь в них, в конце августа 1907 г. [83 - В одном из интервью Николаевский сказал Хеймсону, что приехал в столицу в июле, но это была явная оговорка, так как лишь в июле он вышел из тюрьмы.] Николаевский впервые прибыл в Петербург, где в это время проходила предвыборная кампания по выборам в III Государственную думу. Борис, горько сожалевший, что пропустил выборы в предыдущие две Думы, в которых левые силы имели значительное влияние (за что, собственно говоря, обе Думы и были распущены), энергично включился в избирательную кампанию, главным образом своими газетными выступлениями, за которые получал грошовые гонорары, позволявшие, однако, как-то существовать.

В столицу Николаевский привез переданный ему в Самаре тот самый архив Восточного бюро ЦК, который в свое время был укрыт в доме протоиерея. Борис намеревался передать его в фонды Императорской академии наук, имея в виду, что академический архив охотно принимал на хранение такого рода документацию, совершенно, впрочем, не относившуюся к деятельности академии. Среди материалов были в том числе и документы Ленина. Этот фонд, однако, пропал, так как, занятый текущими делами, Борис не успел передать его в академию до нового ареста [84 - МР, box 38, folder 2.].

В Петербурге Николаевский познакомился с ведущими меньшевистскими деятелями, ведшими работу в легальных организациях, прежде всего в профсоюзах, с людьми, которых Ленин презрительно называл «ликвидаторами», то есть теми, кто настаивал на прекращении нелегальной деятельности, – Марком Исааковичем Бройдо, Иосифом Андреевичем Исувом и другими. Активно противодействуя разлагающей работе ленинцев, эти деятели отнюдь не были ликвидаторами – они стремились сохранить подпольную организацию, пользовались конспиративными псевдонимами (Исув звался Михаилом, Бройдо – Брагиным), хотя, действительно, концентрировали основное внимание на массовой работе в рабочей среде. У Николаевского была полученная им еще в Омске явка к Исуву, который вначале встретил его подозрительно, сочтя поведение Бориса нарушением конспирации, но вскоре между ними установились нормальные деловые отношения.

Расхождения с большевиками углублялись по конкретным вопросам. По мнению Николаевского, большевики выдвигали лозунги, не соответствовавшие времени,

пользовались недопустимыми для социал-демократов средствами, в частности бандитскими экспроприациями и вымогательствами, налетами, ограблениями («партизанские акции» и связанные с ними террористические нападения были последней гирькой на чаше весов, которые определили окончательный переход Николаевского в меньшевистский лагерь) [85 - Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 22.]. «Может быть, я даже не совсем так тогда понимал... – вспоминал Николаевский, – но отрицательное значение... этого чувствовал очень определенно» [86 - МР, box 38, folder 1.].

Особое впечатление на Бориса производили речи одного из лидеров меньшевиков, страстного оратора Ираклия Георгиевича Церетели, вокруг которого возник своего рода ореол непримиримого и принципиального борца за демократическое преобразование России. К Церетели Николаевский с самого момента их знакомства относился буквально с благоговением. Молодому социалисту нравились также статьи Мартова, в которых привлекала логика, широкая эрудиция, исторический подход, что для человека, все более приобретающего квалификацию историка, становилось особенно важным. С интересом читал Николаевский и статьи Троцкого, еще до революции 1905–1907 гг. оформившегося в качестве нефракционного социалиста, разрабатывавшего особый подход к будущей революции, в которой общедемократический и социалистический этапы должны были слиться воедино в перманентной революционной схеме. Троцкий привлекал как прекрасный публицист, как страстный борец за социал-демократическое единство. Однако личных симпатий к нему у Николаевского не было [87 - Ibid.]. Можно предположить, что его отталкивала присущая Троцкому высокомерность, убежденность в собственной правоте, стремление поучать других, нетерпимость к критике, жаливший стиль не всегда аргументированной полемики (такое отношение к Троцкому Николаевский открыто выскажет позже, в 20-х годах).

Николаевский поддержал идею муниципализации земли, то есть передачи земли в собственность местным органам самоуправления, в противовес большевистскому лозунгу национализации земли – передачи ее государству. Борис считал необходимым сохранение целостного Российского государства, был против автономии национальных районов, на чем настаивали большевики. Он полагал, что социал-демократы должны считаться с другими прогрессивными политическими силами, в случае необходимости вступать с ними в блоки, сотрудничать в том числе с либеральной Конституционно-демократической партией (кадетами), которую большевистские агитаторы всячески разоблачали как «прислужницу империализма».

В середине сентября, то есть вскоре после приезда, Николаевского избрали секретарем Выборгской организации РСДРП Петербурга, что свидетельствовало о доверии, которое завоевал Борис в среде обычно весьма подозрительных и неуживчивых однопартийцев. Кампания по выборам в III Государственную думу проходила пассивно, чувствовалось разочарование. Интеллигенция, по словам Николаевского, «уходила устраивать свои дела». Когда Борис ехал поездом из Омска, он разговорился с солдатами, демобилизованными из армии и возвращавшимися домой. Те поведали о настроениях в частях и даже о попытках создания оппозиционных организаций. Уже в Петербурге Борис написал об этом в статье, опубликованной в большевистской газете «Вперед», которой руководил Ленин. Газета была одним из немногих социал-демократических органов, плативших небольшие гонорары. Для молодого человека, не имевшего постоянного заработка, это было немаловажно (Борису заплатили 10 рублей).

Вскоре после приезда в Петербург произошла первая встреча Николаевского с Лениным, проживавшим в это время в Финляндии, в Куоккале, куда, видимо, Борис поехал по партийному поручению. Ленин считался в это время не просто руководителем фракции, а лидером всей партии, ибо в 1905 г. на IV съезде в Стокгольме по требованию II Интернационала произошло формальное объединение российских социал-демократов. На следующем, лондонском V съезде (1907 г.) большевики уже преобладали. Ленин стал главным редактором партийной газеты «Социал-демократ». Одновременно он оставался редактором чисто большевистской газеты «Вперед», где была помещена статья Николаевского.

Похоже, что, прочитав эту статью, Ленин захотел познакомиться с автором, которого не считал «потерянным» для своей группы. Но полезного разговора не получилось. Через десятилетия Николаевский рассказывал (впрочем, довольно туманно, видно, что многое у него стерлось из памяти, тем более что Ленин особого впечатления на него не произвел): «Встреча была на явке в университете. Ничего особенно интересного не было. Он меня расспрашивал... Я всюду читаю, что у Ленина такие особые глаза, проникающие и так далее... Он, может быть, устал, или, может быть, у него на всех не хватало глаз, но, во всяком случае, со мной ничего особенного не было. Обычный разговор, просил еще написать что-нибудь. Но вот что характерно, приглашал он меня писать, несмотря на то что я ему сказал, что я меньшевик, что секретарь меньшевистского района» [88 - МР, box 38, folder 2; Ким А., Ненароков А. Чутьем сердца. С. 9. Несколько позже между Лениным и Николаевским произошел острый спор, причем Борис признавал, что не смог найти необходимых аргументов, которые убедили бы присутствовавших в правильности позиций меньшевиков. «Моя речь была довольно слабой», – самокритично вспоминал Николаевский (Kristof L.K.D. B.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 18).].

Жизнь на воле продолжалась, однако, совсем недолго. 15 октября 1907 г., то есть всего через два месяца после приезда в столицу, Борис был опять арестован (его схватили после участия в нелегальном собрании районного совета безработных, в котором он участвовал в качестве партийного секретаря). До марта 1908 г. он просидел в петербургской пересыльной тюрьме, затем был приговорен к двухгодичной ссылке (в этот срок было зачтено предварительное заключение). Контакты с другими заключенными и тем более с внешним миром были спорадическими. Ежедневно приговоренных уводили на этапы. «Чувствовал, что мы вступаем в трудное время, – вспоминал Николаевский, – но сомнений не было, что именно так надо было сделать» [89 - МР, box 38, folder 2.].

Весной 1908 г. этап, в который был включен Николаевский, прибыл в Архангельск, откуда осужденного отправили в поселок Пинега, являвшийся своего рода центром политической ссылки. Пинега был уездным городком Архангельской губернии, находился на берегу одноименного притока Северной Двины. В разное время здесь побывали социал-демократы Алексей Иванович Рыков, Климент Ефремович Ворошилов и даже будущий писатель Александр Грин. Здесь Борис познакомился с известным польским социал-демократом Адольфом Ежи Варшавским (известным под псевдонимом Варский) – одним из руководителей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) – левой партии, входившей в РСДРП на правах автономной организации и одно время сотрудничавшей с большевиками. Варский был даже членом ЦК РСДРП и на одном из собраний в Пинеге выступил с докладом о положении в Польше. Кроме Барского из известных революционеров Николаевский в ссылке познакомился с умеренным большевиком Константином Константиновичем Юрневым (настоящая фамилия

Кротовский), который вскоре отошел от большевизма, но после Октябрьского переворота 1917 г. вновь к нему присоединился и стал советским дипломатом. Оба новых знакомых Николаевского – Варский и Юренев – были расстреляны Сталиным во время чисток.

В Пинеге жизнь не была ключом, но все же была библиотека, а ссыльные ухитрялись получать с оказиями литературу, включая нелегальную, газеты и журналы, в том числе даже зарубежные. Вся эта литература, правда, приходила с большим опозданием, что крайне тяготило Николаевского и его товарищей, нервно переживавших свою оторванность от жизни в центральной части России. Видимо, из-за этого вынужденного безделья Борис стал изучать местные экономические обзоры, статистические материалы, прессу, наблюдать трудовую жизнь и быт рабочего и сельского населения, накапливая данные для будущих публикаций этнографического характера.

О полутора годах своей ссылки Борис Николаевский сохранил совсем неплохие воспоминания. Он получал из казны 13 рублей 50 копеек в месяц на пропитание и жилье, и этих денег ему хватало, чтобы вести скромное, но вполне сносное существование, не прибегая к дополнительным заработкам. Он жил в деревенской хате, изучал быт и нравы крестьян Севера, упивался скупой, открывавшейся только тем, кто умел ею наслаждаться, северной природой. С разрешения местных властей вместе с двумя другими молодыми людьми, которые, как и он, не обладали необходимыми элементарными геологическими познаниями, Борис весной 1909 г. предпринял экспедицию на Крайний Север, в район Воркуты, для обследования угольных залежей и природных условий. Борис в экспедиции числился ботаником, хотя почти никаких познаний в этой области у него не имелось. Все трое участников экспедиции были молодыми, выносливыми и смелыми людьми, которым во время путешествия часто приходилось преодолевать немалые трудности. Питались, как правило, тем, что удавалось поймать или собрать. Сталкивались с медведями, гонялись за оленями, гусей ловили прямо руками.

Экспедиция подтвердила, что немалые угольные слои здесь действительно есть. Запасы угля в этом районе еще не были сколько-нибудь детально изучены. Только через два с лишним десятка лет началась их интенсивная разработка с использованием в основном рабской рабочей силы заключенных ГУЛАГа, а сама Воркута стала столицей рабского труда в советском Заполярье.

Из своей экспедиции Николаевский с товарищами привез большую геологическую коллекцию, которая позже была передана в музей геологии Императорской академии наук. В числе экспонатов были также черепа оленей, которые экспедиция обнаружила в одной из пещер, где местные древние жители приносили их в ритуальную жертву. Николаевский вел подробный дневник экспедиции, который позже, к сожалению, пропал.

По истечении срока ссылки в феврале 1910 г. Николаевский получил предписание отправиться к матери в Уфу, где он подлежал воинскому призыву. Наблюдение за ним было теперь усиленным, и Борис вынужден был подчиниться. В Уфе во время воинского медицинского освидетельствования рослого Николаевского сначала признали абсолютно здоровым и годным к несению службы в императорской гвардии. Но, узнав, что он политически неблагонадежен, тут же обнаружили у него какие-то шумы в сердце и объявили непригодным для воинской службы вообще.

Николаевский позже вспоминал, что уфимские врачи, проводившие освидетельствование, были старые его знакомые, сочувствовавшие социал-демократам. Они и рискнули помочь Николаевскому освободиться от армии под вымышленным предлогом. Возможно также, что и сами уфимские чиновники опасались отправлять

революционера в армию. Было ясно, что и в армии Николаевский станет заниматься революционной агитацией, причем неприятности из-за этого возникнут не только у Николаевского, но и у самих уфимских чиновников, в армию его пославших.

Так или иначе, Николаевский от воинской службы был освобожден. В Уфе он попытался установить связь с местными социал-демократами. В числе его новых знакомых оказался поселившийся в Уфе молодой социалист Николай Николаевич Баранский, который был исключен из Томского университета и после нескольких арестов отошел от революционной деятельности. Теперь он, по его словам, «натаскивал идиотов», давая частные уроки, чтобы накопить денег и поступить в университет. В 1914 г. Баранский действительно поступил в Московский коммерческий институт, специализировался в области экономической географии, стал известным ученым, советским академиком, Героем Социалистического Труда (умер в 1963 г.).

Летом 1910 г. Николаевский был задержан полицией по обвинению в связи с террористами, однако через полтора месяца освобожден за недостаточностью улик. Он отправился в Самару в надежде возобновить журналистскую работу, используя старые связи, но здесь опять был арестован. Самарские жандармы оказались более дотошными. Им удалось собрать доказательства, свидетельствующие, что молодой человек не отказался от подрывных целей. Николаевский был предан суду и получил новую ссылку, теперь уже на три года. Его сослали в уездный городок Кемь знакомой ему Архангельской губернии.

В новой ссылке Борис начал интенсивную обработку собранного ранее и продолжавшего обновляться богатого этнографического материала, который посылал в «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», где регулярно печатался [90 - Этот первый научный журнал Архангельска выходил вначале два раза в месяц, а затем ежемесячно в 1909–1919 гг.]. Совершенно случайно он обнаружил у кого-то из местных жителей отчеты за несколько лет «Кемского пароходного училища» (в действительности в этом уездном городке были лишь шкиперские курсы), которые дали возможность воспроизвести интересные подробности из истории флота на Русском Севере. Верный выработанной уже привычке использовать любую возможность довести до читателей ценный первичный материал в журнале «Русское судоходство» (издавался Императорским обществом для содействия развитию русского торгового пароходства), он опубликовал статью «Парусный флот Архангельской губернии».

Борис не тяготился исследовательской работой, которую вел, но стремился еще и к активному участию в политике. Деревенское спокойствие глубоко провинциальной Кеми начинало его все более утомлять. Молодой человек решил бежать. Бегство политических ссыльных особым подвигом не считалось и действительно не было таковым. Местные жандармские чиновники были ленивы и туповаты. Обмануть их не составляло особого труда. Успешно бежать и меньшевикам, и большевикам удавалось даже из глухих уголков Восточной Сибири. В своих исторических трудах Николаевский позже будет употреблять термин «вызвать из ссылки»: когда эмигрантское руководство предлагало бежать тому или иному нужному в эмиграции социал-демократу.

Так весной 1911 г., менее чем через год после водворения в северный городок на берегу Белого моря, Борис Николаевский его нелегально покинул на маленьком пароходе под видом местного рыбака. Он добрался до Архангельска, оттуда поездом приехал на

Украину, затем перебрался в Москву и, наконец, в Петербург. В столице, где о Николаевском помнили и по его организационной деятельности, когда он был районным социал-демократическим секретарем, и по нескольким печатным выступлениям, его сразу же привлекли к работе меньшевистской организации.

В кругах меньшевиков в тот период существовали разные течения. Были сторонники сохранения строго дисциплинированной подпольной организации с минимальным выходом в массы (эта группа меньшевиков, получившая название «партийцы», шла за находившимся в эмиграции Г.В. Плехановым и сотрудничала с большевиками). Были и те, кто призывал полностью выйти из подполья и влиться в легальное оппозиционное движение, составив его крайне левый фланг. Николаевский придерживался мнения, что нелегальные организации следует сохранить, создавать новые и при этом активно организовывать легальные профсоюзы, страховые общества, гуманитарные и благотворительные общества типа обществ трезвости, кооперативных объединений и т. п. [91 - МР, box 38, folder 2.]

Со временем имя Бориса Николаевского, выступавшего обычно в прессе под псевдонимами, наиболее распространенными из которых были Гр. Голосов и Н. Борисов, но использовавшего разного рода инициалы, в том числе подлинные, стало известным не только в столичных меньшевистских кругах. Невольную рекламу Николаевскому сделал Ленин, набросившийся на статью «За единство думской фракции», в которой Николаевский выступил с энергичной и убедительной поддержкой лидера социал-демократической фракции в III Государственной думе Николая Семеновича Чхеидзе. Ленин же посвятил статье Голосова едкий ответ «Плохая защита плохого дела», в которой многократно повторял, что Голосов «смертельно обиделся» за кличку Чхеидзе «околопартийный социал-демократ». (Это Ленин скорее обиделся на Голосова за ироническую фразу: «Партия там, где сидят В. Ильин [Ленин] с Гр. Зиновьевым».) Финалом было причисление Голосова к ликвидаторам, что для Ленина было самым едким и страшным оскорблением [92 - Ленин В.И. ПСС. 1961. Т. 24. С. 78–80.]. Голосов собрался было Ленину ответить, но меньшевистский лидер Федор Ильич Дан его отговорил.

Вскоре Николаевский стал помощником М.И. Скобелева – депутата IV Государственной думы от социал-демократической партии, вошел в редколлегию «Новой рабочей газеты», которую возглавлял Дан, познакомился с женой Дана, известной меньшевичкой, жесткой и непримиримой в своих оценках Лидией, а через Лидию – с находившимся в эмиграции братом Лидии, фактическим руководителем меньшевиков, пользовавшимся авторитетом и уважением в левых кругах Юлием Осиповичем Мартовым. Правда, работа со Скобелевым продолжалась недолго – всего несколько месяцев. Как вспоминал Николаевский через 15 лет, он сбежал от Скобелева, так как тот был очень черствым человеком и большим эгоистом [93 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 288.].

Чтение социал-демократической литературы и прессы, нелегально доставлявшейся в Россию, особенно немецких газет и журналов, не только укрепляло Николаевского в его меньшевистских предпочтениях, но и делало его, подобно многим другим меньшевикам и большевикам, страстным поборником германской социал-демократии. Обе фракции с особым уважением относились к Карлу Каутскому, трактуя его позицию, каждый по своему, в выгодном для фракции духе. Сам же умудренный политик Каутский, внимательно следя за спорами в российской социал-демократии, до 1912 г. не высказывал открытого предпочтения одной из сторон, хотя иногда брал под защиту Ленина, а

Мартова называл раскольников. Вместе с Францем Мерингом и Розой Люксембург Каутский согласился быть «держателем» спорных денежных сумм, полученных главным образом в результате организованных большевиками грабительских экспроприаций (эксов). Меньшевики экспроприации осуждали, но на добытые преступным путем деньги претендовали.

Уже в это время Борис Иванович стал собирать документы по истории германской социал-демократии (СДПГ) и ее отношениям с Россией. Николаевского привлекали в германской социал-демократии дисциплинированность и в то же время относительная свобода дискуссий, существование мощной печатной базы в виде издательств, газет, выпускавшихся массовыми тиражами, и серьезных теоретических журналов. СДПГ имела влиятельную фракцию в рейхстаге, где социал-демократы действовали сплоченно, несмотря на существенные различия между их правым крылом (Ф. Шейдеманом, Г. Носке и другими) и левыми во главе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом. К левым примыкали находившиеся в Берлине руководители Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) Юлиан Мархлевский, Адольф Варшавский (Варский) и Ян Тышка. Формально СДКПиЛ входила еще и в РСДРП. Таким образом Роза Люксембург, будучи видной германской социалисткой, одновременно входила и в польскую, и в российскую социал-демократические партии. Разобраться в этих хитросплетениях было нелегко, и Николаевский буквально по крупицам собирал материал, который через много лет составил важную часть его документальной коллекции.

Конструктивная и ответственная деятельность СДПГ больше напоминала Николаевскому меньшевистское крыло русской социал-демократии. В ней не было ни авантюризма Симона Тер-Петросяна, более известного как Камо, прославившегося в 1907 г. на Эриваньской площади в Тифлисе налетом на почтовый экипаж, перевозивший казенные деньги (в результате этой экспроприации было убито несколько десятков человек); ни извечного желания Ленина расколоть единую партию (как в январе 1912 г., когда Ленин собрал в Праге большевистскую конференцию, назвав ее «общепартийной», окончательно расколов социал-демократов). И хотя при всей экспансивности Николаевского, которому в 1912 г. исполнилось 25 лет, ему нелегко было принять сторону более умеренного течения, он сделал этот выбор осознанно и бесповоротно. Лихорадочная поспешность, характерная для большевиков, особенно для ленинской группы, полагавшей, что для реализации цели все средства хороши, говорила Николаевскому лишь о том, что российское общество не было готово к социалистической революции.

Поездка на юг. Бакинские встречи

В 1911 г. Николаевский принял предложение меньшевистских руководителей отправиться со своего рода инспекционной миссией на юг страны. По дороге он остановился в Москве, где должен был встретиться с большевиком А.И. Рыковым (брат Николаевского был женат на сестре Рыкова). Но Рыков на встречу опоздал, и Николаевский его не дождался. Из Москвы он отправился в Екатеринослав, некоторое время сотрудничал там в местной социал-демократической подпольной газете «Южная заря», выезжал по ее поручению в город Александровск (будущий город Запорожье); затем поехал на Кавказ.

С конца 1911 г. Николаевский несколько месяцев находился в Баку, куда въехал как журналист, по чужому паспорту. Он действительно собирал материал о социально-политической ситуации в Закавказье, передавал его в столичные социал-демократические газеты, в частности в только что открытую газету «Звезда», орган социал-демократической фракции Государственной думы. Первоначально в этой газете руководящие позиции заняли большевики-примиренцы. Статьи Николаевского в этой газете были подписаны псевдонимом Ликвидатор. Это было время, когда взаимоотношения между петербургскими легальными деятелями и редакцией «Звезды» значительно улучшились. Она открыла свои страницы для сообщений и статей рабочих организаций. Уступчивость ленинцев, бывших закулисными хозяевами «Звезды», была только временной; очень скоро политика редакции изменилась, но обострения иногда сменялись потеплением в отношениях и позже [94 - НС, box 549, folder 3. В Баку Николаевский принял участие в подготовке отчета закавказских социал-демократических депутатов Государственной думы. Необходимость написания такого отчета была вызвана публикацией за границей брошюры близкого Ленину большевика Н.А. Семашко, пишущего под псевдонимом Александров (Александров: Социал-демократическая фракция III Государственной думы. Париж, 1911). Меньшевистский отчет писался в Баку весной 1912 г. по инициативе грузинских меньшевиков – депутатов Н.С. Чхеидзе и Е.П. Гегечкори – как противовес брошюре Семашко. Брошюра «Закавказские депутаты в III Госуд. Думе», являвшаяся фактически их отчетом, вышла анонимно. По воспоминаниям Николаевского, ее редактором был Н.Н. Жордания, а в составлении приняли участие известный бакинский меньшевик Б.А. Гинсбург (псевдоним Кольцов), Николаевский и некоторые другие лица (НС, box 548, folder 2).].

Но главное направление работы Бориса в нефтяном городе заключалось не в этом. Николаевский имел задание петербургских меньшевистских руководителей, вступив в местную партийную организацию, расследовать сомнительные обстоятельства избрания местного большевика Степана Спандаряна на Пражскую конференцию, которая была объявлена «общепартийной», но, по существу дела, являлась чисто фракционной большевистской [95 - НС, box 549, folder 4.]. «Вопрос об участии Спандаряна на Пражской конференции вообще является одним из наиболее темных моментов в истории этой конференции», – писал Николаевский. Проведенное расследование показало, что выборов делегата от Баку или от Закавказья на эту конференцию не было. Еще в середине 1907 г. ранее единая социал-демократическая организация этого города была расколота приехавшим сюда из Тифлиса Сталиным и его помощниками Григорием Орджоникидзе и Степаном Спандаряном (Сталин перебрался в Баку сразу после экспроприации, осуществленной Камо на Эриваньской площади).

Весной и летом 1911 г. была предпринята попытка объединения закавказских социал-демократов. Однако фактически большевики сохранили свой сепаратный руководящий орган, который, как стало известно позже, находился под пристальным наблюдением полиции, сумевшей внедрить в него своего тайного агента по кличке Фигус (им оказался рабочий Г.В. Серегин, поддерживавший настолько дружеские отношения со Сталиным и Спандаряном, что последний одно время жил на квартире Серегина). Хотя в то время провокатор не был революционерами выявлен, факт его существования был очевиден из-за предпринятых охранным отделением арестов по конкретным адресам. При этом большевики искали агента в среде меньшевиков, а меньшевики среди сталинцев [96 - Позже в делах охранных отделений Департамента полиции Российской империи были

обнаружены многочисленные доклады Серегина (ГАРФ. Ф. 102. 00, 1910. Ед. хр. 5. Ч. 6. Л. 9, 11, 13, 31, 33 и др.).].

После очередного ареста некие три социал-демократа и «избрали» Спандаряна на Пражскую конференцию, причем одним из трех был провокатор Серегин. Когда в Баку стало известно о Пражской конференции и об участии в ней «представителя от Азербайджана» Спандаряна, местные социал-демократы, включая умеренных большевиков, возмутились. По их поручению Николаевский и Ибрагим Абилов, один из руководителей татарской социал-демократической организации Гумет (она тяготела к большевикам) написали обширный протест, который был отправлен за границу через видного местного социал-демократа М.И. Скобелева (того самого, чьим помощником в качестве депутата некоторое время работал Николаевский).

Протест был опубликован в газете «Правда», выпускавшейся в Вене нефракционным социал-демократом Л.Д. Троцким [97 - Правда. 1912. 6 мая.]. В этом документе, в частности, говорилось, что «членам объединенного Руководящего центра местной организации решительно ничего не известно о выборе и делегировании этого «делегата»... Кем выбран он и кем снабжен мандатом без ведома местной организации, является вопросом, решение которого нужно искать в искренности большевиков... Теперь товарищам станет ясным, каково искреннее желание т[оварищей] большевиков к объединенной и совместной работе».

Николаевский был прав, полагая, что этот протест произвел некое впечатление на ленинцев. Н.К. Крупская писала вскоре после Пражской конференции: «Насчет Баку какая-то злостная выдумка, но не всегда сразу распутаешь, в чем дело. Руководящий центр существовал до объединения... почему он теперь выступает с какими-то письмами, не знаю. Учинили там, что ли, ликвидаторы опять раскол... черт их разберет» [98 - Пролетарская революция. 1941. № 1. С. 64.]. Не очень разбиравшаяся в сложных сложных вопросах внутрипартийной борьбы жена Ленина этим письмом просто передавала чувство беспокойства своего супруга по поводу того, что факт злоупотреблений Ленина стал достоянием партийной общественности.

О Сталине Николаевский услышал от большевика А. С. Енукидзе вскоре после приезда в Баку в сентябре 1911 г. Енукидзе в это время принадлежал к числу примиренцев, то есть тех адептов большевизма, которые искренне стремились к ликвидации партийного раскола. В откровенном разговоре с Николаевским в полуподвальной пивной, собственником которой был социал-демократ, Авель Софронович охарактеризовал Кобу (Сталина) как человека крайне злобного и мстительного, способного не останавливаться перед самыми крайними средствами во фракционной борьбе. «Запомните, – сказал Авель, – очень мстительный, не забывает ничего. Так что будьте осторожны».

Слова эти показались Николаевскому настолько значительными, что весь этот эпизод зеркально запечатлела его память – не только то, что было сказано, но и место, тон, которым проговаривались слова:

«Помню, как сейчас, серьезный тон его ответа на мое недоверчивое замечание: что же, вы считаете, что они способны своих противников «мало-мало резать»? (так тогда писала правая печать о кавказских нравах вообще). «Не шутите, – ответил мне Енукидзе, – действительно способны». Он считал это характерной особенностью перенесения кавказских нравов во внутрипартийную борьбу; особо подчеркивал, что я не должен считать ее отличительной особенностью одних только большевиков, и назвал при этом имя «Петра Кавказского» (Н.В. Рамишвили, в 1918–1921 гг. министр внутренних дел

Грузинской Демократической Республики), как меньшевика, который мало чем отличается от Кобы, советовал мне хорошо запомнить об этой особенности местных партийных отношений».

Николаевский, с присущей ему объективностью, отмечал, что в словах Енукидзе «не было элементов предостережения политически-полицейского характера», то есть его собеседник Сталина в провокаторстве не подозревал. К тому же, когда Николаевский приехал в Баку, Сталина там еще не было. Он отбывал ссылку в Вологде и в начале 1912 г. без каких-либо затруднений бежал оттуда. Недолго пробыв в Тифлисе, где ему было весьма неуютно, так как в социал-демократической организации этого города решительно преобладали меньшевики, которые относились к Сталину весьма подозрительно, считая его одним из главных организаторов экспроприации на Эриваньской площади [99 - Вообще с Грузией и грузинами у Сталина отношения не складывались. Трения, которые имели место в начале века, распространились на послеоктябрьский период и привели к тому, что во время первого визита в Тифлис после завоевания Грузии Красной армией в феврале 1921 г. Сталина освистали рабочие железнодорожных мастерских. В следующем году возник конфликт с руководством республиканской компартии, которое требовало известной автономии республики, а во второй половине 20-х годов большинство руководящих коммунистов республики присоединилось к антисталинской Объединенной оппозиции. В Грузии Сталина называли «горийский поп».], Сталин в марте приехал в Баку, где пробыл до конца месяца. Его приезд был связан прежде всего с арестом Спандаряна, ослабившим местную организацию большевиков. Сталин и должен был залатать возникшую «дыру» и отчитаться перед Лениным о проделанной работе.

Совещания бакинского Руководящего центра проходили раз в две недели по воскресеньям на квартире Гумета Абилова. После очередного заседания к Николаевскому пришел большевик Л.С. Сосновский и сообщил, что только что приехавший в город Сталин просит созвать новое экстренное совещание для доклада. «Моим первым движением, конечно, было ответить отказом, – вспоминал Николаевский. – Не говоря о том, что созывать экстренное собрание «Центра» среди недели, в рабочий день, было делом крайне трудным, я был уверен, что «Центр» не захочет выслушивать и доклада Сталина. Но и доводы Сосновского были серьезными. Он указывал, что «Центр», выступивший в печати с протестом против узкой фракционности поведения большевиков, не должен давать им права упрекать его в том же самом, а систематический отказ выслушивать доклады представителей ЦК ленинской партии давал основание для таких упреков. Для меня эти доводы Сосновского звучали тем более убедительно, что сам Сосновский по настроению принадлежал тогда к числу тех большевиков-примиренцев, которые оказывали поддержку нашему «Центру» за его «надфракционную» политику [100 - Сосновский Лев Семенович (1886–1937) был большевиком с 1903 г. Работал в Баку, а затем в Петербурге. После Октябрьского переворота 1917 г. в основном на журналистской работе. С 1918 г. являлся постоянным сотрудником «Правды». Участник объединенной антисталинской оппозиции 1926–1927 гг. В 1927 г. был исключен из ВКП(б), а затем сослан в Барнаул. Позже находился в других местах ссылки. Продолжал придерживаться своих взглядов до 1934 г. В 1934 г. под угрозой тюремного заключения выступил с покаянным заявлением о разрыве с троцкизмом, возвращен из ссылки и вновь принят в партию. В 1936 г. был вновь исключен из ВКП(б) и арестован. Расстрелян по приговору внесудебной инстанции.]. Кончилось тем, что я обещал переговорить с друзьями и сделать попытку убедить их в необходимости встречи со Сталиным».

Как и следовало ожидать, члены «Центра» приняли решение со Сталиным не встречаться, понимая, что он будет всячески оправдывать созыв фракционной Пражской конференции, причем за решение не встречаться со Сталиным высказались даже большевики-примиренцы. Известить об этом Сталина поручили Николаевскому. Поздно вечером 29 марта 1912 г. Борис Иванович встретился с Кобой в присутствии Сосновского. «Хорошо помню первое впечатление, которое на меня произвел мой собеседник, – вспоминал он. – Я пришел без запоздания, но Сталин пришел раньше и занял самую удобную позицию в комнате – в углу, с явным расчетом иметь возможность наблюдать за собеседником, самому оставаясь немного в тени (начинало смеркаться, скоро пришлось зажечь лампу)».

Разговор начался с упреков. Сталин указал, что Николаевский – меньшевик, новый человек в Баку, систематически не позволял Спандаряну отчитаться о конференции. Николаевский ответил, что Спандарян не имел права выступать на Пражской конференции от имени бакинской организации. От ответа на вопрос, какая именно организация выдала Спандаряну мандат, Сталин уклонился. В то же время Сталин удивил, даже поразил меньшевика Николаевского относительной умеренностью своих взглядов. В частности, Сталин сказал, что если бы он был делегатом Пражской конференции, то выступил бы против резолюции, запрещающей соглашения с ликвидаторами на предстоящих выборах в Государственную думу. При этом Коба иронизировал по поводу заграничников, плохо понимающих русскую действительность. «Наши не хуже ваших», – заявил он, явно желая сказать этим, что эмигранты-большевики не лучше их меньшевистских собратьев. Это было опасное заявление, которое можно было истолковать как направленное против Ленина [101 - Не лишним представляется отметить, что впечатление Николаевского об относительной умеренности взглядов Сталина непосредственно после Пражской конференции полностью подтверждается современными исследованиями, в частности анализом Миклоша Куна (Kun M. Stalin: An Unknown Portrait. Budapest: Central European University Press, 2003. P. 148–149).].

В результате была достигнута договоренность о создании общей избирательной комиссии с участием представителей обеих фракций. Николаевский поставил вопрос об усилении мер конспирации, о наличии нераскрытого провокатора или провокаторов в социал-демократической среде. Сталин вначале пытался обратить такую постановку вопроса против меньшевиков, заявив, что последние просто «боятся» ходить на собрания. Но тут же произнес резкие фразы и по поводу того, что «чрезмерно мнительные» люди встречаются и в его среде: они «не любят бывать арестованными» и вообще имеют «интеллигентские замашки». Разговор окончился шутивным предложением Николаевского организовать курсы по «практическому тюремоведению», чтобы не бояться упреков в нежелании быть арестованными. «Но я знаю также свою обязанность, – подытожил он, – принимать меры предосторожности для предупреждения провалов».

Сталин во время встречи произвел на Николаевского скорее негативное впечатление своей мрачностью и запутанными объяснениями о возможной инфильтрации полицейских агентов в социал-демократические организации Закавказья. Более благоприятное мнение сложилось о некоторых других большевиках, в частности о Сосновском и Енукидзе, что свидетельствовало об отсутствии какой-либо фракционной предвзятости в оценках Бориса. Чуть позже Николаевский узнал новые подробности неприглядного поведения своего недавнего собеседника. В Азербайджане нефтепромышленники заводили так называемых «кочи» – дружинников-телохранителей, в обязанности которых входила не

только защита хозяина, но и устранение его противников и соперников. «Сталин проник в этот мирок и завел своих собственных «кочи», не останавливаясь перед устранением их руками становившихся ему опасными людей» [102 - МР, box 38, folder 2.].

Видимо, в апреле – мае 1912 г. Николаевский совершил объезд всего Северного Кавказа в связи с подготовкой объединительной конференции социал-демократических организаций, затеянной по инициативе Троцкого и состоявшейся в августе того же года в Вене. Однако «ничего организованного в социал-демократическом движении» он в этом регионе не нашел [103 - МР, box 37, folder 9.]. На начало июня того же года была назначена Закавказская областная конференция РСДРП. Николаевский готовился к отъезду в Тифлис на конференцию, где ему предстояло выступить с докладом о положении в бакинской организации. Он писал тезисы своего доклада, когда в комнату, где он проживал, ворвалась полиция. Пока открывали дверь, Борис успел сжечь написанное. Комната была заполнена едким дымом, и этот факт тотчас занесли в протокол. Уже после 1917 г. Николаевский, работая в архивах, установил, что он был выдан агентом охранного отделения, тайно проникшим в «Центр» незадолго до приезда Николаевского в Баку. Фамилия этого агента так и не была установлена.

Впрочем, единственное обвинение, которое оказались в состоянии предъявить Николаевскому охранники, состояло в том, что он жил по чужому паспорту (в документе были какие-то дефекты, установленные следствием). Жандармский ротмистр дал «добрый совет»: «Если в вашем прошлом нет крупного дела, назовите ваше настоящее имя. Нам нет охоты возиться с вами». Борис так и поступил. Тогда выяснилось, что он бежал из ссылки, куда его возвратили без дополнительного наказания. Время было либеральное.

Еще одна встреча со Сталиным произошла у Николаевского в пересыльной тюрьме в Вологде – мощном серо-белом здании, известном политическим заключенным всей России. Они почти обязательно попадали туда в ожидании этапа. Встретились Сталин и Николаевский, когда оба ожидали отправки в места ссылки – Сталин в Восточную Сибирь, Николаевский – снова в Архангельский край. «Когда меня ввели в полутемную камеру временной Вологодской пересыльной тюрьмы, – вспоминал Николаевский, – с полу поднялась растрепанная фигура и с мрачной иронией провозгласила: «Ну как, можем мы теперь продолжить наши споры?» В тон ему я ответил: «Охотно, но в тюрьмах я веду споры только по вопросам практического тюремоведения». Он рассмеялся: «Это тоже большая тема». О партийной политике мы не говорили, только перебирали общих знакомых».

Николаевскому запомнилось, что по просьбе Сталина он подарил ему эмалированный чайник, имея в виду, что сам он должен был отправиться в группе ссыльных (в группе у кого-то чайник точно будет), к тому же не на очень дальнее расстояние. Сталин же высылался в одиночестве [104 - Впервые Николаевский рассказал об этом в интервью Хеймсону в январе 1962 г. (МР, box 38, folder 2.]. Автор предисловия к одной из книг Николаевского позже остроумно заметил по поводу этого подарка: «Б.И. Николаевский никогда не жалел «кипятка» для Иосифа Виссарионовича, который, вероятно, очень обжигался, когда читал критические статьи Б.И. Николаевского в «Социалистическом вестнике» о тоталитарном режиме Сталина» [105 - Шевырин В.М. Б.И. Николаевский и «герой» его книги // Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991. С. 5.].

Мы столь подробно остановились на встречах Николаевского со Сталиным не только потому, что его собеседнику предстояло стать могущественным советским диктатором. Л.

Кристоф, многократно встречавшийся с Николаевским в последние годы его жизни, пишет в своем очерке, что «косвенно пути Бориса Ивановича пересеклись с путями Сталина более значительно, чем непосредственно показывают эти встречи с глазу на глаз. Тень сталинских операций оказала глубокое влияние не только на его девятимесячное пребывание в Баку, но и на все его отношение к большевизму и позже к Советскому Союзу. Надо подчеркнуть, что его отношение к большевикам не выкристаллизовалось моментально или даже за те месяцы 1906–1907 годов, когда он перешел к меньшевикам. Напротив, это был медленный процесс... В России мысль о полном расколе партийной организации встречала значительно более долгое сопротивление, даже в тех центрах, где доминировали идеи Ленина» [106 - Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 24–25.].

Николаевский действительно стремился к восстановлению партийного единства, хотя, перейдя в меньшевистскую группу, не менял более своих умеренных убеждений и в принципиальных вопросах не шел на компромиссы с большевиками.

Отбыв ссылку, Николаевский в сентябре 1913 г. посетил мать и других родных в Уфе, побывал в Самаре, где, в частности, принял участие в нелегальном собрании социал-демократической группы Трубочного завода, на котором убеждал собравшихся в преимуществах меньшевистской тактики, пропагандировавшей в то время петербургской «Новой рабочей газетой» [107 - Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. С. 338.]. Затем он возвратился в Петербург и продолжил работу в качестве «сведущего лица» (так называли образованных помощников думских социал-демократических депутатов, которые писали тексты выступлений, запросов и просто давали компетентные советы касательно политического поведения). Одновременно Николаевский сотрудничал в разнообразных периодических изданиях, главным образом меньшевистского характера, прежде всего в газете «Луч», причем стал секретарем редакции этой газеты.

В 1913–1914 гг. Николаевский принял активное участие в кампании торговых-промышленных служащих Петербурга, для которых социал-демократы разработали программу создания комиссии по выработке правил о рабочем времени на основании существовавшего законодательства. По этому вопросу он опубликовал несколько статей в меньшевистской прессе под псевдонимом Иванов [108 - МР, box 38, folder 2.]. Огромная публицистическая деятельность Николаевского до 1917 г. в целом не отражена ни в библиографическом указателе, составленном А.М. Бургиной (она только смогла перечислить свыше 30 газет и журналов, в которых он печатался [109 - Bourgina A.M. The Writings of V.I. Nicolaevsky: A Selected Bibliography // Revolution and Politics in Russia. P. 323 (этот перечень был составлен самим Николаевским в 1940 г., сразу после прибытия в Нью-Йорк, и Бургина его просто воспроизвела).]), ни в других аналогичных изданиях [110 - См., например: Крылов В.В. Живая энциклопедия революционного и освободительного движения // Библиография. 1992. № 5–6. С. 121–137.]. Можно предполагать, что публикации Николаевского тех лет исчислялись сотнями.

Николаевского собирались направить на очередной конгресс II Интернационала, который намечался в 1914 г., но не состоялся из-за начала мировой войны. В связи с предполагавшимся конгрессом в мае – июне того года он совершил агитационную поездку в Поволжье и на Урал, побывал в Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Уфе, становясь, таким образом, все более известным социалистическим деятелем. В Петербурге в это время он жил в квартире Ф.И. Дана, где ему отвели отдельную комнату [111 - МР, box 38,

folder 3.].

Война и новая ссылка

В начале Первой мировой войны Николаевский вновь был арестован и сослан, на этот раз гораздо дальше – в Енисейскую губернию. Этапное путешествие было долгим, продолжалось около пяти месяцев. Этап побывал в пересыльных тюрьмах Екатеринбурга, Омска, Красноярска. Из Красноярска путь продолжался частично пешком, частично на подводах, несмотря на суровые морозы в 30–35 градусов. Но Борис был еще молод, здоров и силен. Он ощущал происходившее как новое жизненное приключение, важный опыт, который следовало воспринимать как должный результат его деятельности. На много лет сохранились впечатления от суровой природы Восточной Сибири: «Я помню, как ехали Ангарой; высокая, высокая скала, скалистый берег, и весь берег этот – скала, и падал ручей, и он замерз, и всеми цветами радуги отливался на солнце. Красиво было, дико! И там наверху было какое-то дерево, кедрач, кажется, и сидел на нем косач [112 - Косач – тетерев, крупная птица, обитающая в лесах Евразии.] с таким хвостом!» [113 - МР, box 38, folder 4.]

Многие из его товарищей по этому нелегкому путешествию отморозили руки или ноги. Борис Иванович существенно не пострадал. Вначале он получил назначение в село Климено, где, верный своим интересам, почти тотчас же занялся доступными изысканиями. Он обнаружил стоянку каменного века, начал ее раскопки, отыскал костяной нож и обсидиановый топор [114 - Обсидиан – вулканическое стекло в расплавленных горных породах, прошедшее через быстрое охлаждение. Его находят в горах Сибири, Средней Азии и других регионах. Из обсидиана древние люди изготавливали орудия труда, оружие и украшения.]. И то и другое он в ссылке использовал по практическому назначению (топор служил у него пресс-папье). Но после возвращения из ссылки, вновь побывав в Самаре, Николаевский передал эти экспонаты в местный исторический музей.

С удовольствием поглощая домашние лепешки, которые получал от матери, Николаевский и здесь продолжал обрабатывать свои этнографические исследования Русского Севера и посылать их в Архангельск. Все эти его статьи и очерки были вскоре изданы Обществом изучения Севера в трех объемистых книгах, являвшихся первыми значительными (по крайней мере, по объему) публикациями будущего плодовитого ученого.

Иногда удавалось на телеге или санях, получив разрешение местного начальства, выезжать в другие поселения ссыльных, где Николаевский встречался с находившимися сравнительно неподалеку от него также сосланными меньшевиками, в числе которых были Ф.И. Дан, грузинский меньшевистский лидер И.Г. Церетели, совершавший переход от большевизма к меньшевизму В.С. Войтинский, историк Н.А. Рожков, остававшийся еще большевиком, но постепенно под влиянием и местной обстановки, и идейного воздействия товарищей по ссылке освобождавшийся от «ленинских чар», и другие образованные и преданные своим идеям люди. Вся эта группа образовала кружок так называемых иркутских циммервальдовцев. Когда взаимные визиты не получались, участники этой группы общались при помощи подробных деловых писем.

У Бориса установились дружеские отношения с Рожковым. Через десятилетия, готовя

фундаментальную публикацию документов о внутреннем положении в российской социал-демократии после революции 1905–1907 гг., Николаевский писал о том, как в сибирской ссылке проходила быстрая эволюция мировоззрения этого талантливого историка: «В Сибири, в Иркутске, он оказался осенью 1910 г. Это было время, когда Сибирь проходила через полосу бурного развития и ее экономики, и ее общественной жизни. Одна особенность бросалась в глаза: развитие края во всех областях наталкивалось на заставы, которые были расставлены и старым законодательством, и старой административной практикой. Именно поэтому огромные успехи страны в области хозяйственного строительства не только не снижали оппозиционных настроений в самых широких слоях населения, а, наоборот, усиливали и заостряли его. Рожков-историк не мог не подметить огромной важности совершающегося в стране «процесса зарождения культурного капитализма». Мысль о последнем стала центральной во всех его настроениях, конечно, очень далеко уходящих от правоверного ленинизма... Ленин выступил против него со всей присущей ему резкостью» [115 - НС, box 549, folder 4.].

Из контекста видно, что, рассказывая о взглядах Рожкова, сам Николаевский был весьма близок к его социально-экономической и политической позиции. Но особое влияние оказал на Николаевского Церетели, отбывавший ссылку в селе Усолье под Иркутском. Встречи с этим обаятельным, красноречивым и лишенным сектантской замкнутости грузином сыграли немалую роль в завершении формирования мировоззрения Николаевского как социалиста умеренной ориентации. Для него, как и для его новых товарищей и коллег, был решительно неприемлем ленинский курс на «поражение своего правительства в империалистической войне», на «перерастание империалистической войны в гражданскую».

Последующие рассказы Церетели и других бывших ссыльных меньшевиков ярко свидетельствуют, что условия содержания политических осужденных в царской России были довольно мягкие. Находясь в эмиграции, Церетели рассказывал как-то: «Снится мне вчера, что гонят меня по царской России из центра в центр и пригоняют в Сибирь, в мою ссылку. И живу я там во сне... но отчего-то мне во сне очень хорошо... Проснулся – лежу в Берлине, оказывается. И так стало мне жаль, что не в своей я сибирской ссыльной избе. Хорошее, думаю, было время!» [116 - Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции, т. I. Россия в Германии. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 78.] Наверное, то же вспоминал о своей ссылке и Николаевский.

Когда ссыльные получили известие о состоявшейся в сентябре 1915 г. в местечке Циммервальд в Швейцарии конференции социалистов ряда европейских стран, выступавших против войны, они поддержали решения конференции, ориентированные на достижение мира без аннексий и контрибуций путем заключения справедливого мирного договора, и решительный отказ конференции принять лозунги Ленина. Именно поэтому группа, к которой принадлежал Николаевский, получила название иркутских меньшевиков-циммервальдовцев. Впрочем, у иркутских циммервальдовцев, прежде всего у их бесспорного лидера Церетели, были некоторые оценочные особенности. В отличие от «полноценных» интернационалистов (каким, например, был Мартов), Церетели, а вслед за ним Николаевский считали, что война может из империалистической превратиться в оборонительную и справедливую войну, в борьбу за сохранение нации. В этом случае социалисты должны будут поддержать сопротивление агрессорам.

Иркутские меньшевики терпимее, чем их однопартийцы в эмиграции, относились к эсерам, чему способствовали контакты с одним из эсеровских лидеров А.Р. Гоцем,

отбывавшим здесь ссылку. В этой меньшевистской группе полагали, что роль крестьянства в социальной революции будет значительно более прогрессивной, нежели обычно считалось в социал-демократических меньшевистских кругах. Отсюда вытекала возможность совместных действий двух социалистических партий [117 - Галили 3. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социальные реалии и политическая стратегия. М.: Республика, 1993. С. 143–144, 159.].

Сибирские циммервальд овцы, и Николаевский в их числе, одобрили участие представителей их партии в рабочих группах при военно-промышленных комитетах, созданных в 1915 г. по инициативе российских предпринимателей для содействия военным усилиям России. Однако они рассматривали эти группы не как органы сотрудничества с капиталистами и властями и даже не в качестве средства рабочей самозащиты, а как одну из форм самоорганизации, которая при благоприятных условиях могла бы быть использована в интересах демократической революции. Для пропаганды взглядов своей группы Николаевский активно участвовал в попытках создания местных социал-демократических изданий «Сибирский журнал» и «Сибирское обозрение» (удалось выпустить всего по одному номеру каждого из них), писал статьи в столичную печать.

Летом 1916 г. в связи с болезнью (это было какое-то случайное заболевание, которым он просто воспользовался, ибо был человеком вполне здоровым) Николаевский получил разрешение переехать в Енисейск. О том, что никакого реального ухудшения здоровья не было, свидетельствовал способ перемещения – Николаевский купил лодку и отправился на ней по могучей реке. Здесь он также стремился продолжать ту работу, к которой все более склонялись его интересы: устроился на должность секретаря местной музейно-краеведческой комиссии и продолжал эту работу до начала 1917 г. [118 - МР, box 21, folder 19.], одновременно работая бухгалтером на кожевенной фабрике братьев Швецовых (возможно, в бухгалтерии помогли прежние занятия статистикой).

Слухи о том, что в России назревают какие-то крупные, хотя пока еще непонятные события, доходили даже до провинциальной глуши. Как-то во время самодеятельного спектакля в январе 1917 г. к Николаевскому подсел местный жандармский ротмистр и шепотом поведал: «Я только что из Петербурга. Что там творится! Что там творится! Вы не представляете, до чего они довели Россию!» И жандарм повторил дошедшие до него истории о том, кто именно и за что прикончил царского временщика Григория Распутина [119 - Ibid, folder 4.].

В это время в Енисейске готовился съезд местных кооперативов, и Николаевский, как обычно находившийся в центре общественного начинания, стал секретарем организационного комитета по созыву съезда, открывшегося в конце февраля. Николаевский как раз вел заседание, когда его отозвали за кулисы и сообщили, что в Петрограде происходят массовые уличные волнения и что будто царь отрекся от престола. Возвратившись в президиум, Николаевский тотчас сообщил об этом присутствовавшим, причем так волновался, что разбил стакан. Тут же на съезде был избран общественный комитет, в который, естественно, включили Николаевского, который затем был избран его председателем. Почти сразу за этим появился на свет и местный Совет рабочих депутатов, куда Николаевский тоже вошел. Ему, однако, было теперь не до местных дел. Оставив их, он немедленно установил связь со «столицей ссыльных» Иркутском и, договорившись с Церетели и другими руководящими меньшевиками, начал подготовку к отъезду в столицу, где разворачивались революционные страсти.

Глава 2

РОССИЯ 1917–1922 гг.

В лагере социалистической демократии

О том, как иркутские и енисейские циммервальдовцы, включая Бориса Николаевского, встретили известие о Февральской революции 1917 г., мы узнаём из воспоминаний В.С. Войтинского, который, так же как и Николаевский, начинал свою политическую деятельность большевиком, но продержался в ленинском лагере дольше и стал от него отходить только в Сибири. Тот факт, что происходит что-то важное, группа ссыльных узнала по телеграфу. Видный эсер А.Р. Гоц 28 февраля получил телеграмму от родных из Москвы: «Поздравляем, скоро увидимся». Не без юмора Войтинский писал, что этот текст стал известен чуть ли не всему городу и трактовался по-разному – от предполагаемой амнистии политическим заключенным и ссыльным до ссылки родственников Гоца. Но на следующий день пришла новая телеграмма: образован Временный комитет Государственной думы, к которому перешла власть. Еще через день в каком-то информационном сообщении мелькнуло упоминание о Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов [120 - Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Терра, 1999. С. 23–25.].

2 марта в Иркутске был образован Комитет общественных организаций, охвативший своим влиянием не только Иркутскую, но и Енисейскую губернию. Председателем комитета стал И.Г. Церетели. Нам неизвестно, вошел ли Николаевский в его состав, но то, что он активно участвовал в его деятельности, хотя и находился за пределами города, бесспорно. Комитет взял в свои руки местное управление, освободил политических заключенных и объявил о признании Временного правительства, которому направил приветственную телеграмму [121 - Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 7 марта.]. Комитет сосредоточил усилия на сохранении порядка в Иркутске и Енисейске, обратив особое внимание на привлечение на свою сторону местных гарнизонов, чье командование сохраняло, однако, выжидательную позицию.

10 или 11 марта ссыльные выехали из Иркутска в Петроград. Николаевский присоединился к этой группе в Красноярске, куда добрался на санях. В Томске в их вагон сел большевик А.И. Рыков, выступавший за сотрудничество с меньшевиками и, отчасти пользуясь семейной близостью, долго обсуждал с Николаевским возможные планы совместной работы при новом революционном режиме [122 - МР, box 38, folder 4.].

Уже проехав Урал, путники получили обращение Петроградского совета «К народам всего мира» с призывом прекратить бойню, позорящую все человечество. Войтинский писал: «Циммервальдская идея прекращения войны объединенными усилиями восставших народов органически сливалась здесь с идеей обороны революционной России от угрожающих ей сил германского империализма. Вопрос был поставлен именно так, как ставили мы его в Иркутске» [123 - Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений. С. 40–41.].

Возвращавшиеся иркутские циммервальдовцы, занимавшие во многом отличные от большевистских позиции, все-таки возлагали надежды на то, что в новых условиях единство российской социал-демократии будет восстановлено. Церетели, являвшийся наибольшим авторитетом для Николаевского, в этом вопросе был значительно осторожнее, нежели его товарищи. Он полагал, что пути развития революции еще далеко не определены, что это от большевиков зависит – предотвратить гражданскую войну или толкнуть страну к анархии, что реальная роль большевизма определится только тогда, когда в Россию возвратится Ленин [124 - Войтинский В.С. 1917-й: Год побед и поражений. С. 41–42.]. Весьма прозорливые предположения опытного и реалистичного политика вскоре оправдались в самом худшем варианте.

Поезд из Иркутска прибыл в Петроград 23 марта. На вокзале состоялась торжественная встреча. Циммервальдовцев приветствовали от имени столичного Совета, хотя далеко не все его деятели разделяли их взгляды. Николаевский, как и его товарищи, сразу же отправился в Совет, затем во фракционный комитет меньшевиков, чтобы получить информацию о последних событиях и партийные задания. Он мгновенно включился в работу, был избран в местный фракционный комитет и направлен им в Исполком Петроградского совета.

На одном из очередных заседаний Совета, 7 апреля, при обсуждении вопроса о выпуске Займа свободы (его инициатором было Временное правительство, оказавшееся в состоянии финансового дефицита и стремившееся к получению дополнительных средств на ведение войны) меньшевики заняли различные позиции. Часть из них поддержала выпуск займа, считая, что он будет способствовать укреплению обороноспособности и безопасности страны. Несколько человек заняли нейтральную позицию, отказавшись поддержать заем, но предлагая не мешать его выпуску. Николаевский был в числе тех, кто не только голосовал против займа, полагая, что недопустимо передавать народные деньги правительству, не отказавшемуся от империалистических планов, но вместе с другими меньшевиками и группой умеренных большевиков выступил с письменным заявлением против Займа свободы. Кстати, под этим документом стояла и подпись И.В. Сталина [125 - Рабочая газета. 1917. 26 апреля.], который, возвратившись из ссылки, вместе с Л.Б. Каменевым выступал за условную поддержку Временного правительства (за что подвергся резкой и грубой критике со стороны Ленина, все еще находившегося в эмиграции).

До приезда Ленина в Петрограде состоялось несколько совещаний социал-демократов, в которых принимали участие большевики. Николаевский вспоминал, что он заседал вместе с Л.Б. Каменевым, И.В. Сталиным и А.Г. Шляпниковым. После возвращения Ленина таких совещаний больше не было [126 - МР, box 38, folder 4.].

Вместе с другими столичными меньшевиками и эсерами Николаевский находился на Финляндском вокзале в числе встречавших Ленина в начале апреля, а затем на объединенном собрании социал-демократов в Таврическом дворце (4 апреля), на котором Ленин выступил со своим знаменитым докладом «О задачах пролетариата в данной революции», который обычно называют «Апрельскими тезисами».

Еще в поезде, по дороге из Сибири, Лидия Осиповна Дан предложила Борису Ивановичу остановиться в их квартире, в которой он жил перед последней ссылкой. С благодарностью приняв это предложение, Николаевский действительно некоторое время жил в одной квартире с супругами Дан и Мартовым, возвратившимся из эмиграции в мае. Николаевскому предоставили отдельную крохотную комнату с письменным столом, что

было для него, человека непрерывно пишущего, особенно важно.

Правда, Мартов был несколько раздражен, что непосредственно после свержения царизма, еще находясь в Енисейске, Николаевский вместе с другими сибирскими циммервальдовцами послал ему в Швейцарию телеграмму с призывом не возвращаться в Россию через Германию – они полагали, что это сильно скомпрометирует социалистического лидера. Юлий Осипович считал, что на такие мелочи не следует обращать внимание, что гораздо важнее как можно скорее оказаться в Петрограде и своим бесспорным влиянием содействовать формированию политического курса социал-демократов в духе интернационализма.

Но возникшее охлаждение во взаимоотношениях сравнительно быстро сгладилось, хотя полностью не исчезло. Присоединившись к левой меньшевистской группе интернационалистов, во главе которой стоял Мартов (она составляла в партии меньшинство, большинство принадлежало в то время революционным оборонцам), Борис Иванович стал членом редколлегии их центрального органа «Рабочей газеты», а на I Съезде Советов летом 1917 г. был избран в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), который превратился во вторую ветвь в том двоевластии, которое возникло после февраля 1917 г. (первой ветвью было Временное правительство).

Впрочем, сколько-нибудь заметной (по крайней мере, отраженной в официальных отчетах) активности в этих высших властных органах Николаевский не проявлял, соглашаясь на исполнение поручений тех однопартийцев, которым он в наибольшей степени доверял. А таковыми являлись принадлежавшие к двум течениям меньшевизма интернационалист Мартов и революционный оборонец Церетели. Николаевский был, однако, весьма активен во внутрипартийных делах, в Петроградском совете и во множестве других органов, которые как грибы после дождя возникали в российской столице.

Вместе с тем, как через много лет вспоминала Л.О. Дан, многие будущие официальные решения вызревали на частных совещаниях, происходивших по ночам на квартире супругов Дан. Здесь, как мы уже знаем, жил ее брат – Юлий Мартов, продолжавший оставаться не только руководителем меньшевиков-интернационалистов, но и признанным авторитетным лидером для всех меньшевистских течений и для демократических сил в целом. Сюда часто приходил брат Юлия и Лидии Сергей Цедербаум (давно уже известный под псевдонимом Ежов), примыкавший к меньшевистскому правому центру. Иногда эти ночные политические посиделки посещал Церетели, ставший в начале мая министром почт и телеграфов Временного правительства.

На встречах доминировал Мартов. По воспоминаниям Церетели, он фиксировал особое внимание на противоречиях между политическими взглядами Ленина, считавшего продолжение войны полезным для революции, и его обращенным в массы демагогическим лозунгом немедленного прекращения войны [127 - Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. Paris: Mouton & Co, 1963. С. 242.]. Л.О. Дан отмечала участие во встречах их «общего друга» Николаевского [128 - МР. Dan L. Interview # 22; Галили З. Ненароков А. Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии. Июль – август // Большевики в 1917 году. М.: Прогресс-Академия, 1995. Т. 2. С. 17.]. Вряд ли Николаевский отвечал Данам взаимностью и считал их своими друзьями. Подлинной близости с Данами у него не было.

Но у Николаевского было важное для него преимущество: он имел возможность несколько со стороны наблюдать жаркие споры, прислушиваться к страстной аргументации лидеров разных течений меньшевизма, к которым не принадлежал.

Участие в неофициальных совещаниях высших партийных лидеров, однако, не означало, что Николаевский оказался одним из видных меньшевистских руководителей. Он стал столичным деятелем средней руки. На собрании петроградской организации РСДРП 26 марта он был кооптирован в ее комитет, избранный тремя неделями ранее [129 - Рабочая газета. 1917. 5 апреля.], и добросовестно выполнял организационные и пропагандистско-агитационные поручения, которые ему давало бюро организации – в него, впрочем, также не вошли наиболее известные партийные руководители. По заданию комитета он принимал участие в работе Центральной избирательной комиссии.

По своей ментальности Николаевский вполне вписывался в тот слой, к которому принадлежали его старшие товарищи, среди которых, наряду с русскими интеллигентами, было немало грузин и русифицированных евреев. Американская исследовательница Зива Галили пишет, что это были люди образованные: «Они либо окончили высшие учебные заведения, либо получили образование самостоятельно... Как правило, меньшевики были горожанами и по происхождению, и по психологии, и марксистский интернационализм (космополитизм), как и перспектива универсального социального порядка, был созвучен их врожденному урбанизму...» [130 - Галили З. Лидеры меньшевиков. С. 33.]

При всех расхождениях по конкретным политическим и тактическим вопросам, которые были свойственны меньшевистским группам в это бурное время, они оставались приверженцами поэтапного социально-экономического и политического развития страны, считали первоочередной задачей переход к демократическому строю, который будет способствовать быстрому капиталистическому развитию страны и созданию предпосылок для перехода к социализму в будущем. Этому курсу неуклонно придерживался Николаевский.

Примкнув после известных колебаний к меньшевикам-интернационалистам, он находился, можно сказать, на их «правом» фланге, то есть по некоторым вопросам приближался к революционным оборонцам. Иначе говоря, Борис не придерживался жестких догматических убеждений, находился в подвижном политическом центре, склоняясь то вправо, то влево. Это можно объяснить не только политическими влияниями (прежде всего со стороны И.Г. Церетели), но также примирительным характером, опытом сотрудничества с разными общественными кругами, даже происхождением и воспитанием в семье священнослужителя.

На заседаниях Петроградского комитета меньшевиков и в публичных выступлениях Борис Иванович неуклонно высказывался за единство социал-демократов различных направлений и взглядов. Он призывал не обострять внутренних конфликтов, подчеркивал, что общая социал-демократическая программа-минимум решена, что теперь необходимо добиваться заключения справедливого мира, но так, чтобы во что бы то ни стало предотвратить партийный раскол. Он не замечал или, скорее, всячески уговаривал себя не замечать, что действительный партийный раскол уже произошел в январе 1912 г. на Пражской большевистской конференции, что большевики с того времени стали совершенно самостоятельной экстремистской партией (правда, имевшей в своем составе более умеренное меньшинство), хотя вплоть до своей Апрельской конференции 1917 г. они не оформили этого раскола юридически.

Николаевский не был доволен практической деятельностью меньшевиков. Он вынужден

был пронаблюдать, что, проводя верную, с его точки зрения, политическую линию, меньшевики не были в состоянии убедить низы в своей правоте. Он видел, что его единомышленники, как и он сам, страшатся массовых собраний, где разнузданная толпа поддавалась коллективному внушению, чуть ли не психозу, который навязывали ей экстремистские большевистские агитаторы под лозунгом «грабь награбленное». Россия стремительно двигалась к красной смуте, грянувшей через несколько месяцев.

Между тем, по справедливому мнению Николаевского, меньшевики оказывались в заколдованном кругу. Они не желали поддерживать демагогические лозунги, но и не были в состоянии опровергнуть их доступными для толпы аргументами. Через много лет Борис Иванович вспоминал в этой связи близкого к нему И.Г. Церетели, который апеллировал к разуму и на собраниях часто пасовал перед большевистскими демагогами, в частности перед Г.Е. Зиновьевым [131 - МР, box 38, folder 4.].

Тем временем в «Рабочей газете» были опубликованы несколько статей Николаевского по текущим политическим вопросам. Одна из них была посвящена известной ноте министра иностранных дел П.Н. Милюкова союзникам России по Антанте, появившейся 20 апреля. Стремясь успокоить руководство Антанты, весьма взволнованное событиями в России, министр заявлял о готовности правительства «соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников», о стремлении довести войну «до решительной победы».

Нота вызвала первый общественно-политический кризис после начала революции, который завершился отставкой Милюкова и образованием первого коалиционного Временного правительства с участием представителей левых партий. Николаевский же в своей статье писал, что требование Милюкова о признании интересов России на черноморские проливы Босфор и Дарданеллы угрожает политике мира. В другой статье, приуроченной к празднованию 1 мая, содержался призыв Николаевского объявить в этот день на фронте перемирие и тем продемонстрировать волю России к миру.

Николаевский был в числе первых петроградских меньшевиков, отказавшихся от первоначальной принципиальной позиции невхождения в состав Временного правительства и от недопустимости какой бы то ни было коалиции с «буржуазными» партиями. Совместно с возвратившимся из Стокгольма Д.Ю. Далиным, с которым у него стали устанавливаться личные дружеские отношения, он поддержал предложение независимых интернационалистов Н.Н. Суханова, В.А. Базарова и других о возможности коалиции с Временным правительством с целью более эффективно влиять на его политику в интересах рабочих и солдат.

Это было еще до возвращения в Россию Ю.О. Мартова, который считался официальным лидером меньшевиков. Когда же Мартов появился в столице, он выразил недовольство, что вопрос о коалиции был решен без его участия, без учета его мнения. Обида была высказана и в адрес Николаевского и других, которые предостерегали его от использования «германского пути» возвращения на родину. Юлий Осипович буквально выражал возмущение, что ему не обеспечили иной способ приезда, хотя, как это можно было бы осуществить, никто не ведал.

Судя по устным воспоминаниям Николаевского, у него накопилась довольно острая горечь «придирками» к нему Мартова, что, в свою очередь, влекло за собой явный субъективизм в оценке этой исторической фигуры. В публикациях, посвященных Мартову, историк попытается преодолеть предвзятое отношение, но в разговорах и интервью оно вырывалось на первый план. Мартов был «довольно личный человек», жаловался Николаевский в интервью 10 июня 1962 г., поясняя, что «личное», быт и

супруги Дан оказывали на Мартова большое влияние; что Мартов приехал в Россию, будучи плохо знакомым с ее внутренним положением [132 - МР, box 38, folder 4.]. В следующих интервью фактические нападки на Мартова продолжались. Николаевский упрекал его в резкости и грубости, вспоминал, как И.А. Исува Мартов обвинял, что тот готов услужить начальству, а другого однопартийца – М.И. Либера – обозвал мерзавцем [133 - МР, box 38, folder 5. Совсем по-иному оценивал Мартова Церетели, хотя он принадлежал к прямо противоположному крылу меньшевистской партии, возглавляя в ней течение революционных оборонцев: «Товарищи, соприкасавшиеся с Мартовым в работе, не только ценили его беззаветную преданность делу и его большой публицистический талант, но и находились под обаянием его своеобразной моральной индивидуальности – необычайной скромности, отсутствия всякой заботы о себе и, что особенно редко встречается в политике, отсутствия всякой личной амбиции» (Церетели И.Г. Указ. соч. С. 257–258).].

Следует, однако, указать, что оценки Мартова Николаевским во многом были справедливы. Из-за своего упрямства в отстаивании «левой» линии меньшевистской партии, из-за отказа от решительной борьбы против большевистской угрозы, из-за выступлений против сотрудничества с другими демократическими силами Мартов постепенно терял руководящую роль в собственной партии, хотя и сохранял в ней немалое влияние. Именно из-за разногласий с Мартовым Николаевский вместе с Далиным вошел в особую группу меньшевиков-интернационалистов, которая поддерживала идею вхождения в коалиционное Временное правительство с участием либеральных «буржуазных» партий.

В частых спорах со сторонниками Мартова и с самим Мартовым Николаевский обосновывал свою позицию необходимостью сохранения и укрепления союза с Великобританией и Францией, являющимися демократическими державами. Мартов же продолжал именовать эти государства империалистическими и требовал разрыва с Антантой. Все это вело к тому, что процесс фрагментации и общего ослабления социал-демократов, и без того не очень влиятельных, продолжал усиливаться или, говоря словами Николаевского, «фактически меньшевики друг друга парализовали» [134 - МР, box 38, folder 5.].

В связи с созывом общегородской партийной конференции в начале мая Николаевский был включен в состав комиссии, которая должна была рассмотреть и утвердить тезисы представленных на нее докладов, причем в составе комиссии его фамилия была названа первой, то есть он рассматривался как неофициальный руководитель этой комиссии [135 - Рабочая газета. 1917. 28 апреля.]. На самой конференции он участвовал в обсуждении вопроса о созыве Учредительного собрания, внеся один из проектов резолюции, конкретизировавшей позицию Петроградского комитета по названному вопросу. Вместе с Далиным он внес проект резолюции о коалиционной политике, энергично ее поддерживая (проект, однако, был отклонен) [136 - Большевики в 1917 году. Т. 1. С. 260.].

В качестве члена Петроградского комитета он принимал участие в работе Петроградского совета и его Исполнительного комитета, причем с решающим голосом, что свидетельствовало об определенной путанице в понимании статуса официальных членов этого органа и лиц, которые привлекались к его работе (5 апреля Николаевский был выдвинут в Исполком временно, взамен выехавшего из Петрограда Н.В. Рамишвили [137 - Рабочая газета. 1917. 7 апреля.]).

Борис Иванович продолжал живо участвовать в непрекращавшихся острых дебатах

послефевральских месяцев по вопросу об участии во Временном правительстве и о взаимоотношениях между обеими ветвями власти – правительством и Советами. Большинство меньшевиков в марте-апреле занимало в этом вопросе осторожную позицию, полагая, что вступать в правительство либо не следует вообще, либо следует, но на определенных жестких условиях. В отличие от большинства Николаевский (а вместе с ним Д.Ю. Далин и некоторые другие) полагал, что социалисты должны участвовать в коалиционном кабинете, оказывая в нем давление на буржуазию, принуждая ее принимать меры, затрагивающие ее собственнические интересы и даже выходящие за рамки буржуазной революции [138 - Галили З. От группы кружков до зенита политического влияния: Документы меньшевистской партии первых шести месяцев революционного 1917 г. // Меньшевики в 1917 году. М.: Прогресс-Академия, 1994. Т. 1. С. 85.].

Николаевский неизменно участвовал во всех съездах, совещаниях, массовых собраниях, митингах, демонстрациях, организуемых руководством его партии. Он всячески содействовал возрождению меньшевистских организаций в новых условиях легальности. Как всегда бывает в таких случаях, возникал, по его оценке, подтвержденной другими наблюдателями, весьма неоднородный конгломерат лиц, ставивших подчас довольно далеко расходившиеся общественные и личные цели и конкретные задачи.

Позже он рассказывал об Общероссийской конференции меньшевиков, состоявшейся 7–12 мая:

«Кого только здесь не было! И старые члены партии, когда-то игравшие в ней заметную роль, но уже давно отошедшие от всякой работы и числившиеся, так сказать, в партийном резерве; и долголетние обитатели тюрем и ссылок; и молодежь, впервые революцией разбуженная к политической активности; рабочие и интеллигенты, студенты и солдаты... Было немало и карьеристов, смотревших на партию как на трамплин для продвижения вверх по социальной лестнице».

Николаевский отлично понимал все трудности, которые были связаны с таким составом партийного представительства – ведь оно достоверно отражало состояние дел на местах. «Освоить» всю эту пеструю массу, – вспоминал он, – было очень трудно и крепкой партии, – хорошо слаженной в отношении организационном, и хорошо спевшейся в отношении идеологическом. А у меньшевиков в 1917 г. не было ни того ни другого» [139 - Николаевский Б.И. П.А. Гарви в России // П.А. Гарви: Воспоминания социал-демократа: Статьи о жизни и деятельности П.А. Гарви. Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П.А. Гарви, 1946. С. XXIV.].

Участвуя в майской конференции в качестве «рабочей лошадки», ибо в руководство партии он тогда не входил, Николаевский вел ее протоколы, сохранившие для истории все нюансы этого представительного собрания [140 - См.: Меньшевики в 1917 году. Т.1. С. 89.]. Действительно, склонность скорее к кабинетной, нежели к массовой организационной работе предопределила в эти месяцы то, что Николаевский оказался вне руководящих органов партии. На майской конференции он не был избран в состав организационного комитета, ставшего на недолгое время высшим исполнительным органом меньшевиков, хотя в следующие месяцы исправно выполнял его задания. Например, в протоколе заседания бюро оргкомитета от 10 июня мы читаем: «Организовать кампанию за посылку рабочими делегаций в союзные и нейтральные страны (устраивать демонстративные проводы, составлять наказы и пр.). Подробный план поручено представить т. Николаевскому» [141 - Меньшевики в 1917 году. Т.1. С. 558–559.].

Между тем недовольство поведением своей фракции, которая теперь преобразовалась в самостоятельную партию, и в частности политическим курсом Мартова, ставшего одним из ее признанных лидеров, Николаевский выражал все более и более определенно. В то время как большевики использовали любую возможность для пропаганды своих демагогических лозунгов мира, хлеба, земли, работы и даже немедленного созыва Учредительного собрания, на деле агитируя за передачу власти большевикам, меньшевистские лидеры предпочитали более спокойные и конструктивные дебаты в Советах, во ВЦИКе, на Демократическом совещании и в земских учреждениях. Более того, в самих меньшевистских рядах происходило все большее размежевание между интернационалистами и оборонцами. В середине июля возникла угроза открытого раскола. Николаевский относился к тем партийцам, которые считали раскол катастрофой и для партии, и для российского рабочего движения, и для перспектив революции в целом. 18 июля группа интернационалистов, включая Николаевского, собралась на частное совещание и утвердила открытое анонимное письмо [142 - Рабочая газета. 1917. 19 июля.], объявившее всякую агитацию за раскол «преступной и безответственной». Через несколько дней подписанты обнародовали свои фамилии. Среди них, кроме Николаевского, были известная меньшевичка Е.Л. Бройдо, Д.Ю. Далин и еще восемь человек [143 - Там же. 21 июля.]. Судя по стилю и аргументации документа, он был написан либо Николаевским, либо Николаевским и Далиным. Авторы утверждали, что между главными течениями партии по вопросам оценки текущего момента «нет таких крупных разногласий, которые хоть в какой-нибудь степени могли оправдать партийный раскол», что организация может найти решения, приемлемые для подавляющего большинства ее членов, что на предстоящую общегородскую партконференцию следовало избирать только тех делегатов, которые «всецело будут стоять на точке зрения единства организации».

Николаевский стал делегатом состоявшегося 19–26 августа Объединительного съезда меньшевиков, провозгласившего образование Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной) – РСДРП(о). Формально, таким образом, его настояния, совпавшие с мнением большинства участников этого съезда, возобладали. Однако течения в партии меньшевиков сохранились, а острые дискуссии, явно препятствуя конструктивной работе и ослаблявшие влияние меньшевиков, продолжались. Говорить о подлинном единстве не приходилось.

На съезде были представлены шесть течений: независимые интернационалисты, интернационалистская группа Мартова, интернационалисты-объединенцы, революционные оборонцы, провинциальные «государственники» и, наконец, стоявший на крайне правом фланге А.Н. Потресов. К какой из этих групп принадлежал Николаевский? Имея в виду нечеткие границы групп, Борис Иванович, скорее всего, был близок к интернационалистам-объединенцам. Но на съезде Николаевский явно не был активен. Судя по протоколам (они не полны), он ни разу не выступал и не был избран в ЦК. Вообще, в протоколах его фамилия не упоминается. Более того, позже он рассказывал, что убедился в бесплодности съезда и после нескольких заседаний перестал на него ходить.

После съезда он выполнял отдельные задания ЦК и его бюро. 28 августа ему, например, было поручено разработать по материалам съезда «анкету по организационным вопросам» [144 - Большевики в 1917 году. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 73.]. В начале октября бюро утвердило подготовленную им по поручению партии смету для оплаты части печатаемого материала в «Партийных известиях» [145 - Там же. С. 332.]. Из документов

следует, что Николаевский стал руководителем этого официоза меньшевиков. Так, в протоколе заседания бюро от 19 октября можно прочитать: «Решено поручить т. Бабину быть помощником Б.И. Николаевского по работе в «Партийных известиях» с сохранением им прежних обязанностей» [146 - Меньшевики в 1917 году. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 196.].

В это время Николаевский полагал, что меньшевикам необходимо установить широкое и разностороннее сотрудничество с эсерами, что только в этом случае они удержатся у власти и смогут сохранить в стране демократический порядок. «Это была моя старая крестьянскофильская такая линия», – рассказывал он [147 - МР, box 38, folder 5.]. Правда, накануне возник серьезнейший политический кризис, связанный с тем, что главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов двинул войска на Петроград с целью установления в стране «твердой государственной власти». Министр-председатель А.Ф. Керенский, по существу, повел себя как провокатор. Изначально поддержав Корнилова и вступив с ним в переговоры, он затем объявил генерала предателем и призвал к отпору корниловщине.

В стремлении спасти революцию на некоторое время объединились все меньшевистские фракции. Николаевский по поручению руководства своей партии даже участвовал в агитации среди корниловских войск. Он отправился в расположение Уссурийской дивизии, участвовал в нескольких митингах. Однажды к нему подскочил какой-то офицер с обнаженной шашкой. Жизнь оратора повисла на волоске. Но офицера оттянули солдаты, и митинг продолжался [148 - Ibid.].

Видимо, агитация какую-то роль сыграла. Но как рассказывали в то время, более остроумным средством защиты Петрограда от кавказской Дикой дивизии корпуса генерала А.М. Крымова стал состав цистерн, наполненных чистым этиловым спиртом. Дивизия стала небоеспособной почти моментально. Крымов, видя разложение Дикой дивизии, застрелился. Поход на Петроград был сорван.

Николаевский стал участником II съезда Советов, на котором большевики, поведшие за собой основную часть делегатов, добились принятия декрета о земле и о мире, а затем образовали свое правительство. Вместе с Мартовым и другими меньшевиками-интернационалистами он покинул съезд в знак протеста против установления той власти, которую уже в этот первый день ленинской диктатуры он и его однопартийцы определили как преступление против идей Февраля. В октябре он вышел из редакции «Рабочей газеты», несмотря на тягу к журналистике. Но участвовал в чрезвычайном съезде РСДРП(о), состоявшемся 30 ноября – 7 декабря 1917 г. и проходившем в сложных условиях подозрительности и большевистских преследований. Не было средств на стенографистов. Николаевский совместно с Софьей Моисеевной Зарецкой, являвшейся членом ЦК, вел протокольные записи. В свободные минуты Зарецкая сделала карандашные наброски и портреты нескольких руководителей съезда [149 - Ненароков А.П. В поисках жанра: Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн. 1. Вдаль к началу. М.: Новый хронограф, 2009. С. 199–200.]. Николаевский затем отредактировал заметки, как свои, так и Зарецкой. Они были опубликованы в партийной газете «Новый луч» [150 - Галили З. Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября – конец декабря. Историко-документальный очерк // Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 94; Там же. С. 385.] и благодаря этому стали достоянием истории [151 - Отдавая дань профессионализму Бориса

Ивановича, Чрезвычайный съезд принял показательное решение оставить партийный архив в заведовании Николаевского (Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 1999. С. 740).].

Как и почти все его однопартийцы, Николаевский, проявляя немалую наивность, многого ждал от Учредительного собрания, полагая, что советская власть ему подчинится и собрание сможет решить принципиальные политические вопросы, стоявшие перед страной. Через много лет он вспоминал, что считал тогда саму идею Учредительного собрания очень важной, даже великой. Когда же 6 января 1918 г. Учредительное собрание было разогнано, Николаевский написал об этом страстную, негодующую статью в «Рабочую газету» (статья была затем переопубликована во многих провинциальных изданиях) [152 - МР, box 38, folder 5.].

В те дни Борис не раз встречался со своим свойственником А.И. Рыковым. Полной близости между ними не было – они пребывали теперь уже не просто в различных, но во враждебных друг другу партиях. Но Рыков продолжал оставаться умеренным большевиком (ранее он вышел из Совнаркома, протестуя против срыва переговоров об образовании однородного социалистического правительства), а Николаевский по ряду вопросов примыкал к левому, интернационалистическому течению меньшевизма. По поводу заседания Учредительного собрания Рыков поделился с Николаевским своими впечатлениями, выражая явное недовольство поведением Ленина. Этот рассказ Борис записал и через много лет разыскал его в своей записной книжке.

Рыков рассказывал, что начало заседания Учредительного собрания Ленин провел в правительственной ложе. Он «пришел в эту ложу, посмотрел, прислушался и бросил: «Кажется, ничего интересного не будет – пойду отдохну». Пошел в глубь ложи, где кучей лежали сваленные пальто и шинели, выбрал местечко в уголку и завалился, даже прикрылся чем-то. Так и не вставал, пока на трибуне не появился Церетели, которого большевики встретили бешеным ревом. Ленин вскочил, подбежал к барьеру ложи, прислушался, кому-то крикнул, чтобы были тише, потом уселся, обоими локтями уперся в барьер ложи. Так просидел до конца речи – только несколько раз поворачивался в глубь ложи или к кому-то в зале с замечаниями: «Нельзя ли потише» [153 - Николаевский Б. И.Г. Церетели и его «Воспоминания» // Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. Paris: Mouton & Co, 1963. С. XVIII.].

Борис Иванович полагал и через много лет отмечал это в своих воспоминаниях, что под влиянием большевистской агитации, да и просто в результате естественного хода катастрофических событий на фронте и в тылу, массы поворачивали все более влево, в направлении, которое меньшевики считали угрожающим самому существованию независимой России. Но прямо и открыто выступить против настроений толпы было для меньшевистских деятелей неприемлемой альтернативой [154 - Kristof L.K.D. В.І. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 29.]. Реального выхода из возникшего заколдованного круга они не видели. Николаевский позже, видимо не совсем справедливо, указывал, что у Мартова не было определенной линии поведения, что он не был человеком «больших решений».

Обращение к архивистике

Учитывая бессмысленность активной политической деятельности в обстановке большевистского террора, Борис Иванович фактически отошел от непосредственного участия в политической жизни. В эти жаркие и судьбоносные не только для России, но и для всего мира месяцы он занялся делом, которое страстно любил: работой с архивной документацией. Уже в августе 1917 г. Николаевского включили в состав Комиссии по ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции Министерства юстиции. Комиссию возглавлял Владимир Львович Бурцев – известный радикальный журналист, симпатизировавший эсерам и прославившийся за несколько лет до революции раскрытием «провокационной деятельности» руководителя Боевой организации партии эсеров (полицейского агента в стане эсеров) Евно Азефа. Теперь же Бурцев занимался не только поиском полицейских агентов в рядах революционных партий царского периода, но и пробовал вскрыть связи Ленина и других большевиков с разведкой и правительством кайзеровской Германии.

Бурцев оказал бесспорное влияние на углубление интересов Николаевского к недавней истории, но в то же время служил и своеобразным предостережением. Николаевский не мог не видеть, как суетливый и торопливый Бурцев, склонный к сенсационным выводам, не всегда заручался документированными доказательствами даже тогда, когда интуитивно делал правильные заключения. Там, где для Бурцева на первом месте стояла политика, для Николаевского главным была историческая достоверность.

В июне 1917 г. Николаевский вошел в новый орган, образованный по инициативе Временного правительства, – Особую комиссию для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений с 1905 по 1917 г. Комиссию возглавлял Павел Елисеевич Щеголев – еще одна уже известная в то время личность: именитый пушкинист, публикатор воспоминаний декабристов и издатель исторических журналов «Былое» и «Минувшие годы». Поисковой хватке, развивающейся интуицией исследователя и археографическим аналитическим мышлением Николаевский был в определенной степени обязан и этому незаурядному человеку [155 - Правда, через десятилетие с лишним Борис Иванович узнал, что в соавторстве с советским графом А.Н. Толстым Щеголев опубликовал сенсационную и мало достоверную пьесу «Заговор императрицы»; что, скорее всего, именно он издал дневник фрейлины А.А. Вырубовой (этот дневник должен был подтвердить заговорщическую деятельность супруги Николая II), в котором обнаруживались явные несообразности и о котором специалисты говорили как о подлоге или, по меньшей мере, о фальсификации. Сама же Вырубова, жившая в Финляндии, выступила с опровержением. Так как изготовление фальшивки не было согласовано с партийными инстанциями, это вызвало гнев фактического шефа советской исторической науки М.Н. Покровского, который добился решения ЦК ВКП(б) о закрытии журнала «Минувшие дни», где был напечатан дневник, признанный фальшивым. Факт подлога в наше время убедительно доказан видным российским историком В.П. Козловым, озаглавившим соответствующую главу своей работы «Литературное изнасилование А.А. Вырубовой» (Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио: Подлоги письменных источников по истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. С. 37–51). Козлов так завершает эту главу своей работы: «Вся совокупность элементов «прикрытия» фальсификации, богатейший фактический материал говорят о том, что перо фальсификатора находилось в руках историка-профессионала, не только прекрасно ориентировавшегося в фактах и исторических источниках рубежа двух столетий, но и владевшего соответствующими профессиональными навыками. Уже первые критические

выступления намекали на фамилию известного литературоведа и историка, археографа и библиографа П.Е. Щеголева. В этом трудно усомниться и сейчас, хотя документальных подтверждений этой догадки до сих пор обнаружить не удалось». Вряд ли в 1917 г. Николаевский обнаруживал неблагоприятные с точки зрения и юриспруденции, и истории, и просто элементарных требований порядочности поступки своего шефа, хотя в будущем, когда узнал о его участии в изготовлении фальшивок, безусловно, с этой точки зрения стремился проанализировать его деятельность в прошлом. Жизненные и научные уроки, таким образом, все более пополнялись, способствуя формированию компетентного и добросовестного специалиста.]

На протяжении всей своей научной и общественной деятельности Николаевский был предельно добросовестным автором, никогда не позволял себе использовать какой бы то ни было материал, который можно было бы заподозрить в том, что он носит подложный характер или же содержит явно недостоверную информацию. Что же касается информации сомнительной, то ученый либо открыто высказывал свои соображения об этом, либо отказывался от использования таких документов, выжидая, подчас очень долгое время, пока дело не будет выяснено более основательно. Именно по этой причине некоторые начатые труды Николаевского так и не были им завершены.

Для архивной работы Николаевский заручился мандатом весьма авторитетного органа – ВЦИК, который назначил его комиссаром по охране архива Департамента полиции. В свою очередь, Военно-революционный комитет Петроградского совета, с сентября 1917 г. возглавляемого Л.Д. Троцким, предоставил ему своего рода «охранную грамоту» – новый мандат, гарантировавший полную поддержку этого органа. Сразу после Октябрьского переворота, 28 октября, Николаевский направил в ВРК заявление об отказе от этого мандата, ссылаясь на решение своей партии [156 - Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 270.]. Но это, разумеется, было одновременно и выражением личной позиции решительного осуждения насильственного захвата государственной власти большевиками.

Наряду с занимавшей основное его время и исключительно увлекательной работой в следственной комиссии Николаевский стал сотрудничать в восстанавливаемом Щеголевым журнале «Былое». Оба направления работы он поначалу продолжал и после октября 1917 г., так как новые власти сочли его вполне лояльным (вероятно, сыграло свою роль и заступничество А.И. Рыкова).

Октябрьский переворот 1917 г. некоторое время почти не отражался на его профессиональных занятиях историка-архивиста. Этот сегмент деятельности был даже в какой-то степени полезен властям, так как способствовал раскрытию бывших провокаторов, что они считали для себя политически полезным и важным.

Впрочем, некоторые найденные сенсационные документы имели двусмысленное значение и сами по себе, и для судьбы Николаевского.

Так, в архиве Департамента полиции Николаевский обнаружил многочисленные документы, неопровержимо свидетельствовавшие о том, что видный большевистский руководитель, член избранного на Пражской конференции 1912 г. ЦК, депутат IV Государственной думы Р.В. Малиновский являлся тайным сотрудником петербургского охранного отделения. Документы подтвердили давно уже циркулировавшие подозрения, которые упорно отвергались Лениным, всецело доверявшим Малиновскому. Николаевский, безусловно, вспомнил, что еще в 1912 г. ему о предательстве Малиновского говорил петербургский профсоюзный работник социал-демократ В.Г.

Чиркин [157 - NC, box 548, folder 2.].

Николаевский опубликовал большую, основанную на первичном материале статью «Дело Малиновского», а затем подготовил и обширную документальную публикацию в журнале «Былое». Это было его первое крупное произведение археографического характера. Можно полагать, что, несмотря на поспешный расстрел Малиновского в 1918 г., сразу после возвращения его из германского плена, Ленин затаил в отношении Николаевского злобу, ибо выявление истинного лица Малиновского косвенно бросало тень на самого большевистского вождя.

Постепенно поисковые и археографические интересы расширялись. Были обнаружены и опубликованы письма народовольцев (участников подготовки покушения на царя Александра II в 1881 г.) А.Д. Михайлова, А.И. Баранникова и М.В. Тетерки. Это весьма драматические исповеди людей, приговоренных к смертной казни, написанные в камере смертников. Авторы и берегли надежду на сохранение своей жизни, и почти совершенно отчаялись, и в то же время готовились к гибели с прежним жертвенным фанатизмом. Каждое из этих писем было по-своему поучительным. Весьма показательно название, которое Николаевский дал этой коллекции: «Кладбище писем» [158 - Былое. 1918. № 10–11. С. 226.].

Вслед за этим благодаря усилиям Николаевского на свет появился «Проект программы русских социал-демократов», подготовленный болгаринем Димитром Благоевым, создавшим в 1883 г. в Петербурге первый русский марксистский кружок. Эту публикацию архивист сопроводил следующим весомым предисловием:

«В рукописном виде проект распространения совершенно не получил и бесследно затерялся и в России, и за границей, и только теперь в архиве Департамента полиции – этой неисчерпаемой для историка российского революционного движения сокровищницы – нам удалось найти его копию в экземпляре, представленном 17 января 1885 г. директором Департамента полиции г. Дурново на просмотр своему начальству – министру внутренних дел графу Д.А. Толстому» [159 - Николаевский Б. Программа первого в России с.-д. кружка. Из материалов по истории с.-д. движения в России // Былое. 1918. № 7. С. 38–52.].

Так с легкой руки Николаевского стал известен не только самый первый документ российского социал-демократического движения, но одновременно и первое свидетельство политической деятельности Благоева, который позже стал известным болгарским социал-демократом – лидером партии «тесных социалистов», а затем и компартии.

Появлению документа предшествовало установление контакта с остававшимся еще в живых благоевцем В. Харитоновым, который на просьбу Николаевского о помощи ответил готовностью поделиться имеющимися у него сведениями, хотя он «мало что мог рассказать». В конце 1917 г. Николаевский, по-видимому, несколько раз встретился с Харитоновым и смог благодаря этому дополнить ту информацию о группе Благоева, которой он уже располагал [160 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1.].

Николаевский заинтересовался полицейскими материалами, связанными с деятельностью русских писателей, – он представил читателям и проанализировал не только материалы наблюдения жандармов за Л.Н. Толстым (двухтомное дело наблюдения за 1898 г.), но и документы, относящиеся к первому аресту Максима Горького в 1889 г., причем с комментариями самого писателя [161 - Н-ский Б. Л.Н. Толстой и Департамент полиции // Былое. 1918. № 3. С. 204–215; Его же. Первое преступление М. Горького: Из

очерков по архивным материалам / Примеч. М. Горького. Былое. 1921. № 16. С. 174–186.].

Особенно интересной была публикация о Горьком. Заголовок статьи сопровождался следующим примечанием: «А.М. Горький по просьбе редакции прочел этот очерк в рукописи и написал к нему примечания, которые публикуются вслед за текстом». Сама же статья была написана по материалам нижегородского жандармского управления за 1889 г. Николаевский начал ее следующими словами:

«Мы мало интересуемся биографиями наших виднейших писателей и общественных деятелей, – и хороший пример тому наше крайне слабое знакомство с биографией бесспорно самого крупного из современных писателей-художников – Максима Горького. Целый ряд моментов в биографии этого писателя до сих пор совершенно не разработан, – и притом моментов столь важных и интересных, как, например, годы его юности...»

И далее шли документы и их анализ, где рассказывалось о своеобразной «коммуне» во флигеле на Жуковской улице (ныне улице Минина) в Нижнем Новгороде, в которой жил в 1889 г. вместе с бывшим учителем Чекиным и бывшим ссыльным Сомовым никому не ведомый нижегородский «малярного цеха подмастерье» Алексей Пешков, начинавший нащупывать свой путь в жизни.

Собственно говоря, ничего противозаконного в прямом смысле слова эти «коммунары» не совершали. Д. Быков в своей биографии Горького с полным основанием пишет: «Настроения среди тогдашней молодой интеллигенции – главным образом ссыльной, какой в Новгороде было много, – были капитулянтские: господствовала теория малых дел. Предполагалось уже не агитаторство, а культуртрегерство» [162 - Быков Д. Был ли Горький. С. 57.].

Заподозрив, однако, жильцов квартиры, занятой этой «коммуной», в сочувствии народникам, местная полиция взяла ее под наблюдение. В одном из рапортов, обнаруженных Николаевским, говорилось: «Пешков также вращался в кругу лиц, прямо неблагонадежных и сомнительных по своему политическому направлению, весьма возможно, что он был посредником каких-либо тайных сношений между неблагонадежными лицами...»

Тем временем в Казани произошел провал – обнаружили подпольную типографию, к которой был причастен Сомов. Он уехал из Нижнего и скрылся. Но в квартире-коммуне произвели обыск. В числе прочих материалов была конфискована тетрадь с выписками Пешкова. Будучи арестованным по подозрению в укрывательстве нелегалов, Пешков, однако, был менее чем через месяц освобожден, так как разыскиваемого Сергея Сомова задержали в совершенно другом месте.

Парадоксально, но эта публикация появилась на свет, когда сам Николаевский находился в советской тюрьме (более того, примечания Горького были датированы 20 марта 1921 г., через месяц после ареста Николаевского). Попутно отметим, что незадолго до ареста Борис Иванович передал в «Былое» серию документов о покушении на царя 1 марта 1887 г., в подготовке которого участвовал брат Ленина Александр Ульянов. Эти материалы пролежали в портфеле редакции несколько лет, но в конце концов их решились обнародовать, когда публикатор находился уже в эмиграции [163 - Жертвы 1-го марта 1881 г. // Былое. 1925. № 32. С. 196–291.].

Публикации следовали одна за другой, причем Николаевский впервые именно в это время попробовал свои силы и в историографической области – в журнале «Былое» стали появляться его содержательные обзоры литературы по истории революционного движения в России. Когда же в фондах Департамента полиции было обнаружено дело

1897 г. по доносу, обвинявшему журнал «Русское богатство» в революционной марксистской направленности, Борис Иванович счел нужным подготовить специальный обзор этих документов и послать их в Полтаву В.Г. Короленко, который в то время являлся одним из руководителей редакции этого авторитетного журнала.

Представляли интерес обнаруженные Николаевским документы о последних неделях народницы Софьи Михайловны Гинзбург, проведенных в Шлиссельбургской крепости, где она в январе 1891 г. покончила жизнь самоубийством. Эта публикация была важна и подробным описанием тяжелейших условий пребывания политзаключенных как в Шлиссельбургской крепости [164 - С. М. Гинзбург в Шлиссельбургской крепости. Сообщил Б.И. Николаевский. Былое. 1920. № 15. С. 88–98.], так и в других местах заключения в дореволюционной России [165 - Николаевский Б. По тюрьмам и ссылкам // Былое. 1918. № 7. С. 38–52; Его же. Скорбные страницы шлиссельбургской летописи // Былое. 1918. № 7. С. 76–90 и др.].

В «Былом» с первого послеоктябрьского номера Николаевский стал вести рубрику «Новое о прошлом», в которой давалась разнообразная информация о всевозможных документальных находках и публикациях о них в газетах и журналах [166 - Н-ский Б. Новое о прошлом // Былое. 1918. № 1. С. 221–238; № 2. С. 223–240; № 3. С. 216–228 и др.]. В этих статьях содержался начальный источниковедческий и историографический анализ опубликованных материалов [167 - Вот для примера содержание одной из этих публикаций: Из сибирских газет и журналов 1918–1919 гг.; Самозванцы в Сибири; Декабристы в ссылке; Иркутская бурса; Поляки-повстанцы; К истории 1905 г. в Чите и Томске; Ленская стачка 1912 г.; О Л.Н. Толстом. Как видно, в основном это были материалы, связанные с поездкой Бориса Ивановича в Сибирь, о которой мы скоро расскажем.]. На нем Борис Иванович оттачивал свои навыки в области этих специальных исторических дисциплин. В одной из таких публикаций, хотя рубрика в целом носила беспристрастный характер, Николаевский поразил читателей критическими заявлениями в отношении советской власти:

«Ненормальные условия, в которых живет наша страна, препятствуют нормальному ведению наших обзоров, – регулярных по раз навсегда задуманному плану. И не только потому, что книжки журнала, фактически превращающегося в непериодический сборник, выходят слишком редко с промежутками в 3–6–8 месяцев, но и потому, что Россия волею судеб расколота резкими границами и строгими кордонами на ряд отдельных территорий, живущих каждая своею самостоятельной жизнью и особыми своеобразными интересами политической борьбы» [168 - Былое. 1920. № 15. С. 155.].

Многие материалы «Былого» публиковались без обозначения авторства (часто после них ставилась подпись «Ред.»). Можно предположить, что часть из них принадлежала перу Николаевского, подпись которого не ставилась то ли потому, что в этом номере уже была помещена одна его публикация (а иногда и две), то ли из соображений политической осторожности.

Одновременно со всей этой работой Б.И. Николаевский включился в организационную деятельность, направленную на упорядочение архивного дела. Первая и весьма важная инициатива в этой области, которая была связана с его именем, состояла в спасении ценнейших архивных фондов, которым в условиях усиливавшегося хаоса угрожала гибель. Обладая уже значительным архивоведческим и археографическим опытом, Николаевский отлично понимал исключительную важность спасения российской внешнеполитической документации, сосредоточенной в архиве Министерства

иностранных дел.

После большевистского переворота Л.Д. Троцкий, назначенный наркомом иностранных дел, попытался использовать документацию этого ведомства для компрометации политики царского правительства и его союзников в мировой войне. С помпой было объявлено о публикации текстов тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами. С этой целью Троцкий поручил своему помощнику матросу Балтийского флота Н.Г. Маркину отправиться в МИД и подобрать там соответствующие тексты. Открыв мидовские сейфы, Маркин увидел массу бумаг с грифом «секретно». О том, что этот гриф ставился почти на все дипломатические документы и что некоторые из этих «секретных» документов были давно опубликованы самим правительством, Маркин, разумеется, не знал.

Правда, к этой работе был привлечен и более компетентный сотрудник – молодой востоковед Евгений Дмитриевич Поливанов, который до этого служил в МИДе – вначале в отделе печати, а затем в Азиатском департаменте (Поливанов предложил свои услуги большевикам сразу после Октябрьского переворота). Человек огромного исследовательского таланта, Поливанов был мало компетентен в политике, но всячески стремился помочь новой власти. Маркин с Поливановым мигом укомплектовали семь выпусков «Сборника документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», в которые вошли около 100 совершенно случайно подобранных текстов. Все они были в срочном порядке изданы [169 - Изданию сборников предшествовали публикации в «Известиях», первая из которых появилась 10 ноября. В нее вошли соглашения о Константинополе и черноморских проливах, западные отклики на революционные события в России и др.]. Последний выпуск, опубликованный в феврале 1918 г., завершался торжественным лозунгом, набранным на всю страницу: «Да здравствует международная конференция действительных представителей революционного пролетариата во главе с...», и далее следовал перечень ряда большевистских лидеров, включая, естественно, Ленина и Троцкого [170 - Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Типография Комиссариата по иностранным делам. № 7. С. 321.].

Сколько-нибудь существенного значения для истории и характеристики внешней политики России эти документы не имели, но усилили зреющее раздражение правительств стран Антанты и других государств по отношению к советской власти. Сами публикаторы конечно же абсолютно не понимали, что, собственно, они издают. Вместе с официальными документами и договорами, на одинаковых с ними правах, печатались частные письма чиновников МИДа, найденные в столах и шкафах министерства [171 - В публикации оказались и документы, не носившие секретного характера, опубликованные и хорошо известные, например российско-болгарский договор 1912 г. (См. подробнее: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М.: Терра, 1992. С. 38–41).]. Убедившись в полной бессмысленности дальнейших изданий такого рода, Троцкий распорядился прекратить публикации. Маркин же, проваливший проект по обнародованию секретных дипломатических документов международных империалистов, был уволен из наркомата, в 1918 г. отправлен в формирующийся Красный флот, стал помощником командира Волжской военной флотилии и в том же году погиб в бою. Больше архивной документацией МИДа ни Троцкий, ни другие большевистские деятели не интересовались. Ценнейшие бумаги начали расхищать, в том числе на самокрутное курево.

До Бориса Николаевского доходили сведения о том, что российский дипломатический архив находится на краю гибели. Когда в начале весны 1918 г. в Петроград приехал Щеголев, Николаевский, встретившись с ним, поставил весьма волновавший его вопрос о сохранении архивной документации вообще и о спасении архива МИДа в частности. Согласившись заняться этим делом, Щеголев предложил для большей уверенности и авторитетности договориться об участии в работе Д.Б. Рязанова – бывшего нефракционного социал-демократа, тяготевшего к меньшевикам, а теперь большевистского деятеля, но большевика непокорного, неортодоксального, способного отстаивать свою правоту даже перед высшими иерархами и, главное, в последние годы занимавшегося в эмиграции изучением архивов К. Маркса и Ф. Энгельса. Рязанов стал крупным специалистом по марксоведению, хорошо знал архивные фонды основоположников марксизма и их сочинения, квалифицированно оценивал значение архивной документации.

Осознав важность вопроса, Рязанов согласился участвовать в работе Щеголева и Николаевского. Втроем они направились в здание МИДа, где в помещении архива на полу увидели массу разбросанных бумаг. «Это господин Маркин приказали ненужные бумаги продать!» – отрапортовал пришедшим вахтер. Не прореагировав на бессмысленное слово «продать», ибо ясно было, что никто продавать (а тем более покупать) бумаги не собирался, Николаевский задал вопрос: «А что такое ненужные?» – «Они выбрали все, что им нужно, а остальное приказали продать», – ответил вахтер.

Посетив затем Архив Священного синода и другие архивные учреждения, троица установила, что в столичном архивном деле царят разруха и невиданный хаос. Вот тогда Рязанов и заявил, что он берется за восстановление архивной сети и предложит в этом смысле свои услуги правительству Ленина.

Быть помощником Рязанова Николаевский после некоторых раздумий отказался. Он все еще не понимал, чему следует отдать предпочтение – научным делам или партийному долгу [172 - МР, box 38, folder 8.]. Но Николаевский согласился стать инспектором Главного архивного управления (Главархива). Распоряжение о назначении Николаевского на должность подписал Рязанов, ставший руководителем этого ведомства. С тех пор Рязанов, несмотря на различие с Николаевским в политических взглядах, всячески ему покровительствовал, видя, какое значение Николаевский придает архивной документации и как он готов не за страх, а за совесть работать над сохранением, пополнением и изучением архивов.

Имея в виду, что он все еще находился в ядре меньшевистской партийной деятельности, хотя пока и не входит в руководящие партийные органы, что его привлекают время от времени для консультаций и выполнения практических и агитационно-инструкторских заданий, Николаевский после переноса столицы из Петрограда переехал в Москву. Точная дата его переезда неизвестна, но, видимо, он перебрался в новую столицу в апреле 1918 г., после перевода туда ЦК меньшевистской партии. Поселился он в центре, по адресу: улица Большая Дмитровка, дом 15.

Архивистика все более оказывалась в центре активности нашего героя. Еще в феврале, когда немцы угрожали Петрограду и правительство готовилось к переезду в Москву, он организовал вывоз из Смольного архива Секретариата дооктябрьского ВЦИКа и некоторых отделов действующего ВЦИКа. Помог ему в этом знакомый по Баку большевистский деятель А.С. Енукидзе, ставший теперь заведующим военным отделом ВЦИКа. Енукидзе не только санкционировал работу по эвакуации, но и предоставил

грузовик для перевозки материалов на железнодорожную станцию и железнодорожный вагон. Воспользовавшись покровительством Енукидзе, Николаевский вывез не только бумаги Исполнительного комитета, но и документацию Преображенского и Кавалергардского полков, архив меньшевистской партии, личные фонды Ю.О. Мартова, Ф.И. Дана и другие материалы.

В Москве документация была передана в Архивный отдел Библиотеки Российской академии наук (этот отдел позже стал самостоятельным архивом), причем помогли в этом известный филолог академик А.А. Шахматов и смотритель Архивного отдела, основатель русской научно-технической фотографии В.И. Срезневский (сын филолога и этнографа академика И.И. Срезневского), известный тем, что он и до 1917 г. охотно принимал на хранение в академический архив материалы оппозиционных и революционных партий и организаций. Для материалов, перевезенных Николаевским, в здании академической библиотеки было выделено специальное помещение. Некоторое время факт хранения в архиве Академии наук «неподведомственных» ей материалов оставался своего рода секретом. Но о вывозе документов знали многие; эвакуация проводилась легально. В числе осведомленных лиц был секретарь ВЦИКа первого созыва Я.З. Суриц. Порвав с меньшевизмом и перейдя к большевикам в расчете получить государственную должность, Суриц в 1921 г., демонстрируя лояльность советской власти, сообщил «заинтересованным лицам», что в архиве академии хранятся документы политического характера. Их тотчас же оттуда изъяли и перевели в Архив Октябрьской революции [173 - Николаевский Б. И.Г. Церетели и его «Воспоминания». С. XXIII. Архив Октябрьской революции был затем переименован в Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Ныне: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)]. А Суриц был направлен на работу в НКВД и со временем стал полпредом СССР в ряде стран.

Спасение архивов в начале 1918 г. было первым опытом Николаевского в этой весьма своеобразной сфере деятельности. Через пятнадцать лет он займется этим же, но при других обстоятельствах: будет вывозить архивы из нацистской Германии; а еще через семь лет – из оккупированной гитлеровцами Франции. Но об этом речь впереди.

Совместно со Щеголевым Николаевский участвовал в подготовке проекта положения о Главном управлении архивным делом, а с 1919 по начало 1921 г. являлся руководителем Московского историко-революционного архива. Одновременно с сентября 1920 г., когда был создан Государственный архив РСФСР, Николаевский являлся управляющим отделением Госархива (поскольку Московский историко-революционный архив стал считаться отделением Госархива).

Просматривая архивные документы, Николаевский обнаружил как-то ряд новых материалов об Азефе и его службе в Департаменте полиции. Некоторые из них были тогда же им опубликованы. Другие оставались неизданными и были использованы Николаевским значительно позже, когда он работал над биографией Азефа [174 - В заметках для самого себя автор отмечал, что в архиве Московского охранного отделения сохранилось личное дело Азефа. Из него были сделаны необходимые выписки, в дальнейшем проанализированные в книге об Азефе (см.: ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1)].

Для собирания документального материала и комплектации своего архива неугомный Николаевский выезжал в провинцию – два раза на Кавказ с остановками в Астрахани и других городах и один раз во Владивосток. Во время поездки на Кавказ он позволил себе

несколько дней отдохнуть на знаменитом курорте Боржоми, но и здесь остался верен себе – во дворце великого князя Николая Михайловича он нашел отрывки из его дневника, содержавшие, в частности, подробности смерти царя Александра II. В Москву был привезен «целый чемодан» материалов – документы и выписки из них, различные провинциальные издания, газеты и журналы [175 - МР, box 38, folder 8.].

За линией фронта

Но вернемся в 1918 г. В августе по поручению ЦК своей партии Николаевский в качестве уполномоченного РСДРП [176 - В середине апреля 1918 г. было принято решение ЦК партии меньшевиков об исключении из ее наименования слова «объединенная» (Меньшевики в 1918 году. С. 358).] отправился в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Помимо Николаевского в качестве такого же уполномоченного был отправлен в поездку Иван Иванович Ахматов, политические амбиции которого были значительно бóльшими [177 - Ахматов Иван Иванович (1886–1939) – социал-демократ с 1905 г. На Чрезвычайном съезде РСДРП (объединенной) 30 ноября – 7 декабря 1917 г. был избран членом ЦК. В феврале 1919 г. прибыл в Иркутск и затем возглавлял Бюро сибирских организаций и Дальцентр РСДРП в Чите. Один из организаторов и руководителей антиколчаковской борьбы в Восточной Сибири, товарищ председателя иркутского Политцентра, возглавлял делегацию Политцентра на переговорах с представителями Сибревкома и командования 5-й Красной армии в январе 1920 г. в Томске, Красноярске и Иркутске по вопросу о создании буферного государства на востоке Сибири. Лидер меньшевистской фракции в Учредительном собрании Дальневосточной республики вплоть до ее ликвидации в 1922 г. Был арестован в феврале 1923 г. в Чите и выслан в Симферополь. В дальнейшем от партийной работы отошел, заявив через прессу об окончательном разрыве с меньшевиками. С 1927 г. коммунист. Был арестован и расстрелян во время «большого террора»]. В директивных указаниях уполномоченным подчеркивалось, что их целью являлось обследование политического положения на местах, «ознакомление тамошних организаций с позицией Центрального комитета», изучение обстановки и установление связей с единомышленниками.

Николаевский выехал из Москвы в середине месяца, заручившись фиктивными или полуфиктивными документами разного рода. Согласно одним, он являлся уполномоченным Петроградского потребительского общества, направляемым для розыска где-то затерявшихся грузов (эта бумага была получена просто по знакомству – в правлении кооперации «сидели все знакомые – приятели») [178 - МР, box 38, folder 8.]. Чуть ли не анекдотом явилось то, что он действительно нашел какой-то груз, принадлежавший этому обществу, смог его получить и продать, а на вырученные деньги как-то существовать. Другие документы скорее неправдами, чем правдами были получены от Главархива и Архива Академии наук. Они удостоверяли, что Борис Голосов (документы были сделаны на эту фамилию) является инспектором Главархива (что соответствовало действительности) и уполномоченным академии (что было весьма сомнительно), направляемым для разбора архивных материалов (что было неправдой).

Николаевский смог перейти линию фронта сравнительно безболезненно в середине сентября 1918 г. (Ахматову это удалось сделать только в начале 1919-го). В то время на огромную территорию России распространялась сначала власть Комитета членов

Учредительного собрания (КОМУЧа), образованного в Самаре; затем Директории, созданной в Уфе, и, наконец, адмирала Колчака, стоявшего на более консервативных, чем КОМУЧ и Директория, позициях [179 - КОМУЧ – полупарламентский орган, созданный в Самаре 8 июня 1918 г. после захвата города поднявшимся против власти большевиков Чехословацким корпусом. Первоначально КОМУЧ, состоявший из пяти членов Учредительного собрания (председатель – эсер В.К. Вольский), объявил себя временной, до созыва Учредительного собрания, властью на территории Самарской губернии, позднее стремился придать своей власти всероссийский характер. В начале августа 1918 г. в КОМУЧе было 29 человек, а в конце сентября – 97. Исполнительная власть была сосредоточена в Совете управляющих ведомствами (председатель Е.Ф. Роговский). КОМУЧ декларировал восстановление демократических свобод, установил 8-часовой рабочий день, разрешил деятельность съездов и конференций. Он отменил действие декретов советской власти, возвращал бывшим владельцам национализированные промышленные предприятия, восстановил городские думы и земства, разрешил частную торговлю. В результате наступления Красной армии КОМУЧ вынужден был эвакуироваться на Урал. Уфимская директория (Временное Всероссийское правительство) была образована на Государственном совещании в Уфе 23 сентября 1918 г. В нее вошли эсеры Н.Д. Авксентьев (председатель) и В.М. Зензинов, генерал В.Г. Болдырев (член Союза возрождения России), П.В. Вологодский (глава Временного Сибирского правительства) и другие политические деятели. Своими важнейшими задачами Директория объявила борьбу за свержение большевистской власти, воссоединение России, восстановление договоров с державами Антанты, расторжение Брестского мира и продолжение войны. Она распустила Сибирскую областную думу и Комитет членов Учредительного собрания. Был создан Всероссийский Совет министров. Вооруженные силы перешли в ведение Главного командования русских и чехословацких армий (Чехословацкого корпуса, находившегося на этой территории) во главе с генералом Болдыревым. В октябре Директория переехала в Омск. Разногласия между левым (эсеры и меньшевики) и правым (кадеты, беспартийное офицерство, казачество) флангами привели к аресту Авксентьева и Зензинова и передаче власти А.В. Колчаку (18 ноября 1918 г.). Эсеры и меньшевики выступили с призывом к вооруженному сопротивлению заговорщикам, но поддержки не получили. Директория была распущена. Колчак, которому было присвоено звание адмирала, объявил себя Верховным правителем России.]

Николаевскому и Ахматову выпала довольно деликатная миссия. Дело в том, что курс ЦК их партии состоял в недопустимости участия меньшевиков в местных правительствах. Они должны были фигурировать в качестве «третьей силы», добиваясь прекращения гражданской войны и отстаивая единение всех демократических слоев населения. Но такому наивному и абсолютно бесперспективному политическому курсу далеко не всегда подчинялись не только деятели на местах [180 - В некоторых низовых меньшевистских партийных организациях произошел раскол. Были даже случаи, когда меньшевики сотрудничали с белыми и призывали своих сторонников включаться в вооруженную борьбу с большевиками (Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 546; Ненароков А.П. В поисках жанра: Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн. 2. Свеча в доме. М.: Новый хронограф, 2009. С. 20).], но и сами члены центрального высшего руководства. В частности, член ЦК меньшевистской партии Иван Михайлович Майский (псевдоним Яна Ляховецкого) не подчинился решению центра,

выехал в Самару и с согласия местного областного партийного комитета (последний называл себя Областной комитет РСДРП территории Всероссийского Учредительного собрания) занял пост управляющего ведомством труда (министра труда) в правительстве КОМУЧа.

По словам Николаевского, он был всей душой на стороне КОМУЧа [181 - МР, box 38, folder 9.], но, подчиняясь партийной дисциплине, обязан был выступать с осуждением самарского эксперимента и КОМУЧа, где доминировали эсеры. Непосредственно стоявшая перед Николаевским задача заключалась в необходимости пробраться в Самару через линию фронта, собрать информацию о положении в регионе, оказавшемся под антибольшевистской властью, и проинформировать местные меньшевистские организации о мнении центральных органов партии.

Николаевский почти беспрепятственно доехал до Нижнего Новгорода, а оттуда до Казани, только что занятой красными. Здесь от местных меньшевиков он получил новые фиктивные документы, с которыми и намеревался перейти саму линию фронта. Это было в те дни и недели, когда под Казанью, занятой антибольшевистскими силами, для штурма города были сконцентрированы части Красной армии; когда, считая, что здесь решается судьба советской власти, в соседний город Свияжск в своем только что образованном личном поезде прибыл для непосредственного руководства военными действиями нарком по военным и морским делам Троцкий [182 - См. подробнее: Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 232–239.].

Приключений было много. Во время одного из боев Николаевскому удалось перейти через мост буквально за несколько минут до того, как этот мост был взорван. Затем его чуть было не захватил в плен отряд конных красноармейцев, преследовавший отступавших белых. Николаевский спрятался в крестьянской избе на окраине села, которое обыскивали всадники, искавшие добычу. Не дойдя до дома, где он находился, красноармейцы ускакали, так как в их расположении возникла какая-то тревога. В тот же вечер Николаевский на подводе добрался до ближайшей волжской пристани, где дождался парохода с военным грузом, эвакуированным из Казани, и с трудом уговорил эсеровского комиссара взять его на борт. Так он добрался до расположения частей, верных КОМУЧу, и с их помощью отправился в Симбирск, где выступил на собрании местных меньшевиков, предостерегая их от присоединения к правительству КОМУЧа. Сделав это «доброе дело», он отправился, наконец, в Самару [183 - МР, box 38, folder 9.].

Приехав в этот мятежный город, Николаевский выяснил, что резолюция о назначении Майского была принята Самарским областным комитетом по инициативе самого Майского, как члена ЦК. Николаевский потребовал от местной организации пересмотреть решение и отозвать Майского с его поста. Однако самарские меньшевики считали линию ЦК непоследовательной, отступающей от принципа непримиримой борьбы против большевистской диктатуры. Переубедить их Николаевский не смог [184 - Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918 // Большевики после Октябрьской революции: Сборник статей и воспоминаний / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. Wenson, Vermont: Chalidze Publications, 1990. С. 39, 41.], да, видимо, и не слишком старался, понимая в глубине души, что самарцы правы.

Впечатления от своей самарской неудачи Николаевский невольно распространил на самого Майского, прошедшего весьма извилистый политический путь – от правого меньшевика до коммуниста. Впоследствии Майский стал видным советским дипломатом, послом, ученым-историком, академиком, пережившим в последние месяцы жизни

Сталина недолгую опалу и даже тюремное заключение. Тем не менее Майский вряд ли заслуживал все те жесткие и ругательные эпитеты, которыми позже наградил его не простивший Майскому самарского «поражения» Николаевский [185 - Николаевский, в частности, назвал Майского «прохвостом» (МР, box 38, folder 9).].

В сентябре 1918 г. Николаевский участвовал в качестве наблюдателя в состоявшемся в Уфе совещании членов Учредительного собрания [186 - Аронсон Г. Памяти Б.И. Николаевского (1887–1966 гг.) // Новое русское слово. 1966. 8 марта.], на котором как раз и была образована Директория; внимательно следил за развернувшимися там прениями, а затем и за началом работы этого правительственного органа. Согласно документам, Голосов был направлен на Уфимское совещание «для согласования деятельности волжско-уральских и сибирских товарищей с общей линией партии». Николаевский решительно выступил против попытки делегации волжских и уральских меньшевиков объявить себя на Уфимском совещании делегацией ЦК. В условиях Гражданской войны ЦК предоставил областным комитетам полномочия «руководить партией в пределах каждой области». Но получивший слово Голосов, полемизируя с Майским, пытался разъяснить, что местные партийные организации не располагали полномочиями выдвижения Майского на должность министра труда, а полномочия местных комитетов ЦК передавал для проведения партийных директив, а не для их нарушения. Голосов убеждал своих однопартийцев, что те, в частности, нарушили директивы о недопустимости участия в коалициях с «господствующими классами» и о получении вооруженной помощи от иностранных союзников. Он предостерегал против всяких попыток прямой и косвенной поддержки состоявшего из чешских военнопленных (австро-венгерских подданных) Чехословацкого корпуса, восставшего против советской власти из-за отказа советского правительства разрешить корпусу эвакуироваться за границу для участия в войне против Германии и Австро-Венгрии на стороне союзников. По мнению Голосова, поддержка меньшевиками действий Чехословацкого корпуса шла вразрез «с общей линией партии и интересами революции и пролетариата» [187 - Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 219–220.].

После одного из вечерних заседаний между Голосовым и Майским состоялась личная встреча, затянувшаяся до глубокой ночи. Майский доказывал, что меньшевистская партия ушла слишком влево, что необходимо устанавливать союзнические отношения со всеми антибольшевистскими силами, включая А.В. Колчака, который привлекал на свою сторону все правые и значительную часть центристских сил Урала и Сибири. У Николаевского сложилось тогда впечатление, что Майский был готов «пойти куда угодно», хоть к Колчаку, но уж точно не к большевикам [188 - МР, box 38, folder 9.] (а ушел он к большевикам). Но видимо, именно под влиянием Николаевского меньшевики Поволжья и Урала начали пересмотр своей тактики, и, когда Майскому был предложен пост министра труда или его заместителя в правительстве Директории, областной партийный комитет Урала не разрешил Майскому войти в правительство [189 - Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. С. 41–42.].

Вместе с Директорией Николаевский перебрался в Омск, где стал свидетелем новых драматических событий – обострения внутренней борьбы в Директории между социалистическими силами и кадетами и так называемого переворота Колчака, расцененного Николаевским как проявление монархической и помещичьей контрреволюции. Собравшийся было возвращаться в Москву Николаевский решил изменить свои планы и отправился на восток, поставив своей задачей собрать как можно

более полную и объективную информацию о положении дел на территориях, оказавшихся под контролем Верховного правителя России.

В сибирских городах – Новониколаевске, Барнауле, Томске, Красноярске, Чите – настроение в меньшевистских кругах было упадническое. Все считали, что «дело кончено», хотя Николаевский все-таки сумел провести в Чите партийную конференцию для обсуждения сложившейся ситуации и возможностей по организации отпора Колчаку. В Иркутске несколько более энергичная меньшевистская группа приняла резолюцию о необходимости подготовки вооруженного восстания против Колчака и сотрудничестве с местными большевиками, однако этот документ остался на бумаге, так как сил для такого восстания ни у кого не было. Последними останками Николаевского были Владивосток и китайский Харбин, где жила значительная русская колония.

Чем больше Николаевский ездил по городам Урала и Сибири, тем больше приходил к мнению, что колчаковский режим враждебен местному населению, особенно крестьянам. Теперь не могло быть и речи об участии меньшевиков в свержении советской власти ни на уровне партийной организации, ни на уровне участия в антибольшевистской борьбе отдельных «мало-мальски заметных... деятелей» [190 - Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. С. 33.]. Сам факт возвращения Николаевского из этой поездки в Москву тоже характерен. Эмигрировать он не собирался, как не желал оставаться на территориях, занятых противниками советской власти. Вскоре он снова вернулся в уже советскую Уфу, в качестве архивиста, хотя эта вторая поездка оказалась опаснее первой. Осенью 1919 г. на Урале Николаевский перенес сыпной тиф, из которого, правда, выкарабкался без осложнений [191 - Архив Института русской литературы в Санкт-Петербурге. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1290.].

Немаловажно отметить, что во время этой опасной и сложной поездки Николаевский не оставлял архивных поисков как инспектор Главархива, хотя поначалу сам этот мандат считался скорее конспиративным прикрытием его политической деятельности. Полвека спустя Николаевский рассказывал, что в Чите обнаружил «интереснейшие документы» о Н.Г. Чернышевском, «двое суток» сидел там, детально их разбирая; во Владивостоке встретился с кем-то из американцев и впервые увидел нью-йоркскую русскую газету; в сборнике «Дальневосточная окраина» успел напечатать несколько статей: о Чернышевском и о декабристах, в частности о переводе их из Читы на Петровский завод [192 - МР, box 38, folder 9.].

В результате сибирских находок вначале в местных изданиях «Сибирский рабочий», «Сибирские записки», «Сибирский рассвет», а затем и в столичных журналах («Былое», «Каторга и ссылка») появились интересные очерки о пребывании на Николаевском и Александровском заводах, на сибирской каторге и на Нерчинских рудниках декабристов С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского и Е.П. Оболенского. Увидели свет и материалы о пребывании Н.Г. Чернышевского в ссылке в Вилнойске, о местных агентах-провокаторах в Иркутске и другие ценные документы. В первом выпуске «Сборника материалов и исследований» Главного управления архивным делом, появившемся в 1921 г., Николаевский опубликовал обширную подборку «Из записной книжки архивиста», куда вошли разнообразные материалы, собранные главным образом во время волжско-уральско-сибирского путешествия. В Уфе по инициативе Николаевского было начато комплектование документального фонда по истории революционного движения в губернии. Денег на эту работу не было, и Николаевский посылал телеграммы Рязанову с просьбой о переводе для архивной работы необходимых средств [193 - Ахмерова Ф. Мне

не в чем каяться... С. 101.]

Во время поездок Борис Иванович знакомился с местными политическими, общественными и культурными деятелями, как историк интересовался их биографиями. В частности, в качестве инспектора архивного управления он контактировал с бывшим чиновником сибирских государственных учреждений Н.Н. Стромилловым, оказавшим ему помощь в собирании документов [194 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 1–2.]. Некоторые из новых знакомых стали затем известными людьми. К ним относился, например, иркутский меньшевик Мартемьян Никитич Рютин [195 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 87–88.]. Через много лет, уже будучи большевиком, Рютин пойдет на открытую конфронтацию со Сталиным, образует в 1932 г. подпольный «Союз марксистов-ленинцев», попытается объединить вокруг этой малочисленной организации все оппозиционные силы, напишет обширную рукопись «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» с весьма жесткими оценками деятельности Сталина и... будет за свою оппозиционную деятельность арестован и в 1937 г. расстрелян.

Когда Николаевский возвращался из первой своей поездки в Москву, в Уфе, где он перешел линию боевых действий, он был приглашен в штаб к командующему Южной группой войск Восточного фронта М.В. Фрунзе, слышавшему о Николаевском от Рыкова. Изголодавшегося в пути Николаевского Фрунзе принял по-барски: на столе были большие ломти хлеба, колбаса и водка. Разумеется, Николаевский интересовал советского командующего не сам по себе. Фрунзе рассчитывал получить от него информацию о положении на занятых врагом территориях. Разговором с Николаевским Фрунзе был настолько доволен, что приказал отправить своего собеседника в Москву в личном поезде командующего. Правда, для этого надо было сначала переправиться через реку Белую на лодке, так как мост был взорван, а поезд находился на другом берегу.

Драматические подробности Борис Иванович запомнил хорошо, так как они были связаны с судьбой его находок. Огромный кожаный чемодан, набитый собранным материалом и газетными вырезками, не помещался в лодке, и его решили отправить со следующей оказией. Однако кто-то польстился на хорошую кожаную вещь, купленную в «буржуазном» Владивостоке, и чемодан «со всеми потрохами» был украден. Узнавший об этом Фрунзе ругался последними словами и приказал во что бы то ни стало чемодан найти. В результате чемодан был найден, и Николаевский со всеми бумагами и с комфортом отправился в Москву [196 - МР, box 38, folder 9.].

По возвращении, 3 июля 1919 г., он выступил в Политехническом музее с докладом «Что такое колчаковщина?». Его первыми словами были: «По доброй марксистской традиции я начну с анализа экономического положения Сибири». Но говорил он в основном не об экономике, а о политической ситуации в Поволжье, на Урале и в Сибири, сосредоточившись на причинах, приведших к тому, что демократическим силам не удалось удержать власть. Главное он видел в отсутствии единства антимонархических сил, хотя и не упомянул о том, что и его собственная партия – меньшевики – отвергла сотрудничество с КОМУЧем и уфимской Директорией.

В докладе содержался призыв к единому революционному фронту против монархической контрреволюции (Колчака), причем «по умолчанию» Николаевским признавалась возможность восстановления единства всех социалистических сил (меньшевиков, эсеров и большевиков) и вхождение меньшевиков и эсеров во властные

структуры. Большую утопию трудно было себе представить. Использовать в своих интересах меньшевиков и эсеров большевики, конечно, соглашались. Но пускать их во власть отказывались категорически.

Официальными печатными органами выступление Николаевского было встречено недоброжелательно и даже с издевкой [197 - Большевики о Колчаке // Известия. 1919. 4 июля (газета опубликовала краткий, но весьма предвзятый отчет об этом докладе)]. «Правда» по этому поводу писала следующее:

«Из беспорядочного вороха фактов, изложенного в довольно-таки неудобоваримой форме, гр. Голосов путем чисто меньшевистских логических *salto mortale* делает такой неожиданный вывод: «Если вы хотите добить Колчака, то вы должны изменить свою политику и опереться на блок крестьян и рабочих». Под «вы» гр. Голосов подразумевает Советскую власть и коммунистическую партию. От имени ЦК меньшевиков он заявляет: «Мы стоим за единый революционный фронт, мы, политически не сливаясь с большевиками, готовы, однако, вместе с большевиками бить Колчака. Мы давно уже стоим на такой позиции». Но спрашивается, что до сих пор сделал меньшевистский ЦК и его «координаторы» для того, чтобы «вместе бить»? С них довольно того, что они «стоят на такой позиции» [198 - Правда. 1919. 5 июля.].

Правда, на это выступление положительно откликнулся Ленин. В докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, ВЦСПС и представителей фабзавкомов 4 июля 1919 г. Ленин пространно, несколько извращая факты и даже допуская ложь, выразил удовлетворение выступлением Николаевского:

«Вчера в Москве был сделан доклад одним меньшевиком. Вы в газете «Известия» могли читать об этом докладе гражданина Голосова, сообщившего, как меньшевики поехали в Сибирь, считая, что там Учредительное собрание и народовластие, и господство всеобщего избирательного права, и воля народа, а не то, что какая-нибудь диктатура одного класса, узурпация, насильничество, как они величают Советскую власть. Опыт этих людей, которые... пошли к Колчаку, – теперь опыт их показал, что не какие-нибудь большевики, а враги большевиков... оттолкнули от себя не только рабочих, не только крестьян, но и кулаков» [199 - Ленин В.И. О современном положении и ближайших задачах Советской власти // ПСС. 1963. Т. 39. С. 38–39. Обратим внимание на то, что Ленин изменил хронологию – Николаевский «пошел» не к Колчаку, а к КОМУЧу, демократическому органу, образованному до Колчака.].

В последующие недели Николаевский повторил свой доклад (с незначительными изменениями) в Петрограде и Твери [200 - МР, box 38, folder 9.]. Тогда же, сразу по возвращении в Москву, Николаевский доложил о результатах своей поездки на заседании ЦК РСДРП, сосредоточив особое внимание на неправильном поведении Майского, нарушившего партийные резолюции. ЦК постановил исключить Майского из партии (и тем подтолкнул его к коммунистам). За участие в Уфимском совещании исключены были еще два активных меньшевистских деятеля того времени: Борис Самойлович Кибрик и С. Ленский [201 - Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. С. 43.].

На заседании ЦК меньшевиков 30 июня 1919 г. работа Голосова на Восточном фронте в целом была одобрена. В частности, позитивно оценены были его меры по сплочению партийных сил в Сибири и на Востоке [202 - Большевики в 1919–1920 гг. С. 219–220.]. Некоторые меньшевистские организации, однако, были недовольны пробольшевистским

тоном докладов Николаевского, а уж тем более «пересказом» выступлений Николаевского большевистской прессой. Петроградский комитет РСДРП с раздражением описывал, как «были устроены публичные собрания, на которых с докладом о колчаков[щине] выступал тов. Голосов, сообщения которого в явно препарированном под коммунистическим соусом виде разнесла по России казенная пресса... ПК не может не отметить, что отсутствие свободы печати дает возможность господствующей партии извратить содержание и смысл докладов т. Голосова, что производит самое неблагоприятное впечатление» [203 - Там же. С. 227, 229.].

Незадолго перед тем в Париже состоялась конференция представителей стран Антанты, принявшая решение признать правительство Колчака и оказать ему поддержку. Опираясь на отчет Николаевского, ЦК РСДРП утвердил воззвание «К социалистам стран Согласия [204 - Так в то время обычно именовали страны Антанты.]», в котором обращал внимание, что адмирал Колчак предпринимает попытку «восстановления главных экономических и политических элементов старого режима», что российская социал-демократия «вместе со всеми революционными элементами народа уже делает и будет делать все возможное, чтобы повергнуть в прах воскрешающие силы прошлого и покончить с ними навеки». Большевики призывали рабочих зарубежных стран, прежде всего стран Антанты, сломить «злую волю своих империалистов» и принудить их «дать мир истерзанной революцией России». Это обращение настолько соответствовало интересам большевиков, что его опубликовала даже газета «Известия» [205 - Известия ВЦИК. 1919. 27 июня.]. При этом общий тон большевистской прессы в отношении меньшевиков был издевательско-негативный. В статье известного большевистского деятеля и пропагандиста К.Б. Радека «Голос из гроба», написанной как раз в связи с осуждением меньшевиками Директории, руководство РСДРП именовалось «центральным комитетом партии мертвецов» [206 - Правда. 1918. 15 октября.].

Проведение меньшевистского курса

Крайне опасные и тяжелые путешествия по заданиям своего ЦК Николаевскому приходилось предпринимать в эти годы неоднократно. Пожалуй, несколько преуменьшая невзгоды, которые приходилось при этом преодолевать ему лично, он вспоминал в одной из своих публикаций:

«В 1918–1920 гг. пришлось исколесить Россию вдоль и поперек (между Петроградом – Тифлисом и Владивостоком) и многократно переправляться через разные фронты гражданской войны... В июле 1918 г. я был послан ЦК в Архангельск, где арестами была разбита партийная организация. Проехать оказалось невозможно, и я принужден был вернуться в Москву. Вскоре после этого в Архангельск поехал архангельский уроженец, гласный тамошней городской думы социал-демократ Папилов. В пути он был арестован большевиками и расстрелян. В середине августа того же года я выехал по партийному поручению в Самару и Сибирь. Фронт переходить приходилось нелегально. Мне этот переход удалось совершить без особых приключений. Но видный эсер В.О. Флеккель, который ехал тем же путем и одновременно со мной, был арестован большевиками и расстрелян в Казани. Число таких примеров можно было бы значительно увеличить» [207 - Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. С. 46.].

Летом 1920 г., уже, по-видимому, будучи членом ЦК меньшевистской партии, Борис

Иванович совершил поездку в Донскую область и Закавказье для ознакомления с положением на местах и оказания помощи в урегулировании местных политических споров и конфликтов, столь характерных для меньшевистской среды. Ему, в частности, было поручено устранить раскол в ростовской организации, опираясь на резолюции апрельского совещания ЦК РСДРП. О результатах своей работы, не увенчавшейся успехом, он информировал ЦК. Но доверия ЦК Николаевский не утратил, и рассмотрение вопроса о положении дел в Закавказье по решению ЦК от 4 июня 1920 г. было отложено до возвращения оттуда Николаевского [208 - *Меньшевики в 1919–1920 гг.* С. 508–510.], что свидетельствовало о его авторитете в партии.

Руководство меньшевистской партии не было единым, в его ЦК происходили острые дискуссии между правыми, решительно отвергавшими какие-либо формы сотрудничества с большевиками, и левыми, считавшими возможным сотрудничество, в частности, в деле защиты «республики» от тех, кого они считали «буржуазно-монархическими силами» (к примеру, Колчака и Деникина). Николаевский принадлежал к своего рода «левому центру», то есть разграничивал внешнюю и военную политику большевиков (здесь он был на их стороне) и внутреннюю политику (которую он решительно осуждал). Примерно такой же позиции придерживались видные партийные деятели – Ю.О. Мартов (стоявший на наиболее просоветских позициях) и Ф.И. Дан, относившийся к советской власти более критично.

В работе, написанной через много лет, Борис Иванович позитивно оценивал курс руководителей ЦК, сложившийся в 1918 г. и сохранявшийся с некоторыми модификациями до окончания Гражданской войны: «Политически оправдывая то настроение глубокого недовольства, на базе которого выростали восстания против большевиков, из соображений политической целесообразности и руководствуясь своей общей оценкой перспектив развития русской революции в случае, если раскол между идущими за большевиками и антибольшевистскими слоями демократии будет закреплен, руководители ЦК решительно отвергали всякое участие партии в попытках вооруженной ликвидации большевистской диктатуры» [209 - *Николаевский Б. Меньшевизм в период военного коммунизма (1918–1921 гг.) // Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. ст. и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. Wenson, Vermont: Chalidze Publications, 1990. С. 56.*].

Николаевский принимал участие во всех совещаниях меньшевиков, с огромными трудностями проводимых в годы Гражданской войны. Первое из таких совещаний состоялось 27 декабря 1918 – 1 января 1919 г., когда из-за начавшейся революции в Германии и опасности интервенции стран Антанты репрессии против меньшевиков несколько смягчились. На совещании по докладу Мартова, основные положения которого в своих выступлениях поддерживал Николаевский, была принята резолюция о международном положении и задачах русской революции. Современная эпоха определялась как эпоха «мировой социальной революции, авангардным отрядом которой является Германия. Со всей определенностью партия выступила против концепции социальной революции через диктатуру пролетариата в большевистской трактовке этого понятия» [210 - Там же. С. 64–65.].

Отвергая планы насильственного свержения советской власти, совещание взяло курс на оппозиционную деятельность на базе сохранения советского строя. Вместе с тем оно выдвинуло программу реформ: отказ от военного подавления местных демократических правительств, свободные выборы в Советы, подчинение им правительства и местных

органов, восстановление демократических свобод, включая самостоятельность политических и иных организаций рабочего класса (но только рабочего класса – о демократии в обычном смысле слова речи не было).

На новом мартовском совещании развернулись дебаты о постоянном представительстве меньшевиков за рубежом. Николаевский относился к тем участникам совещания, кто не был полностью удовлетворен деятельностью за границей партийного ветерана П.Б. Аксельрода, который получил полномочия представлять РСДРП за границей еще в 1917 г. Аксельрод выехал в Стокгольм до Октябрьского переворота и сразу после него взял на себя функции зарубежного представителя меньшевистской партии. Непримирымый противник большевизма, Аксельрод работал в тесном контакте с руководителями Социалистического интернационала, также выступавшего против сотрудничества с партией Ленина. Но в целом Аксельрод представлял в Европе не официальные партийные взгляды, а свои собственные, близкие к позициям правых меньшевиков, решительно отвергавших сотрудничество с большевиками. Узнав о решении мартовского совещания меньшевиков вступить в переговоры с другими социал-демократическими партиями по вопросу об образовании нового Интернационала, занимающего промежуточную центристскую позицию между II и III Интернационалами, Аксельрод заявил о своей отставке. (Новый Интернационал действительно был вскоре создан и стал называться II -- Интернационалом.)

1 апреля 1919 г. ЦК РСДРП принял решение организовать за границей временное представительство партии, для чего делегировать туда одного из своих членов. Очередное апрельское совещание приняло «Апрельские тезисы» (это был не очень удачный намек на знаменитые «Апрельские тезисы» Ленина 1917 г.), которые обещали поддержку советскому правительству в войне против Польши и даже объявили призыв меньшевиков в Красную армию. Написанные Ю.О. Мартовым, эти тезисы в целом были абстрактно-теоретическими. Они признавали неизбежность «мировой социалистической революции», которая рассматривалась как длительный исторический процесс, и в то же время указывали на возможность ускорить продвижение к социализму, установить диктатуру пролетариата над меньшинством, пытающимся противодействовать социальной революции. Неблаговидных реалий большевистской власти тезисы не затрагивали [211 - Большевики в 1919–1920 гг. С. 424–432.]. Николаевский тезисы Мартова поддержал и стремился их популяризировать.

Для разъяснения Европе истинной официальной позиции меньшевистского руководства апрельское совещание решило направить за границу именно Мартова, который выехал за рубеж как меньшевистский делегат на съезд Независимой социал-демократической партии Германии.

На 20 августа 1920 г. была назначена партийная конференция, но массовые аресты делегатов на местах, а затем и аресты в Москве привели к ее срыву. Николаевский писал через много лет:

«Аресты ставили своей задачей не допустить устройства общепартийной конференции: членов ЦК и деятелей московской организации специально аресту не подвергали, но устраивали засаду в помещении ЦК и задерживали всех, кто в этом помещении показывался – в первую очередь приезжих из провинции. Конференция, к которой социал-демократическая партия с таким напряжением готовилась, была сорвана» [212 - Большевики в 1919–1920 гг. С. 95.].

Лозунги, выдвигаемые в это время меньшевиками, усиленно пропагандируемые

Николаевским и его коллегами в малотиражных, недолго выходивших газетах, скорее похожих на листовки, состояли в требовании соблюдения советской конституции, в создании «свободных Советов», в возвращении к свободе торговли продуктами питания. Эти требования были близки и понятны основной массе городского населения. Во многом они совпадали с лозунгами другой социалистической оппозиционной партии – эсеров. Через много лет Николаевский рассказал об этом в статьях-воспоминаниях, опубликованных за рубежом [213 - Николаевский Б. Ю.О. Мартов и с.-р. (Историческая справка) // Социалистический вестник. 1944. № 9–10. С. 113–117; Николаевский Б. Еще раз Мартов и с.-р. Социалистический вестник. 1944. № 11–12. С. 137–138. Вторая статья представляла собой ожесточенную полемику с Ф.И. Даном, который ответил на первую статью «личными нападениями». Николаевский утверждал, что свою линию против эсеров Дан выдавал за точку зрения Мартова, что Дан не знает истории и искажает факты.]. Обе партии выступили в 1918 г. инициаторами собраний уполномоченных от фабрик и заводов, очень недолго являвшихся очагом сопротивления диктатуре большевиков в столичных городах. Даже Мартов в тот период говорил Николаевскому, что эсеровская «программа в основе и наша программа». Это осторожное партнерство двух оппозиционных социалистических партий продолжалось, с некоторыми оговорками, и дальше. В марте 1920 г. на квартире Николаевского состоялось совместное нелегальное заседание делегаций меньшевиков и эсеров. Первых представлял Мартов. Вторых – В.М. Чернов. Были определены основные пункты, по которым допускалась возможность совместной деятельности. Лидеры обеих партий продолжали относиться друг к другу с подозрением. Указывая на солидарность с преследуемыми эсерами, меньшевики всегда делали оговорку о различиях в программах и тактике. Точно так же поступали эсеры. Очевидно, степень близости двух партий Николаевский в своих позднейших оценках преувеличивал.

В 1920 г. Николаевского кооптировали в ЦК РСДРП. Официальное избрание в этот высший партийный орган было невозможным, так как большевики не допускали созыва съезда РСДРП, имеющего право, по уставу, выбирать членов ЦК. Видимо, Николаевский был введен в ЦК на апрельском партийном совещании меньшевиков 1920 г. Во всяком случае, он был не только делегатом апрельского совещания, но и являлся его секретарем [214 - Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 423.].

В сохранившихся протоколах заседаний ЦК РСДРП от 6, 9, 13, 20, 29 октября и 22 ноября 1920 г. в качестве участвовавших полноправных членов ЦК неизменно указывается имя Б.И. Николаевского [215 - Там же. С. 688, 690, 695, 714, 717, 731.]. Именно на апрельском совещании меньшевистское руководство совершило существенный поворот влево, в сторону сближения с большевиками, хотя и не переставало резко их критиковать за антидемократические действия. Вместе с другими левыми (сторонниками Мартова) и левоцентристами (сторонниками Дана) Николаевский не полностью осознал, что в России с первых дней Октябрьского переворота началось становление тоталитарной системы, не совместимой с основами того демократического социализма, который проповедовали меньшевики. В стране, по выражению И.Г. Церетели, хозяйничала «контрреволюция, пришедшая через левые ворота» [216 - Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. С. 178.]. Но Николаевский этого еще не видел.

Советский застенок и изгнание

Ненависть большевиков к другим партиям социалистического толка (так называемые «буржуазные» партии были поставлены вне закона еще в конце 1917 г.) особенно усилилось в начале 1921 г., когда по всей стране начались крестьянские восстания, из которых по историческому недоразумению Тамбовское считается самым крупным. Одновременно на столичных предприятиях и в других районах России, особенно в Донбассе и на Урале, прошли мощные волнения рабочих. На фоне войны с крестьянством, волнений и забастовок в городах Кронштадтское восстание моряков в марте 1921 г. было симптомом приближающегося конца большевистской власти.

Большевики ответили на эти события двояко, пойдя на экономические послабления, приведшие в конце концов к новой экономической политике, с одной стороны, и усиливая политический террор – с другой. В апреле 1921 г. Ленин в брошюре «О продовольственном налоге» недвусмысленно заявил, что у российских небольшевистских социалистов – меньшевиков и эсеров – есть альтернатива: сидеть в тюрьме или же отправиться «в Берлин, к Мартову... Мы будем держать меньшевиков и эсеров... как открытых, так и переkrасившихся в «беспартийных», в тюрьме», – заключал Ленин. Такого рода заявления, являвшиеся директивами для центральных и местных партийных и карательных органов, Ленин в это время делал неоднократно. Еще в марте 1921 г. на X партсъезде он объявил, что «мелкобуржуазная контрреволюция», то есть меньшевики и эсеры, более опасна, чем Деникин. Через год он высказался еще более определенно: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что» [217 - Ленин В.И. ПСС. 1963. Т. 43. С. 241–242; Т. 43. С. 24; Т. 45. С. 89.].

Мартов, выехавший в 1920 г. на съезд Независимой социал-демократической партии Германии, в Россию действительно уже не вернулся, став с осени 1920 г. представителем своей партии за границей. Вскоре к нему присоединились еще два видных меньшевика, выпущенные из России: Рафаил Абрамович Абрамович и Давид Юльевич Далин. Но на тех, кто остался в России, обрушились аресты. Был арестован почти весь состав ЦК РСДРП, в том числе и Николаевский, оказавшийся за решеткой уже 21 февраля 1921 г., даже до начала Кронштадтского восстания. Кабинет руководителя архива сменился на камеру Бутырской тюрьмы.

Впрочем, Николаевский был смещен с поста руководителя архива примерно за полтора месяца до ареста, о чем доложил на заседании Бюро ЦК РСДРП 9 января. Этот факт, наряду с некоторыми другими, был оценен партруководством как новая тактика «коммунистов по отношению к м[еньшеви]кам и беспартийным, занимающим ответственные места» [218 - Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2002. С. 73.]. В том же месяце из Москвы в Петроград был выслан Дан (20 января меньшевики приняли по этому поводу протестующее заявление). Николаевскому поручалось передать это заявление во ВЦИК Советов [219 - Там же. С. 75.].

7 и 21 февраля, перед самым арестом, Николаевский еще участвовал в заседаниях ЦК. На последнем заседании он выступил с сообщением об уже произведенных арестах и о засаде, устроенной в помещении ЦК чекистами. Ему было поручено «представить к ближайшему заседанию ЦК материал о Грузии и подготовить соответствующую резолюцию» [220 - Там же. С. 103–104.]. Речь шла об агрессии Советской России против

демократической республики Грузия, последовавшей после спровоцированного большевистской агентурой восстания в нескольких селах с русским населением. 12 февраля 1921 г. началось советское военное вторжение на грузинскую территорию. 25 февраля в Тбилиси вошли части российской 11-й Красной армии. 17–18 марта на состоявшихся в Кутаиси переговорах было подписано соглашение о прекращении военных действий. Вслед за этим в Грузии была провозглашена советская власть. На этом «внешнеполитическом» фоне меньшевики надеялись удержать статус полулегальной оппозиционной партии в России.

Как через много лет вспоминал Николаевский, на заседаниях ЦК шли острые споры по поводу выработки программного документа меньшевиков. Дан настаивал на том, чтобы в качестве такового были приняты тезисы Мартова, доложенные совещанию в апреле 1920 г. Ряд участников заседаний (Д.Ю. Далин, А.А. Трояновский и сам Николаевский) указывали, что эти тезисы уже не соответствуют реальной обстановке в стране, охваченной повсеместным недовольством в связи с продолжением и усилением политики «военного коммунизма». Эта группа считала положение неопределенным, а принятие программного документа – преждевременным. Споры дошли до того, что Трояновский заявил о выходе из ЦК в случае принятия резолюции Дана. Тогда Николаевский добился отсрочки принятия решения до получения мнения находившихся за границей Мартова и Абрамовича.

Возвратившись домой, Николаевский написал Мартову письмо о происходящем внутрипартийном кризисе и высказал мнение, что Мартову следует как можно скорее возвратиться в Россию и охладить пыл Дана. Юлий Осипович, тяжело больной туберкулезом горла, в Россию, однако, не вернулся (мотивировав свой отказ не болезнью, а целесообразностью). Вопрос об общепартийном документе фактически был снят с повестки дня [221 - Николаевский Б. Сорок лет тому назад. (Статья первая) // Социалистический вестник. 1961. № 2–3. С. 29–31.]. Руководство партии меньшевиков все более и более теряло почву под ногами.

Многие творческие планы Бориса Ивановича остались нереализованными. Собственно говоря, и в персональном, и в общеполитическом планах это было почти неизбежно при однопартийной власти большевиков, которые стремились уже в первые годы своего господства использовать исторические документы и факты исключительно для собственной выгоды, не гнушаясь их сокрытием и прямыми фальсификациями. Почти одновременно с увольнением Николаевского от руководства Главным управлением архивов (Главархивом) был отстранен Рязанов, который, хоть и стал большевиком, имел сомнительную репутацию, связанную с меньшевистским прошлым. На его место поставили большевика М.Н. Покровского, которого, несмотря на профессорское звание, считали в ту пору чистопородным большевиком, хотя и он до 1917 г. отходил от большевизма. (Развенчание Покровского как историка с наклеиванием на него всяческих ярлыков начнется через десять с лишним лет – в середине 30-х годов, уже после его смерти.)

Последними архивными находками Николаевского перед арестом были документы архива московской Центральной пересыльной тюрьмы (Бутырок). Похоже, что уже из тюрьмы ему удалось передать по крайней мере один из найденных документов в редакцию журнала «Каторга и ссылка», опубликовавшего материалы Николаевского через год, когда автор уже находился за рубежом. Она была подписана инициалами и помечена

«весной 1921 г.», временем, когда Николаевский сидел в тюрьме. Печатать материал политзаключенного было менее рискованно, чем политэмигранта [222 - Б.Н. Бутырки в дни декабрьского восстания 1905 г. // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 127–133.].

В основе публикации лежала «Памятная записка» администрации Бутырок начальству на предмет награждения персонала, отличившегося в «смутные дни» декабря 1905 г. Текст «записки» давал богатый материал для исследования Московского восстания. В нем приводились данные о баррикадах, появившихся в районе тюрьмы, уличных боях, попытке заключенных устроить бунт. Как видно из текста, тюрьма была окружена повстанцами со всех сторон, не исключено было, что им удастся ворваться внутрь здания. Даже писцы были снабжены оружием. Две охранные роты, не раздеваясь, несли караульную службу в течение девяти дней.

Это была последняя публикация Николаевского, подготовленная в то время, когда он еще находился на территории Советской России. Через некоторое время сотрудничество с советскими изданиями возобновится, но уже из-за рубежа. Вместо Николаевского руководителем Московского историко-революционного архива стал Владимир Васильевич Максаков, большевик со времени II партийного съезда (1903), надежный сторонник властей. Позже его удостоили всяческих почестей; он стал профессором, опубликовал ряд книг по истории революционного движения и архивному делу, насквозь проникнутых «большевистской партийностью», фальсифицирующей историю.

Любопытно, что под руководством Максакова на базе Московского историко-революционного архива было образовано Третье отделение Госархива РСФСР, в котором постепенно сконцентрировалась документация политического сыска дооктябрьских карательных учреждений. Новое подразделение действительно стало своего рода преемником Третьего отделения канцелярии его императорского величества, то есть учреждением, нацеленным на выявление и наказание врагов существовавшего режима. Через несколько лет, уже в эмиграции, Николаевский писал Бурцеву, также ставшему эмигрантом, что ГПУ выявляет бывших эсеров и меньшевиков именно по архивам: «Все когда-либо к таким делам причастные «выясняются»... затем их вызывают в ГПУ и требуют подписки. В случае отказа бывают высылки лиц, даже совсем отошедших – чуть ли ушедших [из партии] еще до революции, черт знает что такое! Пойти в ссылку за то, что уже раз был в ней 15–20 лет тому назад по меньшевистским или с.-р. [эсеровским] делам» [223 - NC, box 141, folder 26.].

Пройдет еще несколько лет, и старые большевики, как и миллионы советских людей, вообще никакого отношения не имевшие к политике, разделят участь меньшевиков и эсеров.

12 октября 1921 г., более чем через полгода после ареста, в квартире Николаевского, в его отсутствие, чекисты произвели обыск. Добыча была внушительной. Конфискованные документы уложили в шесть пакетов, которые затем были переданы в следственную часть президиума ВЧК. Согласно акту вскрытия этих пакетов, необходимые для следствия материалы были отобраны в один пакет. Остальные подлежали возвращению Николаевскому [224 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 1.]. Разумеется, ничего ему возвращено не было, так как находился он в тюремной камере [225 - Через полтора года, уже из-за границы, Николаевский писал Рязанову, что из его кабинета забрали «целый тюк различных рукописей и материалов, имевших отношение к моим историческим занятиям» (Меньшевики в 1922–1924 гг. / Отв. ред. З. Галили, А.П. Ненароков. М.: РОССПЭН, 2004. С. 513).].

Заключенные в Бутырку меньшевики пытались всеми доступными средствами (через проникавшую в тюрьму прессу и редкие свидания с родными) получать информацию о текущих событиях. В камерах происходили бурные дебаты о значении Кронштадтского восстания, о сущности поворота в советской политике после X съезда РКП(б).

Заменяя обрекавшую город и деревню на голодное существование «продовольственную разверстку» времен «военного коммунизма» на фиксированный «продовольственный налог», большевики вынуждены были предоставить населению возможность торговли. Была восстановлена мелкая и средняя частная собственность. На государственном уровне в страну через создание «концессий» стали привлекать иностранный капитал. Все эти меры, вводимые постепенно, но достаточно быстро, получили название новой экономической политики, более известной как НЭП.

Николаевский вместе с другими меньшевиками, стоявшими на левой и центристской позициях, изначально считал национализацию всей промышленности, транспорта и банковской системы вредной утопией. Вместе с Мартовым и Даном Николаевский был убежден в необходимости восстановления частной собственности и рыночных отношений. Политически меньшевики согласны были предоставить имущим классам, как писал Мартов, «достаточный простор для мирной борьбы за влияние на ход дел» [226 - Мартов Ю. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. № 19. С. 8.]. Однако надежды Николаевского и его партийных коллег на возможности развития капитализма в Советской России при власти большевиков были не более чем очередной утопией.

Однажды на свидание к Борису Ивановичу пришел его младший брат Виктор, ставший в 1917 г. большевиком. Прослужив в Красной гвардии, брат являлся слушателем Академии Генерального штаба Красной армии, участвовал в штурме Кронштадта в марте 1921 г. Перед посещением тюрьмы Виктор запросил разрешение партийной организации навестить арестованного брата. Парторганизация посещать заключенного не разрешила. Тем не менее Виктор пришел – уговаривать брата изменить свои взгляды. Разговор был тяжелым. Борис остался при своих убеждениях. Что же касается Виктора, то, окончив академию и отправившись на службу в Туркестан, он начал энергично выступать против злоупотреблений, процветавших в советских структурах. Вскоре Виктор умер при странных обстоятельствах. Борис Иванович Николаевский полагал, что брата устранили [227 - МР, box 37, folder 9.].

28 февраля Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос об арестованных меньшевиках и приняло решение поручить ВЧК «усилить аресты среди меньшевиков и с[о]циалистов-р[еволюционеров], не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выдаются своей активностью» [228 - Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 59. Ед. хр. 15. Л. 6; Большевики в 1921–1922 гг. С. 173.]. Узников всячески запугивали. 25 апреля 1921 г. в Бутырках произошло избиение политических заключенных. Правда, пока еще физическое насилие не распространялось на находившихся в тюрьме партийных лидеров. Чекисты давали понять руководителям партии, среди которых преобладали люди уже далеко не молодые (Николаевский был самым молодым – ему сравнялось 35 лет), что непослушных ожидает физическое насилие. По этому поводу еще существовавшая меньшевистская фракция Московского совета внесла запрос и добилась назначения комиссии по расследованию инцидента. Правда, в комиссию были включены только большевики, и никакого результата «расследование» не дало [229 - Волин С. Большевик в первые годы НЭПа // Большевики после Октябрьской революции. С. 153.].

28 апреля заключенные меньшевики и эсеры направили в Президиум ВЦИК совместный

протест, подписанный от имени ЦК РСДРП С. Ежовым (Цедербаумом, братом Мартова), А. Плесковым и Б. Николаевским. В протесте подробно описывались насилия над заключенными: «Избивали кулаками и прикладами, женщин тащили за ноги и за волосы по лестницам и по двору, разрывая на них платья и сорочки». 20 человек были отправлены в Лефортовскую тюрьму, где уже тогда они содержались «в таких условиях, в каких даже в царских тюрьмах далеко не всегда содержались политические заключенные... Мы требуем от Президиума категорического ответа, будут ли виновные привлечены к ответственности... Отсутствие ответа мы считаем за отрицательный ответ и сделаем соответствующие выводы» [230 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 213–215.].

Ответ ВЦИКа оказался «отрицательным»: в июне ВЦИК издал декрет, предоставлявший ВЧК право лишать социалистов свободы сроком до двух лет по признаку принадлежности к оппозиционной партии, без направления дела в суд. В ближайшие дни и недели на основании этого закона были арестованы 550 человек [231 - Викторов Б.А. Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М.: Юриздат, 1990. С. 43.].

Подписавшие обращение в Президиум ВЦИК большевики и эсеры были наказаны отдельно. Их перевели в Лефортовскую тюрьму, где они «просидели три недели в совершенно невероятных условиях, лишены передач и на полуголодном пайке». После этого арестованных перевели в Особый отдел ВЧК (то есть внутреннюю тюрьму на Лубянке), где режим был не лучше. Началась цинга. Тогда ЦК РСДРП уже из-за границы (от его имени выступали эмигрировавшие лидеры, прежде всего Мартов) потребовал от Президиума ВЦИК перевода Плескова, Ежова и Николаевского в санаторий для лечения. «На голову этой власти ложится ответственность за жизнь и смерть наших товарищей». В санаторий никого не отправили, но в Бутырскую тюрьму, где режим был мягче, возвратили. Письма и резолюции с протестами продолжались. Но власть на них уже не реагировала.

Заключенные члены ЦК полагали, что остававшиеся на свободе большевистские деятели слишком пассивны. Об этом говорилось в письме Дана, Николаевского, Плескова и Ежова от 12 августа. Подписавшие письмо партийные руководители требовали, чтобы оставшиеся на свободе большевики выступали как можно чаще в Советах, на различных съездах, привлекали к протестам уцелевшую большевистскую молодежь, но ни в коем случае не поддавались «пагубному настроению, будто уже или пока ничего нельзя сделать» [232 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 270, 338–339.].

В ноябре 1921 г. арестованные выступили с протестом против высылки в Туркестан четырех своих однопартийцев (под этим обращением в числе прочих стояла подпись Николаевского). По инициативе Дана 4 января 1922 г. начали голодовку, о которой даже удалось сообщить за рубеж [233 - Columbia University. Rare Books and Manuscript Library. Bakhmetiev Archive. Boris Sapir Collection (далее: Boris Sapir Collection), box 25.]. В голодовке участвовало 45 человек. В заявлении, направленном во все тот же Президиум ВЦИК (в числе подписавших был Николаевский), указывалось, что непосредственным ее поводом является намерение властей выслать заключенных в отдаленные районы страны и тем восстановить старую практику административной ссылки царских времен [234 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 398–401.].

В начале 1922 г. в Москве, а также в некоторых других городах были назначены выборы в местные Советы. Члены ЦК РСДРП в тюрьме и на воле размышляли и дискутировали о том, следует ли в них участвовать. Сторонники бойкота выборов указывали, что сотрудничество с советской властью не дает результатов, приводит к новым арестам и

создает иллюзию выборности. Сторонники участия в выборах полагали, что следует хвататься за любую соломинку легальности [235 - Волин С. Большевизм в первые годы НЭПа. С. 154.]. Можно предположить, что Николаевский придерживался второй точки зрения, которая и возобладала в ЦК. На ближайших выборах (впрочем, в последний раз) меньшевикам удалось провести в Московский совет пять депутатов.

По прошествии примерно года с момента ареста меньшевистских руководителей советское правительство приняло решение выслать группу меньшевиков за границу. Вряд ли на сей раз за своего свояка вступился Рыков, являвшийся в это время членом Оргбюро ЦК РКП(б) и заместителем Ленина по Совнаркому. Решение высшего большевистского руководства, видимо, было принято по внешнеполитическим соображениям – Россия крайне нуждалась во внешних рынках, готовилось установление дипломатических отношений с Германией, где традиционно были сильны социал-демократы, в апреле – мае 1922 г. в Генуе предстояла международная экономическая конференция с участием РСФСР. Для всего этого надо было соблюдать хотя бы видимость приличного поведения или, по выражению Мартова, «сходить в баню», чтобы предстать на Западе в опрятном виде. Голодающим меньшевикам ВЧК предложила прекратить голодовку и выбрать в качестве места ссылки Северодвинск, Вятку или за границу. Неудивительно, что меньшевики, в числе которых был и Николаевский, «сочли за лучшее выехать до поры до времени за границу» [236 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 423.].

Это был первый опыт санкционированного правительством изгнания из Советской России чуждых большевикам элементов. За этой акцией последуют знаменитый «философский пароход» и новые группы изгнанников, перед которыми стояла все та же непростая альтернатива – отправиться в эмиграцию или же оказаться в тюрьме, лагере или ссылке. В последующие годы, однако, возможность выехать за границу стала редким исключением. Ручей эмиграции все более сужался и иссякал. Затем эмиграция и вовсе исчезла, став «преступлением перед социалистической родиной». Несогласных ожидала «высшая мера» или отправка в ГУЛАГ, причем для многих из тех, кто попал в концлагерь, это означало ту же гибель, только в рассрочку.

Николаевский избежал наихудшей участи, хотя поначалу изгнание из родной страны, которое он предпочел тюрьме и ссылке, оставленные в Советской России заложниками многочисленные родные и близкие, в том числе мать Николаевского, – все это воспринималось им как тяжкая трагедия. Вряд ли в то время он надеялся, что большевистский режим рухнет в относительно близком будущем. Будучи уже опытным и трезвым политиком, Николаевский понимал, что советская власть все более укрепляется, что экономические уступки НЭПа не дополнятся «НЭПом политическим», что диктатура над пролетариатом и остальными слоями населения становится все более жестокой и беспощадной. Так началась эмиграция Бориса Ивановича Николаевского, продлившаяся четыре с половиной десятилетия.

Глава 3

ГЕРМАНИЯ 1922–1933 гг.

Переезд в Берлин

Если не считать так и не вернувшегося в Советскую Россию Аксельрода, из меньшевиков за границей первыми оказались Ю.О. Мартов, Р.А. Абрамович и Е.Л. Бройдо. Затем удалось выехать Д.Ю. Далину. 11 января 1922 г. из Бутырской тюрьмы были выпущены и уехали за рубеж Ф.И. Дан, Л.О. Дан, Г.Я. Аронсон, В.М. Шварц, Ф.А. Юдин и некоторые другие меньшевистские лидеры (нелепость бюрократической процедуры заключалась в том, что освобождены они были под подписку о невыезде). В последней группе находился Николаевский. Отправились высланные в Берлин, где была сформирована Заграничная делегация меньшевиков и начат выпуск журнала «Социалистический вестник».

Высылаемым на сборы милостиво была дана неделя, использованная для проведения последнего расширенного пленума ЦК РСДРП. Одним из важнейших вопросов, обсуждаемых на пленуме, стала, разумеется, эмиграция руководителей партии: следовало ли меньшевистским лидерам согласиться с предоставленным правом на выезд, не будет ли отъезд за рубеж капитуляцией перед советской властью или, хуже того, ренегатством. В конце концов пленум дал разрешение выехать всем желающим, хотя в прениях неоднократно высказывалось недовольство этим «бегством» за границу. Как вспоминал С. Волин, «сами уезжавшие смотрели на дело иначе. Все они прошли через длительное тюремное заключение, нередко и голодовку, а некоторым из них виза на выезд была дана взамен ссылки». Здесь автор был неточен. Виза на выезд взамен ссылки была предложена не некоторым, а всем эмигрировавшим меньшевикам. Волин, однако, указывал, что «своему отъезду они не придавали большого значения в убеждении, что их эмиграция не может быть длительной – год-два, не больше» [237 - Волин С. Большевикизм в первые годы НЭПа. С. 158.].

Думается, что дело здесь обстояло не совсем так. Большевистские лидеры вынуждены были с глубокой тоской констатировать, что большевистской диктатуре в условиях НЭПа и окончания международного бойкота советской власти в ближайшие годы не грозит крах, что Ленин и его команда стали у власти всерьез и надолго. Социал-демократические руководители, естественно, стремились предохранить себя от новых, еще более суровых репрессий и в то же время полагали, что воздействие меньшевиков на международные социалистические круги будет значительно эффективнее самоубийственных демонстративных протестов внутри РСФСР и эффективнее бесплодных попыток играть роль внутренней оппозиции в Советской России.

Нечего греха таить, у Николаевского, по всей видимости, была еще одна надежда – продолжить в Европе свои изыскания по истории российского революционного движения. Было понятно, что в России этим можно заниматься, только пойдя на недопустимый для Николаевского компромисс с властью и со своей совестью. Правда, на какое-то сотрудничество с теми, кто оставался в Москве, Николаевский и надеялся, и готов был пойти, причем его мотивы были житейские. Об этом свидетельствовало письмо, отправленное 19 января 1922 г., в день отъезда, Щеголеву. Николаевский писал:

«В Германии я буду, конечно, нуждаться в заработке. Нельзя ли чего-нибудь через Музей революции? Я мог бы великолепно наладить собрание заграничных изданий – новых и старых, мог бы поставить дело обыска эмигрантских архивов и пр. Связей для этого у меня будет достаточно. Но, конечно, нужны деньги. Может ли и захочет ли музей что-нибудь сделать? Затем я продолжу и в Берлине считать себя Вашим сотрудником.

Думаю, что обзоры белой литературы будут для вас не лишними» [238 - Крылов В.В. Его страстью был архивизм // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 31.].

Конечно, идея составлять обзоры «белой литературы» для советской власти выглядела как предложение о сотрудничестве, даже несколько выходящем за пределы историко-архивной работы. Было понятно, что белоэмигрантская пресса – в целом антисоветская. И сводками Николаевского о том, что пишут белые эмигранты о советской власти, как именно не любят и критикуют ее, в России мог воспользоваться далеко не один Щеголев и Музей революции, а, например, еще и столь не любимые Николаевским карательные органы. Не понимать этого Николаевский не мог.

Из членов ЦК не воспользовался предоставленным правом эмигрировать только непримиримый Федор Андреевич Череванин (Липкин), называвший Ленина «апостолом анархии». Его ожидала страшная судьба. С января 1922 г. он неоднократно подвергался арестам и ссылкам (Рязань, Калуга). В 1930 г. оказался в тюрьме и стал одним из главных подсудимых на судебном процессе по делу Союзного бюро РСДРП (меньшевиков). В апреле 1931 г. коллегией ОГПУ был приговорен к пяти годам заключения, в мае 1935 г. сослан на три года в Акмолинск, а в марте 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян.

Промежуточным пунктом эмигрировавших из России меньшевистских лидеров стала Рига, где они недолгое время ожидали получения германских виз на въезд и пока что выступали на различных русских собраниях. Из Риги Николаевский 4 февраля 1922 г. написал письмо Аксельроду. Прагматический момент проскальзывал и в этом письме. Левый (или левоцентристский) меньшевик Николаевский однозначно напрашивался на приглашение правого меньшевика Аксельрода встретиться и, видимо, рассчитывал на предложение о какой-то работе в качестве помощника Аксельрода. «Вы меня, конечно, не помните, – мы встречались в Петрограде в 1917 г., но не часто и в течение слишком короткого промежутка времени. Тем не менее теперь, выбравшись из России, я не могу, да по правде и не хочу, удерживать себя от желания написать Вам. Вы стали для нас чем-то большим и более близким, чем кто-либо другой из вождей – теоретиков партии, так как каждый из нас считает себя как бы лично знакомым с Вами», – с заметным заискиванием писал Николаевский, прекрасно зная, что далеко не все меньшевики разделяли высказываемую в письме Николаевским позицию по отношению к консервативному Аксельроду. Выражая радость по поводу того, что Аксельрод, как ему стало известно, пишет мемуары, Николаевский откровенно предлагал себя в ассистенты: «Не могу утерпеть, чтобы не высказать Вам свою радость по поводу того, что, как я узнал, Вы пишете свои воспоминания. История революционного движения – мое больное место. Над ней я сейчас много работаю и с нетерпением жду, когда смогу прочесть Вашу работу» [239 - Boris Sapir Collection, box 26.].

Правда, приглашения приехать для встречи Николаевский от Аксельрода не получил, но, по мнению одного из историков меньшевизма, письмо Николаевского стало для Аксельрода глотком свежего воздуха. «Оно было необычно мажорно и вселяло надежду, что новое, молодое поколение партийцев способно вывести российскую социал-демократию из тупиков, в которые ее завело отступление перед напором и нахрапистостью большевизма, почти уверившего мир, что творит социалистическую революцию» [240 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 52.]. С этого письма тем не менее началось заочное сотрудничество Николаевского с Аксельродом, увенчавшееся серьезными научными публикациями [241 - Из архива П.Б. Аксельрода (1881–1896) / Ред.

В.С. Войтинский, Б.И. Николаевский и Л.О. Цедербаум-Дан; аннотации Б.И. Николаевского. Берлин: Русский революционный архив, 1924; Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова (1901–1916) / Ред. Ф. Дан, Б. Николаевский и Л. Цедербаум-Дан; аннотации Б.И. Николаевского. Берлин: Русский революционный архив, 1924; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М.: Издание Р.М. Плехановой, 1925. Т. 1–2; Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.: Госиздат, 1928; Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП. М.: Госиздат, 1930.].

Во второй половине февраля 1922 г. Николаевский обосновался в Берлине, избрав в качестве своей резиденции сравнительно новый, построенный в основном в конце XIX – начале XX в. зеленый и неплохо благоустроенный район Фриденау, где он снял небольшую комнату у семейства Штайнмюллер. В одном из писем из Берлина в Нью-Йорк, 25 февраля, сообщалось: «На днях сюда прибыли Николаевский, Дан и его жена Лидия Осиповна» [242 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 444.]. Так Борис Иванович оказался в Германии, в то время, по словам писателя Романа Гуля, «нищей, аккуратно-обтрепанной, полуголодной» [243 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 67.].

Вместе с А.А. Юговым в сентябре 1922 г. Николаевский был включен в состав Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков) [244 - Большевики в 1921–1922 гг. С. 539. Чуть ранее в делегацию вошли Ф.И. Дан и И.Л. Юдин.], стал постоянным автором «Социалистического вестника», превращенного с октября 1922 г. из органа Заграничной делегации в центральный орган меньшевистской партии. Вскоре Николаевский, обладавший журналистской хваткой, мастерски владевший пером, стал членом редколлегии журнала (в последние годы существования «Социалистического вестника» Николаевский фактически был его главным редактором).

Борис Иванович участвовал в не очень приятной переписке Загранделегации меньшевиков с внутренним (оставшимся в России) ЦК меньшевистской партии. Получилось, что за границей оказались наиболее видные партийные руководители, претендовавшие на право определять политический курс оставшегося в Советской России второго партийного эшелона, испытывавшего на себе тяжесть репрессий властей. Не случайно Г.Д. Кучин (Оранский), в прошлом боевой армейский офицер, стоявший на правом фланге меньшевизма, в октябре 1922 г. упрекал в своем письме Загранделегацию в «самодовольстве» и в том, что задача «сохранить резервы партии» является признаком распада [245 - Волин С. Большевизм в первые годы НЭПа. С. 159. Кучин (Оранский) Георгий Дмитриевич (1887–1937) – меньшевик с 1907 г. Экономист и юрист. Во время Первой мировой войны – артиллерийский офицер (капитан). В 1917 г. председатель армейского комитета 12-й армии. Делегат I и II Всероссийских съездов Советов, член ВЦИКа 1-го созыва, кандидат в члены Учредительного собрания. В советско-польскую кампанию по решению ЦК РСДРП ушел добровольцем в Красную армию. Затем занимался партийно-политической работой в Киеве и был кооптирован в ЦК. Находился в подполье. Являлся фактическим руководителем нелегального Бюро ЦК РСДРП. В 1924 г. нелегально выезжал за границу на расширенный пленум ЦК, принявший новую партийную платформу. По возвращении в СССР арестован, приговорен к пяти годам заключения, которое отбывал в Свердловском, а затем Ярославском политизоляторах, после чего находился в ссылке. В последний раз арестован в феврале 1935 г. и расстрелян по приговору внесудебной инстанции.].

Конечно, с точки зрения тех, кто в Советской России подвергал свою жизнь

непосредственной опасности и риску быть арестованным и даже убитым, эмиграция в Европе была пределом спокойствия и конформизма. Конфликты между эмигрантскими политиками и работавшими внутри Советской России «черными лошадками» происходили постоянно. В то же время именно эмигрантское руководство меньшевиков представляло партию мировой общественности, осведомляя ее о том, что в действительности происходит в Советской России. Осев в Европе и издавая там свой орган, меньшевики получили возможность влиять на общественное мнение прежде всего европейских социал-демократических партий, которые здесь были достаточно сильны и пользовались авторитетом в левых политических кругах. В конце концов только это могло, как тогда казалось, обеспечить физическое выживание в России остатков оппозиционных социалистических партий.

Толстые журналы. Контакты с Горьким

Уже вскоре после приезда в Берлин Николаевский стал сотрудничать в издававшемся эмигрантским издательством И.П. Ладыжникова критико-библиографическом журнале «Новая русская книга», который редактировался профессором Александром Семеновичем Яценко (1877–1934) – правоведом, философом, библиографом, человеком большой эрудиции и разнообразных интересов, общение с которым было полезно для Николаевского, а Яценко быстро увидел в нем высококвалифицированного специалиста.

Яценко в 1919 г. был включен в состав советской делегации, выехавшей на переговоры в Берлин, в качестве эксперта по международному праву. Не разделяя позиций большевиков, он отказался возвратиться с делегацией в Советскую Россию и стал одним из первых невозвращенцев. В 1921 г. он начал издавать журнал «Русская книга», в 1922 г. преобразованный в «Новую русскую книгу». Цель журнала состояла в том, чтобы собирать и делать общественным достоянием сведения о внутрироссийской и русской заграничной издательской и литературной деятельности, создавая своего рода информационный канал, соединявший воедино русскую печать зарубежья и отечества. С осени 1924 г., назначенный ординарным профессором юридического факультета университета в Каунасе, он покинул Берлин, но продолжал поддерживать связь с российскими эмигрантами в Германии, включая Николаевского. В журнале Яценко охотно сотрудничали такие видные представители русской художественной культуры, как М. Горький, А.Н. Толстой, К.И. Чуковский, И.Г. Эренбург, М.И. Цветаева и др.

Первым выступлением Николаевского в «Новой русской книге» была рецензия на книгу генерала А.И. Спиридовича, который попытался продебютировать в качестве историка большевизма [246 - Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1907–1917). Париж, 1922.]. Рецензия носила по существу своему издевательский характер [247 - Новая русская книга. 1922. № 4. С. 23–25.]. Николаевский продемонстрировал жгучий сарказм, непримиримость к авторским амбициям бывшего жандармского генерала, которого, понятным образом, презирал за его прошлую деятельность. Показательным было начало рецензии: «На литературном горизонте появился старый, хотя и не по литературе знакомец: бывший жандармский генерал А.И. Спиридович. Он читает публичные лекции, он издал толстую книгу – «историческое исследование», он всячески напоминает о своем существовании». Далее шла уничтожающая характеристика этой книги, автор которой, по словам рецензента,

пытается изложить, но не в состоянии объяснить факты, а обобщения списывает у других. Материалов, основанных на личных впечатлениях и воспоминаниях, которые могли бы представить интерес, в книге нет. Спиридович, впрочем, широко пользуется одной группой неизданных источников, насмеялся Николаевский, – циркулярами Департамента полиции, но и их использует односторонне, никогда не проверяя фактов, цитируя циркуляры со всеми присущими им ошибками. С литературой вопроса Спиридович не знаком и поэтому проявляет невежество, несмотря на «чехарду фактов». Из анализа делался вывод: «Историческая работа бывает полезна, когда она дает верную или хотя бы любопытную общую оценку трактуемого вопроса и ясную, фактически точную его картину или когда она удовлетворяет хотя бы одному из указанных требований. Работа г. Спиридовича ни одному из этих требований не удовлетворяет».

Как мы будем убеждаться многократно, те критерии, которые формулировались в отношении исторического труда в этой рецензии, Николаевский адресовал в первую очередь самому себе и неуклонно следовал им в историческом анализе на всем протяжении своего творчества. Что же касается «Новой русской книги», то Борис Иванович продолжал с нею активное сотрудничество на протяжении следующего года и дважды выступил с содержательными обзорами «Из недавнего прошлого русской литературы», в которых лапидарно рассматривались новейшие документальные и мемуарные издания [248 - Новая русская книга. 1922. № 9. С. 6–10; 1923. № 2. С. 9–13.]. В первом из этих обзоров давалась источниковедческо-историографическая оценка эмигрантской исторической литературы, отличавшейся, по его мнению, в худшую сторону от изданий, выходивших в России. Эмигрантские издания почти не используют архивную документацию, отмечал автор. Значительно благополучнее обстояло дело с мемуарами. Позитивно отличались от других публикаций статьи А. Ляковского о жизни А.И. Герцена в ссылке и о ссылке А.Г. Короленко (обе статьи были опубликованы в газетах – одна в Вильно, другая в Берлине). Правда, тут же указывалось, что автор этих статей явно не принадлежал к числу архивных работников: он не фиксировал названий дел, из которых были извлечены материалы, и даже использованных архивов. И только сведущие лица по содержанию могли установить, о каких архивах шла речь. Отмечая невысокую квалификацию автора и предостерегая от излишнего к нему доверия, Николаевский отмечал некоторую новизну приводимых им сведений, в частности публикацию жалобы Короленко на действия исправника в городе Глазове, показывающей, как формировался Короленко, постепенно превращаясь в борца за легальные права, каким знала его Россия на протяжении трех десятилетий. Высоко была оценена публикация в белградской газете «Новое время» отрывков из дневника известного издателя А.С. Суворина, в частности о его встречах с Н.А. Некрасовым в 1875 и 1877 гг. «Здесь все интересно: и упоминание о писании водевилей, и рассказ о первых скитаниях в Петербурге, и отзывы о Тургеневе, Гоголе, Белинском» [249 - Новая русская книга. 1922. № 9. С. 8.].

Второй обзор был целиком сосредоточен на публикациях в зарубежной печати материалов о Короленко. Здесь прежде всего отмечалась ценность воспоминаний М. Горького. Речь шла о встречах в Нижнем Новгороде, о влиянии, которым пользовался Короленко. Николаевский оценивал не только высокую фактическую точность и важность горьковской информации, но и блестящий язык, живость образов. Подчеркивалась ценность писем Короленко Горькому, опубликованных в качестве приложения. Значительно скромнее оценивались другие воспоминания о Короленко, хотя они

(например, заметки Е. Чирикова) давали отдельные штрихи, интересные для будущей биографии писателя. Отмечалась, наконец, публикация двух писем Короленко – одного по еврейскому вопросу (конец 80-х годов) и другого, относящегося к восприятию им задач искусства и процесса художественного творчества, его специфики.

Но в основном Б.И. Николаевский подвизался на страницах журнала в жанре критико-библиографическом. Автор знакомил зарубежную русскую публику с издававшимися в России историческими и историко-литературными журналами «Голос минувшего», «Книга и революция», «Русская летопись» [250 - Новая русская книга. 1922. № 7. С. 15–17.]. Оценивая последние номера «Голоса минувшего», он особо выделял некоторые наиболее ценные материалы, в частности главы из «Истории моего современника» того же В.Г. Короленко, очерки известного марксиста Л.Г. Дейча. Другие публикации вызывали у него резкие критические суждения, а порой и прямое отторжение. В отношении некоторых из них он употреблял даже такое «недипломатичное» выражение, как «развесистая клюква». В целом резко критически оценивались Николаевским первые два номера «Русской летописи», но выражалась надежда на публикацию в этом журнале в будущем документов и мемуаров.

Значительно более высокой оценки заслужили у критика мемуарные труды. В рецензии на воспоминания В. Фигнер «Запечатленный труд» говорилось: «И по богатству фактического содержания, и по художественности изложения книга является на редкость дорогим вкладом в русскую – не мемуарную только – литературу» [251 - Там же. № 6. С. 14–15.]. В подробной рецензии отмечалось исключительно важное значение мемуаров Ю.О. Мартова и В.М. Чернова, незадолго перед этим выпущенных в Берлине издательством З.И. Гржебина [252 - Там же. № 9. С. 22–24. Николаевский хотел, чтобы рецензию на книгу Фигнер написал Горький, и только после его отказа сам взялся за эту работу.]. Подчеркивалось, что впервые появились воспоминания не рядовых участников социал-демократического и эсеровского движений, а их наиболее видных руководителей. Эти произведения осветили «моменты, которые на долгий период определили характер движения», – писал автор. Вместе с тем выявлялась специфика обоих трудов.

В воспоминаниях Мартова (он обычно публиковался под именем Л. Мартов) [253 - Мартов Л. Записки социал-демократа. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.] особенно выделялась тема «революционер как психологический тип» и указывалось, что Юлий Осипович, как видно из его книги, быстро и уверенно нашел свое место в определенном направлении революционного движения – в марксистской партии. В то же время Виктор Михайлович Чернов [254 - Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.] долго метался в поисках той идеологии и организационных форм антиправительственной работы, которые в конце концов сделали его лидером партии эсеров. Первой же его «революционной любовью» являлась пропагандистская работа среди тамбовских крестьян [255 - Чернов в своих мемуарах приводит весьма важный для понимания карательной политики первых лет советской власти эпизод. За несколько лет до Октябрьской революции он сидел с Лениным в швейцарском кабачке за кружкой пива. «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков станете вешать!» – сказал Чернов. «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера», – ответил Ленин.].

Столь же высоко оценил Николаевский изданные в Париже письма В.Г. Короленко советскому наркому просвещения А.В. Луначарскому [256 - Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 20–21.]. Считая книгу «желанным подарком для читателя», рецензент выделял

главную ее тему – борьбу против большевистского насилия – и отмечал высокое мужество, принципиальность и самоотверженность писателя в отстаивании элементарных гражданских прав самых различных слоев населения – крестьян, мелких торговцев и предпринимателей, бедного еврейского населения, низших слоев городского мещанства и т. д. В то же время выпущенная в Петрограде апологетическая биография одного из большевистских лидеров – Я.М. Свердлова – была оценена крайне отрицательно как попытка оправдать не только диктаторские стремления этой личности, но и курс советского правительства в целом [257 - Там же. № 7. С. 19.].

Сотрудничая в «Новой русской книге», Николаевский познакомился со многими российскими эмигрантами, принадлежавшими к различным политическим направлениям. Он постоянно сталкивался с Романом Борисовичем Гулем, бывшим активным участником вооруженной борьбы против большевиков, ставшим теперь секретарем редакции журнала, Алексеем Николаевичем Толстым, Ильей Григорьевичем Эренбургом [258 - В своих мемуарах Р. Гуль путает И.Г. Эренбурга с его двоюродным братом И.Л. Эренбургом (Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 103), во втором десятилетии XX века издававшим в эмиграции сатирический журнал «Тихое семейство», в котором беспощадно высмеивал большевиков, прежде всего Ленина. Отметим, что Николаевский собрал полный комплект этого редкого журнала, который ныне вместе с личным архивом И.Л. Эренбурга, полученным от его сестры Н.Л. Эренбург-Маннати, хранится в его коллекции в Гуверовском институте (НС, box 437, folders 1–5).], Игорем Северяниным, И.С. Соколовым-Микитовым и другими видными писателями и общественными деятелями. Гуль так описывал первые свои впечатления от встречи с Николаевским:

«Он был очень высок, широк, крепок, тогда очень худ, в лице что-то как будто башкирское (он уфимец). Был Б.И. сыном священника, вообще кондового духовного звания, только вот он подгулял, став меньшевиком-начетчиком. Тогда у Б.И. была редкая русско-интеллигентская борода. Голос, не гармонирующий с его мощной внешностью, – высокий тенор (особенно смех!)... Только-только вырвавшийся из Бутырок Б.И. по виду был типичнейший русский революционер (хоть позируй для передвижников: «Не ждали!»)» [259 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 121.].

Секретарь редакции вспоминал живописный эпизод общения Николаевского с редактором. Как-то, когда историк зашел в кабинет Яценко, человека крупного и физически сильного, тот оглядел фигуру посетителя и сказал: «Ну и здоровенный же вы экземпляр! Я меньшевиков таких что-то никогда и не видел. Они все какие-то дохлые». Встав вдруг из-за стола, Яценко предложил Николаевскому побороться. «И они схватились. Стол был опрокинут, стулья отлетели в стороны, лицо и лысина Яценко побагровели. И все-таки Николаевский грохнул его на диван. Яценко поднялся. «Ну и здоровенный же вы бык! Вот вам и Второй Интернационал!» – смеялся он, тяжело дыша. И Николаевский задохнулся: победа над Яценко была нелегка, кубанец был тоже здоровенный, и уфимцу пришлось с ним поднатужиться» [260 - Там же. С. 125.].

Гуль, правда, был неточен в отношении сути договоренности о сотрудничестве Николаевского в журнале. В его памяти запечатлелось, что Яценко договорился с Борисом Ивановичем, что тот будет давать обзоры советской литературы. «Это была, конечно, ерунда, ибо для художественной литературы у Б.И. «уха» не было. Но и Яценко литературно не был чуток». Николаевский действительно делал в журнале обзоры советской литературы, но отнюдь не художественной, а исторической и, главное, публиковал рецензии на мемуарные и научно-исторические произведения. Так что на

самом деле Ященко был «литературно чуток», поручив именно Николаевскому обзоры литературы определенного жанра.

Точнее Гуль рассуждает по поводу причин, привлечших Николаевского в «Новую русскую книгу». Писатель полагает, что историка привела в журнал жажда ознакомиться с огромной русской эмигрантской прессой, выходившей по всему миру и поступавшей в редакцию. Это действительно была одна из причин его сотрудничества, но конечно же не единственная. Политически Николаевскому необходима была трибуна более широкая, нежели меньшевистский «Социалистический вестник», в котором он вначале был к тому же на вторых ролях. Гуль рассказывает:

«Я бегло просматривал, вырезал кое-что для «НРК» и охапками выбрасывал остальное в мусорный ящик. Раз это увидел Б.И. Не преувеличу, сказав, что на лице его изобразился ужас. – «Роман Борисович, что вы делаете?! Вы все выбрасываете?!» – «Ну да, а что же с этим делать?» – «Да что вы! Что вы! Это же неоценимая вещь! Ради Бога, не выбрасывайте ничего, все оставляйте для меня, я буду приходить и все забирать!» Я был так глуп, что чистосердечно не понял, зачем это все Борису Ивановичу».

Гуль продолжает: «И позже, когда я работал над своими книгами «Азеф», «Бакунин», «Дзержинский», «Тухачевский» и другими, я увидел, что Б.И. из этих охапок газет сделал. Я в восторг пришел от множества ценнейших папок с газетными вырезками. Кого и чего тут только не было! Конечно, не из одних этих газет Николаевский создал уникальный русский архив, единственный во всем мире. Он тащил все отовсюду. И сколько людей – писателей и политиков – впоследствии пользовались архивом Б.И. Николаевского, который с удовольствием предоставлял свой архив для работы» [261 - Гуль Р. Я унес Россию. С. 122–123.]. Именно Николаевский собрал и сохранил для истории российской культуры архив журнала «Новая русская книга», который ныне является составной частью его коллекции в Гуверовском институте [262 - NC, box 124, folders 1–65; box 125, folders 1–60; box 126, folders 1-45; box 127, folders 1-35; box 128, folders 1-17.] и был частично опубликован во Франции (материалы отдельных выдающихся писателей, философов, публицистов, общественных деятелей) [263 - Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж: ИМКА-Пресс, 1983.].

Однажды Николаевский случайно увидел в подсобном помещении редакции два больших запыленных пакета, на одном из которых была, по воспоминаниям Гуля, надпись «Мандельштам». Борис Иванович предположил, что пакеты могут иметь отношение к одному из русских социал-демократов. Однако фамилия Мандельштам вызывает сомнения, так как в коллекции Николаевского документация такого лица отсутствует. Не исключено, что это были документы Виктора Евсеевича Мандельберга – меньшевика, члена II Государственной думы, находившегося в эмиграции (его документы действительно сохранились в коллекции Николаевского [264 - NC, box 155, folders 1–5.]). Гуль вполне мог перепутать фамилию, тем более что его художественной натуре она мало о чем говорила.

По словам Гуля, Николаевский, осмелившийся вскрыть те два пакета, обнаружил там редчайшие книги по истории революционного движения и важные документы, после чего попросил у Гуля разрешения забрать две особенно важные для него книги. «Борис Иванович, – произнес Гуль, – вы у меня спрашиваете? Но книги же не мои, и я ни разрешения дать не могу, ни запретить вам не могу». Естественно, Николаевский книги унес, а затем в течение нескольких недель пакеты «худели-худели, а потом перестали

существовать» [265 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 124.].

Такой способ сбережения документов Николаевский считал оправданным, поскольку в суматохе текучки и Яценко, и сам Гуль часто теряли ценнейшие бумаги. Так, в редакцию поступило письмо писателя Максимилиана Волошина о зверствах, которые творили красные в Крыму после изгнания Врангеля. Это был потрясающий документ, который Яценко читал многим посетителям, в том числе Николаевскому, и, разумеется, собирался его опубликовать. Засунув письмо в карман, чтобы перечитать дома, Яценко на следующий день обнаружил, что письмо пропало. «Страшно грустил об этом Б.И. Николаевский, говоривший: «Ведь это же совершенно уникальный исторический документ! И как мог Александр Семенович так легкомысленно его потерять!» [266 - Гуль Р. Я унес Россию. С. 129.] – вспоминал Гуль.

В германской столице была развернута бурная публикаторская деятельность, к которой Николаевскому удалось вначале привлечь довольно часто посещавшего санаторий под Берлином Максима Горького. Собственно говоря, первая встреча Николаевского с Горьким произошла именно в санатории, находившемся на курорте Бад-Сааров, недалеко от германской столицы. Здесь писатель лечился, и сюда Борис Иванович приезжал, чтобы повидаться со своим свяжком Алексеем Ивановичем Рыковым – заместителем Ленина по Совнаркому. Имея в виду, что с мая 1922 г. Ленин тяжело болел, Рыков был фактическим руководителем правительства.

Николаевский с удовольствием приезжал в Бад-Сааров. Это был первоклассный, построенный в земле Бранденбург курорт с горячими и грязевыми источниками, небольшой городок, великолепное сочетание первозданной природы с хорошо оборудованными центрами лечения на озере. Сам Рыков в Берлине перенес операцию, после которой приводил свое здоровье в порядок на свежем воздухе. Будучи почти всесильным советским руководителем, он не побоялся встретиться с изгнанным из России меньшевиком, причем сделал это по своей инициативе, что, видимо, в какой-то степени определило временный поворот некоторых советских организаций и идеологических деятелей к сотрудничеству с Николаевским.

Рыков был довольно откровенен с Николаевским. В связи с распространившимися в Москве слухами о том, что Ленин болен сифилисом, в высших большевистских кругах решили провести расследование и либо эти слухи опровергнуть, либо, по крайней мере, доказать, что это наследственная болезнь. Была снаряжена медицинская экспедиция в Астрахань, откуда родом были предки Ленина по отцовской линии, чтобы проверить подозрения об унаследованном сифилисе. «Такую старую грязь разворотили, что и вспоминать нет охоты», – рассказывал как-то Рыков Николаевскому на курорте Бад-Сааров [267 - Социалистический вестник. 1961. № 5. С. 96–97.]. Ничего конкретного не нашли, и врачи ругались, что «ходят в потемках». Были сделаны все возможные анализы, но они не дали результатов: носители болезни не были обнаружены, хотя врачи и понимали, что отсутствие носителей еще не может быть решающим доказательством отсутствия болезни.

Как-то Николаевский повел Рыкова в русский «Дом искусств». Правда, появился там советский деятель полуинкогнито. Гуль рассказывал в своих воспоминаниях:

«Особенно импозантны были собрания «Дома искусств» в кафе «Ландграф». Зал – очень большой, лакеи сервировали еду, кофе, всяческие напитки. В кафе была хорошая эстрада, с которой читали выступавшие. Выступало тут много людей: А. Толстой, Н. Минский (поэма «Хаос», которая была действительно, но малоинтересным «хаосом»), Соколов-

Микитов со своими «сказками» и «сказаниями», А. Ремизов – с «Взвяхренной Русью» и всяческой «славянской вязью» и «мудренщиной», И. Эренбург завывал «Стихи о канунах» и хорошо читал «ядовитого» «Хулио Хуренито»... Этот вечер я запомнил и еще по одному обстоятельству. Мы, молодежь, не садились в ту часть зала, где сервировали еду (дороговато было нашему брату), а садились ближе к эстраде, где можно было отделаться кружкой пива. Но я видел, что в «привилегированной» части Б.И. Николаевский сидит с какими-то неизвестными мне господином и дамой. Я не обратил на это внимания. А когда через несколько дней встретился с Борисом Ивановичем, он, улыбаясь, спрашивает: «Вы меня в «Ландграфе» видели?» – «Видел». – «А вы знаете, кто со мной был?» – «Понятия не имею». И, улыбаясь, Борис Иванович говорит: «Со мной сидели Алексей Иванович Рыков и его жена». Я ахнул: «Да что вы?» – «Да, да, сами захотели пойти, и, знаете, жена Рыкова все меня просила: Б.И., покажите, который Гуль? Она ваш «Ледяной поход» в России читала, и ей очень хотелось на вас посмотреть». – «Ну, я надеюсь, вы показали ей?» – засмеялся я. «Конечно...» – «Ну и как? Одобрила?» – «А этого я уж не знаю», – засмеялся и Б.И. своим высоким сопрановым смехом».

Гуль поинтересовался, не узнал ли кто Рыкова в кафе. Николаевский ответил отрицательно, а по поводу сомнения Гуля, что могли узнать меньшевики, отмахнулся: «Ну, это не страшно» [268 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 192–193.].

Именно Рыков познакомил Николаевского с Горьким, творчеством которого Борис Иванович интересовался с юных лет и заочное сотрудничество с которым произошло, когда публиковались документы полицейского наблюдения за молодым Горьким. Писательница Нина Берберова, описывая встречу Рыкова, Николаевского и Горького, создала интересный образный портрет Николаевского того времени: «Историка, человека больших знаний, державшего связь с европейскими социал-демократами, собирателя книг и материалов по истории русской революции... Он был высокий и тяжелый, молчаливый и внимательный человек, с умными глазами, курчавыми волосами и высоким голосом» [269 - Берберова Н. Железная женщина. М.: Книжная палата, 1991. С. 172–173.].

Николаевский стал встречаться с Горьким. Задумано было издание журнала «Летопись революции» и серии книг, в основном мемуарного характера, в качестве приложений. В редакцию вошли Мартов, Николаевский и известный нефракционный левый социал-демократ, автор нашумевшего многотомника о революции 1917 г. Н.Н. Суханов. Николаевский считал членом редакции еще и Горького. По крайней мере, если в первых сообщениях о будущем журнале «ближайшими его участниками» назывались Мартов, Суханов и Николаевский [270 - Новая русская книга. 1922. № 5. С. 44.], то летом 1922 г. в письме Л.Ф. Бичерахову, бывшему казачьему полковнику, находившемуся в эмиграции, Николаевский сообщал, что в редакцию входит Горький [271 - Русский Берлин. С. 352. Суханов официально не был в эмиграции. Он жил в Москве, работал в советских учреждениях, но в начале 20-х годов имел возможность выезжать за рубеж на длительное время, работать в советских заграничных учреждениях и сотрудничать с левой частью российских эмигрантов. В 1922 г., будучи в Берлине, он вступил в компартию Германии, надеясь таким образом через «задний ход» перейти в РКП(б). Однако в Москве принять его в партию отказались, продолжали относиться к нему с подозрением, а в 1931 г. на провокационном процессе Союзного бюро меньшевиков он был приговорен к 10-летнему тюремному заключению, из которого уже не вышел. В 1940 г. он был расстрелян в Омске.].

Понятно, что включение Горького в состав редакции для Николаевского было очень желательно, так как это поднимало статус и журнала, и Николаевского, как соредактора Горького. Однако уговорить писателя войти в состав редколлегии не удалось. Алексей Максимович отговаривался и занятостью, и тем, что не является историком, и своим неуживчивым характером. Перед самым выходом первого номера, 30 декабря 1922 г., Горький несколько льстиво, хотя, наверное, искренне написал Николаевскому письмо с отказом от участия в редколлегии:

«Изложенное Вами положение дел привело меня в такое восхищение, что вопрос о редакции, на мой взгляд, совершенно не имеет, при таких условиях, практического интереса. Вы знаете мой неприятный характер, придирчивость и требовательность в редакционной работе. Но то, что Вы изложили в простых и бесхитростных фактах, совершенно убеждает меня в полном благополучии и блестящей будущности журнала... Так работайте, как работаете, один. Вы спец, приобретайте тут опыт, стаж и имя и не гоняйтесь за комплиментами, которые Вам не нужны» [272 - НС, box 128, folder 2; Русский Берлин. С. 355–356.].

Возможно, отказ был вызван еще и тем, что «Летопись революции» являлась не просто эмигрантским журналом, а задумана была как издание различных политических фракций эмиграции, в том числе враждебных советской власти.

Осторожный Горький стремился сохранить с этим режимом по крайней мере нейтральные отношения. В сентябре 1923 г. он писал Николаевскому: «На Ваше письмо не отвечаю, да, в сущности, и нечего ответить, – решение мое я не могу изменить» [273 - Русский Берлин. С. 400.]. В результате «Летопись революции» вышла вообще без обозначения состава редколлегии, что с удивлением отметили рецензенты, в частности известный историк и журналист Сергей Петрович Мельгунов [274 - Дни (Берлин). 1923. 20 января.].

Первоначально предполагалось привлечь в журнал и в книжную серию только социалистов, но постепенно планы были расширены – решено было также печатать воспоминания, документы и исследовательские эссе более правых деятелей. В редакционном сообщении для первого номера «Летописи революции», написанном, по всей видимости, Николаевским, говорилось:

«Всякий очерк, всякое сообщение, носящее характер достоверности, найдут место на ее страницах, как показания очевидца событий или как работа исследователя, независимо от политической тенденции и симпатий автора... Роль судьбы в этом случае редакция на себя не берет. Она полагает, что будущий исследователь, сопоставляя показания отдельных очевидцев, сам сумеет отделить в них Wahrheit от Dichtung, объективно верные факты от их субъективной оценки и освещения» [275 - Летопись революции. 1923. № 1. С. 2.].

Иначе говоря, допуская публикацию в журнале аналитических работ, Борис Иванович все же основное внимание уделял публикации первоисточников, прежде всего мемуарного характера, считая оценочно-исследовательскую работу делом будущего.

Николаевский обращался ко многим деятелям с просьбой предоставить для журнала и приложений свои мемуарные произведения. В числе прочих он, как вспоминал через много лет, обратился к А.А. Богданову, в свое время являвшемуся вместе с Лениным и Л.Б. Красиным одним из высших руководителей большевистской организации. Просьба была передана через члена редколлегии Суханова.

Особенно интересовали Николаевского материалы о тайном Большевистском центре конца первого десятилетия века. Богданов ответил, что писать всю правду о том периоде

еще не пришло время... [276 - Николаевский Б.И. К истории «Большевистского центра» // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 87.]

Николаевский приступил к кропотливой подготовке первых номеров нового журнала, о чем свидетельствовала его переписка с Горьким. Авторы документального издания «Русский Берлин» вполне уместно отмечают, что эта переписка (как, добавим, и контакты Мартова и Николаевского с Горьким) решительно опровергает утверждение жены писателя, большевички и актрисы М.Ф. Андреевой, будто Горький относился к меньшевикам с презрением [277 - Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1961. С. 61; Русский Берлин. С. 351. Применительно к периоду до 1918 г. мнение или, точнее, сделанное задним числом утверждение Андреевой опровергается сотнями документов Горького, в частности его «Несвоевременными мыслями». Что же касается первой половины 20-х годов, то для оценки взглядов писателя этого времени особенно важна его переписка с Николаевским.]. Активная переписка Горького с Николаевским продолжалась около года – с ноября 1922 до октября 1923 г., то есть до отъезда писателя из Германии (вначале в Чехословакию, а затем в Италию). В основном в письмах шла речь о конкретных материалах редакционного портфеля «Летописи революции».

Многие письма Горького были сварливыми. Чувствовалось, что он иногда срывал на своем адресате плохое настроение. В ноябре 1922 г., касаясь материалов первого номера журнала, Горький жаловался: «Корректировочные листы присланы мне мокрыми в перепутанном виде. Я их высушил на радиаторе и читать все – не имею времени. И – глаза болят». Было заметно, что Горький подходил к документально-мемуарному материалу не как историк, а как мастер художественного слова, что в данном случае не соответствовало тем задачам, которые ставил перед изданием Николаевский. Горького интересовало в первую очередь, чтобы материал был «более интересным». По поводу же воспоминаний, богатых фактическим материалом, которые для Николаевского, наоборот, были особенно важны, Горький часто выражал недовольство. Так, касательно воспоминаний генерала А.С. Шварца Горький в январе 1923 г. писал, что «для журнала этот материал тяжел, на мой взгляд» [278 - Русский Берлин. С. 374, 382.].

Бориса Ивановича, несомненно, озадачивало и огорчало, что Горький не понимал смысла и источниковедческой специфики мемуарных произведений. Понятие исторического источника было для него чуждо. Познакомившись с намечаемыми к публикации в «Летописи революции» воспоминаниями эсеровского лидера В.М. Чернова, Горький в начале 1923 г. в целом справедливо писал, что «органический, неисправимый недостаток автора – многословие. У него нет ни одной мысли, которая не была бы загружена словами – его воспоминания не солидны, но, конечно, они имеют весьма значительный интерес для характеристики самого автора». Только иногда историко-мемуарные произведения заслуживали похвалы Горького, как это имело место с изданными Николаевским воспоминаниями меньшевистского деятеля В.С. Войтинского о событиях 1917 г., о которых он написал, что они «очень интересны» [279 - Там же. С. 384, 392.].

В то же время письма свидетельствуют, что личные отношения между Николаевским и Горьким развивались весьма благоприятно. 15 февраля Алексей Максимович писал: «На этой неделе ко мне не приезжайте – все дни занят жестоко и будет много чужих людей... А на той неделе – от среды до субботы или пятницы – я буду в Берлине» [280 - Там же. С. 387.]. Николаевский, стало быть, не рассматривался как «чужой человек». Любопытно и

то, что через Николаевского Горький передавал приветы Рыкову во время пребывания того в Берлине после лечения в санатории. Горький помнил, что зампред Совнаркома был свояком Николаевского и что именно Рыков их познакомил. Эти приветы, безусловно, передавались во время очередных встреч Николаевского с Рыковым в Берлине летом 1923 г. [281 - Николаевский Б. Письмо в редакцию // Социалистический вестник. 1961. № 5. С. 95–97.]

Лишь изредка, имея в виду сложный характер писателя, Николаевский решался возражать ему и тем более предъявлять требования или претензии. Но иногда приходилось идти и на это. В одном из писем конца 1922 г. Борис Иванович вынужден был упрекнуть Горького, что тот с опозданием высказался о плохом качестве каких-то рукописей и ничего по этому поводу не сказал во время встречи. Горький пытался оправдаться: «О непригодности рукописей я, конечно, не мог ничего сказать Вам, ибо когда Вы были у меня, – рукописи еще я не читал. Ведь Вы же и привезли их» [282 - Русский Берлин. С. 382.].

Николаевскому ради добрых отношений пришлось воздержаться от дальнейшей полемики, хотя он прекрасно помнил, что специально переслал материалы Горькому заранее, а поехал к нему, полагая, что тот уже с ними ознакомился и даст свою оценку.

В то же время по сугубо принципиальным вопросам Николаевский был откровенен. Прочитав очерк Горького «Савва Морозов», предназначенный к публикации в «Летописи революции», Николаевский писал в марте 1923 г., что остался неудовлетворенным, что основной недостаток произведения – перенесение центра тяжести характеристик на разговоры, что в очерке отсутствует критическая оценка окружения нестандартного во всех отношениях предпринимателя. «По существу, ведь нельзя писать истории, не ругая тех или иных «творцов» ее» [283 - Там же. С. 403–404.].

«Летопись революции» оказалась недолговременной – вышел только один том. Затем произошло крушение издательского дома Гржебина, финансировавшего журнал. Том открывался воспоминаниями Горького о Короленко, затем следовали мемуары меньшевиков Мартова, Дана, Аксельрода, Войтинского, а также лидера германских социал-демократов К. Каутского.

В партийных кругах только что образованного СССР появление первого номера «Летописи революции» вызвало откровенно негативную реакцию.

Советский историк В.И. Невский в краткой и предвзятой рецензии обвинил редакцию в недобросовестности и в том, что ее задача – «опорочить, оплевать зловерный, ненавистный ей большевизм» [284 - Пролетарская революция. 1923. № 3. С. 314–315.].

Правда, Николаевский приобрел права на издание воспоминаний деятелей российского революционного движения, и под его редакцией были выпущены впоследствии мемуары и дневники П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, В.М. Чернова, В.С. Войтинского, Н.Н. Суханова. Мемуары Войтинского вышли в двух, а записки Суханова в семи томах. Наряду с этими именитыми авторами Николаевский стремился публиковать и свидетельства лиц менее известных, но дающих живое описание событий тех лет. Таковы были воспоминания эсера Н.С. Русанова, «Год интервенции» адвоката М.С. Маргулиеса, являвшегося членом Северо-Западного правительства, образованного при Н.Н. Юдениче, «Деникинщина» Г. Покровского [285 - Русанов Н.С. Из моих воспоминаний. Берлин: Изд-во Гржебина, 1923; Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин: Изд-во Гржебина, 1923; Покровский Г. Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918–1919). Берлин: Изд-во Гржебина, 1923.]. Все эти издания рассматривались Николаевским как важные

источники истории революционного движения в России, революции 1917 г. и Гражданской войны [286 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11.].

Суд над эсерами

Важным испытанием прочности меньшевистской организации за границей стал судебный процесс над партией эсеров, состоявшийся в Москве в 1922 г. Это был первый массовый процесс над руководством оппозиционной социалистической партии. На скамье подсудимых оказались 47 человек. Обвинения носили провокационный и вымышленный характер. Эсеры, в частности, обвинялись в том, что в августе 1918 г. осуществили покушение на Ленина. Советская пресса была полна злобных пропагандистских нападок. Обвиняемым грозила смертная казнь, на что определенно намекало советское правительство, готовя международное общественное мнение именно к такому приговору.

14 марта 1922 г. Загранделегация, в которую только за несколько дней перед тем вошел Николаевский, вместе с представителями других российских социалистических эмигрантских групп, выступила с обращением к социалистическим партиям и рабочим организациям с призывом поддержать обвиняемых эсеровских руководителей и организовать массовую кампанию протеста против судилища. Именно Николаевский по инициативе Мартова обратился к Максиму Горькому, с которым он вскоре после приезда в Берлин установил связь, с просьбой включиться в защиту лидеров партии социалистов-революционеров. Горький действительно выступил тогда с письмами в защиту эсеровских лидеров.

История вовлечения Горького в дело защиты эсеров весьма интересна. Мартов задумал убедить Горького обратиться с просьбой о защите эсеров к французскому писателю Анатолью Франсу, проявлявшему интерес к русским делам. Основание для такого обращения было весомым – незадолго до этого, в 1921 г., Франс пожертвовал полученную им Нобелевскую премию в пользу голодающих в России, а вслед за этим стал выступать против политики большевиков [287 - Руль. 1921. 26 ноября.]. Имея в виду, что из всех меньшевистских деятелей наиболее близко к Горьким был знаком именно Николаевский, Мартов письмом от 30 июня 1922 г. просил Бориса Ивановича поехать к Горькому, передать ему соответствующее письмо меньшевистских лидеров, убедить обычно очень осторожного в таких делах Горького выступить в защиту эсеров и побудить к аналогичному выступлению Франса. На Николаевского в этом смысле возлагались большие надежды – он должен был не просто убедить Горького, а буквально заставить его написать письмо, «дабы он не мог уклониться от ответа, – инструктировал Николаевского Мартов, – ни задержать с ним и чтоб Вы могли, в случае необходимости, «надавить» на его хрупкую волю... Словом, действуйте!» [288 - НС, box 210, folder 1; Русский Берлин. С. 343–344.]

В результате настояний Николаевского Горький действительно выступил с двумя обращениями, получившими сравнительно широкую огласку в печати, – телеграммой А. Франсу от 3 июля 1922 г. и посланным за два дня до этого письмом заместителю председателя Совнаркома РСФСР А.И. Рыкову. В телеграмме Франсу говорилось:

«Суд над социалистами-революционерами принял циничный характер публичного приготовления к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа. Убедительно прошу Вас: обратитесь еще раз к советской власти с указанием на

недопустимость преступления. Может быть, Ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов. Сообщаю Вам письмо, посланное мною одному из представителей Советской власти».

Рыкову Горький написал следующее: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством – это будет убийством с заранее обдуманном намерением, гнусным убийством». Горький просил Рыкова сообщить его мнение Ленину, Троцкому и другим большевистским лидерам. «Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо за время революции я тысячекратно указывал Советской] власти на бессмысленность и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убежден, что если эс-эры будут убиты, – это преступление вызовет со стороны социалистической Европы полную блокаду России» [289 - Социалистический вестник. 1922. № 13–14. С. 11–12; Русский Берлин. С. 345. В коллекции Николаевского телеграмма Франсу хранится в виде фотоконии автографа Горького (телеграмма была отправлена в переводе), а письмо Рыкову – в рукописной копии самого Николаевского (НС, box 210, folders 2, 3).]. 11 июля появился ответ Франса, поддержавшего обращение Горького [290 - Le Populaire, 11 juillet 1922.].

В Москве были взбешены этими демаршами. Ленин, перенесший накануне первый инсульт и с опозданием узнав о выступлении Горького, писал 7 сентября 1922 г. пребывавшему в Германии Н.И. Бухарину:

«Я читал (в «Социалистическом вестнике») поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, вы его выдаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение...» [291 - Ленин В.И. ПСС. 1965. Т. 54. С. 279–280.]

Бухарин встретился с Горьким и стал ему объяснять, что тот совершил ошибку, поддавшись на провокацию меньшевиков. По словам Бухарина, которому в данном случае не следует полностью доверять, Горький был огорчен и находился почти в отчаянии. Бухарину он якобы сказал: «Я черт знает что наделал. Как же мне теперь быть, как мне исправить мою ошибку?» [292 - Русский Берлин. С. 349.]

Более достоверное представление и о взаимоотношениях Горького с Бухариным и о сохранявшемся резко отрицательном отношении писателя к преследованию в Советской России эсеров дают его письма Николаевскому. В сентябре 1923 г. Горький сообщал, что получил письмо от Бухарина в ответ на его письмо Рыкову (то есть в ответ на письмо с протестом против судилища в Москве). «Завтра Б[ухарину] отвечу; посмотрим, что будет», – писал Горький. Из этого следует, что Горький вряд ли раскаивался в своих обращениях к Франсу и Рыкову и продолжал настаивать на прекращении репрессий в отношении эсеров. Очевидно, что позже последовало еще одно обращение к Рыкову. 15 октября Горький писал Николаевскому: «Ответ Бухарина не касается существа дела, а лишь выражает недоумение или обиду в форме вопроса: почему я на его – Б[ухарина] – и Зиновьева письмо ответил не им, а Рыкову. Я написал Бухарину – почему» [293 - Там же. С. 400–401.]. Переубедить писателя по вопросу об эсерах Бухарину и Зиновьеву не удалось.

Из переписки Горького с Николаевским следует, что писатель полностью доверял Борису Ивановичу и делился с ним содержанием своей достаточно конфиденциальной корреспонденции с большевистскими лидерами. Сам Ленин, перенесший в конце 1922 г. новый инсульт, оказался в это время фактически под домашним арестом в подмосковной резиденции в Горках. В столице развернулась острая политическая борьба за ленинское

наследство, за то, кто будет его преемником. Ленину в эти недели было не до эсеров, и в полемику с Горьким Ленин ввязываться не стал. Зато в «Известиях» появилась издевательская статья К. Радека, смысл которой заключался в том, что Горький – интеллигент, не разбирающийся в политике [294 - Известия. 1922. 16 июля.]. «Правда» разразилась сразу двумя фельетонами: прозаическим С. Зорина «Почти на дне. О последних выступлениях М. Горького» и зарифмованным Демьяна Бедного «Гнетучка», где Бедный дошел до того, что обвинял Горького в «черносотенстве» [295 - Правда. 1922. 18 июня.].

Решающую роль в том, что приговоренные к расстрелу эсеры не были тогда казнены, а превратились в заложников режима, сыграло обязательство делегатов Коммунистического интернационала на встрече в Берлине в апреле 1921 г. с лидерами II и III Интернационалов сохранить подсудимым жизнь. Весьма недовольный данными обещаниями, Ленин все же счел целесообразным их соблюсти. Так что роль Горького, Мартова и Николаевского в отсрочке смертных приговоров эсеровским руководителям не следует преувеличивать.

Тем не менее меньшевики вправе были считать, что именно они вынудили советскую власть дать обязательства не прибегать к смертной казни в отношении осужденных и допустить на суд зарубежных адвокатов – видных социалистических деятелей – Эмиля Вандервельде, Курта Розенфельда и Теодора Либкнехта. Правда, они уехали из Москвы до окончания процесса в знак протеста против царившего судебного произвола. Но все-таки эсеровские лидеры были приговорены к расстрелу «условно»: смертный приговор не должен был приводиться в исполнение до тех пор, пока со стороны эсеров не было «контрреволюционных» выступлений. Лидеры эсеровской партии стали заложниками бездействия рядовых членов партии, причем трактовка того, что следовало считать «контрреволюционным» выступлением, оставалась за большевиками.

Выступления меньшевиков-эмигрантов в защиту подсудимых эсеров не означали сближения меньшевиков с эсеровской партией. Точно так же лидеры Заграничного представительства рассматривали как чуждые и даже враждебные меньшевикам группы других пролитэмигрантов – кадетов, октябристов, тем более – монархистов. На фоне усиления в РСФСР преследований оппозиционеров, инакомыслящих и просто чуждых большевикам слоев населения партия меньшевиков превращалась в крохотную подпольную группу, а ее Заграничное представительство – в чисто эмигрантский орган, не оказывавший сколько-нибудь заметного влияния на ход событий и на умонастроения в Советской России.

Член меньшевистской Загранделегации

Николаевский являлся в эмиграции активным и инициативным партийным деятелем. В июне 1922 г. он был введен в специальную комиссию, занимавшуюся пересмотром платформы меньшевиков. В 1922–1923 гг. он участвовал в бурных спорах, вызванных стремлением Заграничной делегации конституироваться не как второстепенной орган ЦК, послушно выполняющий любые его решения, а в качестве самостоятельной авторитетной инстанции, обладающей равными правами с Бюро ЦК партии. Именно этой цели служил проект создания Коллегии ЦК, состоявшей из двух равноправных звеньев – Загранделегации и внутреннего Бюро, причем в проекте ощущалось некоторое превосходство Загранделегации над Бюро ЦК [296 - Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 73,

128. Положение о Коллегии было утверждено Загранделегацией (при участии Николаевского) 11 октября 1922 г. Практически, однако, Коллегия, как функционирующий партийный орган так никогда и не была создана.].

Спорные вопросы между Бюро и Загранделегацией решались путем переписки, причем главным автором писем от имени Загранделегации был Николаевский, что говорило и о доверии к нему со стороны других членов этого органа, и о легком пере Бориса Ивановича, и о том, что он сумел остаться «над схваткой» между партийными звеньями и был настроен по отношению к Бюро более примирительно, нежели другие зарубежные деятели.

Ноша корреспондента с внутренними деятелям и была нелегкой не только в силу необходимости формулировать позицию Загранделегации как коллективного органа, несмотря на то что в нем были разногласия, причем сам Николаевский подчас не был согласен с той или иной установкой, но и потому, что на его голову постоянно сыпались упреки со стороны внутренних деятелей, всегда с чем-то несогласных. Тем не менее, если изначально Николаевский выполнял роль корреспондента по устному согласованию между членами Загранделегации, то в начале января 1923 г. Д.Ю. Далин проинформировал Бюро ЦК о принятии решения, согласно которому от имени Загранделегации письма в Бюро ЦК будет еженедельно писать Николаевский.

Сохранились его политические письма в Москву от 19 октября, 6, 14, 22 и 28 ноября 1922 г., 31 января и 16 мая 1923 г. Письмо от 31 января 1923 г. при этом было обозначено как № 20, и это значит, что в действительности переписка была значительно богаче и большинство писем до нас, к сожалению, не дошло. В письмах давалось представление о позиции Загранделегации по различным политическим вопросам, сообщалось о тематике «Социалистического вестника», рассказывалось о жизни отдельных эмигрантов, что было весьма важно, так как на родине оставались их родные и близкие. Весьма неутешительно почти в каждом письме звучали строки о состоянии здоровья Ю.О. Мартова, который медленно угасал от туберкулеза горла, несмотря на самые интенсивные усилия друзей и коллег, их попытки оказать ему помощь, используя новейшие методы лечения, привлечение известных специалистов и курортные процедуры.

Интонация писем была примирительной по отношению к внутреннему Бюро. В частности, Бюро подвергло жесткой критике «Социалистический вестник», пишущий только о «красном терроре», будто нет других тем. Николаевский признавал, что тематика большевистского террора подчас доминирует, оттесняя другие вопросы. Касаясь разногласий между Загранделегацией и Бюро по поводу сотрудничества с правыми социал-демократами, стоявшими вне меньшевистской партии (меньшевики в России, особенно Г.Д. Кучин, настаивали на необходимости такого сотрудничества, в то время как Загранделегация занимала более осторожную позицию), Николаевский писал 16 мая 1922 г.: «Но зачем, друзья мои, форма ультиматума? Ведь трения, кажется, начали сглаживаться». А в личном письме тому же непримиримому и нервному Кучину, отправленном в конце ноября – начале декабря 1922 г., он уговаривал адресата положить конец старым спорам и конфликтам [297 - Большевики в 1922–1924 гг. С. 239.].

Конфликты, однако, продолжались; даже искусственно нагнетались. Члены внутреннего Бюро жаловались 28 ноября 1921 г., что Николаевский и другие «пытаются поставить нас на место», упрекают в «антизаграничных» настроениях [298 - Там же. С. 223.], хотя

ничего подобного по письмам Николаевского проследить не удастся, тем более что у Николаевского была и личная цель, которую он ставил, беря на себя труд корреспондента, и из-за которой важно было сохранить с российскими участниками переписки хорошие отношения. Почти в каждом письме он обращался к группам адресатов или к отдельным из них с просьбами подготовки документальных сборников, в частности о судебных процессах над меньшевиками в Киеве и Ростове-на-Дону, и с воспоминаниями о важнейших событиях партийной истории. «Как обстоит дело с писанием воспоминаний? – спрашивал Николаевский в одном из писем. – ...Кто взялся за это и о чем думает писать, необходимо знать, чтобы не дать сопредельных тем кому-нибудь здесь». Персонально Борис Иванович обращался с просьбой написать мемуары к Кучину и видному деятелю еврейской социал-демократической организации Бунд М.И. Гольдману (Либеру).

Постепенно политические вопросы в его письмах были отодвинуты на второй план. Основное место заняли технические и организационные дела. Видно было, что речь все чаще шла не о политической деятельности, а об элементарном выживании внутренней организации меньшевиков, которое приближалось к концу. Внутреннее Бюро стремилось к установлению контакта с другими левыми подпольными силами, все еще существовавшими в России. Заграничная делегация упорно навязывала курс на полную организационную и идейную самостоятельность. Николаевский в основном подчинялся такого рода директивам, но в то же время все более отчетливо понимал, что сектантско-марксистский курс обрекает его группу на изоляцию и отмирание. Несколько раз он сознательно нарушал партийные директивы, устанавливая политические и иные контакты с эмигрантами иной ориентации, прежде всего с эсерами.

Это проявилось, например, в 1930 г., когда он выступил с приветствием на юбилее журнала «Современные записки», который с 1920 г. выпускали в Париже эсеры М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев и И.И. Фондаминский-Бунаков. Название «Современные записки» должно было напоминать читателям о двух русских журналах XIX в. – «Современнике» и «Отечественных записках». Несмотря на то что журнал был организован членами одной партии, он имел широкую демократическую программу. В нем печатались авторы различных партийных и политических направлений, всех объединяло признание Февральской революции и отрицание Октябрьского переворота. В журнале были различные отделы: исторический, экономический, политический, критико-библиографический, но главное место занимал литературный. В нем печатались как произведения известных авторов (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус), так и начинающих (Н.Н. Берберовой, В.В. Набокова, Г.И. Газданова и др.) [299 - Подробно об этом журнале см.: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Indiana University Publications, 1957. Любопытно, что Вишняк в своей объемистой книге не упоминает Николаевского.]

Правда, считая «Современные записки» беспартийным журналом, его редакторы, по откровенному признанию одного из них – М.В. Вишняка, стремились проводить «в общем виде свое», то есть эсеровское, мировоззрение. Меньшевики же «Современные записки» игнорировали, на сотрудничество с этим журналом наложено было табу, хотя положительно оценивались его художественный и исторический отделы. Меньшевистские деятели в то же время остро критиковали «Современные записки» за «терпимость» к правым течениям [300 - Вишняк М.В. «Современные записки». С. 258, 14–15.].

Николаевский, строго говоря, запрета на сотрудничество не нарушил, ибо ни одного материала до 1938 г. в «Современных записках» не поместил. Да и сотрудничество в

последние годы существования журнала было незначительным. Однако сам факт приветствия Николаевским «Современных записок» вызвал бурю негодования в рядах «твердокаменных» меньшевиков. Пять членов Заграничной делегации (Дан, Югов, Гуревич, Юдин, Шварц) выступили с грозным по форме и бессильным по существу заявлением, в котором предупреждали остальных членов Загранделегации: «Мы сделаем все... для спасения русской социал-демократии от политической деморализации и сотрудничества с силами контрреволюции и реставрации и т. д.».

Николаевский не ответил на это заявление, но через два года его поведение вызвало новую бурю протестов. Дело в том, что известный меньшевик В.С. Войтинский, ставший в эмиграции видным экономистом и публиковавший многочисленные труды, председательствовал в Берлине на лекции прибывшего из Парижа А.Ф. Керенского. Имея в виду отрицательное отношение меньшевиков к бывшему премьеру Временного правительства, поведение Войтинского было вызывающим. Оно было особенно очевидно всем тем, кто знал о крайне критическом, почти презрительном отношении Войтинского к руководителю меньшевистской Загранделегации Федору Дану. Последнего Войтинский по его частой сокращенной подписи под статьями: «Ф. Д.» – именовал «форменный дурак» [301 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 266.].

К деятельности меньшевистской организации за рубежом Войтинский в целом относился с иронией. В июне 1923 г. он писал И.Г. Церетели в Париж: «У нас, в меньшевистских кругах, последние недели ознаменовались оживлением. Выработывали платформу! Вышла, впрочем, не «платформа», а целый небоскреб – длиной с хорошую брошюру. Бесконечная цепь оговорок и оговорочек к оговоркам и замечаний к оговорочкам» [302 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 116.]. Взгляды Николаевского были близки к позиции Войтинского, хотя и высказывались обычно значительно более сдержанно и осторожно. Вопрос о поведении Войтинского дебатировался на заседании Загранделегации. Николаевский, который вместе с Абрамовичем и Далиным входил в центристскую группу этого органа, отказался осудить крамолу Войтинского, фактически поддержав «правое» течение в меньшевистской эмиграции, смотревшее на преследования Войтинского как на «фракционную расправу над тем течением в партии, к которому мы принадлежим» [303 - Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 262–263.].

С не меньшим рвением в Загранделегации и на страницах «Социалистического вестника» обсуждались взаимоотношения с теми меньшевистскими деятелями, которые в эмиграции не желали присоединяться к официальной партии. Позиции таких неприсоединившихся стали несколько укрепляться, после того как в 1925 г. из России удалось вырваться А.Н. Потресову, непримиримо относившемуся к большевистской власти. В начале 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) разрешило Потресову выехать за границу для лечения в обмен на предоставление Институту Ленина имевшихся у Потресова ленинских документов. Александр Николаевич поселился в Берлине. За предоставленные им ленинские письма Потресов получил возможность публикации части своего архива в Госиздате России.

Узнав об этом, Николаевский сразу же связался с одним из основателей группы «Освобождение труда» и предложил ему свою помощь. Советское правительство дало согласие на совместную работу Потресова и Николаевского, ибо сознавало, что тяжелобольной Потресов в одиночку с подготовкой документального тома не справится. Так появился на свет сборник «Социал-демократическое движение в России», изданный

Потресовым и Николаевским, с подробными примечаниями последнего [304 - Социал-демократическое движение в России: Материалы. М. – Л.: Госиздат, 1928.].

Все годы эмиграции, живя сначала в Берлине, а затем в Париже, Потресов был прикован развивающейся болезнью к постели. Несмотря на это, он продолжал работать. Осенью 1927 г. вышла его книга «В плену у иллюзий», в которой критически анализировалась послеоктябрьская политика РСДРП. Октябрьскую революцию он называл реакционным переворотом, а власть большевиков – «деспотией олигархической клики», нового эксплуататорского класса. Потресов призывал все демократические силы к объединению против большевистского правления, предсказывал возможность разочарования рабочего класса в идеях социализма. Он стал сотрудничать в журнале «День» Керенского. С 1931 г. Потресов выпускал собственный журнал «Записки социал-демократа». Умер в Париже 11 июля 1934 г. после тяжелой операции. Его тело было кремировано, прах захоронен на кладбище Пер-Лашез.

Николаевский намеревался издать обширную переписку Потресова с Мартовым. Однако Лидия Дан предложила Потресову свою помощь и таким образом отстранила Николаевского от этого проекта. Из обширной переписки Мартова с Потресовым, охватывающей период с 1898 по 1913 г., к середине 20-х гг. были целы 188 писем, которые готовились в 1926–1927 гг. к печати Лидией Дан, но изданы так и не были. Оригиналы писем оказались утрачены – уцелел только один экземпляр сделанных на пишущей машинке копий всех этих писем, который позже вдова Потресова – Е.Н. Потресова – передала Николаевскому. Они хранятся в его документальной коллекции и опубликованы только частично.

Левое большинство Заграничной делегации неодобительно оценило сотрудничество Николаевского с Потресовым, который относился к Дану и другим левым деятелям меньшевизма с почти откровенным презрением. Но так как речь шла не о чисто политической акции, а о научной работе, от прямого вмешательства во взаимоотношения Потресова и Николаевского Федор Дан и его сторонники отказались. Когда же появились «Записки социал-демократа», Загранделегация предостерегла примыкавших к ней меньшевиков от участия в этом «крамольном» издании. Тем не менее меньшевистский эмигрант Г.О. Биншток опубликовал в журнале Потресова под псевдонимом Г. Осипов свою статью. Псевдоним этот использовался и раньше; авторство Бинштока стало известно в эмигрантских кругах. На заседании Загранделегации Дан поставил вопрос об исключении Бинштока из партии. Возникли острые споры. Против высказались правые М.С. Каммерма*sensored* (Кефали) и Г.Я. Аронсон. Их поддержал Николаевский. Делегация приняла формально безликое постановление, указывающее, что «участие членов партии во внепартийных предприятиях... ставит их вне рядов партии». Вслед за этим Бинштоку вынесли «строгое осуждение». При голосовании по пункту об исключении из партии правые воздержались, а защищавший в прениях Бинштока Николаевский проголосовал за исключение [305 - Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 266–267.].

Установление в СССР единоличной власти Сталина, кровавая коллективизация сельского хозяйства, перекачивание средств в сверхиндустриализацию путем развития в основном тяжелой, прежде всего военной, промышленности, а вместе с тем новые явления в мировой экономике и политике, связанные с Великой депрессией 1929–1933 гг., требовали выработки новой меньшевистской платформы. Николаевский вместе с Абрамовичем, Далиным, Аронсоном, Кефали и Гарви высказались за таковую. Дан же

всячески противился изменению ориентации. Дальнейшие споры по этому вопросу происходили уже после прихода к власти в Германии национал-социалистов, когда меньшевистская эмиграция оказалась вынужденной перенести центр своей деятельности из Берлина в Париж.

В то же время Николаевский был решительно настроен против группы независимых правых социал-демократов, которые в 1922 г. во главе с С.О. Португейсом (Ст. Ивановичем) начали издавать журнал «Заря». Через два с лишним десятилетия в некрологе, посвященном памяти этого талантливого публициста и непримиримого борца против большевистской диктатуры, Борис Иванович откровенно писал:

«Автор этих строк был в свое время решительным противником этого журнала, с тех пор много воды утекло, много старых оценок не выдержало критики временем, – но и теперь статьи «Зари» ему не кажутся более убедительными; С.О. [Португейс] несомненно был прав в целом ряде своих критических замечаний; в частности, он был прав в указаниях на наивную утопичность надежд на эволюцию [советской] власти к демократии. Но характер действительной эволюции большевизма он тогда так же плохо понимал, как плохо его понимали и его противники из лагеря официального марксизма» [306 - Николаевский Б. Памяти С.О. Португейса (Ст. Ивановича) // Новый журнал. 1944. № 8. С. 394–400.].

Политические оценки, постепенно перераставшие в исторические квалификации, изобиловали в переписке Бориса Ивановича. В личных письмах он мог быть более откровенен, нежели в печатных выступлениях, а его иногда нелюбимые размышления создавали фундамент для оценок прошлого, бесспорно окрашенных политикой, но отнюдь не являвшихся «политикой, обращенной в прошлое». В сохранившихся письмах давалась отрицательная характеристика Ф.И. Дана, значительно более острая, нежели та, которая формулировалась на заседаниях Загранделегации. В частности, подробно рассматривалось, как готовилась к печати статья Дана, посвященная 75-летию К. Каутского. Николаевский критиковал глубоко ошибочные, по его мнению, положения Дана, особенно четко выраженные в этой статье по поводу того, что большевизм – не реакция в полном смысле слова, а «революционный деспотизм», что пролетариат не должен выступать против большевистского режима, так как существует серьезная опасность, что в результате падения большевизма к власти в СССР придут подлинно реакционные силы [307 - Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья. С. 144–145.]. В письмах, прежде всего к Церетели, была показана спекулятивность построений Дана, его левый догматизм, непонимание того, что в СССР происходит становление террористической однопартийной диктатуры, которая, несмотря на марксистскую лакировку, на деле носит реакционный характер. «Он становится в гордую позу человека, не останавливающегося перед разрывом с людьми, кот[орых] он ценит и любит, если того требует выдержанная чистота его убеждений», – писал Николаевский.

В целом Николаевский все более разочаровывался в деятельности Заграничной делегации, в мелочных счетах и расчетах, характерных не только для Дана, но и для других ее членов. Он приходил к выводу, что «склока в эмиграции – вещь неизбежная. Уничтожить личные счета, конфликты, подсиживания и пр., – не говорю уже о более серьезных трениях по полит[ическим] и такт[ическим] вопросам, – при жизни под стеклянным колпаком эмигр[ационного] кружка вещь невозможная... Кто с волками живет и сердится на них за то, что сам по-волчьи воет, всегда труднее уживается в стае»

[308 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 242–243; С. 401, письмо от 12 апреля 1930 г.; С. 336–337.].

Издательские дела. «Социалистический вестник»

Из-за в целом бессмысленной политической деятельности меньшевистского руководства Николаевский начал отдаляться от него, хотя не порывал сложившихся контактов. Наш герой все более погружался в атмосферу эмигрантского Берлина, который в начале 20-х годов стал ведущим культурно-интеллектуальным центром русского зарубежья и одновременно политическим центром левой части эмиграции, тогда как в политическую «столицу» несоциалистического сегмента беженцев из России все более превращался Париж. Борис Иванович регулярно посещал мероприятия учрежденного в конце 1921 г. в Берлине «Дома искусств». Собственно говоря, «дома» как такового не было, а все, что проводилось от его имени, устраивалось в кафе «Ландграф» на Курфюрстенштрассе, 75, а потом на Ноллендорфплац, в кафе «Леон». Здесь проводились еженедельные вечера, писатели читали свои новые произведения, устраивались концерты и спектакли. Иногда организовывались и лекции, однако совет дома во главе с Н.И. Минским внимательно следил за тем, чтобы в них соблюдался провозглашенный учредителями принцип аполитичности.

Конечно, берлинский русский «Дом искусств» никак не мог сравниться с тем образцом, которому его учредители пытались подражать, – с петроградским Домом искусств, созданным по инициативе М. Горького в ноябре 1919 г. То заведение занимало огромное здание, целый квартал – дом Елисеева на Мойке. Но, несмотря на несравненно меньшие масштабы, берлинское сообщество российских интеллектуалов и деятелей литературы и искусства было весьма внушительным. Посещая его собрания – концерты, театральные постановки, выступления литераторов, – Борис Иванович не только отдыхал душой, но и черпал вдохновение для новых исследований. Великолепный, отточенный и изящный русский язык выступавших позволял ему совершенствовать свой неповторимый, но очень простой стиль научного повествования.

Интеллектуальному развитию русского Берлина (и идейно-политическим проявлениям левой его части) способствовало то, что именно здесь в самом начале 20-х годов действовало издательство Зиновия Исаевича Гржебина, которое было связано с российским Госиздатом. Издательский дом З.И. Гржебина начал работать в Петрограде в 1919 г. В конце 1920 г. он перенес свою деятельность сначала в Стокгольм, а затем в Берлин, где уже в 1921 г. выпустил 30 наименований книг. Гржебин заключил с советскими властями договор на поставку значительной части тиража выпущенных им изданий. Но очень скоро между партнерами возникли недоразумения, Госиздат не переводил положенных сумм, невзирая на неоднократные обращения М. Горького и даже обсуждение этого вопроса Совнаркомом. Гржебина необоснованно обвинили в жульничестве. Огромное количество прекрасно изданных книг осталось на складе, не найдя широкого сбыта и в эмигрантской среде, так как они были напечатаны по новой орфографии, которую в правой части эмиграции не признавали.

В крайне стесненных условиях Гржебин пытался продолжать работу. В 1922–1923 гг. издательство выпустило 225 книг. Николаевский сразу по приезде в Берлин стал консультантом издательства по вопросам исторической литературы, за что получал

небольшие гонорары. Однако в 1923 г. издательство разорилось – не без участия тайной большевистской агентуры, которая выполняла волю советских хозяев, недовольных тем, что в Берлине выходят значительными тиражами книги антисоветски настроенных эмигрантов. Гржебин переехал в Париж, где попытался возобновить издательскую деятельность, но развернуть ее так и не смог. Тем не менее тот стимул, который был дан издательством Гржебина интеллектуальному развитию берлинской ветви эмиграции, сохранял свою инерцию и в последующие годы.

Сходную роль применительно к меньшевистской части эмигрантов играл «Социалистический вестник», который с самого начала рассматривался не как чисто политический. Правда, в 1922 г. стремившаяся к примирению с советской властью и к возвращению на родину часть эмигрантов (так называемые сменовеховцы) начала в Берлине издание своей газеты «Накануне» (ее литературно-художественный отдел вел А.Н. Толстой), но значительным влиянием эта газета не пользовалась и в 1924 г. прекратила существование. Николаевский стал публиковаться в «Социалистическом вестнике» в 1923 г. Первые его материалы появлялись без подписи. В дальнейшем в качестве подписи фигурировали подлинное имя и фамилия, сокращение Б. Н-ский, инициалы Н., Б. Н., псевдонимы Андреев, Б. Андреев, вымышленные инициалы I, X и др. Одна из первых статей была посвящена памяти скончавшегося Ю.О. Мартова (это была даже не статья, а краткая биографическая справка, намечавшая основные жизненные вехи). Другая – 25-летию I съезда РСДРП (здесь наибольший интерес представляли указания об организациях и лицах, участвовавших в съезде) [309 - Л. Мартов – Ю.О. Цедербаум. (Биографические даты) // Социалистический вестник. 1923. Экстренный выпуск. 10 апреля. С. 7–8; Историческая справка. (Первый съезд РСДРП) // Социалистический вестник. 1923. № 5–6. С. 3–4; Ю.О. Мартов. (Первый опыт биографического календаря) // Социалистический вестник. 1924. № 7–8. С. 19–20.].

Николаевский стал формироваться как вдумчивый политолог, и это означало начало нового направления его творческой деятельности, которое будет развиваться на протяжении всей жизни. Остановимся на подходах Бориса Ивановича к этой аналитической деятельности. Применительно к Советской России ее называли советологией. Политология оформилась как самостоятельная ветвь знания в конце 1940-х годов XX в., но существовала и до этого, причем ее обычно, без серьезных к тому оснований, рассматривали как одно из направлений философии. Собственно говоря, таковая оценка имела некоторую «негативную логику» в том, что, к сожалению, многие политологи предпочитали абстрактные рассуждения о политике конкретному анализу действительности, часто проявляя чудовищную неграмотность в отношении реальных фактов. Серьезный политологический анализ способны были осуществить только те, кто владел методами изучения существовавших общественных структур. А таковыми были именно историки-конкретники, к числу которых относился Борис Иванович Николаевский. Собственно говоря, эта его работа принципиально не выходила за рамки исторического исследования. В основе ее лежали те же принципы выявления источников, их внешней и внутренней критики, анализа и синтеза, стремления воспроизвести на их основе достоверную картину действительности, что и в любом другом анализе исторического прошлого (ведь то, что произошло вчера, – это уже прошлое – факт текущей истории).

Но политология (в данном случае советология) как сфера истории имела важную особенность – речь шла об анализе тех явлений, отдаленные результаты которых можно

было предугадывать, но нельзя было определить достоверно. Крайняя скудость, малая надежность, а порой прямая противоречивость источников еще более осложняли процесс анализа. Николаевский отлично понимал, что, высказывая предположения и делая прогнозы, он должен быть до предела осторожным, что на развитие событий оказывает воздействие такое множество факторов, что их равнодействующую определить невероятно трудно.

Свои первые политологические статьи Николаевский написал еще в Германии. Они были посвящены главным образом XII и XIII съездам РКП(б), внутрипартийной борьбе, развернувшейся на них и вокруг них, так называемому «завещанию» Ленина (его «Письму к съезду» начала 1923 г.), антибольшевистскому восстанию в Грузии 1924 г., которое было организовано подпольными меньшевистскими группами и жестоко подавлено регулярными частями Красной армии, а также системе концлагерей, формировавшейся в СССР. Вслед за этим его интерес распространился на анализ высших властных структур Советского Союза.

Этим материалам, опубликованным в «Социалистическом вестнике», была придана новая журналистская форма. Именно в это время публицист впервые использовал формат вымышленного «Письма из Москвы», который с теми или иными вариациями будет применяться в «Социалистическом вестнике» в последующие годы [310 - На съезде РКП. (Письмо из Москвы) // Социалистический вестник. 1923. № 15. С. 17–18. Материал был опубликован без подписи. Авторство Б.И. Николаевского удостоверяет наличие рукописи в его архиве и включение материала в библиографию Анной Бургиной (Bourgina A.M. The Writings of B.I. Nicolaevsky. P. 336).], – публикация собственного анализа, основанного на ряде источников, под видом свидетельств очевидца. Материалы такого рода были подписаны инициалом «Н.», псевдонимом Андреев, Б. Андреев или же публиковались без подписи.

Изучение этих текстов показывает, что при неизбежных неточностях, predetermined недостаточностью и низким качеством источников, они создавали в целом адекватное представление о тех процессах, которые происходили в СССР. В частности, достоверность ленинского «завещания» была, по мнению Николаевского, неоспоримой. А восстание в Грузии и особенно его подавление были представлены, благодаря тому что некоторым его организаторам удалось бежать за рубеж и рассказать о нем, как следствие насильнического и великодержавного большевистского режима.

Первая публикация такого рода носила название «На съезде РКП (Письмо из Москвы)» и посвящена итогам XII съезда большевистской партии, в частности обсуждению на нем экономических вопросов и характеру тех хозяйственных «ножниц», которые, по словам Троцкого, выступавшего с докладом о промышленности, возникли между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Анализировались, разумеется, и другие проблемы, рассматриваемые съездом, в частности доклад Сталина по национальному вопросу. Автор приходил к выводу, что, несмотря на серьезные разногласия в высшем большевистском руководстве, о разложении этой власти говорить пока не приходится [311 - Социалистический вестник. 1923. № 15. С. 18.].

В следующем году, опять-таки в форме «письма из Москвы», появилась статья о XIII съезде РКП(б), в которой главное внимание уделялось тому документу, который был позже официально опубликован под названием «Письма к съезду» Ленина, а в то время был известен и внутри страны, и за рубежом как ленинское «завещание» [312 - Н. Съезд РКП и завещание Ленина: Вокруг съезда РКП (Письмо из Москвы) // Социалистический

вестник. 1924. № 15. С. 11–13.]. «Никогда еще ни один съезд РКП не собирався в обстановке такого безудержного внутреннего террора, как недавно завершившийся 13-й» – так начиналась эта примечательная публикация. И далее речь шла о преследовании партии оппозиционных групп, партчишке, многочисленных фактах самоубийств разочаровавшихся и запуганных большевистских активистов.

Более или менее точно излагалось содержание документа Ленина с характеристикой Троцкого, Сталина и других партийных деятелей, которых больной вождь оценивал в основном негативно, не считая ни одного из них достойной себе заменой. В этом вопросе Николаевский, следуя доступной ему информации, несколько смещал акцент. Он писал: «Обращают на себя внимание отрицательные оценки в письме действующей тройки [313 - Речь шла о тройке в составе Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина, осуществлявшей реальную власть в партии и стране. Понимание того, что именно этому триумvirату принадлежит решающая роль в определении политического курса СССР, свидетельствовало о политической проницательности Николаевского, возвышение же Сталина и постепенное оттеснение им остальных членов правившей группы зарубежному наблюдателю тогда уяснить себе было просто невозможно.] и положительная характеристика вождей оппозиции Троцкого и Пятакова». Правда, оппозиции во главе с Троцким как таковой в большевистской партии тогда еще не было, да и Пятаков не являлся столь весомой фигурой (тяжело больной, страдавший потерей памяти и способностью мыслить логически последовательно, Ленин произвольно включил его в свой перечень). Но это были детали, которые лишь оттеняют в целом правильность того анализа, который дал Николаевский [314 - «Письмо к съезду» в полном объеме оказалось на Западе только в 1925 г. Его вывез и передал через посредников американскому журналисту Макс Истмену полпред СССР во Франции Х.Г. Раковский (Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г. Раковский в 1927–1941 гг. Харьков: Харьковский государственный ин-т культуры, 1993. С. 97).].

Автор явно располагал какой-то информацией из высших партийных кругов, ибо в статье шла речь о тех действиях сталинской группы в связи с «завещанием» Ленина, которые носили сугубо секретный характер. Имеется в виду неисполнение воли Ленина о зачитывании документа на съезде. «Против этого решительно выступили Зиновьев и Сталин, и, несмотря на настояния Крупской, которая долго, но тщетно уговаривала ЦК, решено было завещание не оглашать, а прочесть его в президиуме съезда и на собрании некоторых групп делегатов» [315 - Социалистический вестник. 1924. № 15. С. 12.].

Явно меньшей информацией Николаевский располагал, когда освещал подготовку к следующему, XIV партсъезду [316 - Н. Перед съездом РКП // Социалистический вестник. 1925. № 23–24. С. 20–21.]. Хотя «письмо», якобы полученное из Москвы, было датировано 10 декабря, то есть тем временем, когда уже сложилась оппозиционная группа Зиновьева и Каменева (так называемая «новая оппозиция»), о ее существовании публицист не знал и только нащупывал некое крыло в партийном руководстве (лидером его он называл Зиновьева), которое рассуждает о необходимости возврата к военному коммунизму.

Еще одним важным откликом на внутренние события в СССР явилась статья, посвященная вооруженному крестьянскому выступлению в Грузии против советской власти в 1924 г. [317 - Андреев. Что было в Грузии? // Социалистический вестник. 1924. № 19. С. 8–10.] Изложив фактические данные, некоторые подробности восстания, ставшие известными Николаевскому от немногих участников, бежавших на Запад, автор

продолжал: «Рассеянные отряды повстанцев еще отсиживаются в горах, карательные отряды Красной армии еще бороздят из конца в конец страну, артиллерийским огнем выжигая непокорные села, расстреливая без суда и следствия «зачинщиков», «пособников» и «укрывателей», отбирая оружие, забирая «заложников». В статье выражались симпатии к грузинским трудящимся, боровшимся не только за свои элементарные права, но и за какую-то минимальную степень национальной автономии, хотя и ясно было, что их выступление было обречено на поражение с самого начала.

Николаевский был одним из первых наблюдателей, которые попытались на основе крайне скудных доступных данных рассказать о формировавшейся большевистской системе концентрационных лагерей. Как повод автор использовал посещение Соловецкого лагеря особого назначения одним из руководителей советских карательных служб прокурором Верховного суда СССР П.А. Красиковым и его заявление, что Соловецкий лагерь – самая «идеальная из всех тюрем». Затем Николаевский дал документы, свидетельствующие об ужасах, царивших в лагере, где, по словам его обитателей, была «не власть советская, а власть соловецкая». Как указывал автор публикации, условия содержания заключенных в советских концлагерях были намного хуже, чем те, которые существовали не так давно в царских каторжных тюрьмах [318 - Андреев Б. Г[осподин] Красиков о Соловках // Социалистический вестник. 1924. № 21. С. 3–6.].

В другой публикации речь шла о многочисленных провокационных действиях ОГПУ по созданию фиктивных монархистских организаций, являвшихся продолжением операции «Трест» [319 - «Трест» – разработанная ОГПУ удачная провокационная операция 1924–1925 гг., при помощи которой, создав легенду о существовании в СССР прочной подпольной монархистской организации, в страну удалось заманить вначале известного эмигранта Б.В. Савинкова, а затем британского агента Сиднея Рейли, которые были арестованы (Савинков покончил жизнь самоубийством в тюрьме, Рейли расстрелян). Впрочем, есть и другие версии гибели Савинкова и Рейли, проверить достоверность которых сложно.], в целях формирования напряженной внутренней обстановки в стране для упрочения влияния карательных органов [320 - Андреев. Монархисты, их террор и большевистская провокация // Социалистический вестник. 1927. № 20. С. 10–13.]. Андреев (под этим псевдонимом появилась статья) пришел к выводу о фактической конкуренции между партийными и карательными органами. Более того, он писал: «Диктатура партии над рабочим классом и над страной неизбежно приводит и, быть может, уже привела к диктатуре полицейских органов этой партии над всей партией в целом, и задача ликвидации этой последней неразрывно связывает[ся] с задачей ликвидации первой».

Особо важным было «письмо из Москвы» 1933 г., фиксировавшее тот факт, что Сталин уже сформировался в качестве советского диктатора [321 - Социалистический вестник. 1933. № 19. С. 3–7.]. Главная констатация была сформулирована уже в первых строках статьи, стилизованной под нелегально полученную корреспонденцию: «У нас уже давно установился законченно личный режим. Один человек подбирает состав руководящих учреждений партии и советов; он один принимает ответственные решения. Фактически им единолично определяются основные линии всей политики страны. Подобной полноты единодержавия не было в России даже в те времена, когда ею управляли люди, носившие титул самодержцев». Далее следовал подробный анализ того, как со времени преодоления оппозиций Сталин из показного демократа, пользовавшегося даже в партийных кругах репутацией «своего человека», пусть циничного, наглого и грубого, превратился в

недоступного «генерала», непроницаемой стеной отгородившегося не только от массы партийцев, но и от партийного чиновничества средней руки.

Из текста видно, что Николаевский пользовался информацией весьма осведомленных лиц, которым удавалось побывать в «святыне» власти – личном секретариате или даже кабинете генерального секретаря. Об этом свидетельствуют следующие строки:

«Посторонних он принимает не больше 2–3 в день. Немудрено, что каждая такая аудиенция становится «событием»... Человек, которому назначено свидание, должен явиться точно в указанный ему час. К вошедшему бесшумно приближается дежурный секретарь, – и после нескольких слов проводит его к той двери, в которую он должен войти. Ждать почти никогда не приходится. Машина налажена, – и только редко-редко какая-либо конференция затянется дольше, чем ей предопределено. И служащие – ныне вышколенные, вымуштрованные... Здесь не играют в демократизм потрепанных пиджаков, – и не стремятся подчеркнуть свою власть над посетителями». Такого рода бытовые подробности достаточно ярко оттеняли способ принятия решений, который определял фактическое превращение Сталина в единовластного правителя огромной страны, действительно произошедшее на рубеже 20–30-х годов.

Материал о формировании и функционировании диктаторской власти в СССР оттеняла информативная и в то же время печальная публикация Николаевского «К юбилею М. Горького» [322 - Социалистический вестник. 1932. № 17–18. С. 21–23.]. Написанная, как и другие, в форме письма из Москвы (от 14 сентября 1932 г.), подписанная инициалом Х., она рассказывала о той московской свистопляске, которая сопровождала приближающееся чествование в сентябре 1932 г. 40-летия литературной деятельности писателя, который был в юности для Николаевского образцом и с которым он плодотворно сотрудничал и сразу после революции в России, и в первые годы эмиграции. В статье речь шла о надеждах, которые возлагались на возвращение Горького в СССР. Многие считали, что писатель будет играть ту самую роль, которая была ему присуща перед выездом за рубеж, – заступника за интеллигенцию и посредника между нею и властью. Впрочем, автор статьи вынужден был выразить свое глубочайшее разочарование поведением писателя, изменившего, когда он вернулся на сталинские хлеба, всему тому, чему он ранее поклонялся. «Так получилось положение, при котором кандидат на роль заступника за интеллигенцию превратился в защитника самых жестоких методов расправы с этой интеллигенцией, – в автора бесчисленных статей на тему о том, что «если враг не сдастся, то его уничтожают».

В публикации подчеркивалось, что чем глубже было падение Горького, тем выше поднимались его акции в глазах руководителей Советского государства. Здесь опять проявлялось знакомство Николаевского с деталями, которые можно было почерпнуть только у непосредственных свидетелей и участников событий. Речь шла об огромном особняке Рябушинских, подаренном Горькому советским правительством, об особых функциях, возложенных на писателя в этом особняке. «Вечеринки в доме Горького – это специально подготовляемые встречи сановников и особенно чекистов из литературного отдела с подлежащими приручению писателями, артистами и художниками. Столы ломятся от вин и съестного, а затем завязываются нужные знакомства. Ведутся нужные беседы». Статья завершалась рассказом о зарождающемся культе Горького, о лестии, на которую он оказался весьма податлив. «Незавидный юбилей» – таковы были последние слова этой горькой статьи о Горьком.

В «Социалистическом вестнике» регулярно публиковалась рубрика «По России»,

состоявшая из материалов разного объема, как подписанных псевдонимами или инициалами, так и без подписи. Безусловно, часть этих текстов принадлежала перу Николаевского. В частности, и по стилю, и по подписи можно предположить, что аналитическая статья «Финансовые затруднения», подписанная инициалом «Б.», была написана именно им [323 - Социалистический вестник. 1928. № 8–9. С. 12–13.]. Для подготовки такого рода публикаций необходимы были не только материалы, появлявшиеся в советской печати, но и живые впечатления очевидцев. Николаевский не пренебрегал ни одной возможностью встретиться с людьми, по тем или иным причинам приехавшими из России, получить сведения о внутреннем положении в стране, услышать их оценку из первых рук.

Среди людей, с которыми он общался, были новые эмигранты, а также лица, приезжавшие в германскую столицу по своим делам, в командировки и т. п. Особенно его интересовали встречи с деятелями науки, литературы и искусства, которые в 20-х годах еще имели возможность без особых хлопот посещать зарубежные страны и быть там более или менее откровенными. Р. Гуль рассказывал, что Николаевский относился к информации из СССР как к «золотому кладу» и часто сводил его с интересными людьми. Особенно выделялся при этом писатель К.А. Федин, который в СССР начинал писать в духе сталинизма, но за границей нередко позволял себе слегка расслабиться не только в развлечениях, но и в довольно крамольных оценках, подкрепленных фактами. Рассказывая об этом, Гуль отмечал, что Николаевский при встречах с Федем «был так тюремно-подпольно конспиративен, что ему можно было все рассказать: нигде не проговорится, не оговорится, не оступится» [324 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 303–304.].

Федин, приезжавший в Берлин несколько раз в конце 20-х – начале 30-х годов, делился не только политическими новостями и их оценками, не только наблюдениями за жизнью и бытом московской интеллигенции. Он рассказывал эпизоды, происшедшие с людьми, которых Николаевский хорошо знал. От писателя Борис Иванович услышал об очередной выходке Рязанова, которого никак не могла приручить сталинская камарилья. По словам Федина, Рязанов приехал в Ленинград для выступления по вопросам истории марксизма. В большой зал собрали почти тысячу человек. Выйдя на трибуну, Рязанов обратился к сидевшему в президиуме советскому историку М.Н. Покровскому: «Это всё историки и всё марксисты?» Когда Покровский ответил утвердительно, Рязанов сказал: «В таком случае я доклад читать не буду» и ушел из зала. «Николаевский... хохотал чуть не до слез. «Да, да, это он, это на него очень похоже!» [325 - Там же. С. 306–307.]

Некоторые рассказы Федина звучали анекдотами. Он как-то поведал, например, что нарком просвещения Луначарский пришел к Сталину с жалобой на то, что его третируют. Вождь долго молчал, презрительно смотрел на наркома, а затем произнес: «Тэбя большэ нэт!»; и в тот же день якобы был подписан приказ о смещении Луначарского [326 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 310.]. Николаевский, безусловно, верил не всем подобным сплетням, но они создавали для него вполне реальный фон советской жизни.

Когда в 1929 г. в Берлин приехал видный российский историк Е.В. Тарле, он тотчас встретился с Николаевским, которого знал не только по публикациям, но и по личным встречам в редакции журнала «Былое» десятью годами ранее [327 - МР, box 53, folder 3.]. Теперь возобновившийся контакт был полезен обоим – Борис Иванович мог предоставить в распоряжение московского гостя свою документальную коллекцию и дать компетентные советы касательно работы в берлинских архивах и библиотеках. Евгений

Викторович, в свою очередь еще далеко не полностью перешедший на советские позиции, не вполне разделявший марксистскую методологию и испытывавший на родине подозрительное к себе отношение, мог поделиться своими наблюдениями касательно положения в академической среде, все более усиливавшегося на нее идеологического давления, рассказать о взглядах и настроениях московских историков.

Николаевский помнил, что к Октябрьскому перевороту 1917 г. Тарле отнесся настороженно. Как раз в дни «красного террора» 1918 г. он опубликовал в издательстве журнала «Былое» книгу «Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции (воспоминания современников и документы)», явно имевшую политический подтекст. В 1930 г. Тарле будет арестован по сфабрикованному ОГПУ «Академическому делу» (или делу академика С.Ф. Платонова). Всего по этому делу арестовали тогда 115 человек, в основном историков и других гуманитариев, которые обвинялись в заговоре с целью свержения советской власти (Тарле в новом контрреволюционном правительстве предназначался якобы пост министра иностранных дел; по приговору суда он был сослан в Алма-Ату) [328 - Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; Его же. «Дело историков», 1929–1931 гг. СПб.: Нестор, 1997. В ссылке Тарле начал писать ставшую позже знаменитой книгу о Наполеоне Бонапарте. В марте 1937 г. с Тарле была снята судимость, вскоре он был восстановлен в звании академика. Однако 10 июня 1937 г. в «Правде» и «Известиях» появились разгромные рецензии на книгу «Наполеон», которая была названа «ярким образцом вражеской вылазки». Несмотря на это, Е.В. Тарле был прощен, предположительно по личному указанию Сталина, который счел «Наполеона» выгодным для своего великодержавного политического курса.]

Статей с политическими оценками российской действительности Николаевский в «Социалистическом вестнике» в 20-х годах публиковал все меньше и меньше. Это было связано с тем, что между ним и Даном, являвшимся фактическим руководителем журнала после смерти Мартова, постепенно назревали разногласия в оценке НЭПа и перспектив развития российской экономики в целом. Если Николаевский, разумеется, с оговорками, но все же одобрял НЭП, считая, что эта политика благоприятствует развитию крестьянского хозяйства и может способствовать возрождению экономики в целом, то Дана, как фанатичного и догматичного меньшевика, проблемы возрождения аграрной сферы не очень интересовали. Он почти исключительное внимание обращал на рабочий вопрос и идеологическо-политические проблемы большевистской диктатуры. Тем не менее, отдавая Дану должное как одному из крупнейших российских социал-демократов, Николаевский посвятил одну из статей, небольшую по объему и чисто фактологическую по содержанию, его политическому пути [329 - Социалистический вестник. 1931. № 20. С. 4–5.]

«Социалистический вестник» удавалось переправлять в Россию по нелегальным каналам, причем, по мнению С. Волина, «не было ни одного случая провала» [330 - Волин С. Меньшевизм в первые годы НЭПа. С. 168.]. Это не вполне соответствует действительности. За журналом, а следовательно, и за деятельностью его сотрудников тщательно следила агентура советских спецслужб. Журнал доставляли в ЦК РКП(б) и в личный секретариат Сталина, причем генсек его внимательно просматривал. Комплект «Социалистического вестника» сохранился с пометами Сталина в его личной библиотеке. Н.В. Вольский (Валентинов), до 1928 г. являвшийся редактором «Торгово-промышленной газеты» (органа Высшего совета народного хозяйства СССР), а затем эмигрировавший,

сообщал, что «Социалистический вестник» «читали не только члены Политбюро, ЦК и ЦКК, но и весьма широкий круг ответственных работников-коммунистов (и даже не коммунистов) всех учреждений» [331 - Валентинов Н.В. Наследники Ленина / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра, 1991. С. 145.].

Вряд ли на основании сказанного будет правильным полагать, что профессиональная работа историка-политолога Николаевского теперь полностью оттеснила политическую деятельность, хотя такое представление вполне могло сложиться на основе того, что археографические изыскания, публикации и исторические исследования постепенно стали занимать его основное время и внимание. Тем не менее Борис Иванович был бесспорно пристрастен, уделяя основное внимание истории социалистического движения. Но где, когда, при каком режиме историческая наука полностью стояла вне политики? Другой вопрос, что при авторитарных режимах и тем более в условиях тоталитарных систем историк, чтобы выжить, должен следовать официальным догматическим стандартам. Николаевский же, живущий при относительной демократии, имел возможность строить свои исследования более или менее объективно, оставаясь, однако, под неизбежным воздействием своих социально-политических убеждений и пристрастий.

Важной заслугой Николаевского являлось то, что он стремился осветить факты такими, какими они были в действительности, не прибегая ни к приукрашиванию, ни к очернению. Он с полным основанием считал, что факты должны говорить сами за себя, что для демократической социалистической политики (а он многократно именовал себя демократическим социалистом) исторические уроки полезны только в том случае, если они отражают реальную действительность. Он полагал, что индивидуальное и типичное не являются противоположными категориями, что они теснейшим образом между собой связаны. Поэтому и общие свои выводы он стремился строить на основе максимального числа существенных фактов социальной действительности.

Собирание архивов

Мемуаристика была важной, но не главной сферой интересов Николаевского. Его подлинной любовью было архивное дело, и он почувствовал себя глубоко удовлетворенным, когда социалисты-эмигранты предложили ему взять под свое попечение Русский социал-демократический архив, который первоначально был скомплектован примерно за 15 лет до этого представителем древней грузинской аристократической фамилии князем Давидом Иосифовичем Бебутовым (Бебуташвили), членом партии кадетов, любителем истории. Им же в 1911 г. была также основана берлинская русская библиотека. Архив располагался теперь в здании Правления Социал-демократической партии Германии и находился в весьма неупорядоченном состоянии. За архивом присматривал студент-медик Г.М. Вяземский (Вязьменский), но ни дальнейшая комплектация архива, ни его систематизирование не проводились. Впрочем, поначалу само слово «архив» было сильным преувеличением, ибо все наиболее ценные материалы умещались в одном шкафу [332 - Николаевский Б. Н.И. Бухарин и мои с ним встречи в 1936 г. (Из воспоминаний) // Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А.М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1993. С. 90.].

Взяв архив в свои руки, Николаевский быстро превратил его в авторитетное научное

учреждение, документация которого сохранялась, обрабатывалась и обогащалась благодаря его неустанным заботам. Сам Николаевский, человек весьма скромный, позднее вспоминал, что к началу 30-х годов архив, увеличившись во много раз, стал «самым обширным хранилищем соответствующих материалов вне СССР» [333 - Николаевский Б. Н.И. Бухарин и мои с ним встречи в 1936 г. С. 91.].

Подчас новые документы в архив попадали случайно, но за этими «случаями» всегда скрывалась внутренняя закономерность – неустанный поиск, постоянная настороженность, ожидание в любой момент увидеть или найти что-то новое и важное. Один из таких случаев и произошел в редакции журнала «Новая русская книга». Еще в 1922 или 1923 г. в Берлин приезжал Бебутов, который хотел забрать назад оставленные им материалы, чтобы перевезти их в Грузию, ставшую советской республикой. Николаевский отверг это требование. Была образована независимая экспертная комиссия, которая установила, что материалы, на которые может претендовать Бебутов, составляют лишь малую часть фонда. В результате Правление СДПГ отклонило требование Бебутова. Ему разрешили забрать только личный архив, но от этого он отказался и оставил свой архив, в том числе рукописи его собственных воспоминаний и мемуаров его родных, в Берлине [334 - NC, boxes 106–113; box 492, folder 7.].

В 1924 г. у Бориса Ивановича появилась новая и, как он полагал, весьма ответственная работа. Еще при жизни Ленина с Николаевским связался сотрудник созданного в марте 1923 г. Института В.И. Ленина – Николай Семенович Ангарский. Последний был отправлен в Берлин по внешнеторговым делам и для розыска документов, потенциально интересных для института. Не исключено, что Ангарский связывался с Николаевским по поручению Каменева, входившего вместе со Сталиным и Зиновьевым в «триумвират», в руках которого находилась реальная власть в стране [335 - Ненароков А. «Письма – исторический документ... их нужно печатать как таковые» // Россия XXI. 2002. № 6 (Интернет).]. Ангарский обсуждал с Николаевским ленинские документы, в которых институт был крайне заинтересован. Однако эти переговоры к практическим результатам в тот период не привели. Вслед за Ангарским во время зарубежной поездки на контакт с Николаевским пошел его старый знакомый Рязанов, к тому времени – директор Института Маркса и Энгельса (ИМЭ) в Москве. Переговоры с Рязановым оказались значительно более плодотворными, так как ему Николаевский доверял.

В результате переговоров между Рязановым, германскими социал-демократическими лидерами и Николаевским последний был допущен в Архив Социал-демократической партии Германии для работы с фондами Маркса и Энгельса. Целью проекта было научное издание трудов Маркса и Энгельса в Москве [336 - Утверждение Ф. Ахмеровой, преувеличивающей и роль Николаевского в снабжении Института Маркса и Энгельса документальным материалом, и то внимание, которое уделяли этому советские внешнеполитические органы, не соответствует истине. К тому же Ахмерова вводит некий криминальный элемент во всю эту деятельность Николаевского. Ахмерова пишет: «Николаевский оставался единственной связью с этим архивом (Архивом Социал-демократической партии Германии. – Ю.Ф. и Г.Ч.). Только при его помощи, порой нелегальным путем, Институт Маркса и Энгельса получал необходимые справки и документы. Все доставляемые материалы Николаевский передавал в Берлинское посольство [полпредство], и через полномочного представителя в Берлине Н.Н. Крестинского документы переправлялись с дипкурьерами в Москву» (Ахмерова Ф. Мне

не в чем каяться... С. 143). Автор ссылается на коллекцию писем Николаевского Рязанову, хранящуюся в Государственном архиве Российской Федерации, в данном случае не цитируя ее, но совершенно очевидно, что никакие упоминания о нелегальной деятельности в них просто не могли иметь места, так же как и сведения об использовании для этой цели дипломатической почты. Представляется, что сказанное автором – просто фантазия или же неправильное понимание текста документа. В этом нас полностью убедило изучение той переписки, которую имела в виду Ахмерова.]. С разрешения германских архивистов Николаевский снимал копии с документов и переправлял их в Москву. В каких-то случаях, будучи знаком с полпредом СССР в Германии Н.Н. Крестинским, Николаевский использовал для отсылки полпредовскую почту, что было связано с желанием отправить материалы более надежным, быстрым и, что немаловажно, более дешевым, если не бесплатным способом.

Тоталитарная система в СССР находилась тогда еще в процессе становления, и некоторые прорехи в ее идеологическом обеспечении подчас давали о себе знать. Одной из таких прорех, правда микроскопических, являлась относительная самостоятельность ИМЭ. Можно полагать, что Рязанов на свой страх и риск назначил Николаевского уполномоченным ИМЭ в Германии. Впрочем, в свое время, в 1920 г., при организации института, Рязанов получил разрешение Оргбюро ЦК РКП(б) на использование в качестве сотрудников меньшевиков [337 - «Я не совершал никакого преступления»: Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова. 1932–1934 гг. / Публ. Г.Д. Головиной и Я.Г. Рокитянского // Исторический архив. 1995. № 2. С. 214.]. Теперь ситуация была иной.

Речь шла не просто о меньшевике, а о человеке, изгнанном за пределы Советской России, да еще и члене Заграничной делегации запрещенной в СССР партии. Возник парадокс: высланный «контрреволюционер» стал зарубежным представителем советского идеологического учреждения. Продолжением этого парадокса было партийно-доверительное обращение к Николаевскому, содержавшееся во всех адресованных ему официальных письмах ИМЭ: «Многоуважаемый товарищ!»

В дальнейшем это назначение будет использовано не просто для компрометации Рязанова, а для снятия его с поста директора института и отправки в ссылку. В высшие партийные круги поступит донос арестованного и запуганного бывшего сотрудника института В.В. Шера, неграмотно состряпанный по указанию с самых верхов:

«Рязанов часто подчеркивал то обстоятельство, что ряд работ для института выполняют заграничные меньшевики, в частности Николаевский, который писал ряд статей. Но поскольку Рязанов большой мастер говорить полунамеками и полусловами, поскольку наши разговоры не получали той определенности, которая могла бы получиться как вывод из тех тем, которые затрагивались, я делал вывод из этих полунамеков и намеков, что он представляет себе, что существует меньшевистская организация, работающая в России, что он осведомлен об этом от заграничных меньшевиков» [338 - «Я не совершал никакого преступления» // Исторический архив. 1995. № 2. С. 215.].

Для Николаевского, воспринимавшего свое участие в проекте по подготовке к публикации работ Маркса и Энгельса как нечно абсолютно естественное, сотрудничество с ИМЭ было важным в двух отношениях. Оно давало возможность получать очень небольшой, но стабильный доход и, что для нашего героя было особенно ценно, обеспечивало официальный доступ к архивным источникам исключительной важности.

Обдумав предложение Рязанова, Николаевский ответил официальным письмом, в котором фиксировался характер договоренностей. Он согласился занять место

представителя Института Маркса и Энгельса с задачами отыскания и собирания «всех материалов, имеющих тот или иной интерес с точки зрения изучения жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, равно как и основоположников российской с[оциал]-д[емократии] Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и П.Б. Аксельрода». Он намеревался работать в берлинских архивах, а также поехать в ряд европейских городов, где, по его сведениям, можно было найти важные материалы.

В конце письма не без известного ехидства говорилось: «Вопрос о вознаграждении я оставляю на Ваше усмотрение, но хочу лишь обратить Ваше внимание на теперешнюю дороговизну жизни в Берлине; как Вы знаете, представительством СССР в Берлине оклады, напр[имер] для делопроизводителей и старших машинисток установлены в размере 110 дол[ларов]. Мне кажется, что от меня будет требоваться работа не менее интенсивная и квалифицированная» [339 - Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 50. Ед. хр. 103. Л. 13–14.].

Являясь представителем ИМЭ в Берлине, Николаевский одновременно выполнял и функции представителя Центрархива, то есть государственного органа, ведавшего архивными учреждениями. По существу дела, однако, работа на эти разные ведомства никак не разграничивалась. Функции представителя Центрархива фактически перекрывались представительством ИМЭ и являлись скорее декоративными. Посылаемые в Москву материалы уже там направлялись либо в один, либо в другой архив. Борис Иванович попытался использовать восстановившиеся связи с Рязановым для того, чтобы вызволить конфискованные у него после ареста документы и исследования. Он писал Давиду Борисовичу в октябре 1923 г., что перед эмиграцией говорил на эту тему с В.Р. Менжинском – заместителем Дзержинского по ВЧК, заручился обещанием вернуть конфискованное, но так ничего и не получил. «Так как некоторые [бумаги] представляют замечательную научную ценность, то пропажа их была бы не только моей личной бедой», – писал Николаевский и соглашался теперь не на возвращение всех этих бумаг, если они будут найдены, а на передачу их в ИМЭ [340 - Большевики в 1922–1924 гг. С. 223.].

В известных нам материалах нет никакого следа того, предпринял ли Рязанов какие-то меры и, если таковые были предприняты, дали ли они результаты. Скорее всего, ценные бумаги, в том числе материалы декабристов и первой марксистской группы России под руководством болгарина Димитра Благоева (1883 г.), так и пропали в чекистском хламе.

Из писем Николаевского Рязанову видно, насколько активно и разнопланово устанавливались контакты и проводились розыскные действия. 11 декабря 1924 г. Борис Иванович писал: «Вдова австрийского историка Л. Гартмана продает библиотеку своего покойного мужа. В этой библиотеке очень хорошее собрание книг о французской революции, причем Гартман, собирая ее, особенно интересовался социальным движением. Кроме отдела французской революции у Гартмана огромное собрание книг и документов по Средневековью и по эпохе Возрождения, главным образом в Италии. Может быть, этот последний раздел заинтересует Коммунистическую академию» [341 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.].

5 января 1925 г. Николаевский сообщал о неудаче: в одном из антикварных магазинов было обнаружено письмо Маркса дочери (какой именно, не сообщалось). Однако пока решался вопрос о его приобретении, документ уже был продан в США. В связи с этим Николаевский предлагал «на будущее время дать мне общее указание на случай возможных некоторых писем Маркса и Энгельса в антиквариатах (я предполагаю в ближайшие дни обследовать их все); я считал наиболее целесообразным предоставление

мне права самому делать на мой риск покупки в пределах небольших сумм (до 50, например, марок); вещи же более ценные я мог бы резервировать на неделю небольшими задатками – 5–7 марок» [342 - Там же. Ед. хр. 14. Л. 1.].

В этом же письме сообщалось об обнаружении в одной из берлинских библиотек экземпляра книги Энгельса «Анти-Дюринг» с карандашными пометами самого Энгельса. Все эти пометы были добросовестно скопированы и отправлены вместе с письмом.

20 февраля того же года Николаевский информировал своего адресата об архиве А.И. Герцена, находившемся у его вдовы. «Там имеется большая пачка писем Г.А. Лопатина к Н.П. Огареву и Герцена из Лондона в 1870–1872 гг. Очень много интересного о Марксе и делах Интернационала вообще. Архив почти не использован. А там целые клады» [343 - Ахмерова Ф. Мне не в чем каяться... С. 143–145.].

В ноябре 1924 г. между распорядителем Архива Маркса и Энгельса Эдуардом Бернштейном (тем самым германским социал-демократом, который в конце XIX в. выступил с «ревизией», то есть пересмотром, устаревших положений марксизма, за что был проклят правоверными догматиками) и Николаевским, при участии представителей Правления СДПГ А. Брауна и Р. Гильфердинга, был подписан договор. По договору ИМЭ получал право на издание документального наследия Маркса и Энгельса, в том числе на публикацию полного собрания их сочинений на языках оригинала.

Работа была огромной. В архивных фондах хранились десятки тысяч рукописей, в том числе составлявшие многие сотни страниц. Несколько ранее, 28 октября, Правление Социал-демократической партии Германии приняло решение о предоставлении Николаевскому права работать с документацией ее архива, причем для оказания ему помощи был выделен компетентный сотрудник [344 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.]. Последнее, впрочем, осталось только на словах, ибо никакой реальной поддержки от партийного архивиста, который не очень-то разобрался в фондах, не было.

С утра до ночи трудился Николаевский, лишь иногда используя помощь почти случайных доброхотов, систематизируя, каталогизируя и описывая материалы, которые рассматривались в СССР как имевшие исключительное значение. Николаевскому удалось договориться с представителями германской социал-демократии и с руководством ее архива о фотокопировании документов. Возникали, правда, многочисленные бюрократические и технические трудности, которые приходилось преодолевать иногда с нарушением существующих в Германии норм и правил, что было не так банально. Он писал в ИМЭ в начале января 1924 г.:

«Все еще не закончившиеся праздничные каникулы сильно тормозят выполнение Ваших поручений. В особенности это сказывается на фотографировании. Фотографич[еское] отделение Yorwärts'a [345 - Vorwärts – ежедневная газета, центральный орган Социал-демократической партии Германии.] берется выполнить заказ не ранее 3 недель – это, конечно, совершенно неприемлемый срок. Я уже снесся с др[угими] фотографиями, там может быть готово в несколько дней, но до 5.1 я связан, т. к. без А. Брауна я не могу поставить вопрос о выдаче рукописей из архива: как Вы знаете, А. Браун уполномочен Vorstand'ом [346 - Vorstand – правление Социал-демократической партии Германии.] вести эти дела; выдача рукописей делается в прямое нарушение постановлений Yorward'a, и если это будет сделано без А. Брауна, то он, несомненно, будет очень недоволен. Поэтому я решил дожидаться его приезда» [347 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.].

Через некоторое время на советские деньги была даже создана специальная лаборатория с современным оборудованием, позволявшим сравнительно быстро изготавливать

фотокопии (свыше 100 листов в час, что для нашего времени, конечно, кажется скоростью черепахи). Борис, однако, был вполне удовлетворен работой фотографии, считал, что она работает великолепно [348 - Там же. Л. 5].

В течение трех с лишним лет Николаевский регулярно вел эту работу, изучая и отбирая документы, отвозя рукописи во Франкфурт, где размещалась лаборатория (очевидно, там ее было дешевле содержать) и забирая готовые копии, чтобы затем переправить их в Москву. Надо, правда, сказать, что в некоторых случаях разрешения на копирование документов из социал-демократического архива не предоставлялись, причем обычно без каких-либо вразумительных обоснований. Связано это было, по всей видимости, со стремлением социал-демократических функционеров продемонстрировать, кто хозяин в доме. О своих непростых отношениях с руководством социал-демократического архива Николаевский информировал Рязанова и попросил как-то задобрить немецких архивистов, в частности курировавшего архив А. Брауна:

«Если Институт пойдет навстречу Брауну, то, по моему мнению, следует предложить Partei-archiv'у что-нибудь из имеющихся у Вас дубликатов иностранных изданий. Книги на русском языке в глазах Брауна и др[угих] для архива обуза. Всякое же предложение книг немецких и особенно французских (кот[орых] в архиве сравнительно мало) будет встречено очень сочувственно. Из русских изданий немцам будут интересны только собрания иллюстраций, особенно портретов... на эти последние имеется большой спрос для всякого рода изданий, думаю, что и Институту будет не трудно достать такие альбомы. Хорошо было бы также предложить к[акие]-н[ибудь] фотографии тех рукописей М[аркса] и Э[нгельса], которых нет в архиве герм[анской] с[оциал]-д[емократии], – пусть их будет очень мало, важен сам факт получения их, ибо тогда Б[раун] будет иметь возможность говорить, что он тоже [что-то] получил. Я полагаю, что Институт во всяком случае мог бы дать снимки тех вещей, кот[орые] им уже опубликованы, напр[имер], черновик письма М[аркса] к Засулич, писем М[аркса] к немцам и т. д.» [349 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 6.]

Очевидно, что Николаевский стремился разными способами продемонстрировать не только свое собственное желание, но и стремление ИМЭ наладить конструктивное сотрудничество с германскими архивистами. Это стремление находило сочувственный отклик в Москве далеко не всегда. Здесь, вопреки настроениям и воле Рязанова и некоторых других, кто сохранял контакты с бывшими коллегами по II Интернационалу, в высших партийных кругах все более росло враждебное отношение к социал-демократическим «реформистам». Более того, с подачи Зиновьева, а затем Сталина и Бухарина стала нагнетаться ненависть к «реформистам», все чаще употреблялся нелепый термин «социал-фашизм», вошедший в совершенно обязательный официальный обиход с конца 20-х годов. Выполняя многочисленные, крупные, средние и мелкие, задания института и связанных с ним учреждений, затрачивая на это массу физических и духовных сил, нервное напряжение и энергию, Борис Иванович подчас сам взваливал на себя дополнительную работу, считая ее полезной для науки и соответствующей интересам его собственных поисков. Он писал как-то в Москву:

«Через мои руки проходит довольно много зарубежных газет (русских). Если для Института это представляет интерес, то я буду давать вырезки всех статей, где упоминается о Марксе» [350 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 10.].

Подчас обращалось внимание на самые мелкие детали поиска. 2 января 1927 г. Николаевский писал в ИМЭ:

«При просмотре «Кельнише Цайтунг» за 1858–1859 гг. в разных известиях попало несколько заметок, могущих представить некоторый интерес. Я их на всякий случай зарегистрировал – опись прилагаю» [351 - Там же. Ед. хр. 27. Л. 2.].

При всей насыщенности и интересе эта работа, однако, удовлетворяла Бориса Ивановича далеко не полностью. 11 декабря 1924 г. он просил Рязанова разрешить возникший у него вопрос. Дело в том, что полученное перед этим письмо института определяло, что центром тяжести работы берлинского представителя должна быть «инвентаризация архива». Николаевский же считал, что главной его задачей является розыск новых материалов. Именно так определял недавно задачу сам Рязанов. Теперь же в институтском письме о розысках не говорилось вовсе [352 - Там же. Ед. хр. 6. Л. 2.]. Этот вопрос так и не был разрешен удовлетворительно. Николаевскому приходилось и вести поисковый труд, приобретать документы для ИМЭ и на свой страх и риск.

Он, однако, нашел время и для весьма интенсивной розыскной работы в Прусском земельном государственном архиве. Правда, поначалу дело застопорилось, так как существовали жесткие бюрократические правила допуска исследователей в этот архив. Необходимо было получить разрешение в министерстве иностранных дел, а для этого предварительно заручиться рекомендациями. Борис просил ИМЭ прислать письмо, что он работает по поручению этого института. «Иначе получится, что я скрываю, и при официальных хлопотах, когда нужно указывать цель работы и круг интересующих вопросов, неупоминание этого может быть неправильно истолковано» [353 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 38.]. В конце концов разрешение было получено.

Здесь Николаевский также выявил рукописи Маркса и Энгельса, равно как и документы, связанные с их деятельностью. Немало интересного было обнаружено в берлинских библиотеках, где Николаевский изучал публикации работ Маркса и Энгельса, газеты и журналы, в которых они публиковались или в которых рассказывалось или даже только упоминалось о них.

В 1925 г. Борис Иванович ездил в Вену, откуда привез в Берлин, а затем переправил в Москву рукописи Маркса и Энгельса, оставленные там Рязановым перед возвращением в Россию в 1917 г. Николаевский посещал и многие другие европейские города, где проживали русские эмигранты, уговаривая их передать ему на хранение документальные материалы, фотографии, дневники, воспоминания то ли за незначительную плату, то ли безвозмездно. В большинстве случаев эти экспедиции давали позитивный результат, причем не только в переговорах с социалистами, но и с эмигрантами более правых убеждений.

Неведомо, какими путями Николаевскому удалось уговорить Эдуарда Бернштейна передать в Архив СДПГ наряду с хранившимися у него письмами Энгельса, рукопись незавершенной работы Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» [354 - НС, box 492, folder 7.]. Эта рукопись, написанная в 1845–1847 гг., содержала критику различных социалистических теорий, существовавших в Германии к тому времени, и впервые давала более или менее связное изложение социологической концепции «основоположников». Николаевский изготовил фотокопии и отправил их в Москву. «Немецкая идеология» была издана впервые в СССР на немецком языке в 1932 и на русском в 1933 г. [355 - Советские историки совершенно незаслуженно обвиняли правление Социал-демократической партии Германии в том, что оно «в течение девяноста лет» скрывало эту рукопись, хотя, во-первых, сама Социал-демократическая партия начала создаваться только в 1869 г., а во-вторых, о существовании рукописи правлению не было известно до той поры, пока

Бернштейн не проговорился о рукописи Николаевскому (НС, box 492, folder 7.)] Правда, документация, жаловался Николаевский Рязанову, была передана не полностью, часть писем и некоторые рукописи Бернштейн все же оставил у себя, как и письма российских социалистических деятелей П.Б. Аксельрода, Г.В. Плеханова и других. Однако доступ к ним Николаевский получил, и об этой документации стало широко известно заинтересованным лицам и организациям, что и являлось главным результатом состоявшихся переговоров.

Важной находкой были три больших пакета с письмами Энгельса Августу Бебелю и другим руководителям германского социал-демократического движения, которые были обнаружены среди бумаг социал-демократического лидера и видного социолога Рудольфа Гильфердинга. Сообщая об этом в ИМЭ, Николаевский писал, что попытается сфотографировать эти документы во Франкфурте, но предупреждал, что, скорее всего, немцы этому воспрепятствуют, пожелают первоначально опубликовать их в Германии. Он полагал, что предложение о публикации будет сделано именно ему; считал, что следует согласиться, так как это позволит сделать фотокопии и отослать их в Москву. Если же публикатором окажется другое лицо, все дело может сильно затянуться [356 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 5.].

Работа над обозначенной перепиской очень увлекла Николаевского, хотя до конца отношения с немцами по этому вопросу долгое время оставались неурегулированными. Социал-демократические деятели колебались, опасаясь, что публикация писем в СССР будет прокомментирована в весьма неблагоприятном для них свете.

Вместо отдыха в праздничный новогодний день 1 января 1928 г. Борис Иванович занимался подготовкой к печати трудных для чтения и тем более для комментирования материалов и обдумывал возможности их издания институтом. Он писал Рязанову:

«Гильфердинг Ваше письмо получил, но пока еще ни с кем не говорил. Причина – он хочет эти разговоры вести после напечатания рецензии на первый том сочинений М[аркса] и Э[нгельса], в которой должна быть дана оценка научного значения издания, появление же этой рецензии несколько задерживалось по ряду причин. Во всяком случае в ближайшее время он разговор по этому поводу поведет. Однако я должен сказать, что надежды на успешный исход у меня очень мало».

Вновь предлагалась комбинация, теперь уже новая – устранимся от издания на немецком языке и договоримся об издании писем на русском. Немцы знают, напоминал Борис, что «письма эти вообще-то найдены во многом благодаря мне, и известные мои права признают» [357 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1.].

Общаться с престарелым социал-демократическим ветераном (Бернштейн приближался к 80-летию, он скончается в 1932 г.) было нелегко. Николаевский жаловался Рязанову:

«Письма Фишера [358 - Р. Фишер являлся одним из германских социалистов, с которым Энгельс после смерти Маркса вел переговоры об издании полного собрания его сочинений. Однако удалось осуществить переиздание только отдельных работ.] к Энгельсу Бернштейн дать обещал, но все оттягивает, ссылаясь, что забыл, куда положил, и не может найти. Мне этот мотив кажется вполне правдоподобным, т. к. он действительно многое забывает. Я, напр[имер], вот уже два года не могу добиться от него обещанных им мне писем к нему Плеханова... Как Вы сами понимаете, средств давления на него у меня никаких. Теперь, ссылаясь на Ваше письмо, я обращусь к нему с официальным письменным запросом – м[ожет] б[ыть], это заставит его порыться» [359 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 14.].

В конце концов оказалось, что Бернштейн просто не хочет отдавать письма Фишера. Николаевский, несмотря на все усилия, так их и не получил [360 - Там же. Л. 21.].

Настойчивый поиск продолжался. Представитель ИМЭ общался со все новыми русскими эмигрантами, видными европейскими социал-демократами, приобретал у них рукописи и целые архивы, редкие книги и прочие материалы, интересные для ИМЭ и для него самого. По поручению института и по собственной инициативе Борис Иванович часто посещал аукционы – книжные и документов, коих в Берлине в условиях тяжелого экономического положения населения было множество – люди, имевшие исторические ценности, нередко вынуждены были с болью в сердце отдавать их на продажу, чтобы прокормиться. Правда, у Николаевского на аукционах были конкуренты: те, кто, обладая немалыми состояниями, стремился заполучить редкие рукописи или издания для своих коллекций. Так что интересные документы и книги купить не всегда удавалось.

О своем участии в аукционах Николаевский регулярно информировал Рязанова [361 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 6, 8, 12 и др.]. В марте 1928 г. в ИМЭ сообщалось: «Из автографов наиболее ценные ушли по ценам, значительно превышающим указанные Вами как предельные» [362 - Там же. Л. 48.]. В другой раз, однако, совершенно неожиданно был получен хороший «улов»: удалось купить ряд ценных документов, включая подлинники писем философа Гегеля [363 - Там же. Л. 8.]. Так что в некоторых случаях удавалось покупать материалы дешевле потолочных цен, определяемых ИМЭ. Правда, в январе 1929 г. Борис Иванович нарушил «финансовую дисциплину»: коллекция ценных писем была им куплена за 51 марку, несколько выше предела, назначенного институтом. «Но мне ее очень не хотелось упускать», – оправдывался он перед советским начальством [364 - Там же. Ед. хр. 35. Л. 6.].

Вновь и вновь ставил Николаевский вопрос о предоставлении ему несколько большей свободы в малых финансовых операциях. «Нельзя ли вообще поднять вновь вопрос об открытии мне хотя бы небольшого кредита для расплаты по небольшим покупкам, – мне постоянно при покупках приходится наткаться на вопросы о сроке расплаты, причем этот момент, не скрывая, ставят в связь с размером скидки», – говорилось в письме от 15 марта 1927 г. [365 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 32.] Приходилось вести сложные и длительные переговоры с собирателями автографов и писем, убеждать их продать документы, а при неуступчивости дать по крайней мере возможность опубликовать или хотя бы ознакомиться с ними с правом цитирования [366 - См., например: ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 55.].

Увлеченность поиском и буквально охотничий азарт иногда толкали Николаевского на не вполне корректные решения. Однажды он натолкнулся на неизвестный и неизданный рукописный сборник «Песни труда», подготовленный группой «Освобождение труда». Владелец требовал за рукопись 84 марки. Не уверенный в том, что рязановский институт согласится на покупку, Николаевский взял потрепанный сборник у хозяина, якобы для просмотра, с обещанием в ближайшее время вернуть, но вместо этого отправил рукопись в Москву. «В крайнем случае Вы сможете ее сфотографировать, но оригинал, при незаключении сделки, Вы мне обязательно верните», – писал он в сопроводительном письме [367 - Там же. Л. 25.]. В исследовательской работе ничто человеческое Николаевскому не было чуждо...

Документальные публикации

В результате Борис Иванович стал крупнейшим знатоком наследия Маркса и Энгельса, их жизненного пути и творчества. Можно полагать, что примерно на таком же уровне марксоведения находился только Рязанов, но вряд ли кто-то еще их превосходил не только в России, но и за ее пределами. Итогом напряженной работы явилась публикация в 1931 г. книги о супруге Маркса [368 - Nikolaevsky B. Jenny Marx: Ein Lebensabriss. Berlin: J.H.W. Dietz, 1931.], в 1933 г. – в соавторстве с О. Менхеном-Хельфом выходит книга «Карл и Женни Маркс: Жизненный путь» [369 - Maenchen-Helfen O., Nikolaevsky B. Karl und Jenny Marx: Ein Lebensweg. Berlin: Verlag der Bücherkreiz, 1933.] на немецком, а через три года – монография «Карл Маркс: Человек и борец» на английском языке, написанная совместно с тем же немецким коллегой [370 - Nicolaevsky B.I., Maenhen-Helfen O. Karl Marx: Man and Fighter. London: Penguin books, 1936; Ibid. Philadelphia, 1936. В соответствующих переводах книга была опубликована также во Франции, Италии, Голландии, Швеции, Чехословакии и других странах.].

Книга о Марксе и его супруге выпущена в Германии в 1933 г., уже тогда, когда Гитлер пришел к власти, и, по воспоминаниям автора, была резко сокращена и издана в спешке, так как уже начались конфискации и аресты [371 - Nicolaevsky B.I. Who Is Distorting History? (Voprosy Istorii and Karl Marx in 1948–1949) // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 105. # 2. P. 213.]. Судя по содержанию этих работ, написанных в соавторстве, основную разыскную и аналитическую функцию выполнил Николаевский. Иногда он оговаривался даже, называя книгу о Марксе лично своей работой. Представляется, что усилия соавтора свелись главным образом к оформлению немецкого текста, имея в виду, что Николаевский не владел языком в той степени, чтобы представить на нем свой литературный труд.

Особое внимание в работе уделялось раннему Марксу, формированию его коммунистических взглядов, созданию Союза коммунистов, внутренней борьбе между различными фракциями, роспуску этой организации по требованию самого Маркса в 1848 г., неудачной попытке ее восстановления и новому роспуску. Иначе говоря, Маркс был показан как живой, развивавшийся политический деятель, отчаянный фракционер, готовый использовать чуть ли не любые доступные ему средства для достижения поставленных целей.

Для доказательства выдвигаемых положений привлекались находки в Прусском земельном архиве, комплекты «Новой Рейнской газеты», выходившей в 1848–1849 гг., и многие другие первоисточники. Имея в виду крайнюю скудность материалов о молодом Марксе и по истории Союза коммунистов, исключительную ценность имели обнаруженные Николаевским в фондах прусской полиции показания арестованного члена этой организации Рёзера, оказавшегося в полицейских сетях и ставшего предателем. Тонкий анализ позволил установить, что сведения Рёзера носили правдивый характер и давали возможность уточнить многие принципиальные факты и детали истории Союза коммунистов.

В германской научной прессе Николаевский опубликовал несколько документов, в частности обнаруженный им ранее неизвестный документ Маркса (1881 г.) с рассуждениями по поводу пролетарской революции и возможных условий ее осуществления [372 - Nikolaevski B. Karl Marx über prolerarische Revolution // Die Geschichte. 1931. № 7. Z. 40–47.]. Постепенно Николаевский расширял свой поиск, все

более концентрируя внимание на материалах истории российского революционного движения. Он разыскал архив М.А. Бакунина, письма деятелей группы «Освобождение труда» Г.В. Плеханова и В.И. Засулич и даже частично архив полицейского агента Е.Ф. Азефа за 1908–1918 гг. Николаевский не только участвовал в составлении собрания сочинений Плеханова, которое публиковалось в Москве, но и написал комментарии для нескольких томов. Именно им в первую очередь (правда, в сотрудничестве с несколькими коллегами по берлинской эмиграции) в 1923 г. было основано издательство «Русский революционный архив».

Планы были весьма обширными. 10 ноября 1923 г. Борис Иванович писал Н.С. Ангарскому, что в первый том намечаемых им «Материалов по истории революционного движения в России» должны войти письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова за 1901–1916 гг., второй том предполагалось начать с неизвестного письма К. Маркса группе «Освобождение труда», а также поместить в него письма П.Б. Аксельрода, П.Л. Лаврова, членов группы Д. Благоева за 80–90-е годы XIX в. Николаевский предупреждал, что «редакция имеет в виду в интересах научно-исторических печатать все письма полностью, ограничив необходимые сокращения, диктуемые соображениями личного характера, безусловно необходимым минимумом. Все издание будет носить строго исторический характер, в таком духе предполагается предисловие и комментарии» [373 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.].

Не все планы были реализованы. Тем не менее издательством была опубликована важная документация П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова [374 - Из архива П.Б. Аксельрода (1881–1896); Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова (1901–1916).], а несколько фундаментальных документальных изданий под редакцией Николаевского и с его справочным аппаратом увидели свет в Москве [375 - Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1–2; Доклады социал-демократических комитетов Второму съезду РСДРП.]. Из этих публикаций особо интересной и важной для характеристики зарождения и развития российской социал-демократии, для воссоздания политического и морального облика ее основателей стала переписка Плеханова и Аксельрода. Помимо двусторонней переписки в издание вошли некоторые наиболее важные письма, адресованные третьим лицам, а также забытые и неизданные ранее статьи. Николаевский подробно комментировал каждый документ. Порой его примечания, основанные на первоисточниках, являлись, по существу дела, микроскопическими исследованиями. Не всегда при этом обходилось без ошибок или неточностей. В тех случаях, однако, когда таковые удавалось обнаружить, на них позже обращалось внимание самим комментатором, что свидетельствовало о неуклонно соблюдавшейся научной добросовестности даже тогда, когда могло показаться, что издатель и комментатор проявил недостаточное знание предмета или торопливость. Личные моменты в таких случаях решительно отбрасывались в сторону. Во втором томе, например, было помещено сообщение от редакции о допущенном в томе первом ошибочном утверждении, будто народник Коберман позже стал агентом полиции. «Это указание не имеет под собой никакого основания, основано на ошибочной информации и совершенно неверно по существу», – писал Николаевский. Редакция выражала сожаление об ошибке и приносила извинения родным и близким покойного Кобермана [376 - Там же. Т. 1. С. 33; Т. 2. С. 289.].

Двухтомник переписки Плеханова и Аксельрода был первым крупным документальным изданием, подготовленным Николаевским. В редакцию, правда, входили также П.А.

Берлин и В.С. Войтинский, но их участие ограничилось консультативными функциями – вся практическая работа была выполнена Борисом Ивановичем, проявившим качества зрелого историка – источниковеда и археографа. С Аксельродом связи были установлены сразу же после приезда Николаевского в Берлин. 13 марта 1923 г. совместно с Даном и Абрамовичем Николаевский послал Аксельроду теплое приветственное письмо по случаю 25-летия провозглашения создания РСДРП, как «славному участнику незабвенного триумвирата» (вместе с Г.В. Плехановым и В.И. Засулич) [377 - Большевики в 1922–1924 гг. С. 388–389.].

Общаясь с Павлом Борисовичем, Николаевский учился у него четкости в определении понятий средства и цели, пониманию того, что социалистическая цель не может быть достигнута несправедливыми методами. Этот вопрос стал особенно актуальным, когда по директиве из Кремля Коминтерн и его партии в 1922 г. стали применять тактику единого фронта с социал-демократами, стремясь внести разложение в их ряды и при помощи демагогии привлечь на свою сторону часть рядовых приверженцев социалистических партий. «Как можно не понимать, – говорил Аксельрод, – что люди, которые, подобно большевикам, годами применяют такие средства, не могут иметь ту же цель, что и мы? Пусть они произносят те же самые слова, – но разве не ясно, что содержание в них они вкладывают иное? Их «социализм» совсем не то, что социализм наш. Именно в этом основа всех расхождений» [378 - Николаевский Б. Что такое социализм // Социалистический вестник. 1942. № 9-10. С. 121.].

О тяжелобольном, жившем в весьма стесненных материальных условиях Аксельроде Николаевский заботился буквально по-сыновьи. Он организовывал сборы средств в помощь Павлу Борисовичу, причем выдавал их за гонорары, присылаемые якобы из России. Гонорары Аксельроду за публикации Москва действительно выплачивала, но крайне неаккуратно. «Часто встречаясь с П.Б. Аксельродом, – писал по этому поводу в ИМЭ Николаевский, – я не мог не заметить, как волнуется он при всякой задержке в получении денег... Он сейчас очень и очень плох, почти все время лежит в постели, и малейшая неосторожность выводит его из себя. Кроме того, при его бюджете подобные задержки весьма чувствительны и в материальном отношении» [379 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4.].

С ИМЭ происходил серьезный торг из-за гонораров, предназначавшихся Аксельроду за его публикации. Сильной стороной Николаевского в этих не очень приятных для него переговорах было то, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не просил повысить оплату его собственного труда в качестве зарубежного сотрудника ИМЭ и автора статей и редактора документальных сборников. Интересы же Павла Борисовича и других он защищал всеми силами, подчас ссылаясь на недовольство, которое ему приходилось выслушивать от авторов:

«Все сроки расплаты давно прошли, и не можете не понимать, какие упреки мне приходится слышать со стороны лиц, рассчитывающих на получение заработанных ими денег» [380 - Там же. Ед. хр. 11. Л. 12.].

Жизненному и политическому пути Аксельрода Николаевский посвятил содержательные статьи, в которых этот деятель оценивался не только как один из первых российских марксистов – теоретиков и практиков, но и как виднейший представитель старой плеяды русских социалистов-западников [381 - Н-ский Б. П.Б. Аксельрод. (Основные черты политической биографии) // Социалистический вестник. 1925. № 15–16. С. 3–10; Его же. Жизненный путь П.Б. Аксельрода // Социалистический вестник. 1928. №

7–8. С. 16–17.]. Когда в 1925 г. Аксельроду исполнилось 75 лет, «Социалистический вестник» посвятил этому событию специальный номер, правда содержание помещенных там статей в целом противоречило взглядам юбиляра. «Вестник» большевистскую революцию без каких-либо оговорок называл «великим историческим явлением». Дан противился созданию общей с правыми меньшевиками комиссии для проведения чествования Аксельрода. И только по настоянию Николаевского такая комиссия была создана. Одобряя активность Николаевского, Войтинский писал 16 июня 1925 г. Церетели: «Одним словом, вопрос поставили – если не по-товарищески, то по-приличному» [382 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 122.].

Продолжая поддерживать связь с еще одним из первых русских социалистов – А.Н. Потресовым, – Николаевский во время своей поездки в 1928 г. в Париж обнаружил в его документации тетради с подробными протокольными записями заседаний II съезда РСДРП 1903 г. [383 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 31.], что позволило осуществить в Москве издание материалов этого фактически учредительного съезда, правда без упоминания, чьи именно розыски дали возможность тому увидеть свет [384 - Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 г. М.: Партиздат, 1932.]. Помимо этого была проведена большая работа по комплектации сборника докладов местных организаций, представленных на II съезд. Верный своей научной добросовестности, Николаевский затребовал из Москвы примерно полтора десятка изданий местных Истпартов (по Владимирской и Костромской губерниям, Иваново-Вознесенскому району, Ростову-на-Дону и пр.), которые ему были необходимы для составления развернутых фактических примечаний [385 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 27.].

20 мая 1928 г. был подписан договор с Ангарским, согласно которому Николаевский не позднее 1 августа обязался представить сборник с предисловием и комментариями. Том должен был выйти в Госиздате, но без фирмы Истпарта, к чему первоначально стремились московские организаторы издания [386 - Там же. Ед. хр. 15. Л. 5.]. В конце концов, обеими сторонами было признано, что отсутствие такого грифа справедливо для публикации, подготовленной эмигрантом. Надо сказать, что Николаевский с удовольствием работал над этим сборником. Он с полным основанием полагал, что объективная картина состояния местных организаций важна для характеристики социал-демократического движения и борьбы течений в формировавшейся подпольной партии. «Сейчас сижу целые дни за работой, – писал он И.Г. Церетели, – сборник для А[нгарского] все же надо кончить, а он у меня вырастает далеко за книжные рамки» [387 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 271. Сборник вышел позже. Это было последнее самостоятельное издание, выполненное Николаевским по заказу Москвы: «Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП. Комментарий Б.И. Николаевского». М.: Госиздат, 1930.].

У одного из эмигрантов удалось обнаружить небольшую библиотеку книг, принадлежавших Ленину во время сибирской ссылки, причем в части изданий были пометки Ленина, связанные с подготовкой им книги «Развитие капитализма в России». Эту библиотеку удалось приобрести и переправить в Москву [388 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 41, 75.]. Обычно посылки отправлялись непосредственно по германской почтовой службе, но для наиболее важных материалов продолжала использоваться советская дипломатическая почта [389 - Там же. Л. 13.], хотя, надо сказать, Николаевский стремился избегать общения с официальными представителями СССР. Предусмотренные служебными обязанностями материалы отправлялись в Москву, но их копии оставались

в личном архиве, что было согласовано с Рязановым. Находки, не входившие в прямую компетенцию ИМЭ, Николаевский хранил у себя.

По своей инициативе Николаевский установил контакт с Карлом Каутским, одним из руководителей Социал-демократической партии Германии, в прошлом лидером ее центристского крыла. Позже, по словам Ленина и Троцкого, Каутский стал «ренегатом», ибо осудил большевистский террор. Николаевского в первую очередь интересовали связи Каутского с основными течениями российской социал-демократии после революции 1905–1907 гг. и роль Каутского как одного из хранителей финансов российской социал-демократии после так называемого «долгого пленума» ЦК РСДРП в январе 1910 г. Каутский был хранителем средств вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин, причем не сумел разобраться в нечестной игре Ленина, всеми правдами и неправдами пытавшегося заполучить деньги для своей фракции. Во время финансового конфликта социал-демократов с Лениным Каутский, наоборот, обрушился на Мартова, разоблачившего эти неприглядные действия Ленина в брошюре 1911 г. «Спасители или упразднители?».

Видимо, уже тогда Николаевский задумал написать специальную работу о внутренних конфликтах в РСДРП того периода, чем он действительно занялся в последние годы жизни, хотя и не довел своего замысла до конца. Пока же, в далеком 1911 г., Каутский Мартову не поверил. «Поверить разоблачениям последнего было психологически тем труднее, чем более тяжкими были обвинения... В поведении Ленина были налицо все элементы именно такой большой подлости», – писал Николаевский через десятилетия. В разговоре с Николаевским Каутский, которому шел восьмой десяток, сокрушался, считая свои тогдашние отрицательные отзывы о Мартове одной из самых тягостных допущенных им ошибок. При этом, правда, он подробно объяснял, что поверить Мартову он тогда просто не мог, поскольку для того, чтобы правильно понять Ленина и убедиться в обоснованности тогдашних обвинений Мартова, необходим был опыт 1917 г. и последующего периода [390 - Социалистический вестник. 1958. № 6. С. 127.].

Естественно, записи разговоров с Каутским были сохранены и позже использованы [391 - NC, box 44, folders 1–3; box 693, folders 6, 28.], тем более что Николаевский вел оживленную переписку и с супругой Каутского Луизой, неизменно передавая приветы «Карлу Ивановичу», как он на русский манер называл ветерана германского социал-демократического движения [392 - См, например: ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1.].

Историка весьма интересовала деятельность представителей РСДРП во II Интернационале и в целом связи российских социалистов с этим международным объединением. По нескольким каналам стало известно, что архив Интернационала находился в Брюсселе и им заведовал бывший секретарь Международного социалистического бюро Камиль Гюйсманс. Попытки установить связь с Гюйсмансом на предмет использования документов не увенчались успехом. Борис, однако, был обрадован, когда в 1928 г. узнал, что ведутся переговоры о передаче этих ценных бумаг в Цюрих, в распоряжение генерального секретаря Социалистического рабочего интернационала Фрица Адлера. Тотчас была предпринята поездка в Швейцарию. Во время беседы Адлер был очень осторожен – он учитывал, что Николаевский является официальным сотрудником советского учреждения. Тем не менее они договорились, что архив не только можно будет использовать, но при определенных условиях документы архива можно будет публиковать в СССР.

Николаевский писал Ангарскому, что на публикацию документов этого архива можно будет рассчитывать лишь в том случае, если она «будет иметь характер строго

объективного собирания исторического материала», и что материал вряд ли предоставят «без гарантии того, что тут же, при напечатании, он не будет сопровождаться комментариями, враждебно направленными против каких-либо партий [и] отдельных лиц, входящих во II Интернационал». Не без внутреннего удовлетворения Борис Иванович сообщал Ангарскому, что выход может быть найден в том, чтобы издание документов было предложено какой-нибудь заграничной организации. При этом Адлер склонялся к тому, чтобы практическую работу осуществлял сам Николаевский, так как ему за границей доверяли больше, чем советским сотрудникам [393 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 40.]. Естественно, и все эти документы в копиях оставались у Николаевского.

Летом 1928 г. почти случайно (хотя в подобных ситуациях случайность всегда бывает весьма относительной и является результатом напряженного и целенаправленного поиска по заранее намеченным и вычисленным маршрутам) в руках Николаевского оказались архивы Григория Алексеевича Алексинского (1879–1967) – первоначально большевика, депутата II Государственной думы, с 1909 г. – одного из руководителей социал-демократической группы «Вперед», а с 1914 г. – социал-патриота, пребывавшего с 1919 г. в эмиграции и отошедшего от политической деятельности. Получение этих материалов было для Николаевского большой удачей, так как среди бумаг оказались не только программные и делопроизводственные материалы самой группы «Вперед», но также письма М. Горького, А.В. Луначарского, Д.З. Мануильского, Л.Д. Троцкого, А.А. Богданова, Г.В. Чичерина. В коллекции находились и весьма секретные материалы о попытках размена денег, полученных большевиками в результате ограбления (экспроприации) на Эриваньской площади в Тифлисе летом 1907 г. при предполагаемом участии Сталина. Москва решила не приобретать этот архив, и Николаевский купил его за свой счет [394 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 118.]. Что касается Сталина, то, возможно, это были первые материалы, заставившие Николаевского задуматься о месте Сталина в большевистских структурах на Кавказе и о его взаимоотношениях с кавказскими грабителями-экспроприаторами.

О характере этих размышлений отчасти свидетельствует переписка в 1927 г. с писателем М. Алдановым. Алданов, готовивший о Сталине небольшую работу популярно-беллетристического характера, просил Бориса Ивановича высказать свое мнение о роли Кобы в тифлисском эксе (писатель приводил даже версию о том, что Сталин будто бы сам бросал бомбы!). В частности, Алданова интересовало, когда и при каких обстоятельствах был арестован в Берлине непосредственный руководитель этой акции С.А. Тер-Петросян (Камо) и в каких еще экспроприациях участвовал Сталин [395 - Там же. Ед. хр. 29. Л. 1.].

В ответе, датированном 3 октября 1927 г., Николаевский честно признавался, что располагает минимальными документами по этому эпизоду. Он считал, что Сталин не принимал непосредственного участия в тифлисском эксе, так как «занимал тогда слишком высокое место в партийной иерархии, чтобы его пустили на такую работу». В то же время, на основании той документации, которую Николаевский сумел собрать, он приходил к выводу, что грабительские действия Камо и других экспроприаторов совершались с прямого благословения Ленина, причем к Камо и другим бандитам, казавшимся Ленину наиболее надежными, «он относился с особенной мягкостью и вниманием». По данным Николаевского, «верховное руководство организационной стороной экссов находилось в руках Красина». Возвращаясь же к Сталину, Борис Иванович высказывал мнение, что он уже в те годы был человеком с большой волей, «очень неглупым, хорошо разбирающимся

в людях и умеющим их себе подчинить, играя преимущественно не на хороших сторонах характера» [396 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3–4.].

Так формировался, а затем все более расширялся личный архив ученого. Все новые и новые его материалы публиковались в таких советских журналах, как «Летопись марксизма» и «Каторга и ссылка», а также в западноевропейских изданиях. Правда, между Николаевским и советскими научно-идеологическими учреждениями, журналами и издательствами складывались весьма непростые взаимоотношения. В первые годы его сотрудничества с ИМЭ не только руководитель института Рязанов, но и другие сотрудники, получавшие иногда возможность командировок в Берлин, встречались с ним, причем общение подчас носило не только официальный характер. В один из приездов Рязанова Николаевский достал ему у автора только что вышедший роман Бориса Гуля «Генерал Бо» (об Азефе), который Рязанов хотел прочитать в дороге [397 - Гуль Б. Я унес Россию. Т. I. С. 307.]. Летом 1925 г. руководившая одним из кабинетов ИМЭ писательница и публицист П.С. Виноградская, ехавшая в Германию, согласилась передать Борису Ивановичу от его матери банку варенья и самотканое деревенское полотенце, в свое время подаренное отцу прихожанами. Мать вышила на нем инициалы сына, и Николаевский, по свидетельству Гуля, хранил его потом как минимум до конца 1930-х годов. Впрочем, весьма осторожная Виноградская на обратном пути письмо Николаевского матери с перечнем просьб, которые тот просил выполнить, уже не повезла, а выкинула его по дороге и даже не пересказала затем Евдокии Павловне содержания, сказав, что «забыла его» [398 - Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. С. 104, 137.].

Как видно из сохранившейся документации Николаевского, письма из ИМЭ следовали одно за другим, часто с интервалами всего лишь в несколько дней. Обычно из Москвы писали на немецком языке, видимо, для того, чтобы Николаевский мог без перевода показывать эти письма своим немецким коллегам. Не исключено, что это делалось и по цензурным соображениям. В каждом таком письме было обычно по несколько, до десятка и больше, поручений. Так, в январе – феврале 1925 г. Рязанов и его сотрудники просили сфотографировать ряд статей П.Б. Аксельрода; навести справки, было ли выпущено 4-е русское издание работы Энгельса «Развитие научного социализма» с предисловием Плеханова (если найдет – сфотографировать предисловие и все изменения по сравнению с третьим изданием); сделать копии ряда документов В.И. Засулич; продолжить розыск писем Плеханова в архиве СДПГ; разыскать и прислать письма российских деятелей Марксу и Энгельсу [399 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3, 13, 28, 38.].

На Николаевского сыпались все новые и новые задания, причем, если сравнить сохранившиеся в архиве годовые комплекты «входящей» корреспонденции, то она вплоть до 1928 г. непрерывно возрастала. Рязанов эксплуатировал Николаевского нещадно. Берлинский представитель ИМЭ отработывал свою небольшую зарплату самым напряженным трудом, но надо признать, что в целом требования были деловыми и квалифицированными и сам Борис Иванович их с удовольствием и старанием выполнял.

Его работа, бесспорно, ценилась и была востребована. «Приносим Вам большую благодарность за Ваше чрезвычайно ценное для нас содействие в получении оригиналов рукописей В.И. Засулич», – говорилось в письме от 16 февраля 1925 г. [400 - Там же. Л. 33.] В ноябре 1925 г. институт просил разыскать брошюру, в которой были опубликованы протоколы Международного социалистического бюро за ноябрь 1906 г., так как там было помещено выступление Плеханова:

«Просим Вас купить эту брошюру и выслать нам по возможности скорее. Если же купить брошюру затруднительно, то будьте добры поручить списать выступления Плеханова. Экземпляр брошюры, вероятно, имеется в библиотеке с[оциал]-д[емократов]» [401 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 93.].

Но кому мог Николаевский «поручить» копирование, кроме как самому себе? Рязанов не мог не знать этого, но тем не менее употреблял выражение «поручить», чтобы не поставить своего адресата в унижительное положение переписчика.

Бывали поручения весьма неопределенные, требовавшие большого поиска, не всегда завершавшегося успехом. Так, в ноябре 1928 г. Николаевского попросили найти прокламацию «Чего следует добиваться портовым рабочим», причем ни автор прокламации, ни место и дата выпуска известны не были [402 - Там же. Ед. хр. 31. Л. 206.]. Бывали просьбы личного характера. В апреле 1928 г. Рязанов сообщил, что в Берлин направляется в научную командировку директор Музея революции СССР С.И. Мицкевич, и просил оказать ему всяческую помощь и содействие [403 - Там же. Л. 87.].

Весьма требовательный и даже придирчивый Рязанов высоко оценивал деятельность берлинского представителя ИМЭ. Часть информации об этом пришла к нам из показаний Рязанова, данных им карательным органам советской власти уже во время ссылки в 1932 г. Отвечая на обвинения в связях с меньшевистским контрреволюционером Николаевским, Рязанов отмечал, что тот был «деятельным сотрудником журнала «Каторга и ссылка», для которого написал ряд статей – еще в 1931 г., – где излагал со своей точки зрения историю РСДРП, печатал свои работы в Госиздате и был ответственным редактором изданной им переписки Плеханова с Аксельродом». Рязанов указывал, что только через Николаевского можно было использовать архив меньшевиков, коллекцию русской революционной литературы, находившуюся в Берлине, архив германской социал-демократии. Николаевский, подчеркивал Рязанов, «оставался нашей единственной связью с этим архивом. Все доставаемые им материалы он передавал в наше берлинское посольство, которое пересылало их с дипкурьерами [404 - Рязанов преувеличивал. Основную часть материалов Николаевский отправлял по почте. О дипкурьерах опытный Рязанов упомянул для того, чтобы максимально «легализовать» сотрудничество Николаевского с его институтом.]. Еще осенью 1930 г. заграничный отдел ОГПУ обратился ко мне с наивной просьбой достать через Николаевского некоторые документы, относящиеся к современному периоду. Мне пришлось объяснить, что существуют два архива немецкой социал-демократии – один открытый для научно-исследовательской работы. И другой – политический, так же мало доступный для посторонних, как текущий архив любой политической партии».

Рязанов напомнил также, что только через Николаевского Институт Маркса – Энгельса получил доступ к архиву руководителя Социалистической партии Франции Жюль Гедда и к архиву основателя германской социал-демократии Вильгельма Либкнехта. «Именно в качестве такого расторопного и добросовестного агента интересовал нас Николаевский. Лучше всего об этом свидетельствует огромная переписка с ним, которую вел мой главный помощник по иностранным делам Цобель» [405 - Исторический архив. 1995. № 2. С. 217–219. Э.И. Цобель – венгерский коммунист, являвшийся заместителем директора ИМЭ в 1922–1931 гг.].

С журналами «Былое» (в котором он многократно публиковался до эмиграции) и «Каторга и ссылка» (где ранее появился только один его материал – о Бутырской тюрьме в декабре 1905 г.) Николаевский возобновил сотрудничество в 1924 г. Чаши весов теперь

сместились – в «Былом» после эмиграции удалось поместить только два материала, а журнал «Каторга и ссылка» на семь лет стал основным периодическим печатным органом в СССР. В «Каторге и ссылке» появилось свыше 60 публикаций историка, в том числе около 30 статей и документальных публикаций (остальные представляли собой библиографические обзоры, рецензии на мемуары, исторические и библиографические труды, периодические издания, выпущенные за рубежом).

Помимо этого, под заголовком «Новое о прошлом в зарубежной русской печати» Николаевский публиковал ценную критическую информацию, свидетельствующую, что российская эмиграция продолжала осмысливать исторический опыт Советского Союза. Обращены были эти публикации в основном к интеллигенции и бывшим активным участникам революционного движения. Эти обзоры в то же время были показателем огромной общеисторической и источниковедческой эрудиции Николаевского и знания им литературы. Они носили аналитический характер, показывали степень важности рассматриваемых материалов для постижения исторических реалий.

Подчас обзоры были весьма объемистыми, в частности обзор, посвященный литературе о революции 1917 г. [406 - Б.Н. Новое о прошлом в зарубежной русской печати: К истории 1917 года // Каторга и ссылка. 1927. № 30. С. 215–241.], что было естественно, ибо, как писал Николаевский, «в зарубежной исторической литературе наиболее обширны и богаты по содержанию те отделы, которые посвящены событиям периода войны и революции. Количество воспоминаний этих лет, если учесть все разбросанное по журналам и газетам, исчисляется, несомненно, в тысячах, причем многое из них представляет значительный интерес для историка» [407 - Там же. С. 215.].

В статьях и документальных публикациях Николаевский опирался прежде всего на те материалы, которые в России и за ее пределами удалось собрать ему самому. Отметим наиболее важные для исторической науки и самые интересные.

Первая публикация, присланная из Берлина, была осторожно помещена под псевдонимом Б. Федоров. Сообщая в 1924 г. Церетели о своем сотрудничестве с советскими периодическими изданиями, Николаевский не был уверен, что его материалы будут напечатаны, «ибо – передали оттуда, что мое имя «одиозно»; согласен на псевдонимы» [408 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 32.]. В дальнейшем все же имя Николаевского стало появляться либо полностью, либо сокращенно, но вполне узнаваемо (например, Б. Н-ский), либо как инициалы. Публикации охватывали вторую половину XIX – начало XX в. В них был представлен широкий спектр идейных течений и различные этапы антиправительственных движений в России, начиная от деятельности А.И. Герцена и кончая II съездом РСДРП.

Герценовская тематика была представлена только одним небольшим документом – письмом левому депутату франкфуртского Национального собрания периода германской демократической революции 1848–1849 гг. Адольфу Колачаку, свидетельствующим о связях Герцена с участниками немецкой революции и с германскими издателями середины XIX в. [409 - Николаевский Б. Неизданное письмо А.И. Герцена // Каторга и ссылка. 1927. № 27. С. 116.] Кроме этого, Николаевский тщательно работал над большой статьей о видном русском революционере М.А. Бакунине. Важной своей находкой Борис Иванович считал ранее неизвестную брошюру Бакунина о России середины XIX в., в которой тот выявлял свои «общиннофильские симпатии». «Большой победой на архивном фронте» называл он это свое приобретение [410 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 108.]. Он послал рукопись статьи на отзыв И.Г.

Церетели, который ее высоко оценил. А в ИМЭ Николаевский писал 30 января 1928 г.:

«Статью о Бакуине я пришлю, как только закончу, – работа над ней тянется так долго потому, что эта область для меня совершенно нова, – история немецких отношений [18]48–49 гг., и беру я ее в плоскости, совершенно не разработанной нашими бакунистами» [411 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 10.].

В конце концов, статья была разделена на две части, соответственно посвященные связям Бакуина с германскими революционерами и оценке им ситуации в России во время европейских революций 1848–1849 гг. [412 - Николаевский Б.И. Бакуин эпохи его первой эмиграции в воспоминаниях немцев-современников // Каторга и ссылка. 1930. № 69–70; Его же. Взгляды М.А. Бакуина на положение дел в России в 1849 г. // Летопись марксизма. 1929. № 9–10.]

Ряд публикаций посвящался народническому движению. Из них заслуживают быть отмеченными обнаруженные Николаевским уже в эмиграции в архиве одного из старых революционеров воспоминания о лидерах «Террористической фракции» «Народной воли», готовивших покушение на царя Александра III 1 марта 1887 г. и повешенных в Шлиссельбургской крепости (это был один из двух материалов, опубликованных в эти годы в «Былом») [413 - Н-ский Б. Жертвы 1-го марта 1887 г. (Записка Н. Рудевича) // Былое. 1925. № 32. С. 196–201.]. В предисловии доказывалось, что автором воспоминаний является соратник казненных Н.А. Рудевич, что написаны они были вскоре после казни. Затем Николаевский давал краткие, но весьма содержательные мемуарные биографические справки о П.И. Андреюшкине, В.Д. Генералове, А.И. Ульянове, Р.Я. Шевыреве и В.С. Осипанове (инициалы двух последних обозначены не были; они, очевидно, не были тогда известны).

Николаевский представил на читательский суд восемнадцать сохранившихся и найденных им писем знаменитого русского анархиста П.А. Кропоткина одному из его соратников В.Н. Черкезову [414 - Николаевский Б. Письма П.А. Кропоткина В.Н. Черкезову // Каторга и ссылка. 1926. № 25. С. 7–28.]. По словам публикатора, эти письма позволяли осветить работу «центрального литературно-теоретического штаба русского анархистского движения». Обратим внимание на то, что, сочтя эту коллекцию особо важной, редакция открыла ей номер журнала, несмотря на «одиозную» репутацию Николаевского. Поистине историографической находкой была предварявшая публикацию статья о самом Варлааме Николаевиче Черкезове, прошедшем долгий революционный путь анархокоммуниста, организатора Фонда вольной русской прессы в Великобритании в конце XIX в., возвратившегося в Россию в 1917 г., но вынужденного эмигрировать в 1921 г. и проведшего последние годы жизни в Лондоне.

Несомненно важной следует назвать группу материалов по истории зарождения и развития социал-демократического движения в России. Николаевский был одним из первых, кто занялся историей Партии русских социал-демократов, как называла себя просуществовавшая недолгое время первая российская марксистская группа, образованная в Петербурге в 1883 г. студентом-болгарином Димитром Благоевым [415 - Н-ский Б. К истории «Партии русских социал-демократов». 1884–1886. (По неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1929. № 54. С. 44–68.] (позже Благоев станет основателем Болгарской социал-демократической рабочей партии, а затем и компартии этой страны). Подчеркивая, что эту организацию, имея в виду ее реальный характер, правильнее было бы называть кружком благоевцев, Николаевский отмечал влияние на него группы «Освобождение труда», созданной как раз перед этим в Женеве Плехановым,

и приводил переписку с плехановцами и другие материалы, подтверждавшие его оценки.

К этой же теме, но в ином, историографическом ключе Николаевский возвратился в своей последней статье, опубликованной в Советском Союзе (опять под псевдонимом) незадолго до лишения его гражданства СССР. В ней речь шла о трудах советского историка Н.Г. Сергиевского о группе Благоева [416 - Сергиевский Н.Г. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (благоевцев). Л.: Госиздат, 1928; Его же. Партия русских социал-демократов: Группа Благоева. М. – Л.: Госиздат, 1929.], описывавших переход народников к социал-демократизму, причем Николаевский выражал несогласие с мнением Сергиевского об исключительно национальных, российских корнях благоевской группы [417 - Иванов Б. Н.Г. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884–1887) // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 59–122.].

Говоря о начальном этапе развития Социал-демократической партии, следует отметить, что Николаевский впервые опубликовал важный документ, связанный с I съездом РСДРП 1898 г.: письмо избранного съездом ЦК заграничному Союзу русских социал-демократов [418 - Н-ский Б. К истории I съезда РСДРП // Каторга и ссылка. 1928. № 40. С. 9–10.]. Оно содержало информацию о съезде, о его решениях. Из документа видно было, какие местные организации принимали участие в съезде, сообщалось о решении сделать «Рабочую газету», начавшую выходить в Киеве, органом партии (участникам съезда не было известно, что «Рабочая газета» была уже разгромлена полицией и прекратила выход на втором номере).

С продолжением Николаевский поместил в «Каторге и ссылке» комментируемые документы о неудачной попытке созыва русскими марксистами-эмигрантами II съезда РСДРП в 1901 г., об их переговорах по этому поводу с представителями организаций, действовавших в России. Именно после этого, сделал вывод публикатор, группа «Искры» приступила к созданию своего собственного организационного аппарата, в который вошли агенты этой газеты, внутри страны [419 - Б.Н. Из эпохи «Искры» и «Зари». (По неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1927. № 35. С. 7–35; № 36. С. 83–100.].

Любопытные материалы – два письма необозначенного автора в Вологду и Иркутск, обнаруженные за несколько лет до этого в полицейских архивах (это были копии, снятые при перлюстрации писем), связаны были с итогами II съезда РСДРП, действительно состоявшегося в 1903 г. [420 - Н-ский. Б. К истории II съезда РСДРП // Каторга и ссылка. 1926. № 28–29. С. 125–130.] В публикации высказывалось предположение, что автором писем мог быть Троцкий, ибо содержание документов и их интонации очень напоминали печатные выступления Троцкого непосредственно после съезда. Автор писем выражал мнение, что съезд не оправдал ожиданий его устроителей, а деятельность Ленина оценивалась как дезорганизаторская. Можно полагать, что редакция журнала охотно поместила этот материал, ибо как раз в 1926 г. в ВКП(б) развернулась острая внутривнутрипартийная борьба. Троцкий оказался лидером объединенной антисталинской оппозиции, и документы могли послужить дополнительной каплей для компрометации Троцкого, выступившего в 1903 г. с критикой Ленина.

Еще один ранний социал-демократический документ, обнаруженный в архиве А.Н. Потресова, – протокол заседания Совета РСДРП 1904 г., – был опубликован с детальными комментариями [421 - Б.Н. РСДРП о соглашениях с оппозиционными и революционными партиями в 1904 г. Протокол заседания Совета партии в 1904 г.: Вопрос о межпартийной конференции в Совете партии // Каторга и ссылка. 1927. № 32. С. 57–72.], устанавливавшими, как и сам текст, готовность российских марксистов идти на

сравнительно широкую блокировку с другими враждебными царизму силами, причем на этой же позиции, с незначительными оговорками, стоял Ленин.

Наконец, две публикации были связаны с революцией 1905–1907 гг. [422 - Б.Н. Последний номер «Известий Петербургского Совета Рабочих Депутатов» 1905 г. // Каторга и ссылка. 1927. № 31. С. 55–59; Его же. Комитет большевиков о задачах партии в октябре 1905 г. // Каторга и ссылка. 1927. № 33. С. 21–28.] В одном из этих материалов указывалось, что в СССР были изданы и прокомментированы десять номеров «Известий Петербургского Совета рабочих депутатов». № 11, как полагали, печатали в ночь на 20 декабря 1905 г., но в свет он не вышел, так как все те, кто этим занимался, были арестованы. В результате розысков Николаевского оказалось, что была предпринята вторая попытка напечатать последний номер газеты. Сохранился оттиск ее первой полосы, которая и воспроизводилась. О том, что это была именно вторая попытка выпуска номера, свидетельствовало содержание – в числе прочего речь шла о неудавшейся первой попытке. Опубликованная первая полоса, воспроизведенная Николаевским, включала передовую статью и начало публикации отчета о заседании Совета 20 декабря 1905 г. По мнению Николаевского, передовица сравнительно умеренного содержания была написана Парвусом (А. Гельфандом) – председателем второго состава Совета, образованного после ареста первого Совета во главе с Троцким.

Отдельные заметки Николаевского печатались под псевдонимами или инициалами в серийных изданиях «Архив Маркса и Энгельса» и «Ленинский сборник», причем однажды Борис Иванович даже получил авторский экземпляр «Ленинского сборника» [423 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 10.], превратившись таким образом в соавтора Ленина. В чужих публикациях «Ленинских сборников» дотошный Николаевский подчас обнаруживал ошибки, о чем сообщал в Москву [424 - Там же. Ед. хр. 1. Л. 19.]. А сохранившиеся в архиве Николаевского машинописные экземпляры его статей свидетельствуют о том, что сам он скрупулезно работал над своими текстами, совершенствуя аргументацию и стиль, в ряде случаев сокращая материал или внося в него дополнения, переставляя многочисленные абзацы. Иногда он не удовлетворялся первой правкой и вновь возвращался к текстам, существенно их меняя [425 - См., например: ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 37.].

Не все планы удавалось реализовать. Так, судя по содержанию ряда архивных папок, Николаевский собирался написать работу о Николае Константиновиче Михайловском (1842–1904) – видном публицисте народнического направления, являвшемся в 1869–1884 гг. соредактором журнала «Отечественные записки», а позже редактором журнала «Русское богатство» [426 - Там же. Ед. хр. 41–44, 46–57, 59, 70.]. Среди материалов были статьи самого Михайловского, воспоминания о нем, документы, свидетельства чествования его памяти. Работа о Михайловском, однако, так и не появилась.

В середине 20-х годов Николаевский заинтересовался историей русского масонства. Именно в связи с этим он пытался проникнуть в некоторые строго охранявшиеся личные архивные фонды, например в документацию семьи Вырубовых. Установление контакта с известным писателем М.А. Алдановым также было связано с масонской тематикой, причем Алданов любезно согласился оказать Николаевскому содействие в доступе к архиву Вырубовых, куда сам был допущен.

Вырубовы являлись старинным дворянским родом, восходившим к эпохе Ивана Грозного. К этому же роду принадлежала ближайшая фрейлина и подруга последней российской императрицы Александры Федоровны Анна Александровна Вырубова. В то

же время представители этой фамилии принимали участие в революционном движении на разных его этапах и были связаны с либеральными масонскими объединениями.

В письме Алданову от 15 ноября 1927 г. Борис Иванович высказывал предположение, что сможет найти в этом архиве не только материалы о революционном движении конца 60-х – начала 70-х годов XIX века, но и о либеральных настроениях, связанных с масонством. Он предполагал обнаружить в документах и письмах, «если только они сохранились, интересные штрихи» эпохи. «Должен сознаться, – писал Николаевский в письме, – что вопросом о масонских связях В[ырубова] я интересуюсь тоже под углом истории русского либерализма – я считаю, что вовлечение русских либеральных деятелей во франц[узские] масонские организации 80–90-х гг. сыграло свою, пусть не очень большую роль, в начальных стадиях оформления освободительных организаций» [427 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1.] в России.

К масонской тематике необходимо было относиться крайне осторожно, и занятия ею все более воспитывали Николаевского в духе критического отношения к источникам, особенно столь ненадежным и пристрастным, как те, которые были связаны с масонством. В 1929 г. Николаевский получил информацию о масонских связях Троцкого до 1917 г. Начав чуть ли не следствие по этому поводу, Борис Иванович установил, что сведения исходили от одного большевика, находившегося за рубежом. Не слишком доверяя информации, Николаевский писал: «Хочу проверить и переговорить лично с означенным б[ольшевиком]м... Если это подтвердится, то в мою «историю российского масонства» придется вписывать новую главу» [428 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 348].

Отсутствие упоминаний о масонстве Троцкого в дальнейшей переписке и другой документации свидетельствовало о том, что сведения, с точки зрения Николаевского, оказались недостоверными. Более того, можно предположить, что в условиях, когда Троцкий был изгнан из СССР (он находился в это время в Турции, на острове Принкипо, под Стамбулом), «масонские слухи» о нем являлись провокацией советских спецслужб.

Тем не менее Николаевский продолжал собирать информацию о масонстве, хотя его намерение написать работу о российских масонах натолкнулось на противодействие коллег по меньшевистской эмиграции. Церетели, в частности, полагал, что такого рода исследование может политически навредить русской политической эмиграции [429 - Церетели писал в декабре 1926 г.: «Но ведь масонство русское как раз сейчас в самом тяжелом положении и подвергается обстрелу и со стороны марковцев (то есть крайних монархистов. – Ю.Ф. и Г.Ч.), и со стороны большевиков. И получится чрезвычайно неблагоприятное впечатление, если Вы... будете вынуждать объяснения у людей, считающих себя связанными клятвой... А марковцы и большевики, несомненно, Ваше выступление используют» (Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 158)]. Николаевский не согласился с доводами своего партийного товарища, но вынужден был считаться с ними. Он ответил Церетели: «Спасибо Вам за Ваши письма о масонах. Они меня не убедили, но печатать статьи я пока не стану: ведь я Вас сам выбрал своим цензором и не могу не считаться с Вашим мнением» [430 - Там же. С. 159].

Возможно, именно сведения о масонстве Троцкого, оказавшиеся недостоверными, вместе с поступавшей информацией о разыгравшейся в ВКП(б) внутрипартийной борьбе, о поражении объединенной оппозиции и изгнании Троцкого из СССР привели к тому, что в конце 20-х – начале 30-х годов у Николаевского несколько повысился интерес к Троцкому-политику. По форме шуточно, но с вполне серьезным подтекстом Борис

Иванович писал Церетели 21 апреля 1929 г.: «У Вас в отношении пользования моей библиотекой появился опасный конкурент – Троцкий (не пугайтесь): сегодня ко мне явилась переводчица его будущих мемуаров на немецкий... и попросила для него книг. Несмотря на всю мою антипатию к левой оппозиции, в книгах я не отказал» [431 - Там же. С. 325.].

Когда же сравнительно скоро «Моя жизнь» Троцкого появилась на книжном рынке, Николаевский с некоторым удивлением констатировал большой читательский интерес к этому изданию. В магазинах говорили, что книга расходуется даже лучше, чем незадолго перед этим опубликованный сенсационный роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Обе книги были изданы на немецком языке невиданным для того времени тиражом в полтора миллиона экземпляров. Правда, отношение Николаевского к мемуарам Троцкого было достаточно критическим:

«Когда я его читал, мне приходило на ум, что по-настоящему умный человек начинается с умения критически отнестись к самому себе, – своим делам и своим словам. У Троцкого именно этого-то и нет. Он так любит свои фразы, что не может отойти на несколько шагов в сторону, чтобы со стороны взглянуть на написанное» [432 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 380.].

Желание показать себя с лучшей стороны было характерно для воспоминаний Троцкого. Но когда и кем мемуары писались без стремления их авторов представить себя в как можно более выгодном свете?

«Я просмотрел почти всё, – продолжал Николаевский, – и нахожу, что написано интересно. Но все же я не разделяю то очень распространенное среди нашей публики мнение, будто эта книга «блестяща» и будто она обнаруживает необычайное писательское дарование автора. Прежде всего она страшно поверхностна... Второй недостаток, наиболее важный, это какая-то черствость, бездушие... При таких условиях блеск этой книги только внешний, и она очень скудна и мыслями, и чувствами» [433 - Там же. С. 378.].

Тем не менее позже, во Франции, Борис Иванович вступил в контакт с Троцким, оказывая ему посильную помощь в литературной деятельности, в том числе в работе Троцкого над биографией Сталина.

Финансы. Переписка с матерью. Лишение гражданства

В качестве представителя ИМЭ в Берлине Николаевский получал небольшой оклад. Деньги ему высылали не очень аккуратно, причем Рязанов позволял себе иногда упреки. В частности, во время их встречи в Берлине Рязанов энергично настаивал, чтобы Николаевский взял на себя еще и представительство Института Ленина, обещая некоторую прибавку к жалованью. А когда Николаевский категорически отказался, Рязанов ворчливо заявил, что Николаевский получает у него в институте больше всех [434 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 78. Письмо Николаевского Церетели 1925 года.].

В первые годы эмиграции Николаевский был еще и официальным представителем Русского заграничного эмигрантского архива в Берлине (сам архив располагался в Праге). Оттуда он также получал оплату в размере 200 марок в месяц [435 - Там же. С. 32.].

Как лицо, располагавшее авторскими правами, Николаевский требовал, чтобы за каждую публикацию ему выплачивали гонорар. Во многих случаях советская сторона уклонялась от уплаты или же стремилась отделаться низкими, порой смехотворными суммами. Борис Иванович был настойчив. Ему не раз приходилось напоминать и о неполучении гонораров, и о «забывчивости» в переводе денег за купленные для ИМЭ книги и документы [436 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 17.]. Однажды ему пришлось даже напомнить институту о том, что гонорары, которые ему следовали, но которых он не получил, необходимы для лечения [437 - Там же. Ед. хр. 35. Л. 123.]. В результате он обладал средствами, достаточными для пополнения собственного архива и библиотеки и для оплаты труда секретаря.

Николаевский позволял себе скромный летний отдых в горах или на море, обычно в компании друзей. Однажды вместе с Церетели и Анной Михайловной Бургиной (о ней мы еще расскажем) он отдыхал во французских Каннах, избрав, правда, самый дешевый пансион [438 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 205 и др.]. Он писал В.Л. Бурцеву в августе 1927 г.: «Море было так хорошо, месяц отпуска так короток, что о делах совсем не хотелось думать» [439 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 29.].

Материальное благосостояние Бориса Ивановича в 20-х годах никак не следует переоценивать. Только в начале 1927 г. он смог позволить себе купить пишущую машинку – инструмент, весьма недешевый в то время, но крайне необходимый для человека, проводившего массу времени за письменным столом, создававшего собственные произведения, ведшего обширную переписку. С чувством гордости он информировал Рязанова: «Пишу Вам уже на машинке, о приобретении которой сообщил позавчера, и прошу быть снисходительным к моим промахам на этом новом для меня поприще – они тем более простительны, что и сама машинка еще требует ремонта» [440 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 12.].

При всей ограниченности своих материальных средств Борису Ивановичу даже удавалось материально помогать остававшимся в СССР матери и другим родственникам, о чем свидетельствует недавно изданная его переписка с Евдокией Павловной Николаевской (точнее, 122 сохранившихся письма матери сыну за период 1922–1935 гг.). В свою очередь, мать и другие родственники оказывали Борису Ивановичу посильную помощь – посылали необходимые журналы и книги, вырезки из газет, делали нужные ему выписки, что прослеживается почти во всех материнских письмах. Более того, в руках родных оказались два чемодана с книгами, документами и дневниковыми записями Николаевского. Один из них был в 1921 г. конфискован ГПУ при аресте и возвращен в начале 1925 г. по ходатайству Рязанова, к которому Николаевский специально обращался по этому поводу [441 - Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент: Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биографический очерк. Документы. М.: Academia, 1996. С. 226.]. Второй чемодан обнаружил брат Николаевского Владимир «в рухляди». О том, какие исторические ценности там находились, свидетельствует подробная опись, содержащаяся в письме матери сыну от 27 января 1927 г. Там были не только письма родных и друзей, но и деловые записки, записные книжки, конспекты книг, рукописные воспоминания, карточки с записями, письма из Московской центральной тюрьмы и многое другое. «Возилась с разборкой три дня», – писала Евдокия Павловна [442 - Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. С. 119–120.] сыну.

Борис с глубоким вниманием и почтением относился к своей многострадальной матери,

рано потерявшей мужа, пережившей двоих сыновей (кроме Всеволода, погибшего вместе с отцом, в 1922 г., вскоре после отъезда Бориса Ивановича в Берлин, скончался его младший брат Виктор). Гуль вспоминал, что он как-то стал свидетелем начавшегося, но сразу оборвавшегося и так и не состоявшегося телефонного разговора Бориса Ивановича с матерью:

«Я был в его комнате, когда он ждал звонка от матери из Москвы, помню его страшное волнение, когда он, услышав голос матери в трубке, кричал в телефон каким-то надтреснутым, готовым перейти в плач голосом: «Мама, это я, Боря!» Разговор не то из-за плохой слышимости, не то «из-за чего-то другого» – оборвался. Думаю – из-за «чего-то другого» [443 - Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. III. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 158.]

Письма, адресованные матери, не сохранились, но из ее корреспонденций видно, какие доверительные отношения сохранялись между Евдокией Павловной и сыном Борисом, как заботливо, несмотря на внешнюю строгость и подчас даже показную сухость, относились они друг к другу. Письма обычно начинались словами «Здравствуй, Боря!» и завершались подписью «Мать». Лишь изредка прорывались очень скупые слова нежности. Гуль, который, по его словам, переписывался с Николаевским чуть ли не ежедневно (правда, экспансивный Гуль был склонен к преувеличениям), рассказывает, что «Борис Иванович как-то показал мне фотографию матери – женщины с типичным русским хорошим лицом. Он ее очень любил» [444 - Там же. С. 132, 158–159.]

Письма Евдокии Павловны были важны сыну не только как ниточка связи с семьей, с домом, не только как «отчеты» о выполнении его заданий, но и как свидетельства очевидца – интеллигентной и критически настроенной, весьма наблюдательной женщины, которая подчас замаскированно, а большей частью почти открыто писала ему о своих впечатлениях – социальных и политических, часто негативных по отношению к советской власти. «Настроения от окружающего почти тождественны с моими и кладут уныние, – писала она 12 февраля 1924 г., пересказывая письмо от родных, полученное из Оренбурга. – Москва в большом размере переживала траурный период, хотя я, кроме Покровки, ничего не видела. Еще до сих пор украшены балконы уже поблекшими от непогоды полотнищами, но угар проходит» [445 - Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. С. 79.] (а это – описание ее впечатлений от похорон Ленина).

Через пять лет, 1 мая 1929 г., Евдокия Павловна рассказывала в письме сыну о праздновании Первомая: Красная «площадь частично огорожена забором, где идет работа склепа (строительство нового, гранитного мавзолея Ленина. – Ю.Ф. и Г.Ч.), а оставшаяся часть насыщена плакатами, лозунгами и вообще ярка и криклива; улицы сильно засорены после толпы. Из окна квартиры видела аэропланы, войска, пушки, грузовики, набитые людьми, и лавины участников» [446 - Там же. С. 180–181.]

В том же 1929 г., названном Сталиным «годом великого перелома», вскоре после январской высылки из СССР Троцкого, на фоне продолжающихся арестов и ссылок его сторонников, среди которых был видный журналист А.К. Воронский, автор мемуаров «За живой и мертвой водой», посвященных его ссыльным мытарствам в царское время [447 - Воронский А. За живой и мертвой водой. М.: Круг, 1927. Современное издание: М.: Рупо, 2008. Т. 1–2.], 25 февраля Евдокия Павловна писала сыну: «Экскурсирующие люди не у дел, отправились дальше границ» (это о высылке Троцкого). «Старик Воронский, остряк обыватели, пустился в путь-дорогу «за живой и мертвой водой» вторично, на закате своей жизни» (это о ссылке Воронского).

Экономические впечатления этого года подробно описывались 21 мая: «В вольной [свободной] продаже мяса нет, а масло и яйца по двойной цене... Сварила к обеду гороха с свиным салом, цена кот[орого] 1 р. 20 к. фунт. Сама я лично питаюсь молоком и винегретом. Яйца стали роскошью. Ждут еще ухудшения рынка... В довершение всех этих неурядиц у меня стащили из кармана хлебную книжку, которая теперь играет большую роль в жизни обывателя, даже больше паспорта». Так Николаевскому стало известно о введении в городах СССР продовольственных карточек.

12 октября в письме возникла новая, весьма острая тема – кампания по переходу по решению ЦК ВКП(б) на так называемую «непрерывную производственную неделю», которая завершилась введением рабочей «пятидневки», до предела запутавшей общественную и личную жизнь людей, лишившую их общих выходных дней. Евдокия Павловна писала: «Жизнь все суживается. Все переходит на непрерывность... Все работники проводить свои отдыхи будут в одиночку, посмотрим, что выйдет... Я что-то плохо понимаю эту систему. По-моему, аракеевичина, военные поселения старых времен. Кабала для свободных граждан и в свободной республике».

Весьма невеселым итогом социальных впечатлений были слова в письме от 13 января 1931 г.: «Многое хотелось бы написать, но берет опаска. Сдержанно писать не могу, иносказательно не умею, вот и молчу».

Вдову священника особенно удручали грубые и бесцеремонные антирелигиозные кампании. Эта тема затрагивалась в массе писем, хотя и очень кратко, сдержанно. Вот несколько примеров. 15 апреля 1928 г.: «Перед Пасхой поднята была агитация антирелигиозная, все двинуто на этот фронт. В результате сегодняшняя ночь прошла везде словно пир во время чумы». 6 января 1930 г.: «Сегодня сочельник старого Рождества, многие празднуют, а учащиеся и организации устраивают по улицам карнавал с факелами, группа прошла и по нашей улице... Многие церкви заняты картофелем. Читала об устройстве в храме Христа антирелигиозного музея». 15 января того же года: «Карнавал у нас был в ночь под Рождество, только имел он иную цель, а именно антирелигиозную. Мы не веселимся и не отдыхаем, а все работа и забота» [448 - Николаевская Е. Жизнь не имеет жалости. С. 179, 187, 191–192, 213, 199, 202.].

Чрезвычайно интересен отклик Николаевской на опубликованную в «Известиях» статью Горького, посвященную 10-летию Октября, и на вторую его статью, опубликованную там же 25 декабря 1927 г. Это был взгляд на нового Горького, совершенно не похожего на автора «Несвоевременных мыслей» 1917 г. [449 - Ким А., Ненароков А. Чутьем сердца // Там же. С. 37–40.] Если в первой статье содержались безудержные восхваления социальных перемен, достигнутых большевиками, и игнорировался реальный характер коммунистической тирании, то второе выступление было ответом на критику этой статьи, в частности в «Социалистическом вестнике», где Ф.И. Дан едко и обоснованно «высек» писателя. Горький в хамском тоне адресовал ответную статью «анонимам и псевдонимам», причем адресовал ее «не для полемики, а для поучения». Вот что писала Николаевская по этому поводу:

«В «Известиях» от 25 дек[абря] помещено письмо Горького, которое показывает сторону довольно несимпатичного горьковского «Я», нисколько не делает ему чести и скорее похоже на провокацию. Мне б хотелось знать твой взгляд на это? Думаю, что ты прочитаешь. Все написанное в письме можно было бы выразить иначе, без злобы, более объективно, а так написанное оно будто подтверждает то, что хочет опровергнуть» [450 - Там же. С. 154.].

Это была весьма точная оценка, ибо статьи Горького свидетельствовали о начавшемся его повороте к служению советской власти и ее вождю Сталину, постепенно становившемуся абсолютным диктатором, что видел и готов был принять Горький.

Разумеется, в письмах матери было очень немного фактического и тем более аналитического материала, который можно было бы использовать для изучения советской действительности и прогнозов. Но они являлись важным выражением общественных настроений определенной среды, близкой Николаевскому, и вооружали его действенным эмоциональным зарядом для определения направлений работы, для обобщений и выводов, для того чтобы занять ту или иную позицию в Заграничной делегации, и в какой-то степени влияли на ход его политологического и социологического анализа ситуации в СССР. Борис Иванович опасался, что откровенность матери в письмах, проходящих через советских цензоров, может доставить ей, да и другим родным, немалые неприятности. Он жаловался Церетели: «Я буквально в каждом письме ее прошу об осторожности, – ничего не помогает» [451 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 358.].

Между тем в ходе совместной публикаторской работы между Николаевским и его советскими партнерами возникли существенные разногласия, связанные с оценками социал-демократических течений. Если берлинский представитель настаивал на взвешенном и хотя бы отчасти объективном подходе, а тем более на публикации документов без изъятия и купюр по политическим соображениям, то московское руководство придерживалось прямо противоположной позиции. Оно стремилось представить всю историю РСДРП со времени ее зарождения как прямолинейный и закономерный путь к полной и неизбежной победе большевизма.

В своих письмах Рязанову, Ангарскому и другим лицам Николаевский выражал постепенно угасавшую надежду на возможность публикации в СССР действительно объективной исторической литературы. Он предлагал подготовить хрестоматию по истории российского революционного движения именно с таким набором материалов, выражал сомнения по поводу принадлежности Ленину некролога, посвященного Энгельсу, написанного еще в 1896 г., указывал на необходимость использования при подготовке собрания сочинений Ленина комплекта «Искры» с многочисленными пометками Мартова, причем прибавлял, что комплект этот «в России и запрятан далеко, так что без меня его не найти» [452 - Ненароков А. «Письма – исторический документ...»].

По всей видимости, комплект этот хранился в одном из двух чемоданов бумаг Николаевского, вместе с вырезками статей о Плеханове, которые Николаевский предлагал передать в ИМЭ в 1926 г., ибо в ответном письме по этому поводу говорилось:

«За получение имеющихся у Вас в Москве вырезок статей о Плеханове мы будем Вам очень благодарны. Сообщите, что из книг Вы желали бы получить взамен» [453 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 17.].

Эти вырезки были настолько важны, что через несколько дней в письме из Москвы выражалось беспокойство тем, что они еще не получены [454 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Л. 26.]. А еще спустя две недели сообщалось:

«Нам принесли на днях (вероятно, от Вашей матери) пакет с вырезками о Плеханове. Благодарим Вас за них, они дадут нам возможность восполнить существенные пробелы нашей коллекции» [455 - Там же. Л. 32.].

В письме Ангарскому 8 февраля 1924 г. Николаевский преподнес урок научной

объективности, напоминая, что при встрече он «указывал, что письма – исторический документ; что их нужно печатать как таковые, но возможно ближе к оригиналу, избегая всех сокращений, кроме самых необходимых»; он настаивал, что «эти сокращения совершенно недопустимы там, где речь идет об оценках политической деятельности фракций или отдельных лиц; что только там, где затрагивается человек как человек, – только там возможно (и то сугубо осторожное) сокращение текста» [456 - РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 50. Ед. хр. 116. Л. 1; Ненароков А. «Письма – исторический документ...»; Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 534–538.].

В журнальных публикациях Николаевского, считавшегося в СССР лицом с неблагонадежной репутацией, его подлинная фамилия и даже инициалы с течением времени упоминались все реже и реже. Через много лет в ответ на упреки в содружестве с большевистскими властями Борис Иванович вынужден был подробно объяснить, что он руководствовался при этом одним принципиальным требованием – донести до читателя неискаженную истину о различных тенденциях российского революционного и социалистического движения:

«Мне, конечно, приходилось считаться с цензурными условиями, но я всегда писал только то, что считал правильным и никогда не написал ни одной фразы, которая содержала бы элементы прославления диктатуры» [457 - Николаевский Б.И. Об общественном и личном. (Вынужденный ответ Н. Ульянову) // Социалистический вестник. 1960. № 11. С. 220–224.].

В ходе контактов как с советскими учреждениями и деятелями, так и с коллегами по эмиграции, внимательно наблюдая за эволюцией советско-большевистского режима, Николаевский постепенно убеждался в невозможности мирной, постепенной демократизации установленного в России строя, на что рассчитывало официальное руководство меньшевистской эмиграции во главе с Даном. В основном этим, а также некоторыми личными особенностями Дана объяснялось все большее охлаждение во взаимоотношениях между ними. Обычно сдержанный Николаевский отзывался о Дане все более резко. В марте 1929 г. он писал Церетели, что в его, Дана, «полемике, – и на собраниях, и в прессе, – никогда нет желания поймать сильную сторону взглядов противника, сделать такие возражения, кот[орые] были бы убедительны для этого последнего, если он вдумается в существо вопроса. Он всегда думает только о внешней победе, о привлечении на свою сторону тех, кто не вдумывается в существо. Какое несчастье для рус[ской] с[оциал]-д[емократии], что в такой ответственный период ее лидером является такой человек!» [458 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И. Церетели. Вып. 1. С. 316.]

С течением времени Николаевский «правел», то есть переходил с позиций более или менее примирительного отношения к советской власти к категорическому отрицанию возможности конструктивного сотрудничества с нею, приближаясь к право-меньшевистским группам, в частности к сугубо антибольшевистским взглядам А.Н. Потресова.

В конце 20-х годов, по мере завершения своего рода «переходного периода» к зрелому тоталитаризму, идеологический контроль над публикациями, тем более связанными с господствовавшими в СССР догмами «марксизма-ленинизма», все более усиливался. Своего рода качественным рубежом было празднование в 1929 г. 50-летия Сталина, в основном завершившее его превращение в «вождя и учителя» [459 - Подробно периодизация советского тоталитаризма рассмотрена в книге: Чернявский Г. Тень

Люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма. Харьков: Око, 2003.]. Эти изменения непосредственно отразились на судьбе публикаций Николаевского в СССР. Вначале он еще пытался сопротивляться политической цензуре, которой подвергались его работы, доказывал, что вмешательство в их текст означает элементарную фальсификацию. Если с его возражениями по поводу купюр в документальном тексте вначале иногда соглашались, то со временем купюры в предисловиях и внесение в них идеологических изменений становились делом обычным.

Николаевский предупреждал, что происходящее приведет к отказу живущих на Западе авторов предоставлять свои материалы для публикации в СССР. Он ссылаясь, в частности, на Фридриха Адлера, лидера австрийской социал-демократии, который заявил, что передаст советской стороне документы II Интернационала только в том случае, если при публикации их не будут сопровождать комментарии, направленные против партий, входивших в Интернационал, и отдельных его деятелей. Однако такого рода предупреждения лишались всякого смысла, ибо вначале изредка появлявшиеся высказывания, в том числе и Сталина, о социал-демократии как умеренном крыле фашизма или как о социал-фашизме, становились все более частыми и вошли в официальную фразеологию, не просто поощряемую, но декретируемую Кремлем. В результате вначале стали свертываться советские контакты с зарубежными владельцами архивов, а в 1930 г. правление СДПГ расторгло договор с ИМЭ об использовании и публикации в СССР немецких документов Маркса и Энгельса ввиду того, что их издание сопровождалось «антисоциал-демократическими предисловиями и комментариями» [460 - Крылов В.В. Его страстью был архивизм. С. 32.].

Начиная с 1928 г., работы Николаевского в СССР публиковались редко. В портфеле ИМЭ накапливалось все больше его статей. Если сохранится существующий темп публикации, жаловался автор директору института, то представленного материала, хотя пишется он только с предварительного согласия редакций, хватит лет на десять. Посланные статьи «систематически предаются грызущей критике мышей, и моя работа пропадает без всякой пользы» [461 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 103.].

Борис Иванович ощущал, что сотрудничество с советскими учреждениями подходит к концу. В конце 1930 г. был арестован его брат Владимир, женатый на сестре А.И. Рыкова, как раз в это время снятого с поста председателя Совнаркома за «правый уклон». «Мечтаю только об одном: чтобы увольнение не последовало до 1 января, – писал Николаевский Церетели. – Тогда должны будут по правилам выплатить жалованье по 1 июля. Вопрос о новом заработке будет все же тяжел, но время для поисков будет достаточное» [462 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 492.].

Хотя бы в этом отношении имела место удача: Николаевский был «уволен» с должности представителя Института Маркса и Энгельса в Берлине в начале 1931 г. Произошло это почти одновременно с увольнением с должности и арестом директора института Рязанова. После допросов и следствия Рязанов, обвиненный в связях с политическими противниками советской власти, в том числе с Николаевским, был сослан, а возглавляемый им институт был слит с Институтом Ленина. Новая организация стала называться Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), сокращенно ИМЭЛ.

Для большевистской верхушки Николаевский окончательно стал персоной нон грата. 20 февраля 1932 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление о лишении гражданства

большой группы эмигрантов, 37 человек, занимавшихся «антисоветской деятельностью». Постановление было опубликовано в «Правде», а затем и в других центральных советских газетах и зарубежных печатных органах. Основным смыслом постановления состоял в том, что гражданства были лишены Л.Д. Троцкий и все его родные, находившиеся в тот момент за границей. Но были среди лишенцев и меньшевики, в том числе Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович и Б.И. Николаевский, хотя они являлись фигурами второстепенными и должны были составить только фон, оттеняющий фигуру главного большевистского диссидента.

Для Николаевского, сохранявшего до этого времени, несмотря на эмиграцию, тесную связь с родиной, лишение гражданства означало и моральный, и материальный удар. В то же время в социалистических кругах Европы в среде профессиональных историков нового времени имя Николаевского как вдумчивого автора историко-политических трудов, источниковеда, собирателя архивов становилось все более известным. Об этом свидетельствуют многочисленные получаемые им письма с просьбами о консультациях, об обмене информацией и источниками. На все эти письма исправно шли содержательные ответы. Прося прощения у Церетели за долгое молчание (последнее письмо было написано им за три недели до этого), Борис Иванович 25 декабря 1929 г. жаловался: «Получились настоящие завалы у меня по части корреспонденции, и теперь я с большим трудом от них разгружаюсь» [463 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 374.]. Даже такое официальное лицо, как библиотекарь Государственной библиотеки Латвии и одновременно архивариус Латышской социал-демократической партии Вольдемар Цауне, обращался к Николаевскому с предложениями об обмене печатными изданиями по истории социал-демократии обеих стран [464 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1–3, 5.].

Работы об Азефе

Постепенно усиливались существовавшие с начала 20-х годов разногласия в Заграничной делегации меньшевиков. В марте 1930 г. разразился скандал между Даном и Церетели. 15 марта в докладе перед русской эмиграцией в Париже Ф.И. Дан заявил, что А.Ф. Керенский и И.Г. Церетели окажутся по разные стороны баррикады на другой день после устранения сталинской власти, ибо Керенский защищает неделимость России, а Церетели, отстаивая независимость Грузии, относится к числу сторонников ее распада. Церетели с полным основанием воспринял заявление Дана как личный выпад, хотя объективно ничего криминального в защите самоопределения Грузии не было. Взаимоотношения его с Даном испортились. Сторонник самоопределения наций Николаевский и в силу своих убеждений, и по личным соображениям поддержал Церетели. В результате Дан утратил большинство в Заграничной делегации и обвинил в этом Николаевского и Церетели, который, будучи политическим деятелем независимой Грузии и грузинским эмигрантом, в состав меньшевистской делегации не входил [465 - Федор Ильич Дан. Письма (1899–1946) / Ред. Б. Сапир. Amsterdam: Stichting Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1985. С. 395–396.].

Символично, что именно в 1932 г. Николаевский выпустил первую свою крупную монографическую работу, посвященную Е.Ф. Азефу, рассматривая его как провокатора.

Для книги автор использовал все доступные в то время материалы, в частности собранные им в свое время сенсационные открытия Бурцева и бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина. Книга вышла на немецком языке, а через два года была переиздана в США на английском [466 - Nicolaevsky B. Asef: Die Geschichte eines Verrats. Berlin: Verlag der Bücherkreis, 1932; Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. Берлин: Петрополис, 1932; Nicolaevsky B. Asef the Spy: Russian Terrorism and Police Stool. New York: Doubleday, 1934.]. Американскому изданию способствовал русский эмигрант Михаил Михайлович Карпович, проживавший в США с 1917 г. Историк по специальности, он вначале был секретарем российского посла Б.А. Бахметьева, с 1924 г. работал в Нью-Йорке, а с 1927 г. – в Гарвардском университете, где быстро продвинулся и стал деканом славянского факультета. С 1933 г. Николаевский переписывался с Карповичем, причем переписка была начата именно с обсуждения практических вопросов издания книги об Азефе. Борис Иванович хотел, чтобы перевод сделали не с немецкого издания, сильно сокращенного, а с существенно дополненного русского варианта. Он собирался, кроме того, предоставить издателям фотографии документов. «Мне передавали, – писал он Карповичу, – что у Вас в Америке это особенно ценят» [467 - Columbia University. Rare Books and Manuscripts Library. Bakhmetieff Archive. Mikhail Karpovich Collection (далее: Mikhail Karpovich Collection), box 2.]. Можно полагать, что в основном книга была завершена в начале осени 1931 г., ибо введение было датировано 15 октября.

Эта работа весьма важна в научном творчестве Николаевского и в российской историографии политического развития страны в начале XX в. На ней следует поэтому остановиться обстоятельно. Мы уже упоминали, что еще в период пребывания на родине, во время обследования архивов полицейского департамента царской России, Николаевский внимательно собирал документацию, связанную с Азефом. Видимо, замысел написать работу о нем начал созревать уже в то время. Находясь в эмиграции в Германии, Борис Иванович подготовил вначале статью о своих поисках [468 - Б.Н. Новое об Азефе // Социалистический вестник. 1925. № 5. С. 3–6.], а затем небольшую работу «Конец Азефа», которую удалось опубликовать в СССР [469 - Николаевский Б.И. Конец Азефа. Ленинград: Госиздат, 1926.].

Одним из важных источников книги явились воспоминания бывшего генерал-майора Жандармского корпуса А.В. Герасимова, который в свое время курировал Азефа, а теперь проживал в Берлине. Николаевский познакомился с Герасимовым, вызвал его на откровенные разговоры, в некоторых случаях подкрепляемые бумагами из личного архива. Бывший генерал не разрешал дословно записывать его рассказы, рассчитывая, что он сам сможет опубликовать свои воспоминания. Николаевскому приходилось вытягивать из него информацию, чтобы, прибежав домой, тотчас записать на бумагу.

В середине 20-х годов Николаевский смог разыскать бывшую сожительницу Азефа – эстрадную певицу, которую он называл инициалом N, и получить от нее часть личной документации Азефа – в основном его переписку с N. Об этой своей находке Николаевский рассказал читателям «Социалистического вестника». Значительно более ясной становилась последняя часть жизненного пути Азефа – после его отхода от эсеров и охраны в результате разоблачения. Он разбогател, проводил много времени в путешествиях, однако во время Первой мировой войны был арестован (интернирован) в Германии и провел в заключении несколько лет [470 - Б.Н. Новое об Азефе // Социалистический вестник. 1925. № 5. С. 3–6.]. Азеф жил под вымышленным именем, и

немцы, видимо, арестовали его в превентивном порядке как русского гражданина. Они не знали, что арестовывают важного сотрудника российского охранного отделения, за которым охотятся все русские террористы. А раскрыть себя Азеф никому не мог, так как это было равносильно самоубийству.

Впрочем, об истинной роли Азефа тогда не догадывался еще даже его добросовестный биограф Николаевский, охотно делившийся своими находками со всеми хорошими знакомыми. Зная, что Гуль задумал об Азефе роман, Николаевский давал ему возможность не только читать заметки, написанные после бесед с Герасимовым, но и позволил использовать их в будущем произведении. Гулю запомнился рассказ Герасимова о его предложении главе правительства России П.А. Столышину легализовать все российские политические партии, за исключением террористических. Николаевский, по словам Гуля, спросил Герасимова, почему же этот план не воплотился в жизнь. Старик с досадой махнул рукой и проговорил: «Камарилья в зародыше удушила» [471 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. III. С. 153–154.].

С работой Николаевского об Азефе в рукописи познакомился Горький. Он писал Николаевскому 19 июля 1925 г.:

«Ужасна, потрясающе отвратительна эта фигура, облик которой Вы, Борис Иванович, осветили светом, окончательно решающим все споры, все недоумения, вызванные проклятым торговцем героями и палачом их. Теперь об Евно Азеве [472 - Так у Горького.] можно забыть, – он расплавлен в кучу грязи, в жирное, темное пятно, которому память не хочет дать места в себе; по крайней мере – моя память».

Можно не согласиться с тем, что Горький называл героями террористов, но, очевидно, книга Николаевского произвела впечатление на писателя, весьма требовательного к слову и часто отвергавшего исторические тексты, казавшиеся ему слишком сухими:

«Я так поражен показанной Вами оголенностью этого мещанина, что несколько растерялся и не знаю, что сказать? Да и что скажешь об этом символе мещанства, о существе, которое ради физиологических наслаждений со своей любовницей продавал людей, которые любили его, их врагам на смерть и каторгу? Compliments Вам за эту работу я не стану говорить. Вы сами понимаете ее глубочайшую важность» [473 - Русский Берлин. С. 402–403.].

Горький написал предисловие к книге, но оно в издание не было включено, так как Николаевский не согласился с той оценкой Азефа, которая прослеживалась уже в письме Горького. Сводить личность Азефа к похоти и сексуальным удовольствиям автор биографии полицейского агента считал неправильным. Он видел в Азефе значительно более сложную фигуру.

В конце своей жизни Николаевский писал советскому литературному критику, литературоведу, искусствоведу и коллекционеру И.С. Зильберштейну, что Горький сделал предисловие «очень для меня лестное, но я его тогда решил не печатать, так как политически разошелся с Горьким» [474 - Литературная газета. 1967. 19 апреля.]. Видимо, уже к этому времени под воздействием эволюции Горького, становившегося во все большей степени рупором сталинизма как за рубежом, так и в СССР, Николаевский стал относиться к действительно выдающемуся писателю, которого ранее чуть ли не боготворил, сдержаннее. Позже, в 60-х годах, готовя к печати обширную публикацию документов о внутреннем положении в российской социал-демократии после революции 1905–1907 гг., Николаевский весьма критично отзывался о политической деятельности Горького уже в те годы [475 - NC, box 252, folder 4.].

Работа над первой книгой, посвященной Азефу, привела к новому контакту, правда заочному, с еще одним крупным русским писателем – Марком Александровичем Алдановым, мастером исторического романа. В фундаментальной серии произведений, охватывавших полтора века российской истории – от Екатерины Второй до Ленина, – Алданов проявил поразительную осведомленность и эрудицию. Сохраняя все особенности художественного произведения, писатель оставался крайне придирчивым к общей канве фактов. Алданов так и не получил Нобелевской премии, на соискание которой его выдвигал И.А. Бунин, но сам факт выдвижения, притом литератором такого уровня, как Бунин, стоил многого. Николаевский, впрочем, не считал Алданова выдающимся мастером художественного слова.

В конце 1929 – начале 1930 г., задумав написать очерк об Азефе и зная книгу Николаевского, вышедшую в Москве, Алданов написал Николаевскому как эксперту два письма. Во втором письме, от 14 января 1930 г., он писал Борису Ивановичу, что в литературе «главное и лучшее» – это его «превосходная работа «Конец Азефа». «Я буду о ней говорить, – писал Алданов, – не сходясь с Вами, однако, в понимании психологии Азефа».

Алданов не только просил Николаевского поделиться документами, но спрашивал, сможет ли он встретиться с Николаевским, приехав в Берлин; согласится ли его принять и поговорить с ним бывший жандармский генерал-майор А.В. Герасимов, под началом которого в свое время служил властям Азеф; интересовался, есть ли ошибки в воспоминаниях Бурцева о разоблачении им Азефа [476 - НС, box 471, folder 19; «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А. Алданова и Б.И. Николаевского / Публ. О. Будницкого // Источник. 1997. № 2. С. 58–59.].

На это письмо Николаевский ответил немедленно – 17 января. Он испытывал неловкость из-за того, что до сих пор не отреагировал на первое письмо Алданова, объясняя свою неаккуратность крайней загруженностью проектом по переводу своего архива из одного помещения в другое (впрочем, в том же здании правления Социал-демократической партии Германии). Примерно 10 тысяч томов надо было перенести, а «перевозочными средствами были спины моя и мобилизованных мною добровольцев».

Письмо показывало то, как скрупулезно работал Николаевский над собиранием устных воспоминаний. О Герасимове, с которым планировал встретиться Алданов, Николаевский писал, что тот «интересный и умный человек. Его не всегда удается вызвать на интересный разговор – то есть интересный в смысле открытости. Мне приходится совершать к нему частые визиты с тем, что каждый раз вытаскиваешь только одну-две детали из закоулков «мира мерзости и запустения». Если хотите, мы можем сходить к нему вместе. Писатель он «никакой», но для бесед это чтение дает много зацепок» [477 - А.В. Герасимов в это время вел бухгалтерию в ателье дамского платья в Берлине, которое содержала его жена. Время от времени он выступал в русской прессе. В 1934 г. была издана на немецком его книга воспоминаний (*Gerasimov A. Kampf gegen die erste russische Revolution: Errinungen. Frauenfeld: Huber & Co, 1934*). Через много лет она была переиздана на русском в серии «Всероссийская мемуарная библиотека», основанной А.И. Солженицыным (Герасимов А.В. *На лезвии с террористами. Париж. ИМКА-Пресс, 1985*).]. Говоря о мемуарах Бурцева, Николаевский признавался, что в деталях их не проверял, но высказал общее суждение:

«В основном они верны. В деталях же, наверное, есть ошибки, вернее субъективности, без которых не может обойтись ни один мемуарист. Их обнаружить можно только при

тщательном сопоставлении их с показаниями других свидетелей-очевидцев» [478 - НС, box 471, folder 19; «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А. Алданова и Б.И. Николаевского. С. 60–61.].

Переписка продолжалась и после состоявшегося в Берлине свидания Николаевского и Алданова. Во время встречи Николаевский щедро поделился с писателем своими документальными находками. Алданов в ответ рассказал о работе над очерком. «Вы теперь располагаете документами, наиболее необходимыми для выяснения вопроса, и Ваша работа, даже в смысле ее новизны, конечно, будет во много раз ценнее того, что опубликовано об Азефе в России», – писал Николаевский 25 января 1930 г. При этом он предостерегал от преувеличения «национальной» специфики «азефовщины», подчеркивал, что провокаторство – не чисто русское явление, что подобные казусы бывали у немцев, поляков и других народов [479 - Там же. С. 60, 64–65.].

Эта переписка и особенно последнее письмо Николаевского свидетельствуют об одной поистине уникальной особенности личности историка. Работая над определенной проблемой, он не претендовал на какую бы то ни было монополию. Более того, он охотно делился с другими авторами найденным им ценным материалом, не видя в них конкурентов, хотя конечно же соперничества не могло не быть. Архивные и мемуарные находки он считал общим достоянием того круга «посвященных», который стремился к серьезному анализу, не гнался за сенсациями, пытался разобраться во внутреннем существе изучаемых явлений и событий.

Интерес к личности Азефа привел к установлению контактов и довольно обширной переписке, начавшейся, судя по сохранившимся документам, в 1924 г., с главным «разоблачителем» Азефа В.Л. Бурцевым. В ряде случаев Николаевский консультировался с Бурцевым, хотя и относился к нему весьма критически. Бурцев же ценил научные поиски и труды своего корреспондента весьма высоко, внимательно читал его статьи и книги, благодарил, даже высокопарно, за посылаемые номера «Социалистического вестника». «Я всегда что-то родственное вижу в Ваших изысканиях и читаю их с величайшим вниманием, – писал он 9 июля 1924 г. – Долгие годы при самых ужасных условиях я посвятил изучению того, что изучаете Вы теперь. Но Вы изучаете теперь при иных условиях, чем это приходилось делать мне» [480 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.].

Через год, делясь впечатлениями от чтения документального сборника, изданного Николаевским, Бурцев продолжал восторгаться: «Не могу не сказать Вам: хорошо! Говорю «хорошо» как человек, любящий бесконечно историю и привыкший беспрестанно изучать «добро и зло, управу государей, угодников, святые чудеса» [481 - Там же. Л. 4.].

Будучи человеком искренним, Борис Иванович откровенно высказывал Владимиру Львовичу свои суждения о его исторических взглядах: «По-моему, у Вас совершенно нет перспективы. Деп[артамент] пол[иции] о большевиках был, конечно, хорошо осведомлен, но осведомлен он был и о всех других револ[юционных] и оппозиц[ионных] партиях, и если встать на Ваш путь, то придется все революц[ионные] движения объявить интригой Зубатова и Белецкого... [482 - Жандармские деятели, пытавшиеся создать проправительственные рабочие организации, финансируемые властями.] Еще более необоснована Ваша вторая теза – о немцах: ведь Вы и сами видите, что до сих пор Вы не привели ни одного аргумента в ее защиту – не высказали ни одной хотя бы минимально исторически обоснованной догадки» [483 - ГАРФ. Ф. 9217. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 27. На этот раз речь шла о финансировании большевиков из германской казны. Этот факт получил

полное подтверждение в документации, обнаруженной позже самим Николаевским, о чем будет идти речь, и другими исследователями.], – писал Николаевский Бурцеву 27 июня 1927 г.

Николаевский не считал «Конец Азефа» завершением своего исследования и в последующие годы продолжал кропотливо собирать материал, общаться с теми эмигрантами, которые так или иначе с Азефом сталкивались, проверять сообщаемые ему сведения и устные воспоминания, подбирать документы. В результате появился труд, который до настоящего времени остается наиболее полным, ценным и достоверным исследованием этой личности. Введение «От автора» сразу же погружает читателя в сложнейшую, запутанную машину провокаторства как метода борьбы против революционного движения в странах без политических свобод или с весьма ограниченными свободами. Россия в этом смысле, как показывал автор, не была уникальной. Но если в других странах провокация не создала прочной традиции, то продолжавшаяся в России в течение столетия правительственная борьба против революционного движения породила систему, над разработкой которой бились лучшие головы полицейского сыска. «Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно Россия дала миру и тот конкретный пример провокации, которому суждено войти в историю в качестве классического примера провокации вообще» [484 - Николаевский Б. История одного предателя. 1932. С. 5.]. Таким классическим примером Николаевский считал казус Азефа. «Действуя в двух мирах, – в мире тайной политической полиции, с одной стороны, и в мире революционной террористической организации, с другой, – Азеф никогда не сливал себя целиком ни с одним из них, а все время преследовал свои собственные цели и соответственно с этим предавал то революционеров полиции, то полицию революционерам. В одних этих мирах его деятельность оставила заметный след».

Простим автору противоречивость оценки – ведь далее идет анализ, кропотливый и тонкий, именно индивидуальности, уникальности Азефа, сквозь призму личности и деятельности которого на обоих уровнях – антиправительственном и полицейском – прослеживались перипетии революции 1905–1907 гг. и нескольких следующих лет. Не будем указывать и на те выводы, к которым Николаевский придет много позже, можно считать, под конец жизни: что Азеф был честным агентом российской полиции, дотошно сообщавшим руководству о всех готовившихся террористами операциях; что безголовое полицейское начальство не всегда умело предотвращать теракты; а когда выяснилось, что основные провалы эсеровской партии связаны с наличием в ее верхушке полицейского агента, умный Бурцев придумал обозвать революционный провал правительственной провокацией и создать видимость, будто само правительство допускало теракты.

В основе работы Николаевского лежали дела Департамента полиции Российской империи, судебных следователей, в том числе следователей Чрезвычайной комиссии, созданной Временным правительством в 1917 г. и проводившей специальное расследование обстоятельств, сопутствовавших «предательству» Азефа. Не менее важными являлись устные и письменные «показания» лиц, которые в то или иное время, по тем или иным причинам были связаны с Азефом. Среди них – лидеры эсеров В.М. Зензинов и В.М. Чернов, один из руководителей партии кадетов П.Н. Милуков, бывший раввин Москвы Мазе и многие другие. Особняком стояли сведения бывшего начальника охранного отделения Петербурга А.В. Герасимова, который после изрядных колебаний все же познакомил Николаевского со своими неопубликованными мемуарами.

Небезынтересно, что среди источников «личного происхождения» были и анонимные. Одну группу поступлений автор назвал материалами уже упомянутой выше госпожи N (ее идентичность так и не была полностью раскрыта, хотя сообщалось, что она, по происхождению немка, была известной петербургской кафешантанной певицей). Это была одна из многолетних возлюбленных Азефа. У нее сохранились переписка с Азефом и его тюремные тетради. Был источник, вообще Николаевским не названный. Он касался места хранения парижского архива Азефа.

Николаевский в полной мере отдавал себе отчет в субъективном характере свидетельских показаний и стремился подвернуть их перекрестному контролю. Он признавался, что подчас реализовать эту задачу оказывалось невозможно. В таких случаях приходилось проверять свидетельства только на основе собственной логики, знания контекста событий и исторической эрудиции.

По своему стилю, по манере подачи фактического материала книга носила научно-популярный характер. В ней было немало почти беллетристических фрагментов, вплоть до диалогов «действующих лиц». Открывалась она не с хронологически естественного момента – «зари туманной юности» будущего знаменитого «провокатора», его детских и юношеских лет, его нравственного и политического формирования, а с эпизода, произошедшего через многие годы, с «разговора в поезде», с беседы, содержание которой было подтверждено обеими сторонами: бывшим директором Департамента полиции А.А. Лопухиным и редактором журнала «Былое» В.Л. Бурцевым, известным своими сенсационными раскрытиями полицейских агентов. Во время этого разговора в поезде Бурцев, дескать, и заверил Лопухина в том, что ему известно имя «предателя», а Лопухин признал факт сотрудничества Азефа с политической полицией.

Умный и опытный Бурцев, по информации Николаевского (полученной, впрочем, от самого Бурцева), смог разговорить бывшего директора Департамента полиции, который в глубине души стремился к либеральному преобразованию России и презрительно относился к «предателю». Теперь, когда, со слов Бурцева, в поезде «наивный» Лопухин узнал, что «предатель» обманывает не только своих собратьев по партии, но и полицию во главе с ее могущественным начальником Лопухиным, потрясенный и возмущенный бывший глава Департамента полиции выдал своего агента, известного в полицейских кругах под кличкой Раскин, намекнув, что Раскин и один из руководителей Боевой организации партии эсеров, выдавший полиции планы многочисленных терактов, и Евно Фишелевич Азеф – одно и то же лицо.

Далее шел уже традиционный по форме рассказ, как сын бедного портного, еврея из Гродненской губернии, перебиваясь на жалкие гроши, с трудом окончил гимназию, смог торговлей заработать небольшую сумму денег, чтобы уехать учиться в Германию, так как не имел права учиться в России из-за направленных против евреев правительственных ограничений, терпел в Германии голод и холод и с 1893 г. стал «штатным доносчиком» департамента полиции, получая вначале ничтожные, а затем все более значительные «гонорары».

Мы далеки от намерения пересказывать содержание книги, которая ныне широко доступна разноязычной аудитории. Николаевский конечно же не мог знать, да и, наверное, не готов был по политическому и психологическому состоянию своего ума – социал-демократа – предполагать, что Бурцев недоговаривает об одном очень принципиальном моменте. Бурцев не «разговорил» Лопухина. Он умышленно сел в один поезд с бывшим директором департамента полиции. Их «случайная» встреча была

тщательно спланирована Боевой организацией эсеров. Бурцев зашел в купе Лопухина для того, чтобы сообщить ему, что его дочь взята заложником террористами и, если Лопухин не назовет имя полицейского агента в руководстве эсеровской партии, дочь его будет убита. Спасая жизнь своего дочери, Лопухин выдал Азефа. А когда прибыл по назначению, на перроне его встречала ничего не подозревавшая дочь, которую никто не похищал. Шантаж Бурцева оказался банальным блефом.

Отметим некоторые особенности работы Николаевского, помимо уже названного обилия использованного и обработанного документального материала. Прежде всего это конкретность в воссоздании облика Азефа, его характера и других индивидуальных свойств, двойственного к нему отношения со стороны ранних эсеров как в России, так и за границей. В 1894 г. Азеф, уже будучи сотрудником Департамента полиции России, примкнул к Союзу русских социалистов-революционеров за границей, что открыло ему дорогу в число основателей партии эсеров. Он производил впечатление человека энергичного и самоотверженного. «Он был человек осторожный и осмотрительный, – писал Николаевский. – Тем не менее уже тогда вокруг его имени стали ходить неприятные слухи... Многие его уже тогда считали человеком, способным на все, если это ему выгодно. И в самой его внешности многое не располагало к доверию. Некрасивый, рыхлый и грузный, с одутловатым желтым лицом, с большими торчащими ушами, с низким, кверху суженным лбом, с жирными губами и расплюснутым носом, – он многих от себя отталкивал чисто физически, – и это подготавливало почву подозрительного к нему отношения» [485 - Николаевский Б. История одного предателя. 1932. С. 36.].

Может показаться, что в подобной портретной характеристике сказывается заведомая, predetermined неприязнь, но всякий, кто пожелал бы взглянуть на портрет Азефа, который ныне легко обнаружить в Интернете, убедится в том, что это описание полностью соответствует действительности.

Однако не отталкивающие внешние и внутренние особенности вскоре стали определять отношение к Азефу в кругах как революционной интеллигенции, так и полицейского начальства. И там и там, как показал Николаевский на основании массы изученных им документов, он производил благоприятное впечатление своей эрудицией, знанием общих черт и индивидуальных особенностей деятелей посленароднического подполья. Постепенно он сумел добиться доверия к себе как в среде формировавшегося эсеровского движения, как и у полицейских чиновников, особенно когда к руководству политическим сыском пришло не просто новое лицо, а своего рода новатор в этом деле – С.В. Зубатов, провоцировавший экономические выступления рабочих и даже крайние акции революционеров с целью выявления смутьянов и подавления их планов в самом зародыше.

Николаевский детальнейшим образом рассмотрел доклады Азефа Зубатову, которые сами по себе оказались исключительно важным источником для изучения революционного движения в начале XX в., ибо сообщали подчас такую информацию, которая полностью отсутствовала в документах иного происхождения. Перед читателем проходит галерея самоотверженных эсеров – ответственных деятелей, с одной стороны, беспринципных авантюристов – с другой; воспроизводится постепенное оформление подпольных популистских групп в более или менее сплоченную Партию социалистов-революционеров, в создании которой лично Азеф сыграл немалую роль. Николаевский

анализирует сложную игру Азефа, который «часто объединял в одно общее местоимение «мы» себя и полицию [486 - Николаевский Б. История одного предателя. 1932. С. 58.], но и многое утаивал от начальства, понимая, что по своей глупости оно легко может провалить агента.

В книге детально описаны террористические операции, планируемые покушения и убийства, в том числе членов императорской фамилии и высших должностных лиц, которые организовывались под непосредственным руководством Азефа и им же были «выданы» полиции; описаны и сам Азеф, как руководитель Боевой организации эсеров, провалы и возрождение эсеровской организации после подстроенных Азефом провалов и, наконец, со слов Бурцева, разоблачение Азефа Бурцевым, которому лидеры эсеровской партии никак не могли и не хотели поверить до тех пор, пока он не выложил на стол свой последний козырь – свидетельство Лопухина.

Не все авторские оценки бесспорны. Односторонне освещена деятельность знаменитого священника Г.А. Талона – того самого, который повел 9 января 1905 г. столичных рабочих за «милостью» к царю. Сегодня с полным основанием можно сказать, что, как и Азеф, Гапон не был «provocатором», во что по инерции времени поверил (и именно так описал его) Николаевский [487 - Шевырин В.М. Б.И. Николаевский и «герой» его книги // Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991. С. 11.], что это была значительно более сложная личность, бросавшаяся из одной крайности в другую и против своей воли оказавшаяся в полицейских сетях.

Книга завершается внешне бесстрастным, а по сути дела глубоко взволнованным рассказом о том, как ее автор вместе с госпожой N в 1925 г., через семь лет после смерти Азефа, посетил его могилу в Берлине. Николаевский с удивлением обратил внимание на то, что на ней нет никакой надписи. «Знаете, – ответила спутница Николаевского, – здесь сейчас так много русских, часто ходят и сюда... Вот видите, рядом тоже русские лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое, – могут выйти неприятности... Лучше не надо». Николаевский согласился. Последние слова его книги: «Трудно спорить. Так действительно лучше...» [488 - Николаевский Б. История одного предателя. 1932. С. 373.]

Фактическая и аналитическая достоверность, стремление проникнуть во внутренние стимулы поведения антигероя и его окружения на обоих уровнях активности – в эсеровском террористическом подполье и в полиции, мастерское развязывание сложных узлов противоречий в обоих этих лагерях сочетались в книге с беллетристической живостью, яркими портретными характеристиками, увлекательностью изложения, то есть со всем тем, чего так часто не хватает трудам историков-профессионалов. Николаевский в этом смысле явно отличался от многих своих коллег в лучшую сторону.

На книгу откликнулись периодические издания, которые высоко ее оценили. Пожалуй, единственным исключением была рецензия видного эсера В.М. Зензинова, отнесшегося к работе весьма сдержанно, скорее всего, потому, что сам он в прошлом был довольно сильно замаран контактами с Азефом [489 - Зензинов В. Новые данные об Азефе // Дни. 14 марта. 1926.]. Посылая номер газеты с рецензией на книгу Николаевскому, Церетели комментировал: «Обратите внимание на конец, из которого явствует, насколько автор туговат в мыслительном отношении» [490 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 117.]. Конечно, дело было не в «тупости» Зензинова.

Следует отдать должное Николаевскому. Выводы о том, что Азеф не был provocатором, Николаевский под конец своей жизни сделал самостоятельно и не испугался признать

неправильной свою же собственную изначальную концепцию, распространенную многотысячными тиражами на нескольких языках. Иное понимание Азефа и его места в истории российского революционного движения, с одной стороны, и в истории полицейского сыска России – с другой, пришло после того, как исследователь сумел ознакомиться и проанализировать новые источники, прежде всего воспоминания вдовы Лопухина, с которой Николаевский беседовал в эмиграции. Только теперь Николаевский осознал, что Азеф не являлся провокатором, а был полицейским агентом, аккуратно докладывавшим Департаменту полиции подробную информацию о всех готовившихся террористических актах, о которых он, как руководитель Боевой организации эсеровской партии, был полностью осведомлен. Лопухин же (чуть ли не с согласия самого С.Ю. Витте, главы правительства в 1903–1906 гг.) клал ее под сукно и этим допускал некоторые успешные акты террора, используя таким образом Боевую организацию эсеров для сведения счетов с теми, кто ему мешал. Эти данные Николаевский намеревался использовать в новом, существенно расширенном издании биографии Азефа. В двух письмах Николаевского 1962 г. говорилось: «У меня подобралась неизданные материалы о Лопухине и его отношениях с Витте (в связи с большой борьбой между Витте и Плеве [491 - В.К. Плеве в 1902–1904 гг. занимал пост министра внутренних дел и шефа отдельного корпуса жандармов; был убит эсером Егором Созоновым (Сазоновым).])». Имеется «много-много нового и важного материала, который я охотно дал бы в качестве особого введения и добавления» [492 - NC, box 500, folder 8.]. Но к сожалению, опубликовать дополненное издание биографии Азефа Николаевский не успел. Его книга была переиздана на русском языке в Нью-Йорке уже после смерти Бориса Ивановича без каких-либо дополнений и уточнений [493 - Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. New York: Russica Publishers, Inc., 1980.].

Николаевский продолжал интересоваться и деятельностью советских спецслужб. Сам испытавший на себе, что собой представляли наследники царской охранки – карательные органы, созданные после большевистского переворота, он стремился по всем доступным каналам собрать сведения о функционировании ВЧК-ОГПУ-НКВД. Находившийся в Германии в эти годы публицист и писатель Гуль упоминает, что вместе с Николаевским он имел встречу с беглым чекистом Г.С. Агабековым [494 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 23.]. Если иметь в виду, что резидент ОГПУ Агабеков, влюбившийся в турчанку в Стамбуле и ставший перебежчиком в 1930 г., получил политическое убежище во Франции, можно предположить, что встреча состоялась в 1931 г. либо в Париже, где Агабеков жил, либо в Берлине, где готовилась к печати книга воспоминаний невозвращенца [495 - Агабеков Г. ЧК за работой. Берлин: Стрела, 1931. См. современное издание: Агабеков Г. Секретный террор: Записки разведчика. М.: Современник, 1996.]. В 1937 г. Агабеков был убит органами советской госбезопасности.

Спасение архивов от нацистов

Между тем удар по российским социалистам-эмигрантам, находившимся в Германии, нанесен был с неожиданной стороны. Быстрыми темпами усиливалось влияние Национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера, которая в условиях экономического кризиса развернула бешеную социальную и националистическую пропаганду и рвалась к власти. Назначение Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г. было первым шагом в

установлении в Германии нацистской диктатуры и очевидным образом вело к формированию тоталитарной системы. В первые месяцы этого судьбоносного не только для Германии, но для Европы и мира года Николаевский совершил гражданский и научный подвиг. Он сыграл решающую роль в спасении не только русского эмигрантского социалистического архива, но и значительной части архивной документации германской социал-демократической партии.

Конечно, действовал он не один. Помощь ему оказывали Церетели (он писал о Николаевском как о «лучшем из живущих ныне историографов» [496 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 53.]) и его молодая возлюбленная Анна Михайловна Бургина. Эта очаровательная женщина, будучи петроградской курсисткой, в возрасте 18 лет участвовала в Февральской революции, затем примкнула к меньшевикам, в 1922 г. эмигрировала, недолгий срок была секретарем Николаевского в Берлине [497 - На ее имя до востребования посылалась часть корреспонденции внутреннего Бюро ЦК меньшевистской партии, адресованной Заграничной делегации. Правда, Г.Д. Кучин ворчал, что Бургина «очень неаккуратна и до востребования я ей больше писать не буду» (Меньшевики в 1922–1924 гг. С. 239). Но Николаевский, вполне ей доверяя, продолжал настаивать на посылке писем на имя Анны Михайловны (Там же. С. 248).], а затем перебралась в Париж, став секретарем и возлюбленной Церетели, который был старше ее на 18 лет. От своего первого работодателя она затем отошла, но продолжала оказывать ему помощь.

О характере Бургиной некоторое представление дает одно из писем Церетели Николаевскому с ее приписками. Ираклий Георгиевич сообщал по поводу выполнения ею одного из поручений: «Гром и молния, как говорят французы. Клянусь, я не выдумываю – появилась *Deus ex machina* [498 - Приведенное выражение, означающее буквально «Бог из машины», произошло из античного театра и употребляется в смысле чего-то появившегося внезапно и внесшего сумбур или, по крайней мере, серьезное изменение в происходящее действие; неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора.] моих писем – Анна Михайловна, да еще с огромной эпистолой для Вас в руках. Нечего делать, надо кончать». Но просто так окончить письмо влюбленный Церетели не мог. Он рассказал о недавнем эпизоде, когда они шли по улице и Анна без умолку болтала по-русски. Он попросил ее замолчать, чтобы на них поменьше обращали внимания. Она же с мимикой, выражавшей, что посягнули на ее священные права, воскликнула: «Что вы мне все мешаете. Никто не обращает на нас внимания, что же я буду зря молчать!» Тут же следовала приписка Бургиной: «Ир[аклий] Георг[иевич] настолько искажает истину, что трудно в письме определить границы его фантазии» [499 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 39.].

Впрочем, взаимоотношения в пределах этого треугольника были несколько расплывчатыми. Видимо, Анна Михайловна была близка не только с Церетели, но и с Николаевским, своим бывшим работодателем, причем особенно это не скрывалось. Так, в 1927 г. Анна отдыхала с Борисом Ивановичем наедине в какой-то горной деревушке Шварцвальда, откуда они послали открытку знакомому в Берлин [500 - Boris Sapir Collection, box 26.]. Так возник любовный треугольник. Любопытно при этом отметить, что все трое называли друг друга по имени-отчеству и если Николаевский и Церетели со временем перешли на обращения «Борис» и «Ираклий», то Бургина в их переписке так и осталась «Анной Михайловной».

Каждые несколько дней Николаевский писал письма Бургиной, подробно информируя ее о всех своих делах, причем часто просил ее ознакомить с письмами Церетели [501 - NS, folder 474, files 11–17; folder 475, files 1–7.]. И, находясь во Франции, Анна Михайловна стремилась помочь Борису Ивановичу, делала для него выписки, переводила тексты, контактировала с однопартийцами и носителями исторической информации. Вот пример – письмо Церетели Николаевскому от 20 августа 1924 г. со вставками Бургиной (вставки обозначены курсивом):

«Дорогой Борис Иванович,

Как видно, живу со всеми удобствами: завел машинку, на которой А[нна] М[ихайловна] (т. е. я) выстукивает мои воспоминания. Много крови она портит мне (молчу, молчу) неуместными замечаниями, но все же пользу приносит (наконец-то дождалась).

Один лишний экземпляр она выстукивает для Вашего архива (благодарите меня, т. е. А.М.). Не будь ее сейчас, не мог бы Вам писать (ого!), так как страшно занят, а так могу делать два дела разом (И[ракий] Г[еоргиевич] в своем самомнении возомнил себя Юлием Цезарем). Настоящее письмо напишу на днях...» [502 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 41.]

Несколько раз Анна приезжала к Борису Ивановичу в Берлин, проводила с ним несколько дней, оказывала ему помощь в текущей работе, приводила в порядок его картотеки и выписки. Но шальной дух у нее в полной мере сохранялся. Однажды в тире она в шутку прицелилась в своего спутника, случайно нажала спусковой крючок и ранила Николаевского в вену у локтя. Пришлось ехать в больницу и делать операцию. Он почти по-детски жаловался Церетели: «Я имел неосторожность показать ей, что недоволен этим происшествием, и она на меня смертельно обиделась... Теперь уж мы помирились, конечно, после того, как я признал свою вину... Здесь я всем, кто меня видел в этом положении, сказал, что сам себя ранил» [503 - Там же. С. 298.].

Помогали Николаевскому и многие другие люди. Среди них были французский публицист, один из бывших руководителей французской компартии и бывший видный международный коммунистический деятель, даже член Исполкома Коминтерна Борис Суварин, позже исключенный из французской компартии за поддержку Троцкого; министр просвещения и культуры Франции Анатоль де Монзи; директор французской Национальной библиотеки Жюльен Кэн; сотрудник посольства Чехословакии в Берлине Гофман; сотрудники правления Социал-демократической партии Германии. Косвенное содействие оказал посол Франции в Германии Жан Франсуа-Понсе. Однако в центре этой ответственной и очень опасной работы находился именно Николаевский.

Вначале политическая ситуация в Германии была не вполне ясной. Многие политики, даже искушенные, полагали, что власть Гитлера будет скоро сметена. В русских эмигрантских кругах возникло мнение, что документы следует передать в Прусский государственный земельный архив, где они будут надежно сохранены. Однако директор этого архива, более трезво оценивая ситуацию в стране, отказался принять ценнейшие документы. «Иметь дело с гитлеровцами директор Прусского архива не имел желания» [504 - Николаевский Б. Н.И. Бухарин и мои с ним встречи в 1936 г. (Из воспоминаний). С. 91.].

Если прусский архивист просто опасался за свою жизнь, то Николаевский пытался оценить положение и с личной, и с общеполитической точки зрения. В своих неопубликованных мемуарных заметках он писал, что уже в 1933 г. был убежден не только в прочности устанавливаемой нацистской власти, но и в том, что в нацистскую

игру будут замешаны зарубежные силы, в частности и прежде всего Советский Союз. Вот что писал он о беседе с одним из знакомых весной 1933 г.:

«Разговор с архивных тем быстро перерос в разговор общеполитический. Такова была судьба всех тогдашних разговоров, – и все они неизменно упирались в вопрос о большой политической игре Сталина, о подлинных мотивах его поведения в отношении к Гитлеру. У меня лично уже тогда не было сомнения, что Сталин будет продолжать свою политику сближения с немецкой реакционной военщиной и с ее помощью так или иначе, но сговорится с Гитлером, т. к. он хочет с ним сговориться, ибо подлинным содержанием того «второго тура войн и революций», на пути которых Сталин так старательно тогда загонял человечество, должны были явиться именно войны, которые Сталин собирался вести в тесном сотрудничестве с немецкими военными тоталитаристами против демократического Запада» [505 - NC, box 492, folder 7.].

О позиции Николаевского свидетельствовал и Войтинский, который в письме от мая 1933 г., адресованном П.А. Гарви и его семье, соглашался с мнением об угрозе установления господства нацистов над Европой и продолжал: «В отличие от Бор[иса] Ив[ановича] проповедовать среди соц[иалистов] крестовый поход против тевтонов я не склонен» [506 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 216.].

Николаевский, видимо, предчувствовал, что в Прусском архиве ему дадут «от ворот поворот», ибо еще до отказа стал выносить русские документы из здания правления СДПГ и тайно переправлять их в Париж. Это было очень рискованное предприятие, почти авантюра, ибо за зданием правления СДПГ гитлеровцы тщательно следили. Их вполне мог заинтересовать человек, который ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день выходил оттуда с туго набитым портфелем. Однажды Борис Иванович чуть было не попался. За ним увязались два нацистских дружинника. Николаевский позже рассказывал, что вести слежку они не умели, однако зловещая сторона заключалась в том, что задержанных они доставляли не в полицию, а в партийные учреждения, где «всех арестованных избивали, а то и прямо пытали» [507 - Николаевский Б. Н.И. Бухарин и мои с ним встречи в 1936 г. (Из воспоминаний). С. 93.].

Вспомнив опыт русского подполья, Николаевский вскочил в огромное здание издательства Ульштейна, где нередко бывал и поэтому хорошо его знал, побродил по коридорам, а потом покинул дом через выход на другую улицу. Как в примитивном детективе, он оторвался таким образом от слежки, а незадачливые преследователи спокойно ожидали его возле тех дверей, в которые он вошел.

Но все вынесенные материалы надо было отправить за рубеж. В связи с тем, что почтовые чиновники могли заподозрить неладное, Николаевский избрал окольный путь, воспользовавшись покровительством дипломата соседней страны – советника посольства Чехословакии в Берлине Гофмана. Через него документы шли дипломатической почтой в Прагу, а оттуда переправлялись во Францию, где их принимали Церетели, Бургина, а также другие, уже эмигрировавшие из Германии русские социалисты [508 - Там же. С. 92. Всего таким путем было отправлено свыше сотни посылок с документами.].

Непосредственно перед приходом Гитлера к власти, когда обнаглевшие штурмовики беспрепятственно совершали свои факельные шествия по улицам Берлина, устраивая еврейские погромы и резню, когда против их произвола пытались осторожно выступить левые силы, руководящие русские эмигранты – меньшевики, эсеры, либералы – обратились за помощью во французское посольство и в подавляющем большинстве случаев без каких бы то ни было проволочек получили визы на въезд во Францию [509 -

Протоколы Заграничной делегации РСДРП. Январь – октябрь 1933 г. / Публикация А.П. Ненарокова // Исторический архив. 2007. № 3. С. 95.].

Вопрос о судьбе «русского архива» обсуждался почти на каждом заседании Заграничной делегации РСДРП. Из протокола от 14 января 1933 г. видно, что Николаевский начал предпринимать меры по вывозу документов (в том числе и германской социал-демократии) еще до прихода Гитлера к власти. 30 января, то есть в тот самый день, когда Гитлер был назначен рейхсканцлером Германской империи, Борис Иванович докладывал «о мерах, которые он принимает... для обеспечения от всех случайностей рукописного архива партии». 12 мая вновь было заслушано сообщение Николаевского о вывозе архива [510 - Там же. С. 94, 96, 98.].

Когда Борис Иванович счел, что ведущие германские социал-демократы убедились в прочности власти нацистов, он открыто обратился к председателю СДПГ Отто Вельсу, 23 марта 1933 г. произнесшему смелую речь в рейхстаге, в которой он протестовал от имени своей партии против передачи Гитлеру чрезвычайных полномочий [511 - Вскоре после этого Вельс был вынужден покинуть Германию. Сначала он обосновался в Праге, а в 1938 г. переехал во Францию, где продолжал возглавлять СДПГ в изгнании в качестве руководителя ее Заграничного центра. Умер в Париже 16 сентября 1939 г.]. После некоторых колебаний Вельс, осознававший, что его партии приходит конец, дал согласие на отправку за границу не только русской документации, но и по мере возможности всего богатейшего архива Социал-демократической партии Германии.

Как рассказывал Николаевский в 60-х годах в своей обширной переписке с немцем Паулем Майером, решившим написать об истории германского социал-демократического архива то ли статью, то ли книгу, решающая встреча с Вельсом произошла 29 апреля 1933 г. в небольшой пивной, которая была излюбленным местом политических встреч Вельса. «Дату эту я хорошо помню, т. к. это было накануне (точнее говоря, за два дня. – Ю.Ф. и Г.Ч.) гитлеровского «Праздника труда». Вельс сказал, что это его последняя деловая встреча в Берлине – ночью он отправлялся в Прагу. Официального документа, дающего право на вывоз архива, Вельс Николаевскому не дал, но передал через него записку заведующему архивом Хинрихсену, дающую право распоряжаться всеми бумагами и книгами. Вельс окончил разговор, заявив, что теперь он может уезжать со спокойным сердцем.

дающие довольно подробное представление, как происходила операция [512 - NC, box 492, folder 7.].

Совместно с Хинрихсеном и другими германскими социал-демократами был разработан план вывоза архива, причем активную помощь в этом оказали на этот раз правительственные круги Франции, в частности министр просвещения и культуры Анатоль де Монзи. В бумагах Николаевского хранятся и другие материалы подобного характера Франции. С де Монзи же связался Борис Суварин. В его присутствии министр позвонил французскому послу в Берлине Франсуа-Понсе, после чего к Николаевскому пришел для официальной договоренности атташе посольства по вопросам культуры Вайтц. В эту встречу атташе по делам культуры попытался понять, насколько хорошо Николаевский знаком с де Монзи, в подчинении которого Вайтц находился и который так положительно рекомендовал Николаевского. Борис Иванович отвечал осторожно: мол, у них есть общие хорошие знакомые. Позднее Николаевский убедился, что Вайтц располагает обширными связями в самых различных французских и германских кругах, которые можно использовать в благородном деле спасения архивов. Некоторую помощь оказал также

лидер Французской социалистической партии Леон Блюм, давший заключение о ценности материалов.

Николаевский позже вспоминал, как получил письмо от Суварина, суть которого сформулировал следующим образом:

«Мы продаем собрания Русского с[оциал]-д[емократического] архива парижской Национальной библиотеке, которая берет на себя вывоз этого архива из Берлина; о цене сговоримся в Париже, но договор о продаже должен быть подписан немедленно же и совершенно формально, т. к., только имея такой договор, Национальная библиотека сможет сделать нужные официальные шаги по обеспечению вывоза. Суварин прибавлял, что Национальная библиотека будет иметь полную поддержку французских властей, но подчеркивал крайнюю необходимость спешить».

Естественно, в Берлине Николаевский видел необходимость в срочном решении вопроса куда лучше, чем Суварин в Париже, и немедленно отправил Суварину ответ, полностью соглашаясь на заключение сделки. Вслед за первым он послал второе письмо Суварину, в котором после краткого размышления попросил его по возможности ограничить соглашение только русской социал-демократической библиотекой, не распространяя его на собственно архивную часть собрания. При этом он прибавлял, что оговорка не носит ультимативного характера и положение архива настолько критическое, что допустимы почти любые условия и действия, лишь бы архив был как можно быстрее вывезен, а иначе он погибнет. Суварину давались полномочия на все необходимые действия. В письмах, разумеется, ничего не говорилось о германском архиве – этого требовала элементарная конспирация.

В результате нескольких буквально молниеносных контактов при посредничестве сотрудников французского посольства (к чести французов, они на этот раз полностью отрешились от обычного бюрократизма и крайней осторожности, свойственной дипломатическим службам) был подписан договор между Французской Национальной библиотекой, с одной стороны, и Николаевским – с другой, о покупке русской социал-демократической библиотеки, находившейся в здании правления СДПГ, но принадлежавшей Заграничной делегации меньшевиков, от имени которой и выступал Николаевский. Национальная библиотека брала на себя все расходы по упаковке и отправке материалов; всей операции был придан легальный статус.

Продажа архивов, однако, была полуфиктивной, так как в дальнейшем Николаевский с согласия Заграничной делегации распорядился документами совершенно иначе. Соглашению был придан тот ограниченный смысл, что под архивом подразумевался только русский книжный фонд, хранившийся в правлении СДПГ. Он действительно поступил в полном объеме в парижскую Национальную библиотеку в качестве ее приобретения. Представители французской стороны, подозревавшие, видимо, что Николаевский с ними не совсем искренен, настоятельно предупреждали, не желая осложнять отношений с германскими властями, что нацисты дали разрешение только на вывоз русской библиотеки и потребовали не увозить германские материалы, в том числе и относящиеся к партархиву СДПГ. Судя по несколько раз повторенным заявлениям Вайтца, германские власти «поставили обязательным условием» не увозить никаких документов социал-демократического архива, на который они смотрели «как на имущество нац[ионал]-соц[иалистической] партии, к которой должно перейти вообще все, что принадлежит немецкой с[оциал]-д[емократической] партии». В противном случае нацисты угрожали суровыми репрессиями.

Правда, по рассказам того же Вайтца получалось, что нацистские лидеры, в том числе и Гитлер, еще не укрепили своего положения и весьма опасались реакции соседних держав, особенно Франции, на действия нацистов в Германии, поэтому местным властям были даны строжайшие указания не предпринимать ничего, что могло осложнить отношения с Францией. После завершения всех формальностей по оформлению покупки архива французский посол Франсуа-Понсе посетил нацистского полицай-президента Берлина контр-адмирала фон Левецова, причем надел парадный мундир «с пальмами» и прицепил шпагу, дабы придать своему визиту особую официальность и помпезную торжественность, что должно было импонировать старому немецкому служаке, только что назначенному на свой пост. Посол попросил Левецова задержать на три дня здание Социал-демократической партии, чтобы была вывезена французская собственность, купленная для Национальной библиотеки. Как оказалось, визит был не просто необходим, а вышел крайне своевременным, ибо как раз на этот день намечалось занятие штурмовиками здания форштанда (правления) СДПГ. Польщенный полицай-президент не только дал соответствующее обещание, но тут же, в присутствии посла, позвонил в штаб штурмовиков, а затем сообщил, подчеркивая собственное влияние, что захват здания отложен [513 - Правда, писал Николаевский через три с лишним десятилетия, об этом случае он знал только со слов французского атташе. «Существовал ли такой мундир? Была ли шпага? Я не хотел бы, чтобы в мой рассказ попала «клюква» (NC, box 492, folder 7).].

Трудно судить о частностях, но, по всей видимости, в общих чертах дело происходило именно так, как описывал Николаевский. Адмирала обуревали двойственные чувства. С одной стороны, этот в прошлом боевой морской офицер стремился выполнять приказы начальства, перед которым он привык стоять по стойке «смирно» (а главным его начальником был в этот момент один из нацистских фюреров Герман Геринг, занявший пост министра внутренних дел Пруссии). С другой стороны, старик считал гитлеровцев выскочками, которые долго не удержатся у власти и лишь расчистят жесткой рукой путь для твердой администрации традиционной элиты [514 - О подобных перипетиях см.: Evans R.J. The Coming of the Third Reich. New York: The Penguin Press, 2004. P. 350–374.]. Так что морской служака, скорее всего, был удовлетворен тем, что вмешался в планы штурмовиков.

Придя в тот день в правление СДПГ, Николаевский столкнулся у подъезда с кем-то из социал-демократических молодежных деятелей, с удивлением сообщивших ему, что царившее с утра оживление в штабе штурмовых отрядов внезапно прекратилось, сосредоточенные там грузовики уведены в гараж, а сами штурмовики отправились в столовую. Молодой человек сказал также Николаевскому, что «среди штурмовиков полное недоумение» и, что именно происходит, «не понимали и дежурные» из социал-демократической «молодежи». Через много лет Борис Иванович с удовлетворением вспоминал, что «дни вокруг первого мая прошли в большой тревоге. В назначенный день здание профсоюзов действительно было занято отрядами гитлеровцев», однако «занятие здания форштанда почему-то было отложено» и «группы дежурных гитлеровских дружинников были удалены от всех входов и выходов» [515 - NC, box 492, folder 7.].

Предполагалось, что в первые месяцы после прихода нацистов к власти вывоз архивной документации может пройти незамеченным. В первую очередь решено было отправить рукописные и печатные материалы Маркса и Энгельса, документы Международного товарищества рабочих (I Интернационала), фонды А. Бебеля, Э. Бернштейна, правления

СДПГ. Николаевскому помогали архивариус СДПГ Хиндрихсен (он проявил «исключительное мужество и преданность») и другие немецкие социал-демократические архивисты, в том числе друг и соавтор Николаевского по биографическим работам о Марксе Отто Менхен-Хельфен [516 - Менхен-Хельфен вскоре эмигрировал во Францию, а затем в США, где получил должность профессора Калифорнийского университета в Беркли (он стал видным востоковедом, специалистом по Древнему Китаю и истории гуннов). Николаевский поддерживал с ним в Америке теплые отношения.], но вся работа проходила под руководством Бориса Ивановича. Впрочем, некоторые социал-демократы, напуганные приходом Гитлера, стали серьезным препятствием. Социал-демократ Найман, держатель ключей от одного из помещений, скрылся, не передав ключи, и Николаевский, не решившийся на взлом двери, так и не смог добраться до переписки Маркса с редакцией «Новой Рейнской газеты» (документы так и погибли).

Постепенно здание СДПГ опустело. Было известно, «что набег наци будет не сегодня, так завтра. Знали, что набег сопровождается разгромами архивов и даже убийствами работников». Правда, «Хиндрихсен не только был в архиве, но и помогал упаковке и вывозу», а «другие работники и секретариата, и архива вели себя иначе». Вельс был поставлен в известность, что отправке оказывают помощь французские власти, но в подробности Борис Иванович его не посвящал. Он фактически обманул и Вельса, не сообщив ему, что с французами договорено о вывозе только российских материалов. Ситуация была неординарная. Приходилось в том числе и лгать.

Согласно намеченному плану, чтобы погрузка в железнодорожные вагоны прошла как можно менее заметно, решено было осуществить эту операцию на пригородной станции. 8 мая подводы, нанятые на средства, предоставленные французским посольством от имени Национальной библиотеки, совершили несколько ездов на глухую станцию Рутельсберг. Отправка груза проходила через небольшую транспортную контору, которой владел некий делец, отличавшийся способностью подкупать железнодорожную администрацию (наводку на него дал французский атташе Вайтц, сообщивший, что этот человек был готов услужить, так как добивался французской визы) [517 - Николаевский встретился затем с этим человеком в Париже. Найдя Бориса Ивановича, тот рассказал, как нацисты его арестовали, ограбили, избili, но потом, правда, отпустили. Он просил о возмещении убытков, и Николаевский дал ему небольшую сумму денег. Незадачливый предприниматель вскоре уехал в Латинскую Америку и там затерялся, спасшись таким образом от несчастий Второй мировой войны.]. «Иметь дело с крупными транспортными конторами консульство не рекомендовало: в таких конторах всюду сидят агенты наци, которые сообщают гитлеровцам о подозрительных отправлениях... Но сам г. Вайтц сноситься непосредственно с транспортером отказался: из предосторожности, пояснил он. Все сношения и расплата шли через меня», – писал Николаевский, но «все расходы покрывали французы, рекомендовавшие не торговаться с транспортером». Деньги передавались французским атташе наличными. В абсолютной честности Николаевского обычно подозрительные и недоверчивые французские чиновники не сомневались.

Перед самой отправкой, когда груз уже был уложен на телеги (120–130 ящиков и мешков с материалами Бунда и 160–170 ящиков с документами русского архива, куда подложены были и немецкие материалы), Николаевский поставил Вайтца перед свершившимся фактом, сообщив ему, что условие о невключении в груз германских документов им было нарушено. Французскому атташе, безусловно симпатизировавшему Николаевскому в деле вывоза и спасения архивов, оставалось только уповать на то, что

контрабанда проскочит границу и на головы участников операции не обрушатся репрессии нацистов. Впрочем, как полагал Николаевский, Вайтц и так догадывался, что русскими материалами дело не ограничивается, хотя гарантию о том, что «национальные» документы во Францию не вывозятся, гитлеровцам давал именно Вайтц.

«Помню, в тот вечер мы с г. Вайтцем допоздна сидели в каком-то ресторане», – вспоминал Николаевский. Это был русский ресторан «Медведь». Ждали телефонного звонка «от нашего транспортера, который должен был сообщить об отправке вагонов. Он позвонил уже после полуночи, что вагоны ушли, мы выпили по стаканчику хорошего франц[узского] вина и пошли по домам. На след[ующий] день, вечером, тот же транспортер позвонил о получении телеграммы с границы, – о том, что оба вагона переправлены на франц[узскую] территорию». Только после этого Вайтц признался Николаевскому, что дело обстояло даже значительно серьезнее, чем предполагал Николаевский; что между правительственными органами Германии, давшими разрешение на вывоз «русской библиотеки», и партийной канцелярией нацистов возникли острые разногласия по вопросу о том, выпускать или не выпускать архивы. Партийные нацистские чиновники были очень недовольны предоставленным разрешением, и Вайтц был уверен, что на границе будет проведена скрупулезная проверка документов, в результате которой Николаевскому «придется плохо», да и у самого французского дипломата возникнут крайне нежелательные для него осложнения. Конспиратор Николаевский пошел на ответное признание. Он рассказал Вайтцу, что не исключал своего ареста и во время операции по вывозу из здания СДПГ документов его друг Отто Менхен-Хельфен занял наблюдательный пост в ближайшем кафе, чтобы в случае чего немедленно проинформировать о происходящем французское посольство.

Так закончилась операция 1933 г. по вывозу архивов из Германии – полным успехом. Борис Иванович писал через десятилетия: «Это было 9 мая – в день сожжения книг, устроенного наци на Унтер-ден-Линден. Я поехал смотреть это «торжество», а 10-го утром сел в скорый поезд Берлин – Париж». В опубликованных воспоминаниях Николаевский писал:

«Я не помню теперь точного количества ящиков, тюков и мешков разных материалов, знаю только, что из Берлина мною тогда было отправлено два больших жел[езно-]дор[ожных] вагона, полностью набитых материалами, причем материалы немецкого партийного архива, тщательно упакованные в небольшие пакеты (их было свыше ста), были заложены внутрь ящиков с материалами Русского архива так, чтобы гитлеровский контроль, если бы он был проведен, найти эти немецкие материалы смог бы лишь в том случае, если бы гитлеровцы стали опоражнивать до дна ящики с русскими материалами» [518 - Николаевский Б.И. Н.И. Бухарин и мои встречи с ним в 1936 г. (Из воспоминаний). С. 104.].

Имея в виду характер вывозимой чисто германской документации, можно предположить, что Николаевский существенно преуменьшил ее объем (вряд ли огромный германский архив, охватывавший свыше шести десятилетий социалистической легальной и нелегальной деятельности, уместился бы всего лишь в «свыше ста» пакетах). Операция была проведена не только успешно, но и вовремя. 11 мая здание правления СДПГ было занято отрядами штурмовиков, которые изгнали из него деятелей и чиновников уже распущенной и жестоко преследуемой партии. Большинство социал-демократов оказалось в концентрационных лагерях; многие погибли.

По распоряжению директора парижской Национальной библиотеки Ж. Кэна для

поступивших архивных материалов было предоставлено специальное помещение в старинном здании библиотеки на улице Ришелье (книги же разместили в непосредственно библиотечных фондах). В июле и августе 1933 г. в два приема дирекция Национальной библиотеки перевела на адрес Ф.И. Дана в качестве руководителя заграничной организации меньшевиков предусмотренную договором сумму – 50 тысяч франков. Николаевский, приехавший в Париж 11 мая, вскоре получил официальный статус руководителя французского филиала Международного института социальной истории в Амстердаме.

Позже появились всевозможные легенды об обстоятельствах спасения архивов германской социал-демократии. Некоторые германские социал-демократы приписывали этот гражданский подвиг себе. Лидия Дан, несмотря на в целом предвзятое и недоброжелательное отношение к Николаевскому, стала одним из тех свидетелей, которые подтвердили, что архивы вывозил именно он. В неопубликованных мемуарах она писала:

«Если не ошибаюсь, первым из русских эмигрантов Б. Николаевский поднял вопрос о необходимости позаботиться о целостности архивов, об их спасении. Особенно беспокоил его вопрос об архиве и манускриптах Маркса, которые сохранялись в партийном архиве в здании «Форвертса» [519 - Л.О. Дан описалась: архив хранился не в редакции партийной газеты «Форвертс», а в помещении форштанда – правления СДПГ.]. Все были растеряны, немецкие товарищи не знали, как взяться за дело, как вывезти архив, где сохранить его, но благодаря энергии и усилиям того же Николаевского весь архив удалось преблагополучно не только вынести из здания «Форвертса», но и вывезти из Германии» [520 - NC, box 492, folder 7.].

Так завершился очередной «географический этап» жизни и деятельности нашего героя, на котором он проявил себя как зрелый ученый – историк, архивист и археограф, тонкий политический наблюдатель и аналитик, состоявшийся политик, человек высокой гражданской ответственности и мужества. На протяжении этого непродолжительного периода – всего лишь одного десятилетия – условия жизни русских эмигрантов в Германии коренным образом изменились. Эмигрировав в демократическую страну, которая в начале 20-х годов стала средоточием элиты русской интеллигенции, в которой кипела ее духовная жизнь, Николаевский в 1933 г. очутился в совершенно новом государстве – под властью Гитлера, быстрыми темпами строившего тоталитарную систему и готовившегося к захватнической войне. Пришлось перебираться во Францию.

Тяжелый умственный труд, физические усилия, работа с раннего утра до поздней ночи, нервное напряжение привели к сердечной болезни, которая пока давала себя знать отдельными приступами. Немалые неприятности доставляли и периодически возобновлявшиеся кровотечения из носа. Болезни удавалось преодолевать в основном благодаря бальнеологическому лечению, поездкам на краткий отдых. Разумеется, врачи убеждали Бориса Ивановича поменьше работать, соблюдать определенный режим. То же советовал Церетели. «Не работайте слишком много – по Вашим письмам чувствуется, что Вы совершенно не соблюдаете меры», – пытался внушить он своему другу. Эти увещевания, однако, обычно оставались втуне, хотя их справедливость полностью признавалась. Тому же Церетели Борис Иванович как-то написал: «Не умеем мы, русские, правильно работать – у нас это как запой. А при запое – неизбежное похмелье, когда перо валится из рук». Тем не менее 13–14-часовой рабочий день продолжался.

Впрочем, медики признавали, что состояние здоровья Бориса пока существенных

опасений не вызывает и «резервов много». Сам Николаевский полагал, что важнейшую роль в поистине грандиозной трудоспособности сыграла крепкая семейная закваска. «Спасибо родному Белебею!» – говорилось в одном из писем. Друзья и коллеги ставили в пример друг другу силу и выносливость именно Николаевского. Церетели писал ему, что сам окреп после болезни и теперь его можно принять за Николаевского [521 - Из архива Б.И. Николаевского: Переписка с И.Г. Церетели. Вып. 1. С. 98, 120, 65, 68, 350.].

Начинался новый период деятельности Бориса Ивановича в соседней, пока еще демократической Франции, издавна считавшейся убежищем россиян, враждебных режиму, существовавшему у них на родине.

Глава 4

ФРАНЦИЯ 1933–1940 гг.

Политические столкновения в парижском меньшевистском руководстве

Наряду с Берлином Париж уже в 20-х годах стал местом наибольшей политической и культурной активности эмигрантов из России. Однако в 1933 г. столица Франции стала в полном смысле слова и русской эмигрантской столицей. Значительная часть эмигрантов занималась «низовым», рабочим ремеслом. Они работали на сталелитейных и автомобильных предприятиях в пригороде Парижа Биянкюре или зарабатывали на жизнь таксистами. Эта профессия стала поистине легендарной после того, как о ней рассказал в романе «Ночные дороги» Гайто (Георгий) Газданов, сам проработавший значительную часть своей эмигрантской жизни ночным таксистом и хорошо изучивший все тяготы и унижения этой профессии [522 - См. о нем: Орлова О. Гайто Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003.].

В Париже жила большая группа известных еще до 1917 г. русских писателей, в том числе И. Бунин, И. Шмелев, Д. Мережковский, К. Бальмонт, В. Ходасевич, З. Гиппиус. «Русская жизнь» сосредоточивалась в районе Монпарнас, в частности в кафе «Ротонда» – обычном месте встреч эмигрантов разных поколений, различного рода занятий, разнообразных политических убеждений. На бульваре Монпарнас находилось основанное в 1925 г. Н.А. Бердяевым Русское студенческое христианское движение (филиал задолго до этого действовавшей УМСА – Христианской ассоциации молодых людей), известное скорее не само по себе, а благодаря основанному еще в 1921 г. в Праге и в 1925 г. перенесенному в Париж издательству «ИМКА-Пресс», директором которого в 1925–1948 гг. являлся Бердяев. Это издательство, существующее по настоящее время, публиковало разнообразную литературу, включая книги самого Бердяева, произведения Бунина, М. Цветаевой, И. Шмелева и многих других известных авторов [523 - Подробнее см.: Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М.: Кстати, 2000; Бурлак В.Н. Русский Париж. М.: Вече, 2008.].

Вполне понятно, насколько плодотворной стала парижская почва для творчества и всей деятельности нашего героя. Сам он, получив французскую визу в качестве одного из руководителей меньшевистской эмиграции и известный теперь во властных кругах страны

как спаситель архива германской социал-демократии, прилагал немалые усилия для того, чтобы официальное разрешение на въезд в страну получили и другие люди, с которыми он так или иначе связал свою судьбу в Германии. Среди них был и уже не раз упоминавшийся публицист и писатель Р.Б. Гуль с семьей, с большим трудом освобожденный из немецкого концлагеря. Он рассказывает в воспоминаниях, как Николаевский «твердо обещал» ему и его жене Ольге достать «французские визы (тогда это было очень трудно)». Но Николаевский достал, «и в первых числах июля 1933 года я получил письмо Б.И. из Парижа, что визы уже в Берлине во французском посольстве» [524 - Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-Пресс. 2001. С. 33.]. Естественно, именно Николаевский дал первый приют Гулю, когда тот вместе с женой появился в Париже. Можно высказать уверенность, что такой же приют получали и другие русские эмигранты, которым удавалось перебраться из нацистского ада в демократическую Францию.

Николаевский поселился в небольшой квартире в тихом районе Иси-де-Мулино, к югу от центра города, в том же доме, в котором обитали многие другие русские меньшевики, среди них С. Шварц, В. Александрова, А. Пистрак – люди, с которыми дружеское общение и деловые встречи происходили буквально ежедневно. После переноса центра своей деятельности в Париж руководство меньшевистской эмиграции оказалось вовлеченным в новую общеполитическую дискуссию по вопросам, связанным с формированием того, что с легкой руки советского руководства получило в 1935 г. название «единого рабочего» и «антифашистского народного» фронтов. Утвержденный VII конгрессом Коммунистического интернационала (1935), этот курс предусматривал единство действий компартий не только с социалистическими партиями и организациями, но и с левыми «буржуазными» политическими силами.

Курс этот носил сугубо тактический характер. Он проводился лишь в той степени, в какой это казалось целесообразным Сталину, который действительно легко от него отказался, как только убедился, что ориентация на союз с Гитлером представляется более выгодной перспективой. Разумеется, из любого рода совместных комбинаций меньшевики категорически исключались – внутри страны они оставались в концлагерях и ссылках. Близилось время кровавой расправы с их остатками в годы «большого террора». Эмигрантов же просто не принимали в расчет, хотя негласно запрет на контакты с ними для «компетентных лиц» был снят. Сами же эмигранты надеялись, что к ним хоть как-то прислушаются. Да, собственно говоря, не высказать свою позицию по коренным вопросам внутреннего развития СССР и проблемам мировой политики означало просто сойти с исторической арены, чего пока еще лидеры меньшевизма и Николаевский в их числе сделать не были готовы.

Вскоре после переноса места пребывания Загранделегации в Париж было проведено ее расширенное заседание, проходившее 3, 7 и 8 октября 1933 г. На нем обсуждался вопрос о новых тезисах к будущей платформе меньшевистской эмиграции. При этом четко выявилась расстановка сил и место в них нашего героя. Из двенадцати присутствовавших один (точнее, одна) – О.О. Доманевская – придерживалась крайне левой ориентации, почти безоговорочно одобряя сталинскую политику в СССР; пятеро – Ф.И. Дан, С.М. Шварц, И.Л. Юдин, А.А. Югов, Б.Л. Гуревич – относились к умеренным левым, трое – Р.А. Абрамович, Д.Ю. Далин и Б.И. Николаевский – придерживались с существенными нюансами центристских позиций, наконец трое – М.С. Кефали, Г.Я. Аронсон и П.А. Гарви – определяли свои взгляды как правые.

Были представлены несколько вариантов тезисов, причем по взаимному согласию касались они почти исключительно внутреннего положения в СССР и избегали оценки международных проблем, хотя полностью отрешиться от них было невозможно. Вначале ни один из проектов не смог получить большинства, и Николаевский являлся как раз тем участником прений, который прилагал силы, чтобы был выработан компромисс, который не привел бы к решениям, грозившим, по выражению Гарви, «капитуляцией перед большевизмом». Борис Иванович многократно выступал, инициировал неофициальные встречи с участием как правых, так и крайне левой Доманевской. Ему приходилось выслушивать упреки не только Доманевской, которая, в частности, обвиняла его в попытке добиться «свободы для частного капитала» и в стремлении к «разбазариванию колхозов». Звучали и более умеренные, хотя и очень обидные укоры Дана по поводу того, что Николаевский воздержался (вместе с правыми Аронсоном и Кефали) при голосовании, принявшем за основу компромиссный документ. Р.А. Абрамович робко защищал: «Я лично не считаю злом, если внутри фракции существуют оттенки. Мы не имеем власти над Николаевским. Мы свободные люди. У меня нет честолюбия фракционера». Николаевский, таким образом, постепенно приближался к правым, чем вызвал недовольство своего друга Д.Ю. Далина: «Своим воздержанием он ставит нас в тяжелое положение» [525 - Протоколы Заграничной делегации РСДРП. С. 145, 148, 152–].

В тезисах, предложенных Даном, Николаевского особенно беспокоило фактическое оправдание насильственной коллективизации сельского хозяйства. Понимая, что в обозримое время вряд ли удастся распустить колхозы, Борис Иванович предлагал четко выразить осуждение «раскулачивания». «Миллионы крестьян выброшены из своих гнезд и являются балластом», – говорил он. Как минимум, он считал, что сосланные и раскулаченные крестьяне должны иметь право пойти в колхоз. Эта позиция Николаевского вызвала недовольство левых, в частности А.А. Югова:

«В одной части я согласен с Николаевским: проблема раскулаченных действительно очень сложна. Но я не согласен с ним в морально-политическом подходе. Я подхожу ко всей проблеме с социально-экономической стороны. Остатки хозяйства раскулаченных и единоличников нерентабельны и, кроме того, эти группы – очаги контрреволюционных брожений. По Б.И. [Николаевскому] выходит, что решение [проблемы] в возвращении раскулаченных в колхозы. Между тем ненормальности надо лечить соц[иально]-экономическими мерами. Прежде всего надо дать крестьянам возможность войти в колхоз. Если же колхоз откажется их принять, государство не может оказывать своего давления» [526 - Протоколы Заграничной делегации РСДРП. С. 158.].

Эта обширная цитата – поистине перл оторванности от реалий. У Николаевского, разумеется, тоже было много наивных и догматичных суждений. Но Югов несравненно превзошел его, полагая, что советские колхозы могут принимать самостоятельные решения, без «давления» государства.

К тезисам Николаевский внес важную поправку, четко выражавшую его позицию в аграрном вопросе и содержащую осуждение коллективизации:

«Считая, что проведение политики на указанных выше основах возможно только при наличии действительной самостоятельности крестьянства, РСДРП требует установления в деревне демократического самоуправления и свободы политических и иных объединений крестьянства».

Эта поправка была отвергнута. За нее голосовали четыре человека, из чего можно заключить, что предложение Бориса Ивановича поддержали только трое правых, и даже

оставшиеся два центриста выступили против.

Расширенное заседание Заграничной делегации утвердило тезисы, в основу которых легли предложения левых.

Как видно из всего хода прений, позиции Николаевского все более отходили от установок Дана и его группы, которые никак не могли осознать ту тривиальную истину, что ни о какой социалистической демократии в СССР говорить не приходилось, что у них на родине сформировалась тоталитарная система, никак не укладывавшаяся в привычные марксистские догмы. Николаевский все больше сближался с Аронсоном и другими правыми, предостерегавшими от «иллюзорной ориентации на демократическую эволюцию советского строя и на соглашение с частями коммунистической партии» [527 - Протоколы Заграничной делегации РСДРП. С. 160–161.].

В очередной раз вопрос о новой ориентации обсуждался на ряде заседаний Загранделегации осенью и зимой 1935 г. На этих заседаниях укрепился союз Николаевского с правой фракцией. Он выдвинул емкую формулу подчинения тактики социалистических партий интересам ведения войны против фашизма, понимая, таким образом, что приход Гитлера означает быстрое приближение новой мировой войны. Большинство правых и центристов присоединились к его точке зрения. Правда, и тут приняты были все же тезисы Ф.И. Дана, в которых выдвигался утопический взгляд на новую войну как решительную схватку между фашизмом и социализмом, а не между фашизмом и демократией. Дан призывал «демократический социализм» в случае войны объединиться вокруг СССР [528 - Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. С. 278–279.].

Тем не менее дальнейший ход развития мировых событий привел к общей переориентации меньшевистского руководства, вопреки позиции Дана, от которого все более отчуждались. Сближение Абрамовича, Далина, Николаевского с Аронсоном в Загранделегации, с непартийными меньшевиками, считавшими себя последователями Плеханова, привлечение в «Социалистический вестник» С. Ивановича (Португейза), который издавал в Париже свой журнал «Заря», носивший непримиримо антибольшевистский и антисталинский характер, – все это привело к фактическому уходу Дана из организованного эмигрантского меньшевистского движения. Позже он стал издавать журнал «Новый путь», фактически создав свою сепаратную группу, постепенно приобретающую прокоммунистические черты. Заграничная же делегация сплотилась в результате усилий Николаевского и его союзников на правоцентристских позициях.

Николаевский оставался социал-демократом, сохранявшим верность марксистской традиции в ее классическом облике, который преданно охраняли партии Социалистического рабочего интернационала. Николаевский не был сектантом, поддерживал ровные отношения с эмигрантами других политических убеждений (за исключением крайних правых, например, тех, кто сотрудничал с фашистами или нацистами). Он не пренебрегал случаям помочь владельцам частных архивов разобраться с бесконечными бумагами и участвовал в разборе и сохранении архива журнала «Современные записки», который выпускался в Париже группой эсеров (В.В. Руднев, И.И. Фондаминский-Бунаков, А.И. Гуковский, Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк) [529 - В личной библиотеке Г.И. Чернявского имеется приобретенная в Гуверовском институте «дубликатная» книга воспоминаний одного из редакторов «Современных записок» М.В. Вишняка с дарственной надписью «Борису Ивановичу Николаевскому в знак глубокой признательности за сбережение архива «Современных записок» на память. М. Вишняк» и

штампом «Hoover Institution. В. I. Nicolaevsky Collection»]. В последние годы существования журнала, 1938–1940 гг., Николаевский даже опубликовал там три материала, правда подчеркнуто неполитического характера [530 - Николаевский Б. Временник общества друзей русской книги. Вып. 4. Париж, 1938 // Современные записки. Т. 67. Париж, 1938. С. 455–458; Его же. Из переписки деятелей пушкинской эпохи (Неизданные материалы из архива Ф.В. Булгарина) // Современные записки. Т. 68. Париж, 1939. С. 453–462; Его же. Цветные книги // Современные записки. Т. 70. Париж, 1940. С. 258–264.].

Со снисходительной усмешкой Николаевский рассматривал возню правых эмигрантских организаций, деятельность Лиги Обера, выступления А.И. Гучкова и других бывших консервативных политиков. Когда Гуль сообщил Николаевскому, что Гучков просит у него рукопись только что написанной Гулем книги о Дзержинском, «великий следопыт» Николаевский, по словам Гуля, ответил: «Это он для Лиги Обера». Действительно, для Бориса Ивановича Лига Обера «была немного «контрой». Для Гуля – нет. Он «дал Гучкову рукопись «Дзержинского» [531 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 60.].

Лига Обера – полуофициальное наименование Международной лиги борьбы против III Интернационала, образованной в Женеве в 1924 г. Названа она по фамилии швейцарского антикоммуниста. Тогда же была создана русская секция Лиги Обера, ставившая задачу привлечения эмиграции к активным выступлениям против большевистской диктатуры, вплоть до вооруженной борьбы. Секция имела представительства в более чем двадцати странах, в том числе в Германии, Франции, Великобритании, США и Китае, однако численность этих организаций была незначительной. Лигу возглавлял Постоянный секретариат (руководителем был А.И. Лодыженский). Она прекратила свою деятельность в 1939 г. Понятно, что эта организация рассматривалась Николаевским как невлиятельный клуб незначительной группы лиц, к тому же крайней правых по своим убеждениям [532 - Ныне архивный фонд Лиги Обера, являющийся составной частью Русского заграничного исторического архива, хранится в Государственном архиве Российской Федерации в Москве.].

Однако к самому Гучкову как к бывшему октябристу, историческому деятелю интерес у Николаевского сохранялся. Еще живя в Германии, Николаевский встречался с Гучковым и даже записал фрагмент его воспоминаний, связанный с некоторыми эпизодами выступления генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. и его попыткой установления в России твердой государственной власти. Доверительных отношений с Гучковым у Николаевского, однако, не сложилось. Из Франции Николаевский писал в нью-йоркскую газету «Форвертс», что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, – и колеблется, боится взять непосильную ношу».

Попытка разговорить бывшего политика, уговорить его рассказать о минувших днях по написанному Николаевским плану не удалась. План «испугал Гучкова, – вспоминал Борис Иванович, – так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная» [533 - NS, box 775, folder 14.]. Но вот когда у одного из эмигрантов – Н.А. Базили, бывшего дипломата, занимавшегося в эмиграции литературной деятельностью, – возникла мысль записать воспоминания Гучкова и последний дал на это согласие, Николаевский оказал максимальное содействие. Это было весьма интересное и в какой-то степени авантюрное предприятие, ибо Гучков, участвовавший во многих поворотных событиях недавней истории, будучи великолепным

оратором, оказывался весьма скупым, когда ему приходилось вспоминать прошлое.

Александр Иванович Гучков (1862–1936) – выходец из купеческой семьи – в молодые и средние годы был участником событий в горячих точках. В 1899 г. он отправился в Южную Африку и участвовал в Англо-бурской войне на стороне буров, проявив мужество. В 1903 г. Гучков поехал в Македонию и участвовал в восстании местного, в основном болгарского, населения против османского господства. В следующие годы он занялся политической деятельностью, став основателем и лидером право-либеральной партии «Союз 17 октября». В 1910–1911 гг. он являлся председателем Государственной думы, в начале Февральской революции принимал в Пскове отречение от престола Николая II, а затем был военным министром первого Временного правительства. Человек отчаянный и решительный, он не раз участвовал в дуэлях, в 1908 г. даже вызвал на дуэль лидера кадетов Милюкова, который в Госдуме обвинил его, что тот «говорит неправду» (дуэль не состоялась, так как секунданты добились примирения). Эмигрировав после Октябрьского переворота, Гучков являлся одним из наиболее видных организаторов антисоветских и антикоммунистических русских объединений за рубежом [534 - Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1995; Серова Я.А. Великий магистр революции. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006.].

Базили собирался проинтервьюировать Гучкова, как и других эмигрантов, для подготовки своей книги по истории императорской России. Николаевский помог будущему автору сделать вопросник. Содержательность вопросов, видимо, была одной из причин, по которым Гучков согласился на интервью. Состоялись несколько встреч. Они стенографировались. Воспоминания составили более 100 страниц машинописного текста. Издать книгу, однако, не удалось. В мае 1936 г. Николаевский с сожалением писал профессору А.Ф. Изюмову – заместителю директора Русского заграничного исторического архива в Праге, – что выпуск книги Базили «из-за кризиса все затягивается». После смерти Гучкова Базили передал стенограммы его душеприказчикам, но все еще надеялся на публикацию [535 - NC, box 775, folder 14.].

В августе – сентябре 1936 г. в парижской газете «Последние новости» появилась обширная публикация «Из воспоминаний А.И. Гучкова». В предварявшей ее статье несостоявшегося дуэлянта Милюкова говорилось, что мемуары представляют собой литературную переработку стенограмм: «Эта обработка являлась только предварительной, уже по одному тому, что лицом, взявшим на себя труд, не были использованы все найденные после смерти Гучкова стенограммы», подразумевая под «лицом» Базили [536 - 15 февраля 1937 г. Милюков опубликовал в «Последних новостях» еще одну статью о Гучкове: «Большой человек» (переопубликована в «Новом журнале». 1986. № 162. С. 224–227).]. Иными словами, воспоминания были опубликованы в сокращенном виде. Базили ограничился лишь отрывками, отмеченными самим Гучковым, но даже они, похоже, газетой не были опубликованы полностью. Публикация воспоминаний Гучкова оборвалась в «Последних новостях» неожиданно и без указания причин [537 - Опубликованные в «Последних новостях» воспоминания А.И. Гучкова были переопубликованы в 1985–1986 гг. в «Новом журнале» (см.: Гучков А.И. Из воспоминаний // Новый журнал. 1985. № 161. С. 150–189; 1986. № 162. С. 184–221).]. Сами стенограммы оказались в Гуверовском институте в коллекции Базили и в полном объеме увидели свет только в 1991 г. [538 - Базили Н.А. Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А.И. Гучкова с Н.А. Базили (история стенограмм) // Вопросы

Продолжение политологических штудий

В целом Борис Иванович все более отходил от политических волнений, столкновений и склок. Он почти полностью переключился на политологическую, а вслед за этим на научно-историческую и научно-организационную деятельность как руководитель филиала Международного института социальной истории. Он был сосредоточен в первую очередь на сущности и конкретных проявлениях сталинизма как политической доктрины единовластия, ее террористической и агитационно-популистской сторонах, на том, что Николаевский еще не называл тоталитаризмом (к такому определению сталинской власти он придет после Второй мировой войны). Исследователь по существу дела понимал сталинизм не как особую власть (ее следовало бы определить как авторитаризм, который может существовать в качестве политической стороны тоталитаризма, но также и вне его) [539 - См.: Чернявский Г. Тень Люциферова крыла. С. 49–52.], а как складывавшуюся или уже сложившуюся социально-политическую систему.

Используя уже примененную им форму, Николаевский в 1933 г., то есть сразу же после переезда из Германии во Францию, опубликовал в «Социалистическом вестнике» серию «Писем из Москвы», которые, как он признавался через много лет, были в значительной степени основаны на информации, полученной от известного советского писателя Исаака Бабеля. С Бабелем Николаевский действительно не раз встречался в Париже [540 - Kristof L.K.D. V.I. Nicolaevsky: The Formative Years. P. 26.].

Советская критика тех лет, отдавая должное таланту Бабеля и отмечая правдивое освещение им Гражданской войны, в то же время упрекала его в натурализме. Книгу «Конармия» подвергли резкой критике С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов, усмотрев в ней «клевету». В то же время Бабеля поддерживал Горький, официальный авторитет которого как своего рода «большевистского вождя» советской литературы был в начале 30-х годов непререкаем.

Бабель приезжал в Париж неоднократно в 1925, 1927–1928, 1932–1933 и 1935 гг., причем в 1927–1928 и 1932–1933 гг. жил там примерно по году [541 - Бабель И. Письма другу. Из архива И.Л. Лившица. М.: Три квадрата, 2007. С. 87.]. Он ездил в столицу Франции к своей жене Евгении Кронфельд, которая постоянно там проживала, а во время одного из посещений Бабеля родила дочь Наташу. Встречи с Николаевским происходили не ранее лета 1933 г.

Во второй половине 20-х годов Бабель задумал «роман о чекистах», который так и не написал, но стремился к общению с сотрудниками карательных органов, пытался проникнуть в их психологию. Эти люди Бабеля интересовали почти болезненно. Он был вхож в дом Н.И. Ежова еще до того, как тот стал «железным сталинским наркомом» внутренних дел, и продолжал общение с Ежовым и его женой, в том числе, по-видимому, в качестве любовника, даже после того, как Ежов стал наркомом. Еще более близкие отношения были у Бабеля с предыдущим наркомом внутренних дел – Г.Г. Ягодой, и треугольные взаимоотношения Горького, Ягоды и Бабеля заслуживают своего отдельного исследования. При этом к сталинскому социализму и его кровавой гвардии Бабель в целом относился с опаской, а сплошная коллективизация на Украине повергла писателя в ужас [542 - Поварцов С. Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака

Бабеля. М.: Терра, 1996. С. 31.].

Если иметь в виду, что Бабель в общении не был особенно осторожен, что даже на собраниях во время «большого террора» он осмеливался говорить крамольные вещи [543 - В 1937 г. он публично заявил: «Как только слово кончается на «изм», я перестаю его понимать». Для того времени это была очень смелая фраза.], можно полагать, что Николаевский имел возможность пользоваться сведениями много знавшего, наблюдательного и весьма разговорчивого Бабеля, с которым у Бориса Ивановича установились явно близкие отношения.

Знакомство писателя с Николаевским произошло еще в 1925 г., во время первого визита в Париж. Вряд ли Борис Иванович специально поехал на встречу с Исааком Эммануиловичем, хотя и это не исключено. Скорее всего, их пребывание в этом городе просто совпало, и знакомство состоялось через общих друзей. На допросе в НКВД в мае 1939 г. Бабель на требование следователя дать показания о своих антисоветских связях во время поездок за границу сказал:

«В бытность свою в Париже в 1925 году я встречался с троцкистом Сувариним, меньшевиком Николаевским, белоэмигрантами Ремизовым, Цветаевой и невозвращенцем Грановским» [544 - Поварцов С. Причина смерти – расстрел. С. 49.].

Последнее утверждение было ошибочным, так как главный режиссер Еврейского государственного театра в Москве Алексей Михайлович Грановский стал невозвращенцем лишь в 1928 г., и Бабель мог с ним встречаться в данном качестве в Париже только после этого [545 - Грановский Алексей Михайлович (настоящие фамилия и имя Азарх Авраам, 1890–1937). В 1911 г. окончил Школу сценических искусств в Санкт-Петербурге, затем учился на факультете театральных искусств в Мюнхенской театральной академии. В 1914 г. Грановский дебютировал как режиссер в Рижском Новом театре, затем ставил пьесы в разных городах России. В 1917 г. он уехал в Швецию, где учился по специализации «кинорежиссура». В 1919 г. основал Еврейскую театральную студию в Петрограде, на базе которой в 1920 г. в Москве был создан Государственный еврейский камерный театр. В 1925 г. театр получил название Государственный еврейский театр (ГОСЕТ), где Грановский работал режиссером. В театре Грановского ставились в основном пьесы на идише. Среди актеров театра особенно выдвинулись. Михоэлс и В. Зускин. В 1928 г. во время триумфальных гастролей ГОСЕТ в Париже Грановский отказался выполнить распоряжение Наркомпроса о немедленном возвращении театра в СССР и отмене поездки в США, так как в его спектаклях были обнаружены «идеологические ошибки». Коллектив театра возвратился в Москву (его руководителем был назначен С. Михоэлс), тогда как Грановский стал невозвращенцем. В следующие годы он поставил ряд пьес и кинофильмов во Франции и в Германии.].

Интерес к встречам с Николаевским усилился у Бабеля в связи с тем, что он задумал написать сценарий фильма об Азефе, и Николаевский был ему известен как наиболее авторитетный и компетентный автор биографии Азефа и знаток личности «провокатора». Предложение написать сценарий поступило как раз от Грановского, с которым Бабеля связывали творческие узы (он делал надписи к фильму Грановского «Еврейское счастье» по рассказам Шолом-Алейхема) [546 - Воспоминания о Бабеле. М.: Книжная палата, 1989. С. 242.]. Вот Грановский с Бабелем и решили привлечь Николаевского в качестве научного консультанта фильма, тем более что Грановский Николаевскому доверял. Они не раз встречались в Париже. Гуль свидетельствует: «Вместе с Б.И. [Николаевским] бывали у Алексея Грановского в роскошной квартире на авеню Анри Мартен... Прочтя

моего «Азефа», Грановский попросил Б.И. как-нибудь привести меня. И мы с Б.И. не раз у него бывали, причем в первый приход Грановский уверял, что я «вылитый Савинков» [547 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 54–55.].

По поводу привлечения Николаевского как консультанта мы располагаем только показаниями Бабеля следователям НКВД в 1939 г. Они не противоречат известным фактам, не содержат компрометирующих сведений ни о ком из упоминаемых лиц, и поэтому их можно считать достоверными, хотя, разумеется, они представляли встречи с Николаевским по возможности в благоприятном для Бабеля свете и с соответствующими просоветскими акцентами (что Бабеля все равно не спасло). Приведем обширную и весьма показательную выдержку из стенограммы этого допроса:

«Встреча с Николаевским произошла на квартире невозвращенца режиссера Грановского в гостинице возле Елисейских Полей, точного адреса я не припоминаю. Грановский пригласил меня для переговоров о написании фильма «Азеф». Когда я пришел к нему, то застал уже Николаевского, который предполагался Грановским в качестве консультанта фильма. Предложение Грановского написать фильм я принял и условился с Николаевским о следующей встрече для того, чтобы получить у него новые материалы о конце Азефа, умершего, как это установил Николаевский, владельцем корсетной мастерской в Берлине.

Вопрос. Состоялась ли ваша следующая встреча с меньшевиком Николаевским?

Ответ. Да, состоялась. Я встретился с Николаевским в кафе на улице Вожирар, куда он мне принес обещанные материалы. Разговор о будущем фильме был очень короткий, после чего Николаевский стал настойчиво допытываться у меня о положении в СССР. Помню, что его особо интересовали последние работы института Маркса – Энгельса – Ленина. Попутно он мне рассказал, что ему удалось вывезти из Берлина очень ценный архив Маркса. На вопрос об ИМЭЛ я никакого ответа Николаевскому дать не смог, так как не располагал соответствующими сведениями. Тогда он перешел к вопросам о коллективизации и положении в советской деревне.

Вопрос. Как же вы осветили Николаевскому положение в колхозной деревне?

Ответ. Не давая перспектив развития колхозной деревни, потому что я их тогда не понимал, я в красочной форме изобразил мою недавнюю поездку по новым колхозам Киевской области на Украине, во время которой я наблюдал много тяжелых сцен и большую неустроенность. Свидание с Николаевским длилось около часа. Мы уговорились встретиться через 2–3 дня и на этом расстались. На следующий день я отправился к нашему послу в Париже Довгалеvскому и попросил у него указаний, можно ли привлечь Николаевского к совместной работе по фильму. Довгалеvский на это ответил, что Николаевский является весьма активным и опасным врагом, и поэтому на третью встречу с Николаевским я не рискнул пойти и больше с ним не встречался» [548 - Поварцов С. Указ. соч. С. 142.].

Итак, Николаевский снабдил Бабеля документами об Азефе для фильма, который так и не был поставлен, и расспрашивал его о разных аспектах положения в СССР. Можно отчетливо представить себе, как сокрушительно для советского режима выглядела «красочная форма» описания положения в деревне после коллективизации, если даже на допросе Бабель упомянул о «тяжелых сценах» и «большой неустроенности».

О том, насколько откровенен был Бабель в беседах со своими парижскими знакомыми, в том числе, естественно, с Николаевским, свидетельствуют воспоминания Бориса Суварина, отлученного от коммунистического движения за поддержку Троцкого, от

которого, впрочем, он вскоре отошел и многократно с ним затем дискутировал. Суварин в это время писал книгу о Сталине и интересовался впечатлениями Бабеля о сталинском окружении. Бабель откровенно рассказывал о Ворошилове, Буденном, Кагановиче. На вопрос о судьбе оппозиционеров он ответил, что арестовано и отправлено в ссылку приблизительно десять тысяч «троцкистов» (эта цифра была значительно преувеличена; видимо, Бабель причислил к «троцкистам» и других арестованных и сосланных в то время партийных работников); «а всего заключенных примерно три миллиона» (эти данные на период начала 30-х годов были достаточно точными).

Высказывания Бабеля нередко противоречивы, что неудивительно – это были не воспоминания, а результат допросов. В одном месте Бабель показал, что в беседах с Николаевским и Сувариним «рисовал клеветнические картины жизни в Советском Союзе». В другом – что в общении в Париже он стремился о Советском Союзе рассказывать «лучшее и положительное» [549 - Поварцов С. Указ. соч. С. 145.]. К сожалению, большей информацией об общении Николаевского с Бабелем мы не располагаем. Однако даже такой предвзятый и обычно фальшивый источник, как протоколы допроса жертвы сталинской системы, в данном случае дает достоверную информацию о характере отношений Николаевского и Бабеля.

Разумеется, работая над статьями о Советском Союзе, Николаевский привлекал все доступные ему первичные и вторичные источники, а кроме того, стремился экстраполировать известные факты на основные тенденции развития СССР. Так появились знаменитые статьи о Сталине и его окружении, о внутренних процессах, которые происходили в высшем карательном органе советской власти – Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ), вокруг которого шла внешне незаметная, но на самом деле острая борьба окружающих Сталина конфликтующих между собою групп [550 - Оформленные как «Письма из Москвы», все эти публикации были подписаны сокращением «Ив.»: Ив. Борьба за ГПУ. (Письмо из Москвы) // Социалистическим!! вестник. 1933. № 14–15. С. 3–12; Его же. Диктатор Советского Союза. (Письмо из Москвы) // Социалистический вестник. 1933. № 19. С. 3–14; Его же. Ближайшее окружение диктатора (Письмо из Москвы) // Социалистический вестник. 1933. № 23. С. 3–10.]. Позже, когда началась Вторая мировая война, текущий анализ сосредоточился на советско-германских отношениях непосредственно перед ее началом, на сговоре Сталина с Гитлером, а вслед за этим на предполагаемых перспективах советско-германских отношений в военные годы и, следовательно, их влиянии на расстановку военно-политических сил в мире.

В «Социалистическом вестнике» появилась вдумчивая статья, в которой вскрывались известная закономерность и историческая подоплека вступления Сталина в открытый союз с Гитлером [551 - Николаевский Б. Сталин и Гитлер в последние дни августа 1939 г. // Социалистический вестник. 1939. № 23–24. С. 280–285.]. Николаевский возражал тем наблюдателям, которые полагали, будто договором о ненападении от 23 августа 1939 г. Сталин стремился уклониться от активного участия в войне. Такая позиция его оппонентов была не очень далека от позднейшей официальной советской версии, в значительной степени сохраняемой и поныне. Николаевский, разумеется, не знал тогда о подписании дополнительного секретного протокола к договору о ненападении, разделившем Европу на сферы германского и советского господства и отдавшего Восточную Польшу, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию в сферу влияния Советского

Союза [552 - «При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату: 1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами. 2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия. 3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях. 4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете. Москва, 23 августа 1939 года. По уполномочию правительства СССР В. Молотов. За правительство Германии И. Риббентроп» (Оглашению подлежит. СССР – Германия. 1939–1941 / Сост. Ю. Фельштинский. М.: Terra-Книжный клуб, 2004. С. 69–70).]. Но о наличии какой-то тайной договоренности говорили факты, и подозрения о затеваемой Сталиным «дьявольской игре» у Николаевского были, тем более что, по его обоснованному мнению, планируемая война была завершением внешнеполитического курса предыдущих лет.

Несколько более спорными были категорические выводы других работ Николаевского, в которых он исключал любые неожиданные повороты в советско-германских отношениях, в том числе и возможность военного конфликта между Гитлером и Сталиным. «Политически свои корабли он уже сжег, – считал Николаевский в 1940 г. – Политически он уже полностью с Гитлером. Западноевропейские демократии в его лице имеют смертельного врага. Особенно страшный непримиримый враг он для демократического социализма. Последний должен это понять. Компромисса быть не может. Мы идем навстречу беспощадной борьбе – борьбе на жизнь или смерть» [553 - Николаевский Б. Роль Сталина в современной войне // Социалистический вестник. 1940. № 4–5. С. 45–47.].

Пройдет год, и Николаевскому придется серьезно пересмотреть свои оценки под влиянием текущих событий, хотя твердую уверенность в том, что Сталин являлся смертельным врагом западной демократии, он сохранил и в те годы, когда советский диктатор был союзником Рузвельта и Черчилля. В любом случае принципиальная, сугубо отрицательная оценка пакта Гитлера – Сталина (пакта Риббентропа-Молотова) отличала позицию Николаевского от мнения тех меньшевиков-эмигрантов, которые, хотя и с оговорками, поддержали курс сталинской внешней политики накануне Второй мировой войны, видя в этом не столько сговор двух диктаторов, сколько попытку сохранения мира. Именно этой точки зрения придерживался левый меньшевик Дан.

Политической публицистикой Борис Иванович занимался с энтузиазмом, тщательнейшим образом анализируя скудные материалы, которые оказывались в его распоряжении. Но еще большее его внимание привлекала работа в качестве руководителя парижского филиала Амстердамского Международного института социальной истории (МИСИ). Этот институт был основан в 1935 г. известным историком Николаасом Постюмусом как место хранения и изучения документов, касающихся истории общественных движений, в частности рабочих и социалистических организаций. Деятельность института финансировалась страховой компанией «Де Централ», близкой к социал-демократическому движению. МИСИ стал активно собирать документы по всей Европе, причем особо важными приобретениями считались документы Маркса – Энгельса и архивы и библиотеки российских общественных и политических деятелей, находившихся в эмиграции.

Работа Николаевского для института оказалась исключительно важной. На средства, предоставленные институтом, он снял помещение на улице Мишле, где проводил целые дни, разбирая документы и отвлекаясь только для того, чтобы встретиться с лицами, у которых он надеялся получить новые материалы. Первое время помощь ему оказывала Лилия (Лола, Леля) Яковлевна Эстрина (урожденная Гинзбург) – супруга известного меньшевика Соломона Ефимовича Эстрина, от которого она, впрочем, отделилась. В прошлом активная саратовская социал-демократка, эмигрировавшая в Берлин и переехавшая затем в Париж, Л. Эстрина работала секретарем парижского филиала Амстердамского института, приводя в порядок поступавшие туда коллекции.

Вскоре, однако, Эстрина увлеклась взглядами Троцкого и, познакомившись с его сыном Л.Л. Седовым, издававшим в Париже «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», отказалась от своей работы в филиале и целиком сосредоточилась на делах, связанных с выходом русскоязычного журнала международной «коммунистической оппозиции большевиков-ленинцев». Знакомство Эстриной с Николаевским, однако, послужило нитью, связавшей с Николаевским Троцкого, когда, с одной стороны, встал вопрос о сохранении части архива Троцкого, а с другой – Троцкому потребовались научные консультации Николаевского [554 - В 1940 г. Лилия Эстрина, выехав в США, вышла замуж за Александра Далина, сына известного меньшевика и друга Николаевского Д.Ю. Далина. В эмигрантских кругах личные судьбы все более переплетались с политическими.].

Официальный пост представителя Амстердамского института в Париже дал

учреждениями и деятелями. Он смог наиболее целесообразно распорядиться документами вывезенного им германского архива. Сначала этот архив находился в здании, принадлежавшем Международной федерации профсоюзов, затем договорились о переводе его в Эколь Нормаль – авторитетнейший парижский университет, основанный еще в 1794 г. Решение было принято помощником директора этого учебного заведения молодым социологом Раймоном Ароном, будущим редактором газеты «Фигаро» и одним из создателей теории индустриального общества и конвергенции капитализма и социализма. В конце концов правление германской социал-демократии, находившееся в эмиграции, при посредничестве Николаевского заключило соглашение с МИСИ, и в 1938 г. Борис Иванович все эти материалы переправил туда [555 - NC, box 492, folder 7.].

Этому, однако, предшествовали напряженные и оказавшиеся безрезультатными переговоры с советской стороной. Следует сказать, что, руководя эмигрантским архивным

центром, Борис Иванович считал необходимым сделать все от него зависящее, чтобы российская документация, а также коллекции документов Маркса и Энгельса оказались в СССР. На это возлагались тем большие надежды, что к бумагам, фактическим попечителем которых он являлся, вновь проявила интерес советская сторона. Образованный в 1931 г. объединенный Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), разумеется, с санкции ЦК, вступил в переговоры с Николаевским, рассматривая его в качестве возможного посредника с западными социалистами.

Летом 1933 г. французские газеты сообщали о предстоящем обмене историческими документами между СССР и Францией. Москву интересовало наследие Маркса и Энгельса, за которое советское правительство готово было отдать французской стороне находившиеся в советских архивах документы, касающиеся Наполеона Бонапарта. Можно предполагать, формулировки французских газет были не слишком точны, ибо государственные учреждения Франции архивом Маркса и Энгельса не располагали; они могли в лучшем случае выступить посредниками в переговорах между Москвой и германскими социал-демократами, находившимися в эмиграции. О вывозе архивов из Берлина в Париж Москва, разумеется, узнала от самого Николаевского. Однако в тот момент переговоры, проходившие, возможно, по дипломатическим каналам, к успеху не привели.

В апреле 1934 г. к архиву СДПГ проявил интерес МИСИ. Об этом сразу стало известно в Москве, и, видимо, снова благодаря Николаевскому. В ответ ИМЭЛ предложил Николаевскому организовать продажу архива Маркса – Энгельса и других документов за значительную сумму Советскому Союзу. Как альтернативное решение советское правительство предложило рассмотреть вопрос о возможности передачи всех документов на депозитарное хранение в Москву, за что находившийся в Праге Заграничный центр СДПГ должен был получить от советской стороны крупную беспроцентную ссуду.

Эти переговоры также не получили развития, хотя Николаевский, к которому обращались в качестве эксперта, считал продажу целесообразной, предлагая попросить за архивы 200–250 тысяч долларов. Лидеры германских социал-демократов решили пока архив не продавать, и документы были переданы на хранение во французский филиал МИСИ, и в 1935 г. советская сторона обратилась к Николаевскому с предложением вступить в переговоры о продаже архивов уже с Международным институтом социальной истории, являвшимся их фактическим хозяином. Советские предложения были переданы эмигрантскому руководству СДПГ [556 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 81.], рассмотрены немцами и их французскими коллегами и в целом приняты. Главные соображения немецкой стороны были финансовые. Как вспоминала Л.О. Дан, «у немецких с[оциал]-д[емократов] и в мыслях не было передавать архив «на сохранение» в Москву, но мысль о возможности продать этот архив показалась им соблазнительной, тем более что непривычная эмигрантская жизнь, организованная на широкую ногу, с бюро, с многочисленными (на эмигрантский масштаб) служащими, изданиями и т. д. требовала больших средств, а вывезено было их, кажется, не очень много».

Одновременно возник вопрос о продаже в СССР русских эмигрантских архивов, причем Заграничная делегация РСДРП, со своей стороны согласившаяся на переговоры с советским правительством, выделила для участия в них Николаевского и наиболее просоветски настроенного меньшевика Дана.

В эмигрантских кругах шли бурные прения по поводу того, какую сумму затребовать за

документы. Называлась цифра 6 миллионов франков (примерно 150 тысяч долларов по тогдашнему курсу), затем 8 миллионов франков. Николаевскому даже сообщили, что советская сторона не просто заинтересована в приобретении архива, но что будто бы этим делом занимается сам Сталин. Дело дошло до того, что некоторые эмигранты решили выдвинуть еще и политические условия. Абрамович предлагал, например, поставить вопрос об освобождении осужденных меньшевистских деятелей С.О. Ежова-Цедербаума (брата Ю.О. Мартова), Е.Л. Бройдо и некоторых других. На этом фоне директор ИМЭЛ Владимир Викторович Адоратский обратился 29 января 1936 г. к Сталину со следующим письмом:

«Сов. секретно.

Товарищ Сталин,

Прилагаю при сем проект договора о покупке архива Маркса и Энгельса и опись главной части документов архива Германской социал-демократии. Согласно предложению продавцов, мы покупаем в оригиналах всё, что написано рукой Маркса и Энгельса, остальное в фотокопиях. Мы же, со своей стороны, настаиваем на передаче нам в оригиналах всех документов, кои перечислены в нашем проекте договора, в пункте 1-м.

Вношу предложение:

1. Назначить цену за архив в пределах 5 миллионов французских франков (около 400 000 золотых рублей) до 8,5 миллионов французских франков.

2. Уполномочить товарища Тихомирнова приобрести:

a. Архив группы Вперед;

b. Письма Энгельса Мерингу;

c. Протоколы совещаний «Искры» и «Зари» с «Рабочим Делом» (записи выступлений Ленина исправлены им собственноручно);

d. Бюст Маркса работы Карла Лонге;

e. Маску Маркса, владельцем которой также является Лонге, – ассигновав на все эти приобретения 10 000 рублей золотом.

2. Командировать тов. Аросева в Париж и Швейцарию, чтобы вместе с тов. Тихомирновым закончить все дело с покупкой архива Маркса и Энгельса и привезти библиотеку Дитмана.

№ 77/с В. Адоратский» [557 - РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 19–20.].

Еще до этого с аналогичным предложением, внушенным, скорее всего, тем же Адоратским, к Сталину обратился председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) А.Я. Аросев. Сталин отреагировал запиской: «Да, конечно, мы можем выделить деньги. Но мы должны прежде всего узнать, что мы покупаем как архивный материал. Мы не можем покупать свинью в мешке. Надо получить от них список архивных материалов с кратким описанием содержания документов. Затем мы можем послать 50 000 рублей [558 - РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 1.], т. е. выдать полпредству СССР в Париже для покупки документов 50 тысяч рублей».

Судя по всему, опись документов советской стороне предоставлена не была. Тем не менее в феврале 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о покупке архива СДПГ, прежде всего документов Маркса и Энгельса. В Париж была направлена сравнительно авторитетная делегация во главе с Н.И. Бухариным. Давно уже лишенный ореола одного из партийных вождей, снятый с высших постов еще в 1929 г. за так называемый правый уклон (вместе с А.И. Рыковым, М.П. Томским и некоторыми

другими Бухарин робко выступил против свертывания НЭПа), Бухарин был теперь всего лишь главным редактором «Известий», хотя и пользовался репутацией близкого к Сталину лица и главного большевистского идеолога.

Серьезных оснований для таких суждений не было – поверхностный и часто менявший свои воззрения Николай Иванович отличался умением преподнести элементарные вещи в сложной философско-экономическо-социологической упаковке, с множеством ссылок на авторитеты, за что получил от острого на язык Троцкого прозвище Колечка Балаболкин. Да и хитрый Сталин, внешне расположенный к Бухарину, уже явно готовил над ним расправу. Как и санкционированная Сталиным поездка Х.Г. Раковского во главе делегации советского Красного Креста в Японию на съезд Международного Красного Креста [559 - Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г. Раковский в 1927–1941 гг. Харьков: Харьковский государственный ин-т культуры, 1993. С. 255–262.], поездка Бухарина в Западную Европу должна была дать «материал» для обвинения и Раковского, и Бухарина в связях с агентурой «империалистических держав».

Действительно, на мартовском 1938 г. судебном процессе по делу «правотроцкистского блока» Бухарина путем угроз и пыток вынудили дать показания, что он во время поездки 1936 г. «установил связь с меньшевиком Николаевским, который очень близок к руководящим кругам меньшевистской партии»:

«Из разговора с Николаевским я выяснил, что он в курсе соглашений между правыми, зиновьевскими, каменевскими людьми и троцкистами... То конкретное и новое, о чем шел между нами разговор, заключалось в том, что в случае провала центра правых, или контактного центра, или вообще верхушечной организации всего заговора, у него, Николаевского, будет договоренность с лидерами второго Интернационала о том, что они поднимают соответствующую кампанию в печати» [560 - Стенограмма бухаринского процесса. М.: Международная семья, С. 234. Сразу после процесса был опубликован том: Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока. М.: Юриздат, 1938. Однако установлено, что этот отчет был фальсифицированным, что он усиленно редактировался, в том числе лично Сталиным, причем искажению подверглись прежде всего показания Бухарина (Мурин Ю. История одного признания // Совершенно секретно. 2009. 23 июня). Издание же 2007 г. осуществлено по архивному подлиннику стенограммы.]

Совершенно очевидно, что последними словами Бухарин просил Николаевского и других русских эмигрантов привлечь внимание мировой общественности и к его собственной судьбе, и в целом к тому, что творилось в СССР.

Бухарин заявил также на суде, что встречи их происходили в силу возложенной на него «официальной миссии», однако под давлением следствия вынужден был публично признаться в контрреволюционной деятельности: «Таким образом, я имел законное укрытие, за которым я мог вести контрреволюционные разговоры и заключать те или иные соглашения» (как мы знаем – соглашения о покупке архивов).

По поводу показаний Бухарина на суде Николаевский уже во время процесса выступил в «Социалистическом вестнике» со специальным заявлением, подчеркивая, что его встречи с Бухариным в 1936 г. «отнодь не носили характера каких-то тайных свиданий и были превосходно известны организаторам теперешнего московского процесса». «Приезжавшая в Париж комиссия, в которую входил Бухарин, – писал Николаевский, – действовала в пределах инструкций, данных ей лично Сталиным», причем «эти инструкции, как мне тогда же было сообщено, предусматривали не только переговоры со мною, но и

привлечение меня на пост постоянного представителя означенного Института за границей, – предложение, которое было мною отклонено» [561 - Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 13–14. В этом же номере было помещено совместное заявление Дана и Николаевского с опровержением показаний на процессе Рыкова о том, что он якобы через них снабжал информацией «Социалистический вестник». Отмечая, что действительно существуют «старые большевики», которые считают возможным пользоваться их журналом, чтобы быть услышанными, они указывали, что лично Рыков к этим людям не относился (Социалистический вестник. 1938. № 5. С. 12).].

Николаевский указывал, что все без исключения встречи с Бухариным проходили в рамках этих переговоров. «В частности, при наших встречах не было, конечно, и намека на разговоры о каких-то якобы существовавших в СССР заговорах и об организации агитационной кампании в случае их неудачи. Все такого рода утверждения Бухарина на процессе относятся к области чистого вымысла, объяснить который я могу только кошмарной обстановкой, царящей на московском процессе, – обстановкой, которая заставляет подсудимых возводить на себя такие нелепые, вздорные обвинения, которым не может верить ни один здравомыслящий человек».

В определенной мере цель, которую, по всей видимости, ставил перед собой Бухарин, намекая в речи в суде на кампанию в свою защиту, была достигнута. Последовала мощная волна выступлений социалистических и демократических организаций, отдельных международных деятелей с разоблачениями московского судебного фарса. Это, однако, не изменило судьбы обвиняемых – за исключением нескольких лиц, получивших тюремные сроки, обрекавшие их на медленную смерть, большинство, в том числе Бухарин, было приговорено к расстрелу и немедленно казнено.

Николаевский, разумеется, не был до конца правдив, когда утверждал, что встречи с Бухариным проходили только в рамках формальных переговоров. Политических переговоров конечно же не было. Но политические разговоры, и довольно разносторонние, имели место. Возвратимся поэтому в 1936 г.

В делегацию, которая воспринималась как представительство ЦК ВКП(б), то есть как самая высокая в стране инстанция, помимо Бухарина, входили лица, знавшие об архивном деле не понаслышке, – директор ИМЭЛ В.В. Адоратский и заведующий Центральным партийным архивом Г.А. Тихомирнов [562 - Миклош Кун особенно выделяет Тихомирнова в качестве лица, специально посланного для наблюдения за поведением Бухарина и для сбора о нем компрометирующих материалов (Kun M. Stalin. P. 277). Трудно судить, насколько остальные члены советской делегации были освобождены от этой обязанности.] были людьми в высшей степени грамотными. Четвертым членом делегации был председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей А.Я. Аросев. Советские представители прибыли в Париж, связались с Николаевским и предложили ему стать основным посредником на переговорах о покупке архивов у немцев. Вторым участником переговоров со стороны меньшевиков советские делегаты предложили Дана. Они объясняли это тем, что надеялись на связи Дана с немцами, на его умиротворяющую роль в том смысле, чтобы немцы, говоря словами супруги Дана, «не ставили сумасшедшие требования» [563 - NS, box 492, folder 7.]. Фактически же советская сторона стремилась привлечь Дана как противовес более консервативному Николаевскому, ибо советскому руководству хорошо была известна просоветская ориентация Дана. Предложение было принято. Впрочем, Дан участвовал в переговорах лишь эпизодически.

Вначале казалось, что компромисс возможен и будет найден. Николаевский и Дан прибыли в отель «Лютеция», в котором остановились советские делегаты. Внешне они были дружески приняты – их угощали шоколадом и пивом, что для полуголодных эмигрантов было роскошью. Бухарин и другие просили «повлиять на немцев» и даже привлечь к этому делу лидера французских социалистов Леона Блюма. Через несколько месяцев, победив на выборах, Блюм стал премьер-министром Франции. В период переговоров предвидеть этого, разумеется, никто не мог, но то, что Блюм имеет влияние на лидеров немецкой социал-демократии, было известно. Также было известно, что в дело покупки архива вовлечен Сталин. Л.О. Дан, бесспорно со слов своего супруга, писала:

«Вскользь Тихомирнов упомянул, что этим делом заинтересован «сам» Сталин, что он в курсе переговоров, что именно он говорил о необходимости серьезно поставить весь вопрос. Он не сказал, что Сталин знал, что они должны были прибегнуть к посредничеству русских меньшевиков-эмигрантов, но у Николаевского было почему-то впечатление, что именно Сталин не только знал это, но в какой-то мере и подталкивал на это. Прямого такого впечатления у Дана не было, но и ему казалось, что без этого Тихомирнов и Бухарин не посмели бы так явно якшаться с эмигрантами».

Через несколько дней состоялось вроде бы деловое свидание с Блюмом. Самой встрече французский политик придал совершенно неофициальный характер. Члены делегации вместе с Николаевским и Даном приняли его «приглашение» вместе позавтракать в ресторане. Из политических тем затрагивались наиболее безопасные и соответствовавшие настроениям Блюма и новому официальному советскому курсу Народного фронта, одобренному VII конгрессом Коминтерна. Велись разговоры об опасности наступления нацизма, о Народном фронте, сформированном во Франции. Но когда Бухарин поставил вопрос о вмешательстве Блюма в переговоры с немцами по поводу покупки архива, тот категорически отказался вмешаться.

Эмоциональный Колечка Балаболкин в первые дни переговоров у всех создавал впечатление реальности сделки. На вопрос Дана о степени серьезности миссии он ответил с фанатическим воодушевлением: «А как же? Подумайте – бумаги Маркса! Мы и могилу Маркса купили бы и перенесли бы ее в Москву! А тут – бумаги, рукописи Маркса». В то же время в беседах с Николаевским Бухарин как бы запутывал следы, пытаясь создать впечатление, что эти самые «бумаги Маркса» для него особого интереса не представляют, что ему важнее просто приятно провести время в Париже. Поразительно, но умудренный опытом Николаевский поверил Бухарину, хотя сопровождал свой рассказ о странных заявлениях Бухарина оговорками. Вот как запечатлелась в его памяти эта беседа тридцать лет спустя:

«Мне казалось, что Бухарин хотел отдохнуть от напряженной жизни в Москве. Он был явно утомлен, мечтал о многомесячном отпуске, не скрывал, что хотел бы поехать к морю, купаться, ни о чем не думать и ни с кем не спорить. Таким, казалось, было его настроение, и однажды он прямо сказал мне:

«Борис Иванович, почему мы проводим все наше время в спорах об условиях? Бросьте это занятие. Вы напишите вашим, что я не соглашаюсь, а я извещу о том же своих. После этого мы поедem на Средиземное море на месяц или два...»

Замечание это было сделано, конечно, в шутовском тоне, но в нем было и серьезное содержание. В этот момент к нам подошла его молодая жена (жена Бухарина Анна присоединилась к нему лишь под конец командировки. – Ю.Ф. и Г.Ч.). Она была

студенткой и ждала первого ребенка. Бухарин познакомил меня с ней. Она тоже очень нуждалась в отдыхе и была явно довольна, когда муж ее заговорил о море» [564 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 83.].

Разумеется, никакого «серьезного содержания» в том смысле, как трактует Николаевский, в заявлении Бухарина не было. Он отлично понимал, что его меньшевистский партнер по переговорам вполне мог их прервать без какого-либо вреда лично для себя, тогда как сам он выполнял «партийное», то есть сталинское задание, и обман «вождя и учителя» ему никак не мог сойти с рук. Он не мог не знать, что за ним ведется пристальное наблюдение, что донесения о его поведении поступают в самый главный кремлевский кабинет. Бухарин должен был жестко торговаться, и его ремарки по поводу отдыха и моря являлись частью этой коммерческой игры. Удивительно и в то же время вполне объяснимо, что Николаевский поверил большевистскому политикану Бухарину.

Сталин с самого начала был против затраты крупных денежных средств на закупку архивов, тем более что Ф. Адлер, который возглавлял переговоры от имени Социалистического рабочего интернационала, придал им явно политический характер, включив в состав своей делегации такую одиозную для советского руководства личность, как Рудольф Гильфердинг. Да и участие в переговорах Дана, несмотря на его примиренческую позицию, вызвало недовольство Сталина, видимо помнившего об антибольшевистской позиции Дана в 1917 г. [565 - По всей видимости, Сталин считал просоветские заявления Дана уловкой и сохранял к нему ту ненависть, которая распространялась на всех меньшевиков. Подробности о весьма сложных переговорах, стремлении Дана к конструктивному сотрудничеству с советской стороной и твердой позиции Адлера, считавшего недопустимым передавать документы в Москву без гарантий их добросовестного использования советской стороной, можно обнаружить в письмах Дана Адлеру. Дан Ф.И. Письма (1899–1946). С. 466, 475, 481–483).]

Переговоры продолжались два месяца. Обе стороны проявляли неуступчивость. Советская сторона в конце концов предложила заплатить немцам 10 миллионов французских франков, что составляло примерно 400 тысяч американских долларов. Немецкие социал-демократы требовали значительно большую сумму. В конце концов немцы решили продать архив Амстердамскому институту. Соответствующее соглашение было подписано 19 мая 1938 г. Архив поступил в основную коллекцию МИСИ.

Тем временем просмотр русских материалов из коллекции Николаевского занимался в основном Тихомирнов. В какой-то момент он случайно натолкнулся в одной из архивных групп на рукописное письмо Сталина из туруханской ссылки в 1914 г. некоему Белинскому с просьбой прислать словари английского и французского языков. Нимало не смущаясь, прямо в присутствии Николаевского, Тихомирнов положил письмо в карман, причем Николаевский не выразил протеста против этого наглого поступка. После возвращения в Москву Тихомирнов в своем отчете Сталину и Молотову так сообщал об этом эпизоде:

«Я настолько вошел в доверие к Николаевскому, что он даже пожелал сделать сравнительно большое пожертвование для меня... Я сказал Николаевскому: «Я нашел его [письмо Сталина]. Вы никогда не нашли бы его, и оно было бы потеряно». Он согласился с моим аргументом». По словам Тихомирнова, Николаевский лишь промолвил: «Никому не говорите об этом» [566 - РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Ед. хр. 186. Л. 4.].

От покупки русских документов советская сторона в конце концов отказалась. Без

архивов Маркса – Энгельса эта сделка для СССР не представлялась интересной. В начале апреля 1936 г. из Москвы поступило распоряжение переговоры прервать. Советская делегация была неожиданно отозвана в Москву. Конечно, это решение могло быть связано с политическими шагами, предпринимаемыми Сталиным в тот период против руководителя делегации – Бухарина.

Во время пребывания Бухарина в Париже между ним и Николаевским происходили неофициальные встречи, на которых разговорчивый Николай Иванович был довольно откровенен. Он был единственным из членов делегации (к тому же ее руководителем), который общался с Николаевским неофициально, не причисляя его к «злбным врагам советского строя», к каковым он к этому времени, безусловно, относился. Правда, само избрание Николаевского в качестве посредника при переговорах по поводу архивов и вроде бы восстановившееся доверие к нему со стороны советских чиновников свидетельствовало, что всё не просто. С одной стороны, Николаевский – меньшевистский враг. С другой – лицо, заинтересованное в покупке Советским Союзом важных исторических документов.

, официальная риторика по поводу меньшевиков, как и других социал-демократов, в 1936 г. значительно смягчилась в связи с курсом на создание антифашистского Народного фронта, так что у Николая Ивановича были определенные основания для доверительных разговоров с Борисом Ивановичем, тем более что в своей стране он не решался делиться откровенно крамольными мыслями ни с кем, и особенно со своими старыми соратниками по партии вроде Рыкова, опасаясь даже встречаться с ними, чтобы контакты такого рода не были восприняты как создание фракции.

До предела сдержанными и холодными, даже запуганными, были остальные члены делегации. У Аросева же натянутость в общении с Николаевским была продиктована и личной обидой. Самолюбивый автор посредственных беллетристических произведений, он никак не мог простить Николаевскому, что более чем за десятилетие до того Николаевский отозвался о его опусах пренебрежительно. Николаевский действительно написал тогда в эмигрантском журнале, что «интерес к ним носит не столько литературный характер, сколько... этнографический. С точки зрения литературы произведения не сильны» [567 - Николаевский Б. Возрождение толстого журнала // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 11–12.].

Бухарин же, общаясь с Николаевским, как бы забыл, что беседует с одним из тех, кого раньше называли «социал-фашистами». В какой-то степени откровенность Бухарина связана была с тем, что он видел в Николаевском свояка Рыкова. А Рыков вместе с Бухариным был лидером правого уклона, сторонники которого в конце 20-х годов стремились предотвратить сталинскую отмену нэпа и насильственную коллективизацию. Уже во время первой встречи Бухарин в качестве «пароля доверия» произнес: «Привет вам от Владимира» (родного брата Николаевского, женатого на сестре Рыкова). Позже, когда они остались наедине, Бухарин добавил: «Вам шлет привет Алексей», то есть сам Рыков. «Это дало тон нашим последующим беседам» [568 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 82.], – вспоминал Николаевский.

В целом ряде своих документов Николаевский упоминал о частых встречах и беседах с Бухариным. Во время одной из них почему-то присутствовал Аросев. Когда Бухарин произнес неосторожную, по мнению Аросева, фразу, тот прервал Бухарина: «Все это очень хорошо, но вот мы уедем, а вы напишете сенсационные воспоминания».

Николаевский, отлично понимавший опасения Аросева, ответил: «Заклучим соглашение: о наших встречах откровенно напишет последний из нас, кто останется в живых» [569 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 83.]. Случилось так, что этим последним оказался именно Николаевский – оба его собеседника были расстреляны во время «большого террора». Через много лет, в апреле 1965 г., Борис Иванович вспоминал: «С Бухариным в течение почти двух месяцев я встречался почти каждый день и очень много с ним говорил на самые разные темы». Более того, Николаевский уверовал, что Бухарин «открыл ему свою душу» [570 - NC, box 501, folder 24, p. 1.].

«Николаевский иной раз ошибался в людях, особенно когда он увлекался кем-нибудь», – писал одному из авторов этой книги ветеран российского социал-демократического движения Б.М. Сапир [571 - Письмо Б.М. Сапира Ю.Г. Фельштинскому от 18 июня 1989 г.]. В уровне доверия Бухарина Николаевский, безусловно, ошибся. Этим, видимо, отчасти объясняется и новый виток ухудшения его взаимоотношений с Даном, встречу которого с Бухариным оба они от Николаевского скрыли. Л.О. Дан вспоминала через много лет, что как-то у них в квартире раздался дверной звонок, она открыла дверь и увидела Бухарина, извинившегося за вторжение без предупреждения. «Просто душа запросила», – заявил он. Не лезшая за словом в карман Лидия Осиповна ответила: «Но в таком случае почему вы лезете в пекло, почему возвращаетесь?» Бухарин отделался фразой о том, что стать эмигрантом он не может. Более того, он заявил Федору Дану: «Если здесь разыграется фашизм, вы идите в наше полпредство, там вас укроют». Дан разумно напомнил, что он лишен советского гражданства, что он должен быть немедленно расстрелян, как только появится на советской территории, а полпредство СССР такой территорией является. «Ну что вы, Ф[едор] И[льич], – ответил Бухарин, – кто же это всерьез принимает, это самое лишение гражданства». У Лидии Осиповны сложилось впечатление, что она с супругом навсегда прощаются с «чистым человеком, уже обреченным» [572 - NC, box 492, folder 7.].

Бухарин конечно же не был «чистым агнцем». В свое время он написал, что расстрел – форма формирования коммунистического человеческого материала. Его расчет состоял именно в том, чтобы изобразить себя «искренним другом» меньшевиков, бывших соратников по социал-демократии, заслужить их доверие и затем использовать это доверие в соответствии с политическими поручениями Сталина, заработав милость последнего. Первая часть его плана оказалась удачной, вторая же не только не привела к успеху, а явилась составной частью тех формальных обвинений, которые завершились расстрелом этого «любимца партии» и бывшего сталинского друга «Бухарчика», который конечно же другом Сталина не был, ибо советский диктатор не способен был иметь друзей.

Обладая великолепной памятью, Борис Иванович, однако, как умудренный опытом историк не полагался на нее, а почти ежедневно, оставаясь в одиночестве, записывал содержание своих разговоров с Бухариным. К сожалению, эти записи не сохранились. В конце 1936 г., после первого московского судебного процесса, на котором были приговорены к смертной казни Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и ряд других старых партийных деятелей, в преддверии новых шоу-процессов Николаевский уничтожил свои заметки. Он с полным основанием опасался, что они могут быть выкрадены агентами НКВД и использованы в качестве «улики» не только против Бухарина, но и против других политических деятелей. «К сожалению, записи наших разговоров я уничтожил в 1936 г., когда ГПУ пыталось похитить у меня архивы Троцкого», что произошло 7 ноября 1936 г.,

«но память у меня хорошая», – писал Николаевский Суварину 12 июля 1958 г. [573 - Hoover Institution. В. Souvarine Collection, folder 1.] О том же он рассказывал позже в одном из интервью:

«Так как обстоятельства кражи архива Троцкого указывали на существование внутреннего источника информации, – теперь совершенно ясно, что Зборовский, доверенный секретарь сына Троцкого, был тогда агентом Сталина, – то я уничтожил все мои записи о разговорах с Бухариным. Но разговоры эти меня так интересовали, что содержание их я хорошо помню» [574 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 86.].

Информация, а особенно воспринятые настроения Бухарина наряду с другими материалами легли в основу публикации Николаевского, которую он назвал «Как подготовлялся московский процесс (Из письма старого большевика)». Подписанная инициалами Y. Z., она появилась в двух номерах «Социалистического вестника» в конце 1936 – начале 1937 г. [575 - См. приложение 7 в кн.: Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 106–141.] Если судить с чисто формальной точки зрения, это был подлог, ибо никакого «письма старого большевика» не существовало в природе, а весь текст, от начала до конца, был написан Николаевским от имени вымышленного персонажа.

Но не будем осуждать автора за эту понятную бюрократическую хитрость. К тому же не Николаевский изобрел форму «писем» в политэмигрантских условиях. Подобным приемом пользовались и другие эмигранты, стремившиеся придать большую достоверность своим материалам. Троцкий, например, сам писал в стамбульском изгнании начала 30-х годов многие «Письма из СССР», которые обильно публиковались в выходившем под его руководством «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)». В случае с публикацией Николаевского в основу действительно легли впечатления и воспоминания Бухарина, хотя использованы были и другие, более косвенные источники. Упомянуть же имя Бухарина нельзя было ни в коем случае, так как по отношению к Бухарину это было бы самой грубой провокацией. Правда, и умолчание о Бухарине не спасло его жизнь. На процессе 1938 г. в числе обвинений все равно фигурировали встречи с «антисоветчиком» Николаевским.

Вначале форма этой публикации была другой – беседа автора со старым большевиком. Однако Дан предложил придать материалу вид письма, полагая, что в этом случае рассказ произведет большее впечатление [576 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 86.]. К этому можно добавить, что и маскировка при таком формате несколько усиливалась – ведь отлично было известно, с кем именно из «старых большевиков» Николаевский беседовал совсем недавно, а про переписку можно было предположить что угодно.

В «письме старого большевика», написанном Николаевским, анализировался переход Сталина от псевдомиротворения, которое, как казалось в 1934 г., распространилось на страну, в частности на «офицерский корпус партии», к тому, что много позже стали называть «большим террором». Николаевский рассматривал предпосылки этого курса начиная с убийства Кирова 1 декабря 1934 г., причем автор (скорее всего, с подачи Бухарина) полагал, что Киров играл некую самостоятельную роль. Довольно подробно рассматривались обстоятельства убийства Кирова, насколько они были известны тому же Бухарину как главному редактору «Известий».

В статье проводилась мысль, что в партийных верхах шла борьба между умеренными силами, сторонниками постепенного ослабления террора и примирения в партии и обществе, и экстремистами. И те и другие боролись «за душу Сталина», причем к экстремистам были отнесены в первую очередь Каганович и Ежов, одержавшие «полную

победу» после гибели Кирова. Автор явно недооценивал роль самого Сталина как единственного вершителя судеб страны, умело создававшего необходимый ему «фон» для подготовки массового террора против всех слоев населения, ставившего целью создание в стране атмосферы всеобщего страха и покорности. Николаевский оказался не в состоянии понять, что главным парадоксом этого террора было полное отсутствие закономерности в отношении того, чья кровь будет пролита вообще и в первую очередь. А именно это обеспечивало превращение социума в стадо запуганных овец.

Можно полагать, что и позже, анализируя свои разговоры с Бухариным, Николаевский в немалой степени идеализировал взгляды этого большевистского руководителя, памятуя, что он вместе с Рыковым, Углановым и другими в конце 20-х годов нерешительно и непоследовательно, но все-таки выступил против насильственной коллективизации сельского хозяйства, причем Николаевский готов был забыть и простить «правым уклонистам», как окрестил их Сталин, тот факт, что они быстро сложили оружие и стали затем покорно выполнять сталинскую волю, и все равно были в конце концов расстреляны [577 - По мнению меньшевистского деятеля Г.Я. Аронсона, Николаевский сохранил идеализацию Бухарина до конца своей жизни (Русская мысль [Париж], 1966. 8 марта). Не исключено, что именно от Николаевского эта идеализация Бухарина перешла к некоторым американским исследователям. С ней мы сталкиваемся, в частности, в объемистой биографии Н.И. Бухарина, написанной профессором Стивеном Коеном (Коен С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988), первой серьезной биографии Бухарина, в которой автор доказывает существование «бухаринской альтернативы» сталинизму.].

Естественно, что в самом начале «большого террора» определить его масштабы, смысл и значение было невозможно. Неудивительно, что чистки оценивались в первую очередь как направленные против старых партийных кадров, нелояльно относившихся к Сталину. Более того, расправа с ними, по оценке Николаевского и его источников, проходила на фоне улучшения быта советского обывателя. «Жить стало лучше, жить стало веселее», – провозглашал Сталин. Это соответствовало действительности за исключением того, что, во-первых, из среды обывателей вырывались сотни тысяч людей, отправляемых на расстрел или в ГУЛАГ; во-вторых, сами эти «простые люди» превращались в соучастников преступлений, донося друг на друга и шумно одобряя на массовых митингах кровавую расправу; и, наконец, в-третьих – что самое главное – объектами расправы были не только старые большевики, но и представители всех слоев и групп населения [578 - Даже сегодня некоторые историки оценивают «большой террор» как направленный почти исключительно против партийных кадров (см., например: Роговин В. 1937. М., 1996; Его же. Партия расстрелянных. М., 1997).].

В смысле основной концепции материала особенно характерным было завершение «Письма»:

«Все мы, большевики, у кого есть мало-мальски крупное дореволюционное прошлое, сидим сейчас каждый в своей норке и дрожим. Ведь теоретически доказано, что мы являемся все нежелательным элементом в современных условиях. Достаточно попасть на глаза кого-либо из причастных к следствию, чтобы наша судьба была решена. Заступиться за нас никто не заступится. Зато на советского обывателя сыплются всевозможные льготы и послабления. Делается это сознательно: пусть в его воспоминаниях расправа с нами будет неразрывно связана с воспоминанием о полученных от Сталина послаблениях...» [579 - Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 141.]

В «Письме» определенное внимание уделялось подпольным антисталинским выступлениям и документам, в частности так называемой платформе М.Н. Рютина, под которой имелись в виду два документа, подготовленные этим партийным деятелем в 1932 г.: обращение «Ко всем членам ВКП(б)» и платформа Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». С Рютиным Николаевский познакомился в Иркутске в 1918 г., поэтому судьба Рютина и его политическая позиция Николаевского особенно интересовала. О его антисталинском документе в общих чертах Борис Иванович знал по слухам, распространявшимся за границей, но Бухарин впервые подробно рассказал об этом документе, правда преподнес его как «нападки» на Сталина, хотя и признав, что там содержалось обоснование требования смещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б). «О платформе много говорили, – писал Николаевский, – и потому неудивительно, что она скоро очутилась на столе у Сталина... Вопрос о его [Рютина] судьбе решался в Политбюро, так как ГПУ... высказалось за смертную казнь, а Рютин принадлежал к старым и заслуженным партийным деятелям, в отношении которых завет Ленина применение казней не разрешал. Передают, что дебаты носили весьма напряженный характер. Сталин поддержал предложение ГПУ. Определенно против казни говорил Киров, которому удалось увлечь за собою большинство членов Политбюро. Сталин был достаточно осторожен, чтобы не доводить дело до острого конфликта. Жизнь Рютина тогда была спасена: он пошел на много лет в какой-то из наиболее строгих изоляторов» [580 - Социалистический вестник. 1936. № 23–24. С. 20–21.].

«Письмо старого большевика» было одной из первых попыток Николаевского аналитически исследовать сталинский террор второй половины 30-х годов. В нем умело раскрывались позиции одной из групп жертв этого террора – «старых большевиков», приведших к власти свою партию, не помешавших восхождению к вершине этой власти кровавого диктатора и послушно превращавшихся в его жертву.

Многие сомнительные положения «Письма» (в частности, об умеренной роли Кирова и Горького, о выступлении Кирова против смертной казни Рютина, о партийных функционерах как главной жертве сталинского террора) прочно вошли в историографическую традицию, и потребовался ряд десятилетий для их преодоления, которое полностью так и не произошло [581 - Соображения Николаевского со временем стали обрастать новыми, буквально фантастическими подробностями. Так, известный историк Б.И. Старков, излагая версию «Письма старого большевика», писал, что при обсуждении в Политбюро вопроса о судьбе Рютина против смертной казни резко высказались Киров, Орджоникидзе и Куйбышев, а Каганович и Молотов воздержались (Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали: О сопротивлении в годы культа личности Сталина. М.: Политиздат, 1991. С. 170). Это не подтверждается никакими источниками.]. Опубликованные в последние годы документы [582 - Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.] не подтверждают, что в Политбюро имело место противоборство умеренных и радикалов. Одни и те же члены Политбюро в разное время занимали различные позиции, что прежде всего зависело от линии, которую в каждый конкретный момент поддерживал Сталин. За ним всегда оставалось последнее, решающее слово [583 - Документация, приведенная О.В. Хлевнюком, убеждает, в частности, в том, что на состоявшемся за несколько дней до убийства Кирова пленуме ЦК ВКП(б) Киров не был «главным докладчиком и героем дня», как утверждал Николаевский (Социалистический вестник. 1936. № 23–24. С. 23); что на этом пленуме выступали с докладами по главным вопросам Сталин, Молотов и

Каганович, а Киров не шел дальше установок Сталина; что в день своей гибели он собирался выступать в Ленинграде на собрании партактива с докладом об итогах этого пленума; что конспект этого выступления показывает намерение Кирова, ленинградского ставленника Сталина, повторить основные положения выступлений генсека (РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 18. Ед. хр. 171. Л. 5, 7).].

Разумеется, Николаевский был до предела осторожен. Он всячески стремился скрыть, что одним из главных источников его фиктивного «Письма» являлись высказывания Бухарина. Поэтому в «Письмо» не были включены некоторые важные эпизоды, рассказанные Бухариным, которые могли более или менее определенно указать на источник информации. Этой же цели служило и предисловие к публикации о том, что «Письмо» было якобы получено «перед самой сдачей номера в печать»:

«Размеры письма и позднее получение его лишают нас, к сожалению, всякой возможности напечатать его в настоящем номере целиком. Окончание письма нам приходится отложить до первого номера 1937 года» [584 - Социалистический вестник. 1936. № 23–24. С. 20–21.].

Только через 30 лет в одном из интервью Николаевский рассказал о том, почему скрыл Бухарина от читателей:

«Я сделал это по разным соображениям, главным образом потому, что хотел избежать каких-либо указаний на личность моего информатора. И все же все сказанное мне Бухариным носило очень личный оттенок. Ибо он был человек, полностью поглощенный политикой, и не мог говорить о политике, отвлекаясь от событий своей собственной жизни. Тогдашнюю политическую борьбу в среде советского руководства Бухарин описывал поэтому через призму своего личного опыта. Как я уже сказал, мне казалось тогда, что он рассказывает мне все это для того, чтобы позднее кто-либо мог правильно объяснить мотивы, руководившие его поведением. Сегодня, спустя три десятилетия, и в свете того, что произошло за эти годы, – я убежден, что мои подозрения были правильными. Бухарин о многом не говорил, о другом говорил намеками, но то, что он мне говорил, было сказано с мыслью о будущем некрологе...» [585 - Там же. 1964. № 4. С. 86.]

Вдова Бухарина А.М. Ларина в написанных ею мемуарах факт откровенных разговоров Бухарина с Николаевским отрицает. Более того, она намекает на то, что, по существу, Николаевский оказался «провокатором», из-за которого в конечном итоге и был арестован и расстрелян Бухарин [586 - Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989. С. 275–278.]. В подтверждение своих слов Ларина указывает, что присутствовала на всех официальных переговорах Бухарина и Николаевского, хотя и признавала, что приехала в Париж только в начале апреля, тогда как встречи Бухарина с Николаевским начались в конце февраля.

Тот факт, что Бухарин мог вести «крамольные» разговоры с меньшевиком Николаевским, самую вероятность которых отвергала Ларина, косвенно подтверждается свиданием Бухарина в Париже с Ф.Н. Езерской, являвшейся когда-то секретарем Розы Люксембург, но позже порвавшей с революционным движением. С Езерской Бухарин встречался еще в Берлине в 1930 г. и уговаривал ее тогда возвратиться в компартию. О своих встречах с Бухариным Езерская написала Николаевскому в 1942 г. Интересно, что Бухарин, уклонявшийся в разговорах с Николаевским от оценки Сталина, в ответ на прямой вопрос Езерской, каковы их взаимоотношения, без колебаний ответил: «На три с

минусом». Более того, Езерская убеждала Бухарина не возвращаться в СССР, создать оппозиционную коммунистическую газету и стать в ней главным редактором [587 - NS, box 478, folder 43.].

Вместе с Николаевским советская делегация отправилась в Копенгаген для ознакомления с фондами архива Международного института социальной истории. Как бы случайно вспомнив о том, что главный сталинский враг Троцкий в это время жил под Осло, Николай Иванович вдруг предложил Николаевскому: «А не поехать ли на денек-другой в Норвегию, чтобы повидать Льва Давидовича?» А вслед за этим добавил: «Конечно, между нами были большие конфликты, но это не мешает мне относиться к нему с большим уважением» [588 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 84.].

Можно с полной уверенностью сказать, что Бухарин блефовал. После истории с Яковом Блюмкиным (убийцей германского посла графа Мирбаха и сотрудником советской разведки), расстрелянным за несанкционированную встречу с высланным Троцким, Бухарин ни при каких обстоятельствах не решился бы нанести визит лидеру оппозиционного международного коммунистического движения. Троцкий, со своей стороны, относился к Бухарину с нескрываемым презрением, хотя, наверное, принял бы Бухарина из политических и практических соображений.

Мы уже сталкивались с исключительной научной добросовестностью Николаевского. В ней были убеждены те, кто его хорошо знал, включая лиц, не находившихся с ним в добрых отношениях. Один из них – Б.М. Сапир, меньшевик, близкий к Данам, на вопрос одного из авторов этой книги, не мог ли Николаевский выдумать историю о разговорах с Бухариным, ответил: «Я не знаю ни одного случая, чтобы Николаевский выдумал ту или иную информацию. Он мог увлекаться, он мог быть несправедливым в своих оценках, но выдумщиком он не был» [589 - Письмо Б.М. Сапира Ю.Г. Фельштинскому от 18 июня 1989 г.]. «Его особенно сильной стороной является феноменальная, почти «фотографическая» память» [590 - Hoover Institution. V.S. Voitinsky Collection, folder 2. Письмо 1941 г.], – писал о Николаевском В.С. Войтинский, меньшевик, ставший в эмиграции весьма плодовитым автором и крупным ученым-экономистом. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы закрыть вопрос о достоверности доверительных разговоров Бухарина с Николаевским.

От Бухарина Николаевский узнал многое из того, что не вошло в «Письмо старого большевика». В числе этих сюжетов было, например, предательство Романа Малиновского и упрямство Ленина в деле его защиты. В ответ на вопрос Николаевского о том, как мог Ленин закрывать глаза на бесспорные факты предательства Малиновского, Бухарин пожал плечами и сослался на «одержимость» Ильича, которого фракционная борьба делала слепым, хотя в целом о Ленине Бухарин отзывался «тепло и благожелательно».

Много рассказывал Бухарин о его общении с Лениным в последний год его жизни, когда тяжелобольной председатель СНК находился в Горках. Не все в этих рассказах соответствовало истине. Если верить Бухарину, Ленин часто вызывал его к себе, беседовал с ним на политические темы, уводя его в сад, несмотря на запреты врачей. Ленина якобы больше всего занимала тогда «лидерология», то есть вопрос о преемнике, хотя Бухарин уклонился от прямого разговора о ленинском «Письме к съезду», в котором не нашлось ни одного доброго слова по адресу его соратников, в том числе и Бухарина. Бухарин упомянул, что Ленин, кроме «написанных» в это время «последних статей»,

собирался написать еще четыре-пять статей, «чтобы осветить все стороны политики, которой следовало придерживаться» [591 - Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И. Николаевским // Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 89.].

Мягко говоря, Бухарин недоговаривал. С Лениным в те месяцы он мог общаться только с разрешения Сталина, Каменева и Зиновьева, руководивших в те месяцы всей партийной жизнью. После 5 марта 1923 г. общаться с Лениным по политическим вопросам Бухарин уже не мог. До 5 марта 1923 г. Ленин не просто планировал написать четыре-пять статей, но написал их – просто они до нас не дошли, так как, видимо, были уничтожены Сталиным. По «Дневнику дежурных секретарей Ленина», опубликованному лишь после XX съезда партии, объявившего о «перегибах» в партийной жизни и культе личности Сталина, было видно, что изоляция Ленина имела политические, а не медицинские основания. И Бухарин не зная обо всем этом не мог уже тогда, в 1936 г. По существу, с 5 марта 1923 г. Ленин находился под домашним арестом, причем Бухарин входил в группу руководителей государства, обсуждавших в 1923 г. вопрос об отравлении Ленина. Все это, как и содержание ленинского «завещания» – «Письма к съезду», Бухарин, разумеется, от Николаевского скрыл. Так что «доверительными» беседы можно считать лишь условно.

Николаевский интересовался судьбой академика Рязанова, с которым его связывали тесные научные контакты. Зная, что Рязанов был в начале 1931 г. исключен из партии, арестован, провел несколько месяцев в политизоляторе, а затем сослан в Саратов, где, по слухам, подвергался преследованиям и унижениям, Борис Иванович пытался узнать у Бухарина, что случилось с Рязановым дальше. Бухарин рассказал, что в 1934 г. Рязанов был возвращен в Москву и Сталин потребовал от Рязанова покаянного заявления о связях с меньшевиками, за что обещал полное его восстановление в правах и партии:

«Переговоры не дали результатов: Рязанов решительно отказался подать какое бы то ни было заявление, которое могло бы быть истолковано как хотя бы косвенное признание им своей вины в связи с так называемым «меньшевистским процессом» [592 - Имелось в виду дело «Союзного бюро» меньшевиков – провокационный судебный процесс над бывшими меньшевистскими деятелями в марте 1931 г. Обвиняемым вменялись в вину саботаж в области планирования хозяйственной деятельности, связь с иностранными разведками и тому подобные фиктивные преступления. Они были приговорены к разным срокам заключения. Почти все они были расстреляны во время «большого террора».], продолжая настаивать, что все тогдашние обвинения – результат интриги против него, и требовал пересмотра своего дела. Эта непримиримость Рязанова вызвала сильное раздражение Сталина» [593 - Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 122–123.].

От разговоров о личности Сталина Бухарин уклонялся. Из замечаний личного характера Николаевский запомнил только одно: заметив в его книжном шкафу «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, Бухарин не преминул сказать, что видел эту книгу и у Сталина, что тот ее любит и ему нравится этот перевод.

Зато о своих контактах с академиком И.П. Павловым Бухарин повествовал охотно, а в связи с этим и о своей коллекции бабочек. Павлов тоже коллекционировал бабочек, и Бухарин в свое время сильно его этим подкупил. А когда по дороге в Копенгаген советская делегация вместе с Николаевским остановилась в Амстердаме, Бухарин отправился в местный музей естественной истории, обладавший богатым собранием бабочек, и Николаевский едва оторвал его от разглядывания насекомых через увеличительное стекло [594 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 91.].

В беседах неоднократно обсуждался вопрос либерализации советской системы и даже

возможности создания в СССР второй партии, партии интеллигенции, за что высказывались, по словам Бухарина, Горький, Павлов и другие ученые. Николаевский возражал, что «двухпартийная идея» является утопической, так как, по существу, в Советском Союзе идет гражданская война. Страна только прошла через коллективизацию (и находилась на пороге «великой чистки»). На этом фоне говорить об ослаблении диктатуры мог либо неумный идеалист, либо откровенный обманщик.

Бухарин был далек от того, чтобы решительно порвать с прошлым, тем более стать невозвращенцем. Николаевский не смог должным образом оценить состояние колеблющегося между чувством обреченности и бесосновательным оптимизмом Бухарина. Для Сталина публикация «Письма старого большевика» оказалась крайне неприятной. В условиях сохранявшегося еще курса Народного фронта документ не только знакомил общественность Запада с фактами, которые Сталин усиленно скрывал, но и в какой-то степени указывал на мотивы начавшейся грандиозной волны террора, по крайней мере на один их элемент – расправу со старыми партийными кадрами, с «ленинской гвардией», с целью ее замены на преданных Сталину беспринципных функционеров.

Контакты с Л.Л. Седовым и Л.Д. Троцким

После срыва переговоров с Москвой Николаевский сосредоточил внимание на комплектовании Русского архива, которым занимался в качестве руководителя парижского филиала Амстердамского института. Немаловажным приобретением явилась коллекция документов Троцкого. С сыном Троцкого Львом Львовичем Седовым Николаевский познакомился еще до своего переезда в Париж и проявил неподдельное сочувствие к его передрягам. Он даже взялся хлопотать о возможности предоставления Седову французской визы. В феврале 1933 г. Николаевский писал А.М. Бургиной:

«Между прочим, переговорите с И.Г. [Церетели], не захочет ли он поговорить с Реноделем [595 - Ренодель Пьер (1871–1935) – один из руководителей Французской социалистической партии. Будучи ведущим деятелем ее правого крыла, выступал за участие социалистов в правительстве. В 1933 г. он был исключен из социалистической партии и вместе с другими лидерами неосоциалистов стал одним из создателей так называемой социалистической партии Франции – Союза Жана Жореса.], может быть, последний согласится хлопотать о визе для сына Троцкого. Его действительно жалко. Ему лет 28–29, и он уже третий раз вынужден обрывать свое учение в высшем техническом училище. Конечно, он принадлежит к «папиной партии», но сам совсем желторотый юнец и неплохой парень. Его высылают. Он готов дать формально обязательство не вмешиваться в политическую жизнь, хотя, когда его узнаешь, такое обязательство будет вызывать смех» [596 - НС, box 478, folder 9.].

В 1936 г. Седов действительно перебрался в Париж и руководил изданием журнала Троцкого «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)». Понимая, что сам он в Париже находится в опасности, Седов решил передать архивные документы на хранение в какое-нибудь надежное место. Наиболее ценную часть бумаг он отдал своему сотруднику Марку Зборовскому, которому полностью доверял, не подозревая, что тот являлся агентом НКВД по кличке Тюльпан. Менее важная, по его мнению, часть коллекции, в основном газетные вырезки и сопроводительные к ним бумаги, административная переписка «Бюллетеня оппозиции», а также некоторые письма турецкого периода жизни Троцкого (в

частности, с его американским переводчиком и литературным агентом Максом Истменом за 1929–1933 гг.), была передана в начале ноября 1936 г. на хранение в парижский филиал Амстердамского института, за что Лев Седов получил незначительное по тому времени вознаграждение – 15 тысяч франков. Документы принял Борис Иванович Николаевский.

Однако и за Седовым, и за Николаевским к этому времени было установлено плотное наблюдение со стороны агентов советских спецслужб, которые группировались вокруг образованного в Париже Союза возвращения на родину. «Заслужить» право возвратиться в СССР можно было самоотверженной работой на социалистическую родину, в том числе агентурной работой на советскую разведку. Именно так советскими шпионами стали В.А. Гучкова-Трейл (дочь А.И. Гучкова), С.Я. Эфрон (муж поэтессы М.И. Цветаевой), генерал Н.В. Скоблин и его жена, известная певица Н.В. Плевицкая.

В ночь на 7 ноября, через несколько дней после передачи архива Николаевскому, произошло ограбление парижского филиала МИСИ и значительная часть бумаг Троцкого была похищена. Операцией советских агентов руководил Яков Исаакович Серебрянский, возглавлявший специальную разведывательно-диверсионную группу НКВД СССР («группу Яши») [597 - Яков Исаакович Серебрянский (1892–1956) – видный советский разведчик и диверсант. С 1920 г. работал в ВЧК, затем в ОГПУ. С 1924 г. был одним из руководителей заграничных операций. В 1925–1928 гг. – резидент во Франции и Бельгии, затем руководитель специальной группы («группы Яши»), перед которой ставились особые, наиболее ответственные шпионско-диверсионные и террористические задачи. В 1930 г. Серебрянский был организатором похищения белого эмигранта генерала А.П. Кутепова. С 1936 г., находясь в Париже, руководил тайными операциями в связи с гражданской войной в Испании и борьбой Советского государства против «троцкизма». В 1938 г. при возвращении в СССР был арестован и приговорен к 10 годам заключения. В 1941 г., после нападения Германии на СССР, освобожден, выполнял разведывательные задания военного характера. Вновь был арестован в 1953 г. как один из сообщников Л.П. Берии. Подвергался истязаниям, но отказывался давать показания. Умер во время допроса.]. Серебрянский нанял квартиру на улице Мишле, неподалеку от архива, и разработал план, который под названием «Операция Генри» был утвержден высшим советским руководством. Операция увенчалась успехом, и несколько ящиков похищенных бумаг были переданы резиденту НКВД в Париже Г.Н. Косенко (Кислову), а тот переправил их в Москву.

Существует версия, что грабителей привел в архив сам Зборовский. При этом он воспользовался тем, что официально работал на парижской телефонной станции, дважды организовал порчу телефонной линии в архиве, куда и явился якобы для починки, за что получил «на чай» от Николаевского [598 - Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Arkhiv: The KGB in Europe and the West. London: Penguin Group, 1999. P. 92–93. Эта книга представляет собой краткую выжимку из документов так называемого «архива Митрохина». Василий Никитич Митрохин, руководитель Архива внешней разведки КГБ СССР, в течение долгих лет, с 1972 г., тайком переписывал секретные документы архива, выносил свои выписки из здания на Лубянке (бывшей площади Дзержинского) в карманах и даже в носках, а потом прятал в потайном месте за городом. В 1992 г. ему удалось переправить эти ценные материалы на Запад, а затем и самому перебраться в Великобританию, где он совместно с известным историком Кристофером Эндрю издал книгу.]

Ограбление, во всяком случае, происходило по наводке Зборовского. Именно

Зборовский, если верить Седову, вместе с Лилией Эстриной (помощницей по изданию «Бюллетеня оппозиции») перевозил документы в филиал Амстердамского института [599 - Последние новости (Париж). 1936. 10 ноября.]. Об успешном проведении операции в Москву сообщил сам Зборовский.

Руку НКВД в совершении грабежа полиция заподозрила сразу, так как ни деньги, ни ценности не были взяты. Факт, что ограбление было совершено советской агентурой, был бесспорен. На допросе в полиции Седов предположил, что сталинские агенты узнали об архиве из-за «разговорчивости Николаевского» [600 - Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Arkhive. P. 93.]. О причастности к преступлению его ближайшего помощника он, конечно же, не догадывался. Эмигрантская газета «Последние новости», комментируя ограбление, писала, что, по заявлению французской полиции, «техника всей операции... до этого дня была абсолютно неизвестна во Франции. Только иностранные «профессионалы», снабженные специальными аппаратами, могли произвести такую работу» [601 - Последние новости. 1936. 10 ноября.].

В Кремле похищение документов Троцкого из фондов Николаевского в парижском филиале МИСИ оценивалось как явное достижение. Не конкретизируя существа дела, нарком внутренних дел Ежов счел даже нужным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в ответ на реплику уже опального бывшего наркома Ягоды, что он всю жизнь «старался пролезть к Троцкому», самодовольно намекнул на удачное ограбление архива:

«Если вы старались всю жизнь и не пролезли – это очень плохо. Мы стараемся очень недавно и очень легко пролезли, никакой трудности это не составляет, надо иметь желание, пролезть не так трудно» [602 - Вопросы истории. 1995. № 2. С. 18.].

Через много лет, когда Зборовский, проживавший уже в США, был разоблачен как советский агент и вопрос о нем рассматривался на заседании сенатской подкомиссии по национальной безопасности, Л. Эстрина (к этому времени, выйдя замуж за А.Д. Далина, она сменила фамилию) дала показания о том, что Зборовский рассказывал ей (уже после разоблачения) о своей тогдашней беседе с резидентом НКВД во Франции. Зборовский был обеспокоен возможностью своего разоблачения, так как о передаче документов знали кроме него только Седов, Эстрина и Николаевский. Никого из них в шпионаже на НКВД заподозрить было невозможно. Резидент советской разведки только отшутился: налет был совершен в ночь на 7 ноября, чтобы сделать подарок товарищу Сталину к годовщине Октябрьской революции [603 - Scope of Soviet Activity in the United States: Hearing before Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act. February 29, 1956. Washington, DC, 1956. P. 89.].

Сам Николаевский через много лет, уже в США неоднократно вспоминал о парижском инциденте. «Слышали о провокации «Этьена» [Зборовского], секретаря покойного Седова? – писал он в Париж Суварину. – Это он, вместе с Седовым, привез тогда так называемый «Архив Троцкого» в институт на рю Мишлэ, и сам же сообщил по начальству для кражи. Теперь признал, хотя утверждает, что к похищению прямого отношения не имел. Рассказал, что были разочарованы: оказались одни газеты со всех концов мира (троцкистских групп)» [604 - International Institute of Social History (Amsterdam). Boris Suvarine Collection (далее: Suvarine Collection). Nicolaevsky – Suvarine, 1955, December 19.]. Лев Седов, чтобы не расстраивать отца, тоже написал ему в свое время, что похищены были только газетные вырезки и некоторые маловажные бумаги. Эту версию вслед за Седовым повторил в своей биографии Троцкого Исаак Дойчер.

Однако в Москве на результаты операции смотрели иначе. В директивном письме резиденту в США Максиму (Зарубину) в конце 1941 г. советский разведывательный «Центр» утверждал, что при «активном участии» Зборовского «нами были изъяты все секретные архивы Международного секретариата, все архивы Седова и значительная часть архивов «Старика» [605 - Library of Congress (USA). Manuscript Division, Alexander Yassilev's Papers 0438 N, White Book # 1. P. 39.]. Этим кодовым именем в документах НКВД обычно назывался Троцкий. Цель похищения состояла в том, чтобы добыть материалы для новых судебных процессов в Советском Союзе, равно как и получить оперативную информацию о местонахождении Троцкого и его деятельности для организации убийства. Предположение, что кража была предпринята по личному приказу Сталина для лучшей подготовки к предстоявшим «показательным» процессам, не раз высказывал Николаевский.

Троцкий, находившийся в это время в Мексике, послал свои показания парижскому следователю Барнье, занимавшемуся делом о похищении архива. В них он высказал убеждение, что акция была проведена НКВД и что документы понадобились Сталину «как техническая опора при создании новых амальгам» (так называл Троцкий сталинские процессы). Через некоторое время Троцкий вновь отправил Барнье свои показания, приводя неопровержимые аргументы в пользу того, что грабеж был осуществлен советской разведкой. «Если бы начальник парижского отделения ГПУ оставил на столе в помещении института свою визитную карточку, он этим немного прибавил бы ко всем другим уликам» [606 - РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 9.], – заключал Троцкий.

Весьма интересно, что это письмо оказалось в московском госархиве, в архивном фонде Троцкого, куда оно было передано, в свою очередь, из Архивной службы ФСБ Российской Федерации. Иными словами, и это письмо было перехвачено советскими агентами. Возможно, оно было послано в редакцию «Бюллетеня оппозиции» для передачи французскому следователю, но похищено Зборовским. В архиве находится и обширная переписка Льва Седова с отцом, с американским журналистом Максом Истменом и прочими лицами, с издательскими фирмами и всевозможными другими адресатами различных стран. Эта документация тоже, безусловно, попала туда из спецслужб, где были собраны все украденные из МИСИ и перехваченные Зборовским документы [607 - Там же. Ед. хр. 22. Л. 1 – 189.].

Так с весьма драматического криминального эпизода началось сотрудничество Николаевского с Троцким. Оно всегда было заочным. Троцкий с Николаевским непосредственно не общался, не встречался и не переписывался. Посредниками выступали Лев Седов и его помощница Л.Я. Эстрина, бывшая сотрудница Николаевского. Через Седова и Эстрину Троцкий консультировался с Николаевским, работая над книгами о Ленине (работа над этой биографией осталась в начальной стадии) и о Сталине (был завершен первый и вчерне второй том). Из переписки между Троцким и Седовым видно, что Николаевский дал согласие оказывать содействие работе над книгой о Сталине и что Троцкий, несмотря на принципиальные политические расхождения между ними, проявлял готовность, в свою очередь, быть ему полезным.

Позже Николаевский рассказывал, что Седов просил его найти в «Социалистическом вестнике» публикацию писем Ленина Троцкому, и в ответ Борис Иванович предоставил Седову полный комплект журнала [608 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.]. В одном из писем Троцкого сыну говорилось: «Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить через твое

посредничество Б.И. Николаевского за его обстоятельные и серьезные замечания. С некоторыми из них я не могу, правда, согласиться... Во всяком случае, замечания Б.И., без сомнения, помогут мне уточнить текст... Еще раз благодарю его» [609 - Harvard University. Houghton Library, bMs Russ 13, T-7716.].

Новые публикации из истории русского социализма. Потресов

Участие же Николаевского в политических акциях эмигрантов-меньшевиков становилось все более ограниченным, да и меньшевистская организация в Западной Европе все более редела в силу прежде всего естественных причин – ее ветераны постепенно покидали сей мир, а молодежь почти не пополняла их ряды. Дан с грустью писал другому меньшевику-эмигранту С.Е. Эстрину в апреле 1940 г., то есть уже в начале Второй мировой войны: «Боюсь, что для многих товарищей за долгие годы эмиграции и оторванности от политической работы на русской почве партия потеряла (если не в сознании, то в психологии) это действенное, служебное значение... Какие старцы там, Абрамович ли и Николаевский, Дан ли и Югов, на каком языке они молятся и даже каким святым акафисты читают, – это для «мирянина», право уж, не так важно» [610 - Дан Ф.И. Письма (1899–1946). С. 523.].

Тем не менее Борис Иванович продолжал в Париже не только работу по собиранию архивов организаций и деятелей социалистической эмиграции, но и по публикации их произведений. Именно в это время появилась его первая крупная аналитическая биографическая статья, посвященная одному из основателей российской социал-демократии А.Н. Потресову. Она предваряла сборник избранных произведений этого видного политического деятеля, давая выпуклую характеристику его жизненного пути и особенно взглядов как по социально-политическим проблемам России начала XX в., так и по конкретным вопросам общественных движений этого периода. В Потресове автор видел одного из виднейших представителей умеренного крыла российских марксистов, последовательного сторонника демократических принципов, сохранившего и в эмиграции веру в возвращение России в русло демократического развития [611 - Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии // Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 9–90. В сборник вошли незавершенные мемуары Потресова, охватывавшие период до 1905 г., его важнейшие статьи и избранная библиография его произведений.].

Автор предупреждал, что он никогда не принадлежал к числу фракционных друзей Потресова, часто расходился с ним по многим партийно-политическим вопросам и поэтому не стремился дать критического анализа взглядов своего персонажа. Цель его состояла в том, чтобы как бы «отстраненно» рассказать о его жизни и деятельности. Однако автор сознавал, что его отношение к политической позиции Потресова просто не могло не наложить отпечатка на изложение. Вся ответственность за содержащиеся в работе оценки лежала на нем одном, предупреждал Николаевский.

В основу работы легли не только воспоминания и рассказы близких и друзей Потресова, но также материалы из его личного архива и архивов Мартова и Аксельрода. Отмечалась помощь в выявлении и обработке этих материалов, оказанная ему меньшевистским деятелем Ю.П. Денике. Далее шел насыщенный фактами, анализом, обобщениями, написанный сочным языком, легко и с интересом читаемый очерк о формировании и

развитии одного из основоположников российского социал-демократического движения.

Николаевский подчеркивал специфику идейного формирования марксистов внутри страны – критическое изучение и пересмотр народнических установок. «Нужны были большие усилия, чтобы наново проработать этот материал и прийти к новым, самостоятельным выводам» [612 - Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии. С. 16.]. В таком процессе важны были далеко не только умозрительные заключения. Для своей первой работы Потресов избрал положение кустарной промышленности в России, прежде всего потому, что именно ей народники отводили особое место, полагая, что, занимая крестьян в зимнее время, она даст возможность избежать пришествия капитализма. В селе Павлово Нижегородской губернии студент Потресов собрал большой материал, убедительно показавший, что кустарная промышленность эволюционирует, что в споре с народниками более правильные позиции занимают марксисты.

Вместе с тем Потресов пришел к выводу, что «достойно ответить народникам и защитить марксизм можно только на легальной арене» [613 - Там же. С. 21.]. Именно этим была продиктована его поездка к Плеханову с идеей «пролезть через цензурное ухо», которая увлекла основоположника русской социал-демократии. Так что Потресов имел определенное отношение к появлению ставшей позже знаменитой плехановской книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшей в Петербурге в конце 1894 г. Сам же Потресов, с одной стороны, развернул активную работу по изданию марксистской легальной литературы, а с другой – включился в создание подпольного социал-демократического Союза борьбы за освобождение рабочего класса, ставшего впоследствии особенно широко известным благодаря участию в нем молодого В. Ульянова (Ленина).

Николаевский анализирует эволюцию взглядов Потресова, связанную с его участием в Союзе борьбы и с первым арестом, последовавшей затем ссылкой, появлением на Западе течения ревизионизма, которое было связано с именем германского социал-демократа Э. Бернштейна, стремившегося внести в марксистское учение уточнения, которые соответствовали бы новейшим особенностям социально-экономического развития общества. Теперь Потресов, сам выехавший за пределы Российской империи, ставший эмигрантом, был одним из наиболее активных инициаторов пропаганды марксизма не только в легальной, но и в подпольной печати, одним из практических создателей газеты «Искра» и связанного с нею журнала «Заря».

Историк не отказывался от рассмотрения и политико-психологических проблем, их воздействия на развитие все более усиливавшихся разногласий в стане, казалось бы, прочных единомышленников. Однажды в ссылке разыгралась трагедия: затравленная оскорблениями, покончила жизнь самоубийством одна из ссыльных, оставив записку, в которой передавала свою историю на суд товарищей. Весной 1903 г. этим делом занялась редакция «Искры». Главными обвиняемыми были два нелегальных работника, позднее игравшие крупную роль в среде большевиков. Ленин был не просто против принятия организационных мер, но даже против осуждения виновных, так как «интересы партийной работы должны стоять выше соображений морального порядка». Наиболее решительным противником такой точки зрения выступил Потресов, который требовал устранения виновных по крайней мере из руководящих учреждений создаваемой социал-демократической партии.

Осторожный Николаевский при этом не называл ни фамилии главного виновника, ни

его жертвы. А они были хорошо известны: обсуждалось недостойное поведение агента «Искры» Николая Баумана, который вступил в интимную связь с женой своего товарища, некой дамой по фамилии Приходько, потом бросил ее и стал ее же грубо высмеивать. Потресов, а вслед за ним Мартов были поражены, с каким откровенным цинизмом Ленин – их друг и единомышленник – хладнокровно подменил понятия честности и справедливости «полезностью для дела», возводя это в особую, «классовую» мораль [614 - См. подробнее об этом эпизоде: Чернявский Г. Социалист-гуманист Юлий Мартов // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003. С. 11–12.]

Чем руководствовался Николаевский, отказавшись от упоминания фамилии Баумана? Трудно дать на этот вопрос определенный ответ. Скорее всего, сказалось нежелание компрометировать память человека, который был убит черносотенцами в 1905 г. – менее чем через три года после этого весьма показательного события. Но описанного эпизода для назревавшей всесторонней конфронтации между Лениным с группой ближайших последователей и их партийными товарищами, в числе которых оказался Потресов, было достаточно, он показан отчетливо. Через годы в одном из интервью Борис Иванович отметит, что данный инцидент положил конец политической дружбе Ленина и Мартова [615 - МР, box 38, folder 4.]

Значительная часть биографического очерка посвящена меньшевистскому периоду деятельности Потресова, его высокой организационной и публицистической активности, которая сыграла важную роль в том, что виднейшие представители европейского социалистического движения, включая Карла Каутского и Розу Люксембург, в основном поддержали линию меньшевиков.

Николаевский тщательно проанализировал практическую деятельность и дальнейшую политическую эволюцию Потресова в условиях революции 1905–1907 гг., когда тот, возвратившись в Россию после октябрьского манифеста царя о даровании свобод, стал сотрудничать в газете «Начало», издававшейся Троцким и А. Парвусом. Хотя Потресов не был солидарен с концепцией перманентной революции, которая разрабатывалась этими деятелями (уточним, что Парвус выдвинул только начальные, зародышевые идеи концепции, которая в качестве сравнительно последовательной и по крайней мере внешне логичной была разработана именно Троцким), в целом работа в газете шла дружно. Ее основные авторы были солидарны в том, что непосредственная задача – превращение интеллигентской социал-демократии в пролетарскую политическую организацию.

Подводя критические итоги бурных революционных месяцев 1905 г., Потресов стремился найти пути практического решения поставленной задачи, которые он теперь видел прежде всего в том, чтобы «пробить стены подполья» или «попытаться пробудить в самом рабочем классе массовое движение строительства, заразить его, так сказать, эпидемией организационного грюндерства, – профессиональных союзов, обществ самообразования, клубов, всех форм пролетарского движения» [616 - Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии. С. 50–51.]

Николаевский подробно рассказал об участии Потресова в деятельности меньшевистской «звездной палаты», как слегка иронично называли тогда совещания штаба этой фракции, в которых участвовали не только члены ЦК, но и ведущие партийные литераторы и руководящие «практики» петербургских рабочих организаций. Потресов придавал большое значение парламентской деятельности социал-демократов, считая, что Государственная дума – организующий центр революции; непосредственно участвовал в руководстве легальными печатными органами. В газеты он стремился

привлечь как можно больше «практиков» – деятелей массовых организаций. С такой позицией было связано, по мнению Николаевского, отношение Потресова к социал-демократической эмиграции, которая пыталась из-за границы руководить российским движением. Сам Александр Николаевич не последовал примеру других партийных деятелей – он продолжал оставаться в Петербурге, несмотря на то что у него были обыски, а один раз пришлось несколько недель провести в тюрьме.

Николаевский не прошел мимо разрыва между Потресовым и Плехановым, происшедшего после первой российской революции, когда основоположник российской социал-демократии неожиданно пошел на союз с большевиками в качестве руководителя группы так называемых «меньшевиков-партийцев» и фактически порвал с официальным меньшевизмом. Плеханов стал наклеивать на Потресова всяческие ярлыки, называя его бернштейнианцем, идущим в «болото теоретического оппортунизма».

Оценивая взгляды Потресова в годы Первой мировой войны, биографический очерк концентрирует внимание на том, как постепенно формулировалась Потресовым теория революционного оборончества без гражданского перемирия, основанная на том, что с точки зрения интересов мирового развития поражение Германии и ее союзников открывает лучшие перспективы социалистического преобразования общества, нежели поражение стран Антанты.

Отношение Потресова к Февральской революции, а затем и к большевистскому государственному перевороту в октябре 1917 г. определялось его общей позицией:

«Революция должна была носить общедемократический характер: создание предпосылок гражданственности для всех без исключения слоев народа, – причем эта цель обязательно должна была быть достигнута такими путями, чтобы дело обороны страны не только не пострадало, а, наоборот, было бы поднято на более высокую по сравнению с прежним высоту» [617 - Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии. С. 77.].

В условиях, когда в самом конце 1917 г. в руководстве меньшевистской партии возобладала группа интернационалистов, готовых на определенных условиях сотрудничать с большевистскими властями, Потресов со своими немногочисленными сторонниками вынужден был пойти на организационный разрыв с партией. На декабрьском партийном съезде 1917 г. он выступил с последней политической речью, рисуя пагубные последствия мира с Германией, чреватого порабощением России. Один слушатель назвал его в связи с этим выступлением библейским пророком.

В 1918–1919 гг. Потресов жил в Петрограде нелегально. Затем он был арестован петроградской ЧК. Проведя в заключении несколько месяцев, он, по словам Николаевского, вышел из тюрьмы «совсем надломленным человеком» [618 - Николаевский Б.И. А.Н. Потресов: Опыт литературно-политической биографии. С. 81.]. Тяжелобольной (туберкулез позвоночника, острое белокровие), он был, наконец, в 1925 г. отпущен советскими властями за границу. Он был прикован к постели, писал на специальной, прикрепленной к кровати доске, но преодолевал болезни и стремился продолжать работать. Однако попытки включиться в деятельность эмигрантской меньшевистской организации не привели к успеху. За рубежом Потресов оказался почти в полной изоляции. Результатом трезвых размышлений было появление последнего труда Потресова – «В плену иллюзий: Мой спор с официальным меньшевизмом».

О последних днях Потресова в заключение биографического очерка написано сдержанно, но ярко и убедительно: «Болел он тяжело, но молча, без жалоб, несколько

даже сурово. Умирал, как и жил, «в мундире», застегнутом на все пуговицы, силой воли преодолевая подтачивающее влияние болезни» [619 - Там же. С. 90.].

Анализ жизни и деятельности Потресова, предпринятый Николаевским, был в то же время серьезным углубленным исследованием истории меньшевизма, его моральной силы и политической слабости, его поражения в России и постепенного умирания за ее рубежами. Это была работа историческая и в то же время обобщающая, позволяющая вдумчивому читателю в свете новых фактов и оценок заново и непредвзято рассмотреть пути развития российского социал-демократического движения [620 - Знаток историографии меньшевизма акад. И.Х. Урилов считает, что эта статья – лучшее исследование, посвященное Потресову (Урилов И.Х. *Меньшевики в советской России: У истории изучения // Вопросы истории.* 2009. № 9. С. 12).].

Николаевский занимался и историей меньшевистской партии после октября 1917 г. В Париже он написал два обширных очерка – «РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918» и «Меньшевики в период военного коммунизма (1918–1921 гг.)». Первый из этих очерков обозначен второй половиной 1935 г.; второй даты не имеет, но находится среди бумаг второй половины 30-х годов [621 - НС, box 522, folder 1, box 621, folder 16; *Меньшевики после Октябрьской революции.* С. 4–102.]. Это была первая попытка научного анализа эволюции меньшевистских организаций и причин того, почему они потерпели тяжкое поражение в политической борьбе с постреволюционным большевизмом. Правда, изложение носило в основном фактологический характер, но сама логика анализа позволяла установить, что в основе судьбы меньшевистского движения лежал заколдованный круг противоречий. С одной стороны, меньшевики взяли курс на «демократический социализм» и мирные способы противостояния большевизму. С другой – столкнулись с беспощадной диктатурой сторонников Ленина. Отказаться от своих принципов меньшевистская партия не могла, в противном случае она просто перестала бы существовать. Но и при сохранении своего курса она через несколько лет прекратила существование. Таковы были горькие уроки, вытекавшие из рассказа Николаевского.

Во Франции продолжались встречи с очевидцами революционных событий, причем самой разнообразной политической ориентации и окраски. Как-то Николаевский установил связь даже с находившимся в Париже бывшим известным большевистским деятелем полуанархистского и истерического толка Григорием Мясниковым – в свое время убившим великого князя Михаила Александровича. В советские годы Мясников был одним из лидеров рабочей оппозиции в РКП(б); под угрозой ареста бежал за рубеж и жил в Париже по фальшивому паспорту. На какие только хитрости не шел Николаевский, чтобы встретиться с ним и разговорить его! В конце концов Мясников все-таки рассказал Николаевскому, что именно его толкнуло на убийство великого князя. Оказалось – знакомство со стихотворением А.С. Пушкина «Кинжал». Гулю, который захотел также повидаться с убийцей-авантюристом, Николаевский ответил, что это совершенно невозможно, так как тот боится каких бы то ни было контактов и с Николаевским встречался только потому, что знал его еще по России [622 - Гуль Р. *Я унес Россию.* Т. II. С. 261–265.].

Против «Протоколов сионских мудрецов»

Научные и политологические интересы, а в еще большей степени беспокойство по поводу ухудшавшейся ситуации на Европейском континенте в связи с агрессивными планами нацистской Германии и ее перевооружением заставляли Николаевского задумываться о подлинно широком фронте демократических сил. Он рассуждал не о том показном и фиктивном единстве, которое по указанию из Москвы провозглашали коммунисты под видом Народного фронта, чтобы использовать его исключительно для укрепления своих политических позиций в Европе, а о союзе подлинно равноправном и честном. Очевидец вспоминал, как однажды Николаевский вместе с ним побывал в одной из парижских церквей в ночь под Рождество. Посреди проповеди собеседник услышал, как Борис Иванович прошептал ему: «А что, согласны вы на союз с католической церковью против Гитлера?» – и затем пояснил, что наиболее эффективным было бы объединение против германских нацистов всех тех, кто верит в Десять заповедей Моисея [623 - Boris Sapir Collection, box 26.].

В середине 30-х годов Николаевский вместе со своими коллегами занялся еще одной проблемой, которая представлялась ему весьма актуальной и небезопасной. Речь шла о «Протоколах сионских мудрецов». Проблемой антисемитизма в истории и политике Николаевский интересовался и ранее. И это было неудивительно, ибо вся новая история России и история российского социалистического движения была неразрывно связана с еврейским вопросом, начиная с черты оседлости, погромной деятельности Союза русского народа и прочих крайне правых организаций и завершая активным участием евреев в социалистических партиях и организациях, в том числе и в первую очередь в национальной еврейской социал-демократической организации Бунд.

Николаевский вынужден был констатировать, что и в рядах революционеров подчас встречались антисемиты. «Народной волей» в 1881 г. была выпущена так называемая прокламация Романенко – подготовленный членом руководства этой народнической организации Герасимом Романенко документ, в котором содержалась попытка придать еврейским погромам социальное звучание. Об этом антисемитском документе писал известный историк сионизма С.М. Дубнов [624 - Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М.: Госиздат, 1923. Кн. 2. С. 34–35.]. Через несколько лет Дубнов обратился к Николаевскому с письмом (19 марта 1929 г.), в котором высказал просьбу поделиться своим мнением и определить свое отношение к этому документу. В ответе Семену Марковичу от 21 марта (обратим внимание, как быстро Николаевский откликнулся на письмо) речь шла о личности Романенко, который позже, в Бессарабии, стал откровенным реакционером и антисемитом; о том, что другие лидеры «Народной воли» осудили эту прокламацию (правда, оговаривалось, что неизвестно, была ли она официально дезавуирована). Николаевский указал также на антисемитские настроения и некоторых других народников, подчеркнув, что «желание «использовать» погромы уходило корнями в народническую идеализацию средневековых крестьянских восстаний, оно уже у народовольцев было отрывкой прошлого» [625 - Антисемитизм и русское народничество. Письмо Б. Николаевского С. Дубнову. Публикация Ст. Кельнера // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3. С. 212–215. Подлинник письма Николаевского хранится в Архиве истории еврейского народа в Иерусалиме.].

Через несколько лет Б.И. Николаевский вынужден был возвратиться к проблеме антисемитизма как раз в связи с пресловутыми и вроде бы к 30-м годам почти забытыми «Протоколами сионских мудрецов», которые теперь внезапно «ожили». Именно в гитлеровской Германии давно уже разоблаченная антисемитская фальшивка зажила новой

злонакачественной жизнью и широчайшим образом использовалась Альфредом Розенбергом и другими идеологами национал-социализма для обоснования задуманной уже в 30-х годах расправы с европейскими евреями.

Кратко напомним историю этого опуса. «Протоколы сионских мудрецов» – появившийся в начале XX века сборник текстов, представляемый публикаторами как документы, доказывающие существование всемирного еврейского заговора. В текстах излагались планы завоевания евреями мирового господства, инфильтрации в структуры управления государствами, взятия неевреев под контроль, искоренения прочих религий.

«Протоколы» были впервые в сокращенном варианте изданы в России в 1903 г. петербургской газетой «Знамя», редактором которой был известный антисемитскими взглядами П.А. Крушеван. Публикация сопровождалась сообщением, что «Протоколы» вывезены из Франции, где их добыли из неназванного архива еврейской организации. В 1905 г. некий С.А. Нилус опубликовал «полный текст» (24 протокола), и с тех пор они неоднократно переиздавались. Происхождение их в разных изданиях указывалось по-разному. Зачастую различные трактовки входили в противоречие друг с другом и со здравым смыслом, что никогда не смущало издателей «Протоколов». Книга стала одним из инструментов антиеврейской пропаганды, использовалась в этих целях антисемитами в разных странах, их вспоминают нередко даже сейчас.

То, что «Протоколы» являются подделкой, было определено и доказано целым рядом исследований. Премьер-министр П.А. Столыпин и император Николай II в них уже не верили. В 1921 г. фальсификация была подтверждена первоисточником. Было установлено, что «Протоколы» почти полностью переписаны с малоизвестного памфлета середины XIX в., направленного против французского императора Наполеона III. Его автором был адвокат и сатирик Морис Жоли.

После прихода к власти Гитлера нацистские организации как в самой Германии, так и вне ее развернули мощную антисемитскую пропаганду, в которой «Протоколы» и миф о всемирном еврейском заговоре играли значительную роль. Центральная газета национал-социалистической партии «Фёлькишер беобахтер» постоянно о них напоминала, а еженедельник «Дер Штюрман» печатал выдержки из «Протоколов», добавляя истории о ритуальных убийствах немецких детей евреями, истории о германских девушках, изнасилованных евреями, и т. п.

Еврейские организации Швейцарии подали в суд на местную организацию нацистов, опубликовавшую «Протоколы» и всячески их пропагандировавшую. В июне 1933, октябре 1934 и в мае 1935 г. тремя этапами проходил судебный процесс вначале в Базеле, а затем в Берне. Процесс вызвал огромный интерес во всем мире, на нем присутствовали многочисленные журналисты. В качестве экспертов и свидетелей обвинения вызывались, в числе прочих, русские эмигранты Милюков, Бурцев и Николаевский. Еврейские организации Швейцарии, а также Конгресс американских евреев в Нью-Йорке вели переговоры с Николаевским о подготовке им исследования о происхождении и подлинном характере «Протоколов сионских мудрецов». В качестве соавтора предполагался Сергей Григорьевич Сватиков – авторитетный историк, в прошлом активный меньшевик, эмигрант с 1920 г., автор ряда научных трудов. Он был парижским представителем Русского заграничного архива в Праге, читал в Сорбонне лекции по истории политических идей и студенческих движений в России.

В архиве Николаевского сохранился ряд документов о встречах с представителями еврейских организаций, о переговорах с ними. Первоначально предложение о подготовке работы было условно принято; был намечен план поиска документов. Николаевский развернул активную деятельность, собирая имеющиеся свидетельства, показания очевидцев и другие данные, касавшиеся истории возникновения текстов, подложность которых была для него очевидной, только теперь он планировал это убедительно доказать. Все эти материалы составили три ящика (83 папки) [626 - NC, boxes 20–23.].

Николаевский начал писать и текст работы. Сохранилась его рукопись «О происхождении «Протоколов сионских мудрецов». Предварительная справка», объемом примерно в авторский лист [627 - Ibid, box 20, folder 5.]. Однако работа не была завершена. Причины установить трудно. Сказалась, по-видимому, необязательность организаций и лиц, согласившихся финансировать работу. 13 октября 1934 г. Николаевский писал по этому поводу одному из предполагаемых финансистов проекта Б.И. Лившицу: «Я никогда не выдвигал на первый план вопросы материального порядка, но Вы должны понять, что они для меня существуют, я живу на литературный заработок, капиталов не имею. Соглашение, кот[орое] между нами здесь состоялось, – это был минимум, и определен он был, Вы это знаете, не мною» [628 - NC, box 20, folder 23.].

Были и причины другого порядка, касавшиеся существа дела. Ни в коем случае не сомневаясь в подложности «Протоколов», Николаевский устанавливал, что к их создателям был причислен, без каких-либо к этому доказательств, сотрудник царской полиции П.И. Рачковский, причем эта версия получила широкое распространение. Будучи верным исторической истине, следуя своей аналитической хватке, Николаевский был убежден, что «Рачковский ни при каких обстоятельствах не мог быть причастным к подготовке протоколов», и аргументированно это доказывал: «Протоколы» появились как раз тогда, когда он уже был в 1902 г. уволен с должности начальника заграничной агентуры Департамента полиции, а до его возвращения на службу в 1905 г. в качестве вице-директора департамента оставалось еще три года». Публично высказывать свое мнение Николаевский не стал, так как «это был бы удар в спину для русских экспертов и объективно дезорганизовало бы кампанию против Гитлера». Но в книге о «Протоколах» он в силу своей добросовестности просто не мог бы обойти молчанием этот вопрос.

Наконец, Борису Ивановичу стало известно, что за тему со свойственным ему журналистским напором и жаром берется Бурцев, который был убежден в авторстве Рачковского и даже вынес это убеждение в подзаголовок своей книги [629 - См.: Бурцев В.Л. Протоколы сионских мудрецов: Доказанный подлог. (Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придал им мировую известность). Paris, 1938. См. современное издание: Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами: Протоколы сионских мудрецов. М.: Слово, 1991.]. Скорее всего, именно это обстоятельство – нежелание вступать в полемику с Бурцевым – окончательно убедило Николаевского в целесообразности более не возвращаться к собранному материалу для подготовки монографии о «Протоколах сионских мудрецов». Это, однако, не означало, что Борис Иванович полностью отказался от участия в разоблачительной кампании. Не только вследствие сочувствия к страданиям евреев, альтруистического и интернационалистского сознания, присущего значительной части социалистов старого поколения (хотя далеко не всем), не только потому, что евреями были многие его друзья и однопартийцы (их было много в руководящей меньшевистской среде, а затем и в эмиграции), но и как добросовестный историк Николаевский не мог отмолчаться по такому животрепещущему

вопросу. Он выступил в авторитетном швейцарском социал-демократическом журнале с аналитической статьей, в которой, буквально препарировав текст зловещих «Протоколов», обстоятельства их появления, различные сопутствующие материалы, доказывал их провокационно-фальшивый характер и в то же время преступное использование их гитлеровцами [630 - Nicolaevsky B.I. Der neuzeitliche Antisemitismus und die «Protokolle der Weisen von Zion» // Zeitschrift für Sozialismus (Zürich). 1935. № 22/23. Z. 725–733. Редакция сопроводила статью примечаниями: «Автор – известный марксистский историк – был одним из экспертов на Бернском процессе». Об этом процессе сейчас будет рассказано.]

Через некоторое время тому же вопросу была посвящена детальная и хорошо документированная рецензия Николаевского на книгу Рубена Блана с предисловием Милукова, рассматривавшая «Протоколы сионских мудрецов» в контексте всего комплекса внутренней и внешней политики Гитлера [631 - Русские записки (Париж). 1936. № 12.]. Этим дело не ограничилось. Николаевский принял участие в прогремевшем на весь мир швейцарском судебном процессе в качестве эксперта и свидетеля. Он давал главные свои показания на заседании суда (происходившем в зале присяжных заседателей Берна 29 октября 1934 г.) вместе с президентом Всемирной сионистской организации Х. Вейцманом, французским экспертом А.М. дю Шайлом, долгие годы прожившим в России, Сватиковым и Бурцевым.

Николаевский был представлен судье, истцам, ответчикам, адвокатам, всем присутствовавшим на процессе как «известный ученый и историк». Однако нацистских антисемитов не интересовала компетентность эксперта. Первый вопрос задал Николаевскому один из тех, против кого велся процесс, – швейцарец Фишер, издатель «Протоколов»: «Свидетель еврей или нет?» Ответ был более чем убедительным: «Мой отец и дед – православные священники, священники по отцовской линии в седьмом и восьмом поколении. Моя мать – вологодская крестьянка». На вопрос того же лица о его мировоззрении Николаевский ответил: «Социал-демократ». Последовал вопрос, является ли большевизм еврейским движением. Николаевский ответил: «Такие утверждения являются ложью», «еврейская социалистическая партия Бунд всегда энергично боролась с большевизмом».

Что касается существа дела, то Николаевский убежденно указывал и доказывал, что серьезно говорить о подлинности «Протоколов» не приходится, что можно вести речь лишь о том, кто и когда их подделал. Только те, кто знал существо дела, могли понять, что в этом высказывании заключался негласный спор с позицией Бурцева. Свидетель обращал внимание прежде всего на историю публикаций фальшивки и на моральный облик публикаторов, в частности Крушевана и Нилуса [632 - Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. Протоколы сионских мудрецов. М.: Слово, 1991. С. 308–309.]

В заключительной речи судья решительно и недвусмысленно подтвердил сфабрикованный характер «Протоколов». Суд своим решением признал их «подделкой, плагиатом и бессмыслицей» и вынес приговор о том, что это «непристойное издание». Однако из-за слишком вольной трактовки слова «непристойный» приговор был отменен апелляционной инстанцией в ноябре 1937 г. При этом ответчикам было, однако, отказано в возмещении убытков.

Так, благодаря усилиям далеко не только Николаевского, но и ряда других общественных деятелей при его самом деятельном участии суд малой, но свобододлюбивой и гордой страны фактически бросил вызов германскому нацистскому колоссу, юридически подтвердив поддельный, фальшивый характер одного из главных

антисемитских инструментов нацистской пропаганды.

Николаевский подвел итоги судебного процесса в Швейцарии в нескольких статьях, одна из которых, звучавшая особенно боевито и актуально, была помещена в «Социалистическом вестнике» [633 - Н-ский Б. Современный антисемитизм и «Протоколы сионских мудрецов» // Социалистический вестник. 1935. № 12. С. 3–9.]. Наиболее важным в этой статье было предостережение, что антисемитская агитация приняла чрезвычайно широкие размеры, что антисемитизм стал крайне опасным общественным движением, что современный антисемитизм и в идеологическом, и в организационном отношении сильно отличается от преследований евреев в предыдущие эпохи. Важнейшим элементом этого отличия, как подчеркивалось в статье, являлось сращивание антисемитизма с откровенной и оголтелой политической реакцией, широчайшим образом использующей «Протоколы» в своих зловещих целях. «Про современную Германию и говорить не приходится: тираж «Протоколов» в разных изданиях там давно уже исчисляется многими сотнями тысяч экземпляров, – а если прибавить перепечатки в разных газетах и журналах, то он выразится уже в семизначных цифрах. А в прошлом году «Протоколы» рекомендованы для изучения в школах... Правящие в Германии антисемиты вколачивают их в головы юного поколения с детских лет» [634 - Там же. С. 4.], – писал Николаевский.

Воспринимая фашизм в расширительном понимании, как правый тоталитаризм, и относя к нему прежде всего нацистский режим в Германии (такой подход был характерен и для коммунистической пропаганды, и для либерально-демократических изданий), Николаевский устанавливал, что можно принадлежать к лагерю противников демократии и не быть антисемитом (пример тому – итальянский фашизм), но невозможно быть антисемитом, не будучи в то же время ожесточенным врагом демократии в ее западном понимании.

Это глубокое наблюдение в полной мере относилось и к антисемитизму Сталина, который сочетал лишь слегка скрываемые антисемитские чувства с подлинной ненавистью к демократии, тогда как, скажем, Ленин, будучи врагом демократии, никоим образом не являлся врагом евреев. (Еврейские корни Ленина тут ни при чем, ибо в истории антисемитизма можно назвать немало фамилий евреев, ненавидевших свой народ.)

Николаевский, разумеется, никак не мог предвидеть и предрекать геноцида европейского еврейства в годы Второй мировой войны, но он всячески подчеркивал, что после Первой мировой войны ведущая роль в антисемитских кампаниях принадлежала германской реакции, что стоявшие у власти нацисты отбирают в ряды своих наиболее активных сторонников и боевиков именно тех, кто уже воспитан в антисемитском духе и готов к практической реализации насильственных планов, что не только в идейном, но и в организационно-политическом отношении антисемитизм теснейшим образом связан со всеми направлениями как внешней, так и внутренней политики Гитлера.

Германский национал-социализм исходил из идей и принципов национальной исключительности, он ставил задачу идеологической экспансии (возможностей военной экспансии Николаевский пока не видел) и в этом отношении напоминал ранний российский коммунизм у власти с его III Интернационалом как инструментом экспансии: «При полном различии в целях национал-социализм сближается с коммунизмом стремлением организовать внутреннее воздействие на политику враждебных ему стран, – и делает это с много большей бесцеремонностью и беззастенчивостью, неразборчивостью

в средствах, чем делал российский большевизм даже в «героический» период его существования... Интернационал антисемитский в настоящее время уже существует и является фактором, который приходится учитывать при политических расчетах» [635 - Н-ский Б. Современный антисемитизм и «Протоколы сионских мудрецов». С. 7–8.].

Попутно заметим, что термин «героический период» большевизма Николаевский употребил явно иронически, имея в виду, что это был излюбленный термин коммунистических пропагандистов, которым весьма охотно пользовался в том числе Троцкий.

Эта аналитическая работа Николаевского, проникнутая идеями, которые подлежали дальнейшей разработке не только на основе новых фактов невиданного в истории цивилизованного мира геноцида, но и на основании гитлеровской политики агрессии и человеконенавистничества в целом, была свидетельством того, насколько зрелыми и глубокими стали его политологические разработки. Николаевский выражал лишь тревогу и сожаление, что мировая социалистическая пресса уделила суду совершенно незначительное внимание. Психологически это было понятно, считал автор: спорить с очевидной фальшивкой было ниже достоинства серьезных печатных органов, редакторы которых полагали стыдным доказывать элементарные истины. Однако бывают ситуации, когда нужно перестать считаться с такого рода психологическими мотивами, ибо примитивные антисемитские настроения усиленно и столь же примитивно раздувались шовинистическими силами, использовались прежде всего нацистской пропагандой как в самой Германии, так и далеко за ее пределами, причем падали эти отравленные зерна на хорошо унавоженную почву.

Война и второе спасение архивов

Вторая мировая война оказала непосредственное влияние на судьбу самого Николаевского и богатейшего архива, находившегося на его попечении. С полным основанием Борис Иванович предполагал, что «странная война» не будет длиться вечно, что наступление гитлеровцев на Париж вполне возможно, и предпринимал меры для сбережения документов. В начале 1940 г. он отправил значительную их часть в США, в чем ему оказал помощь посол Соединенных Штатов во Франции Уильям Буллит, взявший на себя смелость снабдить эти объемистые пакеты этикеткой личного багажа американского посла, освобождавшей их от какого бы то ни было досмотра.

Жизнь в Париже до 1943 г. при оккупантах оставалась спокойной. С ними активно сотрудничали самые знаменитые представители французской интеллектуальной элиты, не говоря уж о русских антикоммунистах, вплоть до знаменитого актера балета, солиста Гранд-опера Сергея Лифаря, который не только продолжал в годы оккупации свои выступления, но и с удовольствием выполнял обязанности гида Йозефа Геббельса, когда германский министр пропаганды посетил оккупированный город. Более того, в эмигрантской среде оказалось настолько много нацистских сексотов, что, как рассказывали тогда, на дверях парижского отделения гестапо появилась вывеска: «Доносы русских друг на друга не принимаются». Такая ситуация была продолжением происходящего в Германии, где «густо цвели такие доносы русских на русских, что сам всемогущий Геринг все нелепые доносы стал называть «русскими доносами» [636 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 421.].

Если гитлеровцы в значительной мере основательно рассчитывали привлечь к сотрудничеству с ними часть российской политической эмиграции, проживавшей во Франции (разумеется, за исключением евреев), то печатные выступления и экспертно-свидетельские показания Николаевского на Бернском судебном процессе по поводу «Протоколов сионских мудрецов» сразу же исключили его из числа потенциальных коллаборантов. Да и для самого Николаевского мысль о сотрудничестве с оккупантами была дикой. Борис Иванович вспоминал, что тотчас после вступления нацистов в Париж они начали тщательно его разыскивать, точно так же, как и архивные фонды, которыми он распоряжался.

Одним из обвинений, которое ему предполагали предъявить, была как раз кража архивов германской социал-демократии [637 - NC, box 492, folder 7.], которые в свое время Николаевский тайно перевез в Париж вместе с русскими документами. В случае задержания Николаевскому грозил концлагерь со всеми последствиями. Тем не менее Борис Иванович все затягивал и затягивал отъезд, хотя у него была американская виза, выданная по указанию Буллита. В течение нескольких месяцев после оккупации Парижа германскими войсками в июне 1940 г. Николаевский оставался в Париже. Жил он нелегально у надежных людей, уверенный в том, что его не выдадут, хотя в это страшное время никакие расчеты на честность и добропорядочность не могли служить гарантией. Николаевский осмеливался даже неоднократно выезжать в разные провинциальные города и в сельскую местность, передавая небольшие порции своего архива в руки тех, в ком был уверен, в том числе нескольким фермерам в районе Луары. Так, ценную партию материалов удалось укрыть в луарском городке Амбуаз, славившемся величественным королевским замком. Некоторое время Анна Бургина даже жила здесь, чтобы лучше понять, насколько надежно укрытие [638 - New York Post. 1946. Oct. 1 (интервью А.М. Бургиной)]. Действительно, эти документы были в основном сохранены [639 - Rabinovitch A. Foreword // Revolution and Politics in Russia. P. IX.].

Николаевский добрался даже до Марселя, где оставил у знакомых чемодан с письмами одного их идеологов народничества П.Л. Лаврова и другими важными документами (эти материалы после войны были найдены и переданы в Отдел рукописей Библиотеки конгресса США) [640 - Library of Congress, Manuscript Division, Boris Nicolaevsky Collection.].

Через полтора года после переезда в США Николаевский писал Сапиру – своему молодому коллеге по меньшевистской партии, одно время представлявшему эту партию в молодежной организации Социалистического рабочего интернационала, а теперь занявшемуся историей, что худшие ожидания по поводу судьбы его документальной коллекции оказались неоправданными. «Мои материалы пропали далеко не все. Свыше 100 ящичков спасено. Из рукописей... почти ничего не пропало... Мне пришлось очень туго, особенно потому, что я остался без денег... Тем не менее из Парижа эвакуацию я провел максимальную» [641 - Boris Sapir Collection, box 7.].

В целости оказался и большой чемодан с рукописями, который Николаевский перед эмиграцией сам закопал в укромном месте под Парижем, мало надеясь, что он его найдет. Приехав после освобождения Франции во французскую столицу, Борис Иванович, к немалому собственному удивлению, нашел эти научные клады и перевез их в США [642 - Крылов В.В. Его страстью был архивизм. С. 34.].

В то страшное время, когда оккупанты, разгромив за несколько недель сухопутную

армию Франции, разгуливали по Парижу, к Николаевскому обращались за помощью представители российской эмигрантской интеллигенции, понимавшие уязвимость своего положения при гитлеровцах. Николаевский принял на хранение и спас архив З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. С аналогичной просьбой к нему обратилась Людмила Николаевна Замятина, вдова писателя Е.И. Замятина. Чемодан с замятинскими документами Николаевский получил уже после того, как ему удалось спрятать почти весь свой архив. Вот как он описывал эту историю после войны, отвечая на письмо Замятиной:

«Ваш чемодан был доставлен мне в самый последний момент, когда основные материалы уже были вывезены, и я не совсем точно помню, что с ним сделал. Из Парижа я его увез, – это несомненно, далее несомненно, что все без исключения чемоданы я спрятал в одном подземелье и вся эта группа материалов уцелела: ее недавно откопали и вывезли в безопасное место. Единственная опасность состоит в том, не заложил ли я в суматохе последних сборов Ваш чемодан в один из ящиков с книгами: такие спасены не все. В настоящее время я сношусь с теми лицами, у кот[орых] на хранении находятся спасенные и откопанные вещи, и выясняю, нет ли там Вашего чемодана. Положение осложняется тем, что я не помню точно его примет. Не могли бы Вы мне дать его точное внешнее описание? Затем: нет ли у Вас ключа от него? Если да, это сильно облегчило бы дело, т. к. по ключу можно было бы установить принадлежность чемодана».

Автор письма добавлял, что если чемодан попал в ящик, оказавшийся в руках немцев, то положение хуже, но надежды еще не потеряны: «Американцы ведут розыск всей библиотеки» [643 - NC, box 509, folder 4; Шерон Ж. К судьбе зарубежного архива Е.И. Замятина // De Visu. 1994. № 3–4. С. 73.].

По воспоминаниям меньшевистского деятеля и ученого С.М. Шварца, Николаевский весьма деятельно способствовал эмиграции из оккупированной Франции ряда немецких, австрийских, чешских и других социал-демократов [644 - Новое русское слово. 1966. 25 февраля.]. Судя по тому, что и сам Шварц был в их числе, помощь оказывалась и русским эмигрантам, находившимся на французской территории. К сожалению, подробности этой деятельности так и остались неизвестными.

В декабре 1940 г., чудом избежав лап нацистов и почти неизбежной гибели в концлагере, использовав заблаговременно полученную американскую визу, забронировав при помощи американского посольства билет на пароход на подставное лицо, Борис Иванович вместе с Анной Бургиной тайком пробрался в Марсель и смог на корабле США (тогда еще марионеточный режим Виши во Франции поддерживал с Соединенными Штатами дипломатические отношения) отправиться в Нью-Йорк [645 - New York Post, October 1, 1946 (интервью А.М. Бургиной корреспонденту газеты). Фотокопия газетного листа с интервью воспроизведена в кн.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 327.]. Так завершилась судьба интимного треугольника. Церетели остался в Париже. Ему была уготована крайне нелегкая жизнь в оккупированном нацистами городе. Ираклий Георгиевич с тяжелым внутренним чувством, но очень сдержанно расстался с Бургиной, которую он продолжал называть на «вы» и по имени-отчеству. Анна Михайловна отправилась за океан, окончательно избрав в качестве своего теперь единственного близкого человека Николаевского.

Прощальную открытку Борису Ивановичу Церетели написал в Марсель 14 декабря 1940 г. Он обращался к своему адресату по его тогдашнему псевдониму Leff. О себе он писал крайне скупо. Можно предположить, какие душевные муки переживал на самом деле Ираклий Георгиевич, расставаясь и с другом, и с возлюбленной, скорее всего навсегда. Он

настолько сдержал проявление своих чувств, что завершил письмо сугубо официально и жестко: «Еще раз благодарю Вас и шлю Вам уверения в моем полнейшем уважении» – словами, которые никак не отражали его взаимоотношений ни с Борисом, ни с Анной [646 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 318–320.].

Судьба той небольшой части архива, которая осталась в Париже, была печальной. Захватив французскую столицу, нацисты быстро обнаружили и конфисковали ценные бумаги вместе с богатой библиотекой. Все эти материалы были перевезены в Институт иудаизма и большевизма, созданный гитлеровцами во Франкфурте-на-Майне. Однако после войны следы их обнаружить не удалось, несмотря на предпринимавшиеся, прежде всего Церетели, интенсивные попытки. Высказывались даже предположения, что документы были захвачены советской разведкой, чьи агенты шныряли по оккупированным англо-американскими войсками западным районам Германии в поисках имущества, которое, по мнению советского правительства, принадлежало СССР или на которое советская власть претендовала [647 - Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years // In: Revolution and Politics in Russia. P. 34. Мнение Ф. Мозли можно считать авторитетным, ибо он в 1943–1946 гг. возглавлял отдел Государственного департамента США и являлся политическим советником американской делегации на Потсдамской конференции глав союзных держав в 1945 г.]. Надежда Бориса Ивановича на помощь американцев в розыске материалов, захваченных оккупантами, оказалась необоснованной.

Одним из последних и очень горьких воспоминаний Николаевского о пребывании на Европейском континенте стала встреча с прославленным когда-то журналистом – разоблачителем провокаторов Бурцевым, информация которого являлась одним из главных источников книги Николаевского об Азефе. Старик Бурцев пришел попрощаться. Он действительно умер в 1942 г. «Покинуть Париж он категорически отказался, – писал о нем Николаевский. – «Я слишком стар и слишком устал скитаться», – сказал ему на прощание Бурцев.

Бурцев был уверен, что немцы его арестуют, прежде всего за показания на суде в Берне по поводу все тех же «Протоколов сионских мудрецов». Но гитлеровцы не тронули Бурцева. Более того, они предложили ему сотрудничество, предполагая, видимо, использовать его в пропагандистских целях. Но сотрудничать с немцами Бурцев отказался. «Он умер глубоким стариком на 80-м году жизни, – писал Николаевский в некрологе, посвященном памяти Бурцева, – умер от болезней, которые пришли в результате хронического недоедания, часто перераставшего в жестокую голодовку, – но все таким же непримиримо стойким, таким же не умеющим сгибаться фанатиком, каким он был в течение всей его жизни, во всех вопросах, которые ему казались имеющими принципиальное значение» [648 - Б.Н. Памяти В.Л. Бурцева // Социалистический вестник. 1942. № 19–20. С. 256.].

Бурцев был Борису Ивановичу особенно близок, ибо и сам он обладал сходными чертами характера: твердостью, принципиальностью, непримиримостью, сочетаемыми с неуклонной жаждой нахождения истины всякий раз, когда речь заходила о вопросах, являвшихся важными в политическом, моральном и просто житейском смыслах.

Тем временем в жизни историка и собирателя архивов начинался новый долгий этап, оказавшийся весьма плодотворным, последняя его эмиграция – в Соединенные Штаты Америки.

Глава 5

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: ПОЛИТИК И ПУБЛИЦИСТ

Начало работы за океаном

В крупнейшем городе Нового Света, куда Б.И. Николаевский прибыл вместе с А.М. Бургиной, ставшей теперь его гражданской женой (свои супружеские отношения они так и не оформили, а Анну подчас по традиции продолжали именовать женой Церетели), он вновь развернул активную общественную деятельность, от которой несколько отошел в последние годы жизни в Европе. Но душа его продолжала тяготеть к письменному столу, к научному и публицистическому творчеству.

Уже вскоре после переезда ему удалось получить по рекомендации профессора Гарвардского университета М.М. Карповича [649 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.] стипендию Фонда Рокфеллера на один год для исследовательской работы в области русской истории. По всей видимости, в том, что придирчивые эксперты фонда предоставили средства совсем недавнему иммигранту, сыграла роль и рекомендация столь влиятельной фигуры дипломатического мира, каковой был Уильям Буллит, энергично способствовавший, как мы знаем, вывозу архива Николаевского из Парижа. Николаевский рассчитывал, что стипендия будет продлена еще на год, что действительно произошло. Николаевский использовал стипендию для поездки в Гуверовский институт войны, революции и мира при Стенфордском университете (город Пало-Алто, Калифорния), где, как он знал и сообщал об этом Борису Сапиру, находилась «лучшая коллекция материалов, какие только имеются в Америке».

В первое время Николаевский полагал возможным переключиться на разработку истории рабочего движения в США и думал начать эту работу с составления соответствующего библиографического указателя. Он упивался и открывающимися перед ним исследовательскими возможностями, которых был лишен на старом континенте, и красотами Америки. По дороге в Калифорнию он посетил Чикаго, а затем Йеллоустонский национальный парк. В Пало-Алто ему отвели специальную небольшую комнату. Борис Иванович восторгался тем, что имеет право свободного доступа к библиотеке и может «ходить к книжным полкам».

С оттенком сожаления и одновременно удовлетворения он сообщал Сапиру, что по воскресеньям библиотека закрыта и он бродит по окрестностям. Большое удовольствие доставляли ему прогулки по горному Редвуд-парку, заросшему гигантскими секвойями. Он собирался посетить также Скалистые горы. «Знаю, немного грешно в наше время заниматься такими делами, но я решил разлагаться до конца и перестал читать газеты» [650 - Boris Sapir Collection, box 7.]. Примерно такие же интонации звучали в письме писателю Алданову: «Я здесь зарылся в старое и даже перестал читать газеты. Много брожу с друзьями на автомобиле. Дивные места. Если б только не сознавать, что газеты от моего бойкота не прекратили свое существование, то было бы все хорошо» [651 - Columbia University. Rare Books and Manuscript Library. Bakhmetiev Archive. Mark Aldanov Collection (далее: Mark Aldanov Collection), box 6.].

Впрочем, тотчас после этого Николаевский переходил к рассуждениям по поводу

тоталитарных систем. Он делился своими нетривиальными мыслями с коллегами, интересуясь их мнением об элитах в тоталитарном обществе. Вот обширная выдержка по этому поводу из его письма Сапиру от 5 августа 1942 г. в ответ на письмо того с рассуждениями на указанную тему:

«В Вашем представлении правящая элита тоталитарных стран – пока что группа чисто политического порядка, балансирующая между классами и стремящаяся сочетать интересы своего политического господства с национальными интересами. Думаю, что это определение неправильно, и притом неправильно в всех своих частях, неверно, во-первых, что это элита – чисто политического] характера. Думать это можно только в том случае, когда считаешь, что тоталитарное государство свои функции ограничивает только областью политического господства, но Вы-то этого не думаете? Вы-то ведь согласны в том, что основные отличия современного тоталитарного государства от абсолютизма и цезаризма XIX в. в том и состоят, что диктатура тоталитарного государства распространяется и на хозяйственные] отношения, и не только в том смысле, что оно извне предписывает частному хозяйству те или иные мероприятия, вроде регулирования зарплаты и т. д., а в том, что оно берет на себя функцию организатора производства в целях внесения в последнее плановости и устранения кризисов?» [652 - Boris Sapir Collection, box 7.]

Как мы видим из этого текста, Николаевский постепенно приближался к пониманию тоталитаризма отнюдь не только как определенным образом организованной политической власти, а как всесторонней системы общественных отношений, как феномена, охватывавшего в той или иной степени различные стороны социальной жизни, в данном случае область экономики. Он далеко не был еще последователен в этом, в частности говоря о «тоталитарном государстве», а не о тоталитарном обществе, но, во всяком случае, находился на пути к такому пониманию. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в данном случае мы имеем дело не с проверенным и выношенным текстом работы, а с личным, хотя и политическим, письмом, в котором могли появиться случайные неточности.

Весьма важным было понимание тоталитаризма как специфического явления, присущего XX в., его принципиальных отличий от диктаторских режимов прошлого [653 - Между прочим, такая путаница продолжается в некоторых исследованиях вплоть до настоящего времени (см. историографию этой проблемы в кн.: Чернявский Г. Тень Люциферова крыла. С. 26–70)]. Отметим сразу же, что проблема тоталитаризма настолько волновала историка, что и во многих других письмах он продолжал дискуссию на эту тему. В феврале 1943 г., рассуждая о фашизме (как и абсолютное большинство авторов не только того, но и нашего времени, он продолжал воспринимать это понятие расширительно, распространяя его, в частности, на нацистский режим в Германии, а не оценивая только как специфически итальянское явление), Николаевский как бы невольно поворачивал вопрос в сторону сравнения систем, существовавших в Германии и СССР. Видно, что особенности обеих систем волновали его далеко не только как аналитика. Актуальным является вопрос о взаимоотношениях между личностью и властью при этих системах. Режим «не только анатомизирует личность, делая ее неспособной защищать свои интересы, но и организует ее сверху для выполнения возложенных на нее государством обязанностей... создает вообще новую форму социальных скреп общества» [654 - Boris Sapir Collection, box 7.].

В Гуверовском институте Николаевский провел три с половиной месяца, что позволило

при его огромной трудоспособности собрать богатый материал для дальнейших исследований. Но в Америке Николаевский стал позволять себе расслабиться, провести время на природе, отдохнуть. В какой-то мере он компенсировал многие годы напряженного труда почти без развлечений, почти без отпусков, фактически без женского общества, за исключением немногих и недолгих приездов к нему Анны Бургиной.

Летом 1943 г. он съездил в Канаду, причем, судя по его корреспонденции, это была просто развлекательно-ознакомительная поездка. Борис Иванович побывал в горах под Монреалем. Он писал Б. Сапиру:

«Совсем как на нашем Урале: горные озера, речки, хорошие леса. Одно меня сбивало с толку: там все говорили о кедрах, а я нигде их не мог найти. Из дальнейших расспросов выяснилось, что там кедр – совсем не то, что наш, сибирский. Тамошний кедр у нас зовут туей – и на наш он походит так, как скверная карикатура на оригинал. Но и без кедров леса там великолепные» [655 - Ibid.].

Еще до поездки в Калифорнию и особенно после возвращения в Нью-Йорк Борису Ивановичу удалось установить сотрудничество с такими известными американскими деятелями, как председатель Американской федерации труда (АФТ) Уильям Грин, известный ученый, философ и психолог Джон Дьюи. Если покровительство Грина важно было с финансовой и, так сказать, легитимной точек зрения, то контакты с Дьюи для нашего героя были важными и почетными. Профессор Дьюи, в свое время окончивший университет им. Джонса Гопкинса в Балтиморе, затем преподавал в ряде американских университетов, а с 1904 г. работал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он получил заслуженную популярность своей философско-педагогической теорией прагматизма, разработкой прогрессивных методов обучения, был автором многих монографий. Он оставался сухощавым и подтянутым, повсеместно был известен как человек неподкупный и мудрый. В свое время, в конце 30-х годов, он возглавлял комиссию по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на московских процессах, и сыграл немалую роль в вынесении вердикта «невиновен». Выдающийся американец, переваливший за 80 лет, согласившись помочь Николаевскому, был именно тем человеком, который стимулировал его дальнейший научный поиск.

Николаевский, Грин и Дьюи обсуждали идею создания Американского института истории труда, директором которого должен был стать Николаевский, председателем совета Грин, а товарищем председателя Дьюи. В мае 1942 г. Николаевский писал Сапиру, что ему удалось наладить сбор текущего материала, в первую очередь печатной продукции русских эмигрантов, что в совет нового учреждения будут входить авторитетные представители профсоюзов и ученые, занимавшиеся историей рабочего движения [656 - Boris Sapir Collection, box 7.]. Вместо этого, однако, была создана организация под названием «Американский рабочий архив и исследовательский институт», ставшая филиалом Рэндовской школы социальных наук. В ее совет вошли Грин, Дьюи, видный историк Дж. Бёрке и даже супруга президента США Элеонора Рузвельт. Директором организации стал Николаевский, секретарем Бургина (директор работал безвозмездно, Бургина получала крохотную зарплату) [657 - Все эти сведения взяты из бланка, на котором было написано письмо Николаевского Б.М. Сапиру от 19 июня 1942 г. (Boris Sapir Collection, box 7).].

Учебное заведение, при котором создавался Институт (Rand School of Social Science), было образовано в 1906 г. в Нью-Йорке Социалистической партией США и преследовало цель дать рабочим широкое общее и политическое образование. Вплоть до прекращения

своей деятельности в 1956 г. Рэндовская школа находилась в Манхэттене на углу 7-й авеню и 15-й улицы (в районе Юнион-сквер), где Борису Ивановичу был предоставлен небольшой офис.

В первое время дело шло как будто неплохо. Николаевский отмечал очень хорошее к нему и его предприятию отношение со стороны Грина. Однако финансовый базис института с самого начала был крайне непрочным. Деньги на его содержание приходилось просто выбивать у профсоюзных чиновников, не очень хорошо понимавших, зачем, собственно говоря, АФТ и Социалистическая партия должны интересоваться историей российского рабочего движения, чем в основном, по их мнению, намеревался заниматься Николаевский, хотя он и пытался, в основном бесплодно, убедить их, что намерен переключиться на историю рабочего движения в Соединенных Штатах.

Правда, вначале Николаевский вроде бы искренне соглашался с тем, что в центре внимания нового учреждения будет находиться именно история американского рабочего движения. Он писал Б. Сапиру в июле 1942 г.:

«Архив: история американская будет центральной и основной. Остальное будет подсобным. Но будет. В конце концов программу работы буду определять я – конечно, в пределах материальных возможностей. Этот последний вопрос до сих пор еще не ясен, и именно он меня больше всего задерживал» [658 - Boris Sapir Collection, box 7.].

Как видно из этого письма, директор института отнюдь не собирался далеко отходить от своей излюбленной научной тематики – истории российского революционного движения и сопутствующих проблем. Однако именно отсутствие прочной финансовой базы и тот факт, что американские покровители очень скоро отделились от практических дел (Грин и Дьюи были людьми преклонного возраста и просто физически были не в состоянии проявлять существенную активность), предопределили то, что из обширных планов реализовано ничего не было. Уже в ноябре 1942 г. в письмах Николаевского стал звучать известный скептицизм, хотя он и маскировался оптимистическими надеждами. Теперь говорилось не о прямой помощи институту со стороны влиятельных лиц, а о том, что есть «немало сочувственных откликов», что «автоматически успех не придет» и даже что люди, которые значатся в списке (имелись в виду, очевидно, члены совета института), «ничего не делают» [659 - Boris Sapir Collection, box 7.].

Формально Институт труда существовал по крайней мере до осени 1946 г. (о работе в нем и о том, что эта работа доставляет ей удовольствие, Бургина рассказывала корреспонденту американской газеты) [660 - New York Post, October 1, 1946.]. Однако в результате оказалось, что Николаевский, как и ранее, продолжал в основном заниматься историей и современным состоянием российской внутренней и внешней политики, причем заниматься не во главе научного коллектива, а сам по себе. Вписаться в американский академическо-университетский мир со всеми его заботами, дискуссиями, оценками и конфликтами, в сотрудничество с государственными учреждениями США и в оказание им консультативной помощи в условиях войны Николаевский не смог. Его интересы по-прежнему концентрировались на проблемах его родины. Он не был удовлетворен поэтому позицией В.С. Войтинского, своего старого товарища и однопартийца, который не просто начал новую, американскую жизнь, перебравшись в США еще в 1935 г., а добился престижных позиций в научном мире США, став профессором известного университета имени Джонса Гопкинса в Балтиморе и видным администратором в социальных программах президента Ф. Рузвельта, фактическим советником президента по вопросам трудовых отношений и другим социальным

проблемам. В письме Сапиру о поездке в Вашингтон в конце 1942 г. и встрече с Войтинским говорилось:

«Войтинского видел... Он по своим интересам с головой ушел в здешнюю жизнь, занимает видное место по статистике, много работает и печатает по спец[иальным] вопросам. О сотрудничестве с ним говорили много, но он не хочет работать над вопросами, кот[орые] были вне его основной работы (страхование от безработицы, от старости и пр.), а эти последние были чересчур специальны для «Социал[истического] вест[ника]» [661 - Boris Sapir Collection, box 7.]»

Правда, значительно позже, когда Владимир Савельевич скончался, Николаевский в статье, посвященной его памяти, писал несколько иначе:

«Он рассказывал, что четверть века тому назад, когда он перебрался на эту сторону океана, Америка его пугала, как чужая и мало знакомая страна с новыми, отличными от европейских, отношениями и укладом жизни... Но по-настоящему во весь свой рост он развернулся лишь в Америке – и как ученый, и как общественный деятель. Он действительно сроднился с этой страной – в лучшем значении этого слова нашел в ней свою вторую родину. Вспоминаются его слова о том, что в Америке его больше всего поражала огромная внутренняя свобода этой страны и то чувство широкой терпимости к чужому мнению, которое характерно для американской интеллигенции и которое ее роднит с лучшими традициями старой интеллигенции русской» [662 - Весьма любопытно, однако, что в этой статье речь в основном шла о сравнительно коротком периоде деятельности Войтинского, охватившем пять лет с 1912 по 1917 г. – время, когда совершился его переход от большевизма к меньшевизму. Отдельные этапы и особенности этого перехода были прослежены буквально под микроскопом. Они завершались последними контактами с Лениным в 1917 г., когда большевистский вождь попытался вновь привлечь Войтинского на сторону своей партии, но не преуспел в этом. В значительной степени эта часть статьи была написана по личным сибирским и питерским воспоминаниям. (Николаевский Б. Войтинский В.С. // Социалистический вестник. 1960. № 8–9. С. 169).].

Сотрудничество в «Новом журнале» и другие выступления в годы войны

С первых лет жизни за океаном Николаевский ясно сознавал необходимость сплочения сил российских эмигрантов различных политических направлений (за исключением тех, которые сочувствовали нацизму или стояли на шовинистических позициях). Характерной в этом отношении была его активность в чествовании памяти Милюкова – в прошлом кадетского лидера, с которым у социал-демократов на протяжении нескольких десятилетий сохранялись глубокие политические разногласия. До эмигрантов, находившихся в США, доходили слухи о Милюкове, которые трудно было проверить, но которые, как позже выяснилось, в основном соответствовали действительности. Продолжая критически относиться к большевикам, он поддерживал имперскую внешнюю политику Сталина, в частности одобрял войну с Финляндией в 1940 г., заявив: «Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию». Во время войны он был решительным противником Германии, незадолго до смерти радовался победе советских войск под Сталинградом. Милюков умер 31 марта 1943 г. во французском городке Эксле-Бен и был похоронен на местном кладбище.

Когда до Нью-Йорка дошла об этом весть, именно Борис Иванович, несмотря на глубочайшие расхождения с Милюковым, с которым он неоднократно встречался во Франции и ожесточенно спорил, выступил инициатором проведения вечера памяти. Он договорился о выступлениях с А.Ф. Керенским, бывшим эсеровским деятелем М.В. Вишняком, философом и культурологом Г.П. Федотовым, историком М.М. Карповичем. Последнего он просил, в частности, посвятить свою речь теме «Милюков и судьбы русского либерализма» [663 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.].

Особое значение для Николаевского имело создание в 1942 г. «Нового журнала». Этот толстый журнал пришел на смену выходившим в Париже «Современным запискам», выпуск которых в связи с оккупацией Франции гитлеровцами прекратился. В полном смысле преемником парижского журнала новое издание не стало, так как от полународнической ориентации «Современных записок» «Новый журнал» отказался с самого начала. С первого номера в «Новом журнале» сотрудничал Николаевский, что через много лет, в 1982 г., специально отметил Роман Гуль в интервью радио «Свобода» [664 - На этом стою. По-другому не могу. Интервью корреспондента радио «Свобода» Юлии Тролль с Романом Гулем. 1982 // Новый журнал. 2007. № 248. С. 261.]. Дебют историка и политолога в этом издании был посвящен советской внешней политике в условиях войны, анализу и перспективам военно-политической ситуации как в странах антигитлеровской коалиции, так и в тройственном союзе, международным отношениям военного времени, положению в оккупированных странах, особенностям союзнических отношений с США и Великобританией. Николаевский, в частности, подчеркивал вынужденность, натянутость, временность этого союза, вполне оправданного в то же время особенностями положения воюющих держав [665 - Николаевский Б. Внешняя политика Москвы. (Статья первая) // Новый журнал. 1942. № 1. С. 230–246.].

Сотрудничеству с «Новым журналом» уделялось большое внимание, хотя позиция его руководителей – писателей М.Д. Цетлина и М.А. Алданова, к которым в следующем году в качестве соредатора присоединился историк М.М. Карпович, Николаевского не всегда удовлетворяла. Он отдавал им должное, писал, например, Сапир, как Алданов умен и содержателен, но тут же жаловался, что тот «совсем не боевой человек, а время наше требует ультрабоевого редактора» [666 - Boris Sapir Collection, box 7.]. Особо тесные контакты в редакции Николаевский поддерживал с Карповичем в силу близости их профессиональных интересов и свойственного им обоим подлинно исторического подхода к событиям. В архиве сохранилась масса писем Карповича по делам «Нового журнала», в которых он согласовывает тематику предстоявших выступлений Николаевского, договаривается о сроках и т. п.

В свою очередь Борис Иванович делился с Михаилом Михайловичем своими планами. Он, например, собирался в 1944 г. написать статью о советской историографии, сравнив 25-летие после 1917 г. с предыдущим периодом. Интересно при этом, что картина, которую автор намеревался представить, не была однозначно негативной:

«Если вдуматься в факты и сопоставить это 25-летие с последним 25-летием старой России, то ясно выступает и падение уровня исследовательских работ, и сокращение их числа. Лучшее прежнего стало только в одном отношении: систематичность в выявлении материалов, богатство библиографии, на что обращено особенное внимание; бесконечно хуже в области «абстрактной истории», в области обобщений» [667 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.].

Обмен мнениями происходил и по конкретным вопросам, например, о последней фазе

«военного коммунизма» в России (1920 год). Ленин и Троцкий вначале высказались за всеобщую милитаризацию, сохранение и резкое расширение трудовых армий. Николаевский в письме Карповичу (видимо, в ответ на его несохранившийся вопрос) замечал в связи с провалом этих планов и «профсоюзной дискуссией» конца 1920 – начала 1921 г., что когда трудармии «лопнули и партия была накануне восстания профсоюзов против ЦК, то Ленин в последний момент переметнулся на сторону оппозиционного меньшинства и предал Троцкого, который защищал общепартийную линию» [668 - Ibid.]. С точки зрения новейших исследований, это было не совсем так, ибо Ленин не поддержал во время «профсоюзной дискуссии» оппозиционные группы, требовавшие демократизации партии и страны. Но то, что он предал Троцкого, подверг его нападкам и занял внешне более умеренную позицию, хотя по основным вопросам дискуссии далеко от Троцкого не ушел, полностью соответствовало действительности.

Общение Карповича и Николаевского продолжалось и в послевоенный период. В их переписке происходил обмен мнениями о творчестве отдельных авторов, прежде всего специалистов в области истории. По поводу незадолго перед этим скончавшегося С.П. Мельгунова, автора многочисленных книг по российской истории XX века, Николаевский писал Карповичу в декабре 1956 г., что попытки найти у него философию истории обречены на провал: «Он не подходил к истории с критерием морали, а просто морализировал по поводу отдельных тем» [669 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.]. Карповичу же, преподававшему в Гарвардском университете, Борис Иванович жаловался, что он не получил давно уже заказанную в Хогтонской библиотеке университета копию записи беседы Бухарина с Каменевым [670 - Речь идет о тайной встрече 11 июля 1928 г. Бухарина с Л.Б. Каменевым, специально вызванным им из Калуги, где тот проживал по требованию высшего партийного начальства. Во время беседы в присутствии Г.Я. Сокольникова шла речь о возможном сотрудничестве с оппозицией в борьбе против «Чингисхана» – Сталина. За пределы взаимного прощупывания и пережевывания косточек контакты не продвинулись. Запись беседы опубликована в кн.: Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным. С. 30–37.] из хранившегося в Гарвардском университете архива Троцкого и просил выяснить судьбу своего заказа. В другом письме содержалось напоминание о рукописи мемуаров художника Ю.П. Анненкова, которая была передана Карповичу несколькими месяцами ранее, но о которой не было ни слуху ни духу [671 - Mikhail Karpovich Collection, box 2. Двухтомник Ю.П. Анненкова «Дневник моих встреч: Цикл трагедий» был опубликован только в 1966 г. (New York: Inter-language Literary Association).].

Наряду с конкретными оценками и их предполагаемыми перспективами Борис Иванович пытался применить в своих аналитических статьях плодотворные идеи уже народившейся, но находившейся еще в стадии формирования геополитики. Эта политологическая по своему существу дисциплина предполагала комплексный географический, исторический и социологический анализ вопросов, связанных с пространственными структурами. При этом рассматривалось в первую очередь политическое, экономическое и стратегическое значение географического фактора в зависимости от местоположения, размера, функций и взаимоположения местностей и ресурсов. Естественно, что такой подход неизбежно вел к отказу (по крайней мере частичному) от разного рода возвышенных категорий, вроде высшей справедливости, высоких моральных ценностей и т. п., ставя на их место прозаический или даже попросту циничный национально-государственный интерес, как его понимали высшие представители того или иного государства. Именно с этой точки

зрения Николаевский пытался рассматривать в военные годы советскую внешнюю, в частности дальневосточную, политику. В «Новом журнале» он опубликовал в 1942–1944 гг. серию статей, в которых анализировал с точки зрения общих перспектив Второй мировой войны геополитические планы Сталина, в частности по укреплению советского влияния на Дальнем Востоке, и прежде всего в Китае [672 - Николаевский Б.И. Внешняя политика Москвы // Новый журнал. 1942. № 1. С. 230–246; № 3. С. 177–207; 1943. № 4. С. 302–331; Его же. Советско-японское соглашение 1945 года (Из очерков по истории внешней политики Москвы) // Новый журнал. 1943. № 5. С. 198–240; Его же. Революция в Китае, Япония и Сталин: Из очерков по истории внешней политики Москвы // Новый журнал. 1943. № 6. С. 229–257; № 8. С. 346–384.]. С этой же тематикой были связаны его публикации в «Социалистическом вестнике» и других изданиях.

Свой анализ Николаевский начинал с учтивых, но твердых возражений тем многим западным авторам, которые вели бесплодные споры по поводу рычагов внешней политики СССР, – кто в действительности ее проводил: Наркоминдел или Коминтерн. Эти дискуссии, убеждал он, не имеют никакого отношения к действительности, ибо все принципиальные вопросы решались в ЦК, в его Политбюро, а точнее говоря, лично Сталиным [673 - См. об этом: Чернявский Г. Феномен Литвинова. В кн.: Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2005. С. 101–130.]. В истории советской внешней политики Николаевский выделял четыре периода (до 1923 г., 1924–1932 гг., 1933–1939 гг., 1939–1941 гг.). Естественно, о периоде начиная со вступления СССР во Вторую мировую войну писать пока было еще рано.

После анализа «бури и натиска» первых лет большевистской власти он детально рассматривал период, в котором объединялись, думается не вполне удачно, два принципиально отличных между собой исторических этапа – стабилизационный и кризисный. Здесь фигурировали, по Николаевскому, три основных фактора – теория социализма в одной стране для внутреннего потребления, теория социал-фашизма для рабочего движения вне пределов СССР и оценка национально-освободительных движений для решения практических проблем в колониальных и зависимых странах. Все эти факторы Сталин рассматривал в едином комплексе, исключительно с точки зрения укрепления советского международного влияния и собственной власти. При этом особое внимание уделялось курсу на Востоке, прежде всего в «тихоокеанском пространстве».

Интересным при этом было исследование того, как отражались внешнеполитические, главным образом восточные, дела на внутрипартийной полемике в ВКП(б) в 1926–1927 гг., во время выступлений объединенной антисталинской оппозиции во главе с Троцким. Троцкий, который много писал о китайской политике Сталина, находил в ней массу противоречий, колебаний, измен. На первый взгляд он часто оказывался прав. Однако, по мнению Николаевского, лидер оппозиции не заметил, что в китайской политике Сталина, при всех ее зигзагах, было внутреннее единство. Троцкий же просто не мог заметить это главное, ибо он «мыслил в совсем иной плоскости» [674 - Новый журнал. 1943. № 4. С. 325.]: Троцкий был политиком, основывавшим свои конкретные выводы и требования на определенном идеологическом и мировоззренческом базисе; Сталин же являлся политиканом, заботившимся исключительно о своей власти, неразрывно связанной с могуществом возглавляемой им страны, и оперировавшим идеологическими понятиями, как фокусник, с целью их удобного приспособления к главным своим политическо-личностным целям. Именно поэтому, как было показано в работе, китайская политика

Сталина не была «вещью в себе», то есть важной с точки зрения интересов китайского народа. Она являлась средством создания на Тихом океане мощной силы, способной угрожать капиталистическому миру. Поэтому Сталин был готов идти на компромиссы с самыми различными группами, действовавшими в Китае. Пока он считал лидера Гоминьдана Чан Кайши (его фамилия в то время писалась Чан-Кай-Шек) способным вести борьбу против Великобритании, США и Японии, Сталин объявлял его армию важнейшим фактором китайской революции, ввел его партию в Коминтерн (правда, с совещательным голосом) и даже послал ему собственную фотографию с дружественной надписью. И только после того, как выявилось стремление Чана к соглашению с западными державами, тот был объявлен изменником, фронт был круто повернут, был провозглашен новый этап китайской революции с курсом на установление диктатуры пролетариата.

Последовательный анализ основных тенденций советской внешней политики в этом цикле не был завершен – третий и четвертый ее этапы Николаевский не рассмотрел. Это, видимо, было связано с тем, что его внимание все более сосредоточивалось непосредственно на событиях военного периода. Однако треугольник Китай – Япония – СССР затрагивался и в других статьях историка, создавая логическо-историческую почву, позволяющую изучать проблемы войны на Дальнем Востоке, в том числе вероятность советско-японского вооруженного конфликта в рамках войны на Тихом океане.

Оценки Николаевского с его нежеланием подлаживаться под сиюминутную конъюнктуру нередко вызывали бурную негативную реакцию некоторых русскоязычных печатных органов. Характерными в этом отношении были его статьи, опубликованные в конце 1941 г. в «Социалистическом вестнике» и в американском леволиберальном журнале *The New Leader* («Новый руководитель»), в которых доказывалось, что на войну против США Япония решилась, зная о невозможности советского удара по Японии с тыла. Николаевский тонко анализировал разнообразные косвенные подтверждения своей теории, в частности советско-японский договор о нейтралитете, подписанный 13 апреля 1941 г., соглашение о ликвидации конфликта между СССР и Японией в районе озера Наманган в 1939 г. (от 15 октября 1941 г.) и факт переброски советских войск с Дальнего Востока к Москве перед советским контрнаступлением в декабре 1941 г. [675 - Николаевский Б. На пороге тихоокеанского периода войны // Социалистический вестник. 1941. № 15. С. 211; Nicolaevsky B. The Axis Starts a New Front – Why? // *The New Leader*, December 20, 1941.]

В ответ какие только ругательства не посыпались на Николаевского со стороны газеты «Новый путь», издававшейся Даном. Николаевского обозвали «безответственным невеждой» [676 - Новый путь. 1942. 3 января.], обвинили в клевете на Сталина, руководившего героической борьбой советского народа и неспособного на заигрывание с агрессором (будто не было пакта Молотова-Риббентропа 1939 г.). Правда, авторитетный специалист Карпович высоко оценил публикацию Николаевского. 31 марта 1944 г. он писал по поводу статьи «Китай, Япония и Сталин»: «Статью прочел с большим интересом. По-моему, она Вам удалась – картина получилась вполне полная и убедительная» [677 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.]. Николаевский ответил своим сторонникам и противникам публично:

«Остается чрезвычайно важным как можно точнее изучать политику Москвы – и западную, и восточную. Последняя становится все более актуальной, и понять ее можно, только честно стараясь установить правду о русско-японских отношениях» [678 - Николаевский Б. Итоги одного спора // Социалистический вестник. 1944. № 17–18. С.

215.].

Своего рода итогом дальневосточного комплекса публикаций, связанных со Второй мировой войной, явились статьи Николаевского о предвоенной Японии 20-х – начала 40-х гг. [679 - Николаевский Б. Как Япония пришла к войне // Новый журнал. № 11. С. 297–329; Его же. Как Япония вошла в войну // Новый журнал. 1946. № 12. С. 223–253.] В них подробно рассматривалась японская партийно-политическая структура, внешнеполитические установки партий, идеологические обоснования владычества Японии над всей Юго-Восточной Азией. В свете этого изучался вопрос о том, как и по каким причинам японская внешняя политика эволюционировала от крайнего антисоветизма к партнерским отношениям с СССР в годы Второй мировой войны, несмотря на неоднократные обострения во взаимоотношениях и даже военные столкновения, происходившие ранее. Большое внимание уделялось советско-японскому договору о нейтралитете 1941 г., которым Сталин фактически признал оккупацию Японией северо-восточной части Китая (Маньчжурии), получившей статус фиктивно-независимого государства Маньчжоу-Го, ставшего в действительности японской колонией.

Николаевский напомнил об эпизоде, когда Сталин, вопреки своему обыкновению, 13 апреля 1941 г. явился на железнодорожный вокзал, чтобы подчеркнуто вежливо и открыто проводить министра иностранных дел Японии, отбывающего к себе на родину после подписания с советским правительством договора о нейтралитете. Поведение Сталина, делал вывод Николаевский, становится понятным только в свете грандиозных паназиатских планов Советского Союза. В результате Япония вступила во Вторую мировую войну, выступив против США, но оставшись в нейтральных отношениях с СССР.

В ряде статей военного времени Николаевский решительно, хотя и уважительно полемизировал с Даном и другими левыми социал-демократами о целях войны и месте в ней Советского Союза, о взаимосвязи военных вопросов и внутренней политики СССР. Надо сказать, что Дан не отвечал Николаевскому той же степенью уважительности и сдержанности.

Интересной, вызвавшей много споров, оказалась статья «Смещение фельдмаршала Браухича» [680 - Николаевский Б.И. Смещение фельдмаршала фон Браухича // Новый журнал. 1942. № 2. С. 224–249.], в которой обсуждалась тема превентивности германского нападения на СССР. Отвергая идею о том, что Сталин готовил нападение на Германию в самом близком времени, Николаевский видел источник версии в разногласиях, существовавших между высшим генералитетом германской армии и Гитлером. Генералы (в том числе командующий сухопутными войсками Браухич), исходя из своих стратегических планов и замыслов, видели в качестве главных врагов Германии Великобританию и США. Решение о войне против СССР было принято вопреки мнению руководителей Генерального штаба. Вот тут как раз Гитлеру и понадобилась фальшивая версия о необходимости превентивного удара по Красной армии [681 - См. об этом: Иоффе Г.З. «Новый журнал» о советско-германской войне (1942–1948 гг.) // Отечественная история. 2005. № 2. С. 150.].

Смещение Браухича Николаевский рассматривал как событие большого значения. Он писал:

«Обстоятельства, сопровождавшие его смещение, – истерическая прокламация Гитлера, настоящая «игра в чехарду» с немецкими генералами, которая не закончилась и поныне и

которая время от времени прерывается неожиданными «скоропостижными смертями» людей, вчера еще отличавшихся завидным здоровьем, – все это только сильнее подчеркивает исключительную важность события. Очень похоже, что его следует считать одним из наиболее крупных событий в политической истории войны вообще и в истории внутренней жизни Германии за годы войны в особенности. Тем важнее понять его подлинное значение» [682 - Новый журнал. 1942. № 2. С. 224.].

Именно к этому времени относится весьма смелое, особенно если иметь в виду союз США, Великобритании и СССР во время войны, отнесение Советского Союза и нацистской Германии к разряду тоталитарных государств. Означенной теме была посвящена обширная аналитическая работа, публиковавшаяся с продолжением в ряде номеров «Социалистического вестника» [683 - Николаевский Б. О классовой структуре тоталитарных государств // Социалистический вестник. 1941. № 6. С. 76–86; № 7. С. 93–101; № 8. С. 108–116; № 9–10. С. 123–130.]. Николаевский начал статью с довоенных советско-германских отношений и закончил войной. Автор в чем-то полемизировал, а в чем-то соглашался с известным социалистическим теоретиком Рудольфом Гильфердингом, незадолго перед этим выступившим в «Социалистическом вестнике» (№ 8 за 1940 г.) со статьей «Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство?». Единство взглядов состояло в том, что в нацистской Германии и в СССР созданы совершенно новые, невиданные доселе и весьма сходные между собой типы общественных отношений, прежде всего в области производства, которые не могут быть определены ни в качестве социализма, ни как государственный капитализм. Не ограничиваясь этой констатацией, Николаевский ставил вопрос о формировании класса организаторов тоталитарного производства – вначале как «класса в себе» (то есть только зарождавшейся социальной категории), но с перспективой превращения в «класс для себя» (то есть в сформировавшийся в представлениях марксистской догматики общественный класс, имеющий свое определенное место в производстве материальных благ). При этом делалась одна весьма важная оговорка, которая в известном смысле предвещала всевозможные рассуждения будущих историков-ревизионистов по поводу того, что советские реалии не укладывались в схему тоталитарной модели [684 - См. об этом, в частности: Меньковский В.И. Власть и советское общество в 1930-е годы: Англо-американская историография проблемы. Минск: Изд-во Белорусского ун-та, 2001.]. Николаевский писал:

«Основным стержнем этого общества является хозяйственная организация, проникающая все это общество до самых отдаленных его разветвлений; это – колоссальный костяк, несущий на себе тяжесть огромного общественного организма. Если закрыть глаза на все маленькие и большие «недостатки механизма» и думать не о практике выполнения, а только об идеальном плане архитектора, то мы увидим перед собой гигантскую, но стройную хозяйственную машину, все колесики и рычажки которой точно друг с другом согласованы и работают, послушно подчиняясь указаниям, приходящим из далекого общего центра» [685 - Социалистический вестник. 1941. № 7. С. 93.].

Как раз в известном противопоставлении «идеального плана» и «недостатков механизма» и заключалось опровержение будущих нападок на концепцию тоталитаризма историков-ревизионистов, предпочитавших не замечать соотношения этих двух категорий, хотя сам Николаевский тогда, в годы войны, не предвидел и не мог предвидеть появления в западном мире ревизионистской историографии.

Из экономических особенностей тоталитаризма вытекали его государственно-политические черты, которые рассматривались исследователем не статически, а в развитии. В частности, важнейшей особенностью тоталитарной системы (она анализировалась главным образом применительно именно к СССР) историк называл наличие партии, являвшейся фактическим носителем всей полноты государственной власти. Здесь, однако, возникала дилемма: первоначально партия с точки зрения ее внутренней структуры являлась более или менее демократическим организмом, хотя она и воплощала в себе носителя крайне жестокой диктатуры. «Что-то вроде демократического самоуправления дружины варягов-завоевателей, осевших в стольном граде Киеве» [686 - Социалистический вестник. 1941. № 7. С. 96. Очень интересные художественные воплощения этой мысли Николаевского можно встретить в современном сюрреалистическом романе Дмитрия Быкова «ЖД», где идет непрекращающаяся бескомпромиссная, смертельная борьба господствующих потомков варягов-завоевателей с угнетенным местным, в основном крестьянским населением, хотя и на фоне еще одной войны – между варягами и потомками хазар (то есть «ЖД» – «жидами»)]. В работе анализировалось, как было покончено с этим нелепым в тоталитарном обществе несоответствием, как партия стала послушным орудием в руках «вождя», что не только не ослабило ее как волю коллектива, но закрепило и усилило ее.

Важной стороной исследуемой проблемы являлась роль идеологии, выполнявшей государственные задания по дрессировке человеческих масс. Существенной особенностью идеологической эволюции автор считал внешнее использование старой марксистской догматики при наполнении ее совершенно новым – великодержавным консервативным и вождистским содержанием. Обязательным при этом являлся единственный руководящий императив: интересы сохранения, развития и укрепления диктатуры. Николаевский приходил к выводу, что ни о какой руководящей роли рабочего класса в Советском государстве говорить не приходится, что рабочие находятся в СССР в худшем положении, чем при столыпинском режиме после революции 1905–1907 гг., что положение рабочих и крестьян сблизилось, ибо крестьянин-колхозник перестал быть собственником земли, что сформировался или находился в стадии становления (в этом вопросе Николаевский не был категоричен) новый господствующий класс или слой (здесь автор тоже не пришел еще к окончательным выводам).

Как видим, в сознании исследователя происходила та внутренняя дискуссия, которая на протяжении многих лет будет продолжаться между сторонниками концепции формирования в СССР нового господствующего класса (М.С. Восленский, М. Джилас) и теми, например, некоторыми последователями Троцкого, кто считал, что бюрократия в СССР в господствующий класс так и не превратилась.

Прямым продолжением и дополнением «тоталитарного цикла», подчеркивавшим и оттенявшим принципиальные отличия советско-большевистского режима от «социалистического идеала», которому еще были привержены меньшевики-эмигранты, стал цикл статей, в которых сопоставлялись советские реалии с идеальной социалистической моделью. Автор признавал смятение в умах тех, кто являлся приверженцем демократического социализма, понимая, что этим термином всячески злоупотребляют. Даже гитлеровцы называют себя национал-социалистами, уверяя, что старая «прусская идея» национализма и национального господства есть подлинный социализм. Весь склад общественных отношений, существовавших в СССР, считал Николаевский, к социализму не имеет никакого отношения.

Николаевский, как и его единомышленники, продолжал традиционно оставаться социалистом и осуждал тех, кто под влиянием советского опыта поставил под сомнение социалистические идеи вообще. Он критиковал, в частности, американца Макса Истмена, в прошлом сочувствовавшего коммунизму, побывавшего в Советской России, написавшего книгу о юности Троцкого, затем переводчика сочинений Троцкого-эмигранта на английский язык и его литературного агента в США. Когда Истмен после долгих колебаний решительно отошел от социализма и коммунизма и заявил о несовместимости этих идей с человеческой природой, Николаевский, наряду с другими аргументами, упрекнул Истмена в том, что он «мыслит все еще чисто большевистскими категориями, чисто по-большевистски представляет себе социализм» [687 - Социалистический вестник. 1942. № 9–10. С. 122.].

Отстаивая традиционное марксистское понимание социализма как сочетания организованного хозяйства, уничтожения эксплуатации и всестороннего освобождения человеческой личности, Николаевский решительно противопоставлял его ленинскому пониманию социалистического общества как общества организованного и развивающегося по единому плану хозяйства на базе полного и принципиального отрицания прав личности, или казарменного общества. Важно при этом отметить, что, скажем, в отличие от Троцкого, который такой псевдосоциализм относил только к сталинскому времени, у Николаевского прослеживается преемственность от Ленина к Сталину, причем второй довел подход Ленина до его логического завершения, до его совершенства.

Через несколько лет, рассматривая вопрос о степени правильности применения к событиям в России понятия «термидор», заимствованного из опыта французской революции 1789–1799 гг. (по этому вопросу ломали копья десятки аналитиков от Троцкого до Милюкова), Николаевский был значительно более убедительным, нежели при сопоставлении практического советского опыта с идеальной социалистической моделью. Он проявил глубокое понимание сущности «термидора», то есть тех социальных отношений, которые стали складываться во Франции после свержения кровавой якобинской диктатуры в 1794 г. Николаевский решительно отверг понимание «термидора» как контрреволюционного переворота, как момента окончания революции. Он находил, что это – «определенная форма стабилизации*~~censored~~*люционных общественных отношений на базе новой экономической системы, которая победила в революции» [688 - Социалистический вестник. 1945. № 15–16. С. 175.]. Иначе говоря, «термидор» рассматривался им как продолжение революции. Следовательно, сопоставление его не только с ленинской, но и со сталинской эпохой было неуместным.

Проблемы советско-большевистского тоталитаризма, его коренной противоположности тому, что понимал под социализмом Николаевский, он продолжал обдумывать и в следующие военные годы, посвящая этой теме многие свои полемические статьи [689 - Николаевский Б. Что такое социализм? // Социалистический вестник. 1942. № 9–10. С. 121–127; Его же. О социализме и фашизме // Социалистический вестник. 1942. № 15–16. С. 188–197; Его же. Современная война и капитализм // Социалистический вестник. 1942. № 21–22. С. 271–275; Н. Крестьянство и колхозы // Социалистический вестник. 1942. № 17–18. С. 220–222; № 19–20. С. 244–246 и др.]. Оценки советской власти как тоталитарной были пока еще весьма приблизительными. Как и другие аналитики того времени, да и предвоенных лет (среди них, между прочим, был Троцкий, который проводил смелые сопоставления нацистской и большевистской систем), Николаевский не распространял

парадигму тоталитаризма на всю историю большевизма, начиная с власти Ленина, не выделял ее этапов и, следовательно, эволюции, не формулировал сферы, на которые распространялась тоталитарная система. Он относил ее только к власти Сталина, причем в основном к военным годам, да и понимал ее скорее не как всеохватывающую систему, а как организацию политической власти (хотя подчас экстраполировал свои представления на все общество). Разумеется, упрекать его за то, что научная концепция тоталитаризма не возникла в его сознании, было бы легковесно и несправедливо. Ведь до наших дней даже в серьезных трудах нередко сохраняется путаница между тоталитарной системой и авторитарной властью [690 - См. об этом: Чернявский Г.И. Тень Люциферова крыла. С. 40–44, 49–52. Наиболее четкие противопоставления ленинского этапа сталинскому, как и декларирование «бухаринского пути», можно обнаружить в трудах С. Коена (Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography. 1888–1938. New York: A.A. Knopf, 1973; *ibid.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York: Oxford University Press, 1985).]. Важно, что мысль ученого работала в конструктивном направлении, постепенно углубляя и обогащая анализ советского тоталитаризма. Николаевский, однако, предпочитал не строить абстрактные, хотя и весьма важные, научные конструкции, а создавал почву для них путем выявления и скрупулезного препарирования исторической конкретики.

Попытки объединения российских эмигрантов. Перемещенные лица и власовцы

Политическая и аналитическая деятельность Николаевского стала особенно целенаправленной после окончания мировой войны и после начала войны холодной. Борис Иванович считал остро необходимым показать во всей его неприглядной сущности сталинский тоталитарный режим. Непосредственно после окончания войны была восстановлена деятельность Международного института социальных исследований в Амстердаме. Его администрация предложила Николаевскому возвратиться в Париж, чтобы продолжить работу в качестве его представителя и руководителя филиала. Однако вернуться в Париж Николаевский отказался [691 - Boris Sapir Collection, box 7.]. Он уже свыкся с Америкой. Его не привлекала перспектива жизни в разрушенной Европе не только по материально-бытовым соображениям, но прежде всего потому, что пребывание за океаном, где все больше концентрировалась российская эмиграция, Николаевский считал теперь наиболее удобным и для продолжения своих научных занятий, и для организационно-политической деятельности. Он поддержал инициативу по политическому объединению российских эмигрантов, особое внимание уделяя налаживанию конструктивного сотрудничества между меньшевиками и эсерами. Он продолжал активно публиковаться в «Новом журнале» и газете «Новое русское слово» (редактор М.Е. Вейнбаум), равно как и в других русских и американских газетах и журналах.

13 марта 1949 г. на собрании представителей русских общественных организаций в Нью-Йорке было провозглашено образование Лиги борьбы за народную свободу. Из числа эсеров в руководство Лиги вошли В.М. Зензинов и В.М. Чернов, меньшевики были представлены Р.А. Абрамовичем, Д.Ю. Далиным и Б.И. Николаевским. Николаевский был избран председателем правления Лиги, взвалив на свои плечи нелегкую организационную работу, к которой совершенно не тяготела его душа. Лига заявила о приверженности

идеалам Февральской революции и выступила против сотрудничества «с открытыми или скрытыми реакционерами, фашистами и монархистами». Выступив на собрании, избранный председатель возражал тем эмигрантам-монархистам, которые энергично и порой злобно упрекали Лигу в том, что она объединяет только республиканцев. «Если в России была бы возможна конституционная монархия английского типа, – сказал Николаевский, – мы все голосовали бы за нее, но русская монархическая идея носит реставраторский характер, поэтому мы и объединяем только республиканцев» [692 - Народная правда. 1949. № 3. С. 2.].

Информация о создании демократической антисоветской организации появилась во всех крупных американских газетах. «Голос Америки», который уже тогда интенсивно забивали советские «глушилки», передал на русском языке специальное сообщение, ориентированное на аудиторию за «железным занавесом». 27 марта Лига провела свое второе собрание – в противовес созванной в Нью-Йорке по указаниям из Москвы конференции сторонников мира. На втором собрании Лиги выступали не только эмигранты первой и второй волн, но и новые беженцы из СССР – инженеры, летчик, актриса, студент, а также представители эмиграции из стран, ставших советскими сателлитами, – болгарин, хорват, поляк. Председательствовал А.Ф. Керенский, а Николаевский выступил с программной речью.

Под редакцией Керенского Лига стала издавать свой бюллетень «Грядущая Россия» (правда, выходил он очень недолго – всего лишь два года). Здесь Николаевский выступил с несколькими статьями, посвященными главным образом политической программе и задачам Лиги, положению в США русских эмигрантов, взаимоотношениям Лиги с социалистическими течениями в эмиграции, путям объединения сил политически разнородных эмигрантских организаций [693 - Грядущая Россия. 1949. 5 июня, 6 ноября; 1950. 9 июля, 24 декабря и др.]. В первом номере бюллетеня были опубликованы программные «Основные положения» новой организации, которые, по всей видимости, писал сам Николаевский, так как текст этот в основной части совпадал с содержанием его выступления 13 марта 1949 г. В документе было сказано:

«Мы зовем всю свободолюбивую эмиграцию поддержать почин Лиги и вместе с ней развить общую деятельность для непримиримой борьбы с коммунистической тоталитарной диктатурой и для создания свободной демократической России... Лига полагает, что строим, наиболее соответствующим сегодняшней современной обстановке, может быть только демократическая республиканская федерация народов России».

В числе конкретных программных требований Лиги были названы ликвидация в России всех органов террора, уничтожение концлагерей, освобождение духовной жизни страны от полицейской опеки, обеспечение прав личности и равенство всех граждан перед законом, полное равноправие всех национальных групп, ликвидация принудительных колхозов и свобода трудоустройства, возможность частной инициативы, проведение внешней политики, исключающей всякую возможность агрессии и международного насилия, созыв Учредительного собрания для свободного определения основ будущего государственного устройства страны. Вскоре, 5 мая, Лиге борьбы за народную свободу удалось провести под председательством Николаевского свое собрание в такой престижной нью-йоркской аудитории, как Карнеги-Холл на Манхэттене [694 - Народная правда. 1949. 6 мая.].

В качестве председателя правления Борис Иванович прилагал усилия к созданию

отделений Лиги в других странах, по крайней мере к нахождению лиц, которые брали бы на себя ее представительство за пределами США. В Париже некоторое время в качестве представителя фигурировал Гуль, который возглавил группу «Народное движение», считавшую себя филиалом Лиги. В Париже удалось на недолгое время (1948–1951 гг.) наладить выпуск журнала «Народная правда», в редакцию которого Николаевский не только вошел вместе с Гулем и Далиным, но и выступил здесь с несколькими аналитическими статьями. По просьбе Николаевского Гуль опекал Керенского, когда тот посетил Париж для встреч с русскими эмигрантами [695 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 67.].

В 1951–1952 гг. Николаевский сотрудничал также с парижским журналом «На рубеже» и согласился быть его представителем в Нью-Йорке. Рассматривались и вопросы радиопропаганды на Советский Союз. Но вероятно, выступления по радио требовали физического присутствия в студии [696 - Лишь в одном из писем скупно упоминается, что за свои выступления по «Голосу Америки» Николаевский получал ничтожные гонорары (Boris Sapir Collection, box 7).]. В то же время он участвовал в подготовке к созданию новой мощной радиостанции «Свобода», готовил для нее аналитические материалы.

Николаевский понимал крайнюю ограниченность круга слушателей западных станций на русском языке и тот факт, что доступно радио будет лишь небольшой части интеллигенции, готовой пренебречь опасностью и с огромными трудностями пробиваться через советские «глушилки». Он считал, что западное радио будет не в состоянии дойти до тех слоев и групп населения, воздействие на настроения которых было особенно важно, – рабочих, крестьян, солдат, мелкое городское чиновничество. Не видя иного выхода, он раздумывал над возможностью начать пользоваться советскими радиоволнами, вмешиваться в московские передачи, выступать с репликами и фактическими комментариями. Он соглашался с тем, что это крайне трудно и технически, и политически [697 - Николаевский Б. Проблемы нашей радиопропаганды // На рубеже. 1952. № 5. С. 27–30.]. Не случайно однажды высказанная им явно недостаточно продуманная идея использования волн советского радиовещания в целях антикоммунистической пропаганды более в печати никогда им не повторялась.

В 1947 г. Борис Иванович впервые после войны побывал в Западной Европе, разумеется, не с туристической целью – разрушенный и изголодавшийся Старый Свет сильно отличался в негативную сторону от того, который он покинул семью годами ранее. Коллега и по многим вопросам оппонент Николаевского Г.Я. Аронсон вспоминал, что тот с разрешения американской администрации посетил несколько лагерей для перемещенных лиц. Аронсон называл их «концентрационными лагерями». Они были таковыми в смысле концентрации в них многих людей, но не в советско-нацистском зловещем значении.

Аронсона необходимо дополнить. С разрешения британской администрации Николаевский посетил еще и лагеря, находившиеся в британской оккупационной зоне Германии, в частности район Мюнхена, который теперь называли столицей русской эмиграции. Он встречался с бывшими гражданами СССР, которые отказались возвратиться на родину и ожидали решения своей участи. У Николаевского была с собой толстая тетрадь, в которую он записывал свои беседы с этими людьми [698 - Аронсон Г. Памяти Б.И. Николаевского (1887–1966 гг.) // Новое русское слово. 1966. 8 марта.]. Многие записи были потом использованы в работах, посвященных советской истории. К сожалению, эта тетрадь – ценный исторический источник – позже была потеряна. Во

всяком случае, в коллекции Николаевского в Архиве Гуверовского института ее нет.

Сохранились, однако, записные книжки с краткими сведениями об эмигрантах и их сообщениях и, главное, написанные по его просьбе многочисленные воспоминания бывших заключенных сталинских концлагерей, посвященные прежде всего тем издевательствам и мукам, которые испытывали несчастные жертвы. Подчас при этом появлялись свидетельства о судьбе известных деятелей или членов их семей. Так, бывший воркутинец А. Рахалов в написанном по просьбе историка свидетельстве рассказал, в частности, о судьбе сына Троцкого Сергея Седова, с которым он некоторое время находился в одном советском концлагере [699 - НС, box 219, folder 10.].

Продолжая поиск в этом направлении, Николаевский нашел и другие свидетельства о Сергее Седове, в частности об отправке его из Воркуты в Красноярск, где младшего сына Троцкого ожидал расстрел. Эти мрачные свидетельства Николаевский со словами сочувствия отправил вдове Троцкого и матери Сергея Наталье Ивановне Седовой. Ей же была послана копия письма, свидетельствовавшего о судьбе вдовы Сергея Седова Евгении Рубинштейн, которая была отправлена на колымскую каторгу. В сопроводительном письме Н.И. Седовой Николаевский писал:

«Многоуважаемая Наталия Ивановна, при сем копия сообщения о вдове С.Л., которое я только что получил от быв[шей] колымчанки. Последняя просит меня пока ее имени никому не называть. Это – дочь видного польского большевика, друга Ленина, имя кот[орого] часто фигурирует в воспоминаниях Крупской. Родители ее, по-видимому, погибли, а она сама, после почти 12 лет скитаний, выбралась в зап[адную] зону Германии. Если Вы поставите вопросы, я ей перешлю, – хотя она и уверена, что больше ничего не знает».

В конце письма Николаевский сделал приписку, имея в виду Евгению Рубинштейн: «Упомянуть Женю и ее фамилию в каких-либо Ваших материалах считаю вредным для нее. Поэтому прошу Вас пока этого не делать» [700 - НС, box 628, folders 13, 14.].

Борис Филиппов, один из тех, кто находился в первые послевоенные годы в лагере для перемещенных лиц, бывший советский заключенный, затем красноармеец, оказавшийся в немецком плену, а теперь отказывавшийся возвратиться на родину, через три с половиной десятилетия написал воспоминания о своей встрече с Николаевским во Франкфурте-на-Майне [701 - Филиппов Б. Мысли нараспашку: Памяти Б.И. Николаевского // Новое русское слово. 1982. 17 января.]. «В гостинице, где останавливались американцы, меня встретил огромный, могучего сложения богатырь с вьющейся, почти не тронутой сединой шевелюрой», – писал Филиппов. Николаевский сообщил своему собеседнику, что он собирает сведения о лагерях НКВД. Филиппов рассказывал:

«Как и любая волна эмиграции, мы, попавшие на Запад во время и после войны, были свято убеждены, что лучше и глубже нас никто из первой эмиграции знать советскую действительность не может. Также думал и я и был ошеломлен, когда Борис Иванович спокойно и уверенно несколько раз поправил меня: «Вы, очевидно, ошиблись, запамятовали... Это было несколько иначе»... И я припоминал тогда, что дело происходило именно так, как сказал Николаевский».

Имея в виду прошлые связи и знакомства своего собеседника с московскими историками и писателями, Николаевский интересовался судьбами некоторых старых большевиков, например сторонника Троцкого Федора Дингельштедта, семьи Г.К. Орджоникидзе, видных историков, осужденных по делу академика Платонова («академическое дело»), поэта Н.А. Клюева и тем, что произошло с его поэмой

«Погорельщина». Много Борис Иванович записывал в ходе беседы, но попросил Филиппова подробно написать о тюрьмах и лагерях НКВД. Он оказал и материальную помощь своему новому знакомому, для которого, как тот писал, любой фунт жиров или полкило сахара были капиталом [702 - Встречи продолжались и в США, куда смог перебраться Филиппов. «Можно было заслушаться его рассказами, особенно когда на столе были его любимые пельмени и немного ледяной водки» (Филиппов Б. Мысли нараспашку)].

Тогда же, в первую свою поездку в Европу, Борис Иванович побывал и в Париже, и во французской провинции, где ему удалось разыскать многие из оставленных им в 1940 г. документов. Поскольку время было послевоенное, опасения и подозрительность и у военной администрации союзников, и у местных французских властей были с полным основанием заострены, и Николаевский предусмотрительно запасся всевозможными мандатами американских учреждений, содержащими просьбы оказывать ему всяческое содействие.

Во французской столице состоялись встречи со знакомыми и друзьями, которым удалось пережить германскую оккупацию. В частности, Борис Иванович встретился с вдовой писателя Е.И. Замятина, которой вскоре по возвращении в Нью-Йорк сообщал, что архив ее супруга в целости и сохранности, что, обнаружив его, он сам подготовил этот ценный груз к отправке хозяйке, вынудив только, согласно договоренности, один экземпляр неопубликованной пьесы «Атилла» (она была написана в 1925 г.) для публикации в «Новом журнале» [703 - Новый журнал. 1950. № 24. С. 7–70.]. «Удастся ли мне вскоре побывать еще в Париже, – продолжал он, – не знаю. Не так это легко. Но впечатлений из него я вынес так много, что, если б имел возможность, поехал бы теперь же, без колебаний. И обещаю, опять привез бы шоколад!» [704 - НС, box 509, folder 4; Шерон Ж. К судьбе зарубежного архива Е.И. Замятина. С. 73–74.] – писал он Замятиной.

В Париже Николаевский побывал дома у Гуля. Гуль вспоминал, что на вопрос, доволен ли он Америкой, Борис Иванович ответил: «Да, в Америке-то очень хорошо, только где-нибудь в Белебее мне было бы лучше. Я ведь в «заграницах» нигде не приживаюсь» [705 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. III. С. 158.]. Если действительно Николаевский и произнес эти слова, то они скорее выражали минутное настроение, ибо он вполне сносно «приживался» за рубежом, приспособлялся к обстоятельствам, преодолевал возникавшие трудности, а уж к возвращению в глубоко провинциальный, теперь уже советский Белебей никогда не стремился; не бывал там даже еще в пору жизни в России.

Однако особенно обрадовала Николаевского встреча с Церетели, с которым была восстановлена связь еще в конце 1944 г., то есть сразу же после освобождения Франции союзниками. Открытка Церетели, посланная в США Бургиной, была датирована 25 декабря 1944 г.:

«Дорогой друг, для меня было большой радостью узнать, что Вы и Борис находитесь в добром здравии и что у Вас есть работа, приносящая удовлетворение материальное и моральное».

А в конце письма шли знаменательные строки: «Передайте привет Борису. Я бы хотел, чтобы он посвятил себя исключительно историческим работам. Книги и документы, которые он оставил здесь, все в полном порядке» [706 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 321, 323.].

Церетели удалось пережить оккупацию, хотя полулегальная жизнь в Париже, где хозяйничали гитлеровцы, тяжело отразилась на его здоровье и моральном самочувствии.

Лишь постепенно Ираклий Георгиевич приходил в себя, восстанавливал ту жизнестойкость, оптимизм и юмор, которые ему всегда были присущи, наряду с проникновенным пониманием социально-политических реалий и их сложных перипетий.

Затем переписка стала систематической. Всё, что касалось Бургиной и Николаевского, интересовало Церетели до мелочей. Зная, что у его друзей болезнь щитовидной железы, Церетели разыскал и переслал им необходимые лекарства. Николаевскому Церетели писал еще и отдельно, поэтому в письмах к Бургиной о Борисе Ивановиче были лишь общие вопросы: где он, «как они живут, как устроились, что собираются делать» [707 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 324.].

Приехав в Париж, Борис Иванович получил от Ираклия Георгиевича все те материалы, которые оставил на его попечение. Более того, Церетели со свойственной ему восстановившейся после тяжких военных лет энергией, используя свои широкие связи во французских кругах, помогал в розыске документов, оставленных у других людей. Вначале был обнаружен один чемодан, оставленный Николаевским. Через некоторое время Церетели удалось буквально снять с американского грузовика еще два огромных чемодана, которые, как бесхозное имущество, собирались везти в распоряжение военного командования США. Там оказались протоколы I Интернационала, материалы о Гражданской войне в России, обширная личная переписка Николаевского [708 - Там же. С. 326.].

Вскоре после возвращения в США из первой поездки в Европу Николаевский познакомился с недавно демобилизовавшимся капитаном американской армии Джорджем Фишером, который его заинтересовал по нескольким причинам, вытекавшим из биографии молодого человека, которому в 1947 г. исполнилось 24 года. Джордж был сыном известного американского леволиберального журналиста Луиса Фишера, много лет проработавшего в СССР в качестве корреспондента американских газет. Матерью Д. Фишера была бывшая советская гражданка Б.Я. Марк, которая в свое время работала переводчицей при наркоматах иностранных дел и в этом качестве участвовала в Генуэзской, Гаагской и других конференциях. В 1933–1939 гг. Джордж с матерью жили в Москве, Джордж стал Юрием, посещал престижную московскую школу, вступил в комсомол. Из СССР вместе с матерью и братом он с огромным трудом смог уехать в США благодаря ходатайству первой американской леди Элеоноре Рузвельт (к ней за помощью обратился отец Юрия). Понятно, что в 30-х годах Б.Я. Марк с полным основанием опасалась стать жертвой репрессий [709 - Fischer L. Men and Politics: An Autobiography. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1941. P. 584–587.] и была счастлива представившейся возможности уехать из СССР. Вновь превратившись в Джорджа, юноша поступил в Висконсинский университет, но вскоре был призван в армию, служил офицером связи и даже обслуживал Ялтинскую конференцию глав трех держав.

После войны он окончил Гарвардский университет, где преподавал М.М. Карпович, стал историком, был представлен Николаевскому как перспективный исследователь. Естественно, Николаевский с пристрастием «допросил» молодого человека и о жизни в Москве, и о рассказах его матери, и о военных годах. Но главное, Д. Фишер получил совет заняться историей военной и послевоенной эмиграции из СССР. По этой рекомендации он поехал в Мюнхен, где инициировал крупный проект, одобренный Русским исследовательским центром Гарвардского университета. До 1951 г. Фишер, проявивший незаурядные организаторские качества, был координатором этого проекта, часто посещал Мюнхен, стал инициатором создания местной русской библиотеки, а затем и

Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР [710 - Fischer G. *Insatiable: A Story of Mine Nine Lives*. Philadelphia, 2000. P. 55; O'Connell Ch.T. *The Munich Institute for the Study of the USSR*. Pittsburgh: Pittsburgh University, 1990. P. 5–20.]. В 1952 г. Д. Фишер выпустил ценное исследование об антисталинских настроениях в СССР периода войны [711 - Fischer G. *Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War Two*. Cambridge: Harvard University Press, 1952.], а в следующие десятилетия появились многочисленные советологические исследования этого ученого. Можно с полным основанием полагать, что Николаевский был духовным отцом не только профессора Джорджа Фишера, но и всего Мюнхенского института, развернувшего плодотворную деятельность.

В коллекции Николаевского сохранились многочисленные записи бесед, которые в послевоенные годы проводил Д. Фишер с русскими эмигрантами, и переписка с ним Николаевского, продолжавшаяся почти до самой смерти Бориса Ивановича [712 - NS, box 259, folder 14; box 479, folder 12.]. Николаевский поддерживал также связь с директором Мюнхенского института Николаем Александровичем Троицким, писателем, публиковавшимся под псевдонимом Б. Яковлев. С Троицким Николаевский встречался как в институте, так и на международных конференциях, давал советы, подчас критиковал (хотя и деликатно) издания Мюнхенского института. В одном из писем Троицкому говорилось:

«Основной спецификой методологии представителей новой эмиграции являлось ощущение советской действительности, которое имелось у каждого эмигранта и которое его обособляло и от авторов из среды старой эмиграции, и от авторов из представителей ученого мира Запада. Каждый новый эмигрант имел свой опыт познания советской действительности, и этот опыт делал каждого автора... свидетелем, рассказ которого мог помочь тем из читателей, которые этого опыта не имели. Но этот опыт, прежде всего, был не одинаков по широте охвата и глубине проникновения во внутренние отношения советского общества. Условия жизни в СССР таковы, что наблюдать за тем, как советская система ударяет по другим, советские граждане имеют очень мало возможности» [713 - NS, box 483, folder 19. В 1954–1955 гг. Мюнхенский институт потерял независимость, так как стал финансироваться американской администрацией и в основном выполнять ее заказы. В 1972 г. в связи с начавшейся разрядкой институт был закрыт, как проявление доброй воли в отношении СССР, который рассматривал это учреждение как очаг враждебной пропаганды (Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // *Новый исторический вестник*. М.: РГГУ, 2004. № 1. С. 54–70).].

Ранней весной 1949 г. Николаевский вновь поехал в Западную Европу. Происходили новые встречи с перемещенными лицами. В марте он встретился в Париже с писательницей Ниной Берберовой, а на следующий день, видимо по его просьбе, Берберова пригласила на новую встречу Маргарете Бубер-Нейман – вдову Гейнца Неймана, одного из лидеров компартии Германии в начале 30-х годов. Встреча с этой многострадальной женщиной, муж которой был расстрелян в СССР по приказу Сталина, была весьма важна для Николаевского – рассказ Маргарете позволял с новой стороны оценить преступную сущность сталинского режима.

Бубер-Нейман подробно рассказывала историку о перипетиях своего пребывания в советском, а затем в гитлеровском концлагере, куда она, как и ряд других немецких политэмигрантов, попала по сталинской милости. Книга Бубер-Нейман вышла в Западной

Германии в том же 1949 г. [714 - Neumann M. Als Gefangene bei Stalin und Hitler. München: Verlag der Zwölf, 1949. Через много лет книга была опубликована и в России (Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М.: АИРО-XX, 1995). Обратим внимание, как изменено название воспоминаний в русском варианте по сравнению с немецким «Пленница Сталина и Гитлера».] В воспоминаниях и в уточняющих рассказах Николаевскому речь шла о том, как после ареста мужа Маргарете оказалась в советском концлагере, а в начале февраля 1940 г. была передана гитлеровцам. Именно она впервые поведала Николаевскому и немецким читателям о сотрудничестве НКВД с гестапо и о передаче находящихся в советских лагерях немецких граждан Гитлеру, что было связано с желанием Сталина продемонстрировать Гитлеру свою добрую волю, причем, когда немецких заключенных высылали из СССР, им не было сообщено, куда их вывозят. Иными словами, они не знали, что их передают Гитлеру, и не имели возможности выбора. Только после того, как их привезли в Брест-Литовск, на новую советско-германскую границу, стало ясно, что именно происходит. Затем заключенных перевозили в фургонах к пограничному мосту через Буг, а после этого пешим порядком вели к середине моста, где проходила, собственно, граница. Там их встречали ээсовцы с овчарками.

Поняв, что им суждено, некоторые заключенные, особенно евреи, теряли сознание или пытались покончить с собой, прыгнув с моста. Однако бдительные стражники с обеих сторон не допустили ни одного случая самоубийства. Бубер-Нейман вспоминала:

«Хотя эти неоднократно преданные коммунисты после всего того, что произошло с ними, не строили больше никаких иллюзий о советской системе, они считали просто невероятным, что теперь должно было произойти. Но это случилось: эмигрантов-коммунистов, людей, которые, рискуя жизнью, бежали в Советский Союз, Сталин отправлял опять к Гитлеру. 500 человек были принесены в жертву дружбе между Сталиным и Гитлером как своего рода подарок. Этим актом Сталин хотел доказать, насколько серьезно он воспринимает эту дружбу: широким жестом он предоставил Гитлеру возможность самому расчитаться с пятьюстами своими ярыми противниками».

Советский офицер сделал перекличку и приказал осужденным идти по мосту, продолжает Бубер-Нейман:

«Тут я услышала сзади себя возбужденные голоса и увидела, как трое мужчин из нашей группы умоляли офицера НКВД не посылать их через мост. Один из них, по имени Блох, до 1933 г. являлся редактором немецкой коммунистической газеты. Для него другая сторона моста означала верную смерть. Такая же судьба должна была ожидать молодого немецкого рабочего, заочно приговоренного гестапо к смерти. Всех троих насильно потащили по мосту. Затем подошли гестаповцы и приняли на себя работу НКВД Сталина» [715 - Бубер-Нейман М. Мировая революция. С. 258–259.].

Что же касается Бубер-Нейман, то после шести месяцев пребывания в тюрьме гестапо перевело ее в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк, откуда она вышла только в 1945 г., после освобождения Германии от нацизма.

Можно представить себе, с каким замиранием сердца слушал Николаевский этот рассказ. Берберова сделала об этой встрече в своем дневнике следующую запись: «Б.И. Николаевский был в Париже. Сидел у меня долго. На следующий день мы с ним встретились в кафе на Данфер-Рошро. Пришла Маргарита Бубер-Нейман. Она одиннадцать лет просидела в лагерях: сначала на Колыме, а потом была Сталиным выдана Гитлеру. Она написала об этом книгу» [716 - Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. New York: Russica Publishers, Inc, 1983. С. 530.].

Николаевский принимал участие в состоявшемся в Западном Берлине в июне 1950 г. Конгрессе за свободу культуры, который проводился при поддержке всемирно известных ученых и общественных деятелей Бертрانا Рассела, Бенедетто Кроче, Джона Дьюи, Карла Ясперса. В нем участвовали люди самых разных политических воззрений – от консервативных представителей Республиканской партии США до левых социал-демократов. Широко были представлены эмигранты из России. Советская и восточногерманская пропаганда не жалела злобных эпитетов для участников этого форума. Герхард Эйслер, в прошлом коминтерновский деятель, с 1949 г. являвшийся председателем Государственного комитета по радиовещанию ГДР, дошел до того, что обозвал участников конгресса «американскими шпионами и литературными обезьянами».

Николаевский произнес на конгрессе эмоциональную речь в поддержку сплочения сил подлинной демократии, несмотря на существенные политические разногласия. Он дал отповедь нападкам на участников форума, в частности Эйслеру, указав, что последний, проживая ранее в США, подвергался арестам за агитацию, подрывавшую военные усилия Соединенных Штатов, но, в отличие от противников коммунистического режима в странах советского блока, которых годами гноили в тюрьмах и лагерях, почти сразу отпускался на свободу [717 - Грядущая Россия. 1950. 9 июля.].

В Берлине был образован координационный орган движения за свободу культуры, в состав которого был включен Николаевский, участвовавший в нескольких заседаниях этого комитета, обсуждавшего вопрос о включении в него представителей народов России. Конкретно речь шла о писателе и политическом деятеле Владимире Кирилловиче Винниченко, являвшемся в 1917 г. главой украинского Народного секретариата (исполнительной власти), а затем правительства независимой Украины. Борис Иванович был в контакте с Винниченко, который импонировал ему и своим отказом сотрудничать с немецкими оккупантами во Франции, за что был заключен в концлагерь, и страстной речью на конгрессе 1950 г., и появившейся почти одновременно с конгрессом книгой «Слово за тобой, Сталин!», в которой призывал к демократизации СССР. Однако, как признавался Николаевский в письме Далину из Парижа в феврале 1951 г., к кандидатуре Винниченко в комитете отнеслись «кисло», вспоминая 1920 г., когда этот украинский деятель ненадолго возвратился в Советскую Россию, вступил в РКП(б) и даже на несколько месяцев занял пост заместителя председателя Совнаркома и наркома иностранных дел Украины (председателем Совнаркома был Х.Г. Раковский). Правда, очень скоро Винниченко вновь разочаровался в большевизме и в том же году покинул Россию [718 - Boris Sapir Collection, box 7.].

На одном из заседаний комитета, избранного в Берлине, Николаевский поставил вопрос об издании на ряде языков информационного бюллетеня о положении в России [719 - Ibid.]. Однако средств на это предприятие не нашли, и идея не была реализована.

В очередной свой приезд в Париж Николаевский не сумел встретиться с Замятиной, отсутствующей в те дни [720 - «Очень досадую, что во время Вашего пребывания в Париже я не была в нем», – писала Л.Н. Замятина, которая в это время гостила «у своих друзей под Парижем – очень жалею». Она выражала надежду, что Николаевский остался доволен своим путешествием в Европу, и попутно сообщала, что архив покойного супруга, чудом спасенный Борисом Ивановичем, находится, наконец, у нее (НС, box 509, folder 4; Шерон Ж. К судьбе зарубежного архива Е.И. Замятина. С. 74).], но зато познакомился с Церетели, который взволнованно описывал Бургиной эту встречу 11 января

1951 г.: «Вчера неожиданно нагрязнул Б[орис] И[ванович], а сегодня он уже уехал в Германию. Очень был рад увидеться с ним, хотя поездки его в нынешних условиях не одобряю».

Сохранявший верность ветшавшим социалистическим идеалам, Церетели был недоволен слишком активным общением Николаевского с людьми, уехавшими в Германию по своей воле во время оккупации Франции. В то же время Церетели не скрывал своего изумления тем, как прекрасно его друг овладел английским языком:

«У меня теперь стоит телефон (потребовали по службе). Он немедленно засел за аппарат и имел более двадцати разговоров. И представьте, что обнаружилось: он прекрасно говорит по-английски. Он все время сбивался на английский язык... У него огромный запас хороших английских выражений, и я удивляюсь, как Вы могли оклеветать его, что он не знает английского» [721 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 337–338.].

Николаевский принял деятельное участие в спасении тех бывших граждан СССР, которые в годы войны оказались за рубежом и теперь не желали возвращаться на родину, зная или предполагая, что их там ожидает если не гибель, то каторжный труд в концлагерях. Дело в том, что в мае 1945 г. началась массовая репатриация в СССР военнопленных и гражданских лиц – граждан СССР, продолжавшаяся до 1952 г. Насильственная репатриация проводилась органами НКВД через фронтовые сборно-пересыльные пункты и пограничные проверочно-фильтрационные лагеря. В общей сложности к началу 50-х годов в СССР было возвращено около 4,5 миллиона человек. На 1 января 1952 г. за границей осталось всего 10 процентов от общего числа находившихся в лагерях беженцев (по разным данным, от 450 до 500 тысяч человек).

Те, кто избежал расстрела, направлялись в концлагеря, ссылку или в «спецпоселения». В лучшем случае они работали в рабочих батальонах Наркомата обороны СССР или Наркомата внутренних дел СССР, привлекались к принудительному труду с крайним ограничением свободы, насильственно прикреплялись к предприятиям с особо тяжелыми условиями труда, подвергались иным лишениям или ограничениям прав и свобод [722 - Ульяновкина Т.И. Роль Толстовского фонда (США) в спасении русских ученых-эмигрантов от репатриации в послевоенной Европе (1944–1952 гг.). Интернет.].

На Западе оставался значительный массив русских перемещенных лиц и эмигрантов, которые крайне нуждались, а часто попросту голодали. Немалую часть составляла элита общества – деятели литературы, искусства, науки. Большую роль в спасении русской интеллигенции в послевоенной Европе сыграл Толстовский фонд – русская эмигрантская благотворительная организация, созданная в Нью-Йорке в 1939 г. дочерью Л.Н. Толстого Александрой Львовной (1884–1979) с целью оказания помощи русским беженцам. Ей потребовались значительные усилия, чтобы в США в 1948 г. был принят закон о перемещенных лицах, по которому на территорию Соединенных Штатов до 1 января 1951 г. могли въехать 205 тысяч беженцев из Европы.

В 1948 г. Толстовский фонд, для предотвращения насильственной репатриации бывших советских граждан в СССР, заключил соглашение с Госдепартаментом США о совместных действиях по освобождению бывших советских граждан из лагерей в Европе и отправке их в США. Помощь Толстовскому фонду (составление гарантийных писем и ходатайств, оплата посылок с продовольствием и одеждой для беженцев и пр.) оказывали эмигрантские организации, отдельные граждане и жители США, в том числе эмигранты из России.

Николаевский включился в деятельность Толстовского фонда, который чаще

именовался Литературным фондом или Литфондом. Нельзя сказать, что он был активным участником повседневной работы этой организации (бюрократическая работа, тем более предполагавшая материальную ответственность, все сильнее тяготила его). С годами он проявлял все большее стремление к труду в архиве, к беседам с участниками исторических событий, к работе за письменным столом. Но тем не менее, когда считал это важным, он обращался к поддержке фонда, опираясь на деловые контакты с его постоянными сотрудниками. Об этой деятельности Николаевского можно судить, в частности, из его письма Замятиной от 15 апреля 1949 г.:

«Вчера Литфонд решил отправить Вам продуктовую посылку. К сожалению, у Фонда очень трудные дела. Вы едва ли и представляете, как много горя теперь среди ди-пи [723 - Ди-пи (DP) – аббревиатура английского выражения «displaced persons» (перемещенные лица), которым обозначались люди, оказавшиеся в условиях Второй мировой войны за пределами своей страны насильственно или добровольно.] и какие вопли приходят оттуда. А средств у Фонда очень мало. Мы достали много вещей и отправили уже главным образом туда свыше 100 больших посылок» [724 - NC, box 509, folder 4; Шерон Ж. К судьбе зарубежного архива Е.И. Замятина. С. 74.].

Даже во время поездок в Европу по научно-политическим делам (а может быть, именно в связи с этими поездками, во время которых он встречался с крайне нуждавшимися русскими эмигрантами) Николаевский занимался организацией помощи. Он просил супругу А.Д. Далина Лилию (Лолу, Лелю Эстрину) напомнить в Литфонде о списке нуждающихся из числа перемещенных лиц и сделать это как можно скорее, ибо положение людей критическое. В свою очередь, Лилия Далина, находившаяся в Германии, требовательно напоминала Борису Ивановичу 14 марта 1951 г.: «Устроил ли ты через Литфонд помощь тем людям, адреса которых я тебе послала из Гамбурга? Я забыла еще упомянуть, что один из них – Карпович – белорусский композитор, не имеет возможности работать, так как ему нужно марок 20 в месяц, чтобы играть на рояле у каких-то немцев. Это прямо входит в задачи Литфонда помогать художникам, музыкантам и артистам, не так ли?» [725 - Boris Sapir Collection, box 7.]

Наряду с Литфондом вскоре после войны была образована еще одна благотворительная организация, созданная в основном меньшевиками, которые, однако, не высказывали прямых предпочтений в предоставлении помощи. Более того, Николаевский, входивший в правление этого фонда и одно время являвшийся его президентом (в состав совета директоров входили также Зензинов в качестве вице-президента, Алданов, Авксентьев, Карпович, Бургина и др.), настаивал на том, чтобы направлять скудные продуктовые посылки и вещи абсолютно всем нуждающимся советским эмигрантам и перемещенным лицам, независимо от их политических взглядов и убеждений.

В Париже посылки получали Гуль и Церетели и проводили дальнейшее распределение. Позже оба они также перебрались в США, но это произошло после прекращения помощи эмигрантам, которые постепенно, в основном благополучно, обустроивали свою жизнь на Западе.

Правда, Церетели высказывал опасение, что среди получателей есть немало провокаторов и даже шпионов, однако Николаевский призывал не преувеличивать опасность и не проявлять излишней подозрительности [726 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 81.]. Церетели также получал продуктовые посылки, одежду и другие жизненно необходимые вещи непосредственно от Бургиной и Николаевского [727 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 329–330.].

Многие меньшевики и другие политические деятели были против сотрудничества с перемещенными лицами, прошедшими проверку со стороны американских спецслужб и затем оказавшимися в США.

Речь шла о бывших участниках антисоветских военных формирований, созданных при помощи нацистской Германии, прежде всего о так называемых власовцах. Николаевский занял несколько иную позицию. Он решительно осуждал сотрудничество с гитлеровцами, а тем более формирование ими боевых частей с целью ведения военных действий против СССР, но не отказывал в поддержке тем бывшим власовцам, которые получили разрешение на въезд в США.

Николаевский был, пожалуй, единственным меньшевиком, который смог осознать трагедию власовского движения в годы Второй мировой войны и даже частично оправдать его, в то же время приложив все силы, чтобы рассказать об этой трагедии широкому кругу читателей.

Интересуясь русскими антикоммунистическими формированиями в годы Второй мировой войны, Николаевский просто не мог не попытаться проанализировать их с научно-исторической точки зрения. Так появилась его интересная, но, к сожалению, не оконченная работа «Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов (Материалы для истории)» [728 - Новый журнал. 1948. № 18. С. 209–235; № 19. С. 211–247.]. Автор отмечал грубейшие фальсификации истории советской пропагандой, прессой, официальными органами и лицами, в том числе Сталиным:

«Если мы хотим правильно понимать обстановку военных лет, то мы должны прежде всего усвоить одну непреложную истину: на всем протяжении многовековой истории России не было войны, во время которой встретила бы такая степень отсутствия внутреннего единства страны, как это было в войну 1941–1945 годов. Показателем отсутствия этого внутреннего единства было пораженческое движение в стране» [729 - Новый журнал. 1948. № 18. С. 209.].

Основываясь на сравнительно-историческом подходе, Николаевский сопоставлял пораженчество во время последней войны с аналогичными явлениями предыдущих эпох, рассматривая его как показатель глубинных социальных процессов. При всей сложности, неоднозначности пораженчества, при учете того, что пораженцы так или иначе должны были идти на службу к агрессору, служить бесчеловечным нацистским планам, их звериному курсу геноцида евреев и цыган, превращения народов СССР в рабов Германии, Николаевский исходил из того, что большевизм, убив демократию, убил и порождаемые ею формы гражданственности.

Звериная борьба советской власти против народа вызывала ответную злобную реакцию со стороны масс, так или иначе ущемленных, лишенных собственности, обездоленных, не говоря уже о тех, кто ненавидел коммунизм по идейным, моральным и другим соображениям. Понятно, что были и всевозможные маргинальные группы, жаждавшие поживиться на страданиях и гибели угоняемых в гетто и лишенных права на существование евреев.

В основе работы лежали главным образом сообщения участников событий, которые Николаевский исправно собирал в лагерях для перемещенных лиц в Германии, а затем и в других европейских странах, да и в самих США. Автор отлично сознавал пороки, присущие воспоминаниям, тем более записываемым со слов, и стремился к перекрестной проверке доносимых ими сведений, к многократному повторению одних и тех же

вопросов, задаваемых респондентам. Кроме того, ему удалось использовать комплекты русских газет, которые выпускались в нацистской Германии («Новое слово», «Воля народа») и Франции («Парижский вестник»), а также отдельные номера целого ряда других периодических органов, разного рода листовки, одноразовые газеты и т. п. Разумеется, исследователь не преминул воспользоваться различными чисто германскими источниками, как официальными, так и прессой и мемуарами.

Автор показал, что уже зимой 1941/42 г., когда в германском плену оказалось от 4 до 5 миллионов красноармейцев и командиров, в их среде возникла идея создания антисоветских воинских формирований. Нацистские политики и военные, однако, с полным основанием опасались давать оружие в руки русским военнопленным – оно вполне могло быть обращено против самих немцев. В нацистских верхах возникли, как показал Николаевский, серьезные разногласия по поводу использования пленных в войне против СССР. Ведомство министра оккупированных восточных территорий А. Розенберга, взяв курс на раздробление России, поддержало создание сепаратистских группировок со своими небольшими воинскими формированиями, в частности казачьих частей, но выступало против образования воинских отрядов, состоявших из русского населения. В то же время главное военное командование стояло на иной позиции – за формирование небольших русских воинских подразделений из состава пленных, которые носили бы вспомогательный характер. Эту идею поддержал фельдмаршал Вальтер фон Браухич, являвшийся в 1938–1941 гг. главнокомандующим сухопутными войсками Германии. Он и другие старые офицеры полагали, что «Россию можно победить только Россией» [730 - Новый журнал. 1948. № 18. С. 217.].

Однако после отставки Браухича, обвиненного в провале плана молниеносной войны и вступившего в спор с Гитлером, начавшееся образование таких частей со своей формой, знаками различия, пропагандистскими подразделениями, находившимися на нацистских позициях, было остановлено. Гитлер запретил отдельные уже созданные русские формирования, затем с ними начали физическую расправу. Некоторые группы даже ушли в партизаны. Тем не менее на оккупированной советской территории продолжалось зарождение разного рода антикоммунистических военных и полувоенных движений, например бригады Б.Б. Каминского, который объявил себя русским нацистом.

Новый этап русского пораженческого движения, как показал Николаевский, был связан непосредственно с именем и активностью бывшего генерала Красной армии А.А. Власова, оказавшегося в германском плену и согласившегося на активное сотрудничество с оккупантами. Автор подробно рассказывал биографию Власова, отмечал его неоспоримые военные заслуги, его превращение в значимого командира Красной армии, особенно после репрессий в генеральско-командирской среде в 1936–1938 гг. Это была первая подробная и объективная биография столь одиозной фигуры, как Власов, правда доведенная только до 1943 г.

Николаевский останавливался и на ближайших сотрудниках Власова. Из них выделялись В.Ф. Малышкин и Зыков, ставшие ближайшими помощниками Власова. За отсутствием информации Николаевский не называл других помощников Власова, например генералов Ф.И. Трухина и Г.Н. Жиленкова. Точно так же, подробно рассказывая о Зыкове как главном пропагандисте власовского движения и авторе многих программных материалов, Николаевский ничего не знал о его прошлом, даже не смог установить его имени и отчества [731 - Последующие розыски прибавили немного. Правда, было установлено, что Зыкова звали Милентий или Мелетий Александрович, но это были

вымышленные сведения, так как человек под таким именем в советских кругах обнаружен не был. Относительно его биографии в литературе высказываются по сей день самые разные версии. Согласно одной, этот человек до войны был сотрудником «Известий» и даже был близок с Бухариным и А.С. Бубновым. Согласно другой, Зыков – это псевдоним некоего советского еврея, вступившего в опасную игру и остававшегося, в отличие от Власова, на социалистических, но антисталинских позициях. Называют даже имя Ц.С. Вольпе – бывшего меньшевика, в советское время отошедшего от политики и ставшего литературоведом. Согласно официальным данным, Вольпе умер в 1941 г., однако этот факт не получил достоверного подтверждения. Были даже лица, которые, увидев фотографию Зыкова, уверенно утверждали, что это Вольпе.]

Николаевский рассказывал о создании под руководством Власова Русского комитета (известного позже под названием Комитет освобождения народов России) и начале формирования Русской освободительной армии (РОА). Власов, по сведениям Николаевского, поставил условием своего участия в РОА улучшение условий содержания советских военнопленных, что было отчасти, по крайней мере формально, сделано. Было установлено, что в тех лагерях, где проводились соответствующие показательные мероприятия (отмена смертной казни за попытку побега, запрещение телесных наказаний военнопленных, увеличение хлебного и табачного пайка) и при этом сообщено, что это инициатива генерала Власова, его популярность возрастала, а запись в РОА активизировалась.

Автор анализировал документы Власова, которые должны были стать стимулом к записи пленными в его формирования, прежде всего так называемые «13 пунктов», носившие программный характер и предусматривавшие ликвидацию в СССР принудительного труда, роспуск колхозов, восстановление частной собственности, которая, однако, оставалась бы под контролем государства, устранение режима террора, введение мер социальной защиты и т. п.

Подчеркивалось, что Власов провозглашал союз с Германией и борьбу с Западом, но воздерживался от преклонения перед фюрером. По мнению Николаевского, это делалось с благословения самих германских попечителей движения, умевших найти способы повышения эффективности пропагандистской работы среди русских. Для работы в РОА под Берлином была образована школа пропагандистов, в которой преподавали бывшие советские военные комиссары и партийные работники, обладавшие опытом идеологической обработки людей. В то же время Гитлер продолжал относиться к власовскому движению крайне подозрительно. Изначально разрешив, он вскоре запретил открытые выступления Власова (несколько его выступлений, состоявшихся весной 1943 г. в Пскове и окрестностях, были проникнуты идеями русского национализма и пользовались успехом). Сам же генерал был отозван в глубь Германии. Из-за того, что Власов отказался высказываться по еврейскому вопросу, на него было оказано давление, в результате чего появилось сдержанное по форме, но антисемитское по содержанию заявление: Русский комитет не представляет и не может представлять евреев, так как они не являются одним из народов России.

После появления в «Новом журнале» первой части работы автор получил много писем с дополнениями, исправлениями неточностей, разъяснениями. В связи с этим ко второй публикации было дано примечание, в котором, в частности, говорилось:

«Поскольку возможно, эти сообщения мною используются в тексте. Сводка фактических исправлений, относящихся к уже напечатанным главам, будет дана в конце

очерков. Что же касается дополнений, которые иногда дают весьма любопытные детали, то, к сожалению, использовать их далеко не всегда возможно, так как имеющееся в моем распоряжении количество страниц ограничено. Мои очерки, конечно, ни в коем случае не претендуют на полноту: о таком огромном по своему размаху и важном по историческому значению явлении, как поражение 1941–1945 гг., в будущем будет написано немало книг. В частности, я должен совершенно устранить из обзоров события, имевшие место, так сказать, на периферии движения. Лицам, которые присылают мне материалы и сообщения, я приношу здесь искреннюю благодарность. Установить подлинное лицо поражения важно для будущего. Считаю нужным еще раз подчеркнуть: я поставил себе за правило называть имена лишь тех лиц, которые уже погибли, или тех, которые уже названы в печати. Это относится и к тем лицам, которые прислали мне свои поправки и дополнения» [732 - Новый журнал. 1948. № 19. С. 211–212.].

Из этого примечания, равно как и из указания в конце второй публикации: «Продолжение следует» – с полной определенностью вытекало, что в следующих номерах статья будет продолжена. Однако следующий, 20-й номер «Нового журнала» появился без материала Николаевского, причем никаких объяснений редакции дано не было. По всей видимости, в редакции и в связанных с ней кругах приняли решение не публиковать работу о советском поражении в военные годы, так как это могло быть расценено как реабилитация коллаборационизма, хотя очевидно, что Николаевский пытался всего лишь дать объективный анализ одного из эпизодов истории Второй мировой войны. Русская эмиграция, глубоко ненавидевшая нацизм и все то, что было с ним связано, выступила против расследования темы Власова на страницах уважаемого эмигрантского журнала. Николаевский вынужден был под внешним давлением прекратить свою публикацию о Власове.

В коллекции Николаевского сохранилась масса документов, воспоминаний, интервью, записных книжек и других материалов и сведений о власовском движении, собранных как в период подготовки работы о поражении, так и в следующие годы [733 - NC, box 258, folders 1-31, box 259, folders 121, box 483, folder 19, box 487, folder 9, box 501, folder 1.]. Жесткую отповедь Николаевскому попытался дать его коллега и однопартиец, Г.Я. Аронсон, направивший письмо в редакцию «Нового журнала», избличавшее власовцев и носившее чисто политический характер [734 - Аронсон Г.Я. По поводу статей Б.И. Николаевского о власовском движении // Новый журнал. 1949. № 21. С. 272–281.]. По адресу Бориса Ивановича он бросил упрек, что тот спешит с исторической оценкой власовского движения «в угоду политическо-практическим целям», что Николаевскому свойственна «явная тенденция во что бы то ни стало оправдать исторически и реабилитировать морально власовское движение». Отсюда вытекало суждение, что эта точка зрения – глубоко ошибочная и вредная, что в статье ничего не доказывается. Аронсон приписывал автору выводы, которых не было в статье.

Николаевский ответил спокойно, но твердо, подчеркивая необходимость всестороннего изучения исторических явлений, в частности происхождения и характера власовского движения, его неординарной сущности, его положения в оккупированной нацистами Европе [735 - Николаевский Б.И. Ответ Г.Я. Аронсону: Письмо в редакцию // Новый журнал. 1949. № 21. С. 281–292.].

Следуя примеру Николаевского, через много лет американский историк Александр Далин – сын эмигранта и соавтора Николаевского Давида Далина, видный американский

специалист по истории СССР и Восточной Европы [736 - Александр Далин (1924–2000) в течение ряда лет (с 1967 г.) являлся директором Русского института Колумбийского университета в Нью-Йорке, а затем директором Центра российских и восточноевропейских исследований Стенфордского университета (Калифорния). Он был автором ряда монографий, в том числе посвященных немецкому оккупационному режиму на советской территории, советской внешней политике после Второй мировой войны, книги «Эра Горбачева», написанной в соавторстве с Кондолизой Райс. Вместе с российским историком Ф.И. Фирсовым А. Далин опубликовал также книгу «Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives» (Ed. by Alexander Dallin and F.I. Firsov. New Haven: Yale University Press, 2000).], опубликовал в сборнике памяти Бориса Ивановича развернутую статью об одном из фактов полуфиктивного русского самоуправления на оккупированной захватчиками территории СССР в районах городков Локоть и Лепель, где размещалась так называемая «бригада Каминского», организованная немецким командованием в качестве вспомогательной силы в борьбе против партизан [737 - Dallin A. The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection // In: Revolution and Politics in Russia. P. 243–280. В этой ценной работе, следуя методологии Николаевского, А. Далин провел разграничение между различными группами коллаборационистов, показав, в частности, что исследуемый им феномен был продиктован своего рода советско-большевистским примером – только с протитивоположным знаком, что бригада Бронислава Каминского, ставшего через некоторое время генералом СС, а затем расстрелянного самими же эсэсовцами за грабежи и бесчинства во время подавления августовского восстания 1944 г. в Варшаве, будучи вначале прибежищем для людей, преследуемых по разным причинам советской властью, очень быстро самой логикой развития событий превратилась в скопище убийц и мародеров. Исследования по истории коллаборационизма в годы Второй мировой войны появились в России лишь в последние полтора десятилетия. См., например, книгу: Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. Основные выводы этого автора близки к тем, которые сделал за полвека до него Николаевский. В последнее время опубликованы новые исследования с углубленной оценкой неоднозначного положения на оккупированных германскими войсками территориях СССР, в частности в районе того самого городка Локоть, где действовал Каминский. Согласно этим исследованиям в Локотском самоуправляющемся округе с населением около 600 тыс. человек работали 345 школ (в том числе 10 средних), в которых учились 43,5 тыс. детей, 9 больниц, действовали более 250 мельниц, несколько заводов. Здесь издавалась газета «Голос народа», в которой, наряду с нацистским официозом, печатались материалы, сравнительно достоверно отражавшие советскую действительность, работал драматический театр (История России. XX век. М.: Астрель, 2009. Т. 2. С. 93).]. По этому поводу между Николаевским и некоторыми другими меньшевиками, особенно Даном, который в последние годы жизни все больше и больше склонялся в сторону сближения с СССР, хотя теснее, казалось бы, Дану и приблизиться уже было некуда, возникли острые споры, углубившие столкновения прошлых лет. Направляя свои критические стрелы против Николаевского, который в военные годы «осмеливался» открыто критиковать главного союзника США – Советский Союз – и его лидера Сталина, Дан заявлял, что эта позиция граничит с пораженчеством по отношению к Советской России. Николаевский отвечал той же монетой, утверждая, что Дан позабыл социалистические принципы и поддерживает антинародный диктаторский

режим Сталина. Негодяя, Борис Иванович сообщал Сапиру 9 июня 1942 г.:

«Об отношениях с Даном можно было бы написать очень многое, но именно поэтому лучше не писать. Мое мнение: он уже перешагнул Рубикон; с нами... его теперь не связывает даже фразеология. Он сознательно считает возможным бороться с нами всеми способами с целью прямой помощи... его вчерашнему противнику» [738 - Boris Sapir Collection, box 7.].

С подачи Дана еще в 1942 г. Заграничная делегация назначила комиссию для расследования слухов о том, что у Николаевского был якобы произведен обыск в связи с арестом в США «русского фашиста А.А. Вонсяцкого». Только в 1944 г. комиссия пришла к выводу, что слухи были «провокационными». Но Дан остался результатами расследования крайне недоволен [739 - Дан Ф.И. Письма (1899–1946). С. 528.]. В знак протеста против того, что Николаевский не был наказан по партийной линии, Дан вышел из состава Заграничной делегации и редакции «Социалистического вестника» [740 - В то время как Николаевский обвинял Дана в почти полной капитуляции перед сталинской диктатурой, последний вместе со своими сторонниками выдвигал встречное обвинение, что Николаевский и ему подобные во время войны занимали «пораженческую» позицию и являлись «пятой колонной фашизма» (Новый путь, 1944. № 4. С. 2; Новый журнал. 1947. № 15. С. 293–294).].

В послевоенных условиях политическая деятельность русских зарубежных социалистов не давала и не могла дать каких-либо практических результатов. Тем не менее Борис Иванович полностью от нее не отказался даже после того, как в 1951 г. была распущена Заграничная делегация меньшевиков, которые на родине – в СССР – давно уже не существовали. В середине 50-х наш герой продолжал оставаться членом правления группы РСДРП в Нью-Йорке [741 - Социалистический вестник. 1956. № 2–3. С. 52.], хотя сама эта группа состояла почти исключительно из людей весьма почтенного возраста и молодежью не пополнялась. Николаевский не прекращал сотрудничать также с Керенским, который в 1951 г. возглавил переведенное из Парижа в Нью-Йорк Российское народное движение, стремившееся объединить политически разнородные ветви русской эмиграции и с Комитетом друзей русского народа, образованным американцами русского происхождения, в основном связанными с Гарвардским университетом. В свою очередь, эти организации установили связь с образовавшимся в августе 1951 г. в Штутгарте Союзом борьбы за освобождение народов России (СБОНР), в котором наибольшим влиянием пользовались эмигранты последнего поколения, большинство которых во время войны имело отношение к власовскому движению.

В результате длительных переговоров, столкновений и компромиссов, в конце концов в октябре 1952 г. был образован Координационный центр антибольшевистской борьбы, имевший свое бюро в Мюнхене, под руководством известного историка Мельгунова. В него вошли двенадцать эмигрантских организаций, включая Лигу борьбы за народную свободу, которую представляли Николаевский и Зензинов. Сколько-нибудь значительной активности этот центр, не располагавший к тому же ни полномочиями, ни кадрами, ни материальными ресурсами, не проявил. Все же, имея в виду намечавшееся расширение рамок координации деятельности эмигрантских организаций и включение в объединенный фронт нескольких национальных объединений, Николаевский обдумывал и с программно-теоретических, и с практических позиций сложную и животрепещущую национальную проблему. Именно на этом фоне появилась его статья «Национальный вопрос и демократия» [742 - На рубеже. 1952. № 2. С. 3–7.], в которой исторический обзор

преследовал цель подойти к практическим выводам.

Николаевский полагал, что прямой национальный сепаратизм в старой России не существовал, хотя элементов недовольства на национальной почве было немало. Ситуацию резко изменила гражданская война, причем в основе ее, по мнению автора, лежали факторы экономические: происходило ограбление окраинных земледельческих районов, что повлекло за собой развитие центробежных сил, тенденцию национального сепаратизма. В эмиграцию пришли уже оформленные замкнутые национальные группировки, сторонившиеся сотрудничества с эмиграцией общероссийской.

Люди жили «изолированно друг от друга, почти как на разных планетах». Новые тенденции Николаевский видел в эмиграции второй волны. Вынужденно находившиеся под влиянием советской действительности и демагогической интернационалистической официальной пропаганды, лозунгов развития национальной культуры, фиктивной национальной государственности и межнациональной общности, эти новые эмигранты оказались за границей с развитым чувством национального достоинства, но у них менее ощущалась тенденция национальной исключительности, они сочувственно отзывались на призывы к объединению.

При выработке программы по отношению к национальным группам Николаевский рекомендовал демократам руководствоваться именно этим. Он призывал покончить с разговорами о неминувости раздробления Российского государства и в то же время предостерегал против идеи единой России, подчеркивая, что «интересы освобождения страны от антинародной тоталитарной диктатуры для нас выше интересов сохранения старых территориальных границ государства Российского».

Как раз в свете сказанного Николаевский одобрял усилия по налаживанию контактов и объединению с национальными группами, что обсуждалось в начале 50-х на нескольких совещаниях эмигрантов в Фюссене, Штутгарте и Висбадене (Западная Германия). Борис Иванович присутствовал на всех трех совещаниях. Встреча в Фюссене состоялась в январе 1951 г. В ней участвовали Лига борьбы за народную свободу, Союз борьбы за освобождение народов России и Народно-трудовой союз – НТС. Функционировавший под разными названиями еще до Второй мировой войны, НТС стоял в эмигрантском спектре на консервативных и умеренно-националистических позициях. Никаких решений на совещании принято не было. По этой причине в августе было созвано второе совещание – в Штутгарте. Здесь к названным организациям присоединилось Российское народное движение Керенского и был создан Совет освобождения народов России, начавший переговоры с национальными организациями.

Завершилось все встречей в Висбадене в ноябре 1951 г. с участием организаций эмигрантов из Белоруссии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Туркестана. Принятая здесь декларация включала три основных пункта: единство и непримиримое отрицание коммунистической диктатуры, ликвидация которой должна открыть путь к освобождению народов; единство в признании безусловного права народов на самоопределение; единство в стремлении направить все силы народов на решительную борьбу против коммунистического рабства за свободу и мир [743 - Возрождение. 1951. № 18. С. 181.]. Возникшие затем разногласия по национальному вопросу (недопустимость расчленения России или возможность той или иной формы сепаратизма) привели, однако, к новым расколам и пертурбациям, так что единый центр антибольшевистского движения так и не был создан на практике. Да и участвовавшие во всем этом организации проявляли активность только в первые годы своего существования, после чего их деятельность

угасала [744 - С враждебных антисоветскому эмигрантскому движению позиций, но на базе фактического материала представление о всех этих перипетиях дал С.В. Карпов (Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза – Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 108–112).].

Еще одна попытка как-то сохранить широкое межпартийное объединение была предпринята совместными усилиями Николаевского и эсера Вишняка, который в течение нескольких лет публиковался в «Социалистическом вестнике» и служил своеобразным посредником между меньшевиками и эсерами. 18 марта 1952 г. была подписана Декларация 18-ти – документ социалистов различных течений, в той или иной степени стоявших на меньшевистских или эсеровских позициях. Документ носил принципиальный характер, ибо декларировал отказ от традиционного для российского революционного движения деления социализма на марксистский (меньшевики) и народнический (эсеры). Оба направления здесь определялись как родственные, призванные образовать в будущем единую социалистическую партию – «широкую, терпимую, гуманитарную и свободолюбивую». Подчеркивалось, что история сняла с повестки дня былые споры, произошла, говоря словами В.М. Чернова, «европеизация народничества», а социал-демократия стала течением демократического социализма, решительно отвергнувшего насильственное преобразование общества и выступившего за эволюционное формирование социального государства [745 - Русская мысль. 1966. 29 марта.].

Декларация, однако, не внесла каких-либо заметных изменений в практическое затухание деятельности Союза борьбы на освобождение народов России. Точно так же постепенно прекращалась активность Лиги борьбы за народную свободу, от которой отходили даже некоторые близкие к Николаевскому люди. Еще в 1950 г. от работы в этих организациях отошел Д.Ю. Далин, полагая, что к ним примазываются лица, в прошлом сотрудничавшие с гитлеровцами, и что на политический курс Лиги и Союза оказывает влияние администрация США, все сильнее вмешивающаяся в европейские дела. В ответ Николаевский как мог защищал Америку:

«Всякая мелочь, которую можно использовать против Америки, раздувается. Каждый их мелкий промах превращается в преступление... Мне пришлось недавно быть в Париже на небольшой встрече писателей и политиков, где была затронута эта тема, – и в моей памяти сохранилась речь одного из участников совещания, француза-социалиста. С фактами в руках он показывал, что вся большая восстановительная работа, проделанная Францией за последние годы, стала возможной только благодаря помощи, которая широким потоком шла из Америки» [746 - Boris Sapir Collection, box 7.].

До личного разрыва между Далиным и Николаевским дело не дошло, но оба они были к этому близки. Николаевский жаловался супруге Далина, с которой находился в дружеских отношениях: «Я хотел и хочу совместной работы и делаю больше, чем в моих силах, чтобы не допустить разрыва», но Далин «на разрыв гонит. Это он на практике не хочет ни с кем считаться и совершенно по-диктаторски ставит» всех перед «фактами, последствия кот[орых] самым тяжким образом отражаются на общем деле... Несмотря на все сказанное, я считаю, что у нас достаточно общего, чтобы хотеть идти вместе. Но пусть он не думает, что это желание определяется признанием его в какой-то степени правым. Менее всего!» [747 - Boris Sapir Collection, box 7.]

Дискуссия о характере участия в Лиге борьбы за народную свободу сквозила также в переписке между Николаевским и Алдановым. В ответ на приглашение войти в Лигу Алданов ответил, что он сможет принять в ней участие, только если в качестве критерия

приема будет установлена политическая ориентация той или иной группы или человека в период войны, поскольку он решительно возражает против участия в Лиге бывших власовцев [748 - Mark Aldanov Collection, box 6.]. Николаевский возражал. Он считал, что этот фактор не следует принимать во внимание, если кандидаты на вступление честно и искренне принимают программу Лиги, однако делал оговорку:

«В Лигу не смогут, конечно, быть приняты лица, принимавшие участие в насильственных погромах или морально недопустимых актах, как то бывшие участники карательных отрядов, отрядов СС, отрядов полиции или пропаганды нацизма и т. п.».

В то же время в качестве главного критерия он называл «готовность отдать свои силы на борьбу как с советским коммунизмом, так и со всеми реставраторскими и иными антидемократическими тенденциями во имя народной свободы в России».

Алданов в конечном итоге в Лигу не вошел.

Николаевский прилагал усилия, чтобы к Лиге присоединился Заграничный комитет Трудовой народно-социалистической партии. Эта неонародническая партия городской интеллигенции была создана во время революции 1905–1907 гг. и отличалась от народников тем, что отвергала террор как средство политической борьбы. Она прекратила существование в 1918 г., но в эмиграции некоторые бывшие ее деятели создали свою организацию, незначительную по численности, но все же включавшую нескольких известных деятелей (как раз с нею был связан и Алданов). Однако народные социалисты, с подачи Алданова, соглашались присоединиться к Лиге в случае соблюдения обязательного условия о том, что «в Лигу не могут входить лица, сотрудничавшие в период войны с немцами или выражавшие им сочувствие – независимо от побуждений, которыми эти лица руководствовались» [749 - Mark Aldanov Collection, box 6.].

Так что Лига не смогла стать центром притяжения всех групп демократически настроенной эмиграции.

Николаевский в кругу эмигрантов

Застой в деятельности эмигрантских политических организаций был связан с тем, что нынешние эмигранты не в состоянии были перешагнуть через политические расхождения прошлого, несмотря на прошедшие годы [750 - Более или менее подробный анализ всех этих дискуссий дан в статье: Антошин А.В. Меньшевики в эмиграции после Второй мировой войны // Российская история. 2007. № 1. С. 102–115.]. Гуль вспоминал, например, что у Николаевского были плохие отношения с Керенским, несмотря на их сотрудничество в руководстве Лиги. Однажды на заседании руководства, когда Керенский что-то сказал о морали, Николаевский его перебил: «После дела Корнилова у вас нет права говорить о морали». Николаевский имел в виду провокаторскую позицию Керенского во время вооруженного выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., когда Керенский вызвал Корнилова для подавления революции в столице, а затем сделал вид, что не вызывал его, и к тому же обвинил в контрреволюционном мятеже. «Я был удивлен, – продолжал Гуль, – что Керенский никак не реагировал, промолчал».

Наиболее близкие отношения сложились у Бориса Ивановича с перебравшимся по настоянию Николаевского и Бургиной осенью 1948 г. в США Церетели. Гуль вспоминал: «Церетели хорошо, дружески относился к Б.И., как к верному другу. Николаевский же необычайно заботливо и трогательно любил «Ираклия» (как его всегда называл). Это была

высокая дружба. Как рыдал Б.И., когда в Нью-Йорке Ираклий Георгиевич умер!» [751 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 75, 81.]

Во всех странах Запада, в которых жил Церетели, он неизменно занимал принципиальную и решительную антибольшевистскую позицию, которая была особенно важна, имея в виду его международный авторитет видного деятеля Социалистического рабочего интернационала, друга К. Каутского, Л. Блюма и других весьма влиятельных и известных в западном мире социалистов. Николаевский особенно ценил эту твердую линию Церетели. Он с замиранием сердца следил за той кампанией лести по отношению к Церетели, которая стала проводиться советским посольством в Париже непосредственно после войны. Московские власти стремились заполучить Церетели, уговорить его возвратиться в Москву. В письме Гулю Николаевский высказывал предположение, что «атака уговоров» Церетели проводилась по личному указанию Сталина [752 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 82.]. Ираклий Георгиевич, однако, к глубокому удовлетворению своего друга, остался тверд и порога посольства на улице Гренель так и не переступил. Можно предположить, что в случае возвращения в СССР Церетели могла ожидать мрачная судьба десятков возвращенцев, которые по прибытии на родину были расстреляны или оказались в ГУЛАГе.

Николаевскому в то же время импонировало отсутствие у Церетели узкопартийных настроений, несколько ироническое отношение к собственной партии, потерпевшей многочисленные поражения и оказавшейся не у дел. Он смеялся, когда услышал историю о том, как вскоре после войны Церетели был приглашен почетным гостем на съезд Социалистической партии Франции, где ему предложили выступить. Поднявшись на трибуну, оратор произнес: «Я уже погубил две страны – Россию и Грузию, неужели вы хотите, чтобы я погубил еще и третью – Францию» – и спустился в партер, после чего зал буквально взорвался от хохота и аплодисментов.

Позже, уже в Америке, Церетели отчасти шутливо, но не без умысла говорил: «Да не слушайте, ради бога, всех этих меньшевиков! Ведь всех меньшевиков нянька в детстве на голову уронила!» Особенно не расположен был Церетели к Дану, занимавшему все более и более просталинские позиции [753 - Там же. С. 84–85.].

В Нью-Йорке Церетели арендовал небольшую квартиру у дочери меньшевистского деятеля Давида Натановича Шуба Марины. К его приезду были заготовлены полушутливые бланки с «шапкой»: «Наш клуб», адрес по 110-й улице Манхэттена и имена: «Председатель И.Г. Церетели, Генеральный секретарь А.М. Бургина, казначей М.Д. Шуб» [754 - Фотокопию бланка см.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 332.]. Правда, через два года в связи с трагической гибелью сестры Церетели вернулся в Париж, но в мае 1951 г. вновь приехал в Нью-Йорк, на этот раз уже окончательно.

В Нью-Йорке Церетели жил по соседству с Николаевским и Бургиной. Церетели на Бродвее № 3605 (около 148-й улицы); Николаевский и Бургина вначале обитали в многоквартирном доме на улице Западный Центральный парк № 410, а позже переехали в тот же район нижнего Гарлема, недалеко от Колумбийского университета, где жил Церетели.

Не по всем вопросам политики Николаевский и Церетели совпадали во мнении. Ираклий Георгиевич осторожнее, чем Борис Иванович, относился к сотрудничеству с бывшими власовцами, однако не придерживался столь категорических негативных взглядов на этот счет, как некоторые другие меньшевики. Лидия Дан, откровенно плохо относившаяся теперь и к Николаевскому, и к Церетели, писала своему единомышленнику

левому меньшевику Аронсону, что Церетели не дает достаточного отпора «влюбленности Бор[иса] Иван[овича] к власовцам» [755 - Boris Sapir Collection, folder «L. Dan».]. Влюбленности, конечно, не было. Но огульного осуждения – не было тоже.

Николаевский стал инициатором издания обширных мемуаров Церетели, к которым он написал научно-источниковедческое введение, а Бургина в форме сообщения «От редакции» [756 - Николаевский Б. И.Г. Церетели и его «Воспоминания». С. VII–XXXI.] рассказала о том, как создавались воспоминания начиная с середины 20-х до конца 40-х гг., как интенсивно Иракий Георгиевич продолжал работать, уже будучи неизлечимо больным [757 - Церетели удалось довести объемистые воспоминания (около 900 страниц) только до июльского кризиса 1917 г.]. Оценивая важность мемуаров, Николаевский писал:

«Речи многих ораторов, с которыми ему в то время приходилось скрещивать шпаги, он помнил наизусть, – во всяком случае крупными отрывками. Конечно, постоянное чтение литературы о 1917 году помогало ему освежать и проверять свою память. Но еще более важен был тот факт, что с воспоминаниями об этих эпизодах своего прошлого он никогда не расставался, ибо они составляли неразрывную часть того большого дела, которому он посвятил свою жизнь» [758 - Николаевский Б. И.Г. Церетели и его «Воспоминания». С. XXVI.].

Николаевский и Бургина оказали помощь Церетели в подготовке еще одной книги его воспоминаний, посвященной на этот раз детским годам (Николаевский редактировал и частично записывал текст по рассказам автора, Бургина – печатала на машинке) [759 - Церетели И. Впечатления детства / Вводное слово и ил. З.К. Церетели. Сост., коммент. и послесл. А.П. Ненарокова. М.: Творческая мастерская, 2006.].

С некоторыми другими близкими людьми отношения Николаевского не выдержали проверки временем. Так, в начале 50-х годов произошел разрыв с Гулем, в котором, по всей видимости, виновны были оба персонажа. Николаевский об этом разрыве и его причинах нигде не упоминал. Гуль описал историю разрыва в своих воспоминаниях. Получалось, что разошлись они по идейным соображениям: «Для меня марксизм-ленинизм-сталинизм – были единым политическим явлением. А для Николаевского сталинизм был искажением и того, и другого», – писал Гуль. Но суть конфликта оказалась в другом. Как-то во время заседания руководства Лиги борьбы за народную свободу, проводившегося у Гуля дома, Николаевский, в качестве председателя открывший собрание, по словам Гуля, резко против него выступил: «Начал на меня лгать и клеветать, чего я никогда от него не ожидал. Он стал говорить о том, что, куда бы я ни вошел, я разлагаю всякую организацию, что я испортил его личные дружеские отношения с Мельгуновым». Последовали крайне раздраженные реплики с обеих сторон. «В этот момент, – продолжает Гуль, – из кухни в комнату вошла Олечка», жена Гуля, Ольга Андреевна, – «она всегда во время заседаний была в кухне и приносила оттуда чай, печенье, варенье. По лицу Олечки я увидел, что она взволнована до крайности. И вдруг Олечка чрезвычайно энергично проговорила, обращаясь к Борису Ивановичу:

– Борис Иванович, в моем доме вы бесстыдно лжете и клеветаете на моего мужа, я этого не допущу! Будьте любезны немедленно покинуть мою квартиру».

Николаевский, по словам Гуля, молча сложил свои бумаги в портфель и ушел. «Это и был окончательный разрыв личных и общественных отношений с Николаевским. Вскоре Лига прекратила свое существование» [760 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. III. С. 167, 178–179.], – закончил Гуль.

Конечно, разобраться в личном конфликте спустя много лет сложно. Гуль в целом был знаком с социалистическими взглядами Николаевского, и на этой почве разрыва произойти никак не могло, иначе этот разрыв произошел бы много раньше (с годами Николаевский политически только правел, то есть скорее приближался к Гулю, а не удалялся от него). С другой стороны, к Мельгунову Николаевский относился с достаточным скептицизмом, и вряд ли именно Гуль расстроил их отношения. Можно предположить, что расхождения и взаимное раздражение назревали постепенно, и только по форме разрыв мог оказаться внезапным. По-видимому, экспансивный Гуль считал, что именно он должен возглавить Лигу. Николаевский же, обычно не стремившийся к получению или сохранению за собой административных постов, счел, что по соображениям целесообразности допускать писателя к высшему руководству организацией нельзя, что это ее погубит. Так что в разрыве проявились и общественные, и личностные моменты.

Лига борьбы за народную свободу действительно очень скоро прекратила существование в результате политических противоречий между ее деятелями, в силу своей малочисленности, слабой эффективности и материальной необеспеченности. Но уж никак не из-за разрыва отношений между Гулем и Николаевским, как пытался показать Гуль, поставив оба события в один ряд.

Положительным аспектом отмирания тех или иных политических организаций можно считать то, что у Николаевского все больше и больше времени оставалось для научной и исследовательской работы. Завидная творческая работоспособность не покидала его в Соединенных Штатах. В шесть часов утра ежедневно он уже был за рабочим столом. О том, каким загруженным был его рабочий день, свидетельствует одно из писем Николаевского Далину, написанное в декабре 1950 г.: «Звонить мне надо или около 12 ночи или в 8–9 утра» [761 - Boris Sapir Collection, box 7.].

Анализ сталинского ГУЛАГа

В первые послевоенные годы Николаевский сосредоточил усилия на выявлении истинного характера сталинского режима. Значительную помощь в этом оказали беседы с эмигрантами второй волны, прежде всего бывшими «перемещенными лицами». Записи их воспоминаний и впечатлений позволяли все более расширить представления о сталинской системе. Николаевский оказал и прямую помощь многим из этих людей в устройстве в новой и совершенно незнакомой для них стране [762 - Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years. P. 36.].

Наибольшее внимание в послевоенный период Николаевский в своем научном творчестве уделял общим и частным проблемам, этапам и функциям, группам и персоналиям советской тоталитарной системы. Сам факт существования таковой для него представлялся теперь бесспорным. Он, правда, не анализировал советский тоталитаризм с социологической точки зрения, ибо в первую очередь был историком-конкретником. Отсюда и некоторое смешение в переписке Николаевского понятий тоталитарной системы и авторитарного режима, что проявилось, например, в его письме Церетели 14 мая 1945 г.:

«В России идет быстрым темпом процесс оформления советского строя как наиболее последовательной из всех, какие когда-либо знала история, формы тоталитаризма. Государство, целиком захваченное в руки одной партии, которая, в свою очередь,

организована в деспотическую иерархию, регулирует все без исключения стороны духовной жизни страны» [763 - NC, box 505, folder 6.].

Полной ясности в таком походе с точки зрения этапов и степени тоталитаризации общества не было. Достаточно обратить внимание на употребление понятия формирования тоталитаризма в настоящем времени в 1945 г., но определенный исходный базис к анализу конкретных проявлений тоталитаризма у Николаевского был, что мы видели на примере его статей предыдущих лет.

Значительный общественный резонанс вызвала появившаяся на английском языке книга об использовании принудительного труда узников советских концлагерей. Николаевский написал книгу совместно с Д.Ю. Далиным, ставшим теперь видным американским историком [764 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. *Forced Labor in Soviet Russia*. New Haven: Yale University Press, 1947. В 1974 г. книга была переиздана.]. Книгу выпустило весьма престижное издательство Йельского университета. В основе работы лежали в основном мемуарные источники – опубликованные, рукописные и устные, записанные авторами, в основном Николаевским, рассказы жертв коммунистической системы, которым удалось вырваться на волю и легально или нелегально оказаться за пределами СССР. В этой работе авторы убедительно показали уход советского тоталитаризма к самому мрачному Средневековью. Зверства в тюрьмах и концлагерях, изнурительный труд на лесоповалах и в шахтах, пытки голодом и холодом, фактически бессудные расправы с заключенными – все эти сведения отражали реальную картину сталинского режима.

В беседах с жертвами сталинского режима Николаевский стремился побудить их к написанию мемуарных книг или фрагментов воспоминаний для журналов, обещал свою помощь в подготовке их к печати и всегда эти обещания выполнял. Так появилась на свет объемистая книга философа и публициста Юлия Борисовича Марголина, уроженца Екатеринослава, проведшего зрелые годы в Палестине и в Польше, где он и был схвачен НКВД в 1940 г., после оккупации Восточной Польши Красной армией, и отправлен в «исправительно-трудовой лагерь», в котором пробыл до 1945 г.

Книга Марголина – живой, непосредственный рассказ о тех ужасах, которые переживали заключенные советских концлагерей, в полном смысле становившихся лагерями смерти, о том, как происходило обезчеловечивание людей, превращение их в голодное стадо умирающих от дистрофии или истощения. Мемуары были выпущены русским издательством в Нью-Йорке с предисловием, написанным, скорее всего, Николаевским (об этом косвенно свидетельствует переписка между Николаевским и Марголиным в 1947–1951 гг. и то, что в коллекции Николаевского сохранился машинописный экземпляр книги Марголина [765 - NC, box 401, folder 48; box 590, folder 8; box 607, folders 18, 19; box 608, folders 1,2.]). В предисловии, в частности, говорилось:

«Особенно ценной делает книгу Марголина пристальное внимание, с которым автор наблюдал внутреннюю жизнь людей и процессы душевной жизни (автор не исключил из сферы этих наблюдений и самого себя). С этой стороны исключительный интерес представляет глава шестая «Расчеловечение» [766 - Марголин Ю.Б. *Путешествие в страну зэ-ка*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 4.].

В коллекции Николаевского сохранилась многочисленная документация, связанная с историей сталинского ГУЛАГа. Особый интерес в ней представляли те материалы, в которых, наряду с раскрытием ужасов концлагерной системы, ничем не уступавшей гитлеровским лагерям смерти (в СССР не было крематориев и газовых камер и людей умерщвляли старыми способами или доводили до смерти нечеловеческим режимом),

рассказывалось о попытках сопротивления [767 - NC, box 232, folder 232–233.].

В рукописи М. Байтальского речь шла о том, что отправленные в концлагеря немногочисленные сторонники Троцкого, оставшиеся верными своему вождю, как правило, вели себя мужественно до фанатизма. На этапах они пели «Интернационал» и «Варшавянку», в самих лагерях поначалу осмеливались предъявлять требования и угрожали голодовками. Правда, и в их среду проникало немало провокаторов и осведомителей. Байтальский, которому чудом удалось выжить, писал в воспоминаниях, что «среди этой агентуры было немало таких, которые полагали, что в качестве тайных агентов во «вражеском стане» они действуют «для вящей славы» дела партии во имя охранения «дела Ленина». Как правило, всё завершалось либо физической расправой в лагере, либо медленным убийством через непосильные работы, голод и карцер, либо расстрелом по фиктивному обвинению в «связях с международной буржуазией», которые несчастные узники «ухитрялись устанавливать» прямо из ГУЛАГа [768 - Байтальский М. Троцкисты на Колыме // Минувшее. Paris: Atheneum, 1986. Т. 2. С. 347, 355–357.].

В коллекции сохранился список более 100 активных сторонников Троцкого, пригнанных в Воркуту в 1936 г. и расстрелянных в марте – апреле 1938 г. [769 - NC, box 237, folder 14.]

Работа Далина и Николаевского состояла из двух частей. В первой рассказывалось о широком использовании принудительного труда, рассматривалась система концентрационных лагерей, их численность и распределение по территории СССР. Эта тема иллюстрировалась специально выполненными географическими картами, относившимися к 1932, 1936 и 1942 гг., подготовка которых потребовала огромных усилий. Авторы писали о численности заключенных, материальных условиях, в которых они находились, взаимоотношениях между заключенными и отношениях с вольнонаемным персоналом. Но главное, в этой части книги авторы анализировали причины, которые породили систему рабского и принудительного труда в СССР и неразрывную связь происходящего с псевдомодернизацией Сталиным отсталой России.

Вторая часть книги носила в полном смысле исторический характер. Особое внимание уделялось доказательству жизненной необходимости принудительного каторжного труда для осуществления экономических планов Сталина. В то же время авторы обращали внимание на то, насколько не просто унижала, а по существу уничтожала человеческую личность вся концлагерная жизнь. Описываемая картина была печальна. Ни солидарности, ни дружеской взаимовыручки в лагерях не было или почти не было. В лагерях встречалось немало людей, преданных своими детьми, родными, друзьями, которым они доверяли. Советская Россия покрылась огромной сетью агентов и доносчиков. Особое внимание уделялось судьбе политических заключенных. Как показывали авторы, за ними устанавливалось особенно тщательное наблюдение, они направлялись на наиболее тяжелые физические работы и, как правило, были обречены на медленную, а иногда, наоборот, на очень быструю смерть.

В книге впервые в американской печати была рассказана (ранее этому была посвящена статья в чилийском журнале на немецком языке) позорная история выдачи заключенных немецких коммунистов в руки гестапо в 1940 г. Безусловно, первоисточником этого повествования правильно считать устные воспоминания М. Бубер-Нейман. Десятками примеров подтверждался вывод о том, что лагеря являлись местом безграничных физических и нравственных мук, что миллионы людей гибли в них от голода, холода и истощения, что вся система была основана на презрении к человеческой жизни. Перед читателем проходила панорама целого ряда лагерей рабского труда, о которых

рассказывали Далину и Николаевскому бывшие заключенные (группа лагерей по течению Печоры, лагеря на строительстве Беломоро-Балтийского канала и канала Москва – Волга, лагеря в Воркуте, предназначенные для разработки месторождений каменного угля, лагеря лесоповала и многие другие).

Скрупулезные подсчеты позволили установить, что в европейской части СССР (включая Урал) существовали не менее 67 лагерей принудительного труда, а в азиатской – как минимум 59, и тут же сами авторы констатировали, что приводимый ими перечень далеко не полон. В качестве наиболее важных в экономическом отношении сибирских лагерей (или, точнее, лагерных систем, включавших многочисленные лагерные пункты) назывались лагеря Дальстроя на Колыме, созданные преимущественно для золотодобычи, сеть лагерей к востоку от озера Байкал, узники которых сооружали Байкало-Амурскую железную дорогу, были заняты в угледобыче и т. д., печорские, архангельские и карагандинские лагеря, заключенные которых подвергались изнурительной эксплуатации на шахтах, лесоповале и железнодорожном строительстве.

В книге содержались попытки подсчета жертв советских репрессий и показывалась их приблизительность, давались различные цифры, приводимые в ряде источников в зависимости от категорий, включаемых в расчеты (только расстрелянные и заключенные в тюрьмы и концлагеря или с добавлением сосланных, спецпоселенцев и т. д.). Наиболее вероятными назывались цифра от семи до двенадцати миллионов человек, составлявших «подневольный рабочий класс» [770 - Dallin D.J., Nicolaevsky B.I. *Forced Labor in Soviet Russia*. P. 86.].

Отметим, что эта статистика, по существу, совпадала с той, которую обнародовала Комиссия партийного контроля КПСС, созданная по указанию Хрущева во второй половине 50-х годов и собиравшая документы о сталинских репрессиях. Согласно установленным этой комиссией цифрам (а в ее распоряжение были предоставлены все имевшиеся в наличии материалы), с 1935 по 1941 г. было репрессировано 12 840 000 человек, из них расстреляно свыше 7 миллионов [771 - Комиссия внесла коренные исправления в те данные, которые пытались в*ensored*ть Хрущеву первоначально в 1954 г. генеральный прокурор СССР Руденко, министр внутренних дел Круглов и министр юстиции Горшенин. Последние в своей докладной записке назвали число осужденных за «контрреволюционные преступления» с 1921 г. – 3 777 380 человек, а число приговоренных к расстрелу – 624 980 человек (Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. *Постсталинское общество: Проблема лидерства и трансформация власти*. М.: Научная книга, 1999. С. 146). По всей видимости, они учитывали только тех, кто был приговорен судом, и игнорировали внесудебные приговоры.]. Как видим, Далин и Николаевский, располагавшие крайне отрывочными, неполными, частичными данными, были поразительно точны и предельно осторожны в своих расчетах [772 - Общее число жертв большевистского режима с 1918 г. по конец 50-х гг. исчисляется современными исследователями примерно в 55 миллионов человек.].

Особое внимание в книге уделялось отдельным волнам репрессированных, начиная с «буржуазных элементов» непосредственно после прихода большевиков к власти, продолжая «кулаками и подкулачниками» периода сплошной коллективизации сельского хозяйства, жертвами «чистки» середины 30-х годов, массой новых заключенных и высланных непосредственно после присоединения к СССР новых территорий и во время депортации целых народов на заключительном этапе Второй мировой войны.

Подсчеты позволяли определить, что приблизительно 8–10 миллионов заключенных,

занятых на принудительных работах, составляли по крайней мере 16 процентов взрослого населения СССР. Иначе говоря, фактические рабы представляли собой особый «подневольный рабочий класс», не менее важный для экономики, нежели свободные рабочие, занятые в промышленности.

Тщательный социально-экономический анализ давал возможность заключить, что в условиях СССР принудительный труд, несмотря на все марксистские догматы о его непроизводительности, оказывался экономически выгодным в силу своей дешевизны, поскольку с точки зрения советского правительства человеческая жизнь не представляла собой сколько-нибудь существенной ценности. Принудительная рабочая сила, показано в книге, использовалась прежде всего в тех отраслях экономики, где не было необходимости в закупке сложных машин и инструментов и где мог применяться преимущественно ручной труд: лесоповал, строительство железнодорожных путей и сопутствующих сооружений, каналов и шоссе, горное дело, в частности добыча угля, золота и других редких металлов. При этом лагерное начальство применяло самые разнообразные методы интенсификации принудительного труда и морального разложения узников, прежде всего различия в голодном рационе людей, которые могли получить за «перевыполнение плана» лишний кусочек хлеба или дополнительную кружку водянистой похлебки. «В действительности, – констатировали Даллин и Николаевский, – это была старая система рабовладения плюс новая система поощрений, среди которых наиболее сильным являлось стремление остаться в живых» [773 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. *Forced Labor in Soviet Russia*. P. 103.]. Не случайно, доказывалось в книге, современная рабовладельческая система получила развитие в стране, в которой после мировой войны происходила затяжная гражданская война, а фактическое военное положение сохранялось на протяжении следующих трех десятилетий «мобилизационной готовности». Цена человеческой жизни в этих условиях сводилась к минимуму.

Особый интерес в книге представлял раздел о Дальнем Востоке, Колымском регионе. «Земля белой смерти», назвал эту часть книги Николаевский. Здесь рассказывалось о том, что открытые по течению Колымы залежи золота стали разрабатываться при помощи принудительного труда системой Дальстроя – специфической организации, сочетавшей в себе функции могущественного хозяйственного треста, основанного на рабском труде, и административной власти, управлявшей огромным регионом, центром которого стал новый город Магадан.

Среди тех, кто по приказу Сталина, несшего главную ответственность и вину за введение в СССР системы принудительного труда, создавал край «белой смерти», был первый глава Дальстроя Рейнгольд Берзин, ставший фактически единовластным хозяином этого региона, а затем сам вместе со своими приспешниками расстрелянный по воле диктатора. Новым руководителем этого ведомства, с 1938 г., стал Иван Никишов, при котором власть Дальстроя распространилась на территорию в шесть раз большую Франции, и в той же пропорции увеличился рабский труд и смертность узников, средняя продолжительность жизни которых в концлагерях составляла несколько месяцев. Трест непосредственно подчинялся ЦК ВКП(б), то есть лично Сталину, а не правительству СССР и его органу Совету труда и обороны. Трест руководил семью территориальными единицами (администрациями), каждая из которых, в свою очередь, имела в подчинении от четырех до шестнадцати шахтных подразделений, главным образом по добыче золота. Его добыча благодаря использованию рабского труда позволила увеличить золотой запас СССР в шесть раз. К началу Второй мировой войны почти половина мирового золотого

запаса принадлежала СССР. В 20-х годах, до начала интенсивной добычи золота в этом регионе, Советский Союз располагал 12–14 % мирового золотого запаса. А за годы войны золотой запас еще больше увеличился, возможно, за счет золота, вывезенного из оккупированных Советским Союзом территорий.

Недавно опубликованное постановление Политбюро ЦК от 11 ноября 1931 г. «О Колыме», хранившееся в «Особой папке», подтвердило, теперь уже формально, эту часть выводов Николаевского и Далина. Постановление предписывало создать на Колыме трест по добыче золота с непосредственным подчинением ЦК. Контроль за трестом поручался заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде, в распоряжение которого ОГПУ должно было предоставить специальный аппарат и вооруженную силу. Таким образом, Дальстрой не вошел в «архипелаг ГУЛАГ», а стал особым «архипелагом», сыгравшим огромную роль в развитии репрессивной системы советского тоталитаризма [774 - Николаев К.Б. Место Дальстроя в становлении репрессивной системы тоталитаризма 1931–1940 гг. Интернет. О подходах советских карательных органов к созданию системы хозрасчетного принудительного труда см. статью М. Якобсона и М.Б. Смирнова «Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930». Интернет.].

На основании опубликованных, рукописных и устных воспоминаний чудом спасшихся людей книга рассказывала также о перевозке «живого груза» из Владивостока в Нагайскую бухту, о гибели тысяч узников уже во время этой страшной транспортировки людей почти без пищи и воды в запертых корабельных трюмах.

Впервые была описана история гибели знаменитого «Челюскина», вокруг которого советской пропагандой была наворочена масса «героических» легенд по поводу мужественных полярников-исследователей, их отважного поведения во льдах Арктики, их спасения столь же смелыми и, разумеется, только отечественными летчиками. Советская пресса умалчивала, что неподалеку от «Челюскина» во льдах замерз другой корабль – «Джурма» (в других источниках встречается наименование «Пижма»), везший на место каторги 12 тысяч заключенных, которые были обречены на гибель от голода и холода. Именно поэтому была отвергнута помощь, которую предлагали для спасения челюскинцев иностранные добровольцы, к примеру американские летчики и полярники [775 - Позже эта версия многократно повторялась в западных и в современных российских СМИ, хотя убедительные ее доказательства не приводились. В наши дни, наряду с версией о гибели парохода с тысячами заключенных, в печати можно встретить и ее опровержение (см.: Ларьков С., Романенко Ф. Законвоированные зимовщики. Виновник трагедии «Челюскина» – ГУЛАГ? // Газета общества «Мемориал». 2004. № 47. 30 октября.]. Во второй части книги рассказывалось, как уже в первые годы большевистской власти зародилась система рабского труда, которая в первое десятилетие не составляла сколько-нибудь ощутимой доли в советской экономике и только во второй половине 20-х годов получила быстрое развитие. Это было связано с начавшейся с конца 20-х годов сталинской насильственной коллективизацией сельского хозяйства и интенсивной индустриализацией, требовавшей огромной рабочей силы, оплачивать труд которой государство не желало. Именно тогда стала формироваться та «классовая лестница» [776 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 204.], которая определила лицо советского рабочего класса на следующие десятилетия.

Обосновывая такой подход, авторы, в основном оставаясь на марксистских позициях, вносили существенные изменения в традиционные построения:

«Разделение общества на классы – это абстрактная схема, которая вынужденно

отвлекается от того факта, что в действительности каждый класс состоит из более гетерогенных элементов; сотни тысяч, даже миллионы людей занимают промежуточное положение в пределах четко определенных границ социальных классов. В действительности социальные слои не отделены прочной стеной один от другого; наоборот, они вливаются друг в друга почти незаметно» [777 - Ibid. P. 204–205.].

Николаевским и Далиным устанавливались семь слоев советского рабочего класса, сформировавшихся в 30-х годах: 1) свободные рабочие; 2) рабочие, закрепленные за предприятиями на условиях, предписанных властями; 3) рабочие (главным образом из числа колхозников), отправленные на работы за пределы своего места жительства на условиях властей; 4) высланные, сосланные [778 - Различие между высланными и сосланными состояло в том, что первые могли выбирать свое место жительства за исключением определенных городов и районов, а вторые отправлялись в определенный пункт, который они не имели права покинуть под страхом тюремного или лагерного заключения.] и специальные поселенцы; 5) уголовные преступники, направляемые в трудовые колонии или концентрационные лагеря; 6) политические заключенные в концлагерях общего режима; 7) заключенные лагерей особого, по существу дела каторжного, режима.

Именно в книге Далина и Николаевского впервые рассказано о зловещем персонаже, с именем которого было связано превращение советской концлагерной системы в широкую производственную сеть, работавшую как на внутренний, так и на внешний рынок, создание сравнительно высокой, во всяком случае обеспечивающей рентабельность, производительности лагерного труда. Этим человеком был Нафталий Аронович Френкель, по данным Далина и Николаевского – «видимо, венгерский промышленник» (по другим сведениям – уроженец Турции; по третьим – уроженец Одессы). Авторы не фокусировали внимание на том, за что Френкель был приговорен к десяти годам лишения свободы (по уточненным сведениям, он сначала был приговорен к расстрелу, замененному заключением). Более важным они считают предложение Френкеля об организации лагерного производства на широкой основе, каковое и было осуществлено в конце 1920-х годов в северных лагерях в лесодобыче и производстве кирпича. В результате Френкель не просто был освобожден из-под стражи, а стал кадровым офицером ОГПУ, затем НКВД, дошел до генеральского чина и возглавил крупнейшие строительные проекты, выполняемые в основном рабской рабочей силой заключенных, был награжден орденом Ленина [779 - Dallin D.J., Nicolaevsky B.I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 181–182.] (к тому же трижды).

Далин и Николаевский называют еще одно имя «изобретателя» методов использования подневольно труда с максимальной производительностью и с наименьшими «накладными» расходами – Ивана Селецкого. Однако его карьера закончилась быстро: по слухам, он был расстрелян [780 - Ibid. P. 182. Имея в виду, что в других источниках это имя не упоминается, можно предположить, что в данном случае информация была неточной.].

После того как на Западе появились первые сведения о рабском труде в СССР, гуманитарные организации ряда стран (Великобритании, Франции, Швеции) выступили с протестом. Низкие цены на ряд советских товаров, шедших на экспорт, в частности на лес, многие объясняли именно использованием в СССР принудительного труда. Так называемая «антидемпинговая кампания» на Западе отчасти оказалась инструментом в

руках «капиталистических кругов» и привела к острым внутривластным схваткам, в частности в Великобритании и США. Впрочем, по деловым и экономическим соображениям кампания не повлекла за собой введения эмбарго против Советского Союза, на чем настаивали различные финансово-индустриальные и правозащитные группы. Тем не менее в первой половине 30-х годов ряд высших советских руководителей, в том числе председатель Совнаркома СССР Молотов и нарком иностранных дел Литвинов, выступили с опровержениями об использовании труда заключенных. Литвинов, например, заявил, что «ни тюремный труд, ни вообще труд осужденных лиц не используется в отраслях лесной промышленности, занятых производством на экспорт». По этому поводу зарубежная пресса в весьма саркастических тонах писала, что невозможно отличить лес, производимый для внутренних нужд, от предназначенного для экспорта [781 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 230.].

Всякий раз, когда возникала опасность, что сочувствовавшие Советскому Союзу визитеры вроде Бернарда Шоу или Лиона Фейхтвангера, заискивавшие перед Сталиным [782 - См. об этом подробно: Чернявский Г. Высокоинтеллектуальные слуги Сталина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 285–308.], могут изъявить желание посетить «исправительно-трудовое учреждение», предпринимались обязательные предохранительные меры, вплоть до полного уничтожения следов рабского труда и насилия, сторожевых башен и ограждений с колючей проволокой. Даже места захоронений заключенных в экстренном порядке сравнивались с землей.

«Пиком лицемерия» авторы называют поездки в концлагеря представителей советской творческой интеллигенции, прежде всего писателей. Первым справедливо указан Максим Горький, посетивший Соловецкий концлагерь в 1929 г. и лагеря Беломоро-Балтийского канала в 1933 г. (после чего вышел в свет его роскошно изданный том «Сталинский канал», немедленно переведенный на английский язык).

В главе о «большой чистке» второй половины 30-х годов речь шла о «мастерах» чистки – А.Я. Вышинском, Г.Г. Ягоде и Н.И. Ежове. Авторы бегло упоминали открытые судебные процессы 1936–1938 гг., останавливаясь на массовых арестах ни в чем не повинных граждан. Крупномасштабность репрессий они объясняли в первую очередь производственными нуждами второго и третьего пятилетних планов, то есть политико-экономическими и даже практическими соображениями. Система рабского труда, писали Николаевский и Далин, «уже дала глубокие корни в советской экономике; она стала органическим элементом новой советской реальности; любая попытка ограничить ее последствия привела бы к непредсказуемым трудностям» [783 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 252.]. Продолжением этой темы был раздел, посвященный военным и послевоенным годам, содержащий обильные данные о пополнении лагерей рабского труда и колоний спецпереселенцев за счет «приговоренных наций» – немцев Поволжья, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, бессарабских и крымских болгар и других народов.

Еще одной проблемой текущей истории, причем проблемой достаточно деликатной с точки зрения современной для авторов политической ситуации, стало возвращение в СССР «перемещенных лиц» с территорий, занятых вооруженными силами США и Великобритании, невзирая на желания этих людей, в подавляющем большинстве случаев – вопреки воле. Изначально западные союзники довольно сдержанно относились к весьма настоятельным требованиям советских властей о выдачах. В октябре 1945 г.

главнокомандующий союзными войсками в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр попытался было нарушить Ялтинское соглашение в пункте о репатриации советских граждан и даже отдал приказ о прекращении насильственных депортаций, однако Государственный департамент США признал его решение незаконным, отменил приказ, и насильственная репатриация продолжалась. Среди депортированных, разумеется, были и те, кто активно сотрудничал с германскими оккупантами, но никаких попыток провести предварительное расследование и отделить виновных от невинных американские и британские власти не предпринимали.

Эта история не получила отражения в опубликованных официальных сообщениях. Англо-американские власти стремились избежать публичных дискуссий по этому поводу, ибо они пошли на выдачу не только военных преступников, но и тысяч невинных людей. Очень скоро стало известно, что сразу же по прибытии на территории, контролируемые СССР, репатрируемые помещались в лагеря под усиленную охрану НКВД (после войны МВД), что немалая их часть расстреливалась, а основная масса отправлялась в концлагеря. Тем не менее принудительная отправка советских граждан в СССР, начатая в 1944 г. и получившая на Ялтинской конференции негласную санкцию Черчилля и Рузвельта, завершилась только в 1946–1947 гг. в связи с началом холодной войны (формально секретное соглашение сохраняло силу до марта 1947 г., но насильственная отправка была прекращена несколькими месяцами ранее). Как писали авторы, «дружба, которая в конечном счете так и не сохранилась, оплачивалась кровью тысяч русских» [784 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. *Forced Labor in Soviet Russia*. P. 291. Те лишения и ужасы, которые пришлось пережить «перемещенным лицам», выданным англо-американской администрацией советским властям, в книге описаны в основном на базе свидетельств людей, сумевших бежать от советской власти и рассказать о своем опыте Николаевскому.].

Книга завершалась содержательной главой, рассматривавшей историографию вопроса – скудную литературу о принудительном труде в СССР. В основном речь шла о воспоминаниях, причем отмечались как положительные стороны публикаций, например фактологическая ценность книг, журнальных и газетных статей, так и их пробелы. Иллюстративный материал включал бланки администрации «исправительно-трудовых лагерей» с подписями их начальников и чиновников, фотокопию инструкции НКВД СССР 1941 г. касательно депортации «нежелательных элементов» из Литвы, аннексированной Советским Союзом, со всеми подробностями, касающимися «порядка разделения семьи выселяемого от главы» семьи, что означало, как правило, отправку главы семьи в концлагерь, а членов семьи, включая малолетних детей, в непригодные для обитания места Крайнего Севера или Восточной Сибири. К последнему документу было дано примечание, что он, как и ряд других документов, в микрофильме передан в Публичную библиотеку Нью-Йорка, где с ним могут ознакомиться все желающие [785 - Dallin D.J., Nicolaevsky V.I. *Forced Labor in Soviet Russia*. P. 265. Из соображений конспирации авторы открывали источники информации ровно настолько, насколько это было безопасно для людей, делившихся с ними своими данными.].

Пожалуй, наиболее серьезным недочетом книги стало употребление термина «ежовщина» применительно к периоду второй половины 30-х годов, который сегодня мы называем «большим террором». На самом деле «ежовщина» – это фальшивый термин, изобретенный, по-видимому, самим Сталиным, который пытался таким образом свалить собственные преступления 1936–1938 гг. – массовые аресты многих тысяч

номенклатурных государственных, партийных и военных работников, издевательства над ними на следствии, в тюрьмах и концлагерях – на наркома НКВД Ежова, послушно исполнявшего волю хозяина. Рассматривая «большую чистку» с точки зрения наполнения лагерей принудительного труда дешевой рабочей силой, авторы явно недооценивают стремление Сталина создать в стране обстановку тотального страха и всеобщего послушания. Иными словами, «большой террор» завершал создание в СССР тоталитарно-репрессивной системы.

Стремясь к максимальной объективности, Николаевский подчас оказывался излишне снисходительными к некоторым своим старым знакомым персонажам. В наибольшей степени это проявилось в оценке поведения Горького. Комментируя поездку Горького на строительство Беломоро-Балтийского канала, Далин и Николаевский писали, что Горький «представлял собой странную смесь большого литературного таланта и детской наивности. Почти до самой смерти он стремился верить, что открыто признанный советский террористический режим находился в процессе создания общности человеческого братства» [786 - Ibid. P. 242–243.]. Николаевский очевидным образом стремился сохранить добрую память о Горьком, о своих встречах с ним, не мог отрешиться от своих ранних впечатлений, не хотел признать того очевидного факта, что, оказавшись в плену Сталина после возвращения на родину, писатель всячески стремился заслужить поощрение диктатора [787 - Имея в виду, что именем Горького называли города, колхозы, улицы, парки, стадионы, что повсеместно были сооружены его монументы, – остроумный Карл Радек предлагал назвать именем Горького всю советскую эпоху «эпохой Максимально Горькой».]. Писатель, превратившийся в закоренелого сталиниста, не просто одобрял все более усиливавшийся кровавый террор, он порой выступал в качестве литературного доносчика, например опубликовал в 1934 г. статью «О*censored*ганах» (статья обратила внимание НКВД на писателей Павла Васильева, Бориса Корнилова и Ярослава Смелякова, в результате чего Васильев и Корнилов были расстреляны, а Смеляков оказался в лагере).

Об общественном резонансе на эту книгу свидетельствует факт, что она была удостоена ожесточенных нападок и всевозможных ругательств со стороны Вышинского, в 30-х годах являвшегося государственным обвинителем на открытых судебных процессах и генеральным прокурором СССР. В момент выхода книги Вышинский был постоянным представителем СССР в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. В выступлении на сессии Генеральной ассамблеи ООН 25 октября 1947 г. Вышинский заявил, что книга написана «полными идиотами и гангстерами» [788 - New York Times, February 22, 1962.]. Из уст Вышинского такая критика воспринималась как похвала. Собственно американская пресса оценила труд Николаевского и Далина положительно. Так, рецензент Брукс Аткинсон писал в авторитетном нью-йоркском издании, что книга «реконструировала мрачный и зловещий портрет повседневной жизни в полицейском государстве» [789 - New York Times Book Review, August 31, 1947.]. Несколько позже работа Николаевского и Далина была переведена на немецкий язык [790 - Dallin D.J., Nikolaevsky B.I. Zwangsarbeit in Soviet Russland. Wien: Verlag Neue Welt, 1947.]. Один из наиболее важных ее разделов был в виде резюме помещен в «Социалистическом вестнике» [791 - Николаевский Б. Кровью омытое советское золото. («Дальстрой» – советская каторга в Колымском крае) // Социалистический вестник. 1945. № 21–22. С. 256–257.], а затем под заголовком «Советская каторга на Колыме» опубликован в формате обширной статьи в «Новом журнале» [792 - Новый журнал. 1947. № 15. С. 261–288. Работа по углубленному

исследованию большевистского террора, начатая Далиным и Николаевским, продолжается. Достойным ее этапом стало появление в наши дни сборника трудов, выпущенного Гуверовским институтом под редакцией П. Грегори и В. Лазарева «Экономика принудительного труда: Советский ГУЛАГ» (The Economics of Forced Labor: The Soviet GULAG. Ed. by. Gregory P.R., Lazarev V. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2003). Подготовленная на основе архивных материалов, эта книга дает углубленное представление о системе ГУЛАГа, освещая, в частности, вопросы о становлении системы принудительного труда в начале 30-х годов, его структуре и тенденциях развития, об отдельных наиболее крупных зонах рабского труда – Норильске, Магадане (и Дальстрое), Беломоро-Балтийском канале, Караганде, Карелии.].

Анализ противоречий советского строя. Проблемы десталинизации и маоизма

Николаевский продолжал регулярно выступать в «Социалистическом вестнике». Почти ни один номер журнала не выходил без его статьи; часто в одном номере появлялись два его материала. Именно в этом журнале уже немолодой Борис Иванович стал в полную силу проявлять качества внимательного советолога-аналитика, которые удачно сочетались с призванием историка-документалиста. Его статьи посвящались различным аспектам политики сталинского государства, а затем и тому, что производило впечатление «оттепели», – робкому и непоследовательному процессу десталинизации, крутым поворотам и авантюристским изгибам деятельности Н.С. Хрущева.

Николаевский использовал технику сопоставления пропагандистских выступлений и кадровых изменений в партийном и государственном аппарате для анализа борьбы, происходящей в высшем руководстве СССР. Отчасти его работа, основанная на весьма скудных источниках информации, базировалась на догадках, предположениях, расшифровке символов, столь характерных для советской официальной информации и пропаганды. При этом кратковременные прогнозы Николаевского во многих случаях получали подтверждение. В июле 1957 г., уехав из Нью-Йорка на отдых, Николаевский из прессы узнал о «государственном перевороте Хрущева», сместившего со своих постов группу Маленкова, Кагановича и Молотова [793 - Николаевский Б. Государственный переворот Никиты Хрущева // Социалистический вестник. 1957. № 8. С. 154–161; № 9–10. С. 182–187.]. В результате появились и были опубликованы три статьи Николаевского: «Партаппаратчики и парттехнократы», «Борьба за сталинское наследство» и «Разгром парттехнократов «как класса».

Как наблюдательный политолог и источниковед, Николаевский брал под сомнение сообщения о том, что Хрущев просто расправился со «сталинцами», которые мешали ему проводить «либеральную политику» мирного сосуществования и сотрудничества с Западом. Говоря о резолюции пленума ЦК об исключении из него «антипартийной группы», Николаевский напоминал, что «этот документ продиктован Хрущевым и дает такое освещение событий, которое выгодно Хрущеву. Никакого намека на документ, исходящий от противников Хрущева и дающий их версию событий, не опубликовано. Какие-то документы этого рода должны существовать: известно, что и Молотов, и Маленков и др. выступали на заседаниях президиума и на пленуме ЦК. Если бы их заявления подтверждали версию Хрущева, они были бы так или иначе использованы в печати. Их не печатают, потому что они эту версию в той или иной мере опровергают»

[794 - Там же. 1957. № 8. С. 154.]. Далее шел детальный и тонкий анализ взаимодействия двух слоев партийной номенклатуры, которые и определялись в качестве технократов и аппаратчиков, находившихся под высоким покровительством соответственно Жданова и Маленкова, причем отмечалось, что последний сам тянул наверх Хрущева, пока не убедился, что Хрущев претендует на должность первого секретаря партии.

Выделяя основные тенденции внутренней борьбы на вершине советского руководства, Николаевский в то же время не подходил к ним схематично. Он показывал известные ответвления, своеобразное поведение тех или иных лидеров, в частности Берии, который являлся «чужеродным наростом на государственном аппарате страны, целиком зависевшим от положения Сталина» [795 - Социалистический вестник. 1957. № 8. С. 159.]. Именно в этом контексте автор рассматривал на первый взгляд весьма странное поведение Берии в первые месяцы после смерти Сталина, когда против Берии выступили все слои партноменклатуры. Стремясь вырваться из этого порочного круга, Берия предпринял экстраординарные шаги во внутренней и внешней политике страны. В их числе были: попытка примириться с югославским диктатором И.Б. Тито, кампания против которого нагнеталась Сталиным в последние годы его власти, вплоть до объявления Сталиным режима Тито властью «фашистской клики»; подготовка к выводу советских войск из Германии путем создания объединенного нейтрального германского государства; начало массовых амнистий; реабилитация врачей-евреев, обвиненных в январе 1953 г. в подготовке убийства Сталина и других высокопоставленных лиц, что стало началом мощной кампании государственного антисемитизма; предание суду виновных в «недопустимых приемах следствия» и т. д.

По убеждению Николаевского, действия Берии в то время были обречены на провал. «В тех слоях, к которым он явно пытался апеллировать, ему никто не верил, так как за десятилетия его имя стало синонимом самого ужасного, самого беспощадного террора. Зато внутри аппарата диктатуры эти его попытки помогли созданию против него своеобразного «единого фронта», приведшего к победе Хрущева сначала на февральском, а затем и на июньском пленуме ЦК 1957 г. Придав этой победе форму торжества принципа децентрализации управления и расширения прав республик, Хрущев в действительности обеспечил решающее преимущество «огромному и совершенно паразитарному партийному аппарату, который не выполняет абсолютно никакой положительной роли в жизни страны, но проникает своими щупальцами во все поры ее социального организма»². Менее чем через год, возражая своим многочисленным оппонентам из рядов ветеранов российского социал-демократического движения и среди более молодых наблюдателей, как американских, так и эмигрантских, полагавших, что начался период длительного устроичивого правления Хрущева, Николаевский указывал на начало нового этапа борьбы в верхушке коммунистической партии, который он определил как борьбу Хрущева против «идеологов» [796 - Николаевский Б. Хрущев против «идеологов» (Новый этап борьбы на верхушке диктатуры) // Социалистический вестник. 1958. № 6. С. 108–110.].

Для автора оставался несомненным факт существования группировок, враждебных Хрущеву и его политике. Свидетельством внутренней борьбы по догматическим вопросам Николаевский считал неожиданное исчезновение с авансцены М.А. Сулова, его отсутствие на ряде межпартийных встреч и партийных мероприятий, а также смещение с поста заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Ф.В. Константинова, которого считали близким Сулову человеком. Речь шла о передаче собственности машинно-

тракторных станций колхозам, в пользу чего высказался Хрущев, поддержанный аппаратом академической науки, в том числе вице-президентом АН СССР К.В. Островитяновым, тогда как так называемая партийная наука (то есть работники идеологических учреждений КПСС) от поддержки Хрущева уклонялись, а сам Сулов в предвыборной речи лишь вскользь упомянул об ожидаемых практических результатах реформы Хрущева, ничего не сказав о теоретическом значении этих мероприятий.

Из этого Николаевский делал вывод, что на верхах власти наступил новый этап борьбы, который не может не иметь исключительно важных последствий для СССР и всего мира. Казалось бы, события нескольких следующих лет не подтверждали этих прогнозов. Внеочередной XXI съезд КПСС прошел в начале 1959 г. при полной гегемонии Хрущева. Именно первый секретарь ЦК выступил с единственным докладом на этом съезде, трактовавшем все вопросы экономики и политики, теории и практики. «Настоящий универмаг с большим ассортиментом товаров, – правда, не всегда первой свежести» [797 - Николаевский Б. К итогам XXI съезда компартии // Социалистический вестник. 1959. № 2–3. С. 28.], – ехидничал Николаевский. Он признавал, что власть советского лидера за последние годы укрепилась, что рассматриваемый съезд можно было бы назвать «первым хрущевским» и что сам Хрущев восхвалялся как единственный и непререкаемый вождь.

Николаевский обратил внимание на то, что Хрущев проводит омоложение руководящих кадров и что его критика сталинского культа личности и перегибов, пусть робкая и ограниченная, имеет своей целью вывести из игры поколение, которое сделало карьеру на терроре 30-х годов. После XXI съезда самым тонким и критически мыслящим наблюдателям представлялось, что власть Хрущева в СССР достигла уровня власти Сталина, хотя он и пользовался в значительной степени другими методами, обходясь без массового террора. На очередном съезде КПСС Хрущев возвестил о грядущем приходе коммунизма, который он в двух своих докладах – отчетном и о новой программе КПСС – обещал построить в течение двадцати лет.

Николаевский посвятил новому XXII съезду ряд своих статей [798 - Николаевский Б. На путях к XXII съезду КПСС // Социалистический вестник. 1961. № 4. С. 60–63; Его же. XXII съезд КПСС. (Первые итоги) // Социалистический вестник. 1961. № 10–11. С. 175–179; Его же. Борьба за власть на XXII съезде КПСС // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 208–211; Его же. «Неожиданности» XXII съезда и борьба за власть в Кремле (Ответ Б. Суварину) // Социалистический вестник. 1962. № 3–4. С. 44–47; Его же. О существовании спора (Ответ Б.К. Суварину) // Социалистический вестник. 1963. № 11–12. С. 161–164.]. Он писал, что на подготовку съезда ушло необычно долгое время, что свидетельствовало о «напряженности на вершине диктатуры» [799 - Социалистический вестник, 1961. № 4. С. 60.], проявлявшейся, в частности, в столкновениях между слоями партбюрократии в связи с кампанией по омоложению, то есть «хрущевизации», партаппарата. В создании Хрущевым новой программы он увидел попытку нового руководителя стать вровень с автором первой программы – Лениным – и автором советской конституции Сталиным. Николаевский многого ожидал от этого съезда, но не того, что на нем произошло: публичная десталинизация советского строя. Он, однако, вслед за большинством других наблюдателей не считал, что борьба за власть в Кремле завершена и что диктатура вошла в период сравнительно спокойного развития. Историческое значение XXII съезда КПСС он видел прежде всего в том, что съезд разбил легенду о единстве и сплочении советской коммунистической партии.

По мнению Николаевского, защитникам сталинской ортодоксии удалось ввести в

доклады Хрущева на XXII съезде ряд формулировок (о преимущественном развитии тяжелой промышленности за счет легкой, об ограниченных возможностях сосуществования с капиталистическим миром), которые отступали от его заявлений последних лет. Да и по своему составу съезд был не совсем таким, каким планировал увидеть его Хрущев: несмотря на омоложение партаппарата, люди старшего поколения составляли на нем примерно ту же долю, что и на предыдущем съезде. Правда, единогласное принятие новой программы КПСС можно было считать победой Хрущева. На этом фоне Николаевский объяснял «запутанную и часто противоречивую игру Хрущева на съезде» [800 - Социалистический вестник. 1961. № 10–11. С. 178.], увенчавшуюся, однако, важными победами. В качестве наиболее существенных ее элементов рассматривались удары по «проходимцам», возглавлявшим компартию Албании (официально она именовалась Партией труда), по «маленькой шавке» Энверу Ходже, за спиной которого стоял огромный коммунистический Китай. Это означало лишь то, что Хрущев сознательно шел на разрыв с Китаем Мао Цзэдуна, готовившим «страшные войны на тихоокеанском пространстве». Наконец, Хрущев подверг новой критике Сталина и в конечном счете вынес его тело из Мавзолея.

Вне прямой связи с XXII съездом Николаевский ставил вопрос о необходимости серьезного расследования предвоенной сталинской внешней политики, его сговора с Гитлером в 1939 г. «Выкорчевать элементы сталинизма из практики советской жизни нужно с самих основ, – и для этого нужно прежде всего вскрыть подлинную историю отношений Сталина с Гитлером» [801 - Там же. С. 179.], – писал Николаевский. Он пришел к выводу, что главным фактором является продолжение борьбы за власть в верхах КПСС, и вступил в полемику с Сувариным, назвавшим XXII съезд «съездом неожиданностей», утверждавшим, что борьба внутри советской элиты завершена и положение стабилизировалось. Нет, доказывал Николаевский, почти все, что происходило на съезде, не было неожиданным, а являлось результатом столкновений между группами, стремившимися к проведению противоположных политических курсов. Конечно, неожиданности были, соглашался Николаевский и приводил пример «сумасшедшей Лазуркиной на трибуне» [802 - Николаевский Б. «Неожиданности» XXII съезда и борьба за власть в Кремле (Ответ Б. Суварину) // Социалистический вестник. 1962. № 3–4. С. 44.], которой доверили «высокую честь» выступить с предложением о выносе тела Сталина из Мавзолея [803 - 77-летняя большевичка Д.А. Лазуркина, которая провела более 15 лет в сталинских лагерях и была реабилитирована при Хрущеве, заявила на съезде: «Вчера я советовалась с Ильичем, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии». Всем было ясно, что внесенное ею предложение о выносе тела Сталина из Мавзолея сделано с одобрения и по указке свыше. Поэтому послушные делегаты поддержали предложение и одобрили его бурными аплодисментами (см.: Правда. 1961. 31 октября.).]. Правда, это предложение было поддержано достаточно номенклатурным партийным чиновником – секретарем Ленинградского обкома партии И. В. Спиридоновым, из-за чего Николаевский именно его ошибочно считал автором идеи о выносе Сталина из Мавзолея [804 - Суварин, считавший себя если не крупнейшим в мире, то, во всяком случае, наиболее выдающимся во Франции советологом, не мог оставить возражения Николаевского без ответа. Он написал в «Социалистический вестник» письмо, в котором утверждал, что в СССР борьбы за власть нет, что разногласия возникают и полемика ведется лишь в известных границах

(Социалистический вестник. 1962. № 3–4. С. 44). Суварин был автором книги о Сталине (Souvarine B. Stalin: Apersu historique de Bolshivism. Paris: Plon, 1935). См. также первый английский существенно дополненный перевод: Souvarine B. Stalin: A Critical Survey of Bolshevism. New York: Longman, Green and Co, 1939. Л.Д. Троцкий, который сам в это время работал над биографией Сталина, по воспоминаниям Натальи Седовой, испестрил книгу Суварина раздраженными пометами, восклицательными знаками, недоуменными вопросами. Он говорил близким, что эта книга является «сплошным общим местом» (Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975. P. 252.).

К начавшейся десталинизации Николаевский призывал относиться со скептицизмом:

«Похоронить тело Сталина было сравнительно легко, – выкорчевать остатки сталинизма из советской действительности много труднее. И вся история послесталинских лет была не чем иным, как историей новых и новых попыток реабилитации Сталина, – новых и новых попыток реставрации сталинизма» [805 - Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 209.].

Многочисленные упоминания «антипартийной группы» Молотова – Маленкова, ушедшей в прошлое, должны были служить отчетливым предостережением для хорошо окопавшихся сталинистов и их лидера Суслова. В этой связи упоминались фамилии Н.А. Мухитдинова, не избранного в высшие партийные органы, а переведенного с понижением на работу в Центросоюз в качестве заместителя его председателя, и А.Б. Аристова, сменившего кресло секретаря ЦК на посольскую должность в Польше [806 - Ряд выводов Николаевского полностью подтвержден современными исследованиями и документами. Так, в отношении Мухитдинова выяснено, что накануне заключительного заседания XXII съезда Хрущев собрал у себя узкий круг наиболее доверенных лиц и предложил: «Давайте уберем Сталина из Мавзолея и похороним на Новодевичьем кладбище, где лежат его жена и родные. Какие у вас будут на данный счет мнения?» Взявший слово Мухитдинов попытался возразить: «Вряд ли народ хорошо воспримет, если мы так неучтиво отнесемся к останкам покойного. Во всяком случае, у нас, на Востоке, у мусульман это большой грех – тревожить тело усопшего». Хрущев, восприняв это как попытку неосталинистов противопоставить его политической линии свой курс, снял с должности Мухитдинова со словами: «Ошиблись в нем, он плохо воспитан как член партии. Никчемное руководство оставил в республике [Узбекистане]. Пережитки байские есть у него. И есть к нему политические претензии – поддерживал узбекскую групповщину. Были нехорошие поступки бытового характера – бьет жену» (Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 394.). Полагая, что дальнейшая десталинизация партийного аппарата – дело ближайшего будущего, Николаевский заключал, что «не следует преуменьшать значение этого процесса. Развитие идет в направлении высвобождения политики страны из-под диктатуры примата внешней политики. XXII съезд – важнейший этап на этом направлении. Но не следует закрывать глаза на трудности, на которые этот процесс может натолкнуться.

Победа Хрущева далась ему с огромным трудом, – и пока не ясно, удастся ли ему ее полностью закрепить» [807 - Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 212.].

Николаевский показывал, что политика Хрущева непоследовательна и противоречива. С одной стороны, Суслов, инициатор и, видимо, автор постановления ЦК ВКП(б) 1948 г. о «формалистах» в музыке (постановления, отмененного Хрущевым), теперь от имени ЦК выступал с приветствием на III съезде советских композиторов с новыми выпадами

против «формализма» и «уродливых буржуазных течений». С другой стороны, «Известия» опубликовали «целую полосу разоблачений о подвигах чекистов в Прибалтике», а это – «очень сильно действующее средство... Но и Суслов, поучающий Шостаковича... Хачатуряна и др., тоже крепкая микстура» [808 - Там же. С. 32.].

Впрочем, события следующих лет – октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., заговор в верхах коммунистической партии и снятие Хрущева «в связи с болезнью и ухудшением состояния здоровья», как гласило официальное сообщение, были подтверждением правильности выводов Николаевского о неустойчивости положения Хрущева и шаткости процесса по десталинизации страны. Николаевский понимал, что десталинизация представляла собой весьма сложный и запутанный клубок, в котором сплелись конфликтные интересы хрущевского режима, его личного престижа, влияния и власти, карьерного положения ряда высших партократов, судеб реабилитированных и нереабилитированных представителей номенклатуры и простых жертв сталинского режима, степень относительной демократизации общества, связанные с этим надежды передовой интеллигенции и многие другие вопросы.

Примером такого рода анализа может служить статья Николаевского «Проблема десталинизации и дело Бухарина» [809 - Там же. 1964. № 4. С. 22–38.]. Статья не была лишена фактических неточностей и не всегда правильных предположений. Однако поражаешься скорее тому, что их было мало, что в целом статья основывалась на добытых различными путями достоверных фактах. Автор как бы вскользь упоминает о «фактической стороне сообщений, полученных нами из России» и о «полученной из Москвы информации». Но из текста видно, что эти устные и письменные источники, равно как и прочитанная зорким и искушенным специалистом подцензурная советская пресса, предоставляли возможность для тонкого плодотворного анализа, согласно которому тоталитарная система в СССР сохранилась и после смерти Сталина, а десталинизация – это еще далеко не «детоталитаризация», поскольку общественно-политическая жизнь страны не открывает «почти никаких возможностей» для свободного обмена мнениями.

Эта оговорка – «почти» – очень важна. Она позволяет Николаевскому прийти к выводу, что элементов, в разной степени противостоящих тоталитарной идеологии и тянущихся к гуманизму, в СССР немало. Подчеркнем, что в статье нет выражений типа «гуманный социализм» или «социализм с человеческим лицом». Иллюзий относительно советского социализма Николаевский уже не питал. Десталинизация рассматривалась им как начальный этап либерализации режима, которая не сводилась к судьбе жертв сталинского террора:

«Сталинские расправы были ужасны, но главное зло сталинской эпохи было все же не в самих этих расправах, а в сталинской политике, которая делала этот террор необходимым, в сталинской идеологии, которая к этой политике обязывала» [810 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 22.].

Дело Бухарина анализировалось в статье не само по себе, а как один из примеров критики Хрущевым культа личности на XX и XXII партийных съездах. В реабилитации Бухарина, с которым Николаевский был хорошо знаком и которому симпатизировал, он увидел возможность вывода из игры тех, кого именовал «фашизированными коммунистами». Посылаемые Хрущевым в этой связи сигналы – прием Хрущевым вдовы Бухарина, предоставление ей работы в Московском университете, а сыну Бухарина – возможности получить высшее образование, имели своим продолжением заявление А.Н.

Поспелова на совещании историков 1962 г. о том, что Бухарин и Рыков не были шпионами и террористами. Все это, разумеется, расположило Николаевского к Хрущеву. Ни в коем случае не идеализируя его, считая «ловким, расчетливым политиком, умело подготовлявшим свои большие выступления» [811 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 24–25.], Николаевский, однако, полагал, что Хрущева поддерживают в СССР и широкие массы населения, и даже «вся армия».

Николаевский указывал на жестокую борьбу двух общественно-политических курсов внутри партии и советского руководства – на углубление десталинизации, проявившейся в новом осуждении Сталина XXII съездом КПСС и демонстративном выносе его тела из Мавзолея Ленина, и на «ресталинизацию». Первый курс, в целом разделяемый Хрущевым, был в поэтической форме выражен Евгением Евтушенко, стихотворение которого «Наследники Сталина» было опубликовано в «Правде», безусловно с благословения «хитрого Никиты». Иначе просто быть не могло. Николаевский цитировал:

Сталин не сдался.

Считает он смерть свою поправимостью.

Мы вынесли из Мавзолея его, —

Но как из наследников Сталина

Сталина вынести? [812 - Правда. 1962. 21 октября. Стихотворение было написано за год до этого, но редакция «Правды» не решилась его опубликовать. Евтушенко послал стихотворение Хрущеву, тот дал соответствующее указание, а выступая перед колхозниками в Абхазии, сказал: «Со Сталиным мы не дорассчитались» – и зачитал с листа все стихотворение Евтушенко.]

Главными выразителями второй тенденции были Сулов и Поспелов. Николаевский только упоминает Сулова, однако довольно подробно рассматривает политический путь дослужившегося до академика догматического «идеолога» Поспелова, в биографии которого «нельзя найти ни одного уклона в какую-либо сторону от официального курса партии» [813 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 30.]. Именно из этих кругов была начата на Хрущева атака «наследников Сталина».

Николаевский утверждал, что вопрос о десталинизации – это не только реабилитация жертв террора, но и определение ответственности тех лиц, которые были его инициаторами. В этой плоскости происходила внутренняя борьба в высшем советском руководстве. Даже для Хрущева, инициатора развенчания культа личности Сталина, тема ответственности партии стала непреодолимым рубежом, так как именно партия была «основной силой, породившей и проводившей в жизнь политику сталинского террора», но «упорно отказывалась признать этот факт и перекладывала ответственность, пока это было можно, на кого угодно, – только бы сбросить ее с себя» [814 - Социалистический вестник. 1964. № 4. С. 36.].

Внешнеполитическим аспектом десталинизации стал спор между Москвой и Пекином по поводу главенства в «антиимпериалистическом лагере». Несмотря на желание официальных идеологов сговориться с Пекином, пророчествовал Николаевский, этот сговор теперь невозможен; Москва перед Пекином не капитулирует, а «успешной эта борьба может быть только при переходе на гуманистические позиции Бухарина» [815 - Там же. С. 37.]. Этот вывод оказался преждевременным. Отношения между Пекином и Москвой остались напряженными, но никакой дальнейшей десталинизации на этом

внешнеполитическом фоне не происходило.

1956 год стал историческим рубежом не только в жизни целой страны, но и в профессиональной деятельности Николаевского: одним из главных персонажей его работ после 1956 г. стал Хрущев. Началом цикла была краткая, но весьма содержательная статья «Советская диктатура на новом этапе» [816 - Там же. 1958. № 2–3. С. 35–37.]. Здесь обосновывались наблюдения, которые позволяли показать, как при сохранении элементов сталинского прошлого хрущевская современность свидетельствует о больших сдвигах, причем главное, что отличает новый период, лежит в самой структуре власти. Уходит на второй план массовый террор. Сложная борьба двух структур, партийной и правительственной, заканчивается победой партии и ослаблением роли хозяйственных деятелей.

Важной составной частью работ о хрущевском десятилетии были статьи о советской внешней политике, в том числе о советско-китайских отношениях [817 - Николаевский Б. Китай и СССР // Социалистический вестник. 1958. № 10. С. 181–183; Его же. Хрущев и Мао // Социалистический вестник. 1959. № 10. С. 184–186; Его же. Хрущев и «внутренние китайцы» // Социалистический вестник. 1963. № 7–8. С. 90–91.], важным элементом которых стали личные отношения между Хрущевым и Мао Цзэдуном. Николаевский предостерегал от излишнего оптимизма. При Сталине, да и после его смерти, Хрущев принадлежал, подчеркивал автор, к сторонникам наиболее активной, то есть агрессивной, внешней политики. Именно Хрущев был инициатором обрыва линии, начатой Берией, готовым пойти на широкие соглашения с Западом ценой отказа от части захватов военного времени. В статье доказывалось, что вектор внешней политики советской власти поворачивает к авантюрам с ограниченными целями, «к торгам и переторжкам, к скидкам и отстрочкам», то есть в целом в мирном направлении, хотя примирение с Тито ставило своей задачей не только ликвидировать неудобный внешнеполитический конфликт внутри социалистического лагеря, но и «проложить дорогу к душам авантюристических руководителей национально-освободительных движений народов Азии и Африки» [818 - Николаевский Б. Внешняя политика Хрущева // Социалистический вестник. 1959. № 4. С. 56–60.].

Рассмотрение советско-китайских отношений конца 1950-х годов Николаевский начинал с анализа визита Хрущева в «красный Китай» летом 1958 г. Не отвергая существования разногласий между руководством Китая и СССР, автор показывал, что эти круги прилагали максимум усилий, чтобы скрыть их, не дать внешнему миру получить доказательства существования внутри социалистического блока расхождений, заставить западных наблюдателей в лучшем случае только догадываться о наличии недопонимания. Николаевский считал, что, в отличие от сталинского времени, центр тяжести социализма перенесся теперь на Дальний Восток и внутри социалистического блока произошло повышение удельного веса Китая. «Стрелка советского компаса все сильнее и сильнее передвигается на восток, – на берега Тихого океана» [819 - Социалистический вестник. 1958. № 10. С. 181.], – констатировал автор. Вся история борьбы китайской компартии и первого десятилетия Китайской народной республики была связана прежде всего с противостоянием внешней агрессии. Именно поэтому в китайском руководстве были возмущены заявлением Маленкова от 6 марта 1954 г. о том, что атомная война уничтожит цивилизацию, и предпринятыми им шагами по значительному сокращению расходов на вооружения. Демонстративные военные операции КНР против Тайваня в сентябре 1954 г. были предприняты прежде всего ради давления на Москву. Это давление сработало.

Маленков был смещен с поста главы правительства, а в печати началась кампания о необходимости развития тяжелой промышленности. После этого Пекин свернул операции в тайваньских водах. В конфликте теперь не было нужды.

Если хрущевское наступление на Запад носило преимущественно политический характер, хотя и опиралось на рост советских вооружений, мероприятия в Китае по созданию «народных коммун» и их милитаризации, по реорганизации армии и ее оснащению современным вооружением свидетельствовали о решимости Мао начать третью мировую войну. Это привело к новым расхождениям между высшими руководителями Китая и СССР. Хрущев отправился в Китай непосредственно после своего широко разрекламированного визита в США, во время которого был совершен известный прорыв в улучшении советско-американских отношений. Мао этим визитом Хрущева был крайне недоволен. Для Хрущева речь шла о борьбе против ориентации на военные конфликты, для Мао – о подготовке страны к возможным длительным войнам. При этом внутренняя и внешняя политика китайского диктатора увязывалась воедино – подчеркивалась ее агрессивно-военная доминанта:

«Коммунистическая партия Китая – наиболее милитаризованная из компартий мира. Ее породил Мао в армии, вокруг политотделов и фронтовых чека в перерывах между боевыми схватками. Она с первых шагов была воспитана в нравах армейско-чекистского неуважения к человеку, – в настроениях безграничной веры в творческую силу насилия. За одну осень эта военизированная партия, при прямой и активной помощи армии, загнала 500 миллионов крестьян не в колхозы российского типа, а в коммуны, – без индивидуальных кухонь, без отдельных домов, с общими казармами, даже с регулируемыми встречами жен с мужьями, но зато с ежедневной военной муштровкой» [820 - Социалистический вестник. 1959. № 10. С. 184–185.].

Хрущев же, как доказывалось теперь, начал борьбу против Мао на территории Мао, обратившись через его голову к тем китайским коммунистам, которые, вполне возможно, склонны были бы поддержать его внешнюю политику. Происходила своеобразная легализация борьбы внутри коммунистического лагеря по вопросам внешней политики, что являлось фактором огромного значения. Этот мотив был в статье основным, хотя в ней и содержалось предостережение против преувеличения результатов начавшегося конфликта.

Николаевский полагал, и оказался в этом не прав, что СССР и Китай никогда не пойдут на разрыв, однако открытая борьба двух внешнеполитических линий казалась ему несомненной. Осознав, что допустил ошибку, Николаевский в последующие годы почти не касался китайско-советской конфронтации, лишь походя упоминал о ней. Единственным случаем, когда китайская тематика вновь вышла на первый план, причем в весьма своеобразной форме, была статья о значении китайского фактора для хрущевской внутренней политики (эта работа была названа «Хрущев и «внутренние китайцы»). В ней делался вывод, что разрыв с Китаем осуществляется Хрущевым прежде всего в связи с вопросом о войне: дружба с Китаем требует войны; сотрудничество с Западом от войны уводит. В этой связи и ставился вопрос о «внутренних китайцах» – по аналогии с «внутренними турками». Этот термин был изобретен Н.А. Добролюбовым применительно к роману Тургенева «Отцы и дети». Программа русских Инсаровых, согласно критике, была сложна: им предстояла борьба с игом «внутренних турок» – крепостников-консерваторов, правительства, занимавшего половинчатую позицию, колебавшегося между консерваторами и либералами, и даже либеральных партий как славянофильского,

так и западнического уклона. «Внутренними китайцами» Николаевский именовал всех тех, кто тяготел к крайним методам тоталитарного господства, несмотря на изменившиеся условия, кто стремился «ломать хозяйственную жизнь страны методами элементарного внехозяйственного насилия» [821 - Социалистический вестник. 1963. № 7–8. С. 91.].

Николаевский в то же время отлично понимал, что сохранение в СССР тоталитарной системы, хотя и вступившей в период кризиса, вынужденной считаться во имя собственного выживания с новыми мировыми реалиями, прежде всего с наступлением термоядерной эпохи, предопределяло не только шаги навстречу сотрудничеству со странами западного мира, но и отступления от этого курса, связанные как с внутренним соотношением сил в кремлевских кулуарах и кабинетах, так и с двойственной природой самого Хрущева – в прошлом сталиниста, в настоящем – энергичного, хотя и непоследовательного критика «культы личности».

В одной из статей Николаевский дал осторожную оценку советской внешней политики после Карибского кризиса 1962 г. Осторожность выражалась в постановке вопросительного знака в заголовке статьи: «Москва в поисках новой внешней политики?» [822 - Николаевский Б. Москва в поисках новой внешней политики? (К истории последних событий) // Социалистический вестник. 1963. № 1–2. С. 5–8.] Николаевский пытался проанализировать причины киданий Хрущева из стороны в сторону на грани термоядерной войны: от готовности объявить США войну из-за блокады Кубы до готовности к мирному урегулированию на условиях демонтажа американских ракет в Турции, направленных в сторону СССР. Полагая, что Хрущев укрепил свое положение внутри страны в результате кубинской авантюры, предотвратив термоядерную войну (этот вывод представлялся тогда очевидным), Николаевский обратил внимание на активность Советского Союза в подвластных странах и на мировой арене, преимущественно в зоне национально-освободительного движения в Африке и Азии, где советское руководство ориентируется на тоталитарные партии и движения, тяготеющие к государственному контролю докапиталистического типа, как это имело место в Индонезии. Национально-демократические движения вырождаются, констатировал Николаевский, причем динамика развития идет скорее в прокитайском, а не в просоветском направлении.

Повороты политики Хрущева и оппозиционных к нему партийных лидеров по отношению к Югославии были проанализированы в статье, носившей категорический заголовок [823 - Николаевский Б. Новый крутой поворот Хрущева // Социалистический вестник. 1962. № 11–12. С. 147–150.], но по содержанию не являвшейся однозначной. Автор полагал, и подтверждал это рядом фактов, что для Хрущева Югославия была интересна и привлекательна особенностями югославской модели социализма, которые противоречили советским догмам. Прежде всего, в Югославии существовало самоуправление трудовых коллективов на производстве, сочетавшееся, правда, с жесткой политической системой и культом личности Тито. Николаевский сравнивал визит Тито в СССР в 1962 г. с визитами глав стран советского блока и обращал внимание на несколько демонстративных актов. В поездках по стране Тито сопровождал секретарь ЦК Ю.В. Андропов, курировавший страны – сателлиты СССР; Тито предоставили возможность выступить на сессии Верховного Совета СССР, причем не на юбилейном, а на обычном заседании (таких прецедентов не было). Автор делал вывод о том, что, потеряв Китай, Хрущев пытается приобрести Югославию.

Противоречия и конфликты внутренней и внешней политики Москвы Николаевский

связывал воедино почти во всех своих статьях о хрущевском периоде. Но особенно четко все более обострявшийся «кризис руководства» был им рассмотрен в публикации, посвященной участию Хрущева в сессии ООН в 1959 г. Уже в это время, то есть за четыре года до свержения Хрущева, автор считал несомненным, что «те части партийного аппарата, которые сопротивлялись курсу на уступки колхозному крестьянству в плоскости политики внутренней и боролись против курса на «мирное сосуществование» в плоскости политики внешней, ведут энергичное и успешное наступление против той политики, которая была официальной политикой Хрущева в период его прошлогоднего визита в США» [824 - Николаевский Б. Хрущев в ООН и «кризис руководства» в Москве // Социалистический вестник. 1960. № 10. С. 184–188. Позже техника исследования актуальных проблем текущей истории, разработанная Николаевским, была широко использована американскими советологами и исследователями из других стран. Один из этих авторов, Роберт Слассер (США), подчеркивал следование методике Николаевского во введении к своей аналитической статье, в которой он реконструировал ход и решения секретного заседания Президиума ЦК КПСС, состоявшегося, по его мнению, в середине февраля 1961 г. Автор пришел к выводу о наличии в высшем советском руководстве новой серьезной оппозиции Хрущеву и назвал главными ее представителями Ф.Р. Козлова и М.А. Сулова (напомним, что это было за три с половиной года до 1964 г., когда Хрущева отправили в отставку). Через много лет хрущевской эпохе были посвящены ценные документированные и интересно написанные книги российских и иностранных историков, авторы которых стремились преодолеть идеологические шоры, хотя далеко не всегда собственные симпатии и антипатии (см., например: Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-пресс, 2002; Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004; Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество М.: Научная книга, 1999; Медведев Р. Никита Сергеевич Хрущев: Отец или отчим советской «оттепели»? М.: ЭКСМО, 2006; Балаян Л. Сталин и Хрущев. М.: ЭКСМО, 2009; Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев и его советники – красные, черные, белые. М.: ЭКСМО, 2002; Искендеров А.И. Мемуары Н.С. Хрущева как исторический источник // Вопросы истории, 1995. № 5–6; Tompson W.Y. Khrushchev: A Political Life. New York: St. Martin's Press, 1995; Taubman W. Khrushchev: The Man and His Era. New York: W.W. Norton & Company, 2003; Soviet State and Society under Nikita Khrushchev. Ed. by M. Ilic and J. Smith. London: Routledge, 2009).].

Работы Николаевского о советской тоталитарной системе после Второй мировой войны (включая книгу, подготовленную совместно с Далиным), о кризисе тоталитаризма в хрущевское время, о советской внутренней и внешней политике 40–50-х годов и особенно о внутренней борьбе в кремлевском руководстве со всеми ее социальными, мировоззренческими и просто личностными перипетиями и конфликтами являлись яркими образцами плодотворного историко-политологического анализа, блестящих обобщений на базе имевшихся скудных первоисточников. Своими размышлениями и выводами Николаевский нередко делился с нью-йоркской русскоязычной публикой, причем подчас в старейшей газете эмиграции «Новое русское слово» публиковались не только объявления о лекциях, но и тезисы предстоявшего выступления, а после выступлений – подробные отчеты о них с обширным цитированием. Так, сообщая о намечаемой на 20 октября 1963 г. лекции Николаевского в отеле «Риверсайд плаза» на тему «СССР в полосе жестоких кризисов», газета опубликовала ее план: 10 лет без

Сталина, диктатура партии в стране и диктатура партийного аппарата над партией, кризисы идейный, внешнеполитический, хозяйственный, поиски выхода, боязнь войны, роль технической и научной интеллигенции.

Некоторые пункты плана публиковались с определением сущности позиции лектора: «Партийный аппарат – наиболее паразитический и бездарный слой советского общества» или «Теперь диктатура вошла в полосу жестокого кризиса отношений с деревней» [825 - Новое русское слово. 1963. 13 октября.]. Когда же лекция была прочитана, русскоязычная газета поместила ее подробное резюме [826 - Там же. 26 октября.]. Николаевский начал с того, что в России «сейчас не скучно жить. Напротив, жизнь там бьет ключом – нужно уметь лишь внимательно наблюдать и держать глаза открытыми». И далее особое внимание уделялось внутренним противоречиям в советском руководстве, главным образом по китайскому и югославскому вопросам. Автор обращал внимание слушателей, что в отсутствие Хрущева, отдохавшего на Кавказе, Президиум ЦК с подачи Ф.Р. Козлова одобрил резолюцию, дезавуировавшую политику Хрущева на улучшение отношений с Югославией, как Хрущев примчался в Москву и смог изменить курс в нужную ему сторону. И все же в стране нарастали, по словам лектора, элементы оппозиции – как консервативной, так и либеральной. «Хрущев понимает необходимость реформ при одном, однако, условии – основы режима и его идеологии должны остаться неприкосновенными, – заключал Николаевский. – Выкорчевать элементы сталинизма из практики советской жизни Хрущеву еще далеко не удалось, хотя съезд и развязал ему руки для дальнейшей борьбы в этом направлении. Как он справится с иностранными сталинистами, особенно с китайскими, албанскими и прочими, – покажет время» [827 - Новое русское слово. 1961. 8 декабря.].

Николаевскому пришлось проводить коррекцию своих взглядов после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., на котором фактически произошел государственный переворот – Хрущев был отправлен в отставку. Уже переселившийся в Калифорнию Николаевский в мае 1965 г., приехав в Нью-Йорк, выступил с лекцией «Советская Россия после Хрущева» [828 - Там же. 1965. 24 мая.]. Основную причину свержения «Никиты-кукурузника» лектор видел именно в том, что Хрущеву не удалось выкорчевать корни сталинизма, хотя он и задумывался о «своем некрологе», рассчитывая войти в историю с «приличной репутацией». Однако при наличии сталинской системы, основы которой Хрущев оставил нетронутыми, все его реформы были обречены на неудачу. Даже такая, казалось бы, прогрессивная инициатива, как передача машинно-тракторных станций колхозам, обернулась для колхозов финансовыми тяготами и организационной неразберихой. «Его стремление провести реформы в колхозах и в положении колхозников натолкнулось на нежелание партийных организаций выпустить из своих объятий деревню, которую они опутали, как спрут», – считал Николаевский. Новое советское руководство, продолжал Николаевский, сколько-нибудь большим авторитетом в стране и за ее пределами не пользуется. Оно явилось результатом компромисса различных течений и групп партийной верхушки, и ему необходимо еще окрепнуть и найти свою политическую линию. Не занимаясь конкретными прогнозами, Николаевский был в целом пессимистичен относительно возможности каких-либо прогрессивных изменений в СССР в обозримом будущем.

Глава 6

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: АРХЕОГРАФ И ИСТОРИК

Анализ принципиальных проблем российской истории

Став в Нью-Йорке директором Американского рабочего архива и исследовательского института (в конечном итоге оказалось, однако, что это была только «вывеска», позволявшая придать некий законный статус его коллекции в новой стране обитания), Николаевский продолжил собирание документов и воспоминаний. Он усиленно пополнял свой архив, возобновив контакты с эмигрантами своего поколения, с представителями новой, военной и послевоенной эмиграции, и стремился получить у них разного рода первичные материалы. Средств на закупку документов и тем более архивных фондов было очень мало. Борис Иванович ухитрялся выкраивать скудные доллары даже из своего личного бюджета.

Друзья и коллеги по этому поводу острили, добродушно смеясь над его страстью, хотя, как правило, понимали ее значение для истории. Р.Б. Гуль вспоминал, что как-то в Нью-Йорке он и Николаевский были в гостях у Церетели. За чаем Церетели, любивший острить, говорил:

«Вот, Р.Б., вы, конечно, знаете архивную страсть Б.И. и то, что некоторые обвиняют его даже в возможности приобретения им чего-нибудь для архива путем похищения? Но если даже так, то это же – страсть! А если страсть, то что же вы хотите? Почему похитить любимую женщину можно, а похитить книгу нельзя? Страсть всегда есть страсть... и с ней ничего не поделаешь» [829 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. I. С. 123].

В то же время Николаевский развернул подготовку новых монографических исследований и статей. Не было буквально ни одного сборника по истории революционного движения в России, который появился бы на русском языке в США и в котором Борис Иванович не принял бы участия как редактор или автор. Еще в 1946 г. он опубликовал большую и содержательную статью об общественной деятельности в России видного меньшевика П.А. Гарви, которая вошла в том, посвященный его памяти [830 - Николаевский Б.И. П.А. Гарви в России // П.А. Гарви: Воспоминания социал-демократа. Статьи о жизни и деятельности П.А. Гарви. Нью-Йорк, 1946. С. XII–XLI.]. В «Социалистическом вестнике» были опубликованы работы о видных российских социал-демократах И.Г. Церетели [831 - Социалистический вестник. 1959. № 6. С. 119–122; № 7. С. 141–143; № 8–9. С. 159–164; № 10. С. 196–200; № 11. С. 219–223; № 12. С. 243–245; 1960. № 2–3. С. 49–52. Отдельно была опубликована аналитическая статья о воспоминаниях Церетели, посвященных событиям 1917 г. (Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 110–114; № 9–10. С. 132–135) и другие материалы.] и Ю.П. Денике [832 - Николаевский Б.И. Ю.П. Денике: Опыт политической биографии // Социалистический вестник. 1961. № 3. С. 12–26.]. Некоторые проблемы только ставились (возможно, историк предполагал позже возвратиться к ним детальнее), другие освещались с разных сторон с привлечением максимально доступных документов.

В связи с появившимся в прессе документом о советско-германском военном сотрудничестве в 20-х годах Николаевский занялся и этой проблемой. Речь шла о меморандуме одного из крупных в прошлом германских промышленников Арнольда

Рехберга, где приводились данные о связях командования рейхсвера с советским правительством, о помощи, которую оказывали власти СССР ремилитаризации Германии, о грубом нарушении ею военных статей Версальского договора, о германских военных объектах на советской территории. Николаевский доказывал, что меморандум заслуживал доверия, хотя в нем были и сомнительные места [833 - Николаевский Б. Разоблачение Рехберга // Народная правда, 1949. № 5. С. 31–33. В этом же номере журнала был опубликован и сам меморандум Рехберга (с. 34–40).]. Последовавшие позже многочисленные исследования убедительно показали, что нацистский меч действительно ковался в СССР [834 - См., например: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Советская Россия, 1992.].

Одна из статей была посвящена урокам операции «Трест», проведенной советскими спецслужбами в 20-х годах [835 - Николаевский Б. Уроки «Треста» // Народная правда. 1950. № 7–8. С. 21–26.]. Статья носила исследовательский характер, раскрывала подноготную успешной и длительной операции ОГПУ, агентам которого удалось глубоко проникнуть в организации эмигрантов, особенно в их военные и полувойсковые структуры. Автор отмечал полное доверие со стороны окружения генерала Врангеля к главному участнику этой операции Якушеву. По мнению Николаевского, установление имен участников операции имело не только академический интерес. Впрочем, он преувеличивал актуальность вопроса, излишне обостряя подозрительность эмигрантов, и без того относившихся друг к другу с известным недоверием.

Продолжая эту тему, он опубликовал также в Бюллетене Лиги борьбы за народную свободу и в журнале «Народная правда» статьи, вскрывавшие провокационные действия в 30-х годах самих эмигрантских организаций [836 - Николаевский Б. Внутренняя линия и капитан Фосс // Бюллетень Лиги борьбы за народную свободу. 1950. 16 апреля; Его же. Провокаторская работа «Внутренней линии» // Народная правда. 1950. № 11–12. С. 35–37.]. Речь шла о секретной организации под названием «Внутренняя линия», которая была образована в 30-х годах по инициативе эмигрантского Русского общевойскового союза (РОВ). Занималась она «отвратительной практикой» (выражение Николаевского) ложных доносов на советских служащих, работавших за рубежом. Эти доносы разными путями направлялись в ОГПУ – НКВД и компрометировали не только самих лиц, против которых были направлены, но и многих других людей. Николаевский, в частности, приводил примеры из жизни советских служащих в Болгарии, где жертвами ложных доносов стал ряд работников советского полпредства, от шофера до военного атташе полковника В.Т. Сухорукова. «Внутренняя линия» сфабриковала также документы, указывавшие на то, что маршал М.Н. Тухачевский является германским агентом, и этим способствовала усилению репрессий в СССР, причем далеко не только против военных. Возражая некоторым эмигрантам, полагавшим, что эта подрывная деятельность «Внутренней линии» против советской власти была в полной мере оправдана, так как способствовала расшатыванию советской верхушки [837 - Такого рода статья появилась в газете «Новое русское слово» за 6 и 7 октября 1950 г.], Николаевский был убежден, что подобные методы борьбы абсолютно неприемлемы с моральной точки зрения.

Николаевский подверг детальному анализу всю историю государственного террора в Советской России и СССР в цикле статей, опубликованных главным образом в «Социалистическом вестнике». Посвященные отдельным событиям или лицам, критическому анализу советских изданий, новым, оказавшимся в его распоряжении,

документам и материалам, эти статьи составляли своего рода костяк монографического исследования, которое так и не было оформлено. Особенно интересен был проведенный Николаевским анализ только что выпущенного тогда в Москве объемистого сборника документов по истории ВЧК [838 - Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1958.]. Хотя автор предупреждал, что к сборнику надо подходить с большой осторожностью (в СССР существовала обязательная к исполнению инструкция по публикации архивных материалов, которая требовала придерживаться принципа коммунистической партийности и соблюдения государственных интересов, то есть не допускалось включения в сборники документов, неблагоприятных для власти), появление этого издания было важным событием: впервые в СССР был опубликован массив официальных документов по истории механизма террора большевистской власти.

Один из вопросов, поставленный в связи с этим, сводился к судьбе самого архива ВЧК. Давно уже утверждалось, что архива ВЧК как такового не существовало, что он был уничтожен. Публикуемый сборник, по мнению Николаевского, подтверждал эту версию. Дело в том, что среди аккуратных ссылок составителей на места хранения документов были самые разнообразные, порой почти случайные, фонды, в том числе фонд Н.К. Крупской. Однако фонда ВЧК среди них не было. Даже циркуляры этого ведомства публиковались по копиям из других фондов.

В связи с этим историк припоминал рассказ «очень осведомленного человека», имя которого он предпочитал не называть, хотя его уже не было в живых, из-за близости этого человека к самым высшим кругам власти и даже «обитания» в них. (Можно было предположить, что речь шла о Рыкове.) Согласно этому рассказу, против широких полномочий ВЧК в верхах партии была сильная оппозиция даже во время Гражданской войны. ВЧК спасла только поддержка Ленина. Однако по окончании Гражданской войны возражения против необъятной власти ВЧК вновь усилились. Путем публикации ряда сборников Дзержинский пытался реабилитировать «доброе имя» своей организации. В 1920 г. появился первый том «Красной книги ВЧК» [839 - Красная книга ВЧК / Под ред. П. Макинциана. Т. I. М.: Госиздат., 1920. Тираж книги, впрочем, вместе с ее редактором, был уничтожен. В наличии оставалось два-три экземпляра, которые хранились в советских спецхранах. На Западе эта книга оказалась только в машинописной копии, точнее, в двух копиях: одна хранилась в Гарвардском университете, другая – в Гуверовском институте. Переиздана в СССР в «Политиздате» в 1989 г.], в 1922 г. вышел том второй [840 - Красная книга ВЧК / Под ред. М.И. Лациса. Т. II. М., 1922. Тираж книги уничтожен вместе с редактором. До переиздания 2-го тома «Политиздатом» в 1989 г. достоверно даже не было известно, что 2-й том физически существовал. За пределами СССР ни одного экземпляра книги не находилось. Внутри СССР на 2-й том ссылок не было даже на уровне цитат допущенных в советские спецхраны проверенных историков-коммунистов.]. Аналогичные сборники появлялись на периферии. «Стране грозил настоящий потоп от чекистских «красных книг» [841 - Николаевский Б. Из истории машины советского террора // Социалистический вестник. 1959. № 8–9. С. 168.].

Оказалось, однако, что все эти издания только раскрывают глаза населению на мерзости кровавого режима большевиков, а не служат оправданию и обелению террора. Конец этим упражнениям чекистов положил Ленин, заявивший: «Пусть история о нас судит по другим нашим деяниям», и распорядился архив ВЧК уничтожить. Николаевский высказывал

убеждение, что одной из причин этого варварского поступка было желание Ленина уничтожить документы, показывавшие характер и размеры его личного участия в терроре.

Имея в виду современные публикации документов ВЧК и их крайнюю количественную незначительность, можно предположить, что подобное распоряжение (Ленина или кого-то другого) действительно существовало, но было выполнено не полностью и некоторая часть чекистских документов влилась в будущий ведомственный архив ОГПУ – НКВД – КГБ – ФСБ.

Оценивая источниковедческое значение сборника, автор статьи показывал его ничтожность для характеристики террористической деятельности ВЧК. Иначе обстояло дело с изучением структуры кровавой организации и методов ее работы. Несмотря на скудность, по этому вопросу сборник давал больше материалов, чем все ранее вышедшие издания. Более того, он раскрывал внутреннюю борьбу в руководстве партии и государства по вопросу о роли и функциях ВЧК. Так, Д.Б. Рязанов, М.С. Ольминский и даже ближайший сотрудник Троцкого по военному наркомату Э.М. Склянский, отчасти выражавший мнение своего шефа, энергично выступали за ограничение деятельности ведомства Дзержинского [842 - Социалистический вестник. 1959. № 8–9. 172.].

Опубликованная Николаевским в «Социалистическом вестнике» статья привела к очень неожиданному результату. Редакция получила пакет с документами некоего «профессора Венцеля», проживавшего в Западной Германии. Так и не узнав подлинного имени этого человека, Борис Иванович установил, что «профессором Венцелем» был один из руководителей советской разведки в Западной Европе, ставший затем агентом германской разведки. В отдаленном прошлом он был немецким коммунистом и политэмигрантом в СССР. Среди бумаг «профессора» были воспоминания о большевистском терроре, опубликованные с комментариями Николаевского [843 - Б.Н. К истории «красного террора» // Социалистический вестник. 1959. № 5. С. 99–100.]. Речь шла, в частности, о «красном терроре» в Сормове в 1918 г., о зверской расправе с сотнями ни в чем не повинных людей и о возмущении, которое эта волна террора вызвала у рабочих Сормовского завода. Из известных большевистских руководителей в этих карательных акциях участвовал будущий глава правительства СССР Н.А. Булганин.

Несколько статей Николаевский посвятил сложному клубку взаимоотношений Сталина и Кирова, убитого 1 декабря 1934 г. Но этот сюжет был лишь базой для попытки разобраться во внутренних противоречиях советских вождей в начале 30-х годов, когда Сталин, уже овладевший единоличной властью в партийном и государственном руководстве, постепенно, но неуклонно переходил к физической расправе с теми, кто когда-либо прямо или косвенно выступал против него и его курса (постоянно меняющегося). Формально переставший быть генсеком на XVII партсъезде (должность была тихо ликвидирована) и ставший «просто» одним из секретарей ЦК, Сталин, считал Николаевский, не уменьшил произошедшим своей власти. Важными этапами на этом пути были отклонение Политбюро требования Сталина о применении смертной казни к коммунистам-оппозиционерам (1932 г.), ограничение деятельности местных уполномоченных ОГПУ в деревне (1933 г.), убийство Кирова, устранение Г.Г. Ягоды с поста наркома внутренних дел и назначение на этот пост Н.И. Ежова (1936 г.).

В то же время Николаевский подчеркивал решающую роль внешней агрессии в политике Сталина, который «хотел толкнуть Гитлера на войну против Запада. Вся политика Сталина до нападения Гитлера на Россию была направлена на расширение войны» [844 - Николаевский Б. Сталин и Киров // Социалистический вестник. 1957. № 2–

3. С. 73.]. Именно под этим углом зрения надо изучать причины, по которым Сталин проводил «большую чистку» 1936–1938 гг., считал Николаевский.

Еще в 1951 г. Николаевский выступил с содержательной статьей о деле маршала Тухачевского [845 - Николаевский Б. Тайна дела Тухачевского // На рубеже. 1951. № 1. С. 16–20.], рассматривая арест Тухачевского как сложную и многостороннюю провокацию, являвшуюся частью большой политической операции по подготовке Второй мировой войны. Он обращал внимание на появившуюся незадолго перед этим в Австрии книгу Вальтера Хагена «Тайный фронт» [846 - Hagen W. Die geheime Front: Organisation, Personen und Aktionen der deutschen Geheimdienstes. Linz: Nibelungen-Verlag, 1950.], написанную, видимо, под псевдонимом кем-то из сотрудников нацистских секретных служб. Именно здесь впервые было рассказано о связях гестапо с русским эмигрантом в Париже генералом Скоблиным, который являлся двойным агентом, одновременно работающим на советскую разведку. При этом Москва знала о германских связях Скоблина, а Берлин – о его советских контактах. Именно Скоблин стал распространять в эмигрантской среде слухи о «заговоре Тухачевского», причем делалось это, по убеждению Николаевского, по заданию кураторов из НКВД или Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии.

Меньшевистский проект

С конца 50-х годов Николаевский принимал участие в крупном межуниверситетском исследовательском проекте по истории меньшевистского движения, руководителем которого с 1958 г. являлся профессор Колумбийского и Чикагского университетов Леопольд Хеймсон. Проект щедро спонсировался фондом Форда, а затем и фондом Рокфеллера, что дало возможность развернуть интенсивную исследовательскую работу. Основная работа была осуществлена в 1960–1963 гг. В основе проекта лежала публикация документального и мемуарного материала по истории меньшевизма. Не обошлось без трудностей. Николаевский понимал, что ему отведена второстепенная роль (он не был включен в авторский коллектив), и отказал участникам проекта в доступе к своим бумагам. Сказались и его натянутые отношения с пытавшейся играть первую скрипку Л.О. Дан, а также некоторыми другими ветеранами социал-демократического движения, которые считали Николаевского своего рода ревизионистом, отошедшим от меньшевизма.

Л.О. Дан негодовала. Именно она вместе с Борисом Сапиром необдуманно заверила Хеймсона, что трудностей в работе с коллекцией Николаевского не будет, сообщив, что запросила Николаевского и тот ответил: «Разве я когда-нибудь отказывал вам в чем-то, о чем вы меня просили?!» [847 - МР, box 21, folder 20.] Дальнейшее стало напоминать банальную интригу. В августе 1959 г. Дан писала известному меньшевику Аронсону:

«Вообще, думаю, что Хеймсон преувеличивает значение скандала в американском академ[ическом] мире и степень боязни Бориса Ивановича. Происходит это оттого, что Хеймсон недооценивает степень несвободы Бориса Иван[овича]. Он будет говорить не то, что считает необходимым для спасения своего лица, а то, что Анна Мих[айловна Бургина] будет считать необходимым для спасения ценности (материальной) архива. Это, конечно, мои догадки, и доказать это я не могу, да и не хочу: не мое дело!» [848 - Протоколы Заграничной делегации РСДРП. С. 86–87; Ненароков А.П. В поисках жанра... Кн. 1. С. 266–267.]

На заседании только что образованного Совета Меншевистского проекта в марте 1959 г. выяснилось, что его участникам, особенно американцам, не будет предоставлен свободный доступ к коллекции Николаевского. В связи с этим Хеймсон встретился с Николаевским для обсуждения ситуации. В обмен на доступ Хеймсон предложил Борису Ивановичу участвовать в проекте в качестве советника и члена совета. Борис Иванович отвечал неопределенно; как условие своего участия потребовал, чтобы в центре Нью-Йорка ему была снята большая квартира, в которой часть помещений была бы оборудована в качестве своего рода читального зала [849 - МР, box 21, folder 20.]. Впрочем, мысли его были заняты другим, ибо встреча происходила как раз накануне его отлета в Западную Европу.

Между Хеймсоном и Николаевским началась обширная переписка, вначале весьма осторожная. Это были своего рода дипломатические переговоры, в ходе которых стороны формулировали позиции, выдвигали требования, шли на уступки, вносили коррективы в свои первоначальные условия. Первое письмо Николаевского Хеймсону было отправлено 31 марта 1959 г. Хеймсон предлагал Николаевскому предоставить материалы его участникам и выполнять отдельные задания, что никак не устраивало адресата. О допуске к архиву других лиц в тексте писем Николаевского вообще не упоминалось. В то же время от имени Бургиной сообщалось, что она готова немедленно приступить к составлению библиографии меншевистских изданий с 1917 г., обращая основное внимание на издания, «выходившие подпольно в России при большевиках».

В письме от 1 апреля Николаевский уже давал согласие на участие в проекте, полагая, что, как минимум, он будет автором вступительной статьи и редактором всего проекта. Сборник он планировал выпустить обязательно на русском языке. Английское издание допускалось. Но поскольку для этого объемные тексты сначала нужно было перевести на английский язык, участникам проекта было понятно, что до англоязычных изданий еще далеко. Первичность русского издания объяснялась тем, что многие документы публиковались впервые, и необходимо было сохранить их текстуальную аутентичность. Хронологические рамки издания должны были составлять 1903–1925 гг. «Я много здесь говорил о Вашем проекте, – писал Николаевский, – и прихожу к выводу, что если не будет такого сводного тома, то во всяком случае в русской его части проект не даст ничего цельного» [850 - МР, box 21, folder 20. Вся последующая переписка Николаевского с Хеймсоном находится в той же папке.].

Стороны остались при своем мнении. Из письма Хеймсона от 21 июля 1959 г. видно, что он под разными предлогами фактически отверг предложение о подготовке сборника документов под редакцией Николаевского. Руководитель проекта вежливо, но твердо давал понять, что рассматривает своего корреспондента лишь как советника и «возможного участника проекта», но не как руководящую научно-организационную личность. В то же время Хеймсон продолжал упорно настаивать на допуске к материалам коллекции Николаевского других участников проекта.

В письме от 27 июля 1959 г. Борис Иванович дал понять, что возмущен такой позицией. Он называл Хеймсона «максималистом», ибо тот продолжал настаивать, чтобы все материалы коллекции, включая записные книжки с интервью, которые проводились на протяжении нескольких десятилетий, были предоставлены примерно двум десяткам лиц различной квалификации и интересов, собиравшимся писать на самые разнообразные темы. «Уверены ли Вы, что Вы приняли бы аналогичное предложение, если бы мы

поменялись положением и если б это Вы обладали соответствующими материалами и это [я] к Вам обращался с подобным предложением?» Он разъяснял Хеймсону, что материалы собирались на протяжении длительного времени, сохранены были с огромным трудом и предназначались для исследований их владельца. «Права хозяйничанья в моем архиве я никому не дам», – твердо резюмировал Николаевский, хотя и повторял, что проекту как таковому он сочувствует и готов ему помочь.

В ходе дальнейших переговоров между Хеймсоном, с одной стороны, Николаевским и Бургиной – с другой, поднимались, обсуждались и решались, подчас с большим трудом, иногда в течение некоторого времени без какого бы то ни было прогресса, различные научно-организационные, авторские и чисто материальные вопросы. Однажды Хеймсон привлек к деловой встрече Л.О. Дан, не очень хорошо представляя, что отношения между Дан и Николаевским были, мягко говоря, натянутыми. Сама же Лидия Осиповна с ее взрывным характером явно заботилась об успехе переговоров в самую последнюю очередь. Значительно важнее ей было показать свою твердость.

В присутствии Лидии Дан Борис Иванович заявил, что никаких предыдущих договоренностей не было, что имело место недоразумение, что он не интересуется Меншевицким проектом, ибо ведет переговоры с МИСИ об издании многотомной документальной истории российского социал-демократического движения с 1880-х гг. до 1917 г. Л.О. Дан вспоминала:

«Бор[ис] Иван[ович] срывался несколько раз, пробовал орать, сокращался, пробовал говорить, что не все участники «группы» одинаково квалифицированы, пробовал «пустить слезу», сказав, что он, который работал и собирал всю жизнь, не был введен, приглашен с самого начала, с ним говорили уже тогда, когда «все было решено», но довольно скоро переменял пластинку».

Тот компромисс, который, казалось бы, был достигнут, сама Дан назвала «гнилым» [851 - Boris Sapir Collection, series 4, box 53; Ненароков А.П. В поисках жанра... Кн. 1. С. 268.]. В действительности же никакого соглашения не было. Если исключить негативные эмоции Лидии Осиповны, то все, о чем она писала, – степень квалификации участников проекта, предыдущая многолетняя собирательская работа Николаевского, его изначальное невключение в проект – соответствовало действительности. Николаевского действительно планировали выбросить из Меншевицкого проекта, планируя при этом использовать материалы, которые он собирал всю свою жизнь. Поняв, что дальнейшее участие Л.О. Дан в переговорах может привести к их полному провалу, Хеймсон более не привлекал ее к встречам [852 - Для морально-политического облика Николаевского характерно, что, несмотря на весьма сложные свои взаимоотношения с Ф.И. Даном и его супругой, он посвятил Л.О. Дан две статьи, связанные с ее 80-летним юбилеем (Николаевский Б. Страницы прошлого: К 80-летию Л.О. Цедербаум-Дан. Ст. 1 // Социалистический вестник. 1958. № 6. С. 124–127; Его же. Страницы прошлого: К 80-летию Л.О. Цедербаум-Дан. Ст. 2 // Социалистический вестник. 1958. № 7–8. С. 149–154. Правда, в них говорилось не столько о самой Лидии Осиповне, сколько о ее брате Ю.О. Мартове и других членах семьи Цедербаум. Через некоторое время памяти скончавшейся Лидии Осиповны был посвящен теплый некролог (Н-ский Б. Памяти Л.О. Дан // Социалистический вестник. 1963. № 3–4. С. 59–60).].

В результате осенью 1959 г. между Николаевским и Хеймсоном, как директором проекта, была достигнута договоренность, предусматривающая, что всем участникам проекта будут предоставляться печатные материалы коллекции Николаевского,

резюльции и другие «оформленные документы», в том числе неубликовавшиеся. К документации чисто архивного характера допуск должен был обговариваться в каждом отдельном случае по взаимному согласию. Ссылки на коллекцию Николаевского при использовании были обязательны. Устанавливалась возможность ограничения права цитирования. Документы могли быть использованы исключительно для реализации Меншевицкого проекта. Не допускалось их использование в других работах. Ответственность за выполнение соглашения возлагалась на директора проекта и его участников. Николаевский вводился в состав Совета проекта со всеми правами и полномочиями.

В рамки проекта была включена подготовка Николаевским и Бургиной 10-томной документальной истории российской социал-демократии, причем в издании десятитомника предполагалось спонсорство амстердамского МИСИ. Впрочем, это был весьма длительный перспективный проект, ибо подготовка четырех томов названной документальной серии, охватывающей период с 1908 по январь 1912 г. (до Пражской партийной конференции большевиков), планировалась на 60-е годы – без более точных указаний сроков.

Согласно дополнительной договоренности, все участники проекта получали доступ к опубликованным материалам, хранящимся в коллекции Николаевского. Был определен круг лиц, имеющих право ознакомиться с неопубликованными письмами Ю.О. Мартова, с коллекцией Мартова-Потресова, с письмами П.Б. Аксельрода 1917–1921 гг., с коллекцией писем редколлегии газеты «Искра» 1905 г. Этими лицами были меньшевики Г. Аронсон, Р. Абрамович, Д. Далин, Л. Дан, Г. Денике, Б. Двинов, Л. Ланде, Б. Сапир, С. Шварц, С. Волин. При этом были точно оговорены правила сносок на коллекцию Николаевского. Американцы к архивной документации доступа не получали.

Наконец, еще одно дополнительное соглашение регулировало финансово-гонорарные вопросы. За использование материалов Николаевскому начислялись 4 тысячи долларов, которые предусматривалось выплатить в течение трех лет. Кроме того, предусматривался гонорар за работу в качестве консультанта. Бургиной полагалось выплатить за работу в качестве библиотекаря и библиографа проекта 12 тысяч долларов в течение трех лет [853 - МР, box 21, folder 22.]. Для выплаты гонораров предполагалось использовать средства тех фондов, которые финансировали Меншевицкий проект.

После подписания соглашения имевшиеся трения ушли в прошлое. Николаевский с присущими ему энтузиазмом, поглощенностью и компетентностью включился в работу. Он тщательно подбирал документы для публикации и комментировал их [854 - Протоколы Заграничной делегации РСДРП. С. 87–88.]. Об этом наглядно свидетельствует его переписка с Хеймсоном и заместителем директора проекта американским историком Лэдисом Кристофом, который, как и Хеймсон, владел русским языком и которого называли Владиславом Витольдовичем (в свою очередь Хеймсон в русской переписке и в разговорах значился также по имени и отчеству).

Уже в ноябре 1959 г. Николаевский и Бургина передали в распоряжение Меншевицкого проекта примерно одну тысячу книг, брошюр, газет и других материалов, сохраняя собственность на них и право контроля за их использованием. В Нижнем Гарлеме рядом с юридическим факультетом (Law School) Колумбийского университета, неподалеку от жилья Николаевского (дом номер 417 по West 12 Street), была нанята большая полуподвальная квартира, которая стала, по словам Л. Хеймсона, «неформальной библиотекой первоисточников» и местом частых встреч и жарких

дискуссий участников проекта [855 - *The Making of Three Russian Revolutionaries*. P. 14.].

Из переписки видно, что отношения Николаевского и Хеймсона несравненно улучшились. Они стали не просто тесно сотрудничавшими коллегами, а почти друзьями, откровенно делившимися своими мыслями и соображениями. Когда в 1965 г. Хеймсон, заработавший себе репутацию «ревизиониста», но уже с другой стороны, в просоветском смысле этого слова, стал ездить в Москву для работы в архивах, Николаевский писал ему обширные письма с просьбами и советами. Он просил Хеймсона взять с собой его недавно вышедшую книгу о советской элите для передачи тому «профессору», который «в прошлый раз рассказывал Вам наиболее интересные вещи». (О фамилии этого профессора нам остается только догадываться.) «Конечно, с этим профессором нужно быть максимально бережным: он имел большие неприятности как раз из-за американских гостей, чересчур разговорчивых по натуре».

Отметим сразу же, что Меншевицкий проект не получил научной реализации в той степени, какая была возможна, имея в виду силы и средства, имевшиеся в распоряжении его исполнителей. В основном материалы проекта так и остались в архивах Николаевского и Колумбийского университета. В печати появилось всего несколько книг [856 - *The Making of Three Russian Revolutionaries*; *Меншевики* / Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1988. С. 86–139 (с приложением документов); *Меншевики после Октябрьской революции*; объемная рукопись Николаевского по истории меншевизма хранится как в его коллекции в Гуверовском институте, так и в фонде Меншевицкого проекта Колумбийского университета в Нью-Йорке.].

Николаевский встречался с Хеймсоном для мемуарных бесед 24 раза. Первая беседа состоялась 5 октября 1960 г., заключительная – 19 декабря 1963 г. Стенографическая запись каждой из бесед составляла от одного до двух печатных листов. Иначе говоря, их полный текст мог бы составить книгу объемом в 500–600 страниц. Конечно, речь шла об особом жанре устных воспоминаний, где можно было встретить повторения, отвлечения в сторону, реплики [857 - MP, box 37, folders 9–14, box 38, folders 1–5.]. Хеймсон вспоминал:

«Исключительный объем информации, которую Николаевский накопил в собирании воспоминаний [участников революционного движения] в сочетании с его собственной исключительной силой рассказчика, подчас даже мешали систематической реконструкции его собственного политического пути. Его мысль часто отвлекалась в сторону в результате почти бесконечного процесса ассоциаций с деталями жизнедеятельности различных политических фигур, о которых он упоминал в ходе наших интервью – и я слушал, обычно безмолвно, не желая и не в силах его прервать» [858 - *The Making of the Three Russian Revolutionaries*. P. 21.].

Тем не менее это был исключительно важный источник по истории революционного движения в России, который, кроме отдельных фрагментов, так и остался неопубликованным [859 - Хеймсон включил в свою книгу в сокращенном (подчас произвольно) виде всего лишь шесть интервью, доведенных только до 1905 г. (Ibid. P. 214–292).].

Для Меншевицкого проекта Николаевский представил две работы, освещавшие деятельность меншевиков в 1917 г., – «Меншевики в первые дни революции» и «Меншевики в дни Октябрьского переворота» [860 - *Меншевики*. С. 55–67, 86–139. Вторая работа представляла собой документальную публикацию с предисловием Николаевского.]. Вместе с очерками, написанными в предвоенное время, эти работы

составляли своеобразную монографию объемом около 170 страниц, посвященную истории меньшевистской партии в 1917–1922 гг. Кроме того, Николаевский принимал участие в многочисленных семинарах Меншевистского проекта. Собственно говоря, это не были научные семинары в полном смысле слова, а скорее собрания участников событий, которые делились своими воспоминаниями и соображениями, часто ожесточенно спорили.

Правда, Борис Иванович выступал редко. В данной ситуации он относил себя скорее не к мемуаристам, хотя и мог очень многое рассказать, а к тем, кто критически переосмысливает воспоминания и впечатления. Зато часто звучали его вопросы и реплики, направлявшие мысль ораторов в нужное русло. Когда же он брал слово, то предостерегал против излишне доверчивого отношения к источникам, прежде всего к советским документальным публикациям, даже первых советских лет, где еще не было прямых фальсификаций, но имелись купюры, искажавшие смысл [861 - МР, box 53, folder 13, box 54, folder 8.]. Борис Иванович, кроме того, вместе с Хеймсоном помогал в работе Бургиной, которая сосредоточила внимание на создании обширной библиографии по истории меньшевизма [862 - Ibid, folder 13.]. Эта работа, состоявшая из двух частей (в первой была представлена литература, во второй – газеты и журналы), была выпущена уже после кончины Николаевского Гуверовским институтом войны, революции и мира, в котором в последние годы жизни трудился Борис Николаевич и где продолжала работу его супруга [863 - Bourgina A.M. Russian Social Democracy. The Menshevik Movement: A Bibliography. Stanford: Hoover Institution Press, 1969.].

Сталин как персонаж

Исследовательское внимание Николаевского привлекала не только военная и послевоенная политика, но и личность советского диктатора, в частности появившиеся в прессе сенсационные материалы о том, что Иосиф Джугашвили в начале века сотрудничал с охранными отделениями Департамента полиции Российской империи (употребление термина «охранное отделение» в единственном числе неточно, так как это было название органов, создававшихся на местах и не имевших формального центрального ведомства).

При всем отвращении к тому Сталину, каким он стал после прихода к власти, Николаевский и в этом случае пытался соблюдать объективность ученого. Собственно, сведения о Сталине как агенте охраны сами по себе были сенсационны в основном для зарубежной публики. В кругах российских революционеров еще до 1917 г. ходили слухи о причастности Сталина к царским спецслужбам. Но в Советский Союз слухи о Сталине-провокаторе не проникали, а иностранных читателей тема это в целом не интересовала.< > Тем не менее в зарубежной печати стали появляться не только воспоминания непроверяемой достоверности, но и «письмо 1913 года», якобы посланное заведующим Особым отделом Департамента полиции Российской империи полковником А.М. Ереминым в Енисейское охранное отделение жандармскому капитану А.Ф. Железнякову. Из письма следовало, что Сталин являлся агентом охранного отделения с 1908 по 1912 г. В апреле 1956 г. (то есть вскоре после того, как на Западе стало известно о сенсационном докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачением «культы личности Сталина») «письмо Еремина» опубликовал журнал «Лайф». Автором публикации был американский советолог Исаак Дон Левин, сообщивший, что он получил его от русских эмигрантов

«безупречной репутации». После его перепечатки нью-йоркской газетой «Новое русское слово» в эмиграции разгорелась бурная дискуссия [864 - Известный меньшевик Аронсон решительно, хотя и не прибегая к серьезным научным аргументам, в основном на основании доводов логики, отстаивал мнение о фальшивости письма. Представители консервативной части русской эмиграции, опять-таки в основном эмоционально, указывали на его достоверность. В дискуссию включились американские профессиональные историки и юристы. Один из них, М.К. Тивелл, совершил даже поездку по нескольким странам Европы, чтобы проверить подлинность документа, и пришел к выводу о его подложности. Дело дошло до того, что Тивелл был вызван на допрос сенатской подкомиссией по внутренней безопасности. Последняя на основании нескольких неточностей в его публикациях заподозрила, что деятельность Тивелла носила «заказной» характер, имея в виду, что Тивелл якобы ставил своей целью оправдать Сталина и опровергнуть «секретный» доклад Хрущева на XX съезде КПСС (NC, box 488, folder 12).].

Дон Левин отстаивал мнение о Сталине как агенте царской охранки; другие авторы ставили подлинность документа под сомнение, правда, зачастую с колебаниями. Придерживаясь мнения, что Сталин был связан с охранкой, и соглашаясь в этом с выводами Дон Левина, изложенными в его книге «Величайший секрет Сталина» [865 - Levine Don I. Stalin's Great Secret. New York: Coward – McCann Publishers, 1956.], Николаевский все-таки пришел к твердому убеждению, что само «письмо» было подделкой. 20 апреля 1956 г. он писал известному эмигранту, автору нескольких книг о советской действительности в первые годы большевистской власти Н.В. Валентинову, что теперь «все только и говорят о провокаторстве Сталина» и что ранее Николаевского просили напечатать пресловутое письмо с комментариями, но он отказался, так как документ – поддельный и может только скомпрометировать разоблачение Сталина как провокатора. Через несколько дней, 25 апреля, аргументируя свою позицию, Николаевский писал тому же Валентинову:

«От документа, пущенного в обращение [...] Дон-Левиным, за десять километров несет такой фальшь, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить. Неужели департамент полиции не знал, что нет «Енисейского охранного отделения», а есть «Енисейское губернское жандармское правление»? Ротмистр Железняков действительно существовал, но не был начальником несуществующего Енисейского охранного отделения. В книжечке Москолева «Русское бюро большевистской партии» (изд. 1947 г.) на стр. 149–165 довольно подробно рассказывается, как и кто следил за Сталиным в Туруханском крае. Упоминается и ротмистр Железняков, но не в качестве начальника «Охранки». В донесении полиции говорится побочно о Джугашвили (о Сталине тогда почти никто не слышал), и, конечно, не в том придуманном (глупо!) стиле, в каком составлен документ» [866 - Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 202.].

Имея в виду высокий авторитет Николаевского как историка и источниковеда, сам Дон Левин пытался привлечь его на свою сторону. Он послал Борису Ивановичу оказавшееся в его распоряжении письмо жандармского генерала А.И. Спиридовича, которое, казалось, должно было подтвердить версию о подлинности разоблачительного документа. Ответ Николаевского от 30 апреля 1957 г. был вежливым, но твердым. Николаевский считал, что «по-настоящему нового» в письме Спиридовича «не много. Спиридович все свои жандармские добродетели подробно описал в интересных воспоминаниях [867 - Имелась в виду книга: Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. Тремя с

половиной десятилетиями ранее Николаевский в своей рецензии на другую книгу этого автора не оценивал зарубежное издание мемуаров Спиридовича как «интересное». За тридцать с лишним лет Николаевский стал более объективен.]. Еремина он причисляет под свою гребенку» [868 - Был ли Сталин агентом охраны?: Сб. ст., мат-лов и док-тов / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра. 1999. С. 473–474. В этом сборнике опубликованы многие материалы, в частности из фонда Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (box 488, folder 12, box 800, folder 1). Проявив известную добросовестность, Дон Левин под напором критики и аргументов все-таки вынужден был признать, что у «ереминского документа» может оказаться «сомнительное происхождение» (The New Leader, October 1, 1956).].

Немаловажно отметить, что все те несообразности в «ереминском документе», на которые обратил внимание Николаевский, в наше время полностью подтверждены известным исследователем политического сыска в России З.И. Перегудовой [869 - Был ли Сталин агентом охраны? С. 474–478.] и видным архивистом В.П. Козловым.

Козлов, в частности, пишет: «Политический подтекст дискуссии, конечно, сдерживал продвижение к признанию документа фальсификацией, но он же еще больше оттеняет то обстоятельство, что тяга к истине составляет неотъемлемую черту, присущую человеческому знанию. С позиции «Сталин – агент охраны» конечно же проще объяснить многие события советской истории, но от этого понятнее для всех нас она не станет. Наоборот, она будет упрощена, даже примитивизирована, и в личностях ее персонажей, и в сущности происходивших событий и явлений» [870 - Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. С. 149.].

По всей видимости, именно материалы о Сталине, о его восхождении к власти и борьбе с оппозицией 20-х годов заинтересовали Николаевского при работе с архивными фондами Троцкого.

Архив Троцкого был продан Гарвардскому университету в Бостоне самим Троцким незадолго до его гибели. Позже архив был открыт для всех желающих. Хранился он в Хогтонской библиотеке университета, так называемой библиотеке редких книг и рукописей.

Изначально Николаевский собирался познакомиться с фондом Троцкого еще в 1942 г., то есть в то время, когда архив был еще закрыт для исследователей. Заручившись согласием вдовы Троцкого Натальи Ивановны Седовой на ознакомление с бумагами ее мужа, Николаевский надеялся через профессора Гарвардского университета М.М. Карповича получить еще и необходимый гарвардский допуск [871 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.].

Карпович, однако, разочаровал своего старого знакомого. 21 апреля 1942 г. он написал, что директор Хогтонской библиотеки «с самого начала окружил все это дело какой-то чрезвычайной таинственностью. Ни меня, ни Вернадского [872 - Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – видный русский и американский историк, ученик В.О. Ключевского. В 1920 г. эмигрировал. С 1927 г. работал в Йельском университете (США). Автор многочисленных исследований, в основном по истории средневековой Руси.] он не подпустил к этим бумагам на пушечный выстрел. Правда, это было давно, и тогда он говорил нам, что архив еще не приведен в порядок и что ожидаются дополнительные поступления (после смерти Троцкого). С тех пор обстоятельства могли измениться. Во всяком случае, спрос не беда» [873 - Mikhail Karpovich Collection, box 2.].

«Спрос» не замедлил, но был безрезультатным. Николаевский поблагодарил Карповича

за советы, но в Хогтонскую библиотеку так и не попал.

Новое обращение в Гарвардский университет последовало лишь почти через полтора десятилетия. На этот раз Николаевскому были предоставлены необходимые бумаги периода, предшествовавшего изгнанию Троцкого из СССР (переданная в Гарвардский университет документация 1929–1936 гг. по требованию Троцкого была засекречена на 40 лет). После гибели Троцкого Седова передала в Гарвардский университет документы 1937–1940 гг. на депозитарное хранение, а в 1946 г. подписала договор о продаже и этих бумаг. В 1953 г. она передала Гарвардскому университету большую коллекцию новых материалов [874 - Согласно договору, документы периода изгнания (1929–1940 гг.) находились на закрытом хранении до 1980 г., когда с них был снят гриф и они были предоставлены для использования всем заинтересованным лицам (Harvard University. Houghton Library, bMs Russ 13, Trotsky Archive, Exile Papers Catalogue, part 1. P. 1). 7 января 1980 г. состоялось торжественное открытие секретной секции архивного фонда, включающей примерно 17,5 тыс. документов (Harvard Library Bulletin, 1980, July. P. 291).].

Весьма интересно, что с архивом Троцкого Николаевский работал как раз в 1956 г., то есть вскоре после XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил с докладом, разоблачившим «культ личности Сталина и его последствия». Именно под редакцией и с комментариями Николаевского в США на английском языке был опубликован этот «секретный» доклад, который в СССР читали вслух на собраниях членов КПСС и «беспартийного актива», но не решались опубликовать. Тогда же, по всей видимости с одобрения Хрущева, текст доклада оказался на Западе и способствовал повороту западного общественного мнения в пользу Хрущева и против Сталина и сталинистов [875 - The Crimes of the Stalin Era: Special Report to the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union by Nikita S. Khrushchev. Annotated by Boris I. Nicolaevsky. New York: The New Leader, 1952.].

С конца 40-х годов стало формироваться мнение, что земные дни Сталина подходят к концу. Именно в связи с этим возникла небольшая, но весьма емкая статья Николаевского «Сталин пишет свое завещание» [876 - Народная правда. 1948. № 1. С. 6–9.]. Отмечая, что поступает все больше свидетельств тяжелой болезни коммунистического лидера, Николаевский с полным основанием отмечал особую важность в истории роли Сталина как личности.

Сталин в оценке автора был воплощением «неукротимой жестокости», спянной с «азиатским предательски расчетливым коварством». В годы всемогущества Сталин расширял границы Советской империи и распоряжался жизнями миллионов людей в СССР и за его пределами. Теперь же Сталин стал отстраняться от текущей работы и даже крайне редко появляется на заседаниях Политбюро. Касаясь предстоявшего 70-летия Сталина, Николаевский с известным скепсисом сообщал о слухах, будто советский диктатор пишет некую крупную работу, которая должна составить 17-й том его сочинений и стать своеобразным «завещанием Сталина»:

«Свое завещание Сталин пишет не только на бумаге, он одновременно работает над тем, чтобы вписать его на страницы действительности. Он умеет выжидать и маневрировать, уклоняться от борьбы, когда эта последняя сулит неудачу, но он умеет ставить все на одну карту, если решает, что пришел нужный момент. Угадать заранее, когда такое решение будет им принято, нет никакой возможности. Сталин умеет путать следы. Но по всему, что Сталин теперь делает, ясно, что, по его оценке, сроки последней схватки близятся».

Хотя в этих выводах была некоторая торопливость, в принципе они оказались весьма точными – и в отношении теоретического камуфляжа, который вскоре воплотится в сталинских текстах о языкознании и политической экономии, и в отношении планировавшейся им новой чистки в рядах советской и партийной номенклатуры, и в смысле приближавшейся смерти тирана и неизбежных после нее изменений. Особенно интересовали историка подозрительность и психическое состояние Сталина в разные периоды его жизни. Николаевский полагал, что Сталин, устранявший своих противников разными методами, «не мог не опасаться, что яд будет направлен против него», что в период «чистки» второй половины 30-х годов Сталин не был параноиком, как это утверждали некоторые авторы, а «вел совершенно определенную линию». «Ненормальным его теперь хочет объявить Хрущев, которому выгоднее все свалить на сумасшествие одного человека, чем признать свое соучастие в преступных деяниях банды» [877 - Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 198–201, 203.], – писал Николаевский. В то же время он отдавал должное хитрости и политиканству Сталина – гениального дозировщика (выражение Бухарина), не спешившего в реализации задуманных им решений и бывшего наверняка.

Правда, в дискуссии с Валентиновым Николаевский, отвергая мнение последнего о серьезной психической болезни Сталина, высказывал все же согласие с тем, что в последние годы жизни диктатор «потерял чувство меры и из «гениального дозировщика»... превратился в человека, потерявшего понимание действительности». При этом, однако, высказывалась важная оговорка о том, что нельзя «эти линии протянуть в прошлое для объяснения ежовщины, которая была преступным, но точно рассчитанным и верным (с его точки зрения) дозированным актом уничтожения его противников, которые иначе бы устранили его самого». Проводя далее эту логическую нить, Борис Иванович вновь и вновь опровергал суждения о сумасшествии Сталина во второй половине 30-х годов.

Впрочем, в рассуждениях Николаевского было одно весьма существенное противоречие, которое он так и не смог преодолеть. Он писал, что Сталин вел «политику преступную, но единственную, при которой диктатура могла удержаться. Его действия были определены этой политикой. Он террор вел не по безумию Калигулы, а потому, что сделал его фактором своей активной социологии... Он убил миллионы и, в частности, истребил весь слой старых большевиков, так как понял, что этот слой против его «коммунизма» [878 - Валентинов Н.В. Наследники Ленина. С. 215–219.]. Но если «чистка» была направлена против старых большевиков, зачем было убивать миллионы людей, которые никакого отношения к этой прослойке не имели? Очевидно, кроме истребления реальных или потенциальных противников у Сталина была более широкая задача, которой и объясняется непредсказуемость террора, превращение в его жертв не только партийной, советской, хозяйственной, военной, научной элиты, но и рядовых рабочих, колхозников, служащих. В стране создавалась ситуация, когда каждая семья, каждый человек дрожал, не зная, проснется ли он утром в своей постели или ночью будет взят НКВД. Как раз превращение всего населения СССР в стадо запуганных овец, послушно выполняющих волю диктатора, и являлось целью террора 1936–1938 гг.

Николаевский обдумывал обстоятельства смерти Сталина, склоняясь к выводу, что вождю и учителю помогли умереть. Он писал Суварину через две с половиной недели после смерти Сталина:

«Жизнь всегда требует компенсации и если и дарит таким хорошим подарком, как удар

у Сталина (или удар по Сталину?), то оплачивает на другом. Я все более и более прихожу к выводу, что Сталин умер в результате большой борьбы, которая заполнила первые месяцы этого года и смысл которой состоял в разгроме личного секретариата Сталина блоком Маленкова с Берией» [879 - Suvarine Collection, folder 1.].

В другом письме, вскоре после этого, говорилось: «Похоже, что Сталину помогли умереть и что на этой почве теперь начинается борьба» [880 - NC, box 207, folder 16.].

«Товарищ Томас» и Коминтерн

В творчестве Николаевского американского периода значительное место занимала история международного коммунистического движения, особенно на ранних этапах его развития. В ряде публикаций он доказывал, что с самого начала Коммунистический интернационал создавался как орудие внешней политики большевистского государства, что зарубежные компартии, в той или иной степени выражая настроения части индустриальных рабочих и особенно деклассированных элементов капиталистических стран, колониальных территорий и полуколоний, в то же время цинично и недвусмысленно направлялись в своей деятельности кремлевскими владыками, использовавшими прежде всего такой мощный, почти никогда не подводивший стимул, как обильные денежные вливания.

Исключительно важное значение в этом смысле имела публикация Николаевским рассказов «товарища Томаса», зарубежного агента Коминтерна, с которым автору удалось встретиться в мае 1935 г. Встреча состоялась в Праге, куда Николаевский поехал из Парижа по делам, касавшимся подпольной работы социал-демократов в гитлеровской Германии (руководство СДПГ создало в столице Чехословакии свой внешний центр связи со страной). Кто-то из сотрудников этого центра сообщил Борису Ивановичу, что в городе находился некий «товарищ Томас», недавно вырвавшийся из Германии и желавший с ним встретиться. Встреча состоялась 20 мая 1935 г. Томас собрал большую библиотеку по истории Коминтерна и революционного движения в разных странах, собственную переписку, а также документы Ленина, Троцкого, Зиновьева и других большевистских деятелей. Зная (видимо, со слов эмигрантов из Германии), что именно Николаевский организовал в 1933 г. вывоз из Берлина архива германской социал-демократии, и, очевидно, переоценивая его связи и влияние, Томас во время встречи спросил Николаевского, нет ли у того возможности «на любых условиях» вывезти его архив.

Как писал Николаевский, он был вынужден разочаровать своего собеседника. «Я был готов сделать шаги для выяснения обстановки, – но шансов на успех не видел» [881 - Николаевский Б. На заре Коминтерна: Рассказ «товарища Томаса» // Социалистический вестник. 1964. № 1. С. 124–125. Тут же Николаевский рассказывал, что архив Томаса погиб в годы войны. Уцелела лишь «не самая ценная» часть библиотеки, которая, по завещанию Томаса, была передана одному из американских университетов (какому именно, автор не сообщал).], тем более что мало было времени. В распоряжении новых знакомых было всего двое суток. На третий день Николаевский должен был возвращаться в Париж. Тем не менее два вечера в Праге он посвятил расспросам «товарища Томаса», который рассказывал о своей жизни «без необходимой последовательности», а Николаевский записывал эти воспоминания, которые, правда, не были «доведены до конца». Через много лет Николаевский сокрушался: «До сих пор не могу себе простить, что не задержался в

Праге еще на несколько дней для доведения их до конца». Записи первого вечера историк переписал начисто и во второй вечер прочитал их Томасу, который все одобрил, сделал дополнения и уточнения.

Память у «товарища Томаса» была цепкая. Он был практиком, но практиком «широкого размаха», видевшим связь частного с общим. Рассказы в основном касались деятельности центральных органов Коминтерна, их связей с отдельными партиями и личной роли Ленина. Николаевский полагал, что Томас был откровенен, естественно, в тех пределах, в каких мог быть откровенен коммунист, стремившийся оправдать всю свою прошлую деятельность. Но один момент, по мнению историка, Томас тщательно скрывал. «В беседе со мной он был, – я полагаю, – полностью откровенен во всем, что касалось политической деятельности и ЦК РКП(б), и Коминтерна, – но он полностью умалчивал о своей причастности к сложной и азартной игре немецких и советских реваншистов»², – вспоминал Николаевский.

По национальности Томас был евреем. Как коммунист и еврей, он был очевидной потенциальной жертвой нацистского режима. Но «кто-то» в Германии (кто именно, Томас не говорил) дал ему гарантию безопасности. Было ясно, что гарантия исходила от лица или лиц, занимавших весьма высокие посты в нацистской партии. Томас не планировал уезжать из Германии. Но он весьма встревожился и стремительно выбрался из страны после «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда Гитлер расправился с внутренней оппозицией в собственной партии, возглавляемой начальником штурмовиков Эрнстом Ремом. Николаевский высказал предположение, что именно из кругов Рема исходила гарантия, потерявшая силу после июньской расправы. Стало быть, судьба Томаса была связана, по убеждению Бориса Ивановича, с тайными пружинами советско-нацистских отношений.

До опубликования рассказа Томаса почти через тридцать лет Николаевский не знал и не пытался узнать его настоящее имя. Свое предисловие к сделанной им записи он завершал следующими словами: «К сожалению, выяснить этот вопрос с необходимой точностью не удалось, – а в этих условиях, по моему мнению, прямое признание вопроса нерешенным лучше, чем решение, которое не может быть бесспорно доказано. Важно одно: крестным отцом «тов. Томаса», который снарядил его на коммунистическую работу в Европе, вручив ему чемоданчик с бриллиантами и другими драгоценными камнями, был – по прямому поручению Ленина – Фюрстенберг-Ганецкий» [882 - Николаевский Б. На заре Коминтерна: Рассказ «товарища Томаса» // Социалистический вестник. 1964. № 1. С. 127. Ганецкий Якуб (настоящая фамилия Фюрстенберг, 1879–1937) – деятель польского и российского социал-демократического движения, с 1907 г. член ЦК РСДРП. Во время Первой мировой войны участвовал совместно с Александром Парвусом (Гельфандом) и по его поручению в переговорах с германским правительством о финансировании большевиков как подрывной силы в России. Являлся доверенным лицом Ленина по тайным зарубежным финансовым операциям. В 1918 г. был членом Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) и в этом качестве продолжал тайные денежные дела. Затем управляющий Народным банком и член коллегии наркомата финансов РСФСР. После этого занимал второстепенные должности. Арестован и расстрелян во время «большого террора»].

Вслед за этим шел рассказ самого Томаса [883 - Там же. С. 128–144; № 2. С. 82–92.] с детальными примечаниями Николаевского – ценнейшие мемуары о рождении международной коммунистической организации, о ее деятелях, об их столкновениях и конфликтах, о встречах с Лениным и, главное, о ленинском задании «ставить работу

Коминтерна на Западе – и прежде всего в Германии». Ленин проинструктировал Томаса: «Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, – и вообще делайте что покажет обстановка. Только делайте!» К сожалению, рассказ был доведен только до 1921 г., зато по истории Коминтерна в этот период сообщались ценнейшие факты.

Лишь через много лет благодаря литературе о тайных советских зарубежных подрывных акциях стало известно имя «товарища Томаса». Им был Яков Самуилович Рейх – уроженец Львова (в Австро-Венгрии – город Лемберг), который учился в Берне и там, в Швейцарии, познакомился с Лениным и вошел к нему в доверие. Под кличкой Томас Рейх возглавил Западноевропейский секретариат Коминтерна в Берлине, создал широкую разведывательную сеть, установил надежную связь с Москвой и распределял щедрые советские денежные и иные материальные фонды среди западноевропейских коммунистов. Ему удалось даже нанять два самолета и пароход для отправки с фиктивными паспортами зарубежных делегатов в Москву, на II конгресс Коминтерна летом 1920 г. [884 - Andrew Ch., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York: Harper & Collins Publishers, 1990. P. 67–70.]

В последние годы в литературе появились сведения и о весьма неблагоприятных деяниях Рейха, о чем, разумеется, он Николаевскому не рассказывал. Выяснилось, например, что этот «беспартийный коммунист» (Томаса никто в партию не принимал) не просто хранил деньги на своей квартире в чемоданах, сумках, шкафах или на книжных полках, но присвоил себе в 1922 г. около 9 миллионов золотых марок. Правда, вынужденный приехать в Москву, он смог найти благовидные предлоги «исчезновения» огромной суммы и был вновь выпущен за границу, в тот же Берлин, но только на пропагандистскую работу, без права распоряжаться финансами [885 - Пятницкий В. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 252–253, 261–262.]. Разочарование Рейха в коммунизме (или, скорее, отказ от лицемерного следования коммунистическим утопиям) началось только после установления в Германии нацистской диктатуры. Оказавшись еще до начала Второй мировой войны в США, он прожил остаток своей жизни в тихом комфорте и полном материальном благополучии – на «сэкономленные» коминтерновские, то есть советское, деньги; и умер в 1956 г., пережив всех коммунистических лидеров, на которых работал.

Биографии врагов

С особым интересом и вниманием Борис Иванович вплотную занялся биографистикой. Он отлично понимал и реализовывал это понимание в своем творчестве, что история не анонимна, что она развивается в причудливом сочетании общих закономерностей всемирно-исторического процесса, этнических, экономических, географических, религиозных и иных особенностей отдельных регионов и стран в совокупности с деятельностью живых людей. А люди эти наделены сугубо индивидуальными свойствами – уровнем образованности, степенью честности и порядочности, умом или глупостью, хитростью или простодушием. Николаевский исходил из того, что игнорировать «личностный фактор» в истории означало бы до крайности упрощать исторический процесс, выхолащивать его, превращать в абстрактную мертвую схему.

Многочисленные созданные им биографические работы в основном были посвящены лицам, стоявшим в его понимании на противоположных полюсах современной истории.

Хотя автор всячески стремился в своих оценках быть объективным и предельно сдержанным, он никак не мог отрешиться от убеждения, что исследует тех, кого можно причислить либо к его политическим и личным врагам, либо к его друзьям. Он написал содержательные очерки о ряде коммунистических правителей – Сталине, Хрущеве, Булганине, Маленкове, Сулове, маршале Коневе... Если Сталин, Хрущев и Булганин привлекали его внимание в рамках текущих политологических поисков, то остальных он считал важными с точки зрения перспектив развития и тенденций советского тоталитаризма. Иначе говоря, здесь политология теснейшим образом смыкалась и с историей, и с политическими прогнозами.

Особо серьезно Николаевский в начале 50-х годов занялся личностью Маленкова, в котором видел наиболее вероятного преемника Сталина на посту коммунистического вождя. Маленков был сравнительно молод, и Борис Иванович предполагал, что после Сталина (про которого книга у него так и не сложилась) Маленков будет править в СССР достаточно долго, и про него-то как раз и удастся написать толстый труд.

Заявка темы началась с небольшой статьи Николаевского о политическом формировании Георгия Маленкова до 1925 г. [886 - Б.Н. Начало карьеры Маленкова // На рубеже. 1952. № 5. С. 20–21.] Затем был составлен план книги. 8 мая 1952 г. Николаевский писал Алданову, что удалось найти сведения о детстве Маленкова. Был обнаружен человек, который в 1912–1913 гг. учился с ним в одном классе гимназии и даже сидел за одной партией, знал его отца. По мнению Николаевского, его корреспондентом был серьезный человек, который рассказал важные подробности, «но многого все же не хватает, а главное, надо многое проверить по намеченному плану», – говорилось в письме [887 - Mark Aldanov Collection, box 6.].

Николаевскому удалось собрать значительные материалы по основным этапам карьерного роста и политической деятельности Маленкова [888 - НС, box 516, folders 34, 35, box 796, folders 2–5.], чью жизнь он стремился рассматривать на фоне поворотов социально-политической истории СССР. К моменту, когда повествование было доведено до 1948 г., рукопись насчитывала 130 страниц книжного текста [889 - Николаевский Б.И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 93–230.].

Николаевский показал, что советские заявления о рабочем происхождении Маленкова не соответствуют действительности, что его отец был не просто зажиточным крестьянином, а кулаком в дореволюционном понимании этого слова, то есть скупщиком, «обирающим целую округу» [890 - Там же. С. 95.].

Именно из отцовского дома будущий партийный чиновник принес грубость и жестокость, которые он затем развил и приумножил. Автор отмечал способности молодого человека, его хорошую память, усидчивость, умение заниматься, что сделало его одним из лучших учеников своего класса оренбургской мужской гимназии. Ни к революционному движению, ни к политике вообще Маленков интереса не проявлял. Окончив гимназию в 1919 г., он не получил золотой медали, на которую рассчитывал, только по причине крайне неопределенного, смутного времени.

Однако в конце 1919 г. герой книги Николаевского резко изменился. Он вступил в Красную армию, причем сделал это после того, как военные действия в районе Оренбурга завершились победой красных; стал политработником эскадрона. Позже служил в Туркестане, где с помощью жестоких методов устанавливал и укреплял большевистскую власть. В 1922 г., умело скрыв свое «кулацкое» происхождение, Маленков поступил на

рабфак одного из лучших вузов страны – Московского высшего технического училища, становившегося главным поставщиком квалифицированной технической молодежи для индустриализации СССР. ЦК РКП(б) и ОГПУ обращали особое внимание на этот вуз, студенты которого вели себя относительно независимо и даже участвовали в разного рода оппозициях. «Именно здесь особенно широкое развитие получила система подкупов коммунистами отдельных студентов, причем подкупали не только стипендиями, но и местами в общежитиях, возможностью работать в лабораториях, правом на льготное получение учебников, в которых тогда была острая нужда, и т. д.» [891 - Николаевский Б.И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 123.], – писал Николаевский.

Маленков обеспечил себе стартовую площадку не только послушностью и активностью. Подобных лиц в его среде было немало. Он женился на коренной москвичке, женщине старше его, имевшей широкие связи в партийных кругах Москвы и по совместительству работавшей в секретариате ЦК РКП(б). Жена Маленкова – Валерия Алексеевна Голубцова – подчинялась непосредственно секретарю ЦК В.М. Молотову и составляла для секретариата обзоры о положении парторганизаций в провинции. Так Маленков обзавелся не только женой и отдельной комнатой, но и надежными партийными связями, что дало ему возможность стать уже в 1924 г. секретарем вузовской ячейки партии и не только благополучно выдержать партчистку, но и заработать политический капитал «принципиальностью» при «вычищении» из партии других и при создании вокруг себя группы лично преданных ему студентов технических вузов, которые были затем вознаграждены быстрым карьерным взлетом, в основном по хозяйственной лестнице. Среди этих приятелей были будущий нарком танковой промышленности и руководитель ряда других наркоматов и министерств, заместитель председателя Совнаркома СССР В.А. Малышев, министр электростанций и электроэнергетики, а затем первый заместитель председателя Совета министров СССР М.Г. Первухин, министр машиностроения и председатель Госплана, а позже первый заместитель председателя Совета министров СССР М.З. Сабуров.

Надо сказать, что Николаевский при изложении биографии Маленкова часто отвлекался. Он, например, подробно рассмотрел, как происходила борьба Сталина за власть в партии и стране, какова была роль его личного секретариата, какой характер носили конфликты генсека с объединенной оппозицией, которая в 1926 г. сплотилась вокруг Троцкого. Именно в это время, в середине 20-х годов, Маленков был привлечен к работе в Учетно-распределительный отдел ЦК, за которым стоял личный секретариат Сталина. Именно Маленков постепенно выдвинулся в качестве главного «чистильщика» партийных кадров, дослужившись в 1939 г., после XVIII партсъезда, до начальника Управления кадров ЦК ВКП(б). Иными словами, Маленков был вознесен на самые вершины власти во время «большого террора» и в связи с ним, став правой рукой Сталина, возглавив тот аппарат, который пронизывал партию и командовал ею. «Им был подобран строго проверенный личный состав этого аппарата, который он умел крепко держать в руках», – писал Николаевский, в распоряжении которого были свидетельства людей, не раз бывавших в управлении Маленкова:

«Комнаты, сплошь занятые стальными шкапами с миллионами карточек разных цветов и в разных комбинациях, с пометками разными чернилами, с условными значками, со ссылками на разные документы, хранящиеся особо, в секретных и весьма секретных сейфах; специально подобранные, особо проверенные и особо вымуштрованные

служащие, сортирующие новые данные и разносящие их по карточкам, внося дополнения и поправки – так выглядит картотека» [892 - Николаевский Б.И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 201.].

В годы войны Маленков, ставший ближайшим помощником Сталина по Государственному Комитету Оборона, получал особо ответственные поручения. Николаевский отмечал, в частности, его командировку в Ленинград в сентябре 1941 г., когда тот помог Г.К. Жукову мерами жесточайшего террора остановить развал фронта. После короткого периода конкуренции с А.А. Ждановым, прерванной смертью последнего в 1948 г. [893 - Там же. С. 222.], руль большой политики снова находится в руках одного Маленкова, ставшего организатором новой чистки, в ходе которой фактически сменено было все партруководство. Впрочем, эта чистка не сопровождалась массовыми казнями, как это имело место в 1936–1938 гг. Установив, что Маленков, ставший председателем Совета Министров СССР после смерти Сталина и намеревавшийся стать новым первым секретарем партии, вскоре лишился реальной власти, уступив ее Хрущеву, Николаевский потерял к Маленкову интерес, так и не завершив книгу. Зато его внимание привлек политический путь человека, который после расправы с Берией стал руководителем идеологических аппаратов ЦК КПСС, – М.А. Сулова [894 - Николаевский Б. М.А. Сулов: Биографическая справка // Социалистический вестник. 1961. № 1. С. 17–18.].

Взявшись анализировать его путь и уже написав о нем две статьи, Николаевский обнаружил, что Сулов ему скучен. «Выросший в партийных идеологических застенках, признанный партийный теоретик», Сулов возвысился, по мнению Николаевского, не потому, что имел «какие-то свои теории», а потому, что специализировался «на подстригании чужих теорий под секретарскую гребенку... В основе всех его рассуждений – элементарная подтасовка понятий... Сулов был и остался «поскребышем», пережившим поскребышевский период» [895 - Николаевский Б. М.А. Сулов: Опыт биографической справки // Социалистический вестник. 1960. № 11. С. 206–209; Его же. М.А. Сулов: Биографическая справка // Социалистический вестник. 1961. № 1. С. 17–18.]. Николаевский имел в виду сталинского секретаря А.Н. Поскребышева. Карьерное возвышение Сулова – «партийного чекиста», сотрудника Центральной контрольной комиссии ВКП(б), а затем партруководителя на периферии – происходило на фоне повальных арестов и расстрелов обкомовских руководителей. Сулов являлся организатором массовых расстрелов, высылки и принудительной коллективизации в Литве после ее присоединения к СССР в 1940 г. А вот дальше ничего интересного и исторически значимого в облике Сулова Николаевский не обнаружил. Так что и к Сулову, как ранее к Маленкову, автор быстро охладел.

От Сулова Николаевский перекинулся на маршала И.С. Конева [896 - Николаевский Б. Маршал И.С. Конев: Опыт биографической справки // Социалистический вестник. 1961. № 8–9. С. 151–156.]. Статья о нем появилась в 1961 г. не случайно. В августе 1961 г. Конев был назначен командующим советскими вооруженными силами, размещенными в Восточной Германии. Этот маршал рассматривался не просто как военный, а как военный политик.

Николаевский попытался воспроизвести жизненный путь Конева главным образом по собранным им неопубликованным рассказам людей, лично встречавшихся или случивших под его началом. Выяснялось, что у Конева была довольно извилистая

биография. 17-летним пареньком, по окончании сельской школы, он отправился на заработки в Архангельск, где примкнул к эсерам, а в 1917 г. стал левым эсером. После разгрома левых эсеров в июле 1918 г. Конев перешел на сторону большевиков. Годы Гражданской войны он, теперь уже большевик, провел на фронтах в качестве комиссара и чекиста. Хотя сам был из крестьян, то есть был сыном крестьянина, «выделялся старательным участием в подавлении крестьянских восстаний» [897 - Николаевский Б. Маршал И.С. Конев: Опыт биографической справки // Социалистический вестник. 1961. № 8–9. С. 153.].

После Гражданской войны Конев то ли являлся слушателем Военно-политической академии им. Толмачева (позже она стала Академией им. Ленина), то ли пытался в нее попасть. Однако кадры этой академии находились под некоторым влиянием Троцкого. Конев же оказался в числе противников троцкизма и прочих критиков режима. В связи с этим его взаимоотношения с военно-политическими коллегами не складывались, и он решил уйти в строевые командиры, последовав призыву военного наркома М.В. Фрунзе к «красным академикам» отправиться в строевые войска.

Окончив курс командного состава Академии им. Фрунзе и дослужившись после этого всего лишь до командира полка, Конев в 1934 г. вновь появился в той же самой академии в качестве слушателя и на этот раз окончил Особый факультет, готовивший руководителей разведывательно-охранной службы. Тот факт, что бывший эсер смог не только пережить террор в армии в 1936–1938 гг., но и сделать карьеру, став в 1939 г. командармом 2-го ранга, говорит о многом. «Будущий биограф Конева по документам выяснит, какие именно нити протягивались между ним и организаторами «ежовщины» [898 - Там же.], – писал Николаевский. Впрочем, до настоящего времени ни одной объективной биографии маршала Конева не опубликовано [899 - Единственная книга о маршале Коневе: Португалов Р. Мастер окружений. М.: Яуза, 2007 – апологетическийopus, посвященный только периоду Второй мировой войны.].

Мало касаясь службы Конева в годы Второй мировой войны, Николаевский обратил внимание на жгучую ненависть своего персонажа к маршалу Жукову. Опытный интриган Сталин с успехом использовал этот порок Конева против Жукова, когда Жуков впал в опалу. В последний период жизни Сталина, когда после начавшегося конфликта с Тито Сталин стал рассматривать возможность нападения на Югославию, Конев был назначен командующим войсками Закарпатского военного округа, то есть теми армиями, которые могли бы нанести удар по режиму Тито, объявленного в СССР сначала ревизионистом, затем троцкистом и в конечном итоге фашистом.

После смерти Сталина Конев стал одним из ближайших сотрудников Хрущева. Именно он контролировал действия Жукова, а затем подготовил его падение [900 - Об этом подробно рассказано в статье одного из авторов данной книги: Чернявский Г. Падение «Никитиноносителя»: Политический расстрел маршала Жукова // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 328–341.]. В то же время Конев второй половины 50-х и начала 60-х годов – это представитель консервативной когорты партии, препятствовавшей реабилитации репрессированных военных. Именно благодаря этим репрессиям молодые командиры типа Конева смогли за короткий срок достичь маршальских высот. Признать, что занимал все эти годы места невинно убиенных, сталинский генералитет не собирался.

Прямым предостережением звучали заключительные слова статьи Николаевского, что появление Конева во главе советских войск, осаждавших Западный Берлин и

оккупирующей Восточную Германию, – «важный барометр политических отношений между советской армией и верхушкой диктатуры» [901 - Социалистический вестник. 1961. № 8–9. С. 156.], так как именно Конев решительно возражал и против приостановки ядерных испытаний, и против сокращения численности советской армии, то есть вторгался в сферу политических решений советского правительства.

Биографии друзей

При всей важности работ, посвященных советским деятелям, несравненно большее внимание и, разумеется, симпатию Николаевского привлекали образы его друзей, единомышленников и соратников, а подчас и соперников – И.Г. Церетели, Ю.О. Мартова, Л.О. Дан, В.С. Войтинского, Г.И. Уратадзе, П.А. Гарви, Ю.П. Денике и многих других социал-демократов, а также деятелей политически Николаевскому чуждых, однако отнюдь не враждебных: лидера партии эсеров В.М. Чернова, известного легального марксиста, а затем либерального политика П.Б. Струве. Биографический труд Николаевского о Церетели был опубликован в шести номерах «Социалистического вестника» [902 - Николаевский Б. И.Г. Церетели. (Страницы биографии) // Социалистический вестник. 1959. № 6. С. 119–122, 141–143. № 8–9. С. 159–164; № 10. С. 196–200; № 11. С. 219–223; № 12. С. 243–245; 1960. № 2–3. С. 49–52.]. Николаевский подчеркивал, что понять биографию видного социал-демократа возможно только в том случае, если учитывать не только его принадлежность к определенному общественно-политическому направлению, но и к грузинскому народу, который в царской России не только был угнетенным национальным меньшинством, но и являлся носителем старинной и устойчивой культурной традиции. «С раннего детства» Церетели «подвергался воздействию двух больших культур, – грузинской и русской, – и процесс самоопределения политического для него переплетался с поисками решения проблемы отношений межнациональных» [903 - Социалистический вестник. 1959. № 6. С. 119.].

Николаевский тщательно прослеживал семейные отношения Ираклия, взаимопонимание и разногласия с отцом – активным грузинским национальным деятелем, исключительное значение для Церетели грузинской и русской художественной литературы. В период недолгого пребывания в 1900–1902 гг. в Московском университете, где он обучался на юридическом факультете, Ираклий быстро выдвинулся в качестве одного из руководителей студенческих беспорядков против отправки студентов в солдаты, за что и был осужден на свою первую ссылку.

В Иркутске, куда был выдворен непокорный студент, он присоединился к социал-демократам, к той группе, которая позже, в 1903 г., поддержит Мартова и других меньшевиков. «Свое право на звание «меньшевика до меньшевизма» Церетели основывал на своих выступлениях в Иркутске против «Что делать» Ленина», – писал Николаевский. Церетели не устраивало то полувоенное построение партии и отказ от выборного начала, которые проповедовал Ленин. Против течения идти было нелегко, ибо почти все иркутские ссыльные поддержали ленинский организационный план.

В Тифлисе после возвращения из ссылки Церетели стал работать в составе Кавказского союза РСДРП, в частности в качестве редактора еженедельника «Квали» («Борозда»), в котором он писал почти все передовые статьи. В связи с опасностью ареста в 1904 г. Церетели впервые эмигрировал и вернулся на Кавказ через полтора года во время первой

российской революции, но не в связи с нею, а в результате тяжелой болезни.

Предполагавшегося туберкулеза не нашли, оказалась какая-то редкая форма гемофилии. С трудом преодолев наиболее острую стадию заболевания, Церетели принял активное участие в кампании по выборам во II Государственную думу, причем выдвинулся в самый центр предвыборной борьбы. Результаты выборов оказались для Грузии потрясающими. Большевики провели большую группу депутатов, за которых, по оценке Николаевского, голосовали не только рабочие, но и мелкие землевладельцы. Грузинские большевики стали «национальной партией демократических слоев грузинского народа» [904 - Социалистический вестник. 1959. № 8–9. С. 164.].

Анализ Николаевским работы Церетели в Госдуме относится к наиболее ярким и захватывающим страницам жизнеописания. Для него были использованы как сама думская документация (стенографические отчеты с сопутствующими дополнительными материалами), так и разнообразные социал-демократические источники, а также устные рассказы самого Церетели [905 - Там же. № 10. С. 197.]. Сплоченная семерка депутатов-грузин стала играть важную роль в жизни социал-демократической фракции. По ее предложению Церетели был избран председателем фракции. Одно за другим пошли его страстные выступления с трибуны этого полупарламента, основной идеей которых были протесты против действий правительства П.А. Столыгина.

Первое же выступление Церетели способствовало развертыванию оживленных дебатов, которые поставили социал-демократическую фракцию в центр общественного внимания, хотя против социал-демократов выступили как праволиберальные депутаты (кадеты и октябристы), так и трудовики, которые призывали социал-демократов не нарушать единого фронта. Церетели позже вспоминал: «Помню, обратно мы шли большой группой в приподнятом настроении. Наши все были удовлетворены, – но в то же время и встревожены: мы шли против всех, и если в Думе окажемся не на высоте, то все будут против нас» [906 - Социалистический вестник. 1959. № 10. С. 199.].

Николаевский завершил свою работу повествованием об участии Церетели в V съезде РСДРП в Лондоне в 1907 г., о контактах с другими делегатами, в частности с Г.В. Плехановым, отношения с которым развивались далеко не однозначно в силу плехановского курса, который в это время имел своим вектором «принятие решительных мер» против большевиков и против «размагничности» меньшевиков. Да и сам Церетели не мог преодолеть своего старого критического отношения к Плеханову, которого он упрекал в недооценке роли крестьянства в революционном процессе.

Работа Николаевского о Церетели выглядела оборванной. Как раз в это время вместе с Бургиной Николаевский начал готовить к печати мемуары Церетели о Февральской революции 1917 г. Незадолго до выхода в свет этого объемистого двухтомника появилась статья Николаевского, в которой давалась оценка воспоминаний Церетели как исторического источника в сопоставлении с рядом других мемуарных книг, выпущенных в СССР и за рубежом [907 - Николаевский Б. И.Г. Церетели и его воспоминания о 1917 годе // Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 110–114; № 9–10. С. 132–135.].

С одной стороны, исключительное значение этих мемуаров (отрывки из них печатал «Социалистический вестник») обосновывались тем, что Церетели в течение всего «февральского периода» был общепризнанным лидером Петроградского совета и ВЦИКа, входил во Временное правительство и даже одно время (непосредственно после отставки министра-председателя Г.Е. Львова) являлся его фактическим руководителем. Важность

источника определялась и тем, что Церетели обладал точной памятью, которая хранила «поистине неисчерпаемые запасы всевозможных подробностей о лицах, встречах, доверительных частных беседах, личных впечатлениях» [908 - Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 110.].

С другой стороны, ценность и необходимость воспоминаний Церетели обосновывалась плохим состоянием документальной базы для изучения «февральского периода» русской революции 1917 г. и особенно истории Советов, ограниченным характером имеющейся мемуарной литературы, вышедшей в основном из большевистской среды (Л.Д. Троцкий, А.Г. Шляпников), но, впрочем, и из кругов социал-демократов (В.С. Войтинский, В.Б. Станкевич, Н.Н. Суханов). Малоизученным вопросом оказалось отношение Церетели к проблеме соглашения с большевиками в 1917–1918 гг. «Попытки изобразить Церетели как деятеля, который с самого начала революции был одержим злостными антибольшевистскими настроениями, совершенно неправильны, – считал Николаевский. – Вначале он был убежденным сторонником такого соглашения. Но, действительно, ему на своем опыте пришлось убедиться, что ни о каком сговоре с Лениным не могло быть и речи, что Ленин в действительности стремится установить в Советах диктатуру своей небольшой группы и для этого не останавливается перед самыми низкопробными интригами» [909 - Там же. № 9–10. С. 136. К сожалению, продолжить работу над жизнеописанием Церетели Николаевскому не довелось. На английском языке имеется квалифицированно выполненная биографическая работа, хотя и несколько устаревшая, имея в виду открывшиеся в последние 20 лет возможности использования новых документов (Roobol W.H. Tsereteli: A Democrat in the Russian Revolution. A Political Biography. The Hague: Nijhof, 1976). Материалы о Церетели см. также в сб.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 278–342.].

Тема соглашения с большевиками рассматривалась Николаевским в очерке о другом известном меньшевике – Мартове. Хотя политически Николаевский далеко отошел от «левоинтернационалистской» позиции этого «Гамлета русской революции», он с очевидной симпатией передал эпизод, происшедший с Мартовым в октябре 1917 г. на II съезде Советов, в котором к тому же и сам оказался пассивным участником:

«В переполненном зале было шумно, и, несмотря на призыв к тишине, глухой голос больного Мартова (у него уже начался туберкулезный процесс в горле) был почти не слышен даже первым рядам. Неожиданно в зал ворвался гул далекого пушечного выстрела. Все поняли: начался решительный штурм. И в наступившей тишине донеслись срывающиеся слова Мартова: «Это похороны единства рабочего класса. Мы участвовать не будем».

Когда Мартов выходил из зала (Николаевский шел рядом с ним, и этот эпизод глубоко отпечатался в его памяти), большевик Иван Акулов бросил упрек: «А мы меж собой думали: кто-кто, а Мартов останется с нами». Мартов ответил: «Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении соучаствуете» и устало вышел, махнув рукой [910 - Николаевский Б. Страница прошлого // Социалистический вестник. 1958. № 7–8. С. 150.]. (Вспоминал ли об этом разговоре Акулов – секретарь ЦК компартии Украины, прокурор СССР – перед расстрелом в 1939 году?)

Из многих биографических очерков, посвященных однопартийцам и соратникам, выделялся труд «П.А. Гарви в России». Он предварял сборник воспоминаний этого видного социал-демократа и сочетал в себе черты научного анализа, мемуаров, размышлений и о недавно скончавшемся близком человеке, и о судьбах российского

меньшевизма в целом [911 - Николаевский Б.И. П.П. Гарви в России // Гарви П.И. Воспоминания социал-демократа: Статьи о жизни и деятельности П.А. Гарви. Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П.А. Гарви, 1946. С. XII–XLI.]. Весьма печально и в то же время трезво, правдиво звучало начало этого очерка:

«Часто, слишком часто стали «открываться» кладбища Нью-Йорка, чтобы «принимать гроба» с останками последних могилан русской социалистической эмиграции... Их уже немного осталось в «странах рассеяния», – как, впрочем, совсем немного осталось и в далекой России представителей того поколения, которое вошло в жизнь «на рубеже двух столетий» и в горделивой самонадеянности взвалило на свои плечи тяжелый груз двух революций! Так немного, что каждый раз, когда у нового гроба бросаешь взгляд на пройденный путь, на память приходят старые слова: о страшном звере, который поедает своих собственных детей... Тем острее воспринимается каждая новая потеря!»

И далее следовал не только человеческий, но и политический портрет Гарви, скончавшегося всего лишь в 63 года в результате тяжелой болезни сердца, надорванного многими годами деятельности «группы интеллигентов-практиков, которая тащила меньшевистскую телегу с первых лет возникновения партии» [912 - Николаевский Б.И. П.П. Гарви в России. С. XIII.].

В 1917 г. и в первые годы большевистской власти Николаевский и Гарви принадлежали к различным течениям меньшевизма. Гарви был на правом крыле в том смысле, что после февраля 1917 г. выступал за осторожное и постепенное реформирование общества, а после Октябрьского переворота отвергал любые компромиссы с режимом. Николаевский же находился в политическом и тактическом центре, подчас склоняясь к левым; не отказывался от сотрудничества с властью. В эмиграции взгляды обоих деятелей значительно сблизились, и в работе Загранделегации по многим вопросам они придерживались сходных позиций.

В биографическом очерке Николаевский почти не касался послереволюционного этапа. Зато он дал выпуклый портрет молодого Гарви – его формирования как революционера, причин присоединения к социал-демократии, своеобразия одесской среды, в которой развивался этот человек, влияния на него местных деятелей, арестов и эмиграций, революции 1905–1907 гг., в которой он участвовал в качестве одного из руководителей вооруженного восстания в районе московской Пресни.

Этот эпизод был важен и с общеисторической точки зрения, ибо советская историография приписывала организацию Декабрьского восстания 1905 г. в Москве большевикам, тогда как на самом деле в нем участвовали и социал-демократы, и эсеры.

Широта воззрений и отсутствие партийной предвзятости проявились в статье Николаевского, посвященной памяти эсеровского лидера В.М. Чернова [913 - Николаевский Б. В.М. Чернов как идеолог // На рубеже. 1952. № 3–4. С. 5–8.]. Чернов характеризовался как теоретик, практик, конспиратор, идеолог европеизации русского народничества. Он стремился обновить эсеровское движение элементами идеологии и практики международного социализма и в то же время пытался «русифицировать» европейские идеи, пропустить их сквозь призму «борьбы за индивидуальность» российского опыта. «Он знал, что в России без крестьянства, а тем более против крестьянства нет возможности строить общественные отношения, которые отвечали бы требованиям свободы и социальной справедливости».

Николаевский собирался написать большую работу о П.Б. Струве, но, как обычно,

выполнил свой замысел не полностью. В статье, посвященной памяти недавно скончавшегося Струве [914 - Новый журнал. 1945. № 10. С. 306–328.], он указывал, что к его жизненному пути историкам придется обращаться часто. В политическом развитии Струве можно было обнаружить массу противоречий, но в самих этих противоречиях выявлялось некое сложное единство, дающее право Струве на особое место в истории политического формирования российского общества. Струве был прежде всего политиком, а в политике истина не оставалась для него неизменной. Он не раз менял политические знамена, но главную тему исканий не менял: это была «проблема путей развития России, – этим решением был перевод страны на рельсы свободного развития частно-хозяйственных, капиталистических отношений» [915 - Там же. С. 308.].

М.М. Карпович полагал, что статья о Струве Николаевскому очень удалась, что тот написал «крайне интересный очерк из истории общественной мысли России» [916 - Mikhail Karovich Collection, box 2.]. Однако намечаемое продолжение статьи Николаевского, анонсированное в «Новом журнале», так и не появилось. Вряд ли в данном случае автор оборвал публикацию по собственной инициативе. Скорее редакция сочла, что одной статьи о покойном вполне достаточно, и Николаевский, как случалось уже со многими другими его проектами, отложил работу над биографией Струве на будущее, но так к ней и не вернулся, хотя в коллекции Николаевского в Гуверовском институте сохранилась важная подборка документов Струве и о Струве, включая письма, воспоминания, статьи, интервью (в том числе и интервью с сыном П.Б. Струве Аркадием Петровичем, долгое время являвшимся секретарем-помощником своего отца), записные книжки с заметками о Струве и другие разнообразные материалы [917 - NS, box 215, folders 2-10, box 525, box 754, folder 3, box 776, folder 10.].

Некоторые биографические публикации были связаны либо с кончиной того или иного деятеля, либо с их юбилеями. Таковых много, и мы полагаем возможным ограничиться только двумя примерами – некрологами, посвященными памяти одного из деятелей плехановской группы «Освобождение труда» С.М. Ингермана [918 - Николаевский Б. Памяти С.М. Ингермана // Социалистический вестник. 1943. № 5–6. С. 61–63.] и ветерана грузинской социал-демократии Г.И. Уратадзе [919 - Н-ский Б. Памяти Г.И. Уратадзе // Социалистический вестник. 1959. № 4. С. 75–76.].

Сергей Михайлович Ингерман оценивался здесь как один из тех, кто в середине 80-х годов стал под знамя социал-демократии и до конца жизни оставался верным этому знамени. Отмечая, что с 1891 г. он жил в США, автор обратил внимание на малоизвестные факты создания под его руководством российской социал-демократической организации в Нью-Йорке, на его деятельность в образованном в этом же огромном городе-космополите Русском обществе самообразования, в котором Ингерман являлся своего рода «министром иностранных дел», поддерживавшим связь с Плехановым и другими российскими социалистами и их организациями. Эта краткая статья была образцом углубленного анализа личности, несмотря на форму некролога.

Такой же характер носила и статья о Г.И. Уратадзе. Здесь очень кратко был освещен жизненный путь скончавшегося. Особо отмечалось, что Уратадзе происходил из среды духовенства, тесно связанного с крестьянством, что он был слушателем ленинской школы в Лонжюмо, но большевиком не стал, а отправился в Вену на организованную Троцким Августовскую конференцию 1912 г. и стал членом Организационного комитета по восстановлению единства социал-демократии, что именно он подписал в 1920 г. в Москве договор о признании Грузинской республики де-юре («Какая цена была этому договору,

стало известно через 9 месяцев»), что в эмиграции Уратадзе написал книгу по истории Грузинской республики 1918–1921 гг. Николаевский так оценивал моральный облик этого малоизвестного деятеля: «Очень скромный, почти застенчивый по натуре, он мало рассказывал о себе и вообще не любил выдвигаться вперед – за исключением тех случаев, когда речь шла о работе, связанной с большим риском».

На грани исторической биографистики, источниковедения и историографии находилась статья, в которой подробно анализировались тома советского издания «Литературное наследство», посвященные А.И. Герцену [920 - Николаевский Б. Герценоведение в Сов. России // Новый журнал. 1945. № 10. С. 374–383.]. Отмечая, что советские историки не избаловали читателей вниманием к этому выдающемуся писателю-революционеру, что заверенное после 1917 г. собрание сочинений и писем Герцена по существу являлось изданием семьи Герцена, Николаевский отмечал, что почти все, что было написано о Герцене в СССР, носило характер «унылой посредственности». (Несравненно больше было сделано за рубежом.) Исключением Николаевский считал работы Л.Б. Каменева, который еще в дореволюционные годы опубликовал несколько материалов о Герцене. Теперь же, находясь в первой половине 30-х годов в опале, он подготовил научное издание «Былого и дум» и журнала «Колокол». Впрочем, арест Каменева привел к полному разгрому издательства «Академия», которым он руководил, и к крушению всех издательских планов.

Появление двух сдвоенных томов «Литературного наследства» с материалами Герцена и о нем Николаевский рассматривал как важный показатель того, в каких условиях приходится работать добросовестным советским исследователям, как трудно им вести свою работу, приспособившись к существующим ограничениям и догмам, то и дело ссылаясь на правильность мыслей Ленина о Герцене, которому тот посвятил всего лишь одну небольшую, наспех написанную в 1912 г. статью публицистического характера, к тому же содержащую явные ошибки (например, сообщение о том, что Герцен якобы стал к концу жизни тяготеть к Интернационалу Маркса). Подлинно научное изучение Герцена, «внутренне свободного человека», на принципиально новые высоты не может подняться в несвободной стране, заключал Николаевский.

Масонство и другие сюжеты

С середины 20-х годов Николаевский занимался историей русского масонства. Нина Берберова, написавшая позже публицистическую книгу о русском масонстве в XX в., полагает, что до Второй мировой войны он не хотел публиковать «масонские секреты», так как в ложах было много близких ему людей, а после войны помешали причины «практического порядка». Сама же она в своей книге обильно ссылалась на материалы Николаевского [921 - Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New York: Russica Publishers, Inc., 1986. С. 98, 183, 211, 213, 244–246 и др.]. Можно полагать, что Николаевский откладывал эту работу и потому, что считал еще недостаточным накопившийся у него материал.

Первое знакомство с масонской темой для Николаевского началось не позднее 1925 г. со встречи в Марселе с Н.С. Чхеидзе, в прошлом видным меньшевистским деятелем и руководителем социал-демократической фракции III Государственной думы России. Чхеидзе рассказал о порядке приема в масонскую ложу, членом которой он был с 1910 г.,

и о некоторых других масонах – известных деятелях левого политического крыла, главным образом кадетах и социал-демократах.

В 1928 г. в Париже Николаевский встретился с А.Я. Гальперном и в течение двух дней записывал его значительные воспоминания [922 - НС, box 719, folder 4.], из которых вытекало, что к масонам принадлежали многие передовые деятели того времени, в том числе левый кадет Н.В. Некрасов, трудовик А.Ф. Керенский, эсер Н.Д. Авксентьев, меньшевик Н.С. Чхеидзе, близкий к большевикам Н.Д. Соколов.

Встречаясь с масонами, Николаевский в некоторых случаях использовал их влияние для решения тех дел, которые считал важными. Так, в 1933 г., добиваясь получения визы на въезд во Францию для супруги Р.Б. Гуля, он не только познакомил его с известным масоном М.С. Маргулиесом, но договорился о фиктивном вступлении Гуля в ложу для того, чтобы иметь основания просить у членов ложи «братской поддержки». Видимо, именно у Маргулиеса, который не был особенно фанатичным членом ложи «Свободная Россия», Николаевский получил масонские одеяния – голубую, шитую золотом ленту и голубой, также шитый золотом передник, которые хранил в своей коллекции в качестве наглядных экспонатов [923 - Гуль Р. Я унес Россию. Т. II. С. 202–204.].

Борис Иванович нередко упоминал о намерении написать книгу о масонах в переписке с Н.В. Валентиновым-Вольским. В ноябрьском письме 1955 г. он сообщал, что «о русском масонстве» у него «имеются интереснейшие материалы». Через пять лет он все еще писал о намерении подготовить к публикации книгу: «Обработать и опубликовать масонские материалы я сам считаю крайне нужным и важным», «займусь этим в ближайшее время» [924 - НС, box 508, folders 1, 2.]. Однако завершить подготовку работы о масонстве Николаевский не успел, книга была опубликована только после его смерти [925 - Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред. – сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Терра, 1990.].

Автор анализировал состав, структуру, внутренние особенности и внешние связи масонов, влияние российских масонов в период, предшествовавший революции 1917 г., их планы переустройства России по западным стандартам. Он отвергал поверхностные, сенсационные трактовки российского масонства и тем более злобные и безграмотные версии о масонском или «жидомасонском» заговоре против российской государственности. Отмечая имеющиеся в этих утверждениях «крупницы правды», Николаевский делал общий вывод о том, что сенсационная бульварная литература о масонских заговорах «для изучения вопроса о русском масонстве по существу... не только ничего не дает, но и определенно играет роль затемняющего фактора... Вся она в целом только отталкивает беспристрастного читателя, вызывая у него в качестве первой и более чем естественной реакции желание как можно дальше отойти от этой темы, вокруг которой переплелось так много нечистых и нечестных интересов» [926 - Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 6.].

Сам факт, что революционная и оппозиционная работа русских масонов была в числе факторов, подготовивших ликвидацию старого режима, Николаевский считал бесспорным и своей аргументацией обосновывал правильность такой оценки. Он подчеркивал крайние трудности исследования деятельности масонских лож, связанные с тем, что они, в отличие от других нелегальных политических организаций, формулировавших открыто и как можно более широко свои задачи, стремившихся в пределах возможностей вести

легальную работу, – рассматривали как глубокую тайну сам факт своего существования, а от их членов требовалось никогда не признавать принадлежности к масонской организации. Иногда, правда, это требование нарушалось, причем без каких бы то ни было репрессий по отношению к согрешившему члену ложи. Считаюсь с мнением, а в отдельных случаях и с требованиями опрашиваемых им масонов, Николаевской не называл фамилий лиц, причастных к масонской организации, хотя таковой перечень мог бы показаться весьма соблазнительным и даже важным с точки зрения определения реального влияния масонства в России. В какой-то мере человеческая порядочность здесь доминировала над научной полнотой, но как без этого было обойтись Николаевскому, считавшему себя честным человеком, которому можно доверять тайны и на слово которого можно положиться?

Николаевский рассказал о возрождении российского масонства, которое прекратило существование в начале второго десятилетия XIX в., но воспрянуло в самом начале следующего столетия. Этот процесс начался в эмигрантской среде во Франции, причем в рамках французских лож, а затем уже в самой России. Именно поэтому масонами в России оказались в основном люди либерального лагеря, бывшие политические эмигранты, находившиеся под влиянием республиканской Франции.

Формальным годом возрождения масонства в России Николаевский считал 1906-й, когда после октябрьской амнистии 1905 г. границы России открылись перед старыми эмигрантами. Масоны лишь постепенно нащупывали свое место в российской общественно-политической жизни. В качестве своей специфической задачи они усмотрели сплочение деятельности легальных, умеренно левых партий, причем на надпартийной основе. Положительно к такой ориентации отнесся, по сведениям, полученным Николаевским, ветеран российского освободительного движения анархист и ученый П.А. Кропоткин.

В 1909–1910 гг. масоны провели своеобразную чистку своих организаций от ненадежных элементов путем фиктивной самоликвидации лож с последующим их воссозданием на более замкнутой и конспиративной основе. «Тайна масонских лож охранялась теперь с величайшей осторожностью – приемы старой масонской конспирации для этого были привлечены на помощь опыту русского революционного подполья» [927 - Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 20.], – писал Николаевский. Желая вступить в ложу заполняли своего рода анкету, вопросы которой позволяли определить отношение кандидата к коренным проблемам современности: к международным делам, войне, религии, человеческому прогрессу и т. д. При этом обрядовая сторона, столь характерная для старого масонства, была сведена почти на нет, сохраняя в качестве обязательных элементов только обращение «брат» и строжайшую засекреченность принадлежности к ложе.

Наибольший интерес в анализе Николаевского представляли политические акции масонов – их действия в Государственных думах, их стремление к «политическому повороту» страны, который они мыслили возможным только путем действий сверху. Речь идет о функционировании тайного Верховного совета масонов, в котором в начале второго десятилетия века были представлены все левые политические группировки, от прогрессистов до социал-демократов, в том числе и социал-демократов, тяготеющих к большевикам. Формально большевиков в Верховном совете не было. Председателем Совета был кадет, член Государственной думы.

В связи с получившими ходячие утверждениями правдой и тем более черносотенной

печати по поводу масонства как проявления «еврейской интриги» (вариация версии о «жидомасонском заговоре») Николаевский писал, что в состав Верховного совета масонов в 1912–1916 гг. входил только один еврей. В Совете было обычно 12–15 членов, и все, кроме этого одного, «были православными и в большинстве бесспорными великороссами» [928 - Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 40–41.].

Автор довел изложение до Февральской революции 1917 г., завершив его анализом роли масонов в подготовке в 1916 г. государственного переворота, ставившего целью вывести страну из затяжного системного кризиса и предотвратить революцию и распад империи. В этом смысле интересны выводы Николаевского о разногласиях между масонскими лидерами и деятелями Прогрессивного блока в IV Государственной думе, руководители которого полагали, что возможности для либерального поворота Николая II не исчерпаны. Николаевский стал первым российским историком, занявшимся скользкой проблемой масонства. Именно на его документы и исследования в значительной степени опирается современная историческая литература [929 - Интерес к истории масонского движения в России смог открыто проявиться только на самом закате коммунистической власти. А в следующие два десятилетия появилась обширная литература различной ориентации от объективной до резко апологетической или враждебной (Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990; Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб.: Изд-во им. И.Н. Викова, 1997; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М.: РОССПЭН, 1998; Брачев Б.С. Масоны и власть в России. М.: ЭКСМО, 2003).].

На протяжении всех лет жизни в США Борис Иванович продолжал пополнять свою ставшую уже огромной коллекцию документов по истории российского и европейского революционного движения. Среди находок были даже два письма Ленина, относившиеся к началу второго десятилетия XX в. В определенном смысле они носили скандальный характер. Одно из них, написанное в конце января или в начале февраля 1911 г., было адресовано И.К. Вульпе [930 - НС, box 543, folger 3.]. Оно настолько компрометировало Ленина, что составители сборника его неизданных материалов [931 - Ленин В.И. Неизвестные документы 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999.], опубликованного уже после распада СССР, не решились его туда поместить, хотя с коллекцией Николаевского были знакомы.

Иван Константинович Вульпе (партийный псевдоним Евгений), костромской рабочий, вначале примкнувший к большевикам и участвовавший в революции 1905–1907 гг. в качестве члена местного Совета, в 1910 г., оказавшись за границей, стал слушателем партийной школы в Болонье, организованной отколовшейся от большевиков группой «Вперед» (А.А. Богданов, Г.А. Алексинский и др.). Иными словами, Вульпе если не порвал с большевизмом, то, по крайней мере, от него отошел. Узнав, что питерцы, к которым он относил и Вульпе, не вполне довольны преподаванием в этой школе, Ленин решил переманить их в Лонжюмо, где он организовал свою школу, разрушить таким образом впередовскую школу, заработать этим политический капитал и максимально использовать его для углубления партийного раскола. Ленин написал Вульпе письмо:

«Только не забывайте одного: если у Вас будут снова «сцены», руготня и проч. (это раз было с Вами), не давайте себя провоцировать. Не поддавайтесь на удочку. Не отвечайте спорщикам. Не давайте себя выжить из школы, пока Вы не сделаете своего дела, т. е. пока Вы не достигнете того, что все (или почти все) питерцы убедятся в Вашей правоте и согласятся уехать с Вами».

Можно лишь добавить, что Вульпе действительно покинул болонскую школу, но до

Парижа так и не добрался, возвратился в Россию и вскоре, полностью запутавшись в партийных дрызгах и склоках, покончил жизнь самоубийством.

Второй документ касался длительного спора между группами РСДРП из-за денег, полученных в результате экспроприаций (эксов), то есть грабительских налетов, и мошеннической женитьбы большевика Таратуры на сестре покойного фабриканта Н.П. Шмита. По поводу этих сумм и претензий на них слухи докатились до далекой Америки, где нью-йоркская группа РСДРП выразила серьезные сомнения в происхождении денег. В связи с этим Ленин 4 июня 1912 г. разразился ругательным письмом к группе, назвав обращение ее секретаря Мельничанского «склочной бумагой». Про Мельничанского Ленин написал, что он «поднимает пустую склоку» [932 - НС, box 87, folder 21. На сей раз издатели «Неопубликованных документов» Ленина включили письмо в подготовленный ими том со ссылкой: «Оригинал находится в Гуверовском институте (США) в коллекции Б.И. Николаевского» (Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 102–103).].

Иногда Николаевский обращался и к более отдаленной истории. С удовлетворением вспоминал он о своем сотрудничестве с Институтом Маркса и Энгельса в 20-х годах и о розысках документов основоположников коммунизма. Теперь он считал необходимым представлять эту документацию не саму по себе, а в контексте тех старых и новых политических и литературных баталий, которые очень часто сопровождали некоторые не очень корректные, с точки зрения ортодоксального марксизма и политической целесообразности, высказывания его основателей. Николаевский не касался их пресловутых высказываний по поводу нежизнеспособности южнославянских народов, которые вначале замалчивали, а затем всячески пытались застенчиво оправдать советские марксоведы. Но вот по поводу письма Маркса В.И. Засулич от 8 марта 1881 г., в связи с которым на протяжении нескольких десятилетий происходили бурные прения, он счел необходимым написать специальную статью: «Легенда об «утаенном письме» К. Маркса» [933 - Социалистический вестник. 1957. № 5. С. 94–96. Переопубликована в журнале «Диалог», 1990. № 12. С. 80–83.].

Плеханова и Засулич обвиняли в сокрытии этого письма от общественности, поскольку в нем Маркс склонялся к взглядам народников на роль крестьянской общины в России. Некоторые авторы, в частности эсер В.М. Зензинов, заявляли, будто бы именно Плеханов убедил Засулич «забыть о письме». Такого же мнения придерживался Валентинов-Вольский. В октябре 1962 г. Николаевский писал об этом в одном из своих писем Хеймсону:

«Особенно меня поразило, что он считает возможным в этой статье повторять свою вздорную выдумку об «утаенном письме» Маркса, в которой нет ни слова правды. Я ни в коей мере не поклонник Плеханова как внутрипартийного политика, но нельзя же на него собак вешать» [934 - МР, box 21, folder 19.].

Николаевский взял на себя задачу показать необоснованность этого утверждения, тем более что впервые именно он опубликовал это письмо в 1924 г. в сборнике «Из архива П.Б. Аксельрода» (почти одновременно письмо было опубликовано в Германии по инициативе Рудольфа Гильфердинга). В статье «Легенда об «утаенном письме» К. Маркса» рассказывалось, как Николаевский уговорил Аксельрода, переехавшего в 1922 г. в Берлин, перевезти туда своей архив, одна часть которого хранилась у сына в Цюрихе, а другая – у старых знакомых. Чтобы упростить Аксельроду жизнь, Николаевский предложил не заниматься разбором бумаг в Цюрихе, а переслать ему всё как есть. В одном из ящиков, среди старого хлама, и было обнаружено письмо Маркса.

Сам Аксельрод о письме не знал. Николаевский вспоминал, что Павел Борисович ознакомился с документом в его присутствии, и на лице его появилось выражение недоуменной растерянности. «Он почти клятвенно заверял, что никогда этого письма не видел и, как оно к нему попало, совершенно не понимает». Позже Аксельрод высказал предположение, что письмо оставила у Аксельрода Засулич. Но Николаевского такое объяснение не устроило, и он допрашивал Аксельрода на эту тему «почти с пристрастием».

По убеждению Николаевского, Плеханов не мог иметь отношения к сокрытию этого письма от публики. Он жил в это время в Париже, Засулич – в Женеве. Переписка между ними по этому вопросу отсутствует. Но главное, Плеханов в то время (1881 г.) не принадлежал к числу воинственных общиноборцев. На деле история была значительно проще, чем ее пытались представить в эсеровских кругах. Сам Маркс не предназначал письмо для опубликования, подчеркнув это в самом начале текста. Внося все эти уточнения, Николаевский в то же время оговаривался, что «в интересах социалистического движения нашей эпохи мы должны быть смелы и даже беспощадны в нашей критике прошлого. Но полезной для современности смелая и беспощадная критика прошлого будет лишь в том случае, если она будет основана на точном знании всех фактов и на правильном понимании всех особенностей прошлого. Меньше всего мы должны останавливаться перед критикой отдельных лиц... Но мы должны быть не только смелы и идти до конца в критике, мы должны быть и справедливы» [935 - Диалог. 1990. № 12. С. 83.].

Гуверовский институт. Коллекция Николаевского

В 1963 г., чувствуя, что его работоспособность начинает падать и что необходимо позаботиться о надежной сохранности богатейшего документального фонда, которым он располагал, Николаевский договорился о продаже своего архива Гуверовскому институту при Стенфордском университете (г. Пало-Алто, Калифорния). Ранее Индианскому университету была продана часть библиотеки Николаевского, составлявшая свыше 10 тысяч книг и периодических изданий, в том числе выпускавшихся нелегально, включая комплекты «Колокола» А.И. Герцена, издания народнической организации «Черный передел» и пр. [936 - Indiana Library News Letter. 1966, # 4. P. 1–2.]

Известный историк и журналист Луис Фишер, не раз посещавший Николаевского, вспоминал, что его квартира недалеко от Колумбийского университета в Нью-Йорке была заполнена «от пола до потолка плотно упакованными старыми и новыми советскими публикациями. То, что не помещалось на полках, располагалось на стульях, столах или на полу. Он мог, внезапно упомянув о каком-то событии, вскочить, несмотря на массивность своей фигуры, и, пробежав рукой по ряду томов, поколебавшись секунду, вытащить, например, памфлет, пожелтевший от своего возраста, опубликованный на русском языке в Женеве в 1887 г... или другую подобную такой же степени антикварную ценность, недоступную ни в каком другом месте» [937 - Fisher L. Rev. of Power and the Soviet Elite by V.I. Nicolaevsky. – New York Times Book Review. 1965. November 21.].

Гуверовский институт был основан в 1919 г. деятелем Республиканской партии США, в будущем президентом страны, а в то время руководителем Американской администрации помощи (American Relief Administration – ARA) Гербертом Гувером. Цель, объявленная

Гувером, состояла в собирании материалов, относящихся к Великой войне и ее последствиям. К началу XXI в. в Гуверовском институте хранилось около 50 миллионов документов, причем примерно четверть из них – на славянских языках [938 - Даниельсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211.].

Сделка с Гуверовским институтом была реализована в конце 1963 г., и документальные фонды вместе с библиотекой были перевезены в Калифорнию. Вслед за архивом в начале следующего года Николаевский сам переехал в прекрасный город на Западном побережье США, заняв весьма своеобразную, специально созданную под него должность куратора коллекции Бориса Николаевского. Вместе с ним в Гуверовский институт отправилась Бургина. После его кончины она станет куратором коллекции и будет достойно, в соответствии с традицией покойного мужа, выполнять ответственные научные и организационные функции вплоть до своей смерти в 1982 г. [939 - Leadenham C.A. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1986. P. 42.] Вначале супруги жили в съемной квартире в Пало-Алто по улице Хайторн, № 483, позже они купили дом в соседнем городке Менло-Парк (Виндзор-Драйв, № 1025).

Газета «Новое русское слово» проинформировала своих читателей о переезде Николаевского 7 февраля 1964 г.:

«Вчера покинул Нью-Йорк и переехал на постоянное жительство в Калифорнию историк и публицист Б.И. Николаевский, который передал свой архив в Гуверовский фонд университета и будет пожизненно им заведовать. Перед отъездом из Нью-Йорка состоялось дружеское чествование Б.И. Николаевского и уезжавшей вместе с ним его сотрудницы А.М. Бургиной».

При кажущейся незначительности происшедшего события для огромной и многообразной Америки на него прореагировала и англоязычная пресса. Одна из наиболее влиятельных газет – «Нью-Йорк тайме» – опубликовала статью под заголовком «Гуверовский институт получает русские документы» [940 - The New York Times, December 22, 1963.]. Здесь сообщалось о прибытии в Пало-Алто коллекции Николаевского – 15 тонн материалов и о том, что руководить этой коллекцией будет сам Николаевский вместе с Бургиной. Директор института доктор В. Гленн Кэмпбел сообщил, что часть гранта на закупку материалов была получена от фонда Макса Флейшмана из штата Невада. Николаевский, по словам директора, «решил принять предложение Гуверовского института, которое поступило в числе многих других, с тем чтобы наилучшие материалы по истории русского революционного движения могли находиться под одной крышей» (он имел в виду уже имевшиеся в этом институте многочисленные российские коллекции документов).

Библиотека (та ее часть, которая не отправилась в Индианский университет), содержащая несколько тысяч книг, в том числе редчайшие издания второй половины XIX – начала XX в., вошла в богатый книжный фонд библиотеки Гуверовского института. Документальная коллекция, в свою очередь, была классифицирована в соответствии с нормами Гуверовского института и особенностями самого материала, а затем предоставлена для использования исследователям.

Коллекция была разделена на 280 подгрупп или серий. Большинство из них были организованы на основе принципа фондообразования, то есть состояли из документов,

прямыми или косвенными образователями которых являлись определенные организации или лица. Почти для каждой из этих серий (в российском архивоведении принят термин «фонд») Николаевский успел составить подробную аннотацию с характеристикой организации (лица), категорий сохранившихся документов, истории их поступления в коллекцию, источниковедческого значения группы в целом и наиболее важных ее материалов.

В качестве примера документов крупных организаций приведем серию, содержащую материалы РСДРП. Она содержит 53 коробки, в которых хранятся протоколы партийных съездов и конференций, прокламации и листовки, подпольные брошюры, переписка социал-демократических деятелей, материалы национальных социалистических организаций, в частности Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, Латвийской социал-демократии и еврейской организации Бунд. Помимо собственно российских документов в серии имеются обширные материалы эмигрантских меньшевистских организаций, как до, так и после 1917 г.

Другие серии коллекции включают документы эсеровских организаций и их предшественников, в частности партии «Народная воля», материалы несоциалистических русских эмигрантских организаций, в том числе Народнотрудового союза и журнала «Последние новости». В числе других групповых материалов для исследователей важны документы российских полицейских органов и организаций, антибольшевистских правительственных и административных учреждений на территории России периода Гражданской войны, редакций различных газет и журналов.

Имеются и группы документов нероссийских политических организаций, из которых наиболее значительная посвящена Социал-демократической партии Германии с конца XIX в. до 1922 г.

Значительную часть коллекции составляют личные серии. Среди них можно встретить ценнейшую документацию народников и анархистов В.Н. Фигнер, П.Л. Лаврова [941 - Коллекция писем П.Л. Лаврова, а также народника Г.А. Лопатина, первого переводчика «Капитала» Маркса на русский язык, хранится и в Отделе рукописей Библиотеки конгресса США (Library of Congress, Manuscript Division, Boris Nicolaevsky Collection). Здесь представлены обширные данные о народническом движении 70–80-х годов, о литературной деятельности русских революционеров, их связях с западными общественными деятелями К. Марксом, В. Либкнехтом, Э. Реклю, Ж. Клемансо и др., о международных отношениях, в частности о восточном вопросе и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.], П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина, либеральных демократов и «легальных марксистов» П.Б. Струве, Е.Д. Кусковой, С.Н. Прокоповича, социал-демократических деятелей Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, Г.В. Чичерина, В.И. Ленина и ряда других весьма известных в российской истории лиц. Более того, Николаевскому удалось собрать первичную документацию, в частности письма писателей М. Горького, Л. Андреева, И. Бунина, Н. Берберовой, а также некоторых зарубежных деятелей, в том числе Фридриха Энгельса (в дополнение к тем документам Маркса и Энгельса, которые были в 20-х годах пересланы в СССР), лидеров французских социалистов Жюлья Геда и Поля Лафарга, русско-итальянской коммунистической, а затем социалистической деятельности Анжелики Балабановой.

Особняком стоит обширная серия (76 коробок), содержащая документы Л.Д. Троцкого и его сына Л.Л. Седова, главным образом по периоду после изгнания Троцкого из СССР в 1929 г., но отчасти и времени его работы по руководству объединенной антисталинской

оппозицией и ссылки в Алма-Ату (1928–1929). Здесь можно обнаружить ценнейшие сведения, прежде всего из переписки Троцкого и его сына как друг с другом, так и с третьими лицами, рукописи книг и статей лидера большевистской оппозиции, материалы, свидетельствующие о связях Троцкого и Седова с единомышленниками и другими людьми в разных странах, о распространении журнала «Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев)» и т. д.

Такие, казалось бы, малозначащие на первый взгляд вещи, как адресные и телефонные книги, встречающиеся в серии, подчас проливают свет на ранее совершенно неизвестные деловые и личные связи. В этом смысле историк подобен следователю, который во время обыска хватается за записную книжку с телефонами и адресами с особым рвением.

Между прочим, столь значительный объем этой части коллекции сам по себе свидетельствует о том, что грабителям из НКВД в 1936 г. удалось похитить у Николаевского только очень малую часть документов, в которых был столь заинтересован Кремль. Документация Троцкого и Седова в архиве и путеводителе по коллекции Николаевского была особенно тщательно систематизирована и описана Михаилом Якобсоном с участием видного французского историка, автора ряда исследований о Троцком и редактора журнала *Cahiers Leon Trotsky* («Тетради Льва Троцкого») профессора Пьера Бруэ и видного специалиста в области социальной психологии профессора Жана ван Хейженоорта (Эйженоорта), который когда-то был секретарем Троцкого в годы эмиграции, а через много лет после этого осуществил систематизацию и детальное описание архивного фонда Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета [942 - Документации Троцкого в коллекции Николаевского, ее значению для исторической науки посвятили интересную статью Дэйл Рид и Михаил Якобсон (Reed D., Jakobson M. Trotsky Papers at the Hoover Institution: One Chapter of an Archival Mystery Story // *American Historical Review*, April 1987. P. 363–375).].

Сказанным коллекция Николаевского не исчерпывается. Часть ее сгруппирована не по принципу фондообразователя, а на основе тех событий, которым они посвящены (в российском архивоведении такого рода собрания называют тематическими коллекциями). Важная их особенность в данном случае состоит в том, что они в наибольшей степени представляют собой творческую лабораторию ученого, отражая те проблемы и сюжеты, которыми Николаевский занимался с исследовательской целью, независимо от того, были ли опубликованы соответствующие работы или документальные сборники или нет. Иначе говоря, эти источники важны не только для исследования определенных событий, фактов, исторических явлений, но и представляют собой первостепенной важности материалы для изучения биографии ученого.

Среди документации этих подгрупп – материалы Маркса-Энгельса и международного социалистического движения их времени, документы, связанные с фабрикацией и разоблачением фальшивки «Протоколы сионских мудрецов», материалы по истории русского масонства, тайных служб и политической полиции в царской России и в СССР, документы и воспоминания, связанные с историей тюремного режима, концентрационных лагерей и принудительного труда заключенных как при Ленине, так и при Сталине. Своеобразная группа материалов посвящена истории власовского движения в годы Второй мировой войны. Все это были документы, связанные с теми исследованиями, которые на протяжении многих лет проводил сам Николаевский. Наконец, коллекция

включала немало аудиовизуальных источников и личную документацию Николаевского и Бургиной, в частности адресованную Борису Ивановичу корреспонденцию и копии его писем, рукописи и авторские экземпляры работ.

Документальный труд о российской социал-демократии

Именно в этой части коллекции находится незавершенное фундаментальное документальное произведение по истории российской социал-демократии в 1908–1912 гг. Николаевский предполагал продолжить комплектацию документов по этой проблеме для будущей многотомной публикации, но, к сожалению, не успел эту работу завершить. Расскажем коротко о содержании этой работы в надежде, что у читателей возникнет желание ознакомиться с нею полностью [943 - Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. В преддверии полного раскола: Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. Документы и материалы из коллекции Б.И. Николаевского и его творческой лаборатории – публикуется в журнале «Вопросы истории» (2010. № 6-12; 2011. № 1–3, 5-12; 2012. № 1–4).].

По существу, работа над многотомником происходила на протяжении всей научной деятельности Николаевского, который скрупулезно, из года в год накапливал все большую массу документов о внутренней борьбе в РСДРП, о противоречиях и конфликтах в ней, о расколах и слияниях и, главное, о той поистине деструктивной роли, которую сыграла группа Ленина, неуклонно ведшего дело к образованию собственной, в основе своей экстремистской партии, до 1917 г. маскируемой названием РСДРП.

Насколько подробной планировалась публикация, свидетельствует отрывок, запланированный как одно из примечаний к группе документов. Приведем его, чтобы продемонстрировать серьезность проекта:

«В распоряжении редакции «Материалов» имеется небольшой пакет писем, заметок и других документов, большинство которых адресовано на имя Г.Е. Зиновьева (лично или в качестве «секретаря редакции Ц[ентрального] О[ргана]», каковым он тогда состоял), другие же написаны его собственным почерком. По датам и содержанию этих документов видно, что все они относятся к августу 1911 г. – месяцу, который Зиновьев провел в Лонжюмо, где тогда функционировала так называемая «партийная школа в Лонжюмо», организованная группой Ленина. Все эти документы сохранились вложенными в большой желтый конверт от заказного письма, адресованного на имя Monsieur Chatzky, Longjumeau (Seine et Oise), Grande rue 60. Как видно по почтовому штемпелю, письмо было отправлено 18 августа 1911 г. из Montreux, Швейцария, причем отправителем указан W. Feinstein, Waldegg-Beattenberg, Berner Oberland, Poste Restante.

В.Л. Файнштейн – это настоящее имя Лед ера (он же «Здислав», в «С[оциал]-д[емократе]» подписывался З. Ледер), известного польского соц[иал]-д[емократа], который тогда проживал эмигрантом в Париже и в данный период входил в редакцию «Соц[иал]-д[емократа]» в качестве представителя польской с[оциал]-д[емократ]ии. 16 августа он уехал на отдых в Швейцарию, где и провел вторую половину августа.

Под именем (и по паспорту) Шацкого в парижской эмиграции тех лет проживал Г.Е. Зиновьев; Grande rue 60 был его личный адрес в Лонжюмо (Ленин жил в д. 91 по той же улице; школа помещалась в д. 17 по Grande rue).

Этот пакет сохранился в вещах одного старого эмигранта, который в 1909–[19]12 гг. был

близок к парижским большевикам и, в частности, имел отношение к школе в Лонжюмо. По-видимому, у него случайно сохранился зачем-то переданный ему Зиновьевым пакет бумаг, который тот собрал за время пребывания в Лонжюмо и считал нужным сохранить. В 1936 г., после расстрела Зиновьева, пакет этот был передан Б.И. Николаевскому.

Редакция «Материалов» публикует эту небольшую группу документов почти полностью (за исключением писем родственников Зиновьева и его жены З. Лилиной, а также заметок Зиновьева, являющихся набросками для его статей)» [944 - НС, box 548, folder 2.].

Как раз в 1956 г. на недолгое время возобновилась переписка Николаевского с писателем М. Алдановым, который перед этим опубликовал роман «Самоубийство» – произведение сюжетно историческое и глубоко философское. Это была последняя крупная работа Алданова, в которой одним из главных действующих лиц был Ленин – воплощение фактора случайности в истории. Роль Ленина в Октябрьской революции представлялась Алданову решающей, без него не было бы переворота, Ленин один настоял на нем, один верил в успех, один этот успех обеспечил. О Ленине Алданов был мнения исключительно высокого, хотя личность большевистского вождя была ему глубоко чужда, даже враждебна. Он не терпел ленинского «фанатизма» (по крайней мере писатель считал Ленина фанатиком). Но в том, что именно фанатики изменяют ход истории, он не сомневался. Название романа допускало разные толкования. Самоубийством кончает его главный герой. Самоубийством, по общепринятой в то время версии, кончает богач Савва Морозов, всем пресыщенный и ничем не довольный. Наконец, самоубийством кончает в 1914 г. старая Европа.

Именно тогда, когда появился этот значительный роман, Алданов и обратился к Николаевскому с просьбой дать оценку роману с исторической точки зрения. Он писал 25 сентября 1956 г.: «Если будете читать мой роман, пожалуйста, отмечайте ошибки и неточности, которые, может быть, найдете. Только ВЫ и можете их найти». Попутно писатель интересовался мнением Николаевского об отношениях Ленина с Инессой Арманд, отмечал загадочность самоубийства миллионера, филантропа и финансиста большевиков Саввы Морозова.

Николаевский высказывал сомнение, что у Ленина был с Арманд «самый настоящий роман». Что же касается Морозова, то версию убийства (а не самоубийства), которая позже получила широкое хождение в литературе [945 - См.: Фельштинский Ю. Вожди в законе. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. С. 3–27.], он даже не рассматривал, полагая, что Морозова затравила его жена Зинаида – «красавица из работниц фабрики Морозова, но настоящая «змея» по характеру, которая вела войну против влияния революционеров на Морозова».

3 ноября, поздравляя Алданова с предстоящим 70-летием («знаю, что это совсем не такая приятная вещь получать поздравления со вступлением в восьмой десяток, и именно поэтому так не люблю подобные поздравления посылать, – но и переть против рожна не следует»), он тут же переходил на деловой тон, указывая на существование и деятельность фракционного Большевистского центра (руководимого тройкой в составе Ленина, Богданова и Красина) со своими денежными фондами, полученными главным образом преступными и мошенническими путями (ограбления, присвоение наследства). Именно эти сюжеты превалировали в первом разделе публикации, над которой работал Николаевский. Он писал Алданову:

«Еще более запутанна Лениным и его людьми история денежных отношений внутри «тройки». Несмотря на все раскопки, полностью ее мне выяснить не удалось до сих пор,

хотя теперь я нашел много новых материалов. Мой вывод из раскопок: Ленин испугался международного скандала, кот[орый] возник в связи с арестами при попытках размена пятисотрублевых [946 - Речь шла о купюрах, захваченных большевистским боевиком Камо (Тер-Петросяном) во время налета на экипаж, перевозивший казенные деньги, на Эриваньской площади в Тифлисе в июне 1907 г. Переправленные за границу 500-рублевые купюры большевики пытались разменять одновременно в нескольких банках Европы и США, но их агенты были арестованы, так как номера купюр были сообщены российскими властями за границу и проверялись европейскими банками при попытках обмена русской валюты.]; одновременно он увидел, что, будучи меньшинством в «тройке», он теряет руководящую роль в большевистской фракции, – поэтому он решил взорвать прежде всего «тройку», а затем и весь Больш[евистский] Центр. Философские споры [947 - Николаевский имел в виду выступления Ленина против философских «отклонений» Богданова и других большевистских интеллигентов, которые увенчались его малосодержательной, но полной ругательствами книгой «Материализм и эмпириокритицизм».] были прикрытием» [948 - НС, box 471, folder 20; «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А. Алданова и Б.И. Николаевского. С. 67–75.].

Небезынтересно отметить, и это весьма важно для оценки личности Николаевского, его характера, его отношения к людям, что он, не будучи особо высокого мнения о художественном даре Алданова, ценил в нем именно историка, с которым охотно делился информацией, хотя в 50-х годах значительно сдержаннее, чем десятилетиями ранее. Узнав о кончине писателя (25 февраля 1957 г.), Борис Иванович писал Н.В. Валентинову-Вольскому:

«Алданова крайне жалко. Не хочется высказывать свое мнение, но боюсь, что писателем-художником он был средним. В нем было больше историка. Он умел работать над материалом (и поэтому особенно жаль, что он завещал сжечь его записные книжки)» [949 - Ibid, box 508, folder 2.].

Материалы незаконченного фундаментального труда Николаевского [950 - Хранятся в коллекции Б.И. Николаевского Архива Гуверовского института войны революции и мира (серия 252, коробки 542–548, в каждой коробке от 6 до 14 единиц хранения, всего 73 единицы хранения). Первый, в существенной части заверченный, раздел получил черновое название «Эпоха окончательного раскола старой РСДРП и оформление самостоятельной партии большевиков-ленинцев (1908–1912 гг.)».] представляли собой лишь часть еще более значительного документального массива, который Николаевский назвал «Материалы по истории марксистского движения в России, 1908–1960 гг.». Для подготовки документальной публикации он воспользовался финансовой поддержкой американской Исследовательской программы по истории КПСС, учредители которой понимали, что обнаружение первоисточников, связанных с внутренней борьбой в РСДРП, явится важным вкладом в объективное изучение истории российской социал-демократической и коммунистической партий, будет способствовать разрушению мифов и фальсификаций, насаждаемых коммунистическими историками.

Николаевским была проделана серьезная часть работы. Совместно с Бургиной он подобрал документы, хронологически доходившие до начала 1912 г., до Пражской конференции большевиков, которую они фиктивно объявили общепартийной конференцией, в основном завершившей раскол партии, точнее, откол от российской социал-демократической партии экстремистской группы Ленина, являвшейся тогда только

одной из целого ряда мелких социал-демократических группировок. Собранные документы были разделены на шесть тематических частей, что наталкивает на предположение о шести запланированных томах [951 - Это предположение, в частности, высказал Мосли (Mosely P.E. Boris Nicolaevsky: The American Years. P. 37).]. (Впрочем, не исключено, что Николаевский сам окончательно так и не определился в отношении разделения материала на тома и не понимал, сколько всего томов будет создано.) Заголовок первого раздела отсутствует, но из содержания источников его можно воссоздать, ибо здесь рассматривался вопрос о функционировании неуставного и раскольнического Большевистского центра.

Собственно говоря, в качестве названия раздела, скорее всего, должен был фигурировать заголовок обширного введения к нему, которое Николаевский озаглавил «К истории «Большевистского центра» [952 - См.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 11–92.]. Безусловно, намечалась подготовка подробных исследовательских введений и ко всем остальным частям публикации, однако осуществить эту важную и ответственную задачу Борис Иванович не успел. Более того, из текста введения к первому разделу видно, что он был оборван буквально на полуслове, что и его окончить Николаевскому не хватило времени [953 - Из всего текста публикации вытекает, что, проделав значительную часть работы, Николаевский не завершил задуманного. Об этом свидетельствует не только отсутствие последних разделов и введений к уже скомплектованным разделам материалов (повторяем, за исключением первого раздела), но и существенная разноголосица в подаче самих документов (наличие сводных перечней документов в одних разделах и отсутствие их в других, весьма существенные различия в характере примечаний и т. д.). Например, работая над примечаниями к шестому разделу, Николаевский так увлекся, что превратил одно из них в довольно большой мемуарный фрагмент, который, скорее всего, резко сократил бы и отредактировал при подготовке издания к печати (возможно, это примечание было бы опубликовано отдельной статьей).].

В наименьшей степени, как это ни удивительно, оказался разработанным первый раздел. Причины этого следует, по нашему мнению, видеть в крайней сложности обнаружения документации, прямо свидетельствующей о функционировании Большевистского центра как такового. В основном документация раздела – это переписка, в значительной мере сутяжническая, убедительно доказывающая существование самого Большевистского центра [954 - До этого основным первичным материалом, подтверждавшим наличие БЦ, были протоколы заседаний расширенной редакции газеты «Пролетарий» (см.: Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». Июнь 1909 г. М.: Партиздат, 1934).], преступные источники его финансирования (в частности, экссы, или экспроприации, которые были решительно осуждены V съездом РСДРП в 1907 г., чему формально подчинился Ленин, но продолжал пользоваться награбленными средствами для финансирования своей группы и ее печатных органов).

Из документов следовало, что представители других социал-демократических групп не гнушались средствами, полученными в результате грабежей, и вступали в споры и конфликты друг с другом о праве на эти деньги. Такие умеренные социал-демократы, как Мартов, Маргынов и Аксельрод, осуждая большевистские экссы, в то же время активно участвовали в торге, добиваясь, чтобы средства были распределены между фракциями социал-демократии «по понятиям».

Второй раздел был назван «Вокруг «объединительного» пленума» ЦК, 1909–1910 гг.». В этом разделе речь шла о попытках сторонников объединения партии остановить

внутрипартийные раздоры, добиться воссоздания единой РСДРП как политической силы, способной влиять на ситуацию в рабочем движении России и общественной жизни страны в целом. Собственно говоря, «долгий пленум» ЦК РСДРП в самом начале 1910 г. и был созван прежде всего для реального объединения фракций, дробление которых все более и более усиливалось.

Особое значение в этом разделе имеют письма Троцкого, который начал издавать в Вене газету «Правда» и стал инициатором образования в основном шедшей за ним венской партийной группы. Троцкий оказался наиболее инициативным и деятельным поборником воссоединения партии. Однако, выступая в качестве «нефракционного социал-демократа», Троцкий, как показывают материалы, фактически усилил раскол партии, прибавив к уже существовавшим группам свою собственную венскую группу «Правды», исповедовавшую его особую концепцию «перманентной революции».

Весьма характерны письма Троцкого Горькому, Алексинскому, инициативной группе по организации партийной школы на острове Капри (Италия), где проживал в это время Горький, являвшийся тогда страстным поборником создания школы как своего рода инструмента сплочения социал-демократов разных течений и групп. Троцкий не разделял радужных надежд Горького и предлагал, чтобы каприйская школа начала издавать газету. Себя он видел ее редактором. Было ясно, что Лев Давидович пытался таким образом сделать из своей фракционной газеты «Правда» общепартийную газету российской социал-демократии.

Рельефное представление о реальном положении дел в РСДРП, о борьбе течений, о взаимных претензиях, крайней подозрительности друг к другу и все большей фрагментарности групп и кружков дают письма лидеров меньшевизма: Мартынова, Мартова, Потресова, Дана, а также документы умеренных большевиков и членов группы «Вперед» (в нее вошли отколовшиеся от большевиков А.А. Богданов и Г.А. Алексинский). Наконец, крайне интересны бумаги ленинского крыла партии: заявления Ленина и лиц, входивших в его ближайшее окружение (прежде всего Г.Е. Зиновьева). Важное значение в этой группе материалов имеет переписка Мартова с Потресовым, которая не подтверждает мягкость Мартова (это мнение довольно часто высказывается в литературе). Наоборот, из писем Мартова и ответов Потресова следует, что они с негодованием, а порой и с плохо скрытым или откровенным презрением относились ко всем «инакомыслящим».

Весь комплекс документов этого раздела свидетельствует о тщетности усилий «объединительного пленума» 1910 г. добиться не то чтобы реального объединения социал-демократов в подлинно единую партию, а хотя бы смягчения разногласий и взаимных обвинений в самых смертных грехах. Российская социал-демократия оставалась формальным объединением, раздираемым конфликтами малых и мельчайших групп, лидеры которых полагали, что им, и только им принадлежит право определения окончательной истины. Неудивительно, что «долгий пленум» ни к каким реальным результатам не привел.

Следующий, третий раздел Николаевский озаглавил «Борьба за созыв общепартийной конференции. 1910–1911 гг.». Как и предыдущий раздел, он открывался материалом Троцкого – на этот раз статьей, опубликованной в центральном органе Социал-демократической партии Германии газете «Форвертс» от 28 августа 1910 г., в день начала работы международного социалистического конгресса (конгресса II Интернационала) в Копенгагене. Статья давала реальную оценку упадка российской социал-демократии,

исходила из того, что возрождение движения может произойти только на подлинно объединительной партконференции с новыми руководителями во главе. Не высказывая этого прямо, Троцкий видел в качестве такого нового лидера себя.

В известной степени статья Троцкого оказалась сенсационной, ибо автор впервые позволил себе вынести сор из избы – рассказал о преступных уголовных делах большевистских агентов-экспроприаторов и пользующейся их услугами ленинской группе. По этой причине статья вызвала негодование различных кругов российской социал-демократии, прежде всего ленинской фракции, которые ополчились против Троцкого. Изначальное недовольство Ленина по поводу публикации со временем переросло в настоящую ненависть, породило для Троцкого известную ленинскую кличку «иудушка», а вместе с нею и десятки антитроцкистских статей и заметок с самыми разнообразными оскорбительными эпитетами. Эта на шумевшая в свое время статья Троцкого по-русски никогда издана не была. В советское время, став ближайшим помощником Ленина, а затем считая именно себя его достойным наследником, Троцкий строжайшим образом запрещал включать ее в свои сборники, в том числе и в начавшее выходить в середине 20-х годов, но не завершенное, многотомное собрание его сочинений.

Как видно из других материалов, в том числе резолюций то ли принятых, то ли инициированных венским социал-демократическим клубом, находившимся под влиянием Троцкого и его «Правды», движение за созыв партийной конференции, развернувшееся за границей во второй половине 1910 г., ставило под угрозу внутри большевистской фракции позиции ленинской группы. Наряду с ленинской группой в большевистских кругах существовало и умеренное крыло, а кроме того, близкой к большевикам оставалась отколовшаяся от них группа «Вперед». Важным документом такого рода явилась резолюция пяти заграничных социал-демократических клубов, одобренная в конце декабря 1910 г. В ней выражалась надежда, сформулированная довольно высокопарно и оказавшаяся тщетной, что «общепартийная конференция, представляющая всех стремящихся к воссозданию партии социал-демократических работников... без различия фракций и течений, способна положить конец организационной анархии и дать партии возможность занять в рабочем движении место, достойное ее славных традиций...».

Как свидетельствует документация, Ленин сосредоточивал свое внимание отнюдь не на объединении партийных сил, а на углублении раскола, добиваясь превращения своей микроскопической группы во влиятельную силу путем привлечения на ее сторону партийных деятелей и рядовых работников, находившихся в России и слабо знакомых с теми кознями и интригами, которые имели место в эмигрантских социал-демократических кругах, увлекаая их разного рода сомнительными махинациями и даже прямым обманом. Особое внимание Ленин сосредоточил на организации своей партшколы в местечке Лонжюмо под Парижем. Он стремился привлечь туда не только так называемых внутренних (т. е. находившихся в России) социал-демократических активистов, но и пробовал переманить в эту школу слушателей партшколы в Болонье (второй школы, образованной вслед за каприйской), которую он считал сборищем отзовистов, сгруппировавшихся под покровительством А.А. Богданова, Г.А. Алексинского и других ненавистных ему впередовцев.

В материалах этого раздела упоминается позиция Г.В. Плеханова – деятеля и человека непредсказуемых поступков, сыгравшего важную роль в становлении российской социал-демократии на этапе ее зачатия. Теперь же, оказавшись на обочине движения и крайне

раздраженный этим, Плеханов разными экстравагантными способами стремился вновь дать о себе знать. На этот раз действия Плеханова состояли в том, что он возглавил крохотную группу близких ему людей, которых окрестил «меньшевиками-партийцами», и поддержал, правда с оговорками, ту кампанию, которую Ленин вел против ликвидаторов, то есть социал-демократов, стремившихся к максимальному использованию легальных возможностей партийной работы внутри России.

В официальных документах меньшевики обычно не упоминали Плеханова, сохраняя по отношению к нему внешнее подобие уважения. В частной же переписке они давали волю своим чувствам. Мартов, например, писал Потресову 23 декабря 1910 г.: «Надо было бить на чувствительность более искренней части «партийцев» или просто смущенных Плехановым элементов, чтобы показать, какая... шваль обречена нести теперь выкинутое Плехановым «партийное» знамя».

Четвертый раздел, названный Николаевским «Раскол общепартийных центров», охватывает небольшой промежуток времени – с конца мая до начала августа 1911 г. Однако эти два с лишним месяца можно считать тем периодом, когда превращение социал-демократических фракций в фактически самостоятельные партии (хотя и не имевшие еще четких границ и официально оформленной и утвержденной документации) стало историческим фактом. Формально на этом этапе раскол выразился в том, что большевики-ленинцы разрушили Заграничное бюро ЦК (ЗБЦК).

В значительной своей части документация этого раздела сосредоточена вокруг драматического эпизода, происшедшего 27 мая 1911 г. С санкции Ленина один из его ближайших сторонников – Н.А. Семашко (он фигурировал под псевдонимом Александров), являвшийся кассиром и делопроизводителем ЗБЦК, демонстративно вышел из состава этого органа, прихватив с собой его кассу, денежные и делопроизводственные документы, в том числе и те, которые имели отношение к тайным каналам транспортировки в Россию социалистической литературы и агитационных материалов и к явочным пунктам, используемым при переходе границ Российской империи в обе стороны. Этой беспрецедентной, по существу дела воровской акции Семашко-Ленина предшествовали навязанные большевиками споры в ЗБЦК по поводу созыва за границей нового пленума ЦК, к чему стремился Ленин, рассчитывая на нем не только усилить свое влияние в заграничных парторганах, но и добиться решения о возвращении ему денег, которые были получены в результате экспроприаций и авантюры с наследством Шмита (а теперь находились по решению январского пленума ЦК 1910 г. на попечении германских социал-демократов К. Каутского, Ф. Меринга и К. Цеткин).

Практически все социал-демократические группы осудили действия Ленина. Даже группа «Вперед» высказалась против. Едкий и хлесткий в выражениях будущий большевик Д.З. Мануильский писал в этой связи Г.А. Алексинскому в середине июня: «Ильич настолько зарвался, что решил взрывать даже тот формальный оттенок единства, который как будто еще существовал. Дело началось с того, что Семашко (да, Григорий Алексеевич, Семашко!) распустил ЗБЦК, т. е. ушел из него, забрав всю кассу и объявив, что это почтенное собрание больше не существует. ЗБ потребовало деньги, но Семашко объявил себя их держателем, при этом я Вам прилагаю листок ЗБЦК, в котором почтенные мужи «Avenue d'Orleans», где находилась резиденция ЗБЦК, «с недоумением спрашивают, что это за новые нравы. Действительно, нравы вполне оригинальные: раньше, когда кассиры забирали кассу, они хоть скрывались в Америку, а теперь

разгуливают в Fontenay aux Roses», то есть в окрестностях Парижа, где проживали ученики ленинской школы в Лонжюмо.

Захватив партийные деньги, Ленин и его группа немедленно предприняли дальнейшие шаги по углублению и завершению партийного раскола. Они окончательно превратили газету «Социал-демократ» из центрального партийного печатного органа в свой фракционный орган, образовали Организационную комиссию по созыву заграничного пленума ЦК, а затем и партконференции, а также Техническую комиссию для решения текущих вопросов. Кроме того, Ленин пошел на очень важный тактический блок с социал-демократами Польши и Литвы.

Тогда в борьбу против Ленина включился еще и Троцкий, давший в конце июня 1911 г. отпор Ленину на страницах своей венской «Правды». Написанная явно самим Троцким статья (об этом можно судить по неповторимому стилю, по характеру поставленных вопросов и тут же даваемых на них ответов) камня на камне не оставляла от ленинской демагогии по поводу партийного единства:

«Одно из двух, товарищи: либо устав и формальная дисциплина – тогда не смейте обходить ЗБ, тогда не присваивайте себе прав и полномочий пленума, тогда не создавайте «ОК», тогда не предопределяйте заранее состава пленума, приглашая одних и самовольно вычеркивая других; либо внеуставная и революционная инициатива, «экстренные меры», как выражается «Извещение», – тогда имейте мужество заявить об этом без прикрытий и оговорок, тогда не прячьтесь от приговора той партии, во имя которой Вы ведете двойную игру, проводя под маской партийности свой корыстный фракционный интерес».

Из многочисленных писем Ленина, опубликованных сравнительно недавно в его сборнике «Неизвестные документы», видно, как настойчиво, а порой и просто грубо Ленин добивался возвращения ему партийных денег, находившихся на хранении у немецких социал-демократов [955 - Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 63–79, 85–91, 93–95, 98–99.]. В распоряжении Николаевского этих документов не было. Однако у него были другие материалы, свидетельствовавшие о том, как меньшевики пытались предотвратить передачу этих денег Ленину. Аксельрод – старейший российский социал-демократ и личный друг одного из держателей денег – К. Каутского – 6 июня 1911 г. сообщал Каутскому, что Ленин утаил от партии «для целей своей клики» по крайней мере 100 тысяч рублей:

«Во-первых, это все же не освобождает нас, равно как и тебя, от обязанности выступить против использования принадлежащих партии фондов для целей, направленных во вред партии. Во-вторых, если после этого Ленин все же пустит в ход денежные средства для осуществления своих дезорганизаторских планов, то этим он даже самым наивным и доверчивым товарищам покажет, что в прошлом году он и его преторианцы [956 - Преторианцы – в Древнем Риме вначале охрана полководцев, а затем императорская гвардия. В переносном смысле – войска, служащие опорой власти, основанной на силе.] циничнейшим образом ввели в обман ЦК и партию».

Событиям следующих четырех месяцев (август – ноябрь 1911 г.), когда, как формулировал Николаевский, произошел «взрыв большевистско-польского блока», посвящен пятый раздел публикации. Включенные в него документы важны прежде всего с той точки зрения, что показывают напористость и решительность, которые Ленин и его группа, составлявшие незначительное меньшинство, противопоставляли остальным партийным фракциям, теряя при этом последних союзников, в частности польских социал-демократов. Единственным полусоюзником Ленина оставался в этот момент

Плеханов со своими «меньшевиками-партийцами», однако и он все более отдалялся от Ленина, видя, что тот планирует стать во главе сплоченной и жестко дисциплинированной, хотя и численно незначительной фракции, верной своему вождю (оттеснив, понятное дело, на второй или третий план патриарха русской социал-демократии Плеханова).

Раздел открывается группой документов, свидетельствующих, что Ленин и созданные им структуры – Организационная и Техническая комиссии – утратили поддержку польских социал-демократов и фактически перестали существовать. Пришла в упадок и контролируемая Лениным газета «Социал-демократ», из которой Ленин пробовал вытеснить теперь уже и поляков. Одновременно Ленин и его ближайший соратник того времени Г.Е. Зиновьев решили созвать свою «общепартийную» (а на самом деле ленинскую фракционную) партконференцию, которую с помощью типичного ленинского жульничества собирались выдать за представительство всей партии.

Эти действия вызвали возмущение не только других членов заграничных комиссий, но и части большевиков. В результате в начале ноября 1911 г. появился поистине беспрецедентный документ – резолюция группы большевиков-партийцев с резким осуждением захвата партийной типографии и экспедиции ленинской группой и еще более резким протестом против действий Ленина в редакции газеты: «Захват двумя большевиками-фракционерами [Лениным и Зиновьевым] Центрального органа партии является поступком того же порядка, но еще более возмутительным, чем захват... партийной типографии и экспедиции». «Социал-демократ», делали вывод авторы резолюции, окончательно превратился во фракционный ленинский орган и не может считаться органом партии. В этом захвате Ленина отказался поддержать даже Плеханов. Ленин окончательно остался один.

Последний, шестой раздел публикации назывался «Вокруг Пражской конференции». Он был посвящен завершению полного организационного раскола в РСДРП путем проведения большевиками-ленинцами своей сепаратной конференции, которая в конце концов откровенно обманым образом была выдана ими за общепартийную. Николаевский не случайно назвал раздел именно «Вокруг Пражской конференции». В нем нет материалов самой конференции, которые были лишь выборочно опубликованы в СССР еще до Второй мировой войны [957 - Пражская конференция РСДРП 1912 года. Статьи и документы. М.: Партиздат, 1937.] и в полном виде в распоряжении составителя не имелись. Речь идет в основном о трех вопросах: являлась ли конференция, созванная Лениным, подлинным форумом РСДРП; каковы были отклики на нее со стороны различных фракций, групп, течений и деятелей российских социал-демократов; как повлияли созыв и итоги этой конференции на взаимоотношения ленинской группы с европейской социал-демократией, прежде всего с германской и, главное, с «держателями» пресловутых партийных денег.

Документы показывают, что в конференции, помимо большевиков, формально участвовали только два меньшевика. К тому же один из них оказался, в сущности, ленинцем и, как свидетельствуют материалы, был своеобразным «агентом влияния» Ленина в плехановском стане. Второй же после конференции подверг саму конференцию и особенно поведение Ленина на ней весьма нелюбезной критике и отказался от признания ее партийным форумом. Так что в результате оказалось, что в Праге собралась не партийная, а чисто фракционная конференция, которая фактически, хотя и не формально (формально это произошло в 1917 г.), завершила организационный партийный

раскол.

Произошел и окончательный разрыв ленинской группы со сторонниками Плеханова, которые с характерной для них фразеологией назвали Ленина «неоликвидатором» партии [958 - Их парижская группа писала в обращении к партии: «Ликвидаторы уже несколько лет твердят, что партии нет, что партийная дисциплина поэтому ни для кого не обязательна и т. д. Теперь ленинский кружок им дает в руки отличное оружие для защиты указанных положений... Тем более настойчиво заявляем мы свое возмущение фракционными действиями неоликвидаторов, щеголяющих под маской партийцев, что они считают возможным опираться на нас, партийных меньшевиков»]. Из ряда материалов (некоторые из них Николаевский включил в примечания) следует, что созданная Лениным большевистская Российская организационная комиссия (РОК) и особенно один из ее руководителей Т.К. Орджоникидзе проявили максимум усилий для того, чтобы подобрать на конференцию только таких делегатов, которые будут послушно выполнять ленинскую волю. Все же остальные группы и течения социал-демократов единодушно осудили раскольнические действия Ленина. Лидеры ранее близкой к большевикам польской социал-демократии в своем открытом письме плехановцам и группе «Вперед» упрекали и тех и других в том, что общая пассивность привела к тому, что их приверженцы в России, оставшись без руководства, пошли за большевиками «ленинского направления, служа против воли и помимо собственного вedomо делу раскола».

Именно накануне Пражской конференции, в ноябре-декабре 1911 г., произошел конфликт Ленина с немецкими «держателями» денег. Каутский перестал прикрывать Ленина и потребовал, чтобы тот передал в фонд дополнительные 30 тысяч франков, которые ранее Ленин оставил у себя вопреки решению январского пленума ЦК РСДРП 1910 г. (сумма была даже большей – 33 тысячи франков). В этой связи К. Каутский и К. Цеткин (Ф. Меринг был тогда тяжело болен и сложил с себя обязанности «держателя») писали в Загранбюро ЦК РСДРП 18 ноября 1912 г.: «Согласно всем обстоятельствам дела мы делаем т. Ленина ответственным за то, чтобы передача нам этих денег совершилась своевременно и полностью. Всякая попытка помешать передаче этой суммы или хотя бы части ее в хранящийся у нас фонд означала бы противозаконное присвоение партийной собственности».

Как и следовало ожидать, передачи Лениным денег не последовало. Через две недели Цеткин значительно более резко писала большевикам Таратуте и Андриканису, которых Ленин держал в качестве «мальчиков для битья»:

«Ваш отказ перевести в депозит значительную часть партийного имущества и ваша готовность выдать ее т. Ленину во фракционное владение и для фракционных целей являются грубым нарушением формальных постановлений договора и извращением его очевидного смысла... Российской партии и Социалистическому интернационалу придется высказаться по этому поводу, так как, выполняя возложенное на меня поручение, я сочту себя обязанной в случае необходимости апеллировать к ним обоим».

Николаевский написал на эту тему значительную по объему статью. Дело в том, что он в качестве представителя «Центра» социал-демократов России выезжал в Баку для расследования обстоятельств «избрания» закавказских делегатов на Пражскую конференцию. В этом качестве Николаевский встречался со Сталиным, Спандаряном и другими большевиками и меньшевиками. Воспоминания Николаевского представляют собой захватывающе интересный и ценный для истории рассказ о клубке противоречий,

интриг, подлогов и взаимных обходных действий, провокаторства и других весьма неприглядных поступков, которые были характерны прежде всего для большевиков, но которых не были лишены и другие фракции социал-демократов, тем более что сам Николаевский, будучи меньшевиком, не скрывал причастности своих закавказских единомышленников к сомнительным действиям.

Комплекс документов, о котором мы рассказали, весьма полезен для дальнейшего объективного анализа российской истории в начале XX в. и интересен для разнообразного читательского круга, стремящегося разобраться в драматических событиях того времени. Мы осмеливаемся полагать, что публикация этих документов в «Вопросах истории» способствует преодолению тех догматов и стереотипов, которые усиленно насаждались в СССР на протяжении десятилетий, прежде всего в связи с созданием культа личности Ленина, и которые в остаточном виде сохраняются в современной России.

Последние выступления, кончина и память

В последние годы жизни, несмотря на плохое состояние здоровья, Николаевский, сохранивший высокую трудоспособность, оставался тем же неутомимым искателем исторической истины, каковым был на протяжении всей своей деятельности. Он встречался с людьми самых различных взглядов – от монархистов до коммунистов, убеждая их написать мемуары или же подробно ответить на поставленные вопросы. Его память, несмотря на возраст, оставалась великолепной, и он слыл ходячей энциклопедией русской революции.

Одной из памятных в последние годы жизни была его встреча в Гуверовском институте со ставшей к этому времени знаменитой писательницей Ниной Берберовой, переписка которой хранилась в коллекции Николаевского. Не без веселого ехидства писательница напомнила Борису Ивановичу, что эти документы он купил у нее всего за полсотни долларов в Нью-Йорке, куда она в начале 50-х годов приехала нищей и голодной беженкой. Сама же встреча с собственными письмами произвела на Нину Николаевну такое впечатление, что она посвятила ей стихотворение [959 - Берберова Н. Курсив мой (1983). С. 688; Даниельсон Е. Архивы русских эмигрантов // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 206.]. В сентябре 1989 г. в интервью российскому журналисту Нина Николаевна рассказала кое-какие подробности:

«Я приехала в США осенью 1950 года и привезла с собой из Парижа, где пробыла почти четверть века, огромный ящик с бумагами – все то, что я спасла в свое время из квартиры Ходасевича, разгромленной немцами... Ко мне пришел мой добрый знакомый историк Борис Иванович Николаевский... Вместе мы открыли драгоценный ящик: автографы, газетные, журнальные публикации Ходасевича, тетради, которые, я помню, сшивала цветной бумагой... Все это я предложила Борису Ивановичу купить. За какую цену? Вы думаете, я тогда понимала в этом? Борис Иванович был человек небогатый, как и все эмигранты, и он сказал: «Я могу дать 50 долларов». А у меня в кармане в тот момент было только пять долларов, и на следующее утро я должна была внести плату за гостиницу, в неделю я платила пятнадцать долларов. В этой ситуации я сказала: «Хорошо» [960 - Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 629.].

С осени 1964 г. Борис Иванович тяжело болел. Ему сделали операцию, после которой он на некоторое время почувствовал себя лучше, хотя был очень слаб. Знакомые и друзья

помогали Бургиной в уходе за ним. Сам же Николаевский всячески стремился возвратиться (или приблизиться) к прежнему образу жизни [961 - Лэд Кристоф, с которым установились дружеские связи на почве общей работы над Меншевистским проектом, писал другой участнице проекта Юлии Камерма*censored* 11 января 1965 г.: «Мы... взяли сегодня Бориса Ивановича и Анну Михайловну в один парк недалеко [от] Пало-Алто. Борис Иванович прогулялся немножко по лесу, и думаю, что был доволен» (МР, box 21, folder 1).]. Он возобновил работу с архивной коллекцией, подготовку фундаментальной публикации документов и материалов о внутренней борьбе в российской социал-демократии после революции 1905–1907 гг. Возникла и идея (он вынашивал ее вместе с С.М. Шварцем, ставшим профессором Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке и автором ряда работ по социально-политической истории России) подготовки четырехтомника избранных материалов «Социалистического вестника» [962 - Новое русское слово. 1966. 25 февраля.].

Как и прежде, Николаевский с удовлетворением оказывал консультативную помощь исследователям, которые широко пользовались и кладовыми его памяти, и документами его коллекции [963 - 2 декабря 1964 г. Кристоф писал Ю. Камерма*censored*: «Мучу Бориса Ивановича вопросами, и он терпеливо отвечает» (МР, box 21, folder 1).]. Борис Иванович собирался написать подробные воспоминания о событиях 1933 г. в Германии, приходе к власти нацистов, спасении русских и немецких социалистических архивов и своей роли в этом деле. Будущим мемуарам об этих исключительно важных событиях он придавал особое значение, так как почти никаких документов о них не сохранилось. Единственным первичным источником, о котором ему стало известно, было письмо директора Французского военного архива Камилла Блоха, сохранившееся в личных бумагах А. де Монзи. «Все остальное, – писал Николаевский, – по-видимому, уничтожено: франц[узские] власти явно опасались, что гитлеровские власти будут производить расследование этого дела» [964 - NC, box 492, folder 7.].

Отдавая должное творчеству коллеги, американские исследователи позаботились об издании сборника избранных произведений Николаевского, вступительную статью к которому написал Джордж Кеннан, в прошлом посол США в СССР и автор знаменитой «длинной телеграммы», возвещавшей начало холодной войны [965 - *Foreign Relations of the United States, 1946, Eastern Europe and the Soviet Union. Vol. 6. Washington, DC, Government Printing Office. P. 696–709.* Телеграмма завершилась словами: «Мы должны иметь достаточно смелости и уверенности, чтобы остаться верными нашим собственным политическим методам и взглядам на человеческое общество. В конце концов, самая большая опасность, которая грозит нам в решении проблем советского коммунизма, – это уподобление тем, с кем мы имеем дело».]. Книгу под названием «Власть и советская элита» выпустило престижное издательство Прэгера в Нью-Йорке в серии «Публикации по российской истории и мировому коммунизму» [966 - *Nicolaevsky V. Power and the Soviet Elite. New York: Praeger, 1965.*]. Через десять лет книга была переиздана издательством Мичиганского университета [967 - *Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite. «The Letter of an Old Bolshevik» and Other Essays. Ed. by Janet D. Zagoria. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1975.*]. В июне 1965 г. Борис Иванович написал к этой книге краткое предисловие:

«Статьи этого сборника посвящены одной теме – истории сложной борьбы в советских верхах и укромных тайниках аппарата коммунистической партии, которые до настоящего

времени определяют основную политическую линию Кремля. Для того чтобы понять эту политическую линию, мы должны проследить за группами, вовлеченными во внутрипартийный конфликт» [968 - Nicolaevsky B.I. Power and the Soviet Elite (1975). P. VII–VIII.].

Д. Кеннан в своей вступительной статье [969 - Ibid. P. XIII–XXI.], написанной в мае 1965 г., кратко познакомил англоязычного читателя с жизненным путем, политической эволюцией и научными заслугами автора сборника. Он писал, что «Николаевский неуклонно проводит свою работу как исследователь и комментатор советской политической жизни, проявляя неиссякаемую интенсивность своих интересов, богатство опыта, исключительную мощь своей памяти и, безусловно, дисциплину собственного сознания как русского марксистского (в период царской России) революционера». Особенно высоко Кеннан оценивал «Письмо старого большевика», а в пределах этой работы выделял оценку значения убийства Кирова для дальнейшего развития СССР. Кеннан прозорливо предсказывал, что в будущем внутренняя борьба в советском руководстве неизбежно приведет к падению режима. В устах многоопытного, трезво мыслящего и весьма требовательного американского государственного деятеля и ученого эти оценки стоили многого.

Книга состояла из пяти разделов: «Бухарин и оппозиция Сталину»; «Сталин и Киров»; «Смерть Сталина и ее последствия»; «Процесс десталинизации»; «Три политические биографии – Булганин, маршал Конев, Сулов». Все статьи ранее были опубликованы в «Социалистическом вестнике», «Новом русском слове» и The New Leader, причем Николаевский не считал для себя допустимым внести какие-либо коррективы в их текст, хотя некоторые моменты он теперь осветил бы по-иному. Так сборник приобретал не только историографическое значение, но и становился источником научных взглядов и концепций ученого того времени, когда создавались его произведения. В рецензии на этот сборник известный журналист, политолог и историк Луис Фишер писал, что книга дает «возможность глубоко заглянуть в ту темную комнату, где собираются московские властители», что Николаевский – крупнейший на Западе авторитет в области советской политики, мастер-кремлинолог. «Его знание личностей и их прошлого, марксизма и марксистского менталитета помогает... осветить ярким светом бесконечные волнения и интриги».

В ночь на 22 февраля 1966 г. у Бориса Ивановича произошел тяжелейший сердечный приступ, в результате которого он умер. Ему было 78 лет. Смерть застигла его в его доме в городе Менло-Парк в Калифорнии, где он обитал в последние годы жизни. За три месяца до его кончины Луис Фишер, которому довелось общаться с Николаевским, с трогательной доверительностью написал: «We have all sat at his feet», что можно перевести «Мы склоняемся перед ним», в смысле: «Куда уж нам до него» [970 - New York Times. 1965. November 21.].

Похоронен был Б.И. Николаевский на мемориальном кладбище Алта-Меса в Пало-Алто на тенистом участке «Оук Гроув» («Дубовый лесок»). Через много лет рядом с его могилой появилась и могила его жены А.М. Бургиной.

В зарубежной русской прессе были опубликованы многочисленные некрологи и статьи, отмечавшие выдающийся вклад Бориса Ивановича в разработку истории своей родины. Из них особенно трогательными были две статьи Г.Я. Аронсона, с которым в прежние годы Николаевский не раз дискутировал [971 - Новое русское слово. 1966. 8, 20 марта.]. В первой говорилось о том огромном значении, которое имело изучение Николаевским

внутреннего развития коммунистической диктатуры. Он оказался «наиболее сведущим, исключительным знатоком интимной и «малой» истории коммунизма. Все, кто когда-либо изучал русскую революцию, поражались его исключительной эрудиции, его феноменальной памяти, его редким знаниям деталей». Вторая статья была посвящена деятельности Бориса Ивановича в эмиграции. Именно из нее многим читателям стали известны те поистине героические усилия, которые были предприняты Николаевским по спасению и вывозу архивов из нацистской Германии, а затем из оккупированного гитлеровцами Парижа. Вспоминая о своих разногласиях и столкновениях, а отчасти под их впечатлением, Аронсон писал:

«Он был человек и деятель сложный и оригинальный, страстный и пристрастный, особенно в политике, да еще в атмосфере эмигрантской политики. В нем сочетались гуманист и фанатик, человек доброй души и в то же время человек непримиримый. Нелегко было сработаться с Борисом Ивановичем, и легко было с ним разойтись. С кем только не расходился он в нашей эмигрантской юдоли – на время, надолго или навсегда!»

Некрологи и статьи о Борисе Ивановиче появились и в англоязычной прессе – в газетах «Нью-Йорк тайме», «Нью лидер» и др. [972 - The New York Times. 1966. February 23; The New Leader. 1966. February 28, March 14.] 20 марта памятное собрание состоялось в Нью-Йорке [973 - Новое русское слово. 1966. 23 марта.]. С докладом на нем выступил Марк Вениаминович Вишняк, в прошлом деятель партии социалистов-революционеров, а теперь редактор русского отдела американского журнала Time («Время»), автор автобиографической книги «Дань прошлому» (1953). Не забыв о своем эсеровском прошлом, он особо выделил активные выступления Николаевского в защиту эсеров во время суда над ними в Москве в 1922 г. и обращения к Мартову и Горькому с призывом организовать протест европейской общественности [974 - Там же. 1956. 21 марта; Русская мысль. 1966. 29 марта.].

Дж. Кеннан говорил, что знакомство с Николаевским стало для него открытием, что неизгладимое впечатление произвели на него глубина и чистота убеждений покойного, его сила духа, настойчивость и последовательность, с которыми он отстаивал свои идеи. Как ученый он стал для американцев «важной и необходимой фигурой». Профессор Принстонского университета Роберт Такер, позже получивший всеобщую известность своими исследованиями биографии Сталина, познакомившийся с Борисом Ивановичем в Стенфордском университете, выражал надежду, что найдутся люди, которые смогут довести до конца начатые им работы и «продолжат разработку сокровищ его архива» [975 - Памяти коллеги и учителя американские историки посвятили объемистый том, в который вошли биографические очерки о периоде формирования ученого и о его деятельности в США, библиография трудов, составленная А.М. Бургиной, и многочисленные статьи по различным проблемам истории революционного движения в России до 1917 г. и советского периода, навеянные идеями Николаевского или опирающиеся на его документацию (см.: Revolution and Politics in Russia).]. Высоко оценивал деятельность и заслуги, высокие личные качества Николаевского И.В. Гессен, в прошлом один из лидеров партии кадетов, назвавший Бориса Ивановича «живой энциклопедией революционного и освободительного движения» [976 - Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 59.].

После кончины своего супруга А.М. Бургина провела большую работу по составлению

детального аннотированного каталога коллекции Николаевского, но не завершила эту работу, которая была окончена уже после ее смерти новым куратором коллекции Михаилом Якобсоном. Этот фундаментальный путеводитель объемом более 750 страниц, являющийся подлинным ключом для исследователей, был опубликован Гуверовским институтом книгой [1977 - Bourgina A.M., Jakobson M. Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection.]. Сама же А.М. Бургина в письме своему знакомому М. Хундадзе в 1974 г. так описывала работу и весьма непростые взаимоотношения с руководством Гуверовского института:

«Мне приходится вести непрекращающуюся борьбу за возможность обработки литературного наследия Бориса Ивановича, которое, без такой обработки столь знакомого с его содержанием человека, как я, теряет все свое научное значение. Сам по себе Институт является богатейшим хранилищем научного материала, но возглавляют его люди абсолютно невежественные, ревниво оберегающие свой авторитет от всякого маломальски сведущего человека. Даже такому человеку, как Борис Иванович, пришлось испытать на себе такое отношение. Со мной, конечно, меньше считаются. И несмотря на то, что свою работу я веду без какой бы то ни было оплаты, я, тем не менее, живу под постоянной угрозой полного устранения из Института. И потому не решаюсь отлучиться даже на самое короткое время, чтобы, вернувшись, не очутиться пред свершившимся фактом... А продолжать работу я считаю своим долгом перед памятью Бориса Ивановича, который именно на меня и возложил этот труд» [1978 - Ненароков А.П. В поисках жанра. Кн. 2. С. 314.].

Творчество Николаевского в СССР – не только при Сталине, но и в пору хрущевской «оттепели», и во время брежневского застоя – оставалось под полным запретом. Упомянуть его имя можно было только в отрицательном смысле. Как-то вскоре после смерти Николаевского в «Литературной газете» появилась статья известного собирателя раритетов и литературоведа И. Зильберштейна о М. Горьком, в которой достаточно смелый, но представившийся наивным автор назвал Николаевского «известным историком социал-демократии», которому удалось сохранить ценные письма писателя [1979 - Зильберштейн И. Рукописи Горького: Поиски и находки // Литературная газета. 1967, 19 апреля.]. Через пару месяцев в той же газете появилось гневное письмо историков КПСС Л.С. Гапоненко и К.Л. Селезнева, бичевавшее недальновидность редакции, допустившей позитивное высказывание о «враге Советского Союза» [1980 - Литературная газета. 1967. 14 июня.]. Тот же тон был свойствен упоминаниям о Николаевском в примечаниях и указателе имен к «Полному собранию сочинений» Ленина. С некоторыми разночтениями, эти комментарии всегда заканчивались словами: «Позднее жил в США, продолжал заниматься фальсификацией марксизма-ленинизма и истории КПСС» [1981 - См., например: Ленин В.И. «ПСС». Т. 39. С. 568.].

В постсоветской России с творчеством Б.И. Николаевского широкий читательский круг смог познакомиться в первой половине 90-х годов, когда были опубликованы сборники произведений Николаевского и документов из его архивов [1982 - Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред. – сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990 (книга содержит статью Николаевского о русских масонах в начале XX в., многочисленные интервью, записи бесед и документы); Николаевский Б.И. Тайные страницы истории

(здесь опубликована вступительная статья Николаевского к первому разделу документации о борьбе в российской социал-демократии в 1908–1912 гг., его биографический очерк о Г.М. Маленкове и другие материалы из его коллекции); Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция / Вст. ст. В.М. Шевырина. М.: Высшая школа, 1991; Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция / Вст. ст. А. Левандовского. М.: Политиздат, 1991; Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным.]. В 2002 г. в Российском государственном архиве социально-политической истории (он был образован на базе бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС) был создан мемориальный кабинет Николаевского и в нем развернута выставка фотографий и документов из коллекций этого архива, архива Международного института социальной истории, архива Гуверовского института и других архивохранилищ, а также даров родственников и коллег Николаевского. В кабинете оказались и личные вещи семьи Николаевских, библиотека его работ и трудов других авторов, тематически связанных с творчеством Николаевского, комплект «Социалистического вестника» и прочих журналов, в которых публиковался историк. Печатное наследие Бориса Ивановича включало 16 книг (ряд из них переиздавался на различных языках) и более 520 документальных публикаций, статей, рецензий и других материалов [983 - См. библиографию: Bourgina A.M. The Writings of B.I. Nicolaevsky. P. 322–341. В значительной степени на базе коллекции Николаевского Бургина опубликовала также объемистый и ценный библиографический труд о меньшевизме: Bourgina A.M. Russian Social Democracy: The Menshevik Movement. В России также появилась библиография работ Николаевского, правда крайне неполная и небрежно составленная: Крылов В.В. Живая энциклопедия революционного и освободительного движения. С. 121–137.]. Сама же А.М. Бургина – автор избранной библиографии – пишет в предисловии к ней, что «в течение своей жизни Николаевский написал сотни статей по истории, об исторической литературе и политике; было бы невозможно все эти статьи назвать. За немногими исключениями, это библиография трудов, написанных Николаевским в эмиграции» [984 - Bourgina A.M. The Writings of B.I. Nicolaevsky. P. 322.]. Можно полагать, что общее число работ, созданных Николаевским, далеко превышает тысячу.

Николаевский не оставил прямых наследников. Детей у Анны Михайловны и Бориса Ивановича не было. Однако обширное потомство оставили его братья и сестры. Эти люди, живущие в разных городах России и занятые в самых различных специальностях – медицине, географии, биологии, – сохраняют память о своем выдающемся родственнике, следят за публикациями его произведений на родине, способствуют всеми доступными им средствами изучению его творчества, хотя никто из них не последовал за ним в выборе профессиональных интересов. Все они, в том числе и потомки Владимира Николаевского и Фаины Рыковой, прошедшие тяжелейшие испытания в эпоху сталинизма, никогда не отрекались от своего родственника, который, оказавшись за пределами России, всеми возможными методами и способами, в том числе разоблачительными выступлениями в печати и на международных форумах, вел борьбу против тоталитаризма в СССР, за демократическое переустройство России.

Но лучший памятник замечательному историку – это его ценнейшее архивно-документальное собрание, которым все шире пользуются ученые всего мира, исследователи самых разнообразных проблем истории России первой трети XX в., истории российской политической эмиграции, истории европейских общественных и

политических движений XIX–XX вв.

Заключение

Борис Иванович Николаевский вошел в историю и как ее активный деятель, и как летописец эпохи, как собиратель уникальных документов, и как мастер исторического повествования. В Николаевском боролись душа историка и душа политика [985 - Так сказал о нем меньшевистский деятель Г.Я. Аронсон (см.: Новое русское слово. 1966. 20 марта).]. Точнее было бы сказать, что в нем сосуществовали и органически и неразрывно сочетались душа политика, душа политолога, душа историка. Но все же душа историка доминировала [986 - В первых двух качествах он часто выступал под псевдонимами и псевдоинициалами, которые расшифрованы благодаря ему самому и поискам Бургиной. Среди них Н. Борисов, Г. Голосов, Гр. Голосов (Борисов и Голосов использовались наиболее часто), Б. Андреев, Б. Иванов, Б. Николаев, А.Б., Б.А., И., Н., С., Х. Использовались также сокращенные обозначения подлинного имени Б. Н., Б. Н-ский, Бор. Н-ский. По всей видимости, были и другие подписи, так что все обилие творчества Николаевского вряд ли может быть раскрыто в полном объеме, особенно по периоду до 1917 г.]. Как и масса других политических, общественных деятелей, творцов произведений литературы и искусства, Николаевский претерпел естественный путь развития, вектором которого было движение слева направо. Британскому политическому деятелю У. Черчиллю приписывают суждение, что тот, кто не был в юности радикалом, – подлец, а тот, кто не стал в зрелости консерваторм, – дурак.

К Николаевскому это суждение относилось, но только частично. Он действительно совершил эволюцию от радикализма к консерватизму, но, во-первых, этот путь он проделал очень быстро, всего лишь за несколько лет, а во-вторых, как бы остановился на полпути – от радикализма отошел, но консерваторм в прямом смысле так и не стал, избрав на всю жизнь мировоззрение, ментальность, исторические взгляды, весь духовный строй умеренного социалиста, тяготевшего к правому сектору российского социал-демократического движения, считавшего, что коренная перестройка общества на социалистических началах вполне возможна, но для ее осуществления потребуются длительный исторический промежуток, на протяжении которого созреют как материальные, так и духовные возможности общества. Определить временные рамки такого созревания правые социалисты не только не пытались, но полагали это бессмысленным, противоречащим догмам марксизма.

Как показала история, переломить вектор истории не было дано ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. Марксизм оказывался таким же утопическим экономическим, социальным, политическим учением, каковыми были и все предыдущие коммунистические утопии. Он только стремился одеться в наукообразные одежды.

Лишь к концу жизни, вживаясь в быт и нравы Соединенных Штатов, Борис Иванович начал осознавать утопичность всех своих прошлых политических планов и замыслов в смысле достижения социализма как некоего особого идеального социально-экономического и политического устройства. Об этом свидетельствуют и его стремление к объединению сил с «цензовой», то есть аристократической и буржуазной российской эмиграцией, и отход от активной общественной деятельности, и почти полное

сосредоточение на архивной, археографической и историко-аналитической работе. Он никогда, ни одним словом не упрекал своих бывших однопартийцев в приверженности марксистским догматам, хотя сам вынужден был многократно сталкиваться с их обвинениями в отходе от социалистических идей.

Николаевский с уважением, порой даже с почтением относился к памяти тех, кто привел его на дорогу социализма. Он понимал, что и у новых молодых поколений будет вновь и вновь возникать стремление переделать общество по рецептам справедливости, что к этому их будут толкать абстрактные мыслители, что этим будут пользоваться бессовестные политиканы, что нехватка исторической памяти, к огромному сожалению, является вечным свойством человеческой природы, что люди будут и впредь наступать на одни и те же грабли, набивать себе шишки и синяки и даже идти на Голгофу во имя призрачных целей.

На протяжении всей своей творческой деятельности Николаевский был вдумчивым политологом, стремившимся основывать свои выводы и прогнозы на максимально широком круге источников. Но в силу самой специфики этой дисциплины он вынужден был строить и чисто логические конструкции, предположения, прогнозы. Далеко не всегда они подтверждались дальнейшим анализом или развитием событий, но это были издержки данного вида производства. Соотношение между фактами и их интерпретацией, интерпретацией и выводами, выводами и прогнозами являлось и остается важнейшей проблемой, на основании которой можно судить не только о степени добросовестности, но и о профессиональной квалификации политолога и историка.

Политологические разработки нашего героя относились к той области, которая на рубеже 50–60-х годов стала называться в США советологией. В этом качестве он соединял в себе черты знатока советских реалий, полученные в результате собственного опыта, со стремлением как можно глубже разобраться в поворотах и изгибах большевистской власти. Всегда решительно осуждая ее, Николаевский лишь изредка поддавался бушевавшим в глубине его души чувствам и страстям, стремился, чтобы они оказывали как можно меньшее воздействие на аналитическую работу. В то же время, как и многие другие исследователи, он не мог вырваться из того круга нравственных принципов и идеологических догм, которые стали органической частью его природы. В этом не было противоречия – будучи убежденным в своей моральной и идеологической правоте, Николаевский стремился подтвердить ее объективным анализом реальных фактов, хотя подчас под влиянием своих представлений ошибался, но ошибался добросовестно.

Но главным, чему посвятил свою деятельность Николаевский, была российская и европейская история XIX–XX вв. Многочисленные ссылки на коллекцию Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира встречаются во многих документальных публикациях, посвященных самым разнообразным проблемам истории России, а также западноевропейских стран в XIX – первой половине XX в. Это отнюдь не единственный, но очень важный памятник ученому, облегчившему углубленное и объективное изучение многих важных аспектов недавнего прошлого. В качестве археографа, источниковеда и собственно историка Николаевский внес наибольший вклад в изучение развития российского социал-демократического движения. Его многочисленные аналитические статьи, посвященные отдельным аспектам, биографиям деятелей этого движения, особенно меньшевистского течения, а затем партии меньшевиков, разоблачение фальсификаций, которые обильным потоком лились из-под перьев услужливых партийных холопов – советских историков ВКП(б) – КПСС,

полемиические выступления, вскрывающие неточности и ошибки других авторов вкупе с мемуарными фрагментами, прошедшими сквозь зоркую проверку, в хорошем смысле слова цензуру профессионала, – таков весомый багаж Николаевского как историка России.

Николаевский изучал и знал не только научные труды, историю в ее разнообразных толкованиях, не только опубликованные и неизданные источники, не только умел осуществлять их квалифицированную научную критику, служащую постижению истины. Он проявлял глубокую заинтересованность к устным свидетельствам, даже тем, которые носили заведомо неточный характер или напоминали предания. Последние являлись для него также источником – свидетельством тех или иных общественных настроений, расстановки социально-политических сил, предпосылкой для понимания властных решений или партийной политики, в конечном итоге определенным дополнением документальных источников как таковых.

Неповторимое сочетание личного опыта, знакомства с видными участниками событий от Керенского и Милюкова до Ленина и Сталина, знания огромного числа документальных памятников и умения их продуктивно использовать – все это превращало Николаевского в уникального специалиста. Однопартиец Бориса Ивановича, также занимавшийся историей и нередко вступавший с ним в споры, Б.М. Сапир весьма сдержанно и, пожалуй, сквозь зубы написал после кончины Николаевского: «Б.И. сумел найти себе место в меньшевистской иерархии: историк партии, собиратель партийного архива... Как историк партии и собиратель архива он был как бы вне фракций» [987 - Boris Sapir Collection, box 16; Ненароков А.П. Б.И. Николаевский – исследователь русского зарубежья. С. 143.].

Реальный вклад Николаевского в изучение политической борьбы на левом фланге российского общественного движения был значительно серьезнее, чем это высказал Сапир. Точно так же весьма весомыми были его научные результаты в изучении многих других аспектов российской и европейской истории второй половины XIX – первой половины XX столетия. Но действительно, активно участвуя в политической борьбе и занимая в ней жесткую определенную позицию, в научном исследовании Николаевский всегда выходил за пределы фракционного подхода.

Монографические исследования, документальные публикации с обширными комментариями, которые являлись своего рода миниатюрными научными трудами, аналитические и обзорные исторические и политологические статьи, источниковедческие и историографические работы, дискуссионные выступления и аргументированные печатные споры с оппонентами – таков был литературный багаж Николаевского. Его личный творческий опыт служит наглядным опровержением мнения некоторых американских исследователей [988 - См.: например: Manning C.A. A History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee: Marquette University Press, 1957.], что эмигрант не может стать историком своей родины, ибо не в состоянии быть объективным и сохраняет политическую и иную пристрастность. В случае Николаевского эмигрант оказался весьма квалифицированным специалистом по своей родине как раз в результате личного опыта, знания языка и культуры, свободной ориентации в массиве литературы и источников и, главное, внутреннего тяготения к тому, чтобы разобраться в процессах, происходивших в его стране в далеком или близком прошлом.

К величайшему сожалению, только незначительная часть трудов Николаевского опубликована в России. Подавляющее большинство его работ остается разбросанным в

самых различных изданиях, малодоступных читательской аудитории. Многие исследования Николаевского, а тем более собранные им серии ценнейших первоисточников, остаются неопубликованными и доступны лишь немногим исследователям, имеющим счастливую возможность работать в архивах.

Борис Иванович Николаевский был ярким представителем того специфического общественного слоя, который в конце XIX – начале XX в. именовали интеллигенцией. Именно это определяло всю его политическую, публицистическую, политологическую и научную деятельность. Именно этими качествами подлинного интеллигента, человека душевно чистого, далекого от корыстных побуждений он должен быть ценен и дорог современному российскому обществу.

Автор: Воронин С.В.

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-227-03424-3

Год: 2012

Страниц: 544